

АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

**От Льва III Исавра
до Михаила III**

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
В27

3-е издание, расширенное и дополненное

Величко, А.М.

В27 История Византийских императоров. От Льва III Исавра до Михаила III / Алексей Величко. — М.: Вече, 2015. — 448 с. : ил.

ISBN 978-5-4444-2760-6

Знак информационной продукции **12+**

Шеститомное сочинение А.М. Величко «История Византийских императоров» раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи — от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображаются в их органической взаимосвязи с жизнью древней Церкви и личностью конкретных царей. В работе детально и обстоятельно изображены интереснейшие перипетии истории Византийской державы, в том числе в части межцерковных отношений Рима и Константинополя. Приводятся многочисленные события времен Вселенских Соборов, раскрываются роль и формы участия императоров в деятельности Кафолической Церкви. Сочинение снабжено портретами всех императоров Византийской империи, картами и широким справочным материалом.

Для всех интересующихся историей Византии, Церкви, права и политики, а также студентов юридических и исторических факультетов.

Настоящий том охватывает эпоху от Льва III Исавра до Михаила III.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4**

ISBN 978-5-4444-2760-6

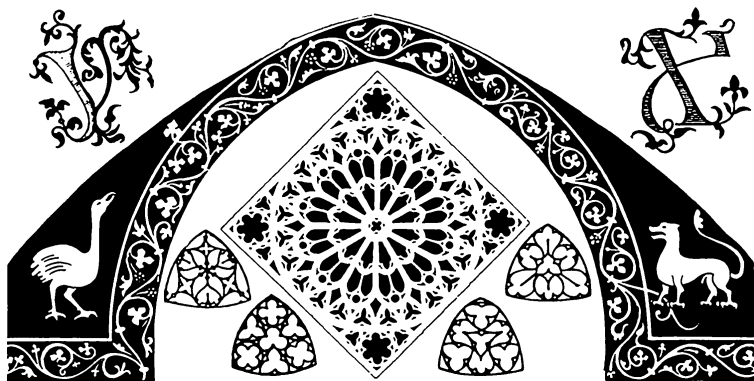
© Величко А.М., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

ИСАВРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXI. ИМПЕРАТОР ЛЕВ III ИСАВР (717–741)

Глава 1. Великий полководец. События в Италии

Император **Лев III** происходил из ничем не выделяющегося киликийского рода, проживавшего в Германикее, и являлся этническим исавром. Его семья была настолько бедной, что некоторые полагают даже, будто Лев в юности работал простым ремесленником¹. При рождении он был наречен *Кононом*, но затем, в силу невыясненных обстоятельств, принял имя *Лев*. Царь был высокого роста, красив собой, приходился своим детям и жене хорошим отцом и мужем². Во время правления императора Юстиниана II его родитель с семейством был переселен в город Месембрию, что во Фракии, где вместе со своим отрядом охранял границу от болгар. Естественно, Лев с раннего возраста приобщился к военному делу и вскоре стал опытным солдатом.

По вполне понятным причинам, которых мы коснемся ниже, некоторые летописцы (вернее сказать, те современники, чьи труды дошли до нашего времени) зачастую изображают его грубым, необразованным, невежественным и жестоким человеком³. И поскольку практически вся литература иконоборцев оказалась уничтожена последующими поколениями почитателей икон, многие факты приходится реконструировать по отдельным деталям. Поэтому негативные оценки не могут быть приняты в полном объеме «на веру». Тем более что об-

стоятельства, при которых пришел к царской власти Лев Исавр, свидетельствуют как раз об обратном.

Мы видим человека глубоко порядочного, верного слову, благо-разумного, не лишённого природной смекалки и воинской хитрости, решительного и бесстрашного. Достаточно напомнить, что, зная о намерении императора Юстиниана II Ринотмета погубить его по подозрениям и ложным обвинениям, он не предал своего господина и верно служил *законному* царю до самой того смерти. В отличие от некоторых других василевсов тех смутных лет, обогривших руки кровью своих предшественников, Лев Исавр сделал все, чтобы переход власти от императора Феодосия III к нему состоялся *бескровно* и без внутренних потрясений. Представим себе обстановку, в которой все это происходило, чтобы оценить благородство духа и благоразумие Льва. Даже летописец, не пылающий к нему любовью, не удержался и назвал Льва «благочестивым царем»⁴.

И другие обстоятельства жизни этого императора, возникшие еще до появления у Льва Исавра мыслей о царском титуле, позволяют подтвердить высокие оценки его личности. Когда в 705 г. Ринотмет вместе с болгарами направился в Константинополь, чтобы защитить свои права на царский трон, Лев поддержал Юстиниана II, явившись в лагерь экс-царя, и Ринотмет не забыл верного слугу. После нового воцарения государь включил Льва в состав царской свиты и даровал ему титул *снафария*. Он настолько полюбил его, что называл «сыном», и это, разумеется, вызвало острую зависть при дворе со стороны аристократов. Был сделан донос, который не подтвердился на следствии. Однако подозрительный Юстиниан II решил на всякий случай избавиться от «сына» и поручил тому опасное задание в надежде, что Лев или сложит свою голову на поле брани, или оправдается делом.

Снабдив Исавра крупной суммой денег, царь отправил Льва в Ала-нию с целью подкупить местных вождей и направить аланов на абазгов, иверов и лазиков, не так давно отложившихся от Римской империи. Поручение было действительно очень трудным и опасным, поскольку аланы не признавали над собой ничьей власти, да и проход к ним был сопряжен с немалым риском. Со Львом находилось всего несколько человек свиты, и он благоразумно оставил выданные ему деньги в Фа-зиде, расположенном неподалеку торговом городе. Пообещав аланам выплатить вознаграждение *после победы*, он сумел подтолкнуть их к военным действиям против абазгов, хотя между двумя народами ранее был заключен мирный договор. Аланы организовали успешный поход и после этого справедливо запросили плату за свою верность импера-

тору. Каково же было разочарование Льва, когда он узнал, что по приказу царя средства, хранившиеся в Фазиде, отозваны обратно в Константинополь. Видимо, тот разуверился в счастливом исходе данного мероприятия и по старой привычке рачительного хозяина вернул их в казну, дабы они случайно не пропали⁵.

Но об этом стало известно и абазгам, царь которых обратился к вождю аланов с просьбой выдать им Льва как виновника нарушения мирных отношений между двумя народами. Однако алан отказался, ссылаясь на то, что война была начата по просьбе императора, которого он очень уважает, а не из корысти. Тогда абазги удвоили сумму, обещанную Львом, и аланы *внешне* соблазнились столь заманчивым предложением. На самом деле предавать Льва, к которому они уже тоже прониклись уважением, им не хотелось, и горцы пошли на хитрость, о чем заблаговременно предупредили римлянина. Они приняли вознаграждение за его голову от абазгов и выдали им Льва вместе с его офицерами, но когда абазги вели пленников через горы, устроили засаду, перебили конвой и освободили своих друзей. Затем, переправив Льва в безопасное место, вместе с ним сформировали большое войско, которое в следующем году вновь напало на абазгов и победило их⁶.

Дальнейшая история напоминает приключенческий роман и свидетельствует о недюжинных способностях Льва как полководца и дипломата. Когда до Юстиниана II дошла весть, что Лев сумел победить абазгов даже без денег и войска, он направил послание, в котором обещал горцам прощение, если те доставят Льва к нему в столицу неприкосновенным. Абазги, презрев гордость, обратились с новым предложением к аварам, предлагая в качестве гарантий своих добрых намерений выдать заложников из числа детей собственной знати. Но Лев проявил разумную осторожность, отказавшись от столь заманчивого предложения. Он еще долгое время оставался в гостях у аланов, высоко чтущих его, пока до него не дошла весть о том, что некий отряд из римлян и армян, осаждавший крепость Археополь, при приближении арабов в панике снял осаду и отошел к Фазиде. Одна из римских частей отстала по дороге и теперь жила грабежом в районе Апсилии. По совету аланов Лев решил пробиться к соотечественникам и взять управление частью в свои руки. Со свитой из 50 воинов-аланов он прошел по снегам через горные ущелья и вскоре действительно встретил искомый отряд, в котором насчитывалось 200 легионеров. С ними он решил пробиваться к морю⁷.

Путь к свободе им преграждала сильная горная крепость с характерным названием «Железная», начальником которой был некто Фа-

расманий, признавший над собой власть арабов, но состоявший при этом в дружеских отношениях и с аланами. На предложения Льва пропустить его к Трапезунду и признать власть Римского императора Фарасманий ответил отказом, и тогда Лев пошел на хитрость. Он устроил засаду неподалеку от крепости и, дождавшись когда ее жители выйдут на полевые работы, приказал воинам начать атаку, надеясь ворваться в крепость. Но замысел не удался — Фарасманий успел закрыть ворота. Оставалось брать крепость штурмом — изначально убийственное предприятие.

Однако тут на помощь Льву пришел правитель апсиров *Марин*. Услышав, что царский спафарий осаждает крепость, варвар посчитал, будто скоро большое римское войско подойдет к тому на помощь. Поэтому, *заранее* демонстрируя лояльность византийцам, он явился ко Льву с отрядом из 300 воинов и предложил свои услуги. Об этом дали знать осажденным, и, испугавшись штурма, Фарасманий тут же согласился признать себя подданным Византийской короны, но римский военачальник уже не доверял ему, опасаясь оставлять у себя в тылу столь сильную крепость. Он получил разрешение от Фарасмания войти в город, но отдал своим солдатам приказ разрушить крепостную стену до основания. Затем вместе с аланами и Марином Исавр дошел до Аписилии, где его встретили с большим почетом. После Лев переехал в Трапезунд и оттуда морем вернулся в столицу⁸.

Как уже говорилось в предыдущей главе, он не застал императора Юстиниана II в живых, но не признал прав Филиппика на престол. Последующие волнения близ царского трона привели к тому, что победитель арабов и глава феи Анатолика стал первым претендентом на царский трон, а затем и императором.

17 марта 717 г. Лев Исавр торжественно въехал в Константинополь через Золотые ворота и был объявлен новым императором Византии. Но вскоре выяснилось, что судьба уготовила Льву испытания, преодолев которые он только и сможет подтвердить свое право управлять Римской империей. После последнего поражения ото Льва Исавра халиф *Сулейман ибн Абдулмалик* (715—718) решил сосредоточить все свои усилия на взятии Константинополя. Уступающий по дарованиям своему покойному брату, он явно превосходил того надменностью и честолюбием. А потому покорение Константинополя для Сулеймана стало делом и чести, и жизни⁹.

Халиф не ограничился сухопутной армией, но приготовил сильнейший флот, должный поддерживать ее с моря и блокирующий город во время осады. Его приготовления были грандиозны — достаточно

сказать, что для строительства кораблей были вырублены практически *все* кедры Ливана. Наконец, завершив приготовления, Сулейман двинул сухопутную армию в 180 тыс. воинов и флот в количестве 1800 судов под командованием полководца Масальма по направлению к византийской столице. Справедливо говорят, что в августе 717 г. Византия оказалась в окружении самых могущественных и многочисленных врагов, которых ей довелось видеть в течение всей своей истории¹⁰.

Опасность была велика, как никогда ранее, и, казалось, нет никакой возможности избавиться от нее. Но на этот раз арабам противостоял не мечтательный Филиппик и не дистанцировавшийся от государственных забот благочестивый Феодосий III, а *гений военного искусства* и талантливый организатор. Хотя известий об этом нашествии в летописях сохранилось немного, но, исходя из событий предыдущих лет, можно без особого труда оценить масштаб воинского подвига нового императора.

Первоначальная ситуация не предвещала Льву III ничего хорошего: армия практически отсутствовала, и сформировать ее за такое короткое время едва ли было возможно — после стольких дворцовых переворотов и полной дезорганизации государственного управления казна оставалась пустой. Отдавая себе отчет, как христианин, что «победу на войне дает не многочисленность войсковых сил, а сила, исходящая от Бога»¹¹, император не забывал и о своих личных обязанностях как царя по защите государства. Прирожденный стратег, Лев в полном объеме использовал немногие возможности, которые ему отпустило время. Едва войдя в Константинополь, он уделил большое внимание укреплению города — благо, что император Анастасий II в свое время потрудился в этом отношении на славу; теперь его труд очень пригодился.

Затем Лев Исавр собрал весь римский флот, вооружив его «греческим огнем», и разработал план морской кампании. Кроме того, он велел изготовить огромную цепь, позволяющую перегородить вход в пролив, и тем самым не позволил сухопутной армии арабов высадиться непосредственно у крепостных стен Константинополя. Наконец, царь использовал союзнические отношения с болгарами и привлек варваров к войне с мусульманами. Небольшие по численности римские отряды, наверняка из вооруженных сил своей фемы, он также мобилизовал для защиты столицы. Казалось, что этого было очень мало, чтобы рассчитывать на успех, но в руках талантливого военачальника и этот минимум оказался достаточным для победы.

Мусульманский флот подплыл к городу, который в считанные месяцы был подготовлен энергией Льва Исавра к обороне. Завидев Кон-

стантинополь, арабы стали на якоря, но через 2 дня подул попутный южный ветер, и враги обложили византийскую столицу. Однако в результате этого арабский флот оказался разделенным на две части, чем и воспользовались византийцы. Отставшие от быстроходных кораблей 20 тяжелых судов с арабскими воинами (по 100 человек на каждом) медленно продвигались по морю, когда Лев направил против них свои суда с «греческим огнем». Как и раньше, арабские корабли горели как факелы — никто не успел прийти к ним на помощь. В результате завязавшегося морского сражения враги понесли большие потери. В тот же вечер арабы попытались подойти к сухопутным укреплениям римлян, но, по несколько неопределенному выражению летописца, «намерение их рассеял Бог молитвами Святой Богородицы»¹². Арабам не оставалось ничего другого, как стать лагерем вдали от города и приступить к длительной осаде, которая уже тем была неэффективной, что не предполагала полной блокады Константинополя. Наверное, они надеялись, что время истощит силы осажденных, но император заранее озаботился снабжением гарнизона и горожан, и византийцы не ощущали недостатка в пище, в отличие от мусульман. Было сделано и несколько штурмов, стоивших арабам невероятных усилий и страшных потерь — и все без результата. В отличие от сарацин потери византийцев были ничтожными: ведь их охраняли высокие и крепкие стены, преодолеть которые врагу было не под силу.

Месяц менял месяц, приближалась нелегкая фракийская зима, в этот год выдавшаяся особенно холодной и длинной. Проблема осложнялась еще и тем, что по своему обыкновению арабы направились в этот поход, не особенно задумываясь о тыловых коммуникациях. Привыкнув к тому, что сама война должна кормить их, арабы не запаслись продовольствием и теплой одеждой, не подготовили ни продовольственных обозов, ни фуража. Изначально, идя в поход, каждый воин взял с собой всего лишь 2 кг зерна на первое время, рассчитывая кормиться с захваченной территории. Увы, на этот раз старая испытанная стратегия дала сбой¹³.

Вскоре полководец Масальма со своей армией начал испытывать уже очень большие трудности, не надеясь найти против них хоть какой-то рецепт. В один момент времени, казалось, забрезжила надежда: Сулейман умер от несварения желудка, его место занял *Умар II ибн Абдулазиз* (718—720), и Масальма молил Небо, чтобы тот дал долгожданный приказ о снятии осады. Но новый халиф горел желанием добыть в бою громкую славу, а потому надеждам Масальмы не удалось сбыться. Более того, рожденный в роскоши, как все Омейяды, Умар

скоро оставил радости жизни и стал ревностным мусульманином, горевшим религиозным жаром. Разумеется, вместо долгожданного отступления Масальма получил приказ приступить к более активным действиям. Для этого новый правитель арабов обещал своему полководцу сильные подкрепления и продовольствие.

Несколько слов скажем о халифе Умаре, личности далеко не ординарной для своего времени. Практически отказавшись от государственного содержания (на свой двор халиф тратил не более 200 динаров в год), не претендуя ни на одну монету из захваченной добычи, он многое сделал для укрепления Халифата. При нем строились дороги, постоянные дворы, копались колодцы. Жалованье чиновникам резко увеличилось, зато расправа за взятки и нерадение стали частым явлением — не худший способ повысить эффективность государственного управления. При Умаре ислам приняли многие жители из числа покоренных народов, а богословы стали самыми желанными гостями дворца халифа. Правда, в военных делах удача не сопутствовала Умару. В Азербайджане местные тюрки нанесли арабской армии тяжелое поражение. Естественно, Умару не терпелось взять реванш на другом фронте против главного *стратегического* противника арабов¹⁴.

Конечно же, халиф знал о состоянии дел под Константинополем, а потому предпринимал все меры для укрепления своей армии, бесславно застрявшей на берегах Босфора. Но пока шла помощь, скот у арабов, простаивавших близ Константинополя, погибал в ужасающих количествах, а с великим трудом добытое продовольствие катастрофически быстро таяло. Отряды фуражиров уничтожались во Фракии болгарами, а в Малой Азии их истребляли византийские конные отряды. Только страх перед гневом халифа останавливал Масальму от своевольного отступления.

Весной 718 г. к нему на помощь все-таки прибыл большой флот под командованием Софиана, куда входило более 300 судов с хлебом. Корабли стали на якоря возле Вифинии, опасаясь подойти к Константинополю ближе из-за «греческого огня». Затем прибыл второй арабский флот из Африки, который вел флотоводец Изид, численностью около 360 кораблей. Обе армады объединились и направились к Константинополю, но навстречу им Лев III уже направил быстроходные суда с «греческим огнем». На свою беду, арабы не учли, что многие наемные моряки их флота являются христианами, желавшими помочь своим братьям в тяжелой ситуации. Поэтому, когда начался бой, арабский флот потерпел сокрушительный разгром, а продовольствие и припасы достались византийцам¹⁵.

Деморализованные арабы пытались обеспечить себя снабжением путем грабежа, но отряды мардаитов (ливанских разбойников-христиан, служивших Византийскому императору), расположенные в Ливе и Софоне, непрестанно нападали на них, от чего мусульмане несли большие потери. Прибавили активности и болгары, от меча которых погибло, как говорят, более 22 тыс. арабских воинов¹⁶.

Положение Масальмы из тяжелого быстро стало *безнадежным* — его солдаты ели падаль и даже собственные испражнения. Как и следовало ожидать при таком уровне смертности, вскоре арабов поразила чума, ежедневно уносившая сотни жизней¹⁷. Каковы же были их мучения, когда они видели, как византийцы беспрепятственно ловят рыбу в проливе на их глазах, ничего не опасаясь! Наконец, совершенно деморализованный, 15 августа 718 г. Масальма снял осаду. Сухопутное войско переправилось на оставшихся кораблях на материк и направилось к Дамаску, поражаемое чумой и преследуемое летучими отрядами греков. Остатки флота отплыли в Африку, но буря, разыгравшаяся в Эгейском море, окончательно уничтожила его. Судя по описанию событий, шторм вызвал подводный вулкан, проявивший невероятную активность. В результате из 2600 кораблей обратно вернулось только 5 (!), а из 180 тыс. солдат — не более 40 тысяч¹⁸. Эта утратившая внешние признаки армии, обнищавшая, лишенная оружия и снаряжения *толпа* уже не способна была к наступательным операциям.

Не случайно в течение многих лет арабы оправлялись от нанесенного им поражения и фактически прекратили военные действия в других направлениях. Историки в один голос утверждают, что своей победой Лев III спас не только Римскую империю, переживавшую глубочайший кризис, но всю Европу и вообще *христианскую цивилизацию*. Победа Льва III была тем более блестящей, что не стоила Римской империи почти никаких людских потерь. Соотношение погибших являлось настолько ошеломляющим, что арабы были потрясены — никто и никогда ранее не добивался в войне с ними таких успехов. Их поразила гибель лучших воинских подразделений, полководцев, офицеров и всего громадного флота.

Только в 732 г. арабы осмелились начать военные действия, переправившись через Пиренеи на юге Франции и столкнувшись с франками. Однако их относительно немногочисленное войско — не более 35–40 тыс. воинов — окажется разгромленным Карлом Мартеллом. Нет никаких сомнений в том, что победа франков была *предопределена* Львом Исавром в 718 г. — у арабов просто уже не оставалось людских ресурсов, чтобы, как раньше, обеспечить подавляющий перевес своей

армии над противником и воевать на два фронта одновременно. Не случайно битву при Пуатье многие специалисты именуют «лишь эпизодом в долгом деле изгнания арабов из Южной Галлии»¹⁹. Впрочем, этой истории мы коснемся немного ниже.

Нет никаких сомнений в том, что победа Льва Исавра над арабами у стен своей столицы относится к наивысшим военным достижениям всемирной истории. И вновь выделился почерк полководца — не вступая во *фронтальные столкновения*, заставляя врагов действовать по своему плану, Римский император сохранил собственные силы, многократно уступающие врагу, и использовал естественные стихии для уничтожения арабов.

Второе испытание, выпавшее на долю Льва Исавра, заключалось в необходимости вести борьбу с узурпаторами. Опасность подстерегала его царствие с первых же месяцев. Уже в 717 г., получив известие об осаде арабами Константинополя, командующий сицилийским войском Сергей решил венчать на царство некоего Василия, которого переименовал для благозвучия в Тиверия. И на этот раз законный царь продемонстрировал завидную решительность и оперативность. Он тут же направил в Сицилию своего чиновника Павла, назначив того патрицием и новым правителем острова. Узнав о его прибытии, Сергей и узурпатор обратились за помощью к лангобардам, располагавшимся неподалеку, но Павел опередил их. Он собрал народ, ознакомил их с грамотой царя, поведал о победах, одержанных византийцами над арабами, и тем самым решил все вопросы. Василия выдали царскому представителю, казнили, а голову отправили в столицу. Других сторонников заговорщиков Павел помиловал: кому-то отрезали носы, кого-то высекли, но всем сохранили жизнь. Кстати сказать, был пощажён и Сергей, глава заговора. Увидев, как успешно Лев Исавр поставил на место узурпатора, лангобарды успокоились и согласились сохранить с Римской империей мирные отношения²⁰.

Через год, в 719 г., организатором нового заговора против императора Льва III стал некто магистр армии Никита Ксилонит, очень обеспеченный человек и большой сановник. С ним тайно снесся проживавший в одном из монастырей Фессалоники бывший император Анастасий II и предложил тому при помощи болгар, с которыми уже вступил в тайное соглашение, восстановить собственные права на царство. Будучи опытным в государственных делах человеком, Анастасий написал письмо византийскому дипломату, пребывавшему в Болгарии, патрицию Сиссинию, и уговорил того выступить перед Болгарским ханом *Тервелом* своим представителем, сановник дал согласие

на это. Постепенно к заговору примкнул правитель фемы Опсикия, первый секретарь императора Феоктист, начальник крепостных стен Константинополя Никита Анфрак и Фессалоникийский архиепископ. Очевидно, искушение было слишком велико, и Анастасий, сложив с себя духовный сан, отправился к Тервелу, снабдившему его войском и деньгами. К несчастью для заговорщиков, император своевременно узнал о заговоре и принял предупредительные меры. Он арестовал и затем казнил Никиту и Феоктиста, а болгарам напомнил о мирном договоре, заключенном с ними. Авторитет Льва как полководца и его тяжелая рука уже были известны болгарам, и они заколебались.

Подойдя к Константинополю, Анастасий, к прискорбию для себя, обнаружил, что город не желает принять его в качестве своего царя — не помогли даже деньги, при помощи которых претендент попытался купить расположение константинопольцев. Он стал лагерем возле столицы, но болгары, как всегда не очень верные своему слову, поняли, что, не сумев взять власть с ходу, Анастасий *уже* проиграл битву за царский пурпур. Болгары посчитали, что им гораздо выгоднее сохранить добрые отношения с Львом Исавром, чем пытаться насильно водворить на престол неудачника Анастасия. Не тратя времени, они убили нескольких близких к узурпатору людей, выдали самого претендента императору, который щедро отблагодарил их, устроив пышный пир, а затем вернулись на родину. На этот раз наказание мятежникам было гораздо более тяжелым — их казнили (включая Фессалоникийского архиепископа), и царь конфисковал имение Ксилонита в пользу казны. Других соучастников, в частности командующего фемы Опсикия Исою, он наказал отрезанием носа²¹.

Наконец, третий заговор составилсЯ позднее, уже после начала новой церковной политики царя, ориентировочно в 727 г. Соединенные войска Эллады и Кикладских островов под руководством Агаллиана Турмаха и некоего Стефана избрали себе нового императора по имени Козьма и отправились на кораблях к Константинополю. Но имперский флот, вооруженный «греческим огнем», во главе со Львом III опять одержал решительную победу. Оставшиеся в живых солдаты из противоборствующей армии просили пощады, и им действительно сохранили жизнь. А Козьма и Стефан были казнены²².

Нет ничего удивительного в том, что, желая закрепить права своей династии на трон, Лев III венчал в 719 г. годовалого сына, будущего императора *Константина V*, на царство.

Завершив борьбу с внутренними врагами, царь оставшееся время своего правления посвятил двум основным проблемам: борьбе с ара-

бами и совершенствованию законодательства. Надо сказать, Византийская держава к тому времени являла собой печальное зрелище. Две трети территории Империи были захвачены или разорены арабами, государство лишилось почти половины своих подданных. Целые народы спасались бегством от надвигающихся со скоростью ветра мусульман, отступая или в горные районы, недоступные пока еще для тех, или в Константинополь. Столица Византии наполнилась нищими и беженцами, голод стоял страшный, а денег в казне не было. Это была в буквальном смысле слова *кровотокающая* Империя²³.

Поскольку военные столкновения с мусульманами происходили ежегодно, Лев буквально по ходу событий, не имея никакой передышки по времени, менял систему управления войсками, формировал новую армию и предпринимал деятельные шаги для улучшения управления страной в условиях военного времени. Он восстановил в войсках строжайшую дисциплину, и его авторитет *царя-победителя* способствовал этому. Обладая острым и проницательным умом, император сумел найти молодых талантливых военачальников, полководцев и управленцев и из них вскоре создал мощный военный штаб, которому можно поставить в заслугу выработку *стратегии* борьбы с арабами.

Наконец, царь усовершенствовал и довел почти до идеала фемное устройство, введенное еще его предшественниками. Выгоды этой системы административного управления Римской империей заключались в том, что вместо громоздких провинций с большим (относительно, конечно) штатом чиновников, не способных принимать оперативные решения, вся власть в фемах была передана в руки *стратигов*, являвшихся одновременно и военными, и гражданскими правителями. Все стратиги были подчинены *непосредственно* царю, который теперь мог не опасаться бойкота своих указаний и — важная деталь — очередных заговоров. Каждый из правителей фем имел собственные задачи и подчиненные ему войска, которые без личного приказа царя не смели пересекать внутренние границы Римской империи²⁴. Вооруженные силы фем формировались здесь же, на местах, и были способны отразить рядовой набег мусульман. Для более крупных операций эти отряды могли быстро собраться в условленном месте, что многократно повышало мобильность византийской армии²⁵.

Постепенно, из десятилетия в десятилетие, от одного арабского набега к другому, испытывая себя на собственных успехах и неудачах, фемная система отливалась в оптимальные формы, ставшие опорой Византийской государственности. Так, например, в отличие от первых фем времен императора Ираклия Великого, при Льве Исавре число

фем резко возросло за счет их площади. Они стали более мелкими и вскоре негласно разделились между собой на пограничные фемы, подверженные арабским нашествиям, и фемы внутренние, тыловые, для которых частые боевые действия стали уже редким явлением. Если в первом случае стратиг по-прежнему сохранял всю полноту власти относительно и военного, и гражданского управления, то во втором случае его компетенция почти не касалась сферы обычной жизни. При этом руководители гражданских ведомств были ответственны за состояние дел не только перед стратигом, но и непосредственно перед императором. Так возникала эта универсальная и чрезвычайно эффективная система государственного управления, которой Византия обязана многими *стратегическими* (в первую очередь) военными победами. И как раз многие удачные преобразования были инициированы Львом III и его правительством²⁶.

Нет никакого сомнения в том, что император и его царственный сын, с малолетства участвовавший в управлении Римским государством, отдавали все время служению отечеству. Позднее, в знаменитой «Эклоге», они совершенно искренне напишут: «Мы заняты заботами и неусыпно устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу» («Эклога», введение). Как видим, их труды были далеко не напрасны.

А что же враги? Несколько лет после поражения у стен Константинополя арабов занимали исключительно внутренние проблемы. Но затем продолжающаяся экспансия на севере Испании привела к столкновениям с *Эдом* (700—735), герцогом Аквитании, добившимся признания самостоятельности своей страны от могущественной Австразии, объединявшей вокруг себя франкское племя. Эд был опытный полководец, и в 721 г. он разгромил в битве арабскую армию под командованием аш-Шамса ибн Малика. Эта победа имела широчайший резонанс и праздновалась как спасение Западной Европы от мусульманского нашествия. Сам Римский папа прислал Эду богатые подарки и слова признательности. Стало ясно, что легкие успехи, которые были так часты на первых порах завоевания арабами Испании, уже уходят в прошлое.

А вскоре в результате заговора погиб халиф Умар, и ему наследовал сын *Йазид II ибн Абдумалик* (720—724), не сумевший стать героем своего времени. Правда, некоторая удача ждала его в Персии, которая в очередной раз безуспешно попыталась отложиться от сарацин. Но и только. Изнеженный сибарит, предпочитавший общество наложниц военному совету, халиф мало интересовался делами своего государства.

Неудивительно, что вскоре взбунтовались тюрки Согдианы, на усмирение которых была направлена большая армия. Некоторые успехи ожидали арабов на юге Франции, где они заняли город Лион, но это были *фрагментарные* победы. Еще одна армия под руководством Умара ибн Хубайра, сформированная в Армении, направилась на границу с Византией, но успеха не имела²⁷.

Потом умер и Йазид, новым халифом стал его брат *Хишам I ибн Абдулмалик* (724—743). В 725 г. он попытался совершить новый поход на римлян, но, по словам летописца тех событий, «вернулся с великой потерей» — Лев Исавр вновь нанес арабам тяжелое поражение. В 726 г. небезызвестный нам полководец Масальма сделал набег на Кесарию Каппадокийскую, но в Сирии свирепствовала какая-то страшная болезнь, настигшая и арабов. Кроме того, в силу не вполне понятных событий, туманно описанных современниками, арабы потеряли свой выючный скот, после чего вынуждены были вернуться обратно. Правда, в этом же году они успешно высадились на Кипре, а в следующем захватили город Сиракузы на Сицилии. Но и эти успехи не стали *переломными* в ходе военных действий.

В 727 г., пользуясь тем, что очередные узурпаторы посягнули на власть Римского царя, арабы под руководством самого эмира попытались захватить город Nikeia Вифинскую. Халиф шел во главе армии с 15-тысячным авангардом, его брат Муавия следовал за ним с остальным войском, насчитывавшим 85 тыс. солдат, — впрочем, эти данные наверняка завышены. Но попытки взять город штурмом не принесли успеха, хотя арабам удалось даже разрушить часть городской стены. Ограбив окрестности, арабы бесславно вернулись в Дамаск²⁸. Однако в следующем году им удалось овладеть крепостью Атеей.

Озадаченный постоянными набегами арабов, Лев III заключил договор с хазарами, которые в свою очередь начали сильно беспокоить мусульман. Это был очередной и блестящий дипломатический успех царя, далеко не простой по своему исполнению замысел — привлечь дополнительные силы для борьбы с арабами. И уже в 729 г., исполняя союзнический долг, хазары совершили разрушительный набег на Персию и Армению, разгромив арабское войско под руководством полководца Гараха, который погиб в сражении. Это нашествие навело на мусульман ужас, и в 730 г. Масальма по приказу халифа пошел на них войной, но потерпел тяжелое поражение и бежал в Дамаск²⁹.

Впрочем, очень скоро Масальма восстановил свои силы, получил подкрепление и вновь направился в поход против хазар — на этот раз успешный. Он разбил кочевников в бою и даже пленил сына кагана.

Правитель Хазарии направил новую армию, чтобы освободить сына, но и та была разгромлена сарацинами. Увы, эта удача была затемнена страшными поражениями, понесенными арабами на Востоке. Тюрки сумели овладеть Самаркандом, а в Герате восстали племена афгани, державшие в напряжении местного правителя провинции³⁰.

Использование врагов своих соперников для целей Римского государства — старая как мир стратегия, которую нужно было продолжать. И для упрочения союзнических отношений Лев Исавр применил старый испытанный способ: в 732 г. он женил своего сына Константина V на дочери Хазарского хана, принявшей после крещения имя *Ирина*³¹. Как видно из летописей, переход в православие был далеко *не формальной* процедурой, обычно сопутствовавшей женитьбе. И вскоре новая царица стала известна всему христианскому миру как ревнительница благочестия и веры.

Все же арабы были еще очень сильны и имели отдельные успехи. В 731 г. они захватили крепость Харсиан в Каппадокии, в 733 г. опустошили отдельные районы Малой Азии, в 738 г. повторили набег на азиатские провинции, а в 739 г. захватили крепость «Железная». Однако стратегический успех был уже на стороне римлян. Развитию арабской инициативы опять много мешали хазары. И хотя кочевники на время признали над собой власть Арабского халифа, мусульмане были вынуждены постоянно отвлекаться на хазарскую угрозу, не имея возможности сконцентрировать должное количество войск на византийской границе³².

Но главная неудача ждала арабов во Франции. В 725 и 726 гг. Эд Аквитанский сумел дважды разгромить мусульман, и те даже потеряли своего командующего, убитого стрелой во время переправы через реку Рону. Но сарацины быстро оправились и захватили города Ним и Каркассон — что называется, на свою беду. Остатки разгромленного войска Эда Аквитанского соединились с армией мажордома Австразии *Карла Мартелла* (717—741) — ввиду надвигающейся опасности враги позабыли старые обиды и соединились. В октябре 732 г. сарацины и франки встретились близ Пуатье для решающей битвы, которая выдалась чрезвычайно упорной. Восемь дней успех переходил от одной стороны к другой, наконец, арабы побежали; их полководец Абдуррахман погиб, не желая отступать. Конечно, эта битва не может идти ни в какое сравнение с разгромом арабов у стен Константинополя — достаточно сказать, что Мартелл еще дважды направлялся в поход против мусульман, чтобы освободить от них Бургундию и Прованс. Но, с другой стороны, резко активизировала африканских берберов, под-

нявших в 740 г. восстание против арабов, значительно ослабившее мусульманскую экспансию в Испании³³.

Эта передышка во времени была использована императором в полном объеме. И в 736 и 737 гг. реорганизованные им римские войска нанесли тяжелые поражения арабам в Армении и Азии, а в 740 г. оба царя, отец и сын, в решающем сражении *разгромили* мусульман у города Акраина во Фригии. Более того, византийская операция, параллельно развивающаяся в Африке, также имела серьезный успех — стоявшие там арабские войска были наголову разбиты³⁴. Как следствие, вновь восстали хазары, земли которых арабы были вынуждены спешно оставить. Помимо прочего, эти поражения означали провал попытки арабов распространить мусульманство среди представителей хазарского племени.

Можно смело сказать, что после эпохальных побед Ираклия Великого это были самые выдающиеся достижения римского оружия и византийской дипломатии за последние 100 лет!

Заметим, что Лев III был не только талантливым военачальником, но и умелым хозяйственником. В последний год жизни царя сильнейшее землетрясение потрясло Константинополь. Стихия повергла наземь статуи св. Константина Равноапостольного, св. Феодосия Старшего, императора Аркадия, разрушила городские стены со стороны суши и множество городов во Фракии. Но, ввиду постоянной опасности быть подвергнутым набегам арабов и болгар, царь велел собрать с каждого горожанина по одной золотой монете и быстро восстановил крепостные укрепления³⁵.

Куда менее радужными были перспективы византийцев на Западе, в Италии, особенно после возникновения церковного раскола после запрета почитания икон, быстро переросшего в *политический*. Пользуясь возникшим конфликтом между Римским папой *Григорием II* (715—731) и императором, о котором речь пойдет ниже, Лангобардский король *Лиутпранд* (712—744) решил реализовать свою давнюю мечту, скопированную с идеи гота Теодориха, присоединить к собственным владениям Центральную и Южную Италию и образовать *независимое государство лангобардов*.

Следует сказать, что Лиутпранд был поистине исторической личностью. При нем королевство лангобардов не только освободилось от вечных внутренних междоусобиц между аристократами, но и получило блестящее законодательство, суд и вполне приемлемые налоги. За 22 года Лиутпранд опубликовал более 150 законов, разместив их в 12 книгах. Помимо этого им было организовано эффективное госу-

дарственное управление на местах, вернувшее стабильность в деревню и мелкие поселки. Создание дружеских и доверительных отношений с Римской курией стало одной из главных задач короля лангобардов. Он всячески подчеркивал сакральный характер королевской власти и, как истинный сын Кафолической Церкви, изгнал из своего государства волхвов и гадалелей. Само собой разумеется, развитие государства лангобардов в Италии не могло не привести их к столкновениям с византийцами, вовсе не собиравшимися уступать германцам свои исконные владения на Западе.

Когда экзарх Равенны Павел был убит в Риме, Лиутпранд совершил неожиданное нападение на гавань Классис, а затем захватил и саму Равенну, оставшуюся без управления со стороны Византийского императора. Затем лангобард овладел городами Эмилия и Пентаполис, продемонстрировав горячее желание стать властелином Рима. Но в тот момент времени папа Григорий II сумел перехватить инициативу. Поскольку лангобарды уже в массе приняли христианство, он применил всю мощь своего духовного авторитета, чтобы склонить Лиутпранда к миру, попутно прислав тому щедрые дары. Король согласился, не в силах переступить через некую невидимую грань уважения и боязни, и даже отдал папе город Сутри, на который давно уже претендовал Римский епископ.

Но мирный договор между королем и папой носил временный характер, и понтифик это прекрасно понимал. Не дожидаясь, пока лангобарды продолжат свое наступление, он решился на хитрую и многоходовую комбинацию, преследующую разноплановые цели. В первую очередь папа пожелал избавиться от лангобардской угрозы, затем захватить Равенну и, наконец, столкнуть византийцев с германцами, чтобы за счет ослабления обеих сторон закрепить свое могущество³⁶.

В Венеции, куда отправились его послы, чтобы *тайно* поднять венецианских греков на войну с Лиутпрандом, уже находились посланники Льва III, прибывшие с аналогичными задачами. Первосвященнический сан не рождает сам по себе святости: папа легко предал собственных союзников, сговорившись с византийцами о совместных действиях *против* лангобардов. В порыве вдохновения Григорий II даже именовал в послании императоров Льва III и Константина V «своими государями и сынами», назвав германцев «подлым народом».

Начались военные действия, крайне неудачные уже для лангобардов. Но здесь, словно очнувшись, Лиутпранд продемонстрировал умение вести дипломатию не менее коварными способами, чем папа. Он *немедленно* заключил союз с Константинополем, также опасавшимся

растущих аппетитов папы и недовольным его фрондой царю, и в 729 г. подчинил себе два герцогства — Сполетто и Беневет. Лангобардское войско подступило к Риму, и, казалось, апостолику спасения ждать было неоткуда. Но папа в очередной раз продемонстрировал высоту духа и мужество. Он явился в лагерь лангобардов и обратился к королю с увещательной речью. Пораженный поступком и словами понтифика, Лиутпранд пал перед ним на колени, признав Римского епископа единственным носителем Божественной власти на земле. Сняв лагерь, король отправился обратно.

Дальнейшие события носили поистине калейдоскопический характер. Отказ Лиутпранда от высших прерогатив вызвал появление в Италии целого ряда узурпаторов, стремящихся овладеть Римской короной. Но тут уже папа продемонстрировал лояльность императору Льву III. Когда некто Тиверий Петазий, герцог Тусции, заявил свои права на Византийский трон, Григорий II направил против него римскую милицию, и вскоре голова самозванца была отправлена в Константинополь как свидетельство верности апостолика³⁷. Но 10 февраля 731 г. папа Григорий II скончался.

Новый папа *Григорий III* (731—741), кстати сказать, этнический сириец, не принес успокоения Италии. Он наотрез отказался от каких-либо компромиссов в отношении церковной политики Льва III, что вызвало очевидную реакцию Константинополя. Весной 733 г. император отправил в Италию флот, чтобы наказать апостолика, однако по злому стечению обстоятельств корабли погибли во время бури в Адриатическом море.

Тем временем папа спешно искал союзников в самой Италии и нашел их в лице герцогов Сполетто, Тразамунда и Годшалька Беневетских, тайно пообещав тем взамен военной помощи поддержку в их стремлении выйти из-под власти Лангобардского короля. Совместно союзники начали военные действия против Лиутпранда, оказавшиеся не очень удачными для них, и когда в 739 г. Тразамунд бежал в Рим, чтобы искать защиты у папы, тайный договор стал для всех явным. Король был явно сбит с толку, не зная, как поступить. Лангобард все еще испытывал глубокий пиетет перед преемником святого апостола Петра, но коварная папская дипломатия грозила многими бедами самим лангобардам, а потому оставлять предательство папы без последствий было нельзя; приходилось искать некое среднее решение. В поисках лучшего решения Лиутпранд тем временем занял города Амелию, Горту, Полимарциум и Бледу, но не стал осаждать Рим и вернулся с войском в Павию. Вдохновленный отступлением германцев, папа пе-

редал Тразамунду свое войско, чтобы тот смог отвоевать захваченные Лиутпрандом города, но герцог, вернув Сполетто, отказался служить замыслам понтифика и начал собственную игру.

В этот момент папа понял, что в результате порожденной им самим хитроумной интриги *остался без союзников*, один на один с врагом, а лангобарды уже приближались к Риму. В значительно степени *вынужденно*, понимая, что с Востока помощи ждать едва ли возможно, Римский епископ начал искать новых союзников на Западе. Когда в 740 г. лангобарды возобновили угрозы Риму, папа Григорий III направил письмо Карлу Мартеллу с отчаянной просьбой. «Мы находимся в крайней нужде, и денно и нощно льются слезы из наших глаз, ибо мы должны постоянно смотреть на то, как Церковь Господня оставлена теми, на которых она возлагает надежды, и как Лиутпранд и Гильпранд, короли лангобардов, огнем и мечом уничтожают в Равенне все, что уцелело от прошлогоднего опустошения. Они даже и сюда, в римские пределы, прислали свои войска и подобный же вред причинили нам и теперь причиняют: они разрушили все крыльцо св. Петра и, что только нашли, все унесли с собой».

Надо сказать, понтифик верно оценил могущество потенциального союзника. Карл, получивший за храбрость прозвище Мартелл (*молот*), сын простой наложницы, имел прирожденные качества, предопределившие его превосходство над остальными франкскими вождями. В 717 г., разбив конкурентов, он открыл для себя путь на Париж. А в 719 г. совершил поход на Везер и изгнал оттуда саксонцев. Решительный и совершенно беспринципный в выборе средств, он в скором времени захватил всю Австрию и Нейстрию, без сожаления раздавая земли своим сторонникам. Мудрый управленец, Карл быстро понял, что без политики христианизации захваченных земель он долго не удержит их в своей власти. Вершиной его успехов, как указывалось выше, стала знаменитая битва при Пуатье, когда он разгромил арабов и присоединил к своим владениям Аквитанию — герцог Эд умер буквально через 3 года после этого исторического сражения³⁸.

И все же, с учетом всех обстоятельств дела, обращение к Мартеллу являлось откровенным унижением папы. Понтифик много объяснялся перед франком, просил того поверить ему или прислать верного человека, который убедится во лжи лангобардов, а затем, переходя все допустимые границы, признал Карла *своим владыкой*. Именно это следует из символического акта передачи вождю франков ключей св. Петра и приглашения принять титул римского патриция. «Умоляю тебя во имя Живого и Истинного Бога и ради святых ключей от гроба

св. Петра, которые мы при сем посылаем тебе, не предпочитай дружбы королей лангобардских любви к князю Апостолов, но докажи нам, что *ты — вся наша после Бога опора* (выделено мной. — А. В.); и тогда вера твоя и доброе имя будут известны всем народам»³⁹.

Признав франка своим властителем, папа тем самым отвергал над собой политическую власть Византийского императора — шаг, разрушавший мировоззрение современников той эпохи. Даже для свободлюбивых лангобардов, желавших создать собственное государство, казалось естественным, что *над ними* царит и вечно будет господствовать владыка Вселенной, Римский царь. Теперь оказывалось, что папа готов *уравнять* статус Византийского императора и франкского мажордома (даже не короля, поскольку Мартелл никогда этот титул не носил), управляющего делами, — было от чего прийти в негодование в Константинополе и в растерянность в Галлии.

Предложение папы было столь необычным и неожиданным для Мартелла, что тот попросту не ответил Григорию III. А лангобарды, не теряя времени, продолжили свой поход на Рим, оказавшийся в великой опасности. Впрочем, никто из действующих лиц не узнал, чем завершится эта история: 18 июня 741 г. умер Лев III Исавр, 11 октября 741 г. — Карл Мартелл, а 27 ноября того же года скончался Григорий III⁴⁰.

Но в целом для непредубежденного свидетеля тех событий становилось ясно — Италия уже *почти* не принадлежит Византийской империи, а вскоре навсегда будет исключена из числа владений Римского императора. И если предыдущие территориальные потери в пользу сынов германского племени были обусловлены всеокрушающим натиском готов, лангобардов и франков, то теперь Империя уменьшалась в объемах вследствие внутренних неурядиц и все более проявляющихся амбиций Римского епископа стать *независимым* от Константинополя владыкой Рима и даже всей Италии. Пока еще эти устремления носят спорадический характер, но вскоре, уже буквально в ближайшее царствование сына Льва Исавра, они примут характер устойчивой, последовательной политики пап с явно выраженной мотивированной и идейной подоплекой.

Глава 2. Мудрый законодатель

Война и нужды государства заставили Льва III уделить самое серьезное внимание вопросам организации народной жизни. Прекрасно понимая, что «деньги — кровь войны», он действовал как бережливый

и рачительный хозяин, не тратя ни одной номизмы на пустые цели. С одной стороны, облегчая жизнь населения, царь резко уменьшил податный налог, с другой — монополизировал в руках государства многие финансовые операции. Император не столько стремился к увеличению налогового бремени, сколько желал, чтобы все земельные владения, внесенные в кадастр, стали объектом *реального* налогообложения, чем вызвал недовольство главным образом крупных землевладельцев.

Это недовольство тем более усилилось, что, во избежание захвата земель средних землевладельцев крупными собственниками угодий, Исавр отменил патронаж, под видом которого и происходили эти захватнические операции⁴¹. Вместе с этим он покровительствовал торговле, добившись ее безопасности, и обеспечил быстрое, эффективное и справедливое судопроизводство⁴².

После многих десятилетий внутренних волнений и заговоров, военных поражений и полного расстройств судебной системы, коррумпированной насквозь, Римская империя увидела царя, решившего создать «*государство справедливости*». Его мысли, впечатанные в законодательном сборнике 740 г., получившем название «*Эклога*», не могут не вызвать восхищения уровнем правосознания императора, глубоким пониманием им своих задач и ответственности перед Богом и людьми.

«Так как Бог вручил нам императорскую власть, такова была Его благая воля, Он принес этим доказательство нашей любви к Нему, сочетающейся со страхом, и приказал нам самое послушное стадо, как корифею апостолов Петру; мы полагаем, что ничем не можем воздать Богу должное скорее и лучше, чем управлением доверенными Им нам людьми — согласно закону и с правосудием. Так, чтобы, начиная с этого времени, прекратились всякие незаконные объединения, и чтобы были расторгнуты сети насильственных сделок по договорам и пресечены были стремления тех, кто грешит, и чтобы таким образом под Его всемогущей рукой нас увенчали победы над врагами более драгоценные и более почетные венчающей нашу голову короны. И чтобы установилось у нас мирное царствование и прочное управление государством»⁴³.

Чиновничьи беззакония, от которых так страдали византийцы, должны быть прекращены: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем воздержаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять

без преследования несправедливо поступающего могущественного человека и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение, как более выгодному, несправедливости и лихоимству». Нетрудно обнаружить *принцип равенства сторон перед законом*, красной нитью проходящей по тексту «Эклоги».

Особые наказания император обращает в адрес судей, творящих правосудие, помыслы которых должны быть кристально чистыми. «Те, в души которых ранее не заложена истинная справедливость и которые либо испорчены страстью к деньгам, либо потворствуют дружбе, либо мстят за вражду, либо опасаются могущественных людей, не могут судить справедливо». И далее: «И вот это определено нами как увещевание (и как предупреждение) тем, кто понимает справедливость, но уклоняется от истины. Тем же, кто лишен разума и потому не может этого постигнуть и воздать каждому по ровну, скажем словами Иисуса из Сираха: пусть ни от Господа величества не ищут, ни от царя постов не просят, судьями пусть быть не спешат, так как уничтожить несправедливость они не в состоянии»⁴⁴.

Для того чтобы избежать коррупции в судебной среде, император указывает в «Эклоге», что решил создать судебский корпус из чиновников, состоящих на финансировании государства⁴⁵.

Понятие «справедливость» имеет для императоров совершенно конкретное содержание. Они без обиняков отмечают, что уповают на Христа и служат Ему, понимая свой долг в распространении и укреплении того закона, который дан Спасителем. Так, завершая введение, цари пишут: «Мы стремимся служить Богу, вручившему нам скипетр царства. С этим оружием мы печемся о порученном Его властью нашей кротости христоименном стаде, чтобы оно росло в добре и преуспевало. Этим мы стремимся восстановить древнее правосудие в стране»⁴⁶.

Хотя «Эклога» имеет всего 18 титулов, она обнаруживает ярко выраженную тенденцию еще более ввести *христианские принципы* во многие правовые институты и общественные отношения Римского государства⁴⁷. Если законодательство времен императора св. Юстиниана I Великого проникнуто еще духом классического римского права, то все законоположения «Эклоги» апеллируют к Священному Писанию. Они находят в нем *обоснование для правовых норм*, установленных императором. Этот замечательный памятник законодательства VIII века со всей очевидностью опровергает иногда высказываемый тезис об императорах-иконоборцах как реформаторах Церкви, носителях светских идей и замыслов.

Первые три титула «Эклоги» посвящены брачным отношениям, причем закон, несопоставимо с прежними актами, обеспечивает правовое положение женщины. Например, глава 2 титула III устанавливает, что в случае смерти мужа ни один кредитор, ни даже казна, не вправе обращать взыскание на имущество умершего, пока вдова не восполнит свое приданое из общей семейной собственности. Титулы V и VI посвящены вопросам наследования, титулы с X по XIII и XV, XVI регулируют вопросы гражданско-правовых сделок, титул XIV определяет обязанности свидетелей. Глава 51 титула XVII устанавливает, что клеветник подлежит такому же наказанию, которому подлежит лицо, ложно обвиненное им.

Вопросам уголовной ответственности посвящен XVIII титул «Эклоги». Он относительно большой в сравнении с другими главами, и охватывает самые разные виды преступлений. Обращают на себя внимание, в частности, преступления против Церкви, царя и супружеской верности. Глава 3 гласит: «Поднимающего восстание против императора, или злоумышляющего, или принимающего участие в заговоре против него или против государства христиан в тот же час должно предать смерти как намеревающегося все разрушить». Суровость наказания не исключает, по мнению царя, *обычной предосторожности*, чтобы не пострадал невинный человек. Он продолжает: «Но для того чтобы некоторые часто и из вражды не предавали кого-либо смерти без суда, возводя на него обвинение, что он поднимал голос против царства, нужно его взять на месте под хорошую охрану и донести о нем императору, и как император в итоге рассудит и решит, так и сделать».

Согласно главам 4 и 15 титула XVII, наказанию подлежат лица, поднявшие руку на иерея и посягнувшие на священные предметы в алтаре — в последнем случае таковой преступник подлежал ослеплению. Вне зависимости от того, богатый человек или бедный, *развратничающий* женатый мужчина подлежал 12 ударам палками (19-я глава XVII титула). Неженатый развратник наказывался шестью ударами палок (глава 20 XVII титула). Особенно тяжелые наказания — отсечение носа — предусматривалось для лиц, сблудивших с монахинями, причем женщина подлежала той же мере ответственности (глава 23), и соблазнивших чужую жену (глава 27). Мотив очевиден: «Потому что из-за такой связи происходит развод и разорение детей, и так как при этом не соблюдается заповедь Господня, которая гласит, что Господь соединил их (состоящих в браке) в едином теле».

Определяя обязанности отца и детей после смерти супруги, царь приводит в обосновании своей новации слова апостола Павла: «Дети,

повинуйтесь родителям вашим во имя Господа, ибо это справедливо; и родители не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в обучении и наставлении Господнем» (глава 7 титула II). В следующей главе, посвященной обязанности вдовца или вдовицы воспитывать своих детей, опять следует ссылка на Апостола: «Вдова, имеющая детей или внуков, пусть учится, прежде всего, чтить дом свой, ибо это угодно Богу».

В отличие от законодательства предыдущих царей, Лев Исавр и Константин V *резко уменьшили* основания для расторжения брачного союза. «Муж освобождается от жены по следующим причинам: если жена совершила прелюбодеяние; если она каким-то образом злоумышляла против него, или же, будучи осведомленной, что другие злоумышляют против мужа, не предупредила его; если жена прокаженная» (глава 14 титула II). В свою очередь, как гласит глава 15 этого же титула, жена освобождается от мужа, «если муж в течение 3-х лет со времени заключения брака оказался неспособным к брачному сожителству со своей женой; если он каким-либо образом злоумышлял против ее жизни или, будучи осведомленным, что другие покушаются на ее жизнь, не предупредил ее; и если он прокаженный». Вне этих причин, отмечают императоры, супруги не могут разводиться — в полном соответствии с предписанием: «Кого Бог соединил, человек да не разделит».

Последующие главы совершенно новационны — кажется, будто «Эклога» опередила свое время на тысячелетие. Женская честь настолько находилась в поле зрения Льва III и Константина V (соавтора этого документа, как видно из введения в него), что *любое посягательство* на нее не оставалось без наказания. Это тем более поразительно, что данные виды преступлений были установлены в условиях ведения постоянных военных действий, когда многие нравственные сдержки, как известно, «автоматически» исчезают. Согласно главе 30 титула XVII лицо, обесчестившее девушку, подлежало наказанию в виде отсечения носа. То же наказание грозило лицу, обесчестившему чужую невесту, даже если это произошло с ее согласия (глава 32). А вступивший в связь с несовершеннолетней девицей, кроме того, обязан был выделить ей половину своего состояния (глава 31).

Семейные устои — святы, а Божественные законы — непреложны. Для царей Льва III и Константина V — это безусловная истина. Поэтому виновные в кровосмешении подлежали казни мечом (глава 33 титула XVII). Мужеложство каралось мечом (глава 38), а скотоложство — отсечением носа (глава 39). Двоеженец наказывался плетью и должен был вернуться к первой жене (глава 35). Особо в «Эклогe» отмечены наказания против колдунов и знахарей, которые подлежали казни ме-

чом (глава 43), а также манихеи и монтанисты (глава 52), подпадавшие под этот же вид уголовной ответственности.

Это был грандиозный законодательный сборник, добавивший Исаврам славу правоведов к ранее заслуженному ореолу полководцев. И хотя впоследствии императоры-иконопочитатели торжественно обещали забыть «еретическую скверну Исаврийской династии» и ее деяния, «Эклога» пережила свой век, привилась в византийском праве и позднее вошла в состав судебных книг Русской Православной Церкви. В частности, она вошла в состав печатной русской Кормчей книги, где фигурировала под заглавием: «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю главизны».

Помимо «Эклоги», «невежественный» император Лев III Исавр издал краткий «Воинский устав», «Земледельческий закон» и «Морской закон». Как отмечают правоведы, в «Земледельческом законе» нет совершенно никакого упоминания о *колонате*, то есть о крепостных крестьянах, которые преобладали в Римской империи. Вместо них появляется личная крестьянская собственность и общинное землевладение. По мнению исследователей, списки «Земледельческого закона» позднее были включены в сборники древнего русского законодательства и играли заметную роль в деле культурного обмена между Византией и славянами. В частности, на основе «Закона» был создан «Устав о земских делах» Ярослава Великого⁴⁸.

Не менее интересен «Морской закон», которым введены целые правовые институты, например *страхование грузов*, и установлены правила их перевозки⁴⁹.

Своими законодательными актами император Лев III внес существенные изменения в систему государственного управления. Он разукрупнил фемы, что нужно признать очень удачным решением, и переложил многие повинности с муниципального управления на государственный аппарат. В частности, сообразуясь с условиями военного времени, он переложил на государство обязанность строительства и восстановления городских укреплений. Взамен были увеличены налоговые повинности — вынужденная мера, не везде встретившая поддержку. Но в целом деятельность императора привела к формированию крепкого и дееспособного государственного аппарата и упрочению законности и правопорядка в стране⁵⁰.

Так, в считанные годы, при невероятном напряжении всех сил и ресурсов, Лев III обеспечил Византийскому государству, себе и новой династии твердое положение, которое не смогли ослабить даже иконоборческий кризис и разрыв отношений с Римом.

Глава 3. Иконоборчество. Папа против императора

Переходя к описанию церковной политики императора Льва III, известного как зачинщика *иконоборчества*, следует сделать несколько общих замечаний. Нет никакого сомнения в том, что Лев III был настоящим христианским императором, для которого интересы Церкви значили не менее чем интересы государства⁵¹. В своем стремлении обеспечить Церкви монопольно-доминирующие духовные позиции он был, как всегда, последователен, целеустремлен и нередко суров. Отдавая себе отчет в том, что целостность и благосостояние Римского государства напрямую зависят от степени народного благочестия, он предпринимал все меры для того, чтобы устранить те или иные еретические явления и языческие пережитки. В тех условиях, когда Церковь считалась органично неотделимой от Римской империи и наоборот, иного и быть не могло. И совершенно справедливо некогда высказанное суждение, что иконоборчество, как часть церковной политики Льва III Исавра, нельзя рассматривать *изолированно* от внешних и внутренних особенностей существования Византии в тот исторический период.

«Часто иконоборческих императоров судят сурово, не отдавая себе отчета в том, что их религиозная политика была *лишь частью* предпринятого ими дела восстановления Империи и что их деятельность не исчерпывалась страстной и жестокой борьбой с иконопочитанием», — писал один историк; и он совершенно прав⁵². Что же касается крайне негативных оценок деятельности Льва Исавра и других иконоборцев в древних рукописях, то, изучая первоисточники, нужно делать существенную поправку. Ересь иконоборчества, в отличие от прежних времен, открыла Церкви много *мучеников*, гонимых по приказам царей. Пролитая императорами-иконоборцами кровь является главной причиной, по которой современники вообще оказались не в состоянии *объективно* оценить политическую деятельность этих василевсов и изображали их исключительно в мрачных тонах⁵³.

Следует отметить, что иконоборчество, как явление, появилось отнюдь не в VIII веке, а гораздо раньше⁵⁴. Причина его появления до сих пор вызывает длительные дискуссии. Были, конечно, объективные обстоятельства, которые требовали решительных мер. Так, например, просвещенные современники, интеллектуалы нередко являлись свидетелями грубых сцен неблагочестивого поклонения иконам, даже их *обожествления* со стороны рядовых христиан. Сохранились сведения,

что нередко иконам приписывались магические, таинственные свойства, краску с них соскабливали и употребляли вместе со Святыми Дарами, и тому подобное. Как следствие, далеко не везде и не всегда почитание святых икон признавалось благочестивым и правильным.

Еще сестра императора св. Константина Великого Констанция считала недостойным Христа наносить Его изображения на дерево. Святой Епифаний Кипрский (V в.), навестивший одну епархию в Палестине, увидел в храме завесу с изображением, как ему показалось, человека, и с гневом разорвал ее, отдав материю на покрытие гроба какого-то нищего. В Испании на Эльвирском соборе 300 г. (или 305 г.) было принято постановление против стенной живописи на стенах в храмах. На Западе, в Марселе, епископ Серен в 598 г. сорвал в храме иконы, суеверно почитавшиеся паствой, и папа Григорий I Великий хвалил того за ревность к вере⁵⁵. В VII веке на острове Крите большая группа христиан выступила перед епископом Неапольским с требованием запретить иконы, поскольку они противоречат текстам Ветхого Завета. Как рассказывают, иконоборческое движение было настолько сильным в самом Константинополе, что в 713 г. император Филиппик чуть было не издал специальный эдикт о запрете иконопочитания⁵⁶.

Сами иконоборцы вовсе не были едины в своем отношении к святым иконам. Были очень умеренные иконоборцы, которые выступали против уничтожения икон и удаления их из храмов. Они считали, что иконы нужно только помещать выше человеческого роста, чтобы не допускать слишком уж такого языческого, как они считали, поклонения им. Были иконоборцы, которые запрещали изображать Христа, но не препятствовали писать лики святых⁵⁷. Естественно, были и крайние иконофобы, доходившие до отрицания поклонения святым мощам и любого иконописного изображения.

Повторимся — не вполне благочестивое отношение к иконам, *обожествление* святых икон встречалось часто. Даже позднее, когда многие языческие злоупотребления в иконопочитании были уже развеяны, осмеяны и забыты, св. Феодор Студит хвалил одного вельможу, который икону великомученика Дмитрия признал крестным отцом своего сына (!). И нет ничего удивительного в том, что многие клирики выступали с критикой иконопочитания, нередко переходя границы разумного и отрицая сами иконы как объекты христианского поклонения. Заблуждение ополчилось на ложь, а в результате возмущалось на истину. Так рождалось иконоборчество. Впоследствии, когда успех одной партии сменялся удачей их противников, а религиозная догматика уступила место политическим соображениям, иконоборчество начнет

ассоциироваться с *византийской национальной идеей* и станет символом патриотизма. В свою очередь почитание икон отождествилось с предательством интересов Империи в угоду универсализма Римской курии. Как следствие, религиозный споротягощился множеством наносных обстоятельств, превративших его в клубок запутанных проблем.

Имели место и иные обстоятельства, которые необходимо учитывать. В частности, специфика, если можно так выразиться, новой ереси по сравнению с ранее появлявшимися заключалась в *отсутствии* какой-либо четко сформированной иконоборческой доктрины. Впрочем, и у сторонников иконопочитания не было прочной богословской позиции по существу вопроса. Только спустя многие десятилетия необходимые аргументы, собранные в единое богословское учение, были представлены на суд Церкви (VII Вселенский Собор). Как следствие, современники и позднейшие исследователи стали искать в иконоборчестве следы чуждых *сознательных* и *тайных* влияний.

Много говорилось об иудейской подоплеке иконоборчества, и вроде бы некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу этой версии. Действительно, известно о тесных контактах и добрых отношениях императора Льва III с Хазарским каганом и хазарами, среди которых активно миссионерствовали иудейские проповедники. Однако этот народ принял иудаизм гораздо позднее, и, помимо прочего, нельзя забывать, что в 723 г. Римский царь приказал *принудительно крестить* всех евреев и монтанистов, причем эта деятельность приняла масштабный характер⁵⁸. Едва ли это событие позволяет аргументированно говорить о симпатиях Льва III к евреям и иудейству как таковому.

Согласно другой гипотезе, иконоборчество возникло либо в результате мусульманского влияния, либо специально для того, чтобы облегчить для арабов переход из ислама в христианство. Однако довод, приводимый в этом случае, носит умозрительный характер: едва ли этот мотив был способен произвести переворот в сознании людей той эпохи. Как известно, мусульманство совершенно непримиримо относится не только к священным изображениям, которые оно отвергает в духе известного ветхозаветного запрета на изображение Бога, но отрицает также *любые* обыкновенные изображения людей и живых существ. Поэтому, отложив в сторону мысли о толерантном отношении к христианам, незадолго до появления иконоборчества в Римской империи мусульмане начали повсеместно уничтожать изображения Бога и лики святых угодников в православных храмах.

Возможно, это событие и стало причиной того, что иконоборчество императора Льва III связали с арабским истреблением икон, объединив эти акции внутренней связью, — в данном случае, искусственной и надуманной. Простые факты опровергают это предположение: иконоборчество в Византии появилось, как явление государственной политики, едва ли не раньше, чем на Востоке, у арабов. Согласно сохранившимся свидетельствам, некий иудей пришел к халифу и «пророчествовал», что тот будет владычествовать над арабами 40 лет, если истребит все иконы в христианских храмах. Халиф согласился, издал соответствующие распоряжения, но в этом же году умер. Как видно из последующего текста летописи, его гонения против икон не приняли масштабных очертаний⁵⁹.

Таким образом, не отрицая этих событий (гонений при халифе Йазиде и иконоборчество при Льве III), едва ли можно связать их воедино как звенья одной цепи. Как справедливо заметил один исследователь, все истории, собранные последующими иконопочитателями, о том, почему и в силу каких обстоятельств Лев Исавр перешел к иконоборчеству, являются плоскими и вульгарными анекдотами, должными показать всем мнимое ничтожество великого человека⁶⁰.

Нельзя также забывать, что император Лев III был в первую очередь мужественным борцом против арабской экспансии и едва ли мог *копировать* мусульманскую политику в отношении святых икон. Очевидно, это было невозможно одновременно как по объективным, так и по субъективным причинам. Кроме того, данная версия не учитывает, что мусульманам христианский крест был так же ненавистен, как и иконы, но никогда за весь период иконоборчества в Византии вопрос отказа от креста и его изображения вообще не стоял⁶¹.

Нередко говорят о влиянии на иконоборчество христианских сект, во множестве существовавших на Востоке, откуда был родом сам император и где он провел свою молодость. Действительно, здесь можно найти много общего. Как известно, некоторые крайние монофизиты отвергали почитание святых икон — например, так называемые *фантазиасты* или *афтартодокеты*, последователи Юлиана Галикарнавского. Не допускали иконопочитания и *павликиане* — очень сильная и многочисленная секта. Они прямо отождествляли все вещественное и телесное со злом и грехом и отвергали не только иконы, но фактически отменяли и православное богослужение. По мнению специалистов, влияние этих ересей и сект христианского происхождения, пожалуй, нужно считать определяющим в становлении иконоборчества. В пользу этой версии говорит и тот факт, что иконоборчество зародилось в

среде малоазиатского епископата. Несколько епископов малоазиатских выработали доктрину иконоборчества и познакомили с ней императора Льва III, настойчиво убеждая его в необходимости вернуть «истинную» веру и благочестие⁶².

Нет никакого желания и смысла разбирать «материалистические» объяснения иконоборчества, связанные обычно с заочно и неоправданно навязываемым современными исследователями императору Льву III мотивом секуляризации церковной собственности. Достаточно напомнить, что борьба императоров с монашеством началась гораздо позднее — уже в годы самостоятельного царствования Константина V. И правовые акты родоначальника Исаврийской династии едва ли могут вызвать чью-то критику в данном контексте.

Как известно, попытки *частично* ограничить право Церкви на приобретение земельных угодий, получение выгоды от своих земель, передаваемых в собственность третьим лицам по мнимым сделкам, и пресечь иные злоупотребления, возникающие из этого, были предприняты еще при императоре св. Маврикии. Но под влиянием горячо протестовавшего столичного клира и недовольного императором Римского епископа он отказался от своей идеи. Лев III был гораздо последовательнее. Согласно главе 4 титула XII «Эклоги», «Святейшей столичной церкви и благочестивым учреждениям ее ведомства, и приютам, и домам призрения, и странноприимным домам запрещается передавать вечное право на недвижимость за исключением только мест, пришедших в состояние разрушения. Им разрешается только производить обмен недвижимости с ведомством императорского дома». Таким образом, если Церковь не нуждалась в том или ином земельном участке, она не могла произвести отчуждение его в частные руки, но обязана была передать его в государственную казну, в состав владения императорского дома. Однако это было *единственное* ограничение в отношении Церкви, и оно не касалось монастырского имущества.

Безусловно, конфискация монастырских земель в отношении непокорных царской воле обителей имела место. Однако это были редкие случаи, которые не дают оснований говорить о системных попытках секуляризировать церковное имущество. Напротив, в полемике со своими противниками сторонники иконопочитания печалются, что те «все свое время посвящают не пастырской деятельности, а обработке монастырских имений». Кроме того, значительная часть монастырских владений в Малой Азии и на Балканах располагалась в разоренных войной местностях. Правительство императора Льва III не знало, *что делать* с обширными необработанными землями, и ему было явно

не до того, чтобы увеличивать пустующие площади за счет массовой конфискации монастырских землевладений⁶³.

Если речь и может идти о каком-то материальном аспекте в деятельности первого императора-иконоборца, то он касался не столько монастырского имущества, сколько лиц, бежавших от воинской повинности, нередко принимая ангельский чин вовсе не для монашеского подвига. Как считают, в это время в Византии насчитывалось около 100 тыс. монахов — огромная цифра. Достаточно для сравнения сказать, что в России в конце XIX века при 120 млн населения насчитывалось 40 тыс. монахов⁶⁴. Можно представить себе тот *колоссальный дефицит* рабочих и солдатских рук, который испытывала Римская империя. Естественно, царь предпринял меры по недопущению уклонения от государственных обязанностей теми лицами, которые для отвода глаз уходили в монастырские обители.

Один исследователь писал по этому поводу: «Церковная жизнь в Византии до такой степени многообразно переплелась с гражданской, Церковь взяла на свою долю так много материальных средств Империи, что ни один император, имевший определенные политические задачи, не мог при их проведении не столкнуться с церковными интересами». Льву III нужны были деньги для войны, и что было делать Исавру, если вместо армии молодые мужчины записывались в монастыри, которые владели громадными земельными наделами, свободными от налогообложения? В отличие от патриарха Сергия времен императора Ираклия Великого патриотизм клира в эпоху постоянной анархии проявлялся лишь в обещании молитв, что императору, как воину и государю, было, конечно, недостаточно⁶⁵.

Иногда материальный мотив связывают с желанием императоров Льва III и Константина V вернуть царской власти те *политические* позиции, которые оказались утерянными в годы дворцовых переворотов и вследствие девальвации царского сана. Действительно, как известно, при императорах Анастасии II и Феодосии III множество клириков вошли в состав политической элиты Империи и заняли высокие должности. В этом нет ничего невероятного — в условиях внутренней нестабильности, гибели множества талантливых и опытных сановников и военачальников было вполне естественно, что священноначалие вышло на первый план. И этот «перекос властей», конечно, не мог не открыться при таком могучем и самостоятельном императоре, как Лев III Исавр. Осознавая свой статус Римского царя, поставленного Богом для управления государством, он не терпел параллельно с собой чью-либо другую волю. Однако едва ли царь ставил перед собой *само-*

достаточную цель восстановить равновесие между двумя союзами — думается, он, по счастью, даже не умел мыслить столь секулярными категориями.

Совершенно безосновательно утверждение, будто бы царственные отец и сын, желая поднять престиж своей династии, решились на очередное церковное реформаторство, как это якобы случалось при предыдущих василевсах. Во-первых, такой неписаной практики просто не существовало: Византийские императоры вообще старались инициативно *не вторгаться* в область вероучения, если их к тому настоятельно не подталкивали объективные обстоятельства. А, во-вторых, военное время практически всегда являлось естественной преградой для созывов Вселенских Соборов или начала глобальных церковных диспутов. Трудно представить себе, что в условиях непрекращающейся войны с арабами, тяжелой обстановки в Италии, необходимости буквально *на ходу* реформировать государственное управление и восстанавливать народное хозяйство, Лев III мог задуматься над столь эфемерными затеями, как желание прослыть «реформатором» Церкви и знатоком христианского вероучения.

И прав один автор, который указывал, что ни Лев III, ни его сын не были вольнодумцами, рационалистами и предшественниками протестантской Реформации или революции. Это были люди благочестивые, верующие, богословски образованные, искренне заботившиеся о реформе религии путем очищения ее от всего того, что казалось им идолопоклонством⁶⁶.

Небезынтересны некоторые подробности появления иконоборчества в публичной сфере. Многие историки указывают, что иконоборческое движение было делом не столько царской власти, сколько *церковной партии*, представлявшей собой серьезную силу⁶⁷.

В подтверждение этих слов достаточно указать, что уже в 20-х гг. VIII века в Константинополе сформировался многочисленный, но довольно влиятельный кружок иконоборцев, во главе которого стоял епископ Наколийский Константин, родом из Фригии. Его главными помощниками являлись епископ Клавдиопольский Фома, Эфесский архиепископ Феодосий и патриарший синкелл (секретарь, келейник) Анастасий — впоследствии Константинопольский патриарх. Они полагали, будто с уничтожением святых икон исчезнут многочисленные суеверия и Церковь вновь обретет свою духовную чистоту, утраченную вследствие иконопочитания. Их поддержали многие военачальники, и вскоре император был окружен людьми, деятельно подталкивавшими его к активным действиям. Достаточно сказать, что

сенат, созданный царем по вопросу об иконах, принял решение об истреблении икон с редким *единодушием*⁶⁸. Вскоре на стороне иконоборцев стояла значительная часть просвещенного общества, большинство азиатских епископов и войско⁶⁹.

Обратим внимание на это немаловажное обстоятельство — всякий раз, когда перед иконоборческими императорами будет вставать вопрос о возможности допущения тех или иных форм иконопочитания, столичное окружение неизменно начнет выступать против этих инициатив.

Доводы епископов-иконоборцев оказали на царя большое влияние, но, склоняясь к их аргументам, он действовал осмотрительно, не желая форсировать события. Как говорят, внешней причиной, побудившей царя объявить запрет икон, явилось страшное извержение вулкана в 726 г., вследствие которого в Критском море буквально на глазах вырос целый остров⁷⁰. Императора убедили, будто бы это несчастье является знаком Бога, прогневавшего на византийцев за искажение «истинной» веры и богопочитания. И тогда царь открыто поддержал инициативу азиатских епископов-иконоборцев, предприняв первые шаги по запрету икон.

Но тут довольно неожиданно выяснилось, что издание царского эдикта вызвало серьезные волнения в столице. Пролилась первая кровь после того, как один из офицеров (а это был *снафарокандидат* — довольно высокий чин, один из близких телохранителей императора) попытался 9 августа 726 г. сбить изображение Спасителя на площади Халки. Он приставил лестницу к стене и, поднявшись, ударил лик Христа топором. Находившиеся рядом женщины немедленно отодвинули лестницу, офицер упал, и его засекли до смерти бичами. Подоспевшие солдаты, естественно, тут же отомстили им, многих убив и ранив⁷¹. Начались первые казни, ссылки и конфискации имущества лиц, не принявших царской воли об иконах. В качестве ответной меры восточные патриархи анафематствовали столичных архиереев-иконоборцев.

Впрочем, нельзя не сказать, что уже *эта* история выглядит сомнительной. Ведь можно было бы совершенно обоснованно предполагать, что если эта история случилась из-за попыток императора снять с публичных мест святые иконы, то до нас наверняка дошли бы сведения о других, не менее драматичных столкновениях народных масс с царскими войсками. Но ничего подобного нет. И много оснований за то, чтобы считать если не саму историю у площади Халки вымыслом, то по крайней мере те детали, которые нам живописали последующие хронографы⁷².

Этот инцидент насторожил Льва III, который стал действовать крайне осторожно. Конечно, он не терпел публичного неповиновения и потому обрушил свой гнев на того, кто *открыто* восстал против его эдикта. Им оказался *св. Иоанн Дамаскин* — сын знатного вельможи при дворе Арабского халифа, написавшего в 726—730 гг. несколько посланий в защиту святых икон. Можно сказать, что святитель объединил собой тех восточных архиереев, которые выступили против иконоборчества, и император немедленно предпринял ответные контрмеры. Лев III написал в Дамаск халифу письмо, в котором ставил под сомнение верноподданничество *св. Иоанна*, проживавшего при нем. В результате по приказу араба святому отрубили кисть правой руки — очевидно, чтобы он не мог писать более своих писем. Но по молитвам *св. Иоанна Пресвятой Богородице* кисть его была возвращена на место и восстановлена⁷³.

Пожалуй, после Халки это была *единственная* сцена насилия в отношении конкретного лица. Отдельные неприглядные и даже кощунственные картины, безусловно, случались, но они принадлежат к так называемой группе «эксцессов исполнителей», носили единичный характер и никак не соотносились с волей императора Льва III. Например, во время осады арабами Никеи один воин из отряда зятя императора куропалата Артавазда, Константин, бросал камни в икону Пресвятой Богородицы. Как рассказывают, Дева явилась ему в видении и сказала: «Храброе, очень храброе дело ты сделал против Меня! Ты сделал это на голову свою». Когда мусульмане начали обстрел города из метательных орудий, один из камней разможил голову этого солдата — наказание настигло его⁷⁴.

Но и в столице царя ждало разочарование. Первым оппонентом иконоборцам и защитником святых икон выступил Константинопольский патриарх *св. Герман* (715—730). Он категорически отказался дать свое благословение на истребление икон, и это скрытое противостояние длилось в течение нескольких лет. А на периферии взволновались Афины, жители которых в 727 г. подняли мятеж против царя.

Здесь также приходится делать отступление и чуть более критично подойти к данным протестам и мятежам. Как отмечают исследователи, волнения в Элладской феме были вызваны совсем иными обстоятельствами, и сам нерв противостояния проходит вдали от вопроса об иконах, чем это повествует Феофан Византиец и другие позднейшие летописцы. Да и история со *св. Германом* наглядно демонстрирует, что патриарх остался *в одиночестве*, не поддержанный даже ближайшим клиром. Было ли это следствием спора об иконах или обуславлива-

лось иными причинами — Бог весть. В любом случае следует сказать, что, во-первых, еще пока не встречается жесткого *вероисповедального* противостояния между противниками и сторонниками святых икон. А, во-вторых, царь был далеко не одинок в своей нелюбви к иконопочитанию⁷⁵.

Но вернемся к повествованию. Папа Григорий II из осторожности не советовал византийцам свергать василевса, те, преисполненные чувства собственного достоинства, громко поносили императора как варвара и выскочку, противопоставляя ему «настоящих» царей. Афиняне выдвинули некоего Косму в императоры, и тот, собрав при помощи флотоводца Стефана и турмаха Агеллиана небольшой флот, отправился на Константинополь. Но в битве под стенами столицы, свершившейся 18 апреля 727 г., мятежники были разбиты. Агеллиан бросился в море и погиб, а головы Стефана и Космы «украсили» стены Константинополя⁷⁶.

В 730 г. Лев III решил созвать совет из 19 человек, на который был приглашен и патриарх. Девяностопятилетний старец явился к царю, но, несмотря на угрозы, не изменил своим убеждениям. Когда император заявил, что низвергает его с престола, св. Герман сложил омофор, отказался от епископства и удалился в Платаниум, откуда был родом, где и отдал Богу душу. Вместо него Лев III назначил столичным архиереем патриаршего синкелла *Анастасия* (730—754) — лицо сомнительных нравственных достоинств. Он предал своего патриарха, затем, после смерти Льва III, предаст и его дело. Как гласит предание, вызванный некогда по одному делу к царю вместе со св. Германом, Анастасий так спешил, что начал наступать Константинопольскому архиерею на мантию. На это св. Герман пророчески произнес: «Не спеши, еще успеешь поездить по ипподрому». Пророчество сбылось, и спустя несколько лет Анастасий был справедливо обесчещен — об этом мы скажем в следующей главе⁷⁷.

Но еще большие неприятности ждали императора Льва III на Западе, где против его указа ополчился понтифик. Столкновение с Римским престолом началось буквально сразу после получения там императорского эдикта. Папа Григорий II отказался выплачивать налоги и подати с Рима и всей Италии — фактически отверг верховную власть императора над собой. В ответ царь своим указом переподчинил митрополии Эпира, Дакии, Иллирии, Фессалии, Македонии Константинопольскому патриарху⁷⁸.

Это был сильнейший удар по власти и авторитету Римского епископа. Заметим, что передел границ патриархатов произошел не по-

тому, что Лев III был недоволен оппозицией папы — император и не пытался распространить иконоборчество по территории всей Римской империи. Просто он действовал в контексте своей стратегии управления государством. Император к тому времени не имел иного способа контроля над Италией, кроме как из ненадежной Равенны. Но Сицилия и Иллирия являлись провинциями Римской империи, и было вполне логично распространить полномочия Константинопольского патриарха на те территории, где царская власть имела пока еще твердые позиции⁷⁹.

Более того, царь приказал обложить третью часть населения Сицилии и Калабрии поголовной податью, лишил папу налоговых льгот, а доходы от папских владений в Сицилии и Южной Италии изъял в государственный бюджет⁸⁰. После этого папа разослал по всей Италии воззвание, в котором призывал к *восстанию* против еретических замыслов императора. Инициатива понтифика принесла успех: получив его послания, Пентаполис и Венеция заявили о своей поддержке Рима. Возмущением был охвачен Вечный город и все итальянские провинции вплоть до Калабрии. Эти события свидетельствуют, между прочим, о том, что близкое императору иконоборческое окружение *ввело его в заблуждение*, уверяя, будто запрет на почитание икон повсеместно воспримут положительно. Очень сложно предположить, зная осторожность императора, что Лев III сознательно пойдет на осложнение отношений с восточными патриархами и папой в условиях войны.

Но делать было нечего, и царь попытался использовать классический для Византии способ разрешить богословский спор — созвать Вселенский Собор. Едва ли он задумывал этот шаг еще в 726 г., издавая свой эдикт. Но, желая узнать мнение всей Церкви, а в глубине души надеясь получить вселенское одобрение своим замыслам, он обратился с этим предложением к папе Григорию II. Однако понтифик ответил категоричным отказом, хотя царя поддерживал Константинопольский патриарх св. Герман.

Аргументация, приводимая Григорием II, отнюдь не замысловата. «Ты писал, — объясняется Римский епископ с императором, — что следует созывать Вселенский Собор; *нам показалось это бесполезным* (выделено мной. — А. В.). Представь, что мы послушались тебя, архиереи собрались со всей Вселенной, что восседает уже синклит и совет. Но где же христолюбивый и благочестивый император, который, по обыкновению, должен заседать в совете и чествовать тех, которые говорят хорошо, а тех, которые удаляются от истины, преследовать, — когда ты сам, император, являешься человеком непостоянным и варваром?»⁸¹

Такой ответ не может не вызвать множества вопросов. Разве Вселенские Соборы всегда созывались при единодушном согласии епископов по спорным вопросам? Неужели папа не верил, что сила Святого Духа, проявленная в соборной форме, способна остановить и вразумить заблудших, в том числе и самого царя? И, как знать, может быть (хотя история и не знает сослагательного наклонения) этот несозванный Вселенский Собор мог изменить ход вещей и уже при Льве III разрешить волнующие Церковь споры? В любом случае едва ли позиция папы выглядит конструктивной. Апостолика можно понять только в одном случае — если он желал получить такой Собор, который примет *его* волю, как безусловную истину. Предстоящая почти наверняка нелегкая борьба и диспуты если и не пугали Римского папу, то по крайней мере били по идее «папской непогрешимости».

Стороны обменялись письмами, дающими большое поле для анализа и представляющими несомненный интерес не только для богословов, но и для исследователей в области церковно-государственных отношений. Надо сказать, Григорий II довольно убедительно раскрыл заблуждения Льва III относительно запрета иконопочитания. Его речь, правда, довольно груба и не всегда учтивая, хотя он неизменно именует его «богохранимым императором и во Христе братом». Более того, ради чести царского титула апостолик *отказывается анафематствовать* императора: «Мы же, как имеющие право, власть и силу от св. верховного Петра, думали также наложить на тебя наказание; но так как ты сам наложил на себя проклятие, то и оставайся с ним»⁸².

Но дальше, когда речь заходит о более общих, основополагающих вопросах взаимоотношения Церкви и императора, папа явно сбивается с логики, зачастую противореча сам себе, хотя цель его изысканий очевидна — доказать независимость духовной власти от царя и подтвердить свои прерогативы. Он с большим пиететом высказывается в адрес «отца» VI Вселенского Собора императора Константина IV Погоната, приводя интересный отрывок из его послания Римскому епископу. «Я буду заседать с ними (епископами. — А. В.) не как император, и буду говорить не как государь, но как один из них. Мы будем следить за постановлениями архиереев и принимать мнения тех, которые говорят хорошо, а говорящих худо будем преследовать и ссылать в ссылку. Если отец мой извратил какое-либо учение чистой и непорочной веры, то я первым предам его анафеме». Трудно представить больший аргумент в устах Римского епископа в пользу того, что царь по *божественному праву* является главой Кафолической Церкви и по достоинству имеет сан, почти равный священническому.

И тут же, как будто до этого речь шла о чем-то другом, Григорий II продолжает: «Ты знаешь, император, что догматы Святой Церкви дело не императоров, но архиереев, и должны быть точно определяемы. Для этого-то и поставлены в церквах архиереи, мужи, свободные от дел общественных. И императоры поэтому должны удерживать себя от вмешательства в дела церковные и заниматься тем, что им вручено»⁸³. И в продолжение: «Догматы — дело не царей, а архиереев, так как мы имеем ум Христов (2 Кор. 2, 14—17). Иное дело — понимание церковных постановлений, и иное — разумение в мирских делах».

Видно без всяких комментариев, объединив оба высказывания, что первый тезис совершенно разнится от второго. Более того, пытаясь отстоять свою независимость в делах церковного управления, папа готов отказаться и от вмешательства священства в мирские дела. «Как архиерей не имеет права втираться во дворец и похищать царские почести, так и император не имеет права втираться в церкви и избирать клириков», — пишет он, и это — недвусмысленная атака на старинные прерогативы Римских императоров *назначать* патриархов, митрополитов и даже рядовых епископов. Обращает на себя внимание и заявленное папой совершенно «теоретическое» положение в отношении якобы традиционного невмешательства Римских епископов в политические вопросы. Если практика Римской церкви что-то и демонстрирует с завидным постоянством, так это совершенно иной образ мыслей, чем тот, который Григорий II приписывал своим предшественникам. Впрочем, он и сам, как мы видели, не устранился от событий, происходивших при нем в Италии.

Завершая изложение своей «теории разделения властей», Римский епископ привел различия между государством и Церковью. Император, как отмечает он, казнит, наказывает провинившихся людей, ссылает в ссылку. Церковь — уврачивает их, возвращает к Господу чистыми и непорочными. «Видишь, император, — вопрошает он, — различие между Церковью и государством?»⁸⁴ Заметим, что папа применяет термины, *неизвестные* римскому сознанию, поскольку в Римском государстве Церковь признавалась неотделимой от Империи и являлась с ней одним органическим целым.

Затем апостолик внезапно опять свернул с пути, вспоминая об отвергаемой им «симфонии властей». «Но когда все совершается мирно и с любовью, тогда христолюбивые императоры и благочестивые архиереи, в своих совещаниях, являются одной, нераздельной силой»⁸⁵. Нетрудно понять, что такая разногласица в двух близких по времени посланиях означает только одно — отсутствие в Риме (пока еще)

четко сформулированной доктрины власти папы в Церкви. Основное доказательство на этот счет по-прежнему покоится на старом утверждении, будто первенство апостола Петра мистически перенеслось на Римского епископа, и потому тот является высшим среди всех других епископов. Все остальное — эклектика.

Наконец, в качестве последнего «аргумента» приводится тот незамысловатый довод, что вне зависимости от принятия Львом III слов Григория II он не в силах причинить ему вреда. Предвосхищая возможную месть царя за свои бранные слова, папа открыто угрожает, что *за его спиной стоит Запад*, все царства которого почитают понтифика своим духовным главой. И стоит только Римскому епископу отъехать на 24 стадии в сторону Кампании, как он станет недоступным для гнева царя⁸⁶.

Совокупно это означает отказ принять царский эдикт, призыв к восстанию, нежелание поддержать созыв императором Вселенского Собора. Понятно, что два гневных послания в Константинополе оценили как открытый вызов. Поэтому император направил в Италию флот. Согласно преданию Римской церкви (впрочем, подлинность которого весьма сомнительна), царь попутно решил *физически* устранить Римского епископа. Византийский сановник Василий, хартулларий Иордан и иподиакон Лурион получили приказ убить папу Григория II, но их замысел был раскрыт. Василий спасся бегством в монастыре, а его сообщники были убиты народом. В это время в Равенну прибыл новый экзарх Павел, которому Византийский царь поручил подавить восстание в Риме любым способом. Его войска двинулись к древней столице, но папа уже призвал на помощь лангобардов, которые перекрыли византийцам дорогу у Саларского моста. Греки повернули обратно, и Павел неожиданно открыл для себя, что опасность угрожает не столько папе, сколько ему самому. Дошло до того, что многие города средней Италии пригрозили избрать на царство нового василевса.

Но тут в дело вмешался сам Григорий II — он понял, что альтернативой Константинополю могут стать лангобарды, а такие перспективы его не устраивали. Ситуация сложилась парадоксальная: из всех итальянских владений Константинополя только Неаполь сохранил верность императору, а Рим и остальные города полуострова не признавали *его лично* как своего царя. Тем не менее они по-прежнему заявляли о своей принадлежности к Римской империи, считая одновременно с этим своим единственным защитником Римского епископа. Как справедливо отмечают, именно в эти годы *светская власть* апостолика в Италии приобрела реальные очертания⁸⁷.

Когда в 731 г. на престол вступил папа *Григорий III* (731—741), казалось, что конфликт если и не будет окончательно устранен, то по крайней мере смягчится. Император благосклонно признал нового понтифика, всячески демонстрируя ему свое уважение, но папа направил Льву III такое гневное письмо, что кардинал, которого апостолик направил с посланием в Константинополь, отказался доставить его даже под угрозой низвержения из сана⁸⁸.

Чтобы укрепить свои позиции, Григорий III собрал 1 ноября 731 г. Собор в Риме из 93 итальянских епископов, который анафематствовал иконоборцев. Хотя сам император не был отлучен от Церкви, этот факт означал *отделение Италии* от Римской империи и отказ признать власть Византийского царя. Правда, посланник с соборными актами не доехал до Константинополя: его, как и всех других ходатаев за иконы, император распорядился арестовывать по дороге в Сицилию и отказался вообще читать послания с непокорного Запада.

Двусмысленность политического статуса Рима и Италии хорошо подчеркивает факт приобретения папой Григорием III в 733 г. замка Галлезе в Тусции, выкупленного понтификом у лангобардов. Это владение было присоединено к Римской империи как неотъемлемая часть ее территории, но папа смотрел на него как на *свою* вотчину. Как тонко заметил один исследователь, «папы оставляли неприкосновенными установления Римской империи, проявляя в этом величайшую мудрость; свою нарастающую власть в Риме папы маскировали искусными дипломатическими приемами»⁸⁹.

Как ни старался Лев III, ему не удалось ни получить вселенского одобрения иконоборчества, ни умиротворить своих противников. Постепенно военные операции и повседневные заботы государственной жизни заняли его внимание, и до конца дней царь не решился более пытаться навязать новые запреты на почитание святых икон.

Скончался великий император, законодатель и полководец 18 июня 741 г. от водянки⁹⁰. Сказать откровенно, с учетом всех обстоятельств, личность императора Льва III не может не вызывать сочувствия. Безусловно, иконоборчество являлось ошибкой и тяжелым грехом царя. Но, во-первых, он столько сделал для спасения православной империи, «христианского государства», дни которого, казалось, уже были сочтены, что заслуживает большого снисхождения. При всем блеске императорских династий Империи немного найдется царей, способных стать с ним в ряд по тем заслугам, которыми ему обязана Византия. Грандиозность его побед, острый ум, преданность войска и сим-

патии населения являются лучшими характеристиками личности императора Льва Исавра⁹¹.

Во-вторых, следует признать, что подавляющее большинство возводимых на него обвинений оказались надуманными или бездоказательными. Конечно, совершенно нелепо утверждение позднейших историков, будто император Лев III сжег церковное училище в Константинополе вместе с преподавателями, учениками и книгами. Царь был сторонником просвещения и, напротив, своих идейных противников считал не вполне образованными людьми. Поэтому он и его сын Константин V усиленно насаждали школы, в которых преподавали сторонники иконоборчества⁹².

Совершенная неправда, будто император бил по щекам патриарха св. Германа Константинопольского и публично унижал его. Греки издавна любили преувеличивать значение тех или иных событий, нередко *перекраивая* историю, вследствие чего обыденные факты получили совершенно фантастичную интерпретацию. В древние времена сам по себе факт непринятия императором какой-то церковной партии неизменно классифицировался отверженными как «гонения» на Церковь. Поэтому не стоит удивляться, когда летописцы придумывают то или иное событие, чтобы еще более возвысить чей-то подвиг и продемонстрировать чьи-то заблуждения.

Как человек последовательный, Лев III, совершив тяжелую ошибку, приняв ложь за истину, шел к поставленной цели, старательно и осторожно избегая возможных осложнений. Если случалось, что «раздраженный противодействием, Лев позволял себе оказывать давление на чужую совесть, то нужно признать, что противники его тысячекратно отомстили ему за эту неправду, исказив историю его царствования. Благороднейший законодатель явился пред взорами потомков, как самый низкий злодей», — писал один исследователь⁹³.

В этих словах много правды, доказательства которой легко представила история. Когда в IX веке иконопочитание было восстановлено, составил список мучеников за Православие, пострадавших в годы гонений. И из их числа, как пишут историки, только 40 человек приходится на период царствования императора Льва III Исавра, причем большинство из них погибло во время известного эпизода на площади Халки⁹⁴.

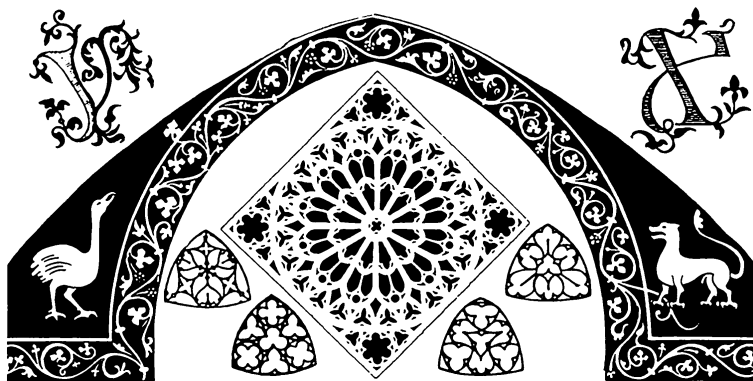
Нередко современники, а еще более потомки категорично полагали, что после смерти император Лев III Исавр отправился в «огонь вечный», но, справедливо замечают некоторые авторы, суд Божий — не суд человеческий. Даже латиняне, в целом крайне негативно оценивав-

шие его образ, не отрицают очевидных достоинств императора. Один французский автор писал так: «Лев царствовал со славою. Подданные его любили, сарацины боялись; казалось, само Провидение поставило его на троне, чтобы возвратить Империи ее прежний блеск. Выросши в несчастии, которое дает твердую выдержку душам и воспитывает доблести, Лев достиг престола и держался на нем силой своего гения. Он был бы великим государем, если бы не захотел стать реформатором»⁹⁵.

Другой западный автор отмечает, что с воцарением Льва III, словно по мановению волшебной палочки, наступил мир. «Трудно сказать, все ли реформы Льва III были равно плодотворными, но один факт неопровержим: его царствование было для Империи периодом такого процветания, какого она не видела много поколений»⁹⁶.

XXXII. ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН V (741—775)

Глава 1. Царь и узурпатор

Сыну покойного царя **Константину V** было 23 года от роду, когда он принял единоличные бразды правления Империей в свои руки. С ранних лет разделяя с отцом тяготы государственного управления и военные лишения во время многочисленных войн, он быстро приобрел богатый опыт правления государством и познал тонкости военного дела, не раз проявляя на полях сражений хладнокровие и мужество. Между тем в дошедших до нас византийских источниках нет более ненавистного и презренного имени, что не может не вызывать удивления. И до Константина V, и после на императорском троне встречались слабые и даже откровенно *преступные* фигуры, как, например, узурпатор Фока Солдат. Но победившие через столетие иконопочитатели презрели все заслуги этого выдающегося представителя Исаурийской династии и великого полководца, запомнив только то, что при нем иконоборчество достигло своего первого пика.

Но «хрестоматийные» оценки сами нуждаются в значительной корректировке как по отношению к Константину V, так и Льву III. Обратим внимание на одно авторитетное мнение, которое нужно иметь в виду при обобщении трудов и характеристике личности этих монархов. «Для современного наблюдателя, — писал известный византист, — проблемы иконоборчества оказались настолько непроницаемыми, и самый тот факт, что в течение целого столетия шла борьба не на живот,

а на смерть из-за вопросов религиозного культа, оказался настолько непонятным, что вопреки всем свидетельствам источников иконоборчество было истолковано как социально-реформистское движение. Там, где материалы источников противоречили этому истолкованию, они отвергались с совершенным презрением. Там, где не оказывалось нужных элементов для этой конструкции, они измышлялись»⁹⁷.

Остановимся на личности нашего героя. Рассказывают (и эта история может быть в такой же степени признана легендой, как и реальным фактом), будто сразу после его рождения были явлены негативные предзнаменования будущего царствования. Якобы при совершении таинства Крещения младенец Константин испражнился в святую купель, и потому впоследствии получил крайне неблагозвучное прозвище «*Копронимос*». Понятно, что оно не нуждается в переводе⁹⁸. Однако, по другим данным, это обидное наименование на самом деле является поздней перифразой подлинного *народного* «имени» царя — «*Каваллинос*» («кобылятник») ⁹⁹. Проведя в седле большую часть своей жизни, царь не мог отделаться от постоянно сопровождавшего его запаха конского пота, что впоследствии использовали недруги.

Он был трижды женат, причем не по распущенности, а вследствие смерти первых жен. Первой супругой императора Константина V, как уже говорилось выше, была Хазарская царица Ирина, с которой он венчался в 732 г. От Ирины родился 25 января 750 г. сын, будущий император *Лев IV*, и дочь св. Анфуса. Второй брак царя с некой Марией был очень скоротечен, и от него не осталось детей. От третьего брака царя с византийской аристократкой Евдокией (он дал ей титул *августы* только в 769 г.), происходящей из знатной семьи Мелиссинов, родилось пять сыновей: Никифор, Христофор, Никита, Анфим и Евдоким¹⁰⁰. Как можно судить по отношениям, царившим между отцом и св. Анфусой, историю который мы поведаем позднее, император был добрым отцом, умевшим находить общий язык со своими детьми и не насильничавшим их волю.

Он был жестким правителем и не всегда щадил своих врагов — пример пленных болгарских воинов, которых царь отдал на растерзание константинопольской толпы, достаточно красноречив. Но нередко удивлял своим снисхождением к поверженным противникам, если не видел в них угрозы государству. Позднейшие летописцы-иконопочитатели называли его «беззаконнейшим царем», «всегубительным, безумным, кровожадным, лютейшим зверем», а в народе довлел культ этого императора. Когда уже много после его смерти болгары серьезно угрожали Римской империи, во время богослужения в храме Святых

Апостолов народ сорвал с петель дверь в усыпальницу Константина V, ворвался туда и с криком: «Восстань и помоги гибнущему государству!» припал к его гробнице¹⁰¹. Когда епарх города задержал правонарушителей, те утверждали, что двери в усыпальницу отворились сами собой, Божьим провидением — настолько личность императора была популярна в народе¹⁰².

«Каковы бы ни были его личные слабости и пороки, — заключает один историк, — как бы ни была жестока его военная беспощадность, приписываемая ему противниками, во всяком случае, по силе, по политическому смыслу, по стратегическому дарованию и колоссальной энергии он принадлежал к самым выдающимся Византийским венценосцам. Он завершил работу своего отца и в глазах неприятеля вновь окружил свое царство внушительным сиянием, под покровом которого государство в ближайшие затем царствования могло без слишком больших повреждений лавировать среди опасностей. Несколько десятилетий Византия жила политическим капиталом, накопленным Львом III и Константином V»¹⁰³. Его называли более талантливым полководцем, чем его отец, чьи победы стали хрестоматийными. «Не спонтанная удаля, но острый ум дальновидного стратега, соединенный с большой личной отвагой, позволил ему одержать блестящие победы над арабами и болгарами, которые сделали его кумиром солдат»¹⁰⁴.

Став по праву рождения царем, Константин V и не думал что-либо менять в политике и стратегии своего горячо любимого отца, которому он желал во всем следовать. В то время арабы по-прежнему представляли главную опасность для рубежей Римской империи, и против них он решил начать свой первый самостоятельный поход в июне 741 г. Благодаря трудам Льва III государство было крепко, армия многочисленна, а власть заслуженно пользовалась авторитетом у подданных. И молодой царь не подозревал, что опасность уже совсем близка. Исходила она от самого ближайшего окружения василевса — зятя покойного Льва III Исавра *Артавазда*, женатого на его дочери Анне, номинально числившегося комитом и стратигом фемы Опсикия, а в действительности являвшегося куропалатом дворца. Два его сына также занимали высшие ступеньки в иерархии византийской системы управления: один из них был стратигом Фракисийской фемы, второй возглавлял фему в Малой Азии¹⁰⁵.

Обязанный всем, что имел, покойному императору, Артавазд тем не менее считал *себя* единственным законным наследником Льва III, игнорируя династические права царевича Константина. В течение года наблюдая физическую слабость и болезни царя, предвидя скорую

смерть Льва Исавра, он плел паутину грандиозного заговора, в который оказались вовлечены многие видные сановники. В силу неведомых причин (хотя скорее всего заговор просто еще не был полностью подготовлен) заговорщики не посмели выступить непосредственно в дни скорби по покойному василевсу, но решили сделать это чуть позднее.

Когда Константин V с гвардией расположился лагерем во Фригии в местечке Красс, ожидая прихода остальных войск, «внезапно» взбунтовалась фема Опсикия, провозгласившая Артавазда императором. Царь повелел узурпатору явиться для объяснений, и тот действительно пошел навстречу своему монарху, но... вместе с войском. В короткой схватке погиб один из близких советников Константина V, служивший еще императору Льву III, патриций Висир, и император внезапно открыл для себя, что противопоставить узурпатору ему нечего. Будучи смелым и решительным, но в то же время очень осторожным человеком, император не стал искушать Бога и перебрался в расположенный неподалеку город Аморий — столицу фемы Анатолика, где у него было много сторонников. Этот город он сделал базой для будущих операций по восстановлению своей власти.

А узурпатор, посчитав партию молодого царя безнадежно проигранной, тем временем направился к Константинополю, где его уже ждали союзники — патриций и магистр Феофан, замещавший царя в государстве во время военного похода, и уже знакомый нам Константинопольский патриарх Анастасий. Их совместными усилиями был распущен слух среди столичных жителей, будто бы Константин V *погиб*, а все восточные фемы признали Артавазда, как близкого родственника последних императоров, царем. Нет ничего удивительного в том, что константинопольский обыватель поверил столь авторитетным свидетельствам, и вскоре Артавазд был венчан на царство патриархом Анастасием, презревшим и нравственный долг, и правила благочестия, и обычную признательность к своему покровителю, благодаря которому стал архипастырем столицы.

Чтобы окончательно уронить престиж молодого царя, о котором все же вскоре стало известно, что он жив и здоров, патриарх решился на совершенно недостойный поступок. Он *покаялся* на Кресте Господнем, что своими ушами слышал, будто Константин V отрицал Божество Христа как Сына Бога¹⁰⁶. Конечно, такое заявление сыграло свою роль: как иначе, если сам патриарх назвал Константина Исавра несторианином? Впрочем, зная уже характер

этого человека, а также иконоборческую аргументацию сына Льва Исавра, трудно поверить, что он в действительности являлся тайным еретиком.

Вскоре к Артавазду подошло подкрепление в виде войска Фракийской фемы во главе с его сыном Никифором. Солдаты заняли крепостные стены Константинополя и своим видом отбивали любое желание восставать против нового «царя», даже после раскрытия обмана. А сам Артавазд щедро раздавал государственную казну народу, дабы снискать его благосклонность.

Первое время ничто не угрожало узурпатору и его сторонникам, но затем стали поступать тревожные слухи, свидетельствующие о том, что Константин V вовсе не намерен прекращать борьбу за императорскую диадему и пурпурную обувь. В память о его отце почти все фемы Малой Азии выступили на стороне законного царя, включая флотскую фему Кивироэты, сыгравшую в будущих событиях едва ли не решающую роль. Положение Артавазда сразу стало шатким, и, надеясь вернуть расположение населения и епископов, он пошел на то, чтобы отменить иконоборческие указы Льва III Исавра. Нет никаких сомнений в том, что это было в буквальном смысле слова «*пиаром*». Ни Артавазд, ни патриарх Анастасий, ни остальные участники заговора не испытывали к иконам никакого расположения, тем более что сам Константинопольский архиерей взлетел на высший пьедестал духовной власти именно за счет своего иконоборчества. Однако этот расчет оказался не очень точным: то ли столичные жители не видели в церковной политике Льва Исавра никаких опасностей для свободы иконопочитания, то ли не поверили в праведность мотивов Артавазда, но новых союзников он не приобрел.

Тем временем Константин V со своим войском решительно подошел к Босфору и остановился в Хрисополе, но надвигающаяся зима не позволила ему штурмовать Константинополь. Он вновь отошел в Аморий, убедившись на деле, насколько одинок его противник. Эта временная передышка была использована Артаваздом довольно эффективно, хотя и не без ошибок. Пусть его не признавала Малая Азия, но Римский папа в благодарность за отмену иконоборческих эдиктов Льва Исавра посчитал его *законным императором* (!), о чем и уведомил письменно. Для упрочения власти Артавазд венчал на царство своего старшего сына Никифора, а второго сына, Никиту, назначил стратигом фемы Армениак, где у него, армянина, имелись сторонники из числа соотечественников¹⁰⁷. Однако, как вскоре выяснилось, даже эти меры не смогли реально изменить перспектив будущей между-

усобной войны, поскольку Артавазду противостоял воин величайшей отваги и полководец от Бога.

Весной 742 г. Константин V вновь подошел к Константинополю, и здесь открылись три крупных просчета узурпатора. Во-первых, он покинул город, отправившись в фему Опсикия, где неудачным управлением быстро восстановил против себя своих же недавних подданных. Во-вторых, Артавазд не сумел консолидировать свои силы, оказавшиеся разбросанными по стране. Наконец, в-третьих, он не обеспечил Константинополь запасами на случай осады — видимо, не ожидал, что дело может пойти так далеко. Но именно так и получилось.

В том же году при Сардах Константин Исавр нанес тяжелое поражение Артавазду, до сих пор не верившему, что «мальчишка» сможет разбить его, бывалого и опытного воина. Он спешно бежал в Константинополь, а император, не теряя времени, развернул свою армию, догнал сына Артавазда Никиту с армянским войском и в августе 742 г. разгромил его при городе Модрине, что находился в феме Вукеллари-ев. Несчастье для Артавазда заключалось в том, что хотя самому Никите удалось скрыться, в этой битве пали многие близкие советники и товарищи Артавазда, включая двоюродного брата узурпатора, патриция Тиридата¹⁰⁸.

После этих побед Константин V переправился через Босфор и осадил город с суши, а стратиг фемы Фракисийская Сисиний во главе флота блокировал Константинополь с моря — столица оказалась в осаде. Вскоре в городе наступил настоящий голод, а попытки Артавазда раздобыть продовольствие и доставить его в Константинополь не приносили успеха. Флот Константина Исавра легко перехватывал суда противника, направляя захваченное продовольствие для нужд своей армии. Осажденные попытались произвести вылазку на сухопутном участке обороны города, но вновь неудачно: Артавазд опять потерпел поражение и лишился своего главного помощника магистра Феофана, павшего на поле брани.

Ввиду опасности голода Артавазд пошел на то, чтобы разрешить выход из Константинополя женщинам и детям, принудительно заставив все мужское население взять в руки оружие. Однако мужчины не желали воевать: многие из них, переодевшись в женское платье или монашескую одежду, пытались выскользнуть из осажденной столицы. Их ловили слуги Артавазда и направляли в строй, что не придавало авторитета узурпатору. Но бывшего помощника Льва Исавра согревала мысль о сыне Никите, который, по получен-

ным сведениям, собрал новое войско и уже подошел к Хрисополю, желая деблокировать Константинополь. Однако Константин V и на этот раз разрушил все планы врага. Не снимая осады, он с частью войска внезапно переправился через пролив, догнал Никиту и вновь разгромил его, захватив сына Артавазда в плен вместе с бывшим епископом города Гангры Маркеллином, служащим в армии узурпатора.

Захваченные живые «трофеи» были представлены императором на обозрение всему городу, но Артавазд перенес и это страшное для себя известие. Оборона продолжалась, и только 2 ноября 742 г. царю удалось ворваться через сухопутную стену в город, из которого срочно бежали Артавазд и его ближайший помощник, тоже армянин, патрикий Вахтанг. Впрочем, далеко уйти им не удалось, и вскоре оба были представлены царю в цепях. Император не забыл патриарху Анастасию его измены и повелел подвергнуть того публичному бичеванию, провезти по ипподрому сидящим на осле задом наперед, а затем ослепить. Поразительнее всего то, что эта измена и унижения *не привели* к отставке архиерея, который вплоть до своей смерти в 754 г. оставался столичным патриархом¹⁰⁹.

Это была великая победа в военном отношении. Константин смог совершить то, что 25 лет тому назад не удалось громадному воинству арабов. С малой толикой войск и в считанные месяцы император взял Константинополь, нанеся врагам несколько поражений.

Радость победы была несколько омрачена страшным мором, охватившим Константинополь, и удивительными явлениями. На одеждах людей, дверях, священных предметах в храмах появлялись изображения креста. Другим людям были видения, будто воины бьются друг с другом. Множество горожан умирало, и даже отсутствовала возможность вывезти их тела на кладбище. Поэтому придумали специальное механическое приспособление, позволяющее подбирать усопших, которых сбрасывали в ямы — так велико было их число¹¹⁰.

Желая пробудить в жителях надежду на лучшую долю, император Константин V озадачился восстановлением городского хозяйства, пришедшего местами в негодность. В частности, он лично пожертвовал на обустройство городского водопровода средства, позволившие привлечь 7 тыс. рабочих; и те за лето выполнили все работы. Вообще же, продолжая традицию отца, царь вел очень скромный образ жизни, направляя все полученные средства на содержание и обновление армии, а также на иные нужды Римского государства.

Глава 2. Победоносный император. Войны с арабами и болгарами

Восстановив свои права на царский трон, Константин V сумел наконец продолжить дело отца, мечтавшего о возврате земель Римской империи, ранее захваченных арабами и болгарами. Надо сказать, время для войны с сарацинами было выбрано очень удачно, поскольку как раз в те годы в Халифате происходила междоусобная война между представителями династии Омейядов — настолько тяжелая, что мусульмане даже не имели возможности воспользоваться противостоянием Константина Исавра с Артаваздом.

Какой-то рок преследовал Омейядов со времени правления надменного и не очень подготовленного к своей миссии халифа Сулеймана. А затем сразу несколько обстоятельств наложились друг на друга, приведя к гибели эту некогда могущественную семью правителей Арабского халифата. Постоянные раздоры между *йеменцами* и *кайситами*, северянами и южанами, находившими своих покровителей среди родственников очередного халифа, краткость правления преемников Сулеймана, неизменно сопровождавшаяся переменой внутренней политики, когда в течение 26 лет фактическая власть 5 раз переходила от одной племенной группы к другой, вела к ожесточенным преследованиям и казням некогда бывших самых влиятельных лиц в государстве. Кроме того, в сознании своем Омейяды принадлежали, скорее, к типу государственных деятелей, чем религиозных лидеров. Они заняли довольно умеренную позицию по отношению к лицам, стремящимся перейти в ислам, но никогда не доходили до крайностей, присущих их противникам из среды сторонников покойного халифа Али, нашедших убежище на Востоке.

Но еще большие волнения ждали мусульманский мир при халифе Умаре II, который не только потерпел поражение от Льва Исавра, но и произвел некоторые перемены в стране, самым негативным образом сказавшиеся на репутации его семьи и состоянии дел в государстве. Будучи религиозным человеком (даже *слишком* религиозным на фоне своих предшественников), этот халиф решил устранить препятствия для иноверцев к переходу в ислам, а потому отменил старый закон об обязательной уплате теми специального налога при смене веры. С одной стороны, это был предусмотрительный шаг, приведший в мир ислама миллионы новых почитателей. Ведь в тех случаях, когда иноверец переходил в ислам с корыстной целью, обратная смена веры ка-

ралась смертью. Поэтому через 1—2 поколения новый мусульманин, желая того или нет, создавал искреннего и убежденного последователя пророка Мухаммеда. С другой — государственная казна сразу лишилась значительной части средств, источником которых был именно этот налог. Кроме того, желая сохранить старые законы, заповеданные пророком Мухаммедом, Умар II запретил мусульманам приобретать недвижимое имущество, за исключением того, что они присвоили себе ранее в ходе военных походов. Это вызвало вполне прогнозируемое недовольство арабов, посчитавших свои права нарушенными¹¹¹.

Наконец, желая положить конец раздорам с шиитами, Умар II запретил в 718 г. проклинать имя халифа Али во время пятничного богослужения, как это было ранее, после чего шииты открыто стали исповедовать почитание своих святых и... проклинать Омейядов, погубивших тех. Когда после смерти Умара II халифом стал Хишам, отличавшийся гораздо большими государственными дарованиями, часть нововведений тут же была упразднена. Но и Хишам допускал роковые ошибки. Одна из них заключалась в распространении на африканских берберов возвращенного налога при переходе в ислам, который ранее взыскивался лишь с иудеев и христиан. Гордые сыны Северной Африки были глубоко возмущены тем, что им, так горячо и искренне принявшим веру в Аллаха, приходится платить позорный (на их взгляд) налог, да еще и поставлять лучших своих дочерей в качестве подарков сановникам в Дамаск. Поэтому берберы моментально скооперировались с хариджитами, в массе своей скрывающимися от преследований официальных властей в африканских пустынях, и подняли знамя восстания. На всех территориях, ныне принадлежащих Марокко, берберы отказались признавать власть арабов, а вдобавок ко всему отрезали от Дамаска и Испанию, где находились преданные Омейядам части.

Для подавления восстания халиф отправил в Африку корпус во главе с Кулсумом ибн Иядом, не скрывавшим своего презрения к берберам. Но в битве между ними, произошедшей во второй половине 741 г., арабы были разгромлены, *стерты в порошок* полугольми варварами. По оценкам исследователей, это поражение было сродни гибели арабских войск у стен Константинополя и при Пуатье, сражение, *перевернувшее* историю Арабского халифата¹¹².

Это событие тут же нашло отклик на Ближнем Востоке, где в горах Ирана пребывали сторонники покойного халифа Али. После известий о поражении Омейядов в Африке они подняли черное знамя *Аббасидов*, приходившихся потомками пророку Мухаммеду по его дяде Аббасу. Основные события разворачивались в Иране, куда переселилось

более 250 тыс. арабов иранского происхождения под командованием *Абу Муслима*. Очень быстро тот собрал под своей рукой около 100 тыс. вооруженных воинов, в число которых входили не только арабы-мусульмане, но и персы-зороастрийцы и маздаиты. В 747 г. была штурмом взята столица провинции Хорасана Мерв, а затем Нишапур. 2 сентября 749 г. сторонники Абу Муслима завладели Куфой, после чего объявили своего вождя повелителем правоверных, *амир-ал-муминин*, халифом ислама. Отныне тот стал именоваться *Абуль Аббас ал Саффахом* («проливающий кровь») — (749—754)¹¹³.

В Дамаске в это время правил последний Омейяд *Марван ибн Мухаммад* (744—750). Человек, не лишенный государственных и полководческих дарований, он принял страну в состоянии угрожающего кризиса. Едва вступив на престол, Марван тут же приказал освободить всех лиц, томящихся по приказу его предшественников в темнице, и даже предоставил гарантии безопасности (которые безукоризненно соблюдал) бывшему халифу *Ибрахиму ибн Аль-Валиду* (744), попытавшемуся узурпировать власть в Халифате. Однако мятежи в провинциях продолжались. Вначале восстали жители Хомса, затем взбунтовался Дамаск, первые лица которого желали поставить на престол другого претендента. Вслед за ними отказала в верности Марвану Палестина, где *Сулайман ибн Хишам*, двоюродный брат самого халифа, заявил собственные права на власть. И хотя Марван лично разгромил брата в сражении, тот бежал в Тадмор, чтобы продолжить борьбу.

Активизировались и хариджиты, которых Марван также разгромил в битве, в очередной раз блеснув военными талантами. На время удалось погасить восстания в Ираке, и правитель его даже отправил в Мосул, где продолжал боевые действия сам халиф, некоторые подкрепления. Но в 748 г. некто Абу Хамза возглавил восстание в Медине, куда как раз прибыло множество паломников из числа мусульман-ортодоксов, и целых три месяца удерживал город в своей власти, пока его не разбили правительственные войска¹¹⁴.

Но главная опасность, вышедшая из Ирана, не была устранена. Одно за другим бросал против Аббасидов войска халиф, но каждый раз его воины терпели поражения. В конце концов он сам решил дать сражение ал Саффаху, но в битве около Большого Заба потерпел поражение и бежал в Дамаск, жители которого отказались впустить халифа внутрь городских стен. Еще некоторое время Марван скрывался в Египте, пока там его не настиг меч палача. Теперь ал Саффах стал единоличным правителем Халифата и, желая отомстить ненавистным Омейядам, приказал уничтожить всех отпрысков этого племени

и даже велел выкопать из земли останки покойных халифов, сжечь их, а пепел развеять по ветру.

Единственный из Омейядов, кто выжил в этой кровавой бойне, стал *Абд ар-Рахман ибн Муавия*, внук халифа Хишама, который после четырех лет скитаний по Северной Африке нашел гостеприимство у берберов, потомком которых являлся по материнской линии, переправился через Гибралтарский пролив и высадился в Испании. Там осенью 756 г. он был провозглашен эмиром Андалусии, *амир-ал-Андалус*, найдя союзников среди испанских арабов, среди которых было много выходцев из Сирии и Палестины — на них всегда опирались его предки. Так началась история династии испанских Омейядов, проживших у власти на полуострове почти 300 лет.

С 755 г. власть Аббасидов в Халифате стала безусловной; им покорились все противоборствующие стороны, наступила новая эпоха, коренным образом изменившая не только мир ислама, но и внешнее положение Византии. Ненавидя Сирию и сирийских арабов, Аббасиды тут же перенесли столицу Халифата в Багдад, вследствие чего центр политической власти перекочевал со Средиземноморья в сторону Ближнего Востока. Нет, конечно же, Аббасиды не отказались от военных действий на Западе, но все же главный вектор их политики теперь был нацелен на Персию и Индию. Ортодоксальные мусульмане, Аббасиды сразу же сделали ставку исключительно на своих соплеменников, арабов, которые заняли все высшие посты в государстве. Это нововведение стало особенно заметно на фоне былой политики Омейядов, охотно пользовавшихся услугами христиан¹¹⁵.

Не дожидаясь, когда враги соберутся с силами, Византийский император еще в 745 г. вступил с войском в область за Тавром и сделал неплохие территориальные приобретения в Сирии. Особая удача заключалась в том, что царю удалось вернуть Римской империи Германикею — родину своих предков, где все еще проживали некоторые родственники Константина V по материнской линии. Теперь их спешно вывезли в Константинополь. Конечно, арабы пытались сопротивляться, но в следующем, 746 году арабский флот был наголову разбит византийской эскадрой у острова Крит, отвоеванного мусульманами еще при императоре Юстиниане II. Отныне это стало новым территориальным приобретением Римского царя.

Но еще более грандиозные успехи ожидали византийскую армию в период с 750 по 756 г., когда арабы терпели одно поражение за другим, не в силах противостоять их полкам. В 751 г. император Константин V вступил в Северную Месопотамию, а затем в Южную Армению. Он

осадил ключевой пункт обороны, город Мелитену, и вскоре заставил арабский гарнизон сложить оружие. Участь Мелитены разделили Эрзерум (Феодосиополь), Малатия и Самосат. Мало-помалу император приблизился к старой римско-персидской границе, но убедился, что закрепить свою власть на этих землях не в состоянии. Пришлось применить метод «выжженной земли». Христианское население выселялось в другие фемы по своему выбору (главным образом во Фракию, где оно получало земельные участки и денежную помощь от императора), а мусульманам предлагалось поискать другие места для жительства. Укрепления захваченных городов срывались, сами города разрушались, чтобы лишить противника материальной базы для новых операций и денежных поступлений в виде налогов. Как это обычно бывает, успехи римского оружия пробудили симпатии к Константину V со стороны местного населения, особенно в Армении, где у него имелось много сторонников среди местных аристократов¹¹⁶.

Как замечают исследователи, победы Константина Исавра оказались весьма симптоматичными: времена, когда Византия боролась за собственное существование, ушли в прошлое. Теперь борьба византийской и арабской цивилизаций приняла характер приграничной войны, причем *стратегическая инициатива* начала переходить в руки греков. Теперь Империя чаще атаковала, чем оборонялась¹¹⁷.

Внутренние неурядицы и постоянные поражения вынудили арабов искать мира, и после этого в течение многих лет восточная граница находилась в относительном покое. Конечно, ежегодно на приграничных землях происходили мелкие военные столкновения, дававшие успех то византийцам, то арабам, но *войны* не было. Только в 768 г. арабы решились на крупную операцию в Армении, но византийские войска отразили угрозу со стороны арабского полководца ал-Аббаса. В 770 г. действия мусульман были чуть успешнее. Они захватили Германикею, но когда захотели проникнуть дальше в Малую Азию, соединенные войска трех фем (Анатолики, Армениака и Вукеллариев) дали отпор врагу. Римляне окружили арабов, и тем с великим трудом удалось прорваться домой¹¹⁸. Постепенно граница Византийской империи на Востоке все ближе и ближе подходила к крепостям Даре и Нисибе, восстанавливаясь до тех пределов, в которых существовало Римское государство при императорах св. Феодосии Великом и св. Юстиниане Великом.

Гораздо сложнее обстояли дела на Западе, где довлела болгарская орда, полностью оккупировавшая провинцию Мизию. В отличие от многих своих соотечественников-кочевников болгары определенно

проявляли стремление к созданию самостоятельного государства и желание занять истощенные набегами и славянской колонизацией Балканы. Хотя *формально* граница между болгарами и Римской империей проходила по предгорью Балкан, на самом деле болгары давно, еще при Льве III Исавре, свободно проходили горные перевалы, пронося все южнее и южнее.

Безусловно, это был очень сильный враг, и по вполне понятным причинам Константин V даже не догадывался, что в лице болгар Византийская империя уже столкнулась со стратегическим противником, желавшим либо *подчинить* себе Римскую империю, либо посадить на Византийский трон своего царя. В специальной литературе много (и вполне обоснованно) пишут о противостоянии Запада и Востока, попытках Франкских и Германских королей выступить в роли преемников славы древних Римских императоров, но мало упоминают, что аналогичные мотивы двигали честолюбивых болгар, *столетиями* воевавших с Византией. Это противостояние закончилось только в XIV веке, после захвата Болгарии турками.

Отдавая себе отчет в ненадежности отношений с болгарами, Константин V, как только ситуация на арабской границе нормализовалась, начал укреплять западные рубежи на Балканах, построив целую сеть крепостей, эффективность действий которых против кочевых варваров уже давно стала общеизвестной. Ввиду того, что балканские земли обезлюдели, он в срочном порядке переселил сюда армян, сирийцев, взятых в плен в Римо-арабских войнах, а также тех христиан, которые не пожелали оставаться под властью халифа. Однако наибольший процент из числа переселенных на Балканы лиц составили так называемые *павликиане* — приверженцы специфической христианской секты.

Родоначальник этой ереси, некто Константин, происходил из Самосата и из уважения к святому апостолу Павлу присвоил себе прозвище Сильван. В 660 г. Сильван основал свою секту в Армении, а затем она получила большое распространение. Павликиане качественно иначе понимали догмат о Пресвятой Троице, а в Богородице видели лишь простой орган, которым воспользовался Богочеловек, чтобы явиться в мир. Более того, упорные в своей ереси, они утверждали, будто Пресвятая Богородица родила от своего мужа, св. Иосифа, еще нескольких детей (очевидное кощунство), не признавали монашества, постов, таинства Причастия, поклонение святым иконам и вообще изображение креста. Как все дуалисты, павликиане полагали, будто есть два «бога». Один, злой — творец мира; другой, добрый — творец мира будущего¹¹⁹.

Когда в 687 г. Сильван был казнен, общину возглавил его воспитанник Симеон, принявший имя Тит. Эту-то группу, весьма распространившуюся по Малой Азии, и решил переселить на Балканы император, преследуя одновременно несколько целей. В первую очередь он желал освободить из-под влияния павликиан дорогие ему фемы, открыто поддерживавшие его в междоусобной войне с Артаваздом. Были и более практические соображения: государство действительно нуждалось в рабочих руках, и многочисленная община павликиан могла восполнить дефицит рабочей силы на Западе. Крепко спаянные, они могли успешно противостоять колонизации Балкан славянами и болгарами. Вполне можно допустить, что, отрицая иконы, павликиане не казались верховной власти Византии такими уж «потерянными» еретиками — в крайних случаях, как это нередко бывает, общность интересов находят даже в незначительных нюансах. Кроме того, как говорится, павликиане «сыграли» на византийских традициях общинного землевладения, согласно которым каждая крестьянская община имела право создавать «свою» церковь и влиять на поставление священников в свои храмы. Но, став на ноги, павликиане открыто начали отрицать официальную церковную иерархию. Как ни странно, но эта ересь, вобравшая в себя зачатки почти всех ранее известных заблуждений, окажется живучей, и мы еще не раз столкнемся с ее представителями в другие исторические периоды¹²⁰.

Так или иначе, но масштабная операция по переселению павликиан была завершена, что вызвало немалую озабоченность со стороны воинственных болгар. В 755 г. они обратились с требованием к императору Константину V увеличить количество ежегодно уплачиваемой им дани за построенные укрепления и вернуть павликиан на прежнее место проживания. Но Константин V был не тем человеком, который молча спускал такие угрозы, и болгарам был дан категоричный отказ. В ответ они устроили набег, опустошив всю Фракию и дойдя даже до Длинных стен Константинополя¹²¹.

Реакция царя оказалась молниеносной: в 756 г. он собрал войско, догнал болгар и в жарком сражении разгромил их. Затем император организовал флот, усилил свое войско свежими резервами и отправился с экспедицией на Дунай, где вновь нанес разбойникам страшное поражение. Военная стратегия императора Константина V была смелой и продуманной. Часть византийской эскадры зашла в устье Дуная, оставив врагов в тылу. Высаженный десант во главе с царем разграбил Фракию, а затем направился к городу Маркелл, где собралось болгарское войско. Как всегда, римляне под руководством *этого* императора

вновь одержали блистательную победу, и болгары срочно запросили мира, выдав в качестве заложников ханских детей. Более того, согласно условиям мирного договора, римляне больше не должны были выплачивать варварам дань — несомненный успех, аналога которому не было уже многие столетия¹²². Так завершился первый *из девяти* (!) военных походов императора Константина V против болгар.

Последовавшие затем распри между болгарами были объективно на руку Византийскому правительству, которое собирало силы для нового похода против опасного соседа. Весной 759 г., отслужив молебен о даровании победы, царь вместе с воинством двинулся во Фракию, отказавшись на этот раз (и, конечно, напрасно) от услуг флота. Первоначально все шло успешно — римское войско продвигалось в глубь вражеской территории. Болгары благоразумно уклонялись от сражения в открытом поле, прекрасно понимая, что против железных римских полков и тяжелой кавалерии они бессильны. Но когда византийцы вошли в Вырбишскую долину, горы ожили — это болгары расстреливали их из луков и давили камнями, сбрасываемыми сверху. Сражение длилось недолго: почувствовав, что удача сегодня не на его стороне, император дал приказ отступать¹²³. Хотя фортуна на этот раз выбрала болгар, их хан *Винех* (756—762) не решился преследовать римлян и подтвердил условия мира.

Затем последовал длительный перерыв в военных действиях, объяснимый внутренними распрями, вновь начавшимися в Болгарии, а также желанием императора и его штаба учесть свои ошибки в предыдущей кампании. Помимо сугубо военных мероприятий, правительство императора Константина V организовало и блестяще провело переселение массы славян в Малую Азию, говорят, числом до 208 тыс. человек. Это была глубоко продуманная акция, преследовавшая, как это обычно любил делать царь, сразу несколько целей. Во-первых, византийцы точно рассчитали, что переселенцы уже в самое ближайшее время утратят свои племенные традиции и ассимилируются с местным населением, увеличив число жителей азиатских фем. А, во-вторых, они лишали болгар новых подданных, за счет которых те могли существовать. Так военные цели тесно переплелись с экономическими выгодами.

Пока происходили эти масштабные процессы, среди болгар появился новый хан *Телец* (762—764) 30 лет от роду, чрезвычайно агрессивный и честолюбивый вождь. Конечно, первым делом он желал поквитаться с врагами своего племени и взять реванш за последние неудачи. Но Константин V не стал ждать врага, а смело пошел ему на-

встречу. 17 июня 763 г. римский флот числом около 800 кораблей, на каждом из которых были размещены по 12 тяжеловооруженных всадников, вышел из Константинополя и взял курс на город Анхиал. Сухопутное войско двинулось своим путем на соединение с кавалерией. Поле сражения под Анхиалом, где римлян ждал с 20-тысячным войском хан Телец, представляло собой обширную равнину 25 на 10 кв. км — явная оплошность болгар, легкомысленно предоставивших византийцам возможность максимально эффективно использовать свою знаменитую тяжелую кавалерию. Сломив упорное сопротивление врагов, император к концу дня нанес им окончательное поражение, разметав остатки вражеских войск и взяв громадную добычу. В частности, среди трофеев римлян значились два громадных золотых сосуда весом по 800 литров каждый, отлитых на Сицилии¹²⁴. Это был самый замечательный успех в биографии Римского императора, блестящая и заслуженная победа.

Возвратившись в столицу, император Константин Исавр устроил триумф своему войску. Пленных было так много, что император дарил их победителям конских ристаний на ипподроме. Здесь случился один неприятный эпизод: некоторых болгарских вождей царь выдал толпе, и их просто *растерзали* прямо на улицах Константинополя. Отзвук от византийских побед прокатился по всему миру. На глазах изумленной Вселенной Римская империя вновь оживала после страшных поражений минувших лет.

Последняя битва завершила политическую карьеру и жизнь хана Тельца, которого убили его же соотечественники. Новым ханом болгар стал *Сабин* (764—766), против которого Римский царь начал подготовку нового, четвертого по счету, похода. План кампании был просчитан блестяще, римляне собрали громадное войско и имели все шансы на успех в предстоящей войне. Для начала в 765 г. римляне организовали небольшое наступление на Болгарию, взяли Балканский проход и захватили штурмом один крупный аул — это была разведка боем, преследующая целью выяснить боеспособность врага. Опасаясь нового разгрома, Сабин затеял мирные переговоры, не увенчавшиеся успехом. Но, как говорится, человек предполагает, а Бог располагает: императорский военный штаб учел все, кроме стихии. Корабли, на которые посадили десант, были буквально сметены страшной бурей, разыгравшейся на море. Солдаты тонули и разбивались об острые камни, на которые волны выбрасывали суда. Тысячи трупов качались на поверхности моря, и царь приказал сетями собирать своих товарищей по оружию, нашедших гибель в морской пучине. После такой катастрофы

наступление не имело смысла, и Константин V приказал войскам повернуть обратно; 17 июля 766 г. он уже был в Константинополе.

Удивительно, но и эта неудача римлян не прибавила болгарам оптимизма, хан которых Сабин не переставал направлять посольства в Византийскую столицу с предложениями о мире. Его инициативы вызвали понятное подозрение среди остальных болгар, открыто вопрошавших своего властителя: «Ты хочешь поработить Болгарию римлянам?»¹²⁵ Неизвестно, были ли они правы, но, почувствовав опасность, Сабин действительно сбежал от своих подданных — вначале в Месемврию, а оттуда в Константинополь. Влияние Византии и страх перед ней были таковы, что болгары не осмелились ослушаться приказа императора Константина Исавра о выдаче его слугам родственников хана Сабина для выезда в Константинополь.

Шло время, римляне восстанавливали свои силы после тяжелых потерь последнего похода, а у болгар переворот сменялся переворотом. Погибли один за другим два выбранных в правители хана, и, наконец, долгожданный мир с Византией был заключен. Римский царь не только заставил болгар просить мира, забыв о какой-либо дани, но и выступил в привычной для древних императоров роли *мирового арбитра*, примирив двух болгарских ханов. В самой Болгарии возникла сильная провизантийская партия. На некоторое время Римский император фактически стал полным властителем этой страны, без согласия которого любое крупное политическое событие было обречено на провал.

Однако, почувствовав в 768 г., что долгий мир постепенно «сжедает» его стратегическую инициативу, Константин V организовал новый, пятый по счету, поход, оказавшийся практически бескровным; в буквальном смысле слова *прогулкой* по вражеской территории. Римская армия захватила ханский аул, сожгла его, но, получив известие о том, что болгарские отряды пытаются вторгнуться на римские земли, вернулась в отечество. Конечно, после этого и болгары повернули обратно.

А в Болгарии продолжались «ханские дожди», следствием которых стало избрание правителем варваров хана *Телерига* (769—777), втайне мечтавшего восстановить свою страну в прежних размерах. Для начала он намеревался напасть на славянское племя *велесичей*, признававших протекторат Византии, с целью принудительного их переселения в Болгарию для пополнения числа рабочих рук. Но Римский император, имевший разветвленную сеть осведомителей и сторонников в самой Болгарии, своевременно узнал о грозящей опасности. В 773 г. он направил кавалерийские части и флот в Болгарию и, продемонстриро-

вав силу, вернулся обратно, произведя на врага большое впечатление мощью своей армии¹²⁶.

В это время в Константинополе находились болгарские послы, заверявшие императора о желании Телерига сохранить мир. Убедившись в коварстве болгар, Константин V сделал вид, что поверил им и уведомил в свою очередь, будто собирается начать поход против арабов. На глазах посланников Болгарского хана на азиатский берег Босфора были переправлены тяжелые осадные машины и воинские знамена выступающих в поход частей. Но когда послы отбыли, царь внезапно организовал второй поход за один год, собрав войска Фракисийской фемы и отдельные кавалерийские части. Судьба этой новой кампании решилась в сражении у Лисофосория, близ Балканских гор. Внезапно напав на болгарский лагерь, греки нанесли врагу тяжелейшее поражение, еще более страшное, чем у Анхиала.

Как грамотный и трезвый стратег император прекрасно понимал, что отдельные поражения не могут сломить болгарский натиск, и потому удовлетворился подтверждением мирного договора и корректировкой границ в пользу Византийской империи. Однако он не мог потерпеть никаких попыток нарушить *status quo*, и потому, как только пришли тревожные известия о новых приготовлениях болгар, организовал восьмой по счету поход на Болгарию в 774 году. И вновь, как и раньше, стихия активно вмешалась в планы царя. Флот, который должен был взять на свой борт кавалерию, попал в бурю, и римские суда понесли потери. Понятно, что пришлось вернуть сухопутные войска обратно. Но и эта операция дала положительный результат — если целью кампании являлась демонстрация римской мощи и очередные мирные инициативы болгар, то она была достигнута.

Наконец, в последний год своей жизни, в 775 г., Константин V предпринял девятый по счету поход, не доведенный до конца по печальным причинам. Как всегда, император располагался впереди войска, но внезапно почувствовал недомогание (у него случился страшный внутренний жар), и солдаты на руках отнесли любимого царя, товарища по своим тяжелым и победоносным походам, на императорский корабль, покрытый царственным пурпуром. Когда судно прибыло в Константинополь, император был уже мертв.

Так закончились Болгаро-римские войны Константина V, имевшие важнейшее значение и для судеб Римской империи, и для самих болгар. *Впервые* за многие десятилетия Византия вздохнула спокойно и перестала опасаться грозных кочевников, от симпатий и антипатий которых зависело само существование Римского государства. Но и

для болгар столь тесное сближение с христианской культурой оказалось чрезвычайно плодотворным и перспективным. Уже хан Телериг, смещенный соотечественниками, бежал в Константинополь, где принял христианство, получил сан патриция и женился на Византийской принцессе. Остальные аристократы Болгарии, приезжая в столицу, впитывали в себя греческую культуру и римские политические понятия. Неудивительно, что вскоре Болгария предстанет перед историей в качестве нового христианского государства, созданного по византийским лекалам¹²⁷.

Глава 3. Положение дел в Италии. «Папская революция»

Как ни блистательно складывались дела на Востоке и на Балканах, существовала проблема, разрешение которой оказалось не под силу ни Льву III, ни Константину V, — Италия. При блестящих победах над арабами и болгарами Византийская империя явно была не в состоянии деятельно укреплять свое влияние на Западе. Да и какое государство способно успешно воевать сразу на *три фронта*? Италия все больше и больше отходила от Византийской империи, живя собственной жизнью и пребывая в поисках новых союзников с близкими для нее интересами. Нередко полагают, будто главной причиной этого процесса стал иконоборческий кризис и осложнение отношений между Византийским императором и Римским епископом. Однако исторические факты свидетельствуют о том, что расхождения между Западом и Востоком во взглядах на святые иконы в те десятилетия имели *относительное* касание к существу вопроса. И последующее развитие событий можно в значительной степени отнести к *практической реализации* основополагающих, доктринальных принципов неписаного политического учения Римской кафедры, наложившихся на способствующие внешние обстоятельства.

После смерти папы Григория III престол Римского апостолика уже через четыре дня оказался занят греком *Захарием* (741—752), родом из Калабрии. Как кажется, он был образованным человеком, и его перу принадлежали переводы с греческого языка на латынь и наоборот. В юности Захарий перебрался в Рим, где принял монашеский постриг, затем стал диаконом-кардиналом, а затем поднялся на высшую духовную должность в Римской церкви. Его избрание народом и сенатом Рима прошло без утверждения Равеннским экзархом, представителем

императора, что красноречиво свидетельствует об уровне авторитета Византийского царя на Западе.

Нельзя сказать, что новому папе оставалось поживать на лаврах — угроза лангобардов занять Рим по-прежнему казалась чрезвычайно актуальной. Надеяться на помощь франков не приходилось, поскольку после смерти Карла Мартелла во Франкском государстве началась война между его тремя сыновьями — Пипином, Карломаном и Грифоном при живом, хотя и *номинальном* короле из династии Меровингов, *Хильдерихе III* (743—751). Едва ли можно было всерьез рассчитывать и на Константинополь: после того как папа Захарий попытался сделать ставку на Артавазда, признав того законным императором, всем стало ясно, что Константин V пальцем не пошевелит для защиты мятежного понтифика, проигнорировавшего, помимо прочего, волю царя и даже не удосужившегося узнать его мнение о своем избрании. Поэтому, взвесив все шансы, папа Захарий начал собственную игру.

Апостолик не постеснялся вступить в переговоры с Лангобардским королем Лиутпрандом, и вскоре между ними состоялось тайное соглашение, в соответствии с которым папа отступился от герцога Тразамунда, недавнего союзника своего предшественника, а король пообещал вернуть Римскому епископу четыре города из владений Империи, ранее захваченных им. С помощью городского ополчения Рима Лиутпранд вскоре победил Тразамунда, воззавшего к его милости и получившего монашеский постриг в качестве способа сохранения жизни, но лангобард явно не спешил выполнить свои обязательства перед Захарием. Тогда весной 742 г. папа лично явился к нему в ставку и убедил короля исполнить свои обещания. «Нюанс» заключался в том, что ранее эти земли относились к владениям Римского императора, права которого даже не были озвучены в мирной беседе между понтификом и германцем. Теперь это стало *папским владением*, согласно хартии, подписанной сторонами по сделке, положенной на алтарь в храме Св. Апостола Петра в Риме. Папа вернулся в Вечный город как триумфатор и убедился, что этот великий город отныне принадлежит лишь ему одному.

Для Константинополя было большим потрясением узнать, что договор, заключенный между Захарием и Лиутпрандом являлся *сепаратным* и не касался византийцев, с которыми лангобарды продолжали военные действия. Правда, папа вскоре реабилитировался перед императором — как только стало известно, что германцы готовят поход на Равенну, Эмилию и Пентаполис, экзарх совместно с Равеннским архиепископом Иоанном обратились к папе с горячей просьбой

выступить посредником между ними и Лиутпрандом. Апостолик с готовностью принял на себя эту роль, но Лангобардский король активно избегал встречи с ним, отказывая папским послам в приеме и явно не желал встречаться с папой, красноречия которого боялся как огня. Но Захарий умудрился все же заставить короля принять себя, когда *лично* явился в его ставку. И на этот раз король, пораженный умом и монологом Захария, обещал вернуть византийцам все, что ранее завоевал у Римской империи. Он даже согласился подписать с Константинополем мирный договор, а также бесплатно вернул пленных византийцев и итальянцев. Конечно, это была большая дипломатическая победа. К сожалению, ее плодами не удалось воспользоваться в полной мере, поскольку вскоре Лиутпранд скончался¹²⁸.

Эта смерть многое изменила на политической карте Запада. Авторитет духовной власти Римского епископа и лично папы Захария к тому времени был столь велик и безусловен, что этот понтифик фактически *распределял* королевские троны. Его власть как предстоятеля Римской церкви особенно проявилась в ходе реформы Галльской церкви, случившейся при Франкском короле *Карломане* (741–747), находившемся под сильнейшим влиянием святителя Германии *св. Бонифация*. В 743 г. король созвал Собор в Австразии, решения которого папа Захарий охотно одобрил. В преамбуле капитулярия Собора приводятся слова короля: «Именем Господа нашего Иисуса Христа я, Карломан, герцог и князь франков, по совету служителей Бога и моих оптиматов, собрал епископов и священников, находящихся в моем королевстве, чтобы получить от них совет о средствах восстановления законов Бога и Церкви, извращенных предшествующими князьями, и дать возможность христианскому народу спасти свою душу и не быть втянутым в погибель лжепастырями»¹²⁹.

В 744 г. папа санкционировал новый Собор в Эстинне, на котором был решен вопрос о ранее секуляризованных церковных землях. Они остались в *номинальной собственности* Церкви и с тех пор считались *прекариями* (временными владениями) короля. Главное, что понтифик распространил власть св. Бонифация на всю Франкскую державу, что не могло не вызвать бурной и негативной реакции самих франков. Их настроения можно понять, если мы учтем, что св. Бонифаций являлся *англичанином*. Но папа был неумолим...

В 747 г., видимо, не без участия папы, легаты которого оказали сильное влияние на благочестивого и набожного наследника Карла Мартелла, Карломан явился в Рим и пал ниц перед Захарием с просьбой благословить его пострижение в монашеский чин. Едва ли могут

быть сомнения в том, что на этот поступок его активно подталкивал брат Пипин, желавший взять власть в свои руки и править *единолично*. Ему еще пришлось потратить немало усилий, дабы «разобраться» со своим братом Грифоном и могущественными аристократами, но Пипин не страдал отсутствием характера и ума, и эти задачи оказались ему по плечу. После этого распря у франков закончилась, и *Пипин* (747—768) стал единственным наследником власти своего отца. Но еще более яркое событие произошло двумя годами позже, когда новый Лангобардский король *Ратхис* (744—749 и 756—757) повторил поступок Карломана. В 749 г. он нарушил ранее подтвержденный мирный договор, объявил войну Пентаполису и осадил Перуджу, однако затем кардинально изменил свои планы, приняв монашеский постриг и прекратив войну¹³⁰.

На этот раз ни у кого не возникло сомнений в том, что отказ от трона могущественного Лангобардского короля произошел под влиянием бесед с ним папы, выехавшего в королевскую ставку и за два дня совершившего полный переворот в душе молодого монарха. Но и папе не суждено было прозреть даже самое близкое будущее — брат и преемник Ратхиса, пылкий *Айстульф* (749—756), решил довести до конца дело своих предков и подчинить себе коварного папу, доставлявшего столько хлопот лангобардам.

Только теперь папа понял, какая опасность нависла над Римом и им лично, и возблагодарил Бога за то, что некогда невольно помог Пипину освободиться от конкурентов. Папа узнал, что энергичный франк, сосредоточивший в своих руках практически всю власть во Франкском королевстве, жаждал приобрести королевский венец, но благоразумно стремился сделать это *законным* путем. Было очевидно, что физическое смещение представителя древнего рода Меровингов, короля Хильдериха III, было невыгодно: свободолюбивые франки, высоко ценившие свое право назначать королей, могли не признать законности прав Пипина. Благоразумие взяло верх над желанием, и Пипин организовал народное собрание, которое без излишних угрызений совести проигнорировало старинное право передачи верховной власти по наследству, провозгласив первого представителя рода Каролингов, Пипина, своим королем.

Но это было половиной дела. То ли Пипин сам пришел к такому оригинальному решению, то ли выход ему подсказали франкские клирики, имевшие прямую связь с апостоликом, но в 751 г. в Рим было направлено посольство к папе Захарию с просьбой освободить франков от присяги Меровингам и узаконить избрание Пипина. Надо отдать

должное понтифику — тот моментально оценил всю нестандартность создавшегося положения и попытался извлечь из него сразу несколько выгод. Папа благосклонно пояснил, что, действительно, источником всякой власти является народ, как это всегда и было в Римской империи, но это «право народа» *подлежит узаконению* со стороны Римского епископа.

В известной степени формально папа был прав, поскольку старые римские представления о народе как источнике политической власти не изжили себя до конца даже на Востоке, не говоря уже об Италии с ее республиканским духом. Однако все последующее монархическое строительство в Римской империи уже давно наделило эту идею качественно иным содержанием. Даже в древние времена, когда Италия знала законных царей, соправительствующих с императорами Востока, ссылка на народную волю являлась не более чем *данью памяти* Республике, не имеющей практического значения. Так сказать, один из примеров политического консерватизма, вообще присущего римскому сознанию. После императора св. Юстиниана Великого и его преемников с их представлениями о Богоустановленности монаршей власти, убежденностью, что Римский царь является источником политической власти *любого* правителя в любой точке Вселенной, пассаж папы Захария выглядел эклектичным соединением совершенно разнородных и отделенных по времени политических идей, традиций и институтов¹³¹.

Безусловно, такое важное событие не должно было случиться без уведомления единственного носителя законной власти — Римского императора, но папа не спешил советоваться с Константином V, чему были свои причины. Во-первых, он прекрасно понимал, что независимые франки крайне негативно отнесутся к перспективе согласования венчания Пипина на власть с Византийским царем. Во-вторых, при таком сценарии папское участие в деле узаконения прав новой Франкской королевской династии сильно проигрывало в цене и значении. Кроме того, в этом случае его обращение к Пипину о защите от лангобардов уже не выглядело как законное требование к «сыну» защитить «отца», которому он всем обязан. Это становилось просьбой униженного и слабого лица, выполнение которой с железной необходимостью вызывало новые обязательства со стороны папы перед Пипином.

Можно еще долго распространяться на эту тему, открывая все новые и новые нюансы, но для нас в данной ситуации важно другое. В любом случае слова Захария об *обязательном* узаконении власти короля папой, как неотъемлемом критерии законной власти Франкского

монарха, дали начало настоящему политическому перевороту, «папской революции». Уже 300 лет папа не венчал на царство ни одного Римского императора — это давно стало неписаной прерогативой Константинопольского патриарха. А теперь понтифик вернулся к старым формам, которые наполнил молодым вином. По новой версии апостолика, *единственным источником власти* является он сам, по милости, дарованной ему, как преемнику святого апостола Петра, Богом.

Скрыв от императора факт обращения к нему Пипина, папа Захарий направил поручение своему легату, св. Бонифацию, совершить таинство венчания нового Франкского короля. Сам Захарий, скончавшийся 14 марта 752 г., не дождался известий о выполнении своего поручения, перевернувшего старые представления и предопределившего последующие политические события. Но это ничего не значило, поскольку в этом же году Пипин возложил на себя в народном собрании в Суассоне корону Хильдериха, заключив старого короля в монастырь (кстати сказать, по подсказке папы)¹³².

Кончина конкретного папы никогда ничего не значила для Рима, если речь шла о сохранении престижа Апостольской кафедры и реализации тех идей, которые престол Вечного города вынашивал веками. Преемник Захария папа *Стефан II* (752—757), вступив на трон 25 марта 752 г., столкнулся с теми же проблемами, что и предыдущие апостолики. Пока его предшественник решал вопрос с узаконением прав Пипина, Айстульф захватил Равенну, издав 4 июля 751 г. свой указ с пометкой, что написал его в месте дислокации императорского экзарха. Правда, не желая окончательно разрывать отношения с могущественным Константином V, Айстульф выделил последнему экзарху, Евтихию, для пребывания Феррару и несколько других городов, находящихся во власти лангобардов. Но несколько позднее, почувствовав себя настоящим преемником Римских императоров, заявил права на *всю Италию* — что еще можно было ожидать от него при таком развитии событий? Вполне естественно, его горящий воинственным пылом взор остановился на Риме, без овладения которым претензии называться «королем Италии» выглядели нелепо.

В 752 г. Айстульф организовал поход на Вечный город, но папе Стефану II с большим трудом удалось отговорить его от этой затеи. Лангобард заключил с понтификом мирный договор на 20 лет, но через 4 месяца изменил свое решение и потребовал от апостолика выплаты дани, судя по размерам (одна золотая монета в год с человека), очень тяжелой для Рима. Положение осложнило посольство из Константинополя, передавшее папе просьбу императора Константина V принять все

меры для того, чтобы мирным путем вернуть Империи те провинции и города, которые были захвачены лангобардами в последние годы.

Ситуация сложилась крайне неординарная: каждая из сторон руководствовалась своими мотивами, к тому же император многого не знал об отношениях франков с Апостольским престолом, а также о реальном положении дел в Италии. Нельзя сказать, что его поручение папе выглядело абсолютной авантюрой — как известно, Константин V всегда отличался трезвым и практичным складом ума и едва ли мог поставить перед Римским епископом заранее невыполнимую задачу. Действительно, уже несколько десятилетий папы, используя силу своей духовной власти по отношению к новообращенным в христианство германцам, включая лангобардов, *к месту* напоминая, что за ними стоит Римский император, без оружия и сражений умудрялись умиротворять тех и даже получать обратно многие территории, захваченные ими. Почему же в этом случае папе не стоило попытаться счастья? В этом не было ничего сверхъестественного.

С другой стороны, можно было понять и папу: стало очевидным, что император Константин V, занятый войнами с арабами, не имел возможности подкрепить свои просьбы и требования войсками, в которых Рим остро нуждался. Стефан попытался напомнить своему господину в Константинополе, что защита Рима и Италии является неотъемлемой обязанностью того, и получил письменный ответ, но не солдат. Политика всегда исходит из приоритетов, и император имел все основания опасаться в большей степени *вечных* противников — мусульман, чем пусть и германцев, лангобардов, но все же христиан. В условиях дефицита воинских формирований он не решился ослабить давление на арабов и отправить часть войск на Запад, желая в первоочередном порядке вернуть христианские территории Армении и Сирии.

Так или иначе, но Рим оказался беззащитным, и тогда Стефан II воспользовался тем политическим капиталом, который ему оставил папа Захарий. Он тайно отправил с одним пилигримом письмо Пипину, в котором просил того прийти на помощь. Как это уже не раз бывало, последняя мысль выражалась очень туманно, что позволяло интерпретировать слова папы в различных контекстах. В частности, понтифик писал, что, претерпев много зла от короля Айстульфа, прибыл во Францию, где и заболел, да так сильно, что врачи уже не чаяли спасти его. Но, решив отдать себя в руки Божьи, папа воззвал в молитве к Христу, и ему явились святые апостолы Петр и Павел, которые сказали: «Да будешь ты исцелен!», и в тот же миг апостолик почувствовал, что здоров. Затем апостолы велели ему прибыть к Пипину

и рассказать об этом чуде. Было совершенно очевидно, что эта сцена должна была свидетельствовать об *особом* покровительстве святых апостолов Римскому епископу и, кроме того, о чудодейственных способностях папы взывать к помощи Неба¹³³.

Письмо попало в точку: Пипин уже сталкивался с глухим брожением среди своего народа, где не все были довольны узурпацией им власти у древней династии знаменитого Хлодвига. И Франкский король решил упрочить свое положение, запросив у папы *вторичной* (!) коронации. Но уже не руками легата, а непосредственно понтифика¹³⁴.

И тут папа совершил поступок, совершенно неоправданный с точки зрения конкретной ситуации и совершенно необъяснимый тревогами военного времени и опасностью Риму со стороны лангобардов. Он не только вновь не поставил в известность императора Константина V, согласившись вторично венчать Пипина на царство — абсолютно неканоничный ход с точки зрения церковного права и традиций, но и предоставил Пипину титул *римского патриция*. Как писалось выше, эта инициатива уже при папе Григории III выглядела изменой Римскому императору; не стал исключением и этот случай. Мало того что присвоение такого титула являлось прерогативой Византийского царя, а никак не папы, это означало, что отныне *чужеземец* становится властителем Рима. А император — законный наследник древних Римских царей, верховный глава Рима, был проигнорирован договаривающимися сторонами, как будто его никогда и не существовало!

Но Стефан II и не скрывал в близком кругу своих намерений, среди которых можно выделить главные: публично заявить о своей независимости от Византийского императора, а также создать и закрепить практику, при которой источником политической власти будет признаваться исключительно Римский епископ. С обеими задачами Стефан II справился довольно успешно, хотя, очевидно, ни он, ни остальные современники даже не подозревали, к чему приведут эти события.

Впрочем, папа действовал осмотрительно, решив на всякий случай *подстраховать* себя — все же Византийский император был очень опасным противником. Он созвал народное собрание в Риме, которое и приняло нужное для папы решение. Латиняне давно уже смотрели на Константинополь как на своего удачливого конкурента на политическом и культурном поприще и не упускали случая напомнить о своих древних правах и свободах. Возможно, они не заглядывали так далеко, желая лишь в очередной раз показать Константину V, что обладают известной долей самостоятельности даже по отношению к нему, своему царю. Объективность требует сказать, что положительное решение

горожан явилось также своего рода данью памяти папам Григорию III и Захарию — настоящим спасителям Рима.

Пикантность ситуации заключалась в том, что буквально в это же время в Рим опять прибыли послы от императора Константина V с очередным поручением к папе начать переговоры с Айстульфом о возврате Равеннского экзархата. Достоверно неизвестно, сообщил ли апостолик обо всем случившемся представителям императора или нет. Вообще-то трудно предположить, что послы оказались в абсолютном неведении о происшедших событиях, проведя довольно долгое время в древней столице Римской империи. Во всяком случае *официально* обратной реакции не последовало. Не исключено, что император, занятый в это же время созывом очередного Собора (он состоится в 754 г.), которому желал придать статус Вселенского собрания, не решился окончательно разрывать отношения с Римом, мнение епископа которого по вопросам иконопочитания игнорировать было совершенно невозможно. Но папа уже почувствовал свою силу и попросту бойкотировал приглашение царя прибыть на Собор или прислать своих легатов. Конечно, все эти события следует рассматривать совокупно.

Заручившись поддержкой населения Рима, папа стал готовиться к поездке за Альпы в страну франков, когда его настиг приказ Айстульфа, категорически запрещавшего Стефану II выезд к Пипину. Видимо, до Айстульфа дошла информация об истинных целях поездки апостолика к франкам, и он всерьез озаботился последствиями грядущих событий. Но этот грозный окрик не возымел действия, поскольку папа прекрасно понимал, что лангобард не решится открыто выступить против могущественного Франкского короля. И уже 6 января 754 г. Пипин с почестями встретил папу в замке Понтион. Оба могущественных владыки, светский и духовный, встретились наедине.

Папа умолял короля защитить «Римскую республику» и Церковь; король без долгих размышлений дал согласие выступить в качестве защитника престола святого апостола Петра. Пипин прекрасно понимал, насколько укрепит его авторитет в собственном государстве, и какие возможности таят в себе звание римского патриция и *защитника Церкви*, который ранее имелся лишь в титулатуре императора. В свою очередь король напомнил папе о своих пожеланиях, и также не встретил отказа. Заручившись предварительными согласиями, довольные друг другом, папа и король проследовали в Париж. Там 28 июля 754 г., в церкви аббатства Сен-Дени, Стефан II помазал на царство короля Пипина, его супругу Бертраду и сыновей Карломана и Карла, взяв с

франков клятву под угрозой отлучения от Церкви избирать наперед королей исключительно из династии Каролингов. Поскольку ни один из Меровингов до этого дня никогда не был помазан на царство священным елеем, авторитет Каролингов среди франков возвысился неимоверно¹³⁵.

Как рассказывают, после этой церемонии между королем и папой был письменно заключен тайный договор. Папа дал обещание и в дальнейшем поддерживать новую династию, а король обязался оберегать Римский престол от врагов. Об императоре в актах договора, не дошедшего до наших дней, не говорилось ни слова. Хотя его власть и подразумевалась за строками соглашения, но в связи с тем, что «защитником Церкви», *defensor*, отныне считался Франкский король, роль императора в деле управления Римской церковью автоматически сводилась к нулю. В качестве благодарности за коронацию Пипин своим дарственным актом отдал, правда, как своему вассалу, «в вечную собственность апостолу Петру и его представителю папе, а также всем его преемникам» Рим, Равенну и прилегающие территории, которые стали основой для создания нового Папского государства. Со стороны папы Стефана II это был, по существу, акт *беспрецедентного неповиновения* Византийскому императору, попытка примерить на себя те полномочия, которыми исстари владели только Римские василевсы.

Папы и ранее неоднократно в силу необходимости самостоятельно решали вопросы защиты Вечного города от варваров, но как подданные Византийских самодержцев обязаны были рассчитывать на их помощь. Теперь же Стефан II признал права Франкского короля на данные территории, хотя тот и передал их папе, как своему вассалу. Отныне любая попытка вооруженного вмешательства Константинополя выглядела уже как открытое посягательство на права Франкской короны.

Ситуация эта любопытна не только с политической, но и с правовой точки зрения. Ни папа, ни Пипин не решались самостоятельно взять то, что составляло предмет их вожделений. Франки не владели той землей, которая «приглянулась» папе и которая по историческому праву принадлежала одной Византии. Папа не имел никакого отношения к вопросу о законности прав той или иной Франкской династии на королевский титул. Но, не являясь правомочными лицами, Пипин и Стефан *подарили* друг другу то, к чему стремился каждый из них и на что никто из них не имел права. Однако эта ничтожная по своей правовой природе сделка вскоре стала краеугольным камнем в последую-

щих отношениях понтификов с королями Франции и императорами Запада.

При всем коварстве разыгранной интриги казалось, что папа ничего не приобрел в статусе, даже, возможно, потерял. Но понтифик смотрел дальше. Он впервые *предоставил политическую власть монарху*, стал ее *источником*. Это было главное, что выиграли папы и что отныне стало главенствующим и культивируемым принципом их взаимоотношений с королями и императорами.

Едва ли папа желал дать Пипину больше власти, чем того требовали условия договора, но, сдвинув в сторону один из столбовых камней Римской цивилизации, он не смог остановить процесс поглощения политической властью прав Римских епископов. Если Франкский король стал преемником императора, овладев Равенной, то к нему естественным образом переходили права экзарха утверждать решения Рима об избрании очередного папы. Наверное, такая мысль не приходила на ум Стефану II, когда он договаривался с Пипином, но вскоре ему пришлось столкнуться с новым прецедентом.

Слухи о встрече короля с папой дошли и до Айстульфа, который попытался противодействовать этому опасному для лангобардов союзу. Он срочно вызвал из монастыря брата Пипина Карломана и направил того во Францию в качестве своего посла. Конечно, бедный монах не имел никаких шансов изменить ход событий и даже поплатился за свой визит тюремным заключением. Поскольку на карту было поставлено очень многое, Пипин попросту пренебрег братскими чувствами¹³⁶. В ответ оба союзника направили Айстульфу послов, предлагая передать «собственникам их собственность» — вот так древние имперские владения обрели новых хозяев без какого-либо согласия Константина V на этот счет. Не получив ответа, Пипин перешел через Альпы и в августе 754 г. разгромил лангобардов при Сузе. Лангобардский король просил мира при условии передать папе все то, что Пипин обещал тому, и франк удалился обратно на родину, а понтифик под восторженные возгласы жителей Рима въехал в свою резиденцию. Бедный Карломан, находившийся фактически в заключении в городе Вьене со своей матерью, королевой Бертрадой, скончался от лихорадки, не дождавшись победного возвращения своего брата¹³⁷.

Но когда опасность миновала, Айстульф показал, что и ему не чуждо коварство, — он объявил папе, что не вернет тому ни одного города из числа ранее обещанных понтифику в присутствии Пипина, и в конце 755 г. организовал поход на Рим. Король лангобардов угадал —

франки не горели желанием вновь переходить через Альпы и защищать папу, который опять остался один на один с сильным противником. 55 дней длилась осада Рима, и в отчаянии Стефан II пошел на уловку, позволившую ему добиться помощи от франков. Франкский аббат Вернер, находившийся во время осады в Риме, отвез Пипину три письма, два из которых принадлежали папе, а третье было надиктовано ему, как торжественно объявил апостолик, *лично* святым апостолом Петром. В своем письме апостол заявлял, что если франки пренебрегут обязанностью защищать Рим, то будут лишены Царствия Божьего и отлучены от Церкви¹³⁸.

Конечно, это был грубый обман, но обман *результативный*, и напуганный Пипин отдал необходимые распоряжения. Как только весть о готовящемся походе франков достигла Айстульфа, лангобард тут же снял осаду Рима и отправился с войском к Альпам, чтобы помешать продвижению Пипина. Впрочем, вскоре он скончался на охоте по неизвестной причине, вследствие чего опасность для Рима миновала.

В это же время к Стефану II прибыли два византийских посла. Ничего не подозревавший император Константин V вновь просил папу представлять интересы Римской империи перед франками, чтобы те, отвоевав Равеннский экзархат у лангобардов, вернули его законному владельцу — Римскому царю. В качестве награды Константин V намеревался признать франков своими подданными и принять на службу (разумеется, на возмездной основе), официально подтвердив права их короля.

В известной степени эта попытка вернуть старые формы отношений между «федератами» и Римской империей имела под собой исторические основания, но совершенно была лишена практического смысла на данный момент времени. Франки уже были столь могущественными, а их политическое сознание настолько высоким, что они с презрением восприняли попытку византийцев поставить себя на одну ступень с варварами.

Замечательно возросшее самосознание франков иллюстрирует вступление к *Салическому закону*, пересмотренному в 763 г. по приказу Пипина. «Прославленная раса франков, — говорится в нем, — создана Богом, они смелы на войне, надежны в мире, глубоки в своих замыслах, отличаются благородной осанкой и белой как снег кожей, исключительно красивы, отважны, быстры и тверды, франки, обращенные в кафолическую веру, и в варварстве своем были свободны от всяких ересей. Эта раса, ищущая ключ к знаниям по наущению Бога, стремящаяся к справедливости в своем поведении и склонная к милосердию. Те, кто был ее

вождями, продиктовали в свое время Салический закон. Именно тогда, благодаря Богу, король франков Хлодвиг, неустойчивый и великолепный, стал первым, кто получил католическое крещение»¹³⁹.

Конечно, если бы император Константин V знал о тайном договоре Пипина с папой, он скорректировал бы свои условия и предложения. Дипломатия — хитрая наука, где нет ничего невозможного, если, конечно, она базируется не на субъективных желаниях, а на строгом и точном расчете; особенно, если речь идет о *византийской* дипломатии, многократно добивавшейся удивительных успехов в самых безнадежных ситуациях. Теперь же императорские послы с удивлением узнали о договоре 754 г. и о том, что франков в Италию вызвал сам папа, не спросив о том у императора Константина V.

Но делать нечего — царский посол Григорий поспешил навстречу франкскому войску и настойчиво упрашивал Пипина после победы над лангобардами (а в ней никто не сомневался) вернуть Римскому императору его законные земли. Сила имперского сознания того времени была столь велика, что это предложение не выглядело искусственным. Напротив, ответ Пипина о том, что он предпринял свой поход не ради человека, пусть даже императора, а из любви к святому апостолу Петру, преемнику которого Стефану II и передаст все завоеванные земли, означал *переворот* в государственном праве¹⁴⁰. Григорий вновь направился к папе, заявив протест против столь беспрецедентного нарушения прав Римского царя, но Стефан II игнорировал его претензии.

Как обычно, у Пипина слова не расходились с делом, и уже летом 756 г. Айстульф сложил оружие, осажденный франками в Павии. Будучи верный своему слову, Франкский король отдал просимые Стефаном II города и территории папе, заявив, что они отданы Римскому епископу не как духовному лицу, а как признанному главе города Рима и Римского герцогства. Следствием этого стало образование нового *Папского государства*. Пусть это был не формальный акт признания суверенитета Римского епископа, но очень важный политический прецедент, с которым теперь приходилось считаться и в Константинополе. Таким образом, 756 г. стал переломным в ходе мировой истории.

Несомненно, Римской империи и имперской идее в целом был нанесен тяжелый удар. Но человек не может знать, к чему приведет его не вполне нравственные с точки зрения морали поступки, пусть даже совершенные им из лучших побуждений. И начало политического возвышения Римского епископа стало концом чистоты его до сих пор безграничной духовной власти. «Эпоха собственно епископская, пастырская — самая прекрасная и наиболее достойная эпоха Римской

церкви — была окончена. Церковь стала *светским институтом*; сочетав папство с королевской властью в противность евангельским основам и учению Христа, папы уже не могли блюсти чистоту апостольского сана. Заклучавшая в себе самой противоречие, их двойственная природа увлекала их все больше и больше в честолюбивую политику; ради того, чтобы сохранить за собой свои светские права, папы по необходимости должны были вмешиваться в деморализующие распри, в междоусобные войны с городом Римом и бесконечную борьбу с той или другой политической властью. Возникновение одного церковного государства не замедлило пробудить алчность всех других церквей, и с течением времени каждое аббатство и каждое епископство было охвачено желанием стать независимым священническим государством»¹⁴¹.

С полным правом считая себя отныне правителем бывших императорских владений, Стефан II не учел, что город Рим лишь с большими оговорками признает понтифика своим главой. Вечный город — не то место, где легко забывали о правах и свободах, поэтому в Риме сохранился и сенат, и народное собрание. И вскоре преемники Стефана II убедились, что открыли «ящик Пандоры»: в течение многих столетий три начала будут *кроваво* состязаться друг с другом, нанося одну рану западному христианству за другой, — муниципальное право римского народа, монархическое начало и право апостолика на Рим. «Священное» право папы оказалось лишенным всяких оснований, вследствие чего уже в ближайшие годы Римский епископ неизменно встретится с сопротивлением различных городских партий и будет искать защиты у Франкского короля, чтобы отстоять свои prerogatives или просто подтвердить законность собственного избрания.

После смерти 24 апреля 757 г. папы Стефана II разыгрались первые баталии, когда одновременно возникли две кандидатуры на вдовствующую Римскую кафедру. В конце концов был избран брат покойного понтифика *Павел I* (757—767), встретивший резкий протест со стороны жителей Рима, которые отнюдь не были готовы увидеть вместо привычного духовного отца светского государя в рясе. Павлу ничего не оставалось делать, как обратиться к Пипину с просьбой, дабы тот утвердил его избрание. Папа в довольно унижительных выражениях приводил все новые и новые доводы, иллюстрирующие законность своего избрания, и Пипин отправил римскому народу письмо, в котором просил сохранять верность своему господину, то есть папе. Из этого следовал малоутешительный для Римского епископа вывод: чтобы латиняне признали папу своим господином, тому самому следует признать Франкского короля своим сюзереном¹⁴².

Внешние события не позволяли рассчитывать на то, что этот неприятный для Рима протекторат когда-нибудь исчезнет: презрев прежние обещания Айстульфа, новый король лангобардов *Дезидерий* (756—774) вновь попытался расширить свои владения за счет Папского государства, и Павел опять просил помощи у Пипина. Поскольку Дезидерий смог занять свободный трон только «по рекомендации» осторожного Пипина, предпочитавшего иметь лангобардов под рукой в качестве управляемых союзников, дело удалось уладить¹⁴³. Через посредничество послов Пипина в 760 г. был заключен мирный договор между Римским епископом и Лангобардским королем, державшийся исключительно на страхе Дезидерия перед могущественными франками. Болонья, Феррара, Имола, Фаэнца, Анкона оказались в руках папы; как сказано в документе, «возвращены» ему.

И тогда папа вновь начал тонкую игру, попытавшись искать помощи у Римского императора. Воспользовавшись тем, что на Востоке иконоборчество приняло тяжелые формы, он направил письмо императору Константину V, в котором предлагал царю отказаться от преследования иконопочитателей и привел свое мнение о причинах возникшего отторжения Константинополя от Рима, где никакой вины императора не усматривается. «Греки, — писал он, преследуют нас только потому, что мы остаемся верными ортодоксальной вере и держимся благочестивых преданий отцов; греки же горят желанием уничтожить и то, и другое». Иными словами, по мнению понтифика, василевс был ввергнут в заблуждение своими коварными подданными. И смена религиозной политики немедленно вернет отношения между царем и папой в старое русло.

Разумеется, все это было игрой: в письме ни словом не упоминается история с Равеннским экзархатом, будто ее не было вовсе, и власть Римского императора над Италией никем не оспаривается. Но когда вдруг выяснилось, что взбешенный поведением Римских епископов император Константин V отдал поручение готовить поход на Италию, папа немедленно обратился к Пипину с просьбой посодействовать в получении помощи против византийцев со стороны лангобардов. Так сказать, открыто перебежал на другую сторону. Франкскому королю Павел передавал все корреспонденции, полученные им от Константина V, поэтому тот был в курсе всех начинаний византийцев. В свою очередь и император узнал об очередной измене со стороны папы, а потому отменил уже подготовленный поход: против объединенных сил лангобардов и франков он оказывался бессильным. Едва миновала эта опасность, вновь возникли территориальные споры между Римом

и лангобардами, которые разрешил трехсторонний мирный договор 761 г. между папой, Пипином и Дезидерием¹⁴⁴.

На время *status quo* был восстановлен, но вскоре, уже в 771 г., Римские епископы почувствуют, что их опасения в цезаропапизме со стороны Византийских императоров были преувеличены. Новый Франкский король *Карл Великий* (768—814) продемонстрирует им *такое* понимание взаимоотношений королевской и церковной властей, что папы еще долго с сожалением будут вспоминать о минувшей эпохе, когда власть, закон и вера находились под защитой одного человека — Римского императора.

Осторожный и последовательный, как и его отец, Карл Великий терпеливо выжидал выгодного ему развития событий. Когда в 772 г. Дезидерий вдруг решил освободиться из-под опеки франков и перешел в наступление, захватив Феррару, Фаэнцу, Комаккью, блокировал Равенну, Пентаполис и Рим, Карл вторгся в пределы Лангобардского государства. Хотя в то время он вел войну (очередную) с саксами, Карл внял просьбе папы *Адриана* (772—795) и в 773 г. двумя армиями вторгся в Лангобардское королевство, взяв ключевой город Верону.

Разбив врагов, Карл в 774 г., отправив Дезидерия в заключение, короновал себя в качестве Лангобардского короля, обязав новых подданных принести ему присягу на верность. Судя по текстам «*Liber pontificalis*», волнение от минувшей опасности не помешало папе воспользоваться волнением Карла от пребывания в Риме и получить более трех четвертей Италии — гораздо больше, чем раньше ему выделил Пипин¹⁴⁵.

Но тут Карл Великий «вспомнил», что носит титул «римского патриция», а, следовательно, является главой этого города и сюзереном Римского епископа¹⁴⁶. Уже в скором времени король будет именовать себя «*Patricius Romanorum, Defensor Ecclesiae*» («патриций Рима, защитник Церкви»), нисколько не сомневаясь, что в церковном управлении ему принадлежат те же права, что и Римскому императору¹⁴⁷.

Позднее, в 781 г., Карл учредит для своего сына Карломана *королевство Италию*, заставив папу освятить это нововведение, резко ограничивающее права понтифика на полуострове. И узы дружбы, связавшие короля с папой, не помешали Карлу выделить тому лишь малую толику тех благ, что он обещал Апостольскому престолу в 774 г.¹⁴⁸

Эти перипетии учитывали в Константинополе при формировании внешней политики. Как расчетливый и опытный политик, император Константин V прекрасно понимал, что, во-первых, союз Рима и франков долговечен, а, во-вторых, может быть только враждебным

Византии. Возможно, он надеялся по окончании Болгарской кампании всерьез заняться делами на Западе. Формальный повод для войны дал сын свергнутого с трона короля Дезидерия, принц *Адельхис*, прибывший в Константинополь за помощью. Но Пипин так оперативно расправился с врагами, а Карл Великий явил собой такую мощь, что замыслы Константина V не реализовались¹⁴⁹. Византия окончательно утратила Италию, пока еще фактически, а вскоре, при ближайших преемниках Константина Исавра, и политически.

Глава 4. Иконоборческий кризис. «Вселенский» Собор 754 г.

При всех военных и внешнеполитических успехах императора Константина V (за исключением, конечно, Италии), его царствование справедливо характеризуется как первое, по-настоящему серьезное гонение на иконопочитателей; и, безусловно, не без оснований. Впрочем, вначале император оставался в рамках той церковной политики, которую исповедовал его отец. Занятый восстановлением собственных прав на царский престол и войнами, он не имел свободного времени для разрешения наболевшего вопроса церковной жизни — отношение к иконам. Но, как это часто случалось и ранее, желание или нежелание конкретного императора вмешиваться в догматические споры мало что значило, если Церковь оказывалась на грани раскола вследствие неопределенности ответа по дискуссионным богословским вопросам.

Не стало исключением, как мы вскоре увидим, и иконоборчество. После многолетних попыток уничтожить почитание святых икон император Константин V умирал, зная, что иконопочитатели существуют во множестве в его государстве. И, наоборот, уже вскоре после VII Вселенского Собора, восстановившего иконопочитание, выяснилось, что иконоборчество отнюдь не преодолено, и Византийскую империю захлестывает вторая волна этой ереси. Церковь должна была «переболеть» очередным заблуждением, чтобы, раскрыв его ложность, сформулировать для себя истинный догмат. Однако, как и от любого другого императора, от Константина V церковное общество ждало твердого выбора и поддержки какой-то определенной богословской позиции. И царь сделал свой выбор, в данном случае, увы, ошибочный. Он поддержал иконоборцев и со свойственной ему энергией предпринял все возможное для победы выбранной им партии.

Расположение императора к иконоборчеству вполне понятно и объяснимо. Рано начав управлять государством вместе со своим отцом, он с юности впитал азы того учения, которое сформировал иконоборческий кружок епископов, приближенный к бывшему императору. Ввиду того положения, которое сложилось в Церкви, отказ сына от церковной политики отца неизбежно был бы воспринят обществом как признание просчетов Льва Исавра в церковной политике. А прагматичные греки не прощали *таких* ошибок. Узурпаторство Артавазда, прошедшее под знаменем восстановления иконопочитания, во всех деталях показало, что отступать, собственно говоря, Константину V просто некуда. И с присущей ему решительностью и последовательностью царь пошел вперед.

Наверное, гипотетически рассуждая, еще сохранялась возможность изменить позицию царя, если бы восточный епископат *категорично* высказал свое несогласие с иконоборчеством, но он сам оказался расколотым на различные партии. Кроме того, насколько позволяют судить исторические события, в массе своей архипастыри, причем самые активные, стояли на стороне иконоборцев, что только укрепляло царя в своем, к сожалению, ошибочном мнении. Но вместе с тем едва ли можно согласиться с тем, что, созывая в 754 г. «вселенский» Собор, император стремился *прикрыться* официальным согласием Церкви для гонения иконопочитателей. Безусловно, подготавливая это собрание, Константин V вольно или невольно способствовал формированию «правильной», по его мнению, богословской точки зрения и не без удовольствия встречал сообщения о том, что повсеместно епархии выступают против икон. Зная его твердый характер, можно с уверенностью сказать, что царь вполне мог обойтись и без этих прелюдий. Но император действительно желал узнать мнение Церкви, и на нем строить свою вероисповедальную политику, хотя наверняка его *личные* пристрастия лежали в области иконоборчества. К сожалению, созванный им Собор лишь укрепил царя в мысли о еретичестве иконопочитания.

Более того, Константин V проявил недюжинные способности и деятельно озадачился богословским обоснованием иконоборчества — этому вопросу посвятил несколько собственных сочинений. В ответ на замечательную защиту иконопочитания в трудах святого Иоанна Дамаскина Константин V развил *христологическую* аргументацию, не лишенную интереса.

По существу, иконопочитателей и иконоборцев объединяло одно: и те, и другие считали невозможным изобразить Бога, Божествен-

ное Естество и Божественную Сущность. Вполне разделяя эту точку зрения, император полагал, что изображение одновременно человеческого и Божественного Естества на иконе является «чистой воды» монофизитством, *слиянием* двух естеств (природ) во Христе. Если же почитатели икон не претендуют на слияние двух природ, изображая два естества Богочеловека на иконах, то тогда, следовательно, считал василевс, они неизбежно впадают в несторианство. Ведь очевидно для всех, позднее напишет Константин V, что в этом случае они *разделяют* два естества Спасителя, а это и составляет отличительную черту несторианства¹⁵⁰.

Конечно, существо спора не исчерпывалось только христологическим аспектом, но *для себя* Константин V Исавр уже пришел к окончательным выводам и более не собирался уходить в сторону. Если он убедился в том, что почитание икон — ересь, то и боролся с ней, как с любой другой ересью: жестоко и последовательно. А в силу специфики своего характера, закаленного в войне и борьбе, будучи последовательный во всем, чего касалась его рука, он вскоре занял сторону крайних, наиболее непримиримых иконоборцев.

Впрочем, уточним, много доводов за то, чтобы признать основным предметом раздумий императора не столько само учение о почитании святых икон и формах этого почитания, а защита от того натиска, который был повсеместно организован монашеством. Именно оно стало первым врагом царя, и именно с ним василевс активно боролся. Сам же запрет почитания святых икон был довольно неопределенен и совсем не категоричен¹⁵¹.

Итак, едва внешние обстоятельства предоставили такую возможность, царь вернулся к самому злободневному вопросу церковной жизни, желая противопоставить мятежному монашеству соборную волю и решение первоиерархов Церкви. Как раз в 754 г. умер Константинопольский патриарх Анастасий, и царь увидел в этом некое знамение, решив предоставить вдовствующую кафедру самому достойному лицу по итогам заседаний Собора, созвать который он задумал уже давно как «Вселенский». Конечно, василевс мог самостоятельно, как ранее делали до него другие Римские цари, назначить столичного архиерея. Но, во-первых, он вспомнил, как некогда на Вселенских Соборах присутствующие отцы избирали новых патриархов на вдовствующие кафедры, и решил реанимировать эту практику. А, во-вторых, ему хотелось убедиться, что новый кандидат будет разделять его взгляды, и тогда он мог бы получить в лице патриарха не оппозицию, а верного помощника. А это можно было сде-

лать лишь во время соборных обсуждений. Но планам царя не дано было реализоваться в полном объеме.

Рим открыто и буднично, как отмахнувшись рукой, проигнорировал предложение императора прислать своих представителей на Собор. Александрия, Антиохия и Иерусалим, находясь в руках арабов, не имели *физической возможности* направить своих патриархов, а без них ни один подчиненный архиерей не мог оказаться в Константинополе. Оставался только столичный патриархат, всех епископов которого император пожелал видеть на созванном им собрании. На организацию Собора ушел почти год, в течение которого царь деятельно интересовался мнением местных епархий по существу тех вопросов, которые он выносил на обсуждение архиепископов. Всего по приказу царя на Собор собралось 338 епископов — число, сравнимое разве с Халкидоном.

Царь озабочен материальным содержанием епископов и тем, чтобы Собор прошел в максимально удобной для них обстановке. Епископам предоставили императорский дворец Иерия на азиатском берегу Босфора, между Хрисополем и Халкидоном. Там они заседали с 10 февраля по 8 августа 754 г., а затем переехали во Влахернский дворец императора, в Константинополь, где 27 августа приняли окончательный орос и выбрали нового Константинопольского патриарха *Константина* (754—766), епископа Силейского¹⁵². Председателем Собора стал митрополит Феодосий Эфесский, сын бывшего императора Тиверия III. Ему деятельно помогали такие мощные «тяжеловесы», как митрополит Антиохии Писидийской Василий Трикоав и митрополит Пергии Памфилийской Сисиний Пасилла.

Как известно, время не сохранило для нас деяний этого собрания — они были сожжены после VII Вселенского Собора. Однако в шестом деянии указанного Собора приведен орос иконоборческого собрания 754 г., позволяющий немного раскрыть смысл сказанного его участниками против святых икон и понять аргументацию иконоборцев. В тексте ороса следует различать догматическую и «прикладную» части, причем догматика является вполне православной. В этом легко убедиться из доклада Григория, Неокесарийского епископа на VII Вселенском Соборе, где тот зачитал догматическую часть иконоборческого ороса.

«Кто не исповедует согласно апостольским и отеческим преданиям в Отце и Сыне и Святом Духе одно и то же Божество, естество и существо, хотение и действие, силу и господство, царство и власть в трех ипостасях или лицах, — анафема. Кто не исповедует Единого из Святой Троицы, то есть Сына и Слово Бога Отца, Господа нашего Иисуса

Христа, родившимся от Отца прежде веков по Божеству, а напоследок дней спешшим с Небес нашего ради спасения, воплотившимся от Духа Святого и Марии Девы и от Нее родившимся непостижимо ни для какого понимания, — анафема» и так далее. И диакон Епифаний, один из участников VII Собора, так сформулировал мнение присутствовавших Отцов: «До сих пор мыслят согласно с творениями Святых Отцов, или лучше, усвоив себе отеческие мнения, приписали их себе»¹⁵³. Можно не обращать внимания на колючесть слов — в пылу полемики стороны часто переходили границы дозволенного, максимально уничтожая своих противников.

Иное дело — «прикладная» часть, посвященная святым иконам. В сжатом виде постановление 754 г. звучит так:

1. Дьявол, научивший людей служить твари вместо Творца, по ненависти к роду человеческому, спасенному Христом, под видом исповедания христианского учения незаметно ввел идолослужение.

2. Но Сам Христос воздвиг «подобных апостолам верных наших царей», которые созвали Вселенский Собор. Мы рассмотрели вопрос о чествовании икон, согласно ли оно с учением предшествующих шести Вселенских Соборов, и нашли, что употребление икон противно основному догмату христианства, учению о Лице Богочеловека, и, следовательно, ниспровергает все шесть Вселенских Соборов.

3. Чествующие иконы впадают или в несторианство, или в монофизитство. Изобразить неизреченную тайну единения двух естеств во Христе невозможно, следовательно, икона Христова по самому существу дела невозможна.

4. Но, более того, она не нужна: ни Христос, ни апостолы, ни Отцы не заповедовали чествования Христа под видом иконы; и нет молитвы, претворяющей икону, как предмет, вышедший из рук обыкновенного живописца.

5. Если изображение Христа по догматическим основаниям признано не нужным, то *не нужно* изображать Богородицу и святых.

6. Писать иконы Богоматери и святых при помощи низменного эллинского искусства представляется делом оскорбительным. Изображение есть продукт язычества и отрицание воскресения мертвых.

7. Употребление икон запрещено в Святом Писании.

8. Должна быть отвергнута всякая икона, изготовленная из всевозможного вещества и писанная красками преступным ремеслом живописцев.

Но затем неожиданно следует совершенно удивительный по своей непоследовательности канон:

9. «Вместе с тем постановляем, чтобы никто из предстоятелей Церквей не дерзал, под предлогом устранения икон, налагать свои руки на посвященные Богу предметы, на которых есть священные изображения. Кто желает переделать их, пусть не дерзает без ведома Вселенского патриарха и разрешения императоров. И из светских властей и подначальных мирян пусть под этим предлогом никто не налагает рук на храмы Божьи и не пленяет их, как это бывало прежде от некоторых бесчинников». Совершенно очевидно, что это правило направлено против тех *крайних иконоборцев*, которые не стеснялись налагать руки на церковное имущество, секуляризируя его под видом борьбы с иконопочитателями.

10. «Если кто замыслит представлять Божественный образ Бога Слова, как воплотившегося, посредством вещественных красок, вместо того, чтобы от всего сердца умственными очами поклоняться Ему, превыше светлости солнечной одесную Бога в вышних на престоле славы сидящему — анафема».

Соборный орос имел большой резонанс в Константинопольском патриархате. Многие были удовлетворены аргументацией епископов на Соборе и охотно приняли ее¹⁵⁴. И в этом была своя логика, поскольку собрание 754 г. не являлось сугубо еретическим. Оно осудило, строго говоря, только *идолопоклонство*, а не почитание икон. Вторым канонем Собора запрещалось изображать Божество Христа, но никто из истинных почитателей икон и не посягал на такое святотатство. Они лишь изображали Его образ, в котором Спаситель явил Себя миру, то есть *человеческий* образ Бога. Главные ошибки Собора 754 г. заключались в том, что, найдя ущербным идолопоклонство, он вообще запретил иконы. А, кроме того, анафематствовали самых интеллектуальных защитников иконопочитания, диспуты с которыми (пусть и заочные) могли открыть глаза на многие заблуждения: св. Германа, патриарха Константинопольского, св. Иоанна Дамаскина и св. Георгия Кипрского¹⁵⁵.

Иконоборцы в соответствии с восточными магическими представлениями считали, что если образ возможен, то он должен быть *тождественен* своему оригиналу. Поэтому единственно возможным образом Христовым они провозгласили Святую Евхаристию. Напротив, почитатели икон полагали, что образ не тождествен своему оригиналу, отличается от него. Так что с самого начала между иконопочитателями и иконоборцами наблюдалось отсутствие общей лексики и понятий, они как бы говорили на *разных языках* и потому с трудом могли понять друг друга.

Как всегда, когда Священное Писание, Православное Учение и Предание не давали прямых ответов на поставленные вопросы, участники соборных собраний стремились опереться на святоотеческую традицию. И те, и другие отождествляли любую новацию (вне зависимости от того, шла речь о догматике или о канонических вопросах) с *плохим*. «Иконоборчество плохо, потому что оно вносит новое учение в Церковь», — говорили почитатели икон. Но то же самое говорили и иконоборцы, признавая почитание святых икон неким новшеством в Церкви и изо всех сил пытаясь найти в свою пользу аргументы не только из Писания, но и из Предания. Впрочем, впоследствии Церковь подтвердила, что многие аргументы иконоборцев на Соборе 754 г. были *фальшивыми* или излишне широко, а потому ошибочно толкуемыми¹⁵⁶.

Пожалуй, это — главный (и сознательный!) грех, который можно поставить в вину участникам Собора. Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов резкое падение интеллектуального (по сравнению с прежними временами) уровня епископата, а также в целом богословия и догматики. Участники иконоборческого Собора легко принимали аргументы, зачитанные из карточек, а не из книг, некоторых авторов *вообще не знали* (!), только о них слышали, иных толковали крайне тенденциозно¹⁵⁷. Например, аргументом из Нового Завета стали слова святого апостола Иоанна: «Бога никто же видеть не может» (Ин. 1, 18) — совершенно очевидно, что таким «доказательством» вопрос о почитании икон разрешить было невозможно.

Таким образом, Собор сформулировал «окончательное» определение об иконах, как того желал Константин V. Вместе с тем нужно отметить, в своих трактатах император-иконоборец шел значительно дальше, чем готовы были пойти члены созванного им Собора. Как отмечают, у императора Константина V в его богословии проявляются явно монофизитские тенденции, которые Собор всячески устранял из объявленного им официального иконоборческого учения. По некоторым данным, впоследствии император даже дошел до того, что вообще воспретил почитание святых, святых мощей, а также Божией Матери — очевидно, что Собор 754 г. не санкционировал таких определений.

Насколько верны эти сведения, трудно судить ввиду незначительности сохранившегося материала. В частности, по мнению других исследователей, весьма маловероятно утверждение отдельных летописцев, будто бы император открыто и публично отрицал Богородицу, признавая ее, как некогда ересиарх Несторий, только Христородицей. Это слабо сочетается с личностью царя, очень осторожного и

далеко не глупого человека, едва ли позволившего себе *публично* высказывать (даже если он разделял эти мысли) сомнительные или ранее анафематствованные Церковью суждения в широкой аудитории. Похоже, что эту и сходную с ней истории выдумали последующие иконопочитатели, темпераментно искавшие примеры недостойного поведения царя.

Впрочем, бесспорно одно — сразу же после Собора начались *гонения*, и гонения действительно ужасные, не сравнимые с теми, какие встречались ранее. В первую очередь император потребовал от всех своих подданных принести присягу над Телом и Кровью Христовой, Крестом и Святым Евангелием, что никто из них не будет поклоняться иконам. Затем, приняв сторону крайней иконоборческой партии, Константин V использовал всю мощь государственного аппарата и законов для реализации принятого на Соборе решения. Однако первоначально война с болгарами не позволила императору сразу же заняться искоренением икон, и только в 761 г. и последующее затем десятилетие он выступает в качестве злейшего врага иконопочитателей и, конечно, монашества. Именно монашеское сословие явилось первейшим защитником святых икон, и царь не простил им этой фронды¹⁵⁸.

Открытая борьба против монашества началась с громкого дела св. Стефана Нового, который в ответ на нежелание царя признавать изображенный лик Спасителя на иконе Его образом бросил монету с портретом самого императора на землю и стал топтать. Ведь если между ликом и самой личностью изображенного человека нет никакой связи, то и топтание портрета царя не является оскорблением василевса. Так «на практике» он доказал Константину V неправоту его позиции, хотя сам царь и не признал своего поражения.

Уже находясь в столичной темнице, св. Стефан встретил там 340 монахов с вырванными носами, отрезанными кистями рук и ногами, лишенных зрения. Но это было только начало. К сожалению, ослепленный своей ненавистью к монахам, император доходил до ужасных крайностей, ранее невиданных. Так, в августе 765 г. он согнал множество монахов на столичный ипподром, построил мужчин и женщин попарно, а присутствовавшие зрители плевали им в лицо и кричали царю, что больше этой «ненавистной расы» в Империи нет.

Конечно, эту картину нельзя отнести к достижениям Константина V, но, как верно замечают, нам, людям другого времени и иной уже (увы!) цивилизации, трудно понять мысли и категории мышления той эпохи. Римская империя жила Церковью, и царь-защитник государства с полным правом мог претендовать на то, что его приказы

исполняются *беспрекословно*. Абсолютно убежденный в еретичестве иконопочитания, уверенный, что именно это «заблуждение» приносит столько бед духовному здоровью его царства, он боролся с противниками теми же средствами, что с арабами и болгарами, нисколько не сомневаясь, что действует всем во благо. Когда монах Андрей Каливит назвал царя «новым Валентом и Юлианом», Константин велел засечь того до смерти на ипподроме. Но уже за оскорбление царского достоинства, что тоже не ново.

Однако еще больше императора старались гнать иконопочитателей некоторые его сановники. В 766 г. император направил военачальника Михаила Меллисина в фему Анатолику, а Михаила Лаханодракона — в Фракисийскую фему. И здесь Лаханодракон особенно проявил себя: он неистовствовал, согнал в Эфес всех монахов и монахинь провинции и объявил им царскую волю. Согласно его приказу, монахам предлагалось либо расстриться и жениться, либо подвергнуться ослеплению и быть сосланными на остров Кипр. Многие иноки приняли мученический венец, но другие выполнили приказ «Дракона», как называли тайне стратига фемы¹⁵⁹.

Ненавидя иконы, император делал все, чтобы истребить их повсюду. Сжигались «опасные» книги, закрашивались фрески в храмах, в книгах вырезались иконы святых и изображение Спасителя. Как говорят, Константин V предпринял и некоторые меры против поклонения святым мощам, хотя Собор 754 г. ничего противного этому не высказал. В частности, царь приказал закрыть чтимый в Халкидоне храм Святой Мученицы Евфимии, где заседал IV Вселенский Собор, а сами мощи утопить в море (по счастью, они чудесным образом сохранились до наших дней). Сам храм он велел переделать в арсенал.

Первыми помощниками царю стали и многие епископы, коим очень досаждала независимость монахов и монастырей, среди которых были весьма состоятельные обители. Но чем грубее велась борьба, тем больше сочувствия у населения вызывала пролитая праведниками кровь. И еще более теплый прием ждал их в Италии, куда монахи во множестве бежали в поисках спасения. Их радостно принимали понтифики, а папа *Павел I* (757–767) даже подарил греческим монахам-эмигрантам собственный дом и основал в нем монастырь Святого Сильвестра. Как говорят, всего эмигрировало около 50 тыс. человек. Дошло до того, что во всей Фракисийской феме нельзя было встретить ни одного монаха¹⁶⁰.

По счастью, борьба с монашеством и с иконами велась далеко не систематически и уже потому не дала тех результатов, на которые мог

рассчитывать император. Но, как только она затихала, происходили внутренние события, вновь пробуждавшие гнев царя и его желание бороться с иконопочитателями, которые все для него являлись потенциальными предателями и заговорщиками. Конечно, Константин V не забыл заговора Артавазда, которому так доверял его отец и на которого в начале своего царствования надеялся он сам, собираясь на войну с арабами. Теперь же очередной заговор при дворе, раскрытый по счастливой случайности в 765 г., возбудил в царе новые подозрения. Во главе заговора стоял Константинопольский патриарх Константин, которого император своими руками поставил на кафедру, а также 19 высших сановников Римской империи. Главными из них являлись: патриций Константин, логофет дрома, спафарий и domestik экскувитов Стратигий, стратиг Сицилии Антиох, комит Опсикия-Давид, стратиг Фракии Феофилакт. Обоснованно можно предположить, что их подвигла на заговор церковная политика императора, поскольку, по словам летописца, «с этого времени он впал в лютейшее неистовство против святых Церквей».

Справедливости ради следует сказать, что история эта полна множества тайн. Так до конца осталось неясным, почему император не решился казнить верхушку заговора, велев своему слуге только выставить их на ипподром для всеобщего обозрения. Когда же этот слуга, некто Никита, самовольно приказал отрубить головы двум братьям, Константину и Стратигию, император пришел в негодование и приказал высечь чересчур активного исполнителя своей воли. Остальные осужденные были ослеплены, но остались жить. По некоторым данным, они долго содержались в темнице, причем им ежегодно давали 100 ударов плетью, разбив это число на дни года¹⁶¹.

Особенно унизительным пыткам подвергся первоиерарх столицы, до последнего времени верно служивший царю и разделявший мысли того в отношении святых икон. Но теперь с него был сделан особый спрос. Патриарха заключили сначала в темницу дворца Иерия, а затем перевели в Принкино. 16 ноября 766 г. на его место по приказу царя был назначен *Никита* (766—780), *славянин* по происхождению и евнух. Выбор царя был не случаен: как чужеземец, не имевший корней в византийском обществе, он стал послушным орудием императора, во всем покорный его воле.

А опального архиепископа ждали новые мучения. Дело «19 вельмож» уже полностью завершилось, были получены новые данные, и патриарх, вина которого считалась полностью доказанной, подвергся телесным наказаниям, после которых уже не мог передвигаться само-

стоятельно. Его вернули в Константинополь, где в присутствии народа новый архипастырь столицы зачитал перечень преступлений своего предшественника, а асикрит наносил каждый раз шлепок бывшему архиерею по лицу. Затем того отлучили от Церкви, как клятвопреступника, а на следующий день обрили наголо, посадили верхом на осла задом наперед, одели в лохмотья и целый день возили по ипподрому под крики и улюлюканье толпы.

Последний диалог императора с бывшим помощником не лишен исторического интереса. Через специально посланных патрициев царь спросил у Константина: «Что ты думаешь о нашей вере и о Соборе, который мы созывали?» Экс-патриарх ответил: «Ты прекрасно веруешь, и прекрасно созвал синод». — «Мы только и хотели это услышать из скверных уст твоих, — был ответ, — теперь ступай во тьму кромешную, под анафему!»

Что *на самом деле* хотел услышать царь, задавая этот вопрос, и почему он вообще его задал? Очевидно, не из праздного любопытства. Возможно, заговор, во главе которого стояли его самые близкие и преданные сановники, породил в душе Константина V сомнения в правильности выбранной им церковной политики. И кто знает, ответ свергнутый патриарх иначе, может быть, эти сомнения царя обратились бы в реальные действия? Через три дня бывшего патриарха Константина публично обезглавили, его тело повесили на площади Милия, а затем бросили в ров, где обычно погребали преступников.

При всех жестокостях того времени в отношении иконопочитателей было бы преувеличением говорить о *массовых* казнях и терроре. Из всех вождей Православия только один погиб мученической смертью, растерзанный в 768 г. толпой иконоборцев, — св. Стефан Новый¹⁶². Святой мученик, не соглашавшийся отречься от поклонения иконам, много времени провел в темнице, но не поддавался уговорам царя. Однажды на пиру император заметно для всех опечалился, и на вопрос присутствовавших сановников: «Кто тот враг, что печалит царя?» — ответил: «Не я царь, а Стефан!» Святого вывели из темницы на улицу, где толпа народа и солдат буквально растерзала его на части, которые затем побивались камнями¹⁶³.

Нельзя сказать, что церковная политика императора встретила повсеместное сочувствие. Конечно, Константинопольский патриархат в целом был за иконоборцев — сказывалась обычная привычка прихожан подчиняться духовному авторитету своего епископа, но в других патриархатах ситуация разворачивалась не в пользу определений Собора 754 г. Было изначально понятно, что Римский епископ не при-

мет соборного ороса, и действительность не обманула самых худших ожиданий Константина V.

Правда, занятые собственными проблемами, папы *Захарий* (741—752), *Стефан II* (752—757) и *Павел I* (757—767) решили за лучшее не организовывать открытого сопротивления, но, безусловно, использовали иконоборчество на Востоке для укрепления своего авторитета среди франков. Папы не собрали ни одного Собора, как это почти всегда случалось раньше, и апостолик даже не удосужился направить императору письмо с выражением собственной позиции. Как ни странно, но первая инициатива исходила от Франкского короля Пипина, который в 767 г. созвал собрание в поместье Гентилиаке и назначил Собор по этому же вопросу. Как можно понять, папа Павел I играл далеко не первостепенную роль в обсуждении, хотя в этом же году он скончался¹⁶⁴. И только в 769 г. папа *Стефан III* (768—772) организовал Латеранский собор, где помимо низложения антипапы *Константина* (767—769) были отвергнуты определения иконоборческого Собора 754 г.¹⁶⁵.

Впрочем, негативная реакция Запада на иконоборческий Собор вовсе не была вызвана исключительно догматическими соображениями. Вообще, как нередко отмечают, Западная церковь всегда относилась к иконам гораздо прохладнее, чем Восток. Рим в лице своих епископов традиционно полагал, будто икона имеет, скорее, *педагогическое* значение. Икона — это книга для неграмотных или же для иноземцев, она помогает сосредоточиться в молитве, но не более того. Конечно, это учение ущербно по своей сути, неполно с православной точки зрения, потому что, как учит Кафолическая Церковь, через икону молящийся вступает в общение с тем, кто на ней изображен. Следовательно, икона имеет не только психологическое, но и *метафизическое* значение. Икона, хотя и отличается от своего первообраза, однако она причастна ему¹⁶⁶.

Но с практической точки зрения сам факт поддержки Римом иконопочитателей был с глубоким восторгом воспринят в Александрийском, Антиохийском и Иерусалимском патриархатах. В 763 г. Иерусалимский патриарх *Феодор* (735—770) отправил своим собратьям на Востоке и в Рим синодику, где изложил несогласие с церковной политикой императора. А в 764 г. все три восточных патриарха — *Феодор Антиохийский* (757—797), *Феодор Иерусалимский* (735—770) и *Косма Александрийский* (731 — после 767) с подвластными им епископами в День Пятидесятницы (13 мая 764 г.) по прочтении Евангелия торжественно анафематствовали епископа Епифании при Сирийской (2-й)

Апамее Косму по прозвищу Комантин, захватившего священные сосуды¹⁶⁷.

Печально, но под конец жизни великому полководцу было суждено увидеть ничтожность своих церковных деяний. Все его гонения не сломили сопротивления монахов, Рим открыто пренебрегал им, остальные восточные патриархи оставили своего Константинопольского собрата в глубокой изоляции. Стало очевидным, что второй период иконоборчества захлебнулся в крови мучеников и пошел на убыль. Повсеместно возникали легенды о чудотворениях икон, первая из которых появилась уже во времена патриаршества Константинопольского архиерея св. Германа. Так, по одному преданию, отправляясь в изгнание, св. Герман взял с собой икону Спасителя. Подойдя к берегу моря, он положил икону на волны, и вскоре ее принесло к Риму, где сам папа Григорий III по откровению Божьему нашел святыню. Едва он хотел взять икону в руки, как та сама взмыла в воздух и предалась в руки понтифика. Немедленно был организован Крестный ход, и чудотворная икона с величайшим почтением перенесена в храм Святого Апостола Петра в Риме, где и осталась на хранение¹⁶⁸.

Переходя в вечность, мучаясь от страшных болей, царь, по словам летописца, громко кричал, что заживо предан адскому огню за свое неверие в Пресвятую Богородицу. Если это известие и правдиво — а есть много оснований сомневаться в том, зная, *как* изображали позднейшие иконопочитатели Константина V, то царь своевременно покался, прося перед смертью всех присутствующих лиц молиться Богородице за спасение своей души¹⁶⁹.

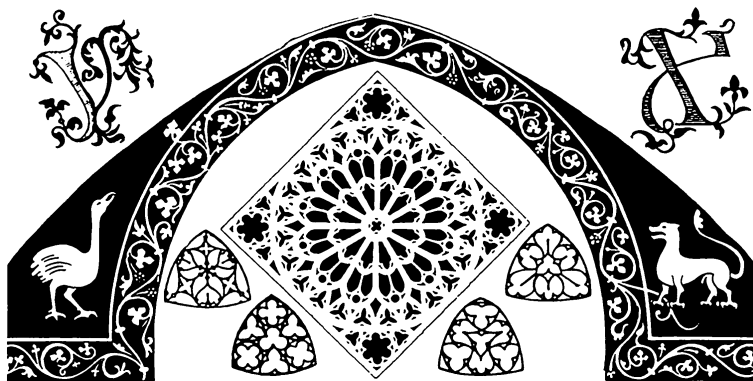
Хочется верить, что Господь не презрел его труды на благо отечества, свидетельством чему является ниспослание императору помощника и ходатая в другой жизни. В этом отношении интересно отметить один важный исторический факт, на который не всегда обращают внимание. В тех случаях, когда волей заблуждений или обстоятельств отдельные представители каких-то императорских династий впадали в грех ереси, Господь неизменно посылал этим царям *святых семейных молитвенников*. Не стала исключением и Исаврйская династия.

Дочь царя св. *Анфуса* (759—811) с детства отличалась благочестием и христианским смирением. Будучи царевной, она надевала царскую одежду, под которой, однако, ее тело покрывала власяница из конского волоса. Отец не раз желал выдать ее замуж, но св. Анфуса категорически отвергала любые предложения на этот счет. Видимо, император настолько любил ее, что не посмел настаивать на отказе дочери от поклонения святым иконам. Когда Константин V Исавр скончался,

шестнадцатилетняя девушка приняла монашеский постриг, став монахиней Омонийской обители. Перед этим царица *св. Ирина*, о которой речь у нас пойдет далее, неоднократно предлагала ей разделить с собой высшую власть в Римской империи, но св. Анфуса неизменно отказывалась. Став монахиней, св. Анфуса поражала всех своим смирением. Она, порфирородная царевна, служила всем сестрам монастыря, носила воду, убирала храм, во время общей трапезы никогда не присаживаясь со всеми к столу и прислуживая другим. Скончалась св. Анфуса 12 апреля 811 г. в возрасте 52 лет¹⁷⁰.

А сам император умер 14 сентября 775 г. в возрасте 57 лет, найдя покой в храме Святых Апостолов в Константинополе рядом с могилами своих предков.

XXXIII. ИМПЕРАТОР ЛЕВ IV ХАЗАР (775–780)

Глава 1. Иконоборцы против почитателей икон

После смерти Константина V Римский престол достался по праву рождения его сыну от первого брака **Льву IV**, оставшемуся в истории с прозвищем *Хазар* — указание на этническую принадлежность матери, императрицы Ирины. По примеру своего отца Константин V желал приобщить сына к опыту государственного управления, и ему многое удалось передать отпрыску. Кроме этого, ввиду беспокойного внутреннего положения дел в Римском государстве, в 751 г. царь венчал на царство младенца Льва и признал того императором.

Но, обладая многими достоинствами, 25-летний монарх не унаследовал от отца крепости характера и самостоятельности в принятии решений. Некоторой нерешительности императора, ошибочно принимаемой за слабохарактерность, способствовала сложная ситуация, сложившаяся во дворце. Судя по жизнеописанию сестры Льва IV святой Анфусы, с юности мечтавшей о монашеском постриге и являвшейся верным товарищем самых заклятых врагов ее отца, император Константин V отличался редкой толерантностью по отношению к своим домашним. А среди них присутствовало много *умеренных* иконоборцев и даже открытых иконопочитателей. Поэтому его сыну пришлось постоянно лавировать среди самых близких ему людей, чтобы, с одной стороны, не уронить чести отца, не дав повода признать политику того ошибочной, с другой — делать то, что никак не хотелось.

Уже мать царя, известная своим благочестием, не сочувствовала политике мужа и, по крайней мере, пыталась привить сыну более терпимое отношение к иконам. Еще более запутанной стала ситуация в самый разгар преследований иконопочитателей, когда в 769 г. отец женил Льва на гречанке, 17-летней афинянке *святой Ирине* и в декабре того же года венчал ее титулом августы.

Достоверно неизвестно, почему выбор императора пал именно на св. Ирину, но, видимо, невестка пользовалась расположением царственного свекра. Это было тем более неожиданно, что святая Ирина отличалась от своего мужа твердостью характера и не скрывала своего почтительного отношения к иконам¹⁷¹. Однако пикантность ситуации заключалась в том, что в большой семье покойного Константина V имелись другие претенденты на царский трон. Так, еще до замужества св. Ирины августой *уже* являлась третья супруга Константина V Евдокия. А оба его сына от третьего брака Христофор и Никифор получили титул цезарей, то есть по сложившейся традиции напрямую претендовали на будущее императорство. Третьего сына от Евдокии, малолетнего Никиту, Константин V наградил саном *нобилиссимуса* («наисветлейший»)¹⁷².

Совершенно очевидно, что остальные братья Льва IV не считали права того на царский престол абсолютными. А потому, по совету жены, имевшей на императора безоговорочное влияние, тот немедленно решил укрепить свое положение щедрой раздачей денег народу и войску. Опасаясь междоусобных столкновений, василевс резко увеличил численность воинских частей, расположенных в столице. Наконец, и этот шаг также без всяких сомнений был подсказан супругой царя, Лев IV демонстративно отказался от гонений на монахов и других почитателей икон. Более того, он возвел в митрополиты наиболее авторитетных епархий игуменов монастырей и простых монахов. Напротив, в пик императору и св. Ирине братья царя решили снискать симпатии войска, иерархов и сановников тем, что заявили себя преемниками иконоборческой политики покойного царя.

Но в итоге победа в дворцовой войне досталась императору — в апреле 776 г., в Страстную неделю Великого поста, ему удалось венчать на царство своего малолетнего сына *Константина VI*. Тем самым он сильно ослабил династические претензии своих единокровных братьев. История эта также не лишена интриги. По заранее подготовленному сценарию к василевсу явилась представительная делегация от народа и войска. Они обратились к царю с горячей просьбой венчать на царство первенца. Затем была разыграна сцена, наверняка заранее

продуманная святой императрицей. Лев IV сделал вид, что не желает царствования сына: «Он у меня единственный, и я боюсь исполнить ваше прошение, боюсь сам общей участи человечества; а вы воспользуетесь его слабым возрастом, умертвите его и выберете другого». Делегаты начали убеждать царя, что никого иного не признают царем, кроме его сына, даже если вдруг, не дай Бог, Лев IV внезапно умрет. Целых пять дней длились переговоры, наконец, в Великую пятницу царь дал долгожданное согласие. В этот день войско принесло присягу на Кресте Господнем, а за ним сенаторы, представители сословий и граждане подписали письменную присягу.

Однако, как и следовало ожидать, эта инициатива встретила сопротивление со стороны других детей Константина V. И Льву IV на следующий день, 14 апреля 776 г., в Святую субботу, пришлось в присутствии двух цезарей и 19 ближайших сановников, Христофора и Никифора, признать титул нобилиссимуса за другим своим единокровным братом, Евдокимом. Только *после этого* император в сопровождении свиты, со своим маленьким сыном, торжественно прошествовал в храм Святой Софии. Переменив одежду и встав по обыкновению на амвон, он позволил начать праздничную церемонию. За принятием Святых Даров войско *повторно* принесло письменную присягу царевичу, а затем Лев IV произнес: «Вот, братие, исполняю ваше прошение и даю вам в цари моего сына; вот вы принимаете его от Церкви и из руки Христа».

В ответ послышалось громогласное: «Поручись за нас, Сыне Божий, что мы от руки Твоей принимаем господина Константина в цари, чтобы охранять его и умирать за него». На другой день, в Святую Пасху, ранним утром царь вместе с патриархом вышли на ипподром, где архиерей совершил молитву, а царь венчал своего сына на царство. После этого император вместе с братьями проследовал в храм Святой Софии, причем императрица св. Ирина шла сразу после мужа и сына впереди цезарей и нобилиссимусов.

Впрочем, мир во дворце продлился недолго: уже через месяц от описанных событий, в мае 776 г., были арестованы брат царя цезарь Никифор, несколько оруженосцев, постельничих и других близких сановников по подозрению в измене. Одни полагали, будто это дело рук императрицы, другие считали, что в действительности Никифор что-то злоумышлял против царственного брата. Лев IV созвал тайный совет, на котором его советники презрели клятву покойному Константину V не обижать царских детей и вынесли приговор удалить их из дворца, предварительно подвергнув телесным наказаниям. Император

так и поступил: всех арестованных высекли, остригли и сослали на край земли (по тем понятиям, конечно), в Херсонес¹⁷³. После этого интрига прекратилась, и Лев IV мог считать свое положение стабильным.

Несколько слабовольный в деле защиты собственных прав, император, однако, перенял многие таланты своего отца как военачальника. Уже в 777 г. ему пришлось столкнуться с новой агрессией со стороны болгар, у которых поменялся очередной правитель. А это создало сложную политическую интригу. Как известно, некогда хан Телериг нашел прибежище в Константинополе, где сам царь, став восприемником варвара от святой купели, женил того на двоюродной сестре императрицы, оказав тем самым болгарину великую честь. Нет сомнений, что дела христианского благочестия в данном случае тесно переплетались с политическими расчетами: власть нового хана *Кардама* (777—803) была очень ненадежной, и вполне возможно, что при благоприятных обстоятельствах Телериг вновь мог претендовать на ханство в Болгарии. Кроме того, женив на болгарине свою сестру, императрица обеспечила ей в случае реставрации власти Телерига самостоятельный статус царицы соседнего государства.

В 778 г. императору пришлось уже всерьез озаботиться защитой восточных границ Византийского государства. Некоторое время Империя могла спокойно дышать, поскольку даже могучие Аббасиды оказались перед тем неприятным фактом, что их Халифат раздирают сепаратные и религиозные движения. Огромные пространства и чрезмерная централизация Арабского государства привели к тому, что правители многих провинций решительно не желали признавать над собой чью-либо верховную власть. В Северной Африке господствовал ислам в форме хариджизма, нашедший верных почитателей среди свободолюбивых берберов. В 757 г. группа хариджитов завладела Триполи и сделала его своей столицей. Власть наместника Аббасидов Омара ибн Хафса была очень шаткой, и потому нет ничего удивительного, что вскоре он погиб в Кайруване. Чтобы подавить волнение, халиф направил против берберов Язида ибн Хатима, у которого под рукой было почти 90 тыс. воинов. В 772 г. Язид подавил восстание, устроив кровавую бойню, и вернул Кайруван Халифату.

Однако еще хуже дела обстояли в Тунисе и Алжире, так называемой *Ифрикии*, наместник которой впервые в истории заключил соглашение с халифом, как равный с равным. В соответствии с данным документом эмир Ифрикии получил финансовую автономию, право наследования своего трона и гарантии несменяемости. Он основал собственную династию Аглабидов и всячески демонстрировал равен-

ство своего положения с халифом. Фактически Ифрикия оказалась вне границ Халифата, хотя именно благодаря Аглабидам хариджитская ересь была локализована и не получила дальнейшего распространения.

Однако в центральной части Алжира возникло сразу несколько самостоятельных берберских княжеств, исповедующих неортодоксальный ислам. Главное из них в 761 г. основал в Тахарте (Тиарете) Абдаррахман ибн Рустам, этнический перс, изгнанный из Кайрувана. Местные хариджиты нарекли его имамом и признали власть Абдаррахмана наследственной. Поощряя торговлю, опираясь на тороватых персов, Рустамиды быстро распространили влияние «республики купцов» на Испанию и Ирак. Привлеченные ростом благосостояния местного населения, в Тахарт толпами потянулись иммигранты. Халиф не имел никакой власти над этим государством, и его имя даже не произносилось во время пятничных молитв в мечетях Тахарта.

Еще далее на Запад проживали дикие горцы, рано принявшие ислам, но также придавшие ему еретические черты. Еще в 740 г. здесь вспыхнуло восстание, вследствие которого мятежные племена захватили Танджер. И хотя возникающие здесь государства являлись скоротечными — племена группировались и распадались с калейдоскопической быстротой, одно из них окрепло и превратилось в цветущую республику со столицей в городе Фес¹⁷⁴.

Вообще, к слову сказать, начинающаяся эпоха кардинально меняла политическую картину мира. Отныне уже не христиане противостояли мусульманам; вследствие иконоборческого раскола франки Карла Мартелла начали налаживать осторожные дипломатические связи с Аббасидами против Константинополя и Испанских Омейядов. А императоры Исаврийской династии смогли заполучить верного союзника в лице хазар, доставлявших арабам неимоверные трудности в обороне восточных владений¹⁷⁵.

Наконец, кое-как преодолев внутренние междоусобицы и стабилизировав дела, сарацины усилили натиск на западные границы своего Халифата. Арабы вновь побеспокоили Сирию, но многочисленная римская армия во главе с иконоборцем Михаилом Лаханодроконом и Артаваздом Армянином, совместно с приданными им войсками Тацана Вукелларийского, Каристиротцы Армянина и Григория Опсикийского, всего, как говорят, до 100 тыс. солдат, окружила город Германикею. Они захватили богатую добычу и наверняка завладели бы самим городом, если бы арабы тайно не вступили в сговор с Лаханодроконом, купив его *пассивность*. Предатель отступил от города и занялся грабе-

жом окружавших поселков, дав передышку врагу. Правда, это не долго спасло арабов — в этом же году произошло большое сражение, в котором сарацины потеряли пять знатных эмиров и почти 2 тыс. воинов. В довершение всего византийцы захватили город Самосату. А возвращаясь, они захватили с собой сирийских несториан, не желавших оставаться под властью мусульман, и по приказу царя переселили их во Фракию¹⁷⁶.

Желая взять реванш, в следующем, 779 г. арабы вновь пересекли границу, дойдя до города Дорилеи. Ими командовал Хасан ибн Кахтаба, под рукой у которого находилось 30 тыс. вооруженных воинов, не считая добровольцев из числа местных жителей. Но Лев IV опять продемонстрировал блестящий талант стратега — здраво оценив ситуацию, он приказал своим войскам не вступать в большие сражения, чтобы сберечь армию, и обратил внимание на уничтожение арабских коммуникаций. В результате арабы простояли у Дорилеи 17 дней, потеряли множество вьючных животных и лошадей из-за отсутствия провианта, а затем с большими потерями вернулись обратно, терзаемые конными римскими отрядами, доставлявшими им большие неприятности. Мусульмане также попытались овладеть городом Аморий, но безрезультатно.

В 780 г. Арабский халиф *аль-Махди Мухаммад ибн Абдулла* (775—786) сменил тактику, начав строительство по линии границы множества небольших крепостей, должных служить опорными пунктами арабам в войне с Византией. Обеспечивали существование этих крепостей, протянувшихся от Сирии до Армении, *газиты* и *мурабитуны*, которым с другой стороны противостояли византийские *акривиты* — иррегулярные части из числа местного населения, для которых это был и образ жизни, и источник средств к продолжению рода. Попутно халиф направил своего сына *Харуна*, будущего наследника престола, к римским границам. 15-летний принц, окруженный опытными военачальниками, без поражений провел поход, хотя и удовольствовался весьма скромными успехами. Ему удалось овладеть всего лишь городом Самалу, жителей которого юный полководец, сдержав слово, не казнил, а переселил в Багдад. Эта победа стоила сарацинам больших потерь, зато Харун получил первое боевое крещение¹⁷⁷.

Сам же халиф, пренебрегая словом, ранее данным христианам, устроил настоящие гонения на них в Дамаске и Иерусалиме. Он приказал своим чиновникам возмущать рабов, проживавших у богатых христиан, против своих господ, и с легким сердцем допустил ограбление бандитами православных храмов. Многие христиане, не желая пе-

реходить в ислам, приняли мученический венец, включая жену архи-
диакона Эмессы и его сына Исая. Но Бог не бывает поругаем, и вскоре
халиф узнал горькую весть: его сын *Осман* погиб, а арабское войско,
вторгнувшееся в Империю, разбито в сражении, в котором византий-
цами командовал полководец Лаханодракон.

Последний год жизни Льва IV был богат и другими событиями.
6 февраля 780 г. умер Константинопольский патриарх Никита, и на
его место назначили *Павла IV* (780—784), киприота, известного своей
ученостью. Наверняка этот выбор состоялся под сильным нажимом
императрицы, поскольку новый архиерей столицы был известен по-
чтением к иконам. Впрочем, патриарха Павла едва ли можно упрек-
нуть в идейном ригоризме. Как рассказывают, он умудрялся угодить
и императору, и императрице. Своим иконопочитанием он нравился
царице и в то же время письменно обязался перед царем не почитать
икон¹⁷⁸.

Но эта политическая победа дворцовых иконопочитателей имела
и обратную сторону — резко восстали иконоборцы, которых при царе
было множество. Некоторые близкие царю люди, являвшиеся про-
тивниками иконоборцев, были оклеветаны родственниками Льва IV.
«Заговорщиков» высекли, постригли в монахи и сослали в дальние
края, где один из них, бывший постельничий Феофан, сделавшись ис-
поведником, принял мученический венец. Но и другие впоследствии
прославились своей подвижнической жизнью. Как обычно, расправу с
приверженцами святых икон приписали царю и его «дурному нраву»,
который, однако, на самом деле был поставлен перед фактом необхо-
димости наказывать людей, чья вина считалась доказанной. Едва ли
этот прецедент можно отнести к попыткам царя восстановить агрес-
сивную церковную политику своего отца, поскольку он изначально
исповедовал нейтральную линию поведения, не разрешая иконопочи-
тания, но и не запрещая его окончательно.

Впрочем, спор о духовных предпочтениях императора Льва IV
является довольно беспредметным, поскольку уже 8 сентября 780 г.
30-летний царь скоропалительно скончался. История его смерти тем-
на и непонятна. По одной версии, император прельстился драгоцен-
ной короной (даже полагают, будто этот императорский венец при-
надлежал царю Ираклию Великому), находившейся в храме Святой
Софии, велел ее изъять и возложил на свою голову. Как следствие этого
богопротивного поступка, голову императора покрыли карбункулы, и
через несколько дней он умер в горячке. По другой версии, его якобы
отравила супруга, св. Ирина, желая властвовать единолично, что пред-

ставляется крайне маловероятным по причинам, изложенным в следующей главе¹⁷⁹. По третьему предположению, болезнь и смерть были вызваны действием трупного яда, сохранившегося на короне. Правда, не очень понятно, как яд по прошествии 140 лет мог активизироваться?¹⁸⁰

Наконец, существует еще одна, «мистическая» версия. Согласно древней легенде, император святой равноапостольный Константин Великий получил от Ангела императорское платье и корону, которые хранились в храме Святой Софии и в которые василевсы облачались лишь по большим церковным праздникам. Ни при каких обстоятельствах этот негласный запрет не мог быть нарушен под угрозой анафемы. Но именно Лев IV решил его нарушить и вопреки воле патриарха облачился в эти наряды. Наказание не заставило себя ждать: на лбу царя вскоре образовался карбункул с ядовитым гноем, и император скончался от сепсиса. С тех пор, как рассказывают, каждый следующий Византийский царь при вступлении на престол давал клятву никогда не нарушать благочестивый обычай¹⁸¹.

Хотя царствие его было кратким, результаты деятельности Льва IV являются далеко не худшими в истории Византийской империи. Император-солдат, вынужденный тратить первые годы своего царствия для того, чтобы удержать в царской семье добрые отношения, являясь искренним и благочестивым христианином, многое сделал для укрепления Церкви и формирования имперского законодательства на православных началах.

В частности, сохранилась новелла «О воспринимающих своих детей от святого и спасительного Крещения и о других предметах». Отмечая, что многие супруги, желая получить основание расторгнуть брак, делают себя восприемниками собственных детей, чтобы на этом основании развестись, или разводятся по соглашению друг с другом, чтобы заключить новый брак, царь категорично запрещает такие разводы и повторные браки. «Ибо это преступно и чуждо, — пишет он, — христианскому закону. Апостольское писание поучает: привязался ли еси жене? Не ищи разрешения. Отрешился ли еси жене? Не ищи жене, и еще: жена не должна разводиться с мужем, аще ли же и разлучится, да пребудет безбрачна (1 Кор. 7, 27). Таким образом, эти браки признавались незаконными, подлежали расторжению¹⁸².

Нет сомнения, что этот отпрыск великих императоров Исаврийской династии был способен сделать многое на благо своего отечества. К сожалению, ранняя смерть пресекла эти перспективы и привела Римскую империю к серьезному внешне- и внутривосточному кризису, искать выход из которого пришлось хрупкой, молодой женщине.

XXXIV. ИМПЕРАТОР КОНСТАНТИН VI (780—797) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ИРИНА (797—802)

Глава 1. Мать и сын. Борьба в государстве и Церкви

Ввиду незначительного возраста Константина VI единоличным правителем Византийской империи фактически стала его мать, императрица св. Ирина. Молодая женщина, появившаяся на свет в 752 г., была родом из Афин, и ее красота (единственное внешнее достоинство невесты) очаровала в свое время Константина V и Льва IV. Она происходила из бедной семьи и на момент замужества являлась сиротой. Величественный город Эллады в то время уже не был центром философии и культуры, как во времена Перикла, и св. Ирина получила поверхностное образование. Но девушка отличалась благочестием и набожностью, причем ее набожность была пылкой и восторженной.

Будучи почитательницей святых икон, она, однако, опасалась негативной реакции свекра. Первое время св. Ирина публично не проявляла своего отношения к иконам и даже дала клятву царю, что никогда не признает икон¹⁸³. Хотя Византия знала широкую практику внезапного воцарения низкородных мужей и девиц, но до сих пор остается тайной, почему Константин V решил выбрать в жены своему сыну эту бедную, если не сказать *нищую*, девушку с периферии. Возможно, таким способом царь желал исподволь примириться с иконопочитателями, большинство которых проживало в Элладе и в Афинах¹⁸⁴.

Молодой царице были присущи и другие качества. Святая Ирина являлась умной, честолюбивой, последовательной, решительной и смелой женщиной и ради императорского венца готова была принести в жертву многое. Опасаясь падения своего авторитета, она после смерти мужа не позволила себе никаких внебрачных связей и создала окружение из евнухов, хотя на Востоке к тому времени уже сложилась пословица: «Если у тебя есть евнух — убей его; если нет — купи, а потом убей!» Достаточно красноречивая характеристика ближайших советников царицы.

Хотя св. Ирина сама была венчана на императорство, но по обыкновению считалось, что *официально* власть в Римской империи принадлежит ее малолетнему сыну, как мужчине, и имя Константина VI стояло в государственных документах впереди имени матери. Но, конечно, никто не обманывался на этот счет. Святая Ирина принадлежала к тем могучим фигурам, которые способны, презрев время, менять ход исторических событий, не боясь нести ответственность за свои поступки. По несчастью, дворцовые интриги и необходимость постоянно бороться за свою власть и самую жизнь со временем несколько изменили ее характер, сделав его прагматичным и даже жестоким.

Императрица была прирожденным политиком, сродни св. Пульхерии и св. Феодоре. Со временем хладнокровие и прагматизм — первые качества государственного деятеля — приняли у нее гипертрофированные черты. Впоследствии для императрицы не будет более важных критериев, чем интересы Римского государства, даже в ущерб материнским чувствам. Став самодостаточным, этот критерий постепенно вытеснит из императрицы привычные и естественные для женщины мотивы, что в конце концов приведет к трагичной развязке. Но сейчас об этом мало кто задумывался, поскольку жизнь ставила перед всеми более актуальные проблемы.

Нечаяемая смерть императора Льва IV в одночасье многое изменила в Римском государстве. В первую очередь положение его вдовы и сына стало почти отчаянным. Остальные братья покойного царя от третьего брака Константина V вовсе не собирались отказываться от своих претензий на императорский престол, и 28-летней царице, имевшей на руках 10-летнего мальчика, пришлось довольно тяжело. Хотя в кулуарах витали слухи, будто бы отношения императрицы и ее покойного мужа незадолго до смерти стали натянутыми, нужно было быть совершенным самоубийцей или отчаянным искателем тронов, чтобы *избавиться* от супруга и решиться остаться один на один с могущественными и многочисленными конкурентами на титул императора. Очевидно, царица св. Ирина, несмотря на присущую ей властность и решительность, никогда не решилась бы на такую авантюру.

Уже через 40 дней после смерти Льва IV, когда св. Ирина вместе с Константином VI по праву заняли императорский трон, состоялась первая попытка со стороны дядей малолетнего царя захватить власть. Многие самые высокие сановники Римской империи провозгласили царем цезаря Никифора. Но тут императрица наглядно показала, *что* может сделать внешне слабая женщина, когда речь идет о жизни сына и будущем ее лично. Трудно сказать, что именно сыграло решающую

роль в решении вопроса. То ли благодарная армия и сенат сохранили верность внуку столь любимого ими Константина V, то ли всех подкупила решительность царицы — византийцам вообще импонировали «любимцы судьбы». Так или иначе, но заговорщики были арестованы, подвергнуты телесным наказаниям, пострижены в монашество и сосланы в различные места. Тогда же императрица отнесла обратно в храм Святой Софии злополучный царский венец, таинственно связанный с кончиной ее супруга. А затем вернула мощи св. Евфимии, выброшенные в море по приказу Константина V, но чудесным образом вновь обретенные, в святилище. Затем настал черед испытать гнев императрицы другим царственным родственникам. Святая Ирина приказала постричь их всех в монахи, а затем, для наглядности, заставила служить Литургию перед войском в праздник Рождества Христова.

Данный заговор был далеко не единственным в то смутное время. Размышляя о таящихся опасностях, императрица решила проревизировать главных чиновников и с этой целью пригласила в столицу патриция Елпидия, стратига Сицилии. В феврале 781 г. она переутвердила его в старой должности, а уже в апреле того же года ей сообщили, что, вернувшись на остров, Елпидий недвусмысленно в тайных разговорах высказывался за братьев-цезарей. Императрица тут же направила в Сицилию оруженосца Феофила, чтобы арестовать и доставить Елпидия в Константинополь, но тот категорично отказался выполнить приказ царицы, а сицилийское войско поддержало своего командира. Делать нечего — царица на время отступилась от своего плана, пока что приказав высечь жену Елпидия, проживавшую в Константинополе, и затем постричь ее в монахини. Тем самым она окончательно развеяла какие-либо сомнения в том, что способна на самые жесткие решения, если речь о безопасности ее семьи и интересах государства. На время ее внутренние враги притихли.

Вскоре императрице представилась возможность продемонстрировать всем качества своего характера не только в вопросах внутреннего управления, но и военных делах. В 781 г. арабы напали на византийские земли, но св. Ирина вовремя получила известия от своих осведомителей и направила им навстречу с войском евнуха Иоанна, своего сакеллария. Как рассказывают, силы обеих армий были весьма велики, и у города Миле 9 февраля враги встретились. Арабы выдержали первый, самый страшный удар византийской конницы, а затем их командующий Язид ибн Маздыд сошелся в поединке по старинному обычаю с византийским командующим. В результате сражения христианское воинство отступило, и сарацины преследовали его через

всю Анатолию вплоть до Никомедии. В очередной раз войны ислама стояли перед стенами Константинополя, но взять его так и не смогли. Принц Харун, следовавший с армией, согласился на переговоры со св. Ириной и удовольствовался ежегодной данью и освобождением пленных арабов, после чего подписал мирный договор. Он вернулся в Багдад как победитель, но и императрица считала себя выигравшей в этой схватке, хотя победила не арабов, а оппозицию в царском дворце¹⁸⁵.

Ведь, без всякого сомнения, для Константина VI и св. Ирины это был переломный момент: не дай Бог, римляне лишились бы войска на поле боя — никакая сила не спасла бы ее. Но теперь все стало на свои места: общество ободрилось, и почитатели икон, прекрасно зная о расположенности к ним святой царицы, стали ждать благоприятных известий.

Появились первые признаки толерантного отношения императрицы к тем, против кого еще вчера была направлена вся мощь государственной машины. Монастырские обители, недавно почти разгромленные, вновь наполнились братией. Стали распространяться сведения о чудесных известиях, должны подтвердить, что время правления императрицы св. Ирины и Константина VI *предзнаменовано Богом* как благословенное¹⁸⁶. Но осторожная царица благоразумно не стремилась форсировать события, тем более что иконопочитателям в данный момент уже ничто не угрожало, зато внешние враги по-прежнему беспокоили Римскую империю.

Измена постоянно кружила вокруг царских палат. В 782 г. арабы опять предприняли нападение на римские земли, причем действовали большими силами и в разных направлениях. Полководец Лаханодракон потерпел поражение, причем из 30 тыс. войска римляне потеряли почти 5 тыс. солдат. Царица направила на театр боевых действий придворного сановника Антония с сильными легионами, но военачальник вукеллариев, некто Татцатий, перебежал к арабам из ревности к положению нового царского фаворита Ставракия, евнуха и патриция.

Помимо Татцатия, перешел на сторону врага и упоминавшийся выше Елпидий. В этом же году императрица направила сильное войско с флотом под руководством деятельного патриция Феодора, евнуха, против мятежных сицилийских солдат. Елпидий упорно сопротивлялся, хотя потерпел несколько поражений от имперских войск, а затем вместе с комитом Никифором переплыл в Африку и принял власть Арабского халифа. Сам по себе Елпидий был безынтересен мусульманам, но они попытались использовать изменника для организации внутренних беспорядков у греков. Неясно, на каком основании, но

арабы признали того *Римским императором* и вручили знаки царской власти — пурпурные сапоги и скипетр. Однако в целом мусульмане не сумели эффективно использовать эти благоприятные обстоятельства и советы перебежчиков и в итоге заключили с греками мирный договор, хотя и бесславный для византийцев.

783 г. принес византийцам победы: пользуясь спокойствием на сирийской границе, царица направила Ставракия с войском на славян. Греческая армия прошла через Фессалоники в Элладу, проникла в Пелопоннес и возвратилась домой с громадной добычей и множеством пленных врагов. За этот успех св. Ирина жаловала Ставракия триумфом на ипподроме.

В мае 784 г. св. Ирина с 14-летним императором Константином VI и с армией направились во Фракию, где заложила новый город Иринополис. Пока цари находились в походе, 31 августа того же года Константинопольский патриарх Павел снял с себя титул архиепископа столицы и, не спрашивая императоров, принял схимничество в обители Флора. Когда св. Ирина прибыла к нему и спросила, почему он это сделал, монах скорбно ответил, что, став патриархом по приказу царя, он, как первоиерарх столичной кафедры, оказался отгороженным от всей Кафолической Церкви. Теперь же наступил предел и его терпению, и он отправляется в монастырь замаливать грехи.

Используя этот случай, царица направила к бывшему патриарху самых близких сановников, которым св. Павел напрямую заявил: «Если не будет Вселенского Собора и не исправится погрешность среди нас, то вам не иметь спасения». Вскоре после этого схимник умер, но его слова глубоко запали в души современников. Нужно представить себе, *как* мыслили византийцы, чтобы понять, насколько близко они восприняли слова о грядущем ответе за ересь. После этого, вольно или невольно, вновь повсеместно разгорелись дискуссии об иконах¹⁸⁷.

Едва ли со стороны св. Ирины было разумным не использовать выпавший шанс и не сделать попытку восстановить иконопочитание. Посоветовавшись со святым Тарасием, своим личным секретарем, царица оценила свои шансы созвать Вселенский Собор — без него никакая реставрация иконопочитания была принципиально невозможна. Это в Риме могли думать, что для упразднения иконопочитания вполне достаточно церковной *констатации* факта неправославности Собора 754 г. Но в Константинополе были твердо убеждены в том, что отменить Собор, созданный императором, можно только таким же Вселенским собранием, организованным царской волей.

Насколько трудна была поставленная задача для св. Ирины? Ведь помимо сугубо церковных вопросов, ей нужно было поднять престиж своей власти — в противном случае ни о каком Вселенском Соборе нечего было и думать. Вот почему императрица расторгла договор с арабами и в 785 г. начала военные действия, имея немалый успех. Правда, первое нападение не принесло громких побед — более того, как утверждали арабы, они смогли с уроном отбить неприятеля. Но уже в 786 г. византийцы захватили город Адат, расположенный в Германикее, который арабам пришлось возвращать с большими потерями. А затем, как будто капризная судьба решила наказать сарацин, греки брали один город за другим, в том числе далекий Тарс, который удалось вернуть только после того, как военачальник Абу Сулейман Фарадж по прозвищу Турок прибыл к его стенам с большой армией. Максимум, что оставалось делать арабам, — срочно возводить новые укрепленные пункты на сирийской границе¹⁸⁸.

После того как военные успехи укрепили авторитет царицы, настало время подумать о том, как распределяются силы среди священноначалия. Однако по здравом размышлении императрица пришла к выводу о том, что опасность в этом вопросе не следует преувеличивать. Многие епископы являлись иконоборцами не в силу идейных соображений, а либо в силу неграмотности и общей конъюнктуры, либо потому что боялись идти против мнения покойных царей и патриархов¹⁸⁹. Когда близкая опасность миновала, некоторые архиереи начали высказывать обратную точку зрения. Так, например, один из участников иконоборческого Собора 754 г., некто епископ Иоанн, прислал на Иерусалимский собор 760 г. многие свидетельства в защиту иконопочитания¹⁹⁰.

Но все же положение дел в государстве было не столь контролируемым и управляемым св. Ириной, чтобы она по примеру прежних императоров могла открыто *навязать* свою волю иконоборцам, которых поддерживало войско и сановники. В частности, три восточных патриархата — Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский — находились под властью арабов и потому переживали эпоху кровавого упадка. Даже церковное общение с ними было затруднено, в связи с чем на грядущем Вселенском Соборе они были представлены всего двумя священниками. Отношения с Римом были хуже некуда. Кроме того, папа не мог забыть, что целый ряд епархий был отчужден от Рима волей императоров-иконоборцев. Единственный союзник святой императрицы в части восстановления иконопочитания, монашество, также могло быть использовано лишь с соблюдением чрезвычайной осто-

рожности. Дело заключается в том, что крайние ригористы, монахи требовали *суда* над иконоборцами и ни при каких обстоятельствах не желали принимать раскаявшихся еретиков в сущем сане.

И тогда вместе со своим секретарем она разыграла комбинацию, имевшую целью подготовить общественное мнение к восстановлению иконопочитания и грядущему Вселенскому Собору. Понятно, что в случае открытой поддержки царицей монахов все иконоборцы наверняка соединились бы вместе в оппозицию правительству, и тогда участь св. Ирины была бы predetermined¹⁹¹.

Императрица созвала сенат и синод и предложила назначить Константинопольским патриархом своего секретаря *св. Тарасия* (784—806). Для многих присутствовавших лиц это была удачная кандидатура: св. Тарасия многие знали лично и были покорены его умом, скромностью, образованием и тактом. Тонкость, между прочим, состояла еще и в том, что св. Тарасий не являлся клириком и становился архиереем *из светских лиц*, но это не смутило ни царицу, ни присутствующих сановников. Выбор императрицы был весьма удачен: св. Тарасий представлял собой кроткого, рассудительного и глубоко православного человека. Кроме того, как мирянин, он, в отличие от клириков, не был связан церковной дисциплиной обязательного принятия иконоборческого Собора 754 года. Просвещенный чиновник, помощник императрицы, прекрасно разбирающийся в вопросах вероучения, он отчетливо видел, что иконоборчество уже подорвало себя и не имеет серьезной опоры в обществе. В отличие от монахов, к которым императрица относилась с большой симпатией, он был сторонником *медленного* возвращения Византии в лоно Православия и делал ставку на *икономию*¹⁹².

Императрица в собрании народа заявила следующее: «Вы знаете, братие, что сделал патриарх Павел. Если бы он был жив, то мы не допустили бы его оставить патриаршеский престол, хотя он уже принял отшельническую схиму. Но поскольку, как угодно Богу, он представился от жизни, то подумаем о человеке, который бы мог упasti нас и утвердить Церковь Божью поучительными словами. Мы его назначаем, но он не слушается; пусть он скажет, по какой причине не принимает голоса царицы и всего народа»¹⁹³.

Неожданно для всех тот отказался — конечно, по предварительной договоренности с царицей. Он заявил, что примет приглашение св. Ирины только в том случае, если будет созван Вселенский Собор. Святой Тарасий объяснил, что императорам угодно было назначить его патриархом, и это вызвало целую гамму чувств в его душе. «Как же я, обращающийся в мире и принадлежащий к числу мирян, подвигаю-

щийся на императорской службе, так необдуманно и неосмотрительно могу ступить на высоту священства? Это будет решимостью страшной для моего ничтожества и попыткой дерзкой. Но самая важная причина моего страха и отказа заключается в следующем. Смотрю я и вижу: основанная на камне Христе, Боге нашем, Церковь Его ныне рассекается и разрывается. И мы в одно время говорим так, в другое иначе, а наши восточные единоверцы еще иначе; с ними согласны и христиане западные. И мы отчуждены от них и каждый день анафематствуемся ими... Итак, братие, я прошу — думаю, что и вы просите, потому что знаю, что имеете страх Божий, — благочестивейших и православных императоров наших созвать Вселенский Собор, чтобы мы, как сыны Единого Бога, были едино».

Кто-то из присутствовавших попытался возразить — легко догадаться, что в качестве аргумента было высказано замечание, будто бы «вселенский» Собор 754 г. уже дал *окончательные* определения относительно икон. На что св. Тарасий, правда не без уклонения от истинного хода событий, заметил, что иконы низверг «господин император Лев, и когда собрался Собор, то нашел их уже низвергнутыми рукой императорской». Поэтому главная сторона дела заключается в том, что «дерзнули самовольно уничтожить древний обычай, преданный Церковью. Но истины Бог не связал!»¹⁹⁴ Дело было сделано: 26 декабря 784 г. св. Тарасий стал Константинопольским патриархом, а затем направил соответствующие приглашения на Собор остальным восточным патриархам, которые, как следствие заключенного с арабами мирного договора, имели возможность прибыть в Константинополь.

После этого императрица от имени своего и сына направила Римскому епископу *Адриану* (772—795) письмо, в котором, скорбя о гонениях на святые иконы и их почитателей, заявила о своем намерении созвать Вселенский Собор. Вообще-то по сложившейся неписаной традиции новый патриарх должен был направить остальным Вселенским архиереям синодик с изложением своего вероисповедания. Однако в данном случае ситуация не оставляла времени для столь сложных процедур. Пока бы синодики подтверждались, вполне могло случиться так, что иконоборческий епископат под тем или иным предлогом спровоцирует низвержение св. Тарасия из патриаршего чина. Нельзя было забывать и того, что его поставление в архиереи из мирян по «ускоренной процедуре» в те времена *уже* выглядело неким нарушением устоявшихся канонических правил. В конце концов никто не гарантировал, что созываемый императрицей Вселенский Собор обязательно состоится, — временами все висело на волоске. Этими причи-

нами и объясняется некоторая торопливость св. Ирины, решившейся в одном письме уведомить папу и о своем выборе нового патриарха столицы, и пригласить понтифика на Собор.

Святая царица напомнила папе о его *обязанности* установить и утвердить древние традиции в отношении почитания икон. Она просила Адриана *лично* прибыть на Собор, и только в силу явной невозможности заранее соглашалась с тем, чтобы папу представляли его легаты. Кстати сказать, эта историческая справка со всей очевидностью свидетельствует о ложности позднейших утверждений римо-католиков, будто бы постоянное отсутствие папы на Вселенских Соборах вызывалось необходимостью *после* окончания работы придавать его актом законную силу их определениям.

Чтобы заручиться расположением апостолика, императрица ввела в своем письме обороты, едва ли понравившиеся восточным епископам: «Итак, да придет первый священник, председательствующий на кафедре, и вместо всехвального Петра да явится в кругу всех находящихся здесь священников»¹⁹⁵. В ответ Римский епископ направил послание по-латыни, которое, переведенное на греческий язык, впоследствии *с кутюрами* было зачитано на Вселенском Соборе. В первой части письма папа заявил, что, безусловно, несказанно рад духовному прозрению и ревности императоров и св. Тарасия о вере. Но затем тон понтифика резко меняется. Римский епископ потребовал начать Вселенский Собор с анафемы Собору 754 г., прислать ему от лица императоров, патриарха и сената письменное ручательство, что обсуждение будет проходить в состоянии полной беспристрастности, а также вернуть епископу Рима те области, которые были отобраны у него Львом III Исавром. Наконец, и едва ли не самое главное, понтифик потребовал устранить из титулатуры Константинопольского патриарха термин «Вселенский».

Адриан недвусмысленно выбрал императоров также за то, что Константинопольский патриарх поставлен из мирян. «Слишком мы встревожены и смущены, что принадлежащий к сословию мирян и находившийся на государственной службе, внезапно возведен на высоту патриаршества; бывший солдат, вопреки суду святых канонов, сделан патриархом. И что стыдно сказать, но и тяжело промолчать: те, которые должны быть руководимыми и учимыми, не стыдятся казаться учителями, не боясь без стыда принимать на себя руководство душами. А им путь учителя во всех отношениях неизвестен. Они не знают, куда им самим идти». Папа напрямую говорит, что никогда *не утвердил бы (?)* патриаршества св. Тарасия (хотя никогда до сих пор

понтифики не утверждали Константинопольских патриархов), если бы тот не был верным помощником ему и императорам по восстановлению Православия. Близкое по духу и содержанию письмо получил и св. Тарасий¹⁹⁶.

Несмотря на просьбы о личном присутствии, папа отклонил предложение императрицы и направил в Константинополь двух своих легатов; от восточных патриархов с доверенностями прибыли пресвитеры и синкеллы Иоанн и Фома. Но, как вскоре выяснилось, инициатива императрицы восстановить почитание икон встретила мощное противодействие со стороны иконоборческого епископата. В Константинополе один за другим прошло несколько епископских собраний, причем довольно многочисленных, на которых архиереи активно высказывались *против иконопочитания*.

Сохранились известия даже о заговорах против Константинопольского патриарха, по счастью, не доведенных до логического завершения. Но и св. Тарасий показал свой характер — он объявил мятежным епископам, что без патриаршего ведома те не вправе созывать Соборы и по канонам подлежат за это низвержению из сана. За патриархом стояла грозная тень императрицы, и епископы сдались. Вселенский Собор был назначен на август 786 г. в Константинополе, но когда епископы стали прибывать в столицу, неожиданно взбунтовалось войско. Ворвавшись в баптистерий храма Святых Апостолов, где должен был открыться Собор, солдаты потребовали закрыть его. Патриарх срочно уведомил императрицу, но та понадеялась, что все уляжется само собой. Однако солдаты быстро доказали, какая грозная сила противостоит ей.

17 августа 786 г. Собор открылся, были зачитаны первые акты, и тут вместе с иконоборческими епископами в храм вошли гвардейские солдаты и закрыли собрание. Делать нечего — императрица распорядилась подчиниться этому требованию, и архиереи разошлись по домам. Пользуясь моментом, некоторые из созванных на Собор епископов присоединились к мятежникам и деятельно убеждали, что никакого нового Собора не требуется, поскольку «вселенский» Собор 754 г. уже дал необходимое определение относительно икон. Это событие прекрасно характеризует мудрость и осторожность святой императрицы, весьма неторопливо и осмотрительно взявшей за дело восстановления иконопочитания.

Обождая, пока бунтовщики утихнут и разойдутся по домам, св. Ирина придумала интересный способ вновь взять инициативу в свои руки. Через короткое время она объявила, будто арабы угрожают гра-

ницам Римской империи, и под этим предлогом направила столичные полки на Восток, причем предварительно разоружив их. В это же время в Константинополь прибыли пограничные воинские части, верные императрице¹⁹⁷.

Лишь когда мятежные полки прибыли в город Малагену, был зачитан приказ императоров *о роспуске* непослушных частей и отставке солдат. Им надлежало оставить военную службу и удалиться в свои родные места. В результате бунт был подавлен без пролития крови, и партия иконопочитателей получила полнокровный год на проповедование своих убеждений. К сожалению, эта экстренная и неординарная мера вскоре даст себя знать самым негативным образом — ведь императрица расформировала самые боеспособные и опытные воинские части, без которых византийская армия оказалась неготовой вести войны в том же победоносном режиме, что и раньше.

Через год, в 787 г., императоры объявили свое повеление вновь созвать Вселенский Собор, но уже, от греха подальше, в Никее. Это был хорошо укрепленный город, где, в отличие от столицы, проще было обеспечить порядок и безопасность Отцов Собора и императорской семьи. Кроме того, по указанию царицы было решено проводить короткие, но содержательные заседания, принимая необходимые решения под руководством василевсов¹⁹⁸.

Глава 2. Седьмой Вселенский Собор 787 года

Собственно говоря, по составу новый Вселенский Собор мало отличался от того, который был собран год назад. Римского епископа представляли все те же два пресвитера, каких он направлял на разогнанный Собор 786 г., восточных патриархов, находящихся под арабами, — синкеллы Иоанн и Фома. Как всегда, римские легаты занимали первое место в иерархии, на втором располагался Константинопольский патриарх, а затем уже остальные архиереи. Дабы достойно противостоять «вселенскому» Собору 754 г., патриарх и императрица постарались, чтобы число Отцов Собора было не меньшим — задача, до конца не выполненная. И хотя на некоторых заседаниях количество епископов доходило до 380, но максимально число подписей не превышало 308.

И ранее Вселенские Соборы не представляли собой закрытый анклав епископов, но теперь в Никею были *целенаправленно* во мно-

жестве приглашены монахи — всего на заседаниях присутствовал 131 инок. Более того, им предоставили *равное право голоса* с присутствующими епископами, причем со ссылкой на канонический обычай. «Справедливость требует, — сказали Отцы на первом заседании, — чтобы и досточтимые иноки подали свой голос». Савва, игумен Студийской обители, сказал: «Если порядок требует, чтобы и иноки подавали голоса, то пусть будет по вашему приказанию». И в ответ услышал от св. Тарасия: «Таков порядок, что каждый из присутствующих на Соборе голосует свое убеждение»¹⁹⁹. Может быть, несколько преувеличенно опасаясь рецидива иконоборчества, святая Ирина провела тонкое решение, согласно которому ее представители — государственные сановники также получили право голоса (!). По одному справедливому замечанию, «право в Церкви рождается из моральной силы»²⁰⁰.

Первое заседание Собора (всего их было восемь) состоялось 24 сентября 787 г. в храме Святой Софии в Никее. Хотя, как следовало предположить, Отцы должны были непосредственно начать с обсуждения спорного вопроса, но вместо этого речь зашла о возможности принятия в общение епископов-иконоборцев. Собственно говоря, тем самым общий настрой Собора и его определения были *предрешены*: если иконоборцы уже признаны преступниками против Церкви и Православия, то какие уж тут обсуждение и дискуссия? Но в том-то и состояла спасительная для Кафолической Церкви сила власти православных императоров, что их царственная *единоличная воля* промыслительно предопределяла решение догматического спора.

Эта стадия Собора не обошлась без некоторого противостояния — уже между самими иконопочитателями. Константинопольский патриарх и сановники императоров (матери и сына), отдавая предпочтение принципу «домостроительства», икономии, считали возможным принять в общение тех епископов-иконоборцев, которые по заблуждению подчинились решению Собора 754 г. и теперь раскаивались. Но им противостояло монашество, сделавшее акцент на чистоту канонов и совершенно игнорировавшее общественно-политическое значение этого Вселенского Собора. Для них вопрос о церковном лечении больных членов Церкви вообще не стоял — считалось, что те, как еретики, уже отвергли себя от Кафолической Церкви, и нужен только формальный акт, подтверждающий их отлучение. В качестве компромисса все иконоборцы были разделены на три группы — по степени тяжести их преступлений против Православия.

По приказу императоров обвиняемые явились на Собор, где предстали перед церковным судом. В первую очередь допросили митро-

полита Анкирского Василия, митрополита Мир Ликийских Феодора и епископа Аморийского Феодосия. Те горячо раскаялись в своих прежних заблуждениях. Так, Феодор, митрополит Мир Ликийских, признался в своем невежестве, лености и умственном нерадении, а затем принес анафемы всем иконоборцам. «Противникам христиан, то есть иконоборцам, анафема! Утверждающим, что христиане прибегают к иконам, как богам, анафема! Называющим святые иконы идолами — анафема!» После этого св. Тарасий торжественно произнес: «Вот, некоторые бывшие обвинители Православия ныне стали его исповедниками!»²⁰¹ Монахи согласились, но потребовали вписать в протоколы заседания, что принимают раскаявшихся лиц по тому чину, по какому восстанавливают в общении лиц, обратившихся из ереси.

В этот же день были приглашены и 7 епископов «второй очереди»: митрополит Никейский Ипатий, митрополит Родосский Лев, митрополит Писсунитский (Галатия) Григорий, митрополит Иконийский Лев, митрополит Антиохии Писидийской Георгий, епископ Иерапольский Николай, епископ острова Карпаф Лев. Вина этих архипастырей была большой — именно они в прошлом году сорвали созванный Вселенский Собор. На заседании, начавшемся во второй день, эти епископы деятельно раскаивались, объясняя свое заблуждение «неведением и неразумением». Правда, это раскаяние было поставлено под сомнение, но в конце концов и их согласились оправдать, хотя встал тот же вопрос, что и ранее: каким чином принимать подсудимых в церковное общение?

Надо отдать должное подсудимым — хотя им грозило лишение епископского сана, они категорично отвергли *подсказанную* версию, будто их силой заставили принять иконоборчество. «Пусть скажут, — предложили некоторые присутствовавшие на Соборе иноки, — были ли они увлечены и претерпели ли насилие? И потому ли отступились от истины?» На что Ипатий и другие епископы напрямую сказали: «Мы насилия не терпели, не были также и увлечены; но, родившись в этой ереси, мы в ней были воспитаны и возросли». Этот ответ, кстати сказать, совершенно исключает набившую оскомину позднейшую «теорию», будто бы императоры-иконоборцы постоянно злоупотребляли силой для насаждения иконоборчества. После длительных дебатов раскаявшиеся епископы были наконец приняты в общение без поражения в правах²⁰².

Самым упорным иконоборцем, представшим на Соборе в последнюю очередь, был Неокесарийский митрополит Григорий, доставленный на заседание царским сановником. Единомыслие Отцов произ-

вело на него такое большое впечатление, что и он раскаялся в своих заблуждениях; простили и его. После этого, когда, собственно говоря, стало ясно, что Собор единодушно стоит за почитание святых икон, зачитали ряд посланий. Как повелось, первым было прочитано письмо императоров. В нем они утверждали, что главной их целью является мир и единомыслие в Римской империи, а также единение иереев восточных, северных, западных и южных, то есть всей Кафолической Церкви. Затем цари описали, при каких обстоятельствах и *на каких условиях* св. Тарасий согласился принять священство и сан Константинопольского патриарха. Василевсы еще не сказали ничего об иконопочитании, хотя их оценка состояния дел в Церкви недвусмысленно предугадывала последующие соборные события²⁰³.

После этого по традиции зачитали послание апостолика. Документ папы интересен не только для богословов, но и для историков, поскольку понтифик коснулся таких «вечных» тем, как статус Римского епископа и его отношения с Константинопольским патриархом.

В первую очередь обращает внимание пассаж Римского епископа о целесообразности созыва данного Вселенского Собора. С его точки зрения, все ясно и так, и способ искоренения иконоборческой ереси прост — достаточно согласиться с безгрешной (как всегда) позицией преемника святого апостола Петра и *царского повеления* (!), чтобы почитание икон было тут же восстановлено, а папа принял раскаявшихся грешников в свои объятия. «Если же вследствие безумия и неверия еретиков невозможно восстановить священные и досточтимые иконы и утвердить за ними прежнее их значение без соборного деяния, и если ваша светлейшая и императорская власть желает пригласить наших священников» и так далее.

Иными словами, Вселенский Собор в глазах папы — не обычный способ умиротворения *всей* Кафолической Церкви, как считали раньше его предшественники, а *крайнее средство врачевания* совершенно обезумевших еретиков-греков. И потому понтифик предлагает направить на Восток римских священников, которые и помогут императорам вернуть заблудших в лоно Православия. Конечно, сам папа в таком случае выступает «крайним судьей» Церкви, и ему, по логике письма, должны быть принесены клятвы в отвержении ереси. Кстати сказать, в очередной раз можно удивиться тому, насколько папа не чувствовал тонкостей спора, как дезинформирован он был о состоянии дел на Востоке.

Насаждение и грубое проталкивание своего статуса стало лейтмотивом послания папы Адриана, который делает непременным услови-

ем созыва Собора отказ св. Тарасия от титула «Вселенского патриарха». «Мы сильно удивились, когда нашли, что в ваших императорских указах, изданных о патриархе царствующего города, то есть о Тарасии, он также назван “Вселенским”. Мы не знаем, по неведению ли, или по внушению нечестивых схизматиков и еретиков это написано; но просим убедительно вашу милостивейшую императорскую власть, чтобы он никогда ни в одном из своих писаний не подписывался “Вселенским”; потому что, очевидно, это противно постановлениям святых канонов и преданий Святых Отцов. Состоящему во втором разряде никак нельзя носить это название, разве только в силу авторитета святой нашей Кафолической и Апостольской Церкви. Поэтому, если он называется “Вселенским” вопреки воли выше его стоящей святой Римской церкви, которая есть глава всех Церквей Божьих, то, очевидно, он показывает себя отступником от Святых Соборов и еретиком. Потому что, если он есть “Вселенский”, то значит, он признает за собой такое же церковное первенство, как и наша кафедра, что покажется странным всем верным христианам. Потому что Самим Искупителем мира дано первенство и власть над всем миром блаженному апостолу Петру, и через этого апостола, преемниками которого стали мы, неопытные, святая католическая и апостольская Римская церковь до сего времени удерживает и всегда будет удерживать первенство и силу власти. Поэтому, если кто-либо станет называть его “Вселенским” или даст на то согласие (чему мы не верим), то пусть знает, что он чужд православной веры и отступник от нашей святой Кафолической и Апостольской Церкви»²⁰⁴.

Дальше — больше. Упомянув, как писалось выше, насколько Рим обеспокоен тем, что Константинопольский патриарх поставлен в архиереи из мирян, папа Адриан едва ли не открыто говорит, будто согласился с утверждением собрата в данном чине только по причине его ревности к почитанию святых икон и *просьбе императоров* (?). Конечно, это открытая издевка над вторым архипастырем Кафолической Церкви, «папой Востока». Но затем достается и императорам, к которым папа был так лоялен на протяжении всего послания.

«Когда нечестивый соблазн заблуждения, вкравшийся в разные страны Греции, будет уничтожен и, по мановению Божьему, достойные иконы будут восстановлены в древнем виде, тогда разольется радость великая по всей земле, и с этого времени, при содействии и под покровительством святого Петра, князя апостолов, вы будете с триумфом победителя повелевать всеми варварскими нациями. Подобно тому, как сын и духовный соотец наш государь Карл, император

франков и лангобардов и патриций римский, подчиняясь нашим увещаниям и во всем поступая по нашим советам, низложил и поспрал своими ногами все варварские нации, лежащие на Западе, подчинил и присоединил к своему царству»²⁰⁵.

Конечно, эта часть письма папы — верх неприличия. Понтифик откровенно противопоставляет *легитимным* Римским императорам Франкского «императора» Карла и недвусмысленно разделяет их владения. У св. Ирины и Константина VI — «страны Греции» и «варварские нации» на Востоке, у Карла — «варварские нации» на Западе. Как будто это никак не затрагивало компетенции Константинополя, апостоллик называет Карла Великого «римским патрицием» и совершенно прямолинейно, словно в этом и заключаются древние традиции, Адриан говорит о необходимости духовного подчинения царской власти Римскому епископу. Нет сомнения, что в другой обстановке св. Ирина никогда не снесла бы подобной дерзости, но теперь перед ней и ее порфирородным сыном стояли другие, более актуальные задачи. Впрочем, скоро папе придется горько разочароваться в том, как его «духовный сын» следует увещаниям понтифика.

А Собор шел своим ходом. Зачитали послание папы Адриана Константинопольскому патриарху, и начался опрос присутствовавших лиц: все ли согласны с мнением Римского епископа об иконах? Все согласились. На следующем заседании зачитали послания восточных патриархов, также подтвердивших необходимость почитания икон. Эти послания удовлетворили римских легатов: «Благословен Бог, что и восточные святейшие архиереи оказались согласными в православной вере и в учении о поклонении честным иконам с святейшим Адрианом Римским и Тарасием, патриархом нового Рима»²⁰⁶.

После дисциплинарных вопросов и прочтения посланий началось обсуждение самого главного вопроса об иконопочитании, что лишний раз продемонстрировало идейную предопределенность Отцов, направляемых императорской властью к истине. Собор очень аргументированно отменил довод иконоборцев о «рукотворности» святых икон: «Ни один из апостолов и евангелистов не называет нигде бескровную жертву образом плоти Христовой. Если некоторые Отцы, например, Василий Великий и Евстафий Антиохийский, и называют бескровную жертву — хлеб и вино “вместообразными”, то так они называют только до момента преложения их в истинную Кровь и Плоть Господа. Учить так, как учат иконоборцы, — значит отрицать преложение Святых Даров».

На этом заседании произошел еще один интересный эпизод. Хотя доводов в пользу святых икон было предоставлено и обнародовано не-

мало, Собор счел необходимым сослаться на 82-е правило Трульско-го Собора, не признанного на Западе. И римские легаты... *приняли* этот аргумент, несмотря на отрицательное мнение Римского епископа, тем самым реципировав Собор²⁰⁷.

На 5-м заседании ознакомились с некоторыми свидетельствами, на которых основывал свое решение иконоборческий Собор 754 г. Было зачитано апокрифическое сочинение «Путешествие святых апостолов», которое все признали еретическим — и справедливо. Рано или поздно, но Собор должен был затронуть грандиозные фигуры императоров — Льва III и Константина V. Но когда это случилось, не было произнесено *ни слова упрека*. Более того, когда Феодосия Аморийского начали обвинять в том, что иконоборцы использовали в качестве доказательства еретический апокриф, тот стал оправдываться, будто им на Соборе 754 г. зачитывали подложные свидетельства Отцов. И реплика патриция Патрония: «Но при этом они все делали по царскому соизволению» звучит не в качестве упрека царям-иконаборцам, а как довод в... защиту невиновности епископа Феодосия Аморийского²⁰⁸.

Затем было изучено и отвергнуто свидетельство Евсевия Памфила против икон, как не соответствующее Православию. Со ссылкой на сочинение Антипатра, епископа Бострского, где встречались такие слова: «Я признаю, что этот великий исторический муж, и что от его сведения не ускользнуло ничего из сочинений древнейших писателей, потому что, пользуясь царским содействием, он легко мог доставать их отовсюду. Но я не утверждаю, что этот человек достиг точного познания догматов. Потому надобно согласиться, что он был человек многосторонне образованный, но чтобы он знал догматы — этого допустить нельзя; напротив, мы знаем, что он был весьма далек от точного понимания их», Собор признал догматические сочинения Евсевия чуждыми Кафолической Церкви²⁰⁹. Попутно Отцы обвинили трех предыдущих Константинопольских патриархов (Анастасия, Константина и Никиту) в подделке Священного Писания, когда у тех дело дошло до необходимости опровергнуть почитание святых икон.

Почти все время 6-го заседания Собора было посвящено изучению деяний иконоборческого Собора 754 г. — об этом писалось в предыдущих главах. Нет сомнения, что в силу природы победоносного диспута, когда любое слово заочного оппонента кажется легкомысленным и ложным, Собор несколько драматизировал отдельные догматические определения иконоборческого собора, вполне, впрочем, православные. Например, было зачитано такое определение иконоборцев, реципировавшее предыдущие шесть Вселенских Соборов: «Эти шесть святых

и Вселенских Соборов благочестиво и богоугодно изложили догматы нашей непорочной христианской веры. Будучи научены из богопреданных Евангелий, они предали, что одна ипостась во Христе Господе и Боге нашем имеет два естества и две воли и два действия, и учили, что одному и тому же принадлежат и чудеса и страдания». На что прозвучала следующая оценка: «О, какая заносчивая и тщеславная мысль! Они пытаются учить Церковь, как будто она не познала еще Божественных догматов. Церковь Кафолическая приняла и запечатлела эти догматы, как твердый якорь и нисколько не нуждается в назидании этих учителей»²¹⁰.

Безусловно, с исторической точки зрения это было передергивание фактов, поскольку каждый Вселенский Собор одним из своих актов реципировал предыдущие вселенские соборные оросы. И если епископы-иконоборцы признали свой Собор «вселенским», то и им следовало сохранить древнюю традицию. Другое дело, что с духовной точки зрения даже истина, высказанные еретическими устами, облекалась в черные одежды, и Отцы VII Собора всячески старались устранить этот зловредный налет.

Вновь «запнулись» на императорах-иконоборцах, но ни у кого не хватило духу поднять руку на властителей Вселенной, глав и защитников Церкви. И вместо этого зазвучали упреки в адрес епископов-иконоборцев: «Совершая беззаконие за беззаконием, эти еретики не только язык свой изошрили во лжи и нечестии, но и убедили руку правителей поражать мнимые преступления, говоря, что не повинующийся им должен считаться виновным и пред царским законом»²¹¹.

Нисколько не затрагивая вопрос об ересиарстве Константина V, Отцы отметили другие замечательные достоинства этого императора, вновь перекладывая всю вину на епископат. «Им следовало бы скорее высказывать подвиги их мужества, победы над врагами, подчинение им варваров, что многие изображали на картинках и на стенах, возбуждая тем самым любовь к ним; точно так же — защищение ими покорных им, их советы, трофеи, гражданские постановления и сооружение ими городов. Вот похвалы, которые делают честь императорам! Они возбуждают хорошее расположение духа и во всех подчиненных им. Но еретики, имея языки наостренные и дыша гневом и стремлением к обличениям, хотят в темном месте подстрелить имеющих правое сердце и потому говорят так»²¹².

Наконец, настал день 7-го заседания, на котором Собору предстояло утвердить свои определения. Как результат соборного труда, Никейскому вселенскому собранию принадлежит чрезвычайно важное

учение об образе поклонения святым иконам: не только благоговейное лобызание икон, но и *поклонение* им. Причем поклонение не такое, как Богу, но как поклоняются святым людям и Ангелам, которым, тем не менее, не служат, как Богу.

Следующая фраза, сказанная епископом города Констанции на Кипре Константином, встретила общее одобрение: «Приемлю и лобызаю с глубоким почитанием святые иконы, но что касается поклонения в смысле служения, то я воздаю его исключительно Святой Троице». Впоследствии именно эта фраза, неверно переведенная латинянами и положенная на стол Карлу Великому, дала повод Франкфуртскому Собору 794 г. неверно истолковать определение VII Вселенского Собора. Франки поняли с точностью до наоборот, будто Никейский Собор 787 г. приписывал поклоняться иконам в качестве *служения*, как Богу, — об этом мы будем говорить ниже.

Затем последовали анафематизмы иконоборцам и славословия императорам. «Многая лета императорам! Константину и матери его Ирине многая лета! Победоносным императорам многая лета! Новому Константину и новой Елене вечная память!» И наоборот: «Ересеначальникам Иоанну Никомидийскому и Константину Наколийскому анафема! Лжеименному епископу Эфесскому Феодосию анафема! Сисиннию, прозванному Пастиллою, анафема! Василию, носящему гнусное прозвище “Трикаккав”, анафема! Анастасию, Константину и Никите, преемственно председательствовавшим на Константинопольской кафедре, анафема!»²¹³

Другие решения Отцов Собора также не лишены исторического значения. Так, в частности, на 7-м заседании (13 октября 787 г.) Собор привел Никео-Цареградский Символ Веры — конечно, без *Filioque* — важнейший исторический факт, также свидетельствующий не в пользу позднейших римских догматов об исхождении Святого Духа не только от Отца, но и от Сына. В окончании Собор принял 22 канона, в основном касающихся правил монашеской жизни.

После завершения всех обсуждений Отцы откликнулись на приказ императрицы прибыть в Константинополь, где состоялось последнее заседание Вселенского Собора. Это случилось 23 октября 787 г. в Мангаврском дворце столицы. На заседании в присутствии императоров, высших государственных сановников и виднейших военачальников под одобрительные выкрики присутствующих лиц были зачитаны соборные определения.

Затем св. Тарасий поднес царям книгу, в которой были изложены все соборные деяния и определения, и просил утвердить их своими

подписями. Святая Ирина и Константин VI подписались первыми, затем легаты, столичный патриарх и епископы. Получив щедрые дары от царицы, епископы разъехались по своим епархиям. Так завершилось *последнее* вселенское собрание Кафолической Церкви, но об этом еще никто не знал и не догадывался.

Глава 3. Карл Великий — император Западной Римской империи

Пока на Востоке развивались эти волнительные события, на Западе решался вопрос: *кто* будет править Италией? После смерти Пипина властителем франков стал замечательный человек своего времени, его сын *Карл Великий* (*Charlemagne* по-французски и *Karl der Grosse* по-немецки). Этот великий муж, проживший долгую и содержательную жизнь, является той фигурой, руками которой творится история целых народов и эпох. Он обладал величественным обликом и большой физической силой. До самой старости Карл не оставлял физические упражнения и особенно любил плавание и охоту.

Король был трезвенником и ненавидел пьянство. Воздержанный и скромный, неприхотливый в еде и питье, он был красноречив и умел очень доходчиво и просто объяснить дело собеседнику. На обед ему обычно подавали четыре блюда, не считая мясного жаркого, до которого Карл, как истый охотник, был весьма охоч. Король созывал пиры крайне редко и исключительно по большим праздникам. Хотя в таких случаях старался поразить всех гостеприимством и собирал множество людей на свою трапезу²¹⁴.

Высокого роста (около 190 см), с красивыми большими и живыми глазами, привлекательный и веселый, он очень нравился женщинам. Впрочем, как и они ему. Из всех недостатков современники выделяли склонность Карла к блуду и прелюбодеянию. У него было 5 жен и множество наложниц; после смерти последней жены, уже глубоким стариком, Карл имел 3 или 4 наложницы. Рассказывают, что даже своих дочерей он заставлял вести не вполне целомудренную жизнь и поощрял их распущенное поведение в надежде, что никто не возьмет их замуж и как следствие не появятся новые претенденты на королевский престол. Правда, он дал им блестящее образование. Сохранился даже древний апокриф 824 г., будто одному из монахов было видение о страшных муках, претерпеваемых Карлом Великим после кончины за пристрастие к слабому полу²¹⁵.

Здоровье его было отменным, и король страдал разве что от лихорадки, для лечения которой регулярно принимал горячие минеральные ванны. Враг роскоши, он до конца дней носил традиционную франкскую одежду — полотняную рубашу и штаны, а на ногах сапоги. Поверх король набрасывал на плечи свой любимый зеленый плащ. Но на торжествах Карл блистал золотой одеждой, украшенной драгоценными камнями, а его плащ скрепляла золотая пряжка²¹⁶.

Покровитель образования и культуры, он тщательно следил за сохранностью старинного германского фольклора и приказал собирать песни о героях, а также велел составить немецкую грамматику. Латынью он владел, как родным языком, хорошо понимал и довольно прилично говорил по-гречески. Высоко ценил ученых и до последних дней интересовался наукой. Во время еды ему обычно читали его любимую книгу «О граде Божьем» блаженного Августина. Озабоченный тем, что право франков и римское право, которым жила Италия и Галлия, нередко противоречили друг другу, Карл велел провести некую систематизацию законодательства. Помимо этого, он приказал записывать правовые обычаи покоренных франками народов, надеясь снискать славу св. Юстиниана Великого, но не преуспел в своей законодательной деятельности.

Попутно великий франк решил дать франкские наименования месяцам года, поскольку те частично назывались по-латыни, частично обозначались германскими терминами. Теперь, например, январь получил название «винтерманот», февраль — «хорнунг», апрель — «остерманот», сентябрь — «витеманот» и т.д. Не были обойдены вниманием король и ветра, которых вместо четырех по древней классификации Карл «обнаружил» целых двенадцать и, конечно же, все поименовал²¹⁷.

Карл собирал вокруг себя богословов, философов, поэтов, историков, основал школу при дворе, по преданию, стал основателем Парижского университета, а также своим законом предусмотрел обязательное обучение всех детей мужского пола. За свою многотрудную жизнь он провел 53 военных кампании: 18 — против саксов, 5 — против лангобардов, а остальные — против аквитанцев, тюрингов, баваров, аваров, датчан, славян, сарацин и византийцев. Франк казался *вездесущим*, и не было проблемы, которая не приковала бы к себе его внимания. Он строил дороги, развивал торговлю, вводил жесткий правопорядок и дисциплину и обезопасил Западную Европу от языческих и мусульманских нашествий²¹⁸.

Великий франк распорядился построить великолепный храм Святой Богородицы в Ахене и особое внимание уделял поддержанию старых церквей в нормальном состоянии. Когда король получал известия о ветхих или рухнувших храмах, он тут же приказывал местным епископам восстановить их и строго следил за исполнением своим поручений²¹⁹.

Но, конечно же, еще больших славословий он заслужил как политик и полководец. Лангобарды, неизменно битые франками, по-прежнему были еще очень сильны. И Карлу пришлось приложить немало сил, чтобы решить проблему взаимоотношений с опасным соседом, претендующим на гегемонию в Италии. В первую очередь ему пришлось принять совет матери и заполучить лангобардов в союзники. В качестве испытанного способа король пренебрег своей первой женой и просил руки у дочери Лангобардского короля *Дезидерия* (756–774), красавицы *Дезире*. Лангобард, также понимавший все выгоды положения тестя могучего франка, не стал упрямыться, и вскоре утонченная во вкусах девица, воспитанная в римском духе, оказалась во дворце франка, показавшемся ей *фермой*.

Стоит ли говорить, что этот союз вверх понтифика в отчаяние? Ведь он лишился *единственного* потенциального союзника, способного, как раньше при покойном Пипине, отстоять Рим от поползновений лангобардов. Папа срочно отправил Карлу письмо такого содержания: «До наших ушей дошла весть, о которой мы не можем говорить без боли в сердце. А именно, что Дезидерий, король лангобардов, ищет способа убедить Ваше Величество соединиться в браке с его дочерью. Если это правда, то это настоящее дьявольское наущение. Какое недостойное упоминания безрассудство! Примерный сын и прославленный франк собирается заключить союз с предательским и смрадным народом лангобардов, который не может быть причислен к другим нациям, разве что к племени прокаженных». Это послание вызвало сочувствие монарха, но не повлияло на его планы.

Когда Дезидерий в очередной раз начал угрожать Риму, папа Адриан опять направил Карлу письмо, в котором напрямую заявил, что терпит беды от лангобардов только потому, что отстаивает интересы франков. В этом было много правды, поскольку Дезидерий требовал от понтифика венчать на царство сыновей Карла, как только те будут рождены от Лангобардской принцессы. Нет сомнений, это неизбежно порождало внутренний конфликт во Франкском королевстве, где без большого пиетета относились к лангобардам.

Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что в 771 г. Карл был *не единственным* наследным королем из числа сыновей Пипина. Помимо

него, на единовластие претендовал *Карломан*, его младший сводный брат, на которого папа мог сделать ставку. Первоначально Пипин разделил королевскую власть между своими сыновьями: Карл получил в удел бывшие исконные владения своего отца, а Карломан — земли своего тезки, дяди Карломана, некогда принявшего монашеский постриг, а затем погибшего. 9 октября 768 г., сразу после смерти отца, последовавшей 24 сентября того же года, братья приняли королевские инсигнии. Когда у Карломана родился сын, понтифик *демонстративно* поздравил счастливого отца с этим радостным событием. Разумеется, Карл не остался в неведении этого намечавшегося союза. Три года продолжался неустойчивый союз, который едва не был прерван междоусобной войной, но, по счастью для франков, Карломан скончался. Его вдова тут же отправилась в Италию, где получила защиту и покровительство у Лангобардского короля²²⁰.

Поняв, что сам того не желая сформировал против себя мощную оппозицию, Карл Великий развелся с Дезире и отправил ее обратно к отцу. Там она вскоре скончалась при родах. Разумеется, это вызвало скорую войну, которой Карл не желал, но принял со всей серьезностью опытного воина²²¹.

Желая обезопасить себя от группировки франкской знати, выступавшей за союз с лангобардами, Карл дважды обращался к своему противнику с мирными инициативами, прекрасно зная, что тот их отвергнет. И тогда сильная франкская армия, которую король собирал с марта прошлого года, направилась к Альпам, чтобы по тайным тропам перейти их. Опасаясь окружения своего войска, занятого блокировкой горных перевалов, Дезидерий отвел их к Павии. Но уже в феврале 774 г. франк осадил и захватил в Павии короля Дезидерия, после чего Лангобардское королевство перестало существовать. В Вероне Карл захватил и семью Карломана, после чего соперников у него уже не оставалось²²².

Сумел сохранить свою свободу лишь *Адальгиз*, сын короля Дезидерия — он отплыл в Константинополь, где получил сан патриция. Победив врага, Карл отправился в Вечный город, чтобы принять титул римского патриция и возобновить договор с Римским епископом. Он был принят там со всеми почестями, какие ранее оказывались Равеннскому экзарху, то есть почти как самому Римскому императору. У храма Св. Петра его встретил понтифик, и при пении «Благословен грядый во имя Господне» они вместе приложились к мощам великого Апостола²²³.

После этого на некоторое время Карл Великий утратил интерес к Италии, вынужденный вести почти 30-летнюю войну в Саксонии. Это

было нелегким занятием ввиду многочисленности врага и его крайнего упорства в нежелании принять христианство — саксы являлись язычниками. Одна ветвь саксонского племени, *ангары*, располагалась вдоль реки Везер, а вдоль Эльбы, по обеим ее сторонам, проживали соответственно *эстфальцы* и *вестфальцы*. Не признающие над собой никакой централизованной политической власти, саксы тем не менее легко объединялись для отпора врагу, посягнувшему на их быт и религию. Военный поход Карла мало отличался от карательной экспедиции, но в тот год франкам удалось глубоко вторгнуться в саксонские владения, и даже уничтожить священный для язычников Ирминскуль — гигантский древесный столп, на который, по саксонскому преданию, опирался небосвод. Но стоило Карлу вернуться назад, как саксы легко разделивались с франкскими гарнизонами. Борьба разгорелась особенно после того, как во главе саксов встал вождь *Видукинд*.

В течение 10 лет шла тяжелая и кровавая война, наконец, в 782 г. Карл расположил свою временную столицу в центре Германии, созвав саксонских вождей для принятия присяги. Явились почти все — за исключением Видукинда и его близких соратников, которые в это время разгромили на юго-востоке Саксонии крупный франкский отряд; среди погибших было два близких друга Франкского короля. В ответ Карл приказал умертвить 4,5 тыс. пленных саксов. В конце концов Видукинд сдался и даже принял Крещение. Саксония была покорена, но огни сопротивления вспыхивали с новой силой при первых дуновениях ветерка, приносившего восточку об отдельных неудачах Карла Великого или слабостях Франкского государства²²⁴.

Подчинив себе саксов, в конце 780 г. король повернул на юг, встретил Рождество в Павии, а весной следующего года уже оказался в Риме. На Пасху, 17 апреля 781 г., папа по просьбе Карла крестил его 4-летнего сына Пипина и сразу же венчал королевской короной, после чего счастливый отец торжественно объявил, что поручил новому монарху управление Италией. Конечно же, ребенок лишь *номинально* исполнял свои функции — у него был целый штат советников. Во Фриуполе и Сполето были посажены герцоги, в остальных областях графы. Основными резиденциями Пипина стали Верона и Павия. Такая довольно мягкая система управления завоеванной Италией должна была успокоить лангобардов, не утрачивая, однако, контроля над ними²²⁵.

Несмотря на вектор воинских походов Карла, сам факт обладания им почти всей территорией Италии и многими землями Восточной Европы с железной неизбежностью привел к двум очень важным стратегическим последствиям. Во-первых, Запад все более и более

отделялся от Византийской империи, начиная вести собственную политическую жизнь, духовное окормление которой осуществляли Римские епископы. Во-вторых, могущество Франкского короля и объединение под его рукой почти всех бывших имперских владений на Западе с железной неизбежностью приводило к необходимости определить его статус²²⁶.

В это время папа Адриан впервые почувствовал, что его «духовное чадо» вовсе не намерено ограничивать свою власть в угоду Римской кафедре. Хотя, соблюдая договоренности, Карл передал понтифику просимые им земли и города, но папа с неудовольствием обнаружил, что вместе с ключами и грамотами франкские графы «забыли» передать ему главное — *власть над населением*. Он попытался было апеллировать к королю, но тот недвусмысленно заявил, что считает себя полновластным владыкой Италии по праву преемника Лангобардских королей и вовсе не собирается ограничиваться титулом «защитник Церкви», как его отец.

«Наше дело — защищать святую Церковь Христову извне, — писал король папе, — от нападений язычников и грабежей неверных, и укреплять ее внутри, распространяя кафолическую веру. Ваше дело, святейший отец, состоит в том, чтобы споспешествовать успеху нашего оружия, воздеяв вместе с Моисеем руки к Господу и моля Его даровать христианскому народу победу над врагами Его святого имени, дабы имя Господа нашего Иисуса Христа воссияло над всем миром». Таким образом, королю принадлежит действо и власть, апостолику — *только молитва*; неожиданный для Римского епископа раздел компетенций, который с ним никто не согласовал²²⁷.

У великого франка слова не расходились с делом. В 787 г. он издал так называемые три капитулярия, тексты которых предварялись красноречивым тезисом: «Душе славного короля Карла созвучно, что с корнем вырывается и устраняется зло, распространившееся в наши дни в лоне святой Церкви Божьей». В первом капитулярии, посвященном монастырям, Божьим обителям предписывалось жить по уставу св. Бенедикта. Король приказал также организовывать приюты для бедных, а попутно строго ограничил вмешательство местных архиереев в жизнь монашеских общин и определил передать баптистерии обычным священнослужителям. Особое внимание Карл уделил вопросам симонии, с которой яростно боролся. Во втором капитулярии, еще более объемном, король детально описал вопросы, отнесенные к компетенции епископата, и запретил графам принимать к своему ведению вопросы суда над священниками. Без труда можно понять, что,

регулируя эти вопросы, Карл Великий недвусмысленно заявил права на высшее церковное управление²²⁸.

Впрочем, *вовне* Карл изыскивал самые разнообразные способы, чтобы укрепить власть папы и поддержать авторитет Римской церкви. Как говорил современник, у Карла не было большего желания, чем собственным трудом вернуть Риму былое величие — разумеется, если оно не шло вразрез с его авторитетом и интересами. Он хотел, чтобы при нем храм Святого Апостола Петра превосходил бы прочие красотой и богатством. Совершенно невообразимое количество золота и драгоценностей было отправлено им понтификам в разные годы. Множество даров ушло также местным епископам²²⁹.

Нет никаких сомнений в том, что перед глазами Карла стоял пример блистательного Константинополя, но его претензии на главенство в Западной церкви имели и другую основу. Дело заключается в том, что германцам, к которым принадлежало и франкское племя, было чуждо старое римское понятие «корпорация»; германское правосознание воспринимало лишь понятие «частная собственность», но не «корпоративная собственность». Представить себе, что собственником вот этого конкретного церковного прихода, возведенного тем или иным лицом, должна считаться *вся* Римская церковь в целом, а не тот, кто оплатил строительство и выкупил под храм землю, было для германца совершенно невозможно. Так совершенно неожиданно для Рима у них на глазах возник и невероятно развился институт «частной церкви», *Eigenkirchentum*. Настоятель частной церкви, *Eigenkirche*, подлежал назначению собственником земли, а сам приход являлся объектом завещания и даже продажи²³⁰.

Конечно, Римская церковь не являлась собственностью Франкского короля, но зато многие приходы и епархии вполне могли быть рассмотрены им в этом качестве. А поскольку Церковь неделима — это, безусловно, Карл Великий понимал, то, следовательно, старые германские обычаи должны быть учтены и Римским епископом. Его мысли о главенстве короля в церковном управлении нашли отражение в одном из наиболее важных капитуляриев Карла Великого — «*Admonitio generalis*» («Всеобщее предостережение»), изданном в 789 г. Король припомнил, что некогда читал в Книге Царств, как святой царь *Осия* призывал к почитанию истинного Бога народы своего царства, странствуя по нему и увещевая жителей. «Я говорю это, — продолжал Франкский король, — не для того, чтобы сравнить свои заслуги с его святостью, а потому, что наш долг состоит в том, чтобы всегда и во всем следовать примеру святых, потому что мы должны собрать всех, кого только мо-

жем, чтобы повести их к праведной жизни в честь и славу Господа нашего Иисуса Христа»²³¹.

И как рачительный хозяин, глава Западной церкви и собственник многих ее епархий, Карл Великий не пренебрегал своими обязанностями. Сохранились свидетельства многочисленных Соборов, которые Карл созывал своей властью в самых разных землях своего королевства. В 770 г. — в Вормсе, в 775 г. — в Дюрене, в 780 г. — в Эресбурге, в 785 г. — в Падерборне, в 787 г. — в Вормсе, в 788 г. — в Регине, в 794 г. — во Франкфурте, в 795 г. — в Майнце, и многие другие. Завоевав Саксонию, Карл тут же разделил ее на 8 епархий и установил границы между ними. Многократно он принимал решение о хиротонии епископов и освобождении их от занимаемых кафедр, нисколько не интересуясь мнением Рима на этот счет. В частности, именно он поставил епископом Падерборна некоего Гатумара. Впрочем, примеры без труда можно было бы продолжить²³².

По примеру Византийских императоров Карл Великий начал сам проповедовать Евангелие среди франков и саксов. Он приказал расписать стены церквей, чтобы прихожане могли иметь живое представление об аде и Царствии Небесном. На базарных площадях и ярмарках зачитывали послания короля: «Верьте, и спасете душу. Вечное блаженство достигается не только одним трудом, хотя сам по себе труд нужен и полезен, но еще и верой. Иисус Христос, Господь наш, будет царствовать вечно. Я, Карл, король франков Божьей милостью, и защитник святой Церкви, несу благодать и мир всем духовным лицам и мирянам, преисполненным благочестия, во имя Иисуса Христа, навеки Господа нашего». В так называемой «Библии Каролингов» он недвусмысленно выразился следующим образом: «Получив от Бога, в лоне Церкви, власть над нашим королевством, мы должны стремиться всеми силами и с Божьей помощью защищать и возвышать Церковь так, чтобы Господь мог назвать нас добросовестным и преданным слугой»²³³.

Впрочем, нельзя не заметить, что столь активная, без оглядки на понтифика, церковная политика Карла была обусловлена ужасающим состоянием церковной дисциплины в его королевстве. Вплоть до короля Пипина, то есть до 742 г., во Франкском королевстве не созывался ни один Собор. Женатые священники наперекор каноническим традициям Римской церкви были повсеместным и распространенным явлением, а сыновья епископов без труда, ссылаясь на право наследования, занимали кафедры после смерти своих отцов. Нередко только тонзура отличала архиереев от мирян.

Надо сказать, Карлу Великому выпала трудная задача, и его упрек одному из архиереев: «Епископы должны презирать мирскую жизнь и своим примером заставлять других стремиться к небесному», часто оставался гласом вопиющего в пустыне. Про священников Аквитании говорили, что они посвящают все свое время верховой езде и военной службе, а не Литургии. Лишь в середине IX века Франкские короли сумели добиться, чтобы епископы не носили шпор на сапогах. А *всеобщее презрение* к монашеству хорошо характеризует эпизод, случившийся с Баварским герцогом *Тассило*. Когда он попал в плен на поле битвы и Карл Великий определил постричь его в монахи, тот, как милости, просил, чтобы ему не стригли волосы в присутствии войска.

Карл Великий твердо стоял на соблюдении священниками обета безбрачия, запрета епископам охотиться и воевать с оружием в руках. Особое внимание Карла привлекли вопросы церковного суда и изъятия клириков из-под ведения суда местных правителей. Король категорически запретил священникам передавать свои жалобы друг на друга кому-либо, кроме епископа. Это предписание ввиду устоявшейся неканонической практики были издано королем в 789 г., повторено по его инициативе Собором 799 г., а затем в королевских актах от 801 и 812 гг. Карл Великий напомнил также франкам ограничения, связанные с близкими степенями родства. Капитулярий 813 г. подтвердил обязанность женатых лиц, состоявших в родстве, развестись. Попутно Карл Великий следил за тем, чтобы деньги не давались в рост под проценты. Капитуляриями 789 г., 794 г., 803 г. и 809 г. были отменены работы в праздничные и воскресные дни, включая открытие базаров и судебных собраний. Наконец, Франкский король строго следил за тем, чтобы все лица, вне зависимости от сословной принадлежности и национальности, своевременно уплачивали церковную десятину²³⁴.

Нисколько не сомневаясь в своем праве на главенство в церковном управлении, обеспечении сохранения чистоты вероучения и самой Церкви, Карл Великий строил четкую вертикаль церковной власти. Уже в 769 г. он издал закон, согласно которому любой священнослужитель, послушавшийся своего архиерея, подлежит низвержению из сана. А в 787 г. пенял митрополитам, епископам и аббатам на неправильный слог, обнаруженный им в обращенных к нему письмах от клириков. Поэтому король обязал создать при каждом монастыре школы для образования монахов. Затем Карл издал книгу из отрывков сочинений Отцов Церкви и приказал читать ее всем священникам и монахам.

Назначая епископов на вакантные кафедры, король совершенно не сомневался в их обязанности докладывать ему о состоянии дел во вве-

ренных им епархиях, как это обычно делают королевские чиновники. Любопытен текст одного письма Лионского архиепископа Лейдрада, датированного 801 г. «Когда Вы отправили меня руководить этой церковью, — пишет архиерей, — Вы изволили мне указать на некоторые недостатки, имевшие там место. И Вы любезно предложили мне проявить осторожность и заботу, чтобы исправить допущенные ошибки и избежать возможных промахов в будущем. Дело в том, что эта церковь в те времена была лишена многого необходимого для ее внутренней и внешней деятельности, для ее служб и зданий, для исполнения других церковных функций. Соболаговолите теперь выслушать, что удалось сделать после прибытия сюда вашему покорному слуге с Божьей и вашей помощью». Согласимся, скорее это послание напоминает *отчет чиновника* государю или архиерея — Римскому папе, но лишь не то, чем было в действительности²³⁵.

В 789 г. Карл Великий издал сборник канонов, выбрав из них те, которые считал полезными для своих подданных. Он обратил особое внимание на богослужение, приказав сделать его более торжественным. При этом Карл принимал живое участие в подготовке канонических актов, которые опубликовал в своих капитуляриях²³⁶.

Целый ряд параграфов представляет собой изложение более ранних канонов, принятых на различных Соборах. Но рядом с ними появились и самостоятельные канонические распоряжения короля. Так, например, он запретил смертоубийства на территории своего королевства (параграф 66), обязал чтить родителей (параграф 68), определил порядок совершения богослужения священниками (параграф 69) и содержание святых храмов (параграф 70). Затем следуют предписания епископам, аббатам и аббатисам. Аббатисам запрещается благословлять мужчин положением рук на их головы и знаменем креста (параграф 75). А епископам напомнили, что им следует надзирать, дабы в воскресенье крестьяне не работали на поле (параграф 80)²³⁷.

Как в гражданских, так и духовных делах Карл считался *высшим судьей*, над которым не может быть никакой апелляции. Принимая сборник канонов папы Адриана, он исключил из него правило, предписывающее обращаться в ряде спорных случаев к понтифику (римская вариация 6-го канона Никейского Собора 325 г.). Поддерживая дружеские отношения с Римскими епископами, советуясь с ними по мере необходимости, он твердой рукой приводил в исполнение все церковные постановления, нередко им же и подготовленные. Это было время едва ли не *полного подчинения* пап власти Франкского короля.

Характерно, насколько по-разному понимали они акт Пипина, согласно которому к Римскому епископу отошли желанные для него области. Карл Великий, как и его отец, искренне полагал, что папа приобрел всего лишь *права на доходы* с этих городов и территорий, но не власть над ними. И апостолик покорно подчинился ему, как своему господину и судье. Правда, впоследствии понтифики начнут доказывать Франкским королям, что и их права патриция Рима, мягко говоря, не означают обладания Римом, поскольку единственным *настоящим* патрицием Вечного города является только апостол Петр²³⁸.

Но в то время единственной преградой власти Карла в Италии и главным союзником Византии стало княжество Беневет (бывшее лангобардское владение), князь которого *Арихис*, женатый на дочери Деzydерия, почти 30 лет являлся господином Южной Италии. Он провозгласил себя независимым государем, принял титул *princeps*, облекся в порфиру, а епископам Беневетского королевства приказал венчать себя на царство. Впоследствии из Беневета, за исключением городов, принадлежащих византийцам: Неаполя, Гаэты, Амальфи, Сорренто, будет создано Неаполитанское королевство²³⁹.

Арихис и Византийский император стали естественными союзниками в попытке противодействовать франкской гегемонии. А для императрицы святой Ирины добровольное признание Беневетского князя себя вассалом Византийского василевса дало повод для возврата Равеннского экзархата, находящегося под властью франков, и прочих имперских владений в Италии. Встревоженный этим, в 781 г. Карл Великий был вынужден отвлечься от Саксонской войны и завязать прямые отношения с императорским двором, чтобы предотвратить неприятный для него союз.

Его инициатива была с пониманием встречена императрицей св. Ириной. Она предприняла далеко не очевидный шаг, демонстрирующий в равной степени ее политическую мудрость, предусмотрительность и... *слабость престола*. В 782 г. императрица направила сакеллария Константина к Карлу Великому с предложением обручить восьмилетнюю дочь того Ротруду со своим сыном, императором Константином VI. Получив согласие, царица приказала евнуху и нотариусу Елисею обучить Франкскую принцессу греческому языку, традициям и законам Римской империи²⁴⁰. Обручение прошло в самом Риме в присутствии представителей сторон.

Франки уже давно являли собой серьезную военную и политическую силу, и, заняв земли лангобардов, стали *фактическими* хозяевами Италии. В мире теперь существовала не одна христианская Им-

перия под властью Римского царя — рядом с ней возникла огромная держава, включающая в свои границы народы и земли от Пиренеев до Дуная и от Северного моря до Рима. По сравнению со старой Римской империей это государство франков имело то преимущество, что вошедшие в его состав народы были скованы одной железной волей политической власти Карла, единством церковного и административного устройства и общностью интересов, поскольку в нем довлел германский элемент. Этот гигант должен был найти свое место в истории, что вскоре и произойдет²⁴¹.

Карлу пришлось многое сделать для того, чтобы создать из подчиненных его власти народов *государство*. К моменту его правления старая римская налоговая система уже прекратила свое действие, и теперь королю пришлось определить источники покрытия своих расходов. Таковыми стали земли, находящиеся непосредственно в его собственности, дани, выплачиваемой покоренными народами, а также церковных земель, которые Карл искренне считал своими. Основная часть общественных расходов была возложена на собственников земель и зданий, а король сконцентрировал свое внимание главным образом на военных расходах. Выстраивая вертикаль власти, Карл упразднил все расположенные на территории Франкской державы герцогства, зато широко распространил институт виконтства и графства, которые, по сути, стали его чиновниками по особым поручениям. Они выслушивали жалобы франков, вершили суд, исправляли злоупотребления властью и т.п. Опасаясь концентрации власти, Карл Великий никогда не передавал одному лицу более одного графства. И, несмотря на обширность своей империи, Карл не гнушался непосредственным управлением своими чиновниками²⁴².

Однако и на пике своего успеха Карл Великий не решался заявлять о самостоятельном статусе, предпочитая называться «управляющим Западной империей» (*Imperium Romanum gubernans*). Вечная, никогда не исчезающая Римская империя являлась для современников той идеальной силой, непосредственным творением Бога, которую не могли сломить ни оружие, ни деньги. У германцев особенно было распространено пророчество Даниила, из которого они выводили вечность Римской империи и города Рима. И сам Карл как великую честь признавал свое подданство у Римского императора, хотя бы тот и располагал в Константинополе²⁴³.

Сделать вид, что никакого императора не существует, было невозможно. Повсеместно в Италии встречались осколки византийских владений, да и многочисленные протесты Византийского двора вольно

или невольно напоминали всем, что *настоящий* Римский император находится в Константинополе, и Рим принадлежит ему, а не Карлу²⁴⁴.

В этой связи брачный союз его дочери с сыном св. Ирины значил очень многое. Один из современников тех событий так писал Карлу Великому: «Я радуюсь, что Ваша прекрасная дочь может поехать за моря и получить скипетр для того, чтобы сила королевства, благодаря ей, направилась в Азию»²⁴⁵. Но и св. Ирине данный брак как минимум обеспечивал серьезную поддержку Константину VI в борьбе с внутренними врагами. Нельзя не отметить, что, как это обычно принято в дипломатии, царица организовала некоторую конкуренцию своим контрагентам, формируя для себя почти беспроигрышную ситуацию. Отвергши ее предложения Карл Великий — она объединится с князем Арихисом. Если тот начнет играть в самостоятельную игру, она ничего не проиграет от долгосрочных отношений с франками.

Но спустя 6 лет, в 788 г., императрица внезапно резко изменила свою позицию по данному вопросу и спешно сорвала переговоры с Франкским двором. Причина этого вполне очевидна: авторитет императрицы в Церкви и, как следствие, в государстве поднялся чрезвычайно высоко. Теперь ей уже казалось несколько опасным видеть Карла Великого потенциальным советником собственного сына. Кроме того, случись что с Константином VI, его вдова могла смело претендовать на царство, особенно, если бы к тому моменту имела наследника. Да и ставить мир в Церкви в зависимость от необразованных и бескультурных франков, уже вполне явно продемонстрировавших стремление вторгаться в вопросы христианского вероучения, было несколько легкомысленно.

Еще в 787 г. царица активизировала переписку с Беневетом, совместно с князем Арихисом намечая высадку византийских войск в Южной Италии, и предложила проект брака Беневетского князя, удостоенного св. Ириной титулом римского патриция, с членом царского дома. Фактически уже во время проведения VII Вселенского Собора франки и греки разорвали отношения²⁴⁶.

К этому времени царица окончательно склонилась к мысли, что женитьба императора Константина VI на дочери Франкского короля будет только способствовать планам Карла. А потому в одностороннем порядке расторгла бывшие договоренности. Она немедленно подыскала сыну невесту *Марию* из числа представительниц армянской аристократии и женила его, к вконец неудовольствию самого молодого императора. Сын не оценил по достоинству политическую игру своей матери (а, возможно, она в силу жесткого характера и не пыталась объ-

яснить ему все нюансы политической баталии), и вскоре между ними возникло отчуждение.

Окончательно отвергнув Карла, св. Ирина направила в Италию сакеллария Иоанна и сына прежнего Лангобардского короля, названного на греческий манер Феодотом, отдав им приказ вступить в сражение с франками и вернуть прежние римские земли. Вскоре к ним присоединился стратиг Сицилии Феодор. Но Карл Великий был действительно блестящим полководцем: в сражении 787 г. греки потерпели поражение, а сакелларий Иоанн попал в плен и был умерщвлен франками²⁴⁷. Как рассказывают, погибло до 4 тыс. союзных войск, и почти 1 тыс. солдат попала в плен к франкам.

В принципе моментальный поворот отношений между державами от дружеских к враждебным — не новость для дипломатии, но и не повод для окончательного разрыва. Однако в данном случае на политические обстоятельства наложились *вероисповедальные* недоразумения, и наоборот. Уже по окончании VII Собора внезапно выяснилось, что франки не готовы довольствоваться старыми правилами и традициями созыва Вселенских собраний. Ранее так повелось, что право созывать Соборы признавалось только за Римскими императорами, а легаты, представлявшие Римского епископа, глаголили от имени всего Запада, духовным сердцем которого считался папа. Теперь франки выказали явное неудовольствие тем, что понтифик направил легатов в Никею *без разрешения* Карла Великого, и тем более не признавали Собор Вселенским, поскольку там не присутствовали франкские епископы²⁴⁸.

Получив текст деяний VII Вселенского Собора, папа приказал перевести его с греческого языка на латынь, и вследствие крайне неудачного перевода многие важнейшие детали оказались перевраны. Собственно говоря, само по себе восстановление иконопочитания на Западе было воспринято без излишнего восторга: Рим просто *не понимал* предмета разногласий между иконопочитателями и иконоборцами. И нет ничего удивительного, что латиняне просто-напросто неправильно перевели термины, отождествив качественно различные понятия «обожение» и «почитание» (*adoratio* и *servitium*) святых икон. В отличие от прежних времен папа Адриан, получив акты Собора, вынужден был направить деяния Франкскому королю для ознакомления. Если же в некотором заблуждении относительно истинных слов вселенского определения находился сам понтифик, то, конечно, для Карла такая подмена понятий, как «почитание» и «обожение», выглядела ярким доказательством сохраняющейся на Востоке ереси идолопоклонства.

Впрочем, нельзя сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что лично Карлу Великому для его *политических* замыслов было очень выгодно представить Византийских императоров и сам VII Вселенский Собор в негативном свете. В «Каролингских книгах», которые начали составлять еще при жизни Франкского короля, содержится оценка, сделанная Карлом Великим своим стратегическим конкурентам, причем многие идеи и тезисы звучали из уст самого монарха.

«Неизмеримое честолюбие и ненасытная жажда славы овладели на Востоке не только царями, но и епископами. В пренебрежении святого и спасительного учения апостольского, преступая заповеди Отцов, они посредством своих *позорных и нелепейших Соборов* пытались ввести новые верования, каких не знали ни Спаситель, ни апостолы. И дабы слова их распространились до отдаленного потомства, они не задумались разорвать узы единства Церкви. Несколько лет назад в Вифинии происходил Собор, который имел дерзость объявить отмену икон. Слова Спасителя в приложении к языческим идолам этот Собор применил ко всем изображениям, не принимая в соображение, что образ есть род, а идол — вид, и что нельзя делать заключение от вида к роду, и наоборот. В этой же местности был составлен второй Собор, на котором председательствовали преемники прежних царей, и где присутствовали, между прочим, члены, бывшие на предыдущем соборе. И этот Собор впал в ошибку, как и первый. Первый собор запретил даже смотреть на иконы, второй повелел их обожать и молиться им (*adorare*). Эти два Собора осквернили Невесту Христову (то есть Церковь. — А. В.) и отвергли учение Отцов, которые не повелевают воздавать божественное поклонение иконам, но употреблять их лишь для украшения церквей»²⁴⁹.

Текст этого отрывка в дальнейшем изобилует самыми оскорбительными намеками, и даже традиционные византийские обороты: «Бог, соцарствующий нам», «Бог избрал нас, и мы ищем Его славу в истине» выставляются как примеры гордыни и еретичества. Конечно, это настоящее «свидетельство о бедности» (*testimonium paupertatis*). Франки, вчерашние язычники, смели указывать грекам, родоначальникам христианского богословия, какими терминами следует обозначать «поклонение». По одному справедливому замечанию, новонасажденная франкская наука, державшаяся в основном аллегорического метода толкования Священного Писания, высокомерно и легкомысленно усматривала в спорах «неистовый ум» восточных богословов, хотя в действительности повторяла лишь все то старое, что греческое богословие давно уже оставило²⁵⁰.

Не нужно быть великим мыслителем, чтобы понять простую истину — в основе своем гневное содержание документа было вызвано *обидой*, которую Карл затаил на византийцев. Разве мог Никейский Собор считаться Вселенским, если на нем не был представлен Франкский король, повелитель Запада? Трудно не догадаться, что гордые греки, считая франков варварами, даже не удостоили тех своим приглашением, сочтя вполне достаточным присутствие на Соборе папских легатов. Да и какую роль в их понимании на Соборе могли играть представители Франкского короля, если на нем председательствовала императрица? Но Карла едва ли устраивало такое объяснение. Ведь он мог с полным правом напомнить, как горячо боролся с ересями и нарушениями канонической дисциплины во Франкской державе. И что именно благодаря лично ему все еще стоит Рим, существует Римский епископ и вообще христианство на Западе. Карлу, по-видимому, также не давала покоя мысль, что *втайне* и сам папа Адриан I солидарен с Константинополем, поскольку в своей переписке с королем даже не упомянул о факте организации Вселенского Собора. Поэтому изначально Франкфуртский Собор был направлен против «псевдособора» в Никее и византийцев²⁵¹.

Поверхностность франкских мыслей замечательно характеризуют последние слова об «истинном» предназначении святых икон — «украшении церквей». Как замечают даже западные исследователи, книга «*Quatuor Libri Carolini*», написанная в 790 г., где систематизированы мысли Карла об иконах, по духу и содержанию — почти *протестантская*. Основные ее мысли таковы: только Бог является объектом поклонения и обожания (*colendus et adorandus*), а святых следует только почитать (*venerandi*). Иконам не следует поклоняться ни в каком случае; кланяться, становиться перед ними на колени — суть язычество и идолопоклонство. Рассказы о чудесах, «якобы» явленных иконами, — плод большого воображения или обман демонов. В крайнем случае допускается использование икон для украшения церквей, но не более того. Заблуждение Карла и франкских епископов было столь сильно, что даже в 825 г. на Парижском Соборе поклонение иконам было вновь отвергнуто, и копия соборного определения направлена папе, как некий укор в его адрес по поводу признания понтификом VII Вселенского Собора²⁵².

Но еще большее значение имеет впервые упоминаемый в публичных документах Западной церкви и политической власти Франкской державы термин *Filioque* (буквально — «от Сына»), внесенный в Никео-Цареградский Символ Веры твердой рукой Карла Великого.

История этого нововведения, через два столетия ввергшего Кафолическую Церковь в раскол, довольно проста. Полагают, что впервые *Filioque* прозвучало на Толедском Соборе Испанской церкви в 589 г. Но, скорее всего, это добавление было вставлено позднее, на Толедском Соборе 653 г. Участники этих Соборов, руководствуясь вполне благими намерениями, утверждали, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына. Испания только-только отошла от арианства, и участникам этого Собора казалось очень важным лишний раз подчеркнуть Божество Христа. Ведь очевидно, что ссылка на исхождение Святого Духа от Него исключала реставрацию идей Ария, как умаляющих Спасителя. С тех пор это прибавление, не получившее признания в просвещенной Италии, ютилось на осколках западных границ Римской империи среди новообращенных варваров.

Несколько позднее *Filioque* активно использовалось против секты *адопционистов*, согласно учению которых, очень близкому к несторианству, следует говорить об «усыновлении» Христа Богом-Отцом. Они старательно доказывали на текстах Священного Писания человечество Спасителя и Его зависимость от Божественного Естества. Родоначальником этой секты стал некто Феликс Ургельский, а его близким помощником — епископ Толедский и примат Испании Элипанд²⁵³.

Первыми противниками адопционистов стали аббат Беат и епископ Осмский Этерий. Они так горячо противостояли сектантам, что обратили внимание папы Адриана, который посоветовал епископам Испании принять меры против этого лжеучения. Дело дошло до Карла Великого, потребовавшего в 792 г. от Феликса Ургельского явиться лично и публично отречься от ереси. Тот послушался короля, но затем вновь вернулся к проповеди дорогого ему учения. Тогда король приказал рассмотреть этот вопрос на Франкфуртском Соборе. Учение адопционистов рассматривали первым вопросом на этом собрании, и Алкуин, блистая эрудицией, внятно доказал заблуждение Феликса и его единомышленников²⁵⁴.

Карл увлекся идеей *Filioque* и на Франкфуртском Соборе 794 г. резко выразился против того, что на VII Вселенском Соборе добавление «от Сына» отсутствовало в тексте Символа Веры. И его возражения, равно как и иные, касающиеся последнего Вселенского Собора, были включены в книгу «Капитулярий против Собора». Позднее на основе «Капитулярия» Орлеанский епископ Теодульф, близкий друг и помощник Карла Великого, составит «Карловы книги» или «Творения короля Карла против Собора»²⁵⁵. А сразу по окончании Собора король поручил епископу Теодульфу Орлеанскому подготовить свод свято-

отеческих высказываний в защиту *Filioque*, что тот и сделал в 809 г. Затем Карл приказал ввести *Filioque* в Символ Веры, читаемый во время мессы в своей часовне, а в 809 г. даже созвал Собор, чтобы утвердить *Filioque* в противовес Востоку.

Нововведение с подачи Карла вошло в широкую практику, причем не только на Западе. Через несколько лет монахи из монастыря на Масличной горе в Палестине обратились с письмом к Франкскому королю, в котором просили богословской помощи епископов в обосновании *Filioque*. Монахи обратились также и к Римскому папе Льву III, и понтифик переслал это послание Карлу, снабдив документ своим исповеданием. Апостолик не признал текст Символа с добавлением *Filioque*, но с интересом и вниманием отнесся к учению об исхождении Святого Духа от Сына. По его мнению, есть все основания, чтобы говорить об исхождении Святого Духа и от Сына тоже: «В Отце — вечность, в Сыне — равенство, в Святом Духе — связь вечности и равенства». Но добавлять текст в Символ — совсем другое дело. Папа объяснял королю: «Мы сами не поем этого, но говорим и, говоря, учим; однако же, не дерзаем словами учением что-либо привносить в Символ»²⁵⁶.

Конечно, это была явная *полумера* — первоначально никто из латинян (как это будет впоследствии) и не дерзал заявить, что *Filioque* всегда присутствовал в Символе. «Но разве Отцы II Вселенского Собора не расширили Символ?» — спрашивал понтифик. Теперь же, властью, которую Римский епископ признавал за собой, следовало *уточнить* Символ, так как *Filioque* не противоречит, по его мнению, основным формулам Православия²⁵⁷.

Однако на тот момент времени такие тезисы еще не имели широкого распространения, и дело ограничилось тем, что папа не отверг *Filioque*, а король подготовил его распространение на Западе. Чтобы хоть как-то «сохранить лицо», король и его богословское окружение пустили в обиход выдумку, будто первоначально Символ Веры читался обязательно с *Filioque*, и лишь позднее его исказили — разумеется, греки. Следовало, что именно Карл Великий спас веру, восстановив старую редакцию Символа, долгое время пребывавшую в забвении по вине Востока. Как покажет история, эта внешне ничем не примечательная ситуация вскоре всколыхнет всю Церковь.

Справедливо замечается, что в этом вопросе друг другу противопоставились не только две системы догматического авторитета, две концепции Предания и два метода формулировки богословских различий, но и две концепции Божества. В западной триадологии Святой Дух — залог единства Божества, некая невыразимая связь между

Отцом и Сыном. Взяв единство Божества в качестве отправной точки, западная триадология нуждалась в логически последовательном и органичном соотношении трех отдельных божественных Лиц в Троице. Напротив, греческая триадология начинала с Отца, переходя затем к сыну и Святому Духу, между которыми утверждала единство. Это достигалось отождествлением исключительно Отца с источником, причиной и началом в Троице. Хотя Сын и Святой Дух, так же, как и Отец, безначальны, они тем не менее имеют единую причину внутри Божества — Отца, не имеющего причины, отличной от Себя Самого. По словам св. Дионисия Ареопагита, «Отец является единственным источником сверхсущественной божественности»²⁵⁸.

Но вернемся к политическим событиям. Как уже говорилось, официальным ответом Карла Великого Константинополю и VII Вселенскому Собору стал Франкфуртский Собор 794 г., на котором была представлена вся Западная церковь, включая папу, направившего туда своих легатов. Председательствовал, желая придать ему статус «Вселенского», подражая Византийским императорам, сам Карл Великий. Нет сомнения, что, структурируя этот Собор по примеру «византийского», Франкский король уже задумал многоходовую комбинацию, призванную перевернуть естественный ход христианской цивилизации. Карл решил ни много ни мало заявить *собственные права* на императорскую диадему Римских царей, отодвинув в сторону законных наследников Исаурийской династии. До сих пор он назывался «*управляющим Западной империей*» — непрозрачный по своему содержанию титул, позволяющий уйти от привычного категоризма термина «вассал Римского императора», и в то же время подчеркивающий специфику политико-правового положения Франкского короля.

Аргументы, на которых Карл Великий основывал свои амбиции, были довольно очевидны. В первую очередь он заявил, что никогда женщина не владела царским титулом, тем более не председательствовала на Соборах епископов. «Немощность женского пола и непостоянство духа, — говорится в «каноническом» обосновании претензий Карла, — не позволяют женщине выступать с авторитетом учительным; легко склонная к ошибкам, женщина нуждается в руководстве мужчины. В священных книгах читаем, что женщина дана мужчине для размножения рода, для помощи, но не сказано, что она была назначена для учительства»²⁵⁹.

Итак, один довод можно было считать найденным. Правда, помимо св. Ирины еще существовал и император Константин VI, но здесь

Карлу удалось отыскать второй аргумент в свою пользу. Ссылаясь на иконоборческий Собор 754 г. и оклеветанный во Франкфурте VII Вселенский Собор, Карл Великий выставил императоров Исаврийской династии *еретиками*, включая, разумеется, и Константина VI. Как известно, еретик не вправе быть главой Церкви, и, следовательно, ни св. Ирина, ни Константин VI не вправе занимать императорский престол. Оставался один Карл Великий, к которому «по праву» переходила власть и в Римской империи, и в Кафолической Церкви.

Папа Адриан прекрасно понимал, что Никейский Собор 787 г. никак не может быть отнесен к числу еретических собраний, и потому во Франкфурт прислал тех же легатов, что представляли его в Никее. Возможно, папа надеялся, что они, как живые очевидцы тех событий, смогут раскрыть глаза на правду. Но Карл Великий *приказал* ему анафематствовать VII Вселенский Собор, и понтифик не смог отказать. Нет, первоначально папа оказал небольшое сопротивление. В ответ на требование короля он отвечал: «Постановления Собора правильны, и греки приняли их, дабы вернуться в лоно Церкви. Как предстану я перед Судьей, если ввергну обратно в погибель столько христианских душ?» Однако король настаивал, и папа Адриан, недавно столь высокомерно выговаривавший св. Ирине и Константинопольскому патриарху, *сник* перед требованием франка и исполнил его приказ. Чтобы придать своим анафематизмам хотя бы *видимость приличия* и законности, он заявил Карлу Великому: «Я буду увещевать императора, чтобы он возвратил св. Петру все его земли, которые он отнял; если он откажется, я объявлю его еретиком»²⁶⁰.

Из этого эпизода, между прочим, с совершенной очевидностью открывается истинная подоплека событий: Карлу было *все равно*, по какому основанию Византийские императоры будут признаны еретиками — был важен сам факт такого церковного приговора.

Последующие события, занявшие почти 6 лет, изображают реализацию грандиозных замыслов Франкского короля. 25 декабря 795 г. умер папа Адриан, и Римским епископом стал *Лев III* (795—816); Карл Великий даже и не подумал уведомлять об этом событии Константинополь и приказал оповестить о начале нового понтификата только Запад. Хотя формально франк лишь подтвердил новому папе, что готов выполнять тот договор, который был ранее заключен с Апостольским престолом, некоторые фрагменты его письма папе Льву III полны новационных идей. Нет сомнений, что в уме великого творца истории уже созрела мысль о себе как носителе *универсальной власти*, подчиняющей и Церковь, и Вселенную.

Видимо, и папа Лев III почувствовал перемены, поскольку прислал королю не только, как обычно, ключи от гроба святого апостола Петра, но и знамя города Рима — символ передачи всей гражданской и духовной власти над Вечным городом. А уже осенью 798 г. в Ахен (или Аахен), ставку Франкского короля, прибыло посольство из Константинополя, уведомившее Карла о свершившемся перевороте и начале единоличного правления св. Ирины как Римской царицы.

А вскоре другое событие буквально подтолкнуло самого Карла Великого и его ближайшее окружение к переосмыслению своего положения. В 799 г. Франкскому королю пришлось активно (хотя Карл и не любил поспешности и категоризма в делах) вмешиваться в главный вопрос церковного управления и разрешать спор о каноничности возведения Льва III на папский престол. Все свершилось ко славе Карла.

Четвертый визит Карла Великого в Рим стал всемирно-историческим событием. Это уже был не тот робкий молодой человек, который впервые в 774 г. вступил на улицы Вечного города. Перед горожанами предстал могущественнейший повелитель, которого сам понтифик вышел встречать за двенадцатым придорожным камнем. Высочайший уровень протокола легко определяется в сравнении: при встрече в 662 г. Византийского императора Константа II папа вышел встречать его к шестому придорожному камню. А императора Юстиниана II Ринотмета апостолик дождался в 711 г. у седьмого придорожного камня. Навстречу великому франку вынесли флаги, горожане пели ему хвалебные гимны²⁶¹.

Не понтифик, а Карл Великий организовал 24 ноября 800 г. собрание в соборе Святого Петра для суда над папой. Заслушали всех свидетелей, но никаких серьезных доказательств вины папы не обнаружилось. Тогда понтифик заявил, обеляя себя, что готов *клятвенно* очиститься от всех обвинений, предъявляемых ему. И король из соображений политической целесообразности принял, конечно, его сторону. Апостолик с Евангелием в руках поднялся на амвон собора Святого Петра и произнес перед собравшимися сановниками и архиереями клятву. «Общеизвестно, дорогие братья, что злые люди восстали против меня и предложили меня изувечить. Они нагромодили против меня тяжелые обвинения. Для выяснения обстоятельств происшедшего в город вместе со своими епископами и знатью прибыл милостивейший и сиятельнейший король Карл. Никто не осуждал и не побуждал меня к этому. Я по собственной доброй воле в вашем присутствии клянусь перед Богом, которому известно, что у меня на совести, а также перед святым князем апостолов Петром, в чьем храме мы находимся,

что не запятнан никакими предъявленными мне здесь преступлениями, которые я не совершал по собственной или чужой воле. На то Бог мой свидетель»²⁶².

А 25 декабря 800 г., в праздник Рождества Господня, когда Карл со своим двором находился в Риме, папа Лев III при большом стечении народа возложил на главу Франкского короля императорскую корону. Хотя впоследствии и говорили, что франк ничего не знал о замыслах понтифика, и его инициатива была для него совершенно неожиданной, но в это слабо верится. Единственно, что можно принять из числа догадок, так это то, что Карлу явно не понравился *способ*, каким его венчал папа. Он справедливо опасался (и предчувствия его не обманули), что эта процедура могла быть многократно впоследствии интерпретирована²⁶³.

Не случайно, коронуя сына Людовика, он *сам* (но не понтифик!) возложил корону на его голову. Так или иначе, но прошлого Карл вернуть не мог; пришлось принять все так, как есть. В храме раздались славословия: «Многие лета и победы над врагами Карлу, благочестивейшему и Богом венчанному августу, великому и миролюбивому императору!»²⁶⁴ При этом Римский епископ по старой традиции пал ниц перед Карлом. Так Франкский король стал *императором*, правда, фактически пока что еще только Западной империи. Но в глазах современников никакой альтернативы на Востоке Карлу уже не было: ведь св. Ирина и Константин VI, как «еретики», *незаконно* занимали престол древних Римских императоров. «Так Римская империя, которая со времен Константина Великого, сына Елены, пребывала в Константинополе в лице греческих императоров, благодаря Карлу перешла с этого момента к королям, вернее императорам франков»²⁶⁵.

То, что рука великого франка еще не дотянулась до берегов Босфора, в идейном отношении ничего не значило. И тем лицом, которое самим Богом было уполномочено расставить все точки над *i* и определить легитимность власти того или иного правителя, явился Римский понтифик. Едва ли в глазах коренных итальянцев венчание Карла императорским венцом являлось событием, окончательно и бесповоротно предопределившим законность его власти, не говоря уже о сыновьях.

Но для франков никаких сомнений уже не оставалось. Хотя сам Карл Великий с великой осторожностью принял данное событие и до конца дней не любил называть себя императором, в его ближайшем окружении идея об императорской короне закрепилась на постоянной основе. Так, ученый и друг Карла Великого Алкуин направил коро-

лю письмо такого содержания: «В мире существовали доселе три высочайших существа: Апостольская верховная власть, представляемая викарием блаженного Петра, князя апостолов. Затем следует императорское достоинство, то есть гражданская власть второго Рима, но как безбожно низвергнут правитель этой Империи и притом не чужими, а своими ближними, это стало известно всему свету. Наконец, следует королевская власть, в каковой промыслил Господь нашего Иисуса Христа вы поставлены главой христианского народа. Могуществом вы выше упомянутых властей, мудростью славней, достоинством царства превосходней. В тебе одном почиет спасение христианской Церкви, ты мстишь злодеям, ты исправляешь заблудших, утешаешь печальных, поощряешь добрых»²⁶⁶.

Нельзя сказать, что эта аргументация не имеет внутренних противоречий, скорее — она представляет *эклетику*, где духовные аргументы соседствуют с «материалистическими». Но все же такие письма сильно подогревали честолюбивые чувства и тщеславные настроения если и не самого Карла, то, во всяком случае, его соратников. Круг союзников Франкского короля расширялся, и теперь в любом происшествии они видели предзнаменования грядущих эпохальных событий. Из Иерусалима к Карлу прибыл монах Захария с двумя сотоварищами с подарками от Иерусалимского патриарха *Георгия (797—807)*, просящего у Карла помощи против арабов. Вместе с патриаршим благословением они передали королю дары — ключи от Гроба Господня и знамя Иерусалима²⁶⁷. Для франков это было прямое доказательство того, что отныне, ввиду разложения Византийской империи, *только их король и император* может обеспечить защиту Кафолической Церкви. Затем долго обсуждались какие-то слухи о том, будто противники св. Ирины в Константинополе просят Карла захватить власть в Империи и стать царем.

Древнее сознание, которое могло мыслить только одну Римскую империю в качестве Вселенского государства, все еще активно сопротивлялось центробежной силе истории. Став императором, Карл Великий и его окружение не собирались создавать *параллельно* Римской империи новую всемирную державу. И получившаяся позиция первоначально представляла возможности для проведения различных политических комбинаций. Так, в частности, при согласии Константинополя св. Ирина и Карл Великий могли считаться, как некогда в старину, *соимператорами* единой Римской империи. Конечно, при дворе обоих императоров были партии, склонные к кардинальному решению вопроса о взаимоотношении Западной империи и Византии.

В частности, в Константинополе усматривали (и не без оснований), что коронация Франкского короля папой унизила императорское достоинство и *нелегитимна*. В свою очередь в Ахене ставили под сомнение царский статус св. Ирины, эксплуатируя тот аргумент, что женщина не может управлять государством. Следовательно, можно считать, говорили франки, что императорский престол в Константинополе *вакантен* и должен быть занят Карлом, как единственно легитимным царем Римской империи. Чтобы подтвердить права Карла Великого на императорское достоинство, на Западе продолжали вести время по годам царствия Римских императоров, и в этом списке после царя Константина VI значится не св. Ирина, а Карл Великий²⁶⁸.

Но Карл был достаточно опытным и умудренным жизнью человеком, чтобы решиться на такую авантюру, как подчинение своей власти или даже завоевание Востока. А св. Ирина едва справлялась с арабами и славянами, активизировавшимися на границах ее государства, и также не могла силой подкрепить перед франком свои права на единоличное императорство.

Словом, когда осенью 802 г. в Константинополь прибыло посольство от Карла Великого с предложением к св. Ирине сочетаться браком с франкским властителем, это выглядело как самый естественный, хотя и далеко не самый перспективный для Востока выход из данной запутанной ситуации. Однако события, случившиеся в Константинополе, внесли коррективы в этот план; женитьба не состоялась. Отныне между Западом и Востоком простерлась глубокая трещина, с веками все более и более расширяющаяся и ниспадающая в бездну.

Это было тем более опасно для Константинополя, что, разуверившись в возможности сделать Византию *послушным союзником*, Карл Великий обратил свой взор на Багдад, откуда его ждала встречная инициатива со стороны Харун ар-Рашида. По-прежнему мечтавший овладеть столицей греков, араб был крайне заинтересован, с одной стороны, в сдерживании наступательного движения франков к этой же цели, с другой, халиф считал необходимым наладить союзнические отношения с воинственным франком. В идеале этот маневр позволял бы ему, во-первых, контролировать Карла, а, во-вторых, использовать военную мощь того в собственных целях. В свою очередь, поддерживая свое реноме защитника Церкви, Карл Великий хотел получить от Харуна гарантии того, что арабы перестанут грабить храмы в Иерусалиме и Испании.

В 797 г. он направил на Восток двух своих послов Лантфрида и Сигизмунда, к которым был прикомандирован еврей-переводчик Исаак.

Через три года назад вернулся один Исаак (его попутчики умерли на обратном пути) с богатыми дарами от халифа. А в скором времени ко двору великого франка прибыли два арабских посла. Одного из них направил сам халиф, зато второй был послан от правителя Ифрикии Ибрагима ибн ал-Аглаба, который желал подружиться с человеком, захватившим весь Север Средиземноморья. Они пробыли у Карла несколько месяцев и, пораженные его могуществом, отправились обратно, чтобы поведать своим правителям об увиденном.

Продолжая дипломатические отношения, в 802 г. Карл направил к Харуну ар-Рашиду второе посольство, которое вернулось обратно с представителями халифа. Влияние короля франков иллюстрирует тот факт, что правитель мусульман не только удовлетворил все просьбы Карла относительно гарантий безопасности христиан в Иерусалиме, но и подарил ему земли, на которых был расположен Гроб Господень. Правда, это едва ли был правовой акт передачи в собственность владений, скорее — *символический жест*, хотя и весьма характерный. Но, что являлось бесспорным, халиф разрешил королю оказывать покровительство христианам, живущим в Палестине. И уже в скором времени здесь появились постоянные дворы для паломников, рынок, библиотека и монастырь в Иерусалиме с 17-ю франкскими монахами. Впрочем, дальнейшего развития эти мирные отношения не получили: в 809 г. скончался Харун ар-Рашид, в 814 г. — Карл, а у их преемников возникли более неотложные дела, о которых мы поведаем несколько ниже²⁶⁹.

Глава 4. Самостоятельное правление святой Ирины. Конец Исаврийской династии

Манипуляции с женитьбой не могли не расстроить отношений матери с сыном. Константину VI уже исполнилось 20 лет, и он, крепкий и статный молодой человек, проявлял знания и опыт в делах государственного управления. Ему, естественно, было очень обидно, что мать откровенно *отодвигает* его от власти, советуясь лишь с евнухами и фаворитами. В 790 г. сам собой организовался заговор близких друзей молодого императора против св. Ирины, куда вошли магистр Петр, патриции Камулиан и Дамиан. Они договорились захватить императрицу, лишить ее сана и отослать на Сицилию, в ссылку. Но верное окружение императрицы было начеку: евнух Ставракий каким-то образом узнал о готовящемся перевороте и предупредил св. Ирину. Заговорщиков схватили, лишили почестей и титулов, кого-то пострigli

в монахи, других сослали в Сицилию. Самого Константина VI мать бранила, била по лицу, а затем посадила под домашний арест до того момента, пока войско не присягнет ей как *единоличной* императрице.

Пока шли разбирательства внутри царской семьи, внешние дела продвигались не очень успешно. Арабы предприняли поход на остров Кипр, и византийцам не удалось разбить их флот. Военные столкновения возникали каждый год, и едва ли не всякий раз сопровождались для византийцев неудачами. В 787 г. поход против христианской Империи возглавил полководец Сулейман ибн Абдулла аль-Бекаа, а в следующем — Исхак ибн Сулейман ибн Али. Противопоставить блеску их меча византийцам было нечего²⁷⁰.

Такие неудачи всегда подрывают авторитет верховной власти, и нет ничего удивительно в том, что, когда св. Ирина попыталась получить присягу от войска, часть полков взбунтовалась. Солдатам предлагалось дать клятву следующего содержания: «Не признаем, царица, сына твоего царем при жизни твоей», но армянская часть из фемы Армениак заявили императрице: «Мы не будем ставить имени Ирины впереди Константина, но Константина, как прежде, поставим впереди Ирины».

Это было совершенно недвусмысленное *неповиновение*, хотя и справедливое. Царица направила в мятежный полк своего спафария Алексия Муселя схватить зачинщиков, но армянские солдаты сами захватили того и... предложили стать их начальником. Посадив под стражу прежнего командира полка Никифора, они провозгласили Константина VI *единственным* императором, отказав в царстве его матери. Этот пример быстро распространился по всей армии — один за другим полки прогоняли своих командиров и признавали своим императором только Константина, без св. Ирины.

Таким образом, в октябре 790 г. все вдруг изменилось в одночасье. Армия единодушно признала Константина VI царем и отстранила мать от власти. Ее верных евнухов разогнали, Ставракия постригли в монахи, а саму императрицу заключили под домашний арест во дворце Елеферия, построенном ею же самой. Мудро рассудив, что человек, предавший раз, предаст и во второй, император отказался от услуг Михаила Лаханодракона и первого спафария Иоанна, взбунтовавших армию против св. Ирины (в массе своей иконоборцы, они не могли простить ей VII Вселенский Собор), а сам решил во главе войска наказать болгар. Как только потеплело, в начале апреля 791 г., император Константин VI дошел до крепости Провата, где в небольшом сражении потерпел неудачу. Ночью после боя его войска окончательно пали духом — все же это были не железные легионы Льва III и Константи-

на V — и бежали, оставив своего императора. В итоге царь вернулся в Константинополь без славы²⁷¹.

Следующая неудача императора — уже в войне с арабами, случившаяся в сентябре 791 г., привела молодого царя в уныние. Осень и начало зимы придворное окружение внушало ему, что эти неудачи — суть следствие отстранения императрицы, которая на самом деле является добрым помощником и советником сыну. Видимо, Константин VI и сам начал испытывать угрызения совести, поэтому в январе 792 г. вернул царицу на трон, к вящей радости всего народа и армии. Исключение составил все тот же мятежный армянский полк, отказавшийся признать св. Ирину царицей Римской империи. Но императрица тут же показала, что теперь врагам противостоит *ее* воля, решительность и характер: она приказала схватить Алексея Муселя по обвинению в попытке насильственного захвата верховной власти и постричь в монахи. После этого бунт сам собой прекратился.

К несчастью, молодой царь был плохим военачальником и не унаследовал от деда и прадеда их таланта полководца. В июле 792 г. он совершил поход на болгар, но возле крепости Макерлон хан *Кардам* (777—803) разбил его войско. Дело обстояло так: легкомысленно надеясь на предсказания придворного астролога, император перешел в наступление, и греческая кавалерия опрокинула врага. Но когда всадники увязли в шеренгах болгар, в спину им ударили резервы, скрытно расположенные ханом Кардамом. Вскоре в рядах византийцев началась паника, и исход сражения был уже предопределен²⁷².

Константин VI потерял много воинов убитыми, причем не только среди солдат, но и командиров. Погибли такие известные полководцы, как Михаил Лаханодрakon (его услуги вновь потребовались Римской империи для похода), патриций Варда, первый спафарий Стефан, старшие офицеры Никита, Феогност и Хамей. Варвары захватили громадный обоз с царской прислугой, коней, шатры и войсковую казну. В общем, поражение было полным, каких уже давно не испытывала византийская армия. Раздосадованный царь вернулся в Константинополь, где его авторитет пал совершенно, и с тревогой узнал, что войско пытается возвести на царский престол бывшего цезаря Никифора, его дядю. Тогда-то и случилась неприглядная история: по приказу Константина VI в 792 г. Никифор был лишен зрения, а Христофор, Никита, Анфим и Евдоким — языков²⁷³.

Какой-то злой рок стал кружить над семьей Римских царей после этих событий. В 793 г. вновь взбунтовался армянский полк, посадивший под стражу своего командира патриция Феодора. К ним

император направил начальника вукеллариев Хрисохерина и первого спафария Константина Артасира, чтобы те усмирили армян, но солдаты арестовали сановников и ослепили их. Дошло до того, что императору пришлось вступать в настоящий бой со своими же солдатами, и лишь благодаря предательству некоторых армян после двух боевых столкновений он сумел в 794 г. одержать победу. Главари мятежников были казнены, некоторые солдаты сосланы в ссылку, остальных, уже как частных лиц, переселили на Сицилию и другие Богом забытые острова Средиземноморья. Однако и здесь царя ждали разочарования: предатели из армян, не получившие обещанной награды, сдали арабам крепость Камах, а в октябре того же года мусульмане без боя овладели крепостью Фивазой. Правда, в апреле 795 г. Константин VI совершил удачный поход против арабов, которых разбил возле крепости Апусан, но это сражение носило откровенно *локальный* характер и не могло повлиять на общий ход военных действий.

Не снискав своими ратными подвигами уважения в армии, молодой император, словно специально, делал все для того, чтобы лишиться его и в общественных кругах. В августе 795 г. Константин VI, давно уже тяготившийся женой Марией, развелся с ней, объявив, будто бы жена хотела отравить его, — очевидная ложь. Патриарх св. Тарасий справедливо усомнился в этом преступлении и напомнил царю, что римский закон знает только *одно* основание для развода — прелюбодеяние супруги. Император настаивал и даже приказал принести для обозрения какую-то чашу с жидкостью, утверждая, что это и есть яд, подготовленный женой. Но архиерей оставался непреклонным²⁷⁴.

Тогда, даже не пытаясь подыскать должных канонических оснований, Константин VI постриг бывшую супругу в монахини, а после чего объявил царицей дочь придворного сановника *Феодоту*, с которой уже давно состоял в близких отношениях. Патриарх св. Тарасий попытался не допустить этот явно неканоничный брак царя, но тот пригрозил, что в случае отказа архиерея благословить их союз ревизует VII Вселенский Собор и восстановит иконоборчество²⁷⁵. Патриарх сдался и в качестве нейтральной фигуры взирав на то, как приглашенный императором придворный игумен Иосиф совершил обряд венчания.

В сентябре того же года император в течение 40 дней пышно праздновал свадьбу во дворце святого Маманта, чем вновь вызвал новый и неожиданный *раскол* в Церкви. Феодота была дочерью известных родителей, и ее родственником являлся знаменитый игумен монастыря на Олимпе Платон. Другим родственником Феодоты был знаменитый борец за иконопочитание преподобный Феодор Студит. Узнав о за-

мужестве племянницы, игумен Платон открыто отказался поминать на Литургии Константинопольского патриарха св. Тарасия и игумена Иосифа, венчавшего новую царицу, как попустивших Константину VI супружеские вольности, за что был схвачен слугами императора и посажен под арест в темницу.

Это известие всколыхнуло Церковь и еще более охладило отношения между матерью и сыном. Не вернула положение царю в римском обществе даже победа над болгарами, давшаяся практически византийцам без боя: враги просто побоялись принять сражение и отступили, не став требовать дани, которую желали получить²⁷⁶.

К несчастью для Константина VI, его брак и неканонический развод все более раздражали византийское общество. Монахи, не простившие царю ареста одного из великих подвижников веры, постоянно подогревали нездоровый интерес к личной жизни императора, как будто никто из самодержцев ранее не имел внебрачных связей, вторых жен, и весь мир должен был разрушиться из-за его связи с Феодотой²⁷⁷.

Между тем отношения императрицы с царем стали совершенно невыносимыми. Они по-прежнему являлись соимператорами, но Константину VI не составляло труда визуально определить, насколько холодно относится к нему Церковь в лице клириков и иерархов и какой любовью они пылают к св. Ирине. Армия также сторонилась своего главнокомандующего, при дворе вновь набирали силу бывшие фавориты императрицы, включая Ставракия, вызволенного из монастыря и назначенного советником царицы. На свою беду, молодой царь явно уступал матери в искусстве дворцовой интриги, а потому то и дело совершал необдуманные поступки, нисколько не догадываясь, что готовит себе трагичный конец.

В 796 г., когда в столицу прибыли болгарские послы за очередной годовой данью, вновь произошел конфуз, едва ли достойный императора. На справедливое требование послов исполнить обязательства по мирному договору, Константин VI приказал передать болгарам вместо золота... *навоз* со словами: «Какая прилична дань вам, ту и посылаю». Хан Кардам еще попытался исправить положение и отправил новое послание: «Отдай, что положено по договору, или я дойду до Золотых Ворот», на что император ответил: «Зачем тебе утруждать себя походом? Ты стар и дряхл, лучше я сам приду к тебе». И летом 796 г. вместе с армией двинулся в путь. Но, дойдя до Адрианополя, Константин VI не решился атаковать болгарскую армию. Простояв 17 дней, он вернулся без битвы в Константинополь²⁷⁸.

Кажется, что такие кампании не приносят вреда полководцам и государству, но это не так. Любой военный поход — крайне *затратное мероприятие*, негативно отражающееся на жизни и отрывающее от обычной деятельности множество людей. Не дав сражения и не покрыв расходы на кампанию, не одержав победы и не убедив врага в своей силе, Константин VI тем самым просто нанес государству и финансовый ущерб, и политический — не взяв реванша за свое недавнее поражение.

В самом начале осени 796 г. мать и сын отправились на теплые воды в Прузию, а в октябре Константин VI получил известие, что его новая жена разрешилась от бремени младенцем *Львом*. Счастливым отец немедленно отправился в Константинополь, а св. Ирина, поняв, что лучшего времени уже не представится, деятельно вступила в переговоры с командирами полков, убеждая тех свергнуть сына с престола и признать *ее* единодержавной императрицей²⁷⁹.

Как нетрудно догадаться, военачальники гвардейских частей византийской армии без труда были привлечены на сторону царицы. Оставалось только ждать удобного случая, чтобы переворот произошел максимально мирно и легитимно, поскольку было очевидно, что многие полки византийского войска едва ли согласятся признать единодержавное правление *женщины*. Таких прецедентов просто еще не случалось.

Из Константинополя, где он проводил время в обществе любимой жены и маленького сына, в марте 797 г. царь отправился в новый поход на арабов. Ничего не подозревая о заговоре своей матери, он взял с собой на войну ее ближайшего советника Ставракия и многих других патрициев, не расположенных к нему. У Константина VI были все основания надеяться на счастливый исход кампании: его войско насчитывало 20 тыс. закаленных бойцов, а мусульмане явно не были готовы к большим сражениям.

Но заговорщики верно рассудили, что долгожданная победа обеспечит царю мощную поддержку армии и народа (греки всегда были чутки к успехам своих правителей), и потому сделали все, чтобы война не была выиграна. Конечно, это была *прямая измена* Византийскому государству, один из тех редких (пока еще) случаев, когда личные интересы перевесили общенациональные выгоды. Подкупленные заговорщиками разведчики доложили царю, будто арабы, испугавшись римлян, бежали, и потому впереди нет никакого войска, с которым можно было бы сразиться. Огорченный император повернул обратно в столицу. Едва он вернулся в Константинополь, как страшная весть склонила в горе главу царя — 1 мая 797 г. его сын Лев скончался.

Но если византийская армия не снискала успеха, то Арабский халиф Харун ар-Рашид был куда удачливее. Став во главе армии, он перешел границу с главными силами, а его другие полководцы, отвлекая внимание византийских войск, ударили в направлении Анкиры и Эфеса. Контрнаступление фемных полков не смогло остановить этого потока огня и меча, и с тех пор многие годы арабы грабили и *выжигали* Малую Азию. Некогда процветающие районы обнищали, население в страхе уходило от бед на Запад, вследствие чего резко изменился демографический состав Анатолии²⁸⁰.

Пожалуй, если что-то и мешало арабам развить свой успех, так это целый ряд спасительных для Византии событий, к которым, как можно без труда предположить, приложила руку и многоопытная греческая дипломатия. Так внезапно хазары вторглись в Армению и тем самым отвлекли на себя значительные силы мусульман. В 791 г. сын бывшего наместника Кайрувана выгнал ставленника халифа и провозгласил себя правителем города. Впрочем, уже в 794 г. он погиб, усмиряя восстание тунисского гарнизона. В 795 г. в Западной Африке среди местных арабов разгорелась междоусобная война, которую с большим трудом удалось потушить лучшему полководцу Халифата Харсаве ибн Аяну. Но в 797 г. правитель округа Заба заявил о своей автономии, и халифу пришлось заключать с ним договор и признавать власть того наследственной. Кроме того, многолетние попытки каким-то образом примирить персов и арабов пока положительных результатов не давали. И в то время, когда границы Византии так заманчиво были открыты, арабы были вынуждены гасить очередное восстание в Персии²⁸¹.

После всех неудач и смерти сына Константин VI на время пал духом и просто не замечал, что творится вокруг. В таких условиях шансы заговорщиков на успех резко возросли, и 17 июня 797 г., когда царь возвращался с конских ристаний, на улицу вышли командиры нескольких частей с солдатами, чтобы схватить его. Впрочем, кто-то предупредил императора об опасности, и он успел найти лодку, на которой надеялся переплыть в восточные провинции, где память царей из династии Исавров чтилась чрезвычайно высоко. Пока что он остановился в городе Пилосе, где оказался вне досягаемости столичных полков. Внезапно заговорщикам открылось, что император Константин VI не так уж и беззащитен, как им казалось, — пришли известия о подходе войск восточных фем, оставшихся верными ему.

Это был самый критический момент. Императрица собиралась даже написать сыну письмо, передав его через наиболее уважаемых епископов, что просит пощады и готова совершенно отойти от вла-

сти, приняв домашний арест. Но в качестве последнего шанса передала тайным друзьям, находившимся при особе Константина VI, что в случае неудачи выдаст их сыну. Это сыграло решающую роль: когда император молился в храме, сановники схватили его и 15 июля 797 г. доставили арестованного императора в Константинополь.

Затем случилось страшное, преступное перед Богом и людьми событие, до сих пор не имевшее аналогов в истории Римской империи, — по приказу матери заговорщики ослепили императора. «Солнце помрачилось на 17 дней и не давало лучей своих; корабли во мраке плавали наудачу; все говорили и сознавались, что солнце утратило свои лучи за ослепление царя», — писал византийский летописец²⁸². Это может показаться преувеличением, но его западный собрат по перу подтвердил это уникальное природное явление²⁸³. Дальнейшая судьба императора Константина VI покрыта неизвестностью. Говорят, он проживал в полузаточении, под домашним арестом, вдали от столицы, причем его жена неотлучно находилась при нем. Скорее всего, бывший царь умер в 802 г. в возрасте 32 лет.

С этого момента императрица стала единодержавным правителем Римской империи — случай в истории государства невиданный. Замечательно и то, что, став по-настоящему единодержавной царицей, добившись исполнения своей мечты, св. Ирина неожиданно полностью утратила интерес к политике, все более погружаясь в духовную жизнь. Нет, конечно, она соблюдала правила царского этикета и являлась перед народом в пышных одеждах, а на монетах велела писать: «Ирина, великий василевс римлян, автократор» (любопытно, что императрица не склоняла своего титула по родам), но в душе ее царили другие чувства. Она еще в большей степени стала *другом монахов*, и ее царствие оказалось настоящим «золотым веком» греческого монашества. Так, в частности, только в Студийском монастыре за 5 лет ее правления число монахов увеличилось с 12 иноков до 1 тысячи²⁸⁴.

Хуже всего то, что при всем уважении к ней византийцев, св. Ирина целеустремленно, хотя и неосознанно, подрывала авторитет и «съедала» кредит доверия царской власти, до сих пор безграничный. Получив сообщение с Запада об анафематствовании папой VII Вселенского Собора, она волей-неволей была вынуждена предпринять меры по повышению авторитета Константинопольского патриарха и тех кругов, которые твердо стояли за иконопочитание — в первую очередь монашества. Архиерей столицы получил едва ли не те же преференции, какие на Востоке имел до сих пор только император — его решения стали считаться окончательными и не подлежащими соборному суду. По-

сколько же двух высших глав церковного управления не может быть как таковых, расширение компетенции патриарха привело к негласному *урезанию полномочий императора*. В ситуации, где нравственные основания власти монарха ослабели, это внезапно привело к резкому дисбалансу власти в пользу столичного священноначалия.

Не случайно после VII Вселенского Собора стали понемногу поговаривать о том, что императору не следовало бы вмешиваться в дела церковных догматов и канонов; его дело — управление Римской империей, но не Церковью. Этот дисбаланс остро ударил по обществу, воспитанному на традициях «симфонии», и по казне, поскольку императрица последовательно предоставила церковным имуществам существенные льготы по налогам. Иными словами, наступал политический и финансовый кризис, из которого императрица уже была не в состоянии вывести Римское государство.

Нельзя сказать, что дальнейшее царствование св. Ирины оставило славный след. Пока мать спорила с сыном за императорскую диадему, арабы постоянно и серьезно тревожили Каппадокию и Галатию. Поэтому императрица тотчас направила к халифу своих послов — игумена Хрисополя и хранителя архива храма Святой Софии Константина просить мира; однако Арабский вождь отверг это предложение. Правление женщины далеко не все оценивали высоко, и уже в ноябре 797 г. был раскрыт заговор, целью которого было возведение на царский престол братьев покойного Льва IV, пребывавших в принудительном монастырском заточении.

Очевидно, они, лишённые языков и глаз, уже не имели никаких желаний напоминать о своем царском происхождении, и их просто попытались использовать некоторые враждебные св. Ирине силы. Все же Никифору хватило сил обратиться в храме Святой Софии к византийцам с такими словами: «Соотечественники и христиане! — прокричал бывший цезарь Римской империи, — посмотрите на сыновей вашего императора, если вы можете еще признавать их лица в этом ужасном положении. Злоба наших врагов не оставляет нам ничего, кроме жизни, и какой жизни! Она теперь в опасности, и мы взываем к вашему состраданию».

Вовремя сказанное слово может многое сотворить — расчувствовавшийся народ едва не ринулся низвергать св. Ирину. По счастью для царицы, ее верный евнух Азий, находившийся в храме, предложил проводить братьев во дворец, дабы там обсудить условия их содержания. Но когда они зашли за крепостные стены, их немедленно арестовали, посадили на корабль и отправили в надежные для императрицы

Афины. Удивительно, однако нам еще предстоит встреча с последними — увы несчастными — потомками великого Константина V²⁸⁵.

Вскоре обнаружилась новая незадача: два самых ближайших советника царицы — патриции Ставракий и Аэций схватились в смертельном единоборстве, надеясь предоставить царский венец кому-нибудь из своих родственников после смерти (или убийства?) св. Ирины. Все, буквально все восстало против матери-преступницы. Уже не опасаясь римской армии, обезглавленной заговорщиками, арабы в 798 г. совершили удачный рейд на Византию, дойдя до Манган и даже захватив царских лошадей и коней Ставракия. Другой арабский отряд дошел до Лидии и захватил множество пленных и богатую добычу. Наконец, третий отряд мусульман вступил в сражение с византийским войском и нанес тому тяжелое поражение — в частности, среди прочих погиб и патриций Павел, комит Опсикийский.

Но противники царицы нашлись даже в любимой ею Элладе. По наущению каких-то граждан славянский вождь *Акамир* хотел захватить находящихся под арестом в Афинах братьев Льва IV и объявить кого-нибудь из них царем. Только чудом этот план удалось нейтрализовать. Словно очнувшись, царица пыталась вернуть расположение народа: устраивала ристания, щедро раздавала деньги, но удача не сопутствовала ей. От тяжелых переживаний св. Ирина заболела в мае 799 г. и едва не отдала Богу душу. Как только известие об этом дошло до слуха ее сановников, самые близкие к царице люди вновь вступили в смертельную схватку за власть. Болезнь императрицы длилась долго, и все это время борьба за власть в Римском государстве не прекращалась. Аэций и Ставракий вступили в очередную схватку, и Ставракий всерьез готовил дворцовый переворот, подкупив столичный гарнизон. К своему несчастью, в июне 800 г. он скончался — по-видимому, от туберкулеза.

Выпавшую ей передышку св. Ирина, оправившаяся от болезни, использовала максимально эффективно — словно «вторая молодость» вернулась к этой 50-летней женщине. Она приняла закон об освобождении от податей на один год своих подданных, затем облегчила сборы с торговли²⁸⁶. В принципе положение дел в Римской империи, некогда поднятой с колен императорами Львом III и Константином V, было не настолько плачевным, чтобы впадать в отчаяние. Но, к сожалению, императрица уже не владела ситуацией при дворе — императорская единодержавная власть оказалась для нее в действительности непосильной ношей. Выздоровев, она все дни проводила в горьких размышлениях о судьбе сына, вернуть которого уже не могла. Все двор-

цовые страсти, все политические темы перестали волновать ее: мать и благочестивая христианка *возвысились* в ней *над* императрицей.

В это время подоспело посольство от Карла Великого, предложившего царице соединиться брачными узами и тем самым разрешить вопрос об императорстве в Римском государстве — об этом писалось ранее. Но эта инициатива наткнулась на жесткое противодействие со стороны почти всесильного евнуха Аэция, имевшего планы посадить царем своего брата, занимавшего пост стратига Македонии и Фракии. Силы, собранные под рукой мятежников, были очень велики — Аэций сумел сговориться с комитом фемы Опсикий и начальниками восточных пограничных полков. И как бы ни хотела св. Ирина принять предложение Карла Великого, она (царица!) *не посмела* пойти против воли Аэция, запретившего ей этот брак. Оторопевшие послы Франкского короля все же оставались в столице, надеясь на перемену обстановки, но им предстояло увидеть еще худшие события.

Престол св. Ирины был уже настолько слаб, а беспомощность императрицы столь широко известна, что первый смелый авантюрист имел шансы стать преемником последней представительницы блестящей Исаурийской династии. Пока Аэций готовился к будущему триумфу, не чувствуя опасности, выяснилось, что у него объявились серьезные конкуренты. 31 октября 802 г. патриций *Никифор Геник* и группа патрициев, включая начальника военных корпусов Никиту, придя к Медным воротам, собрали войска столичного гарнизона. Они заявили, будто царица провозгласила Никифора царем, опасаясь самозваного провозглашения Римским василевсом брата евнуха Аэция. Солдаты поверили — амбиции евнуха ни для кого уже не являлись секретом.

Никифор с сотоварищами прошли во дворец, где находилась императрица, окружили его своими сторонниками и отправили гонцов по всему городу объявить, что Никифор стал Римским императором. Народ начал понемногу собираться возле дворца; всем казалось невероятным, что святая царица, столь много сделавшая для Церкви, была предана и обманута самыми близкими ей людьми, прельстившимися золотом и будущими чинами. Все стояли подавленные горем, и только осенний воздух, неожиданно ставший морозным в эту ночь, навевал мрачные мысли о будущем царствии самозванца.

Утром Никифор вошел в покои царицы и с улыбкой на устах объяснил ей, что якобы *против своей воли* был объявлен царем. Проклинавшая этих не ведомых никому «насильников», он клялся святой императрице, что по-прежнему будет чтить ее как царицу. Более того, как

раб готов выполнить любой ее приказ, если, конечно, она добровольно передаст ему царские сокровища. Ответный монолог св. Ирины заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью. Перед нами раскрывается немолодая, изможденная жизнью и ошибками, раскаявшаяся благочестивая женщина, покорно принявшая волю Бога.

«Я уверена, — начала императрица, — что Бог, возвысив меня, прежде сиротствующую, и недостойную возвел на престол, и теперь причину падения своего приписываю себе и своим согрешениям. Во всем и всячески будь благословенно имя Господа: вопия перед Царем царей, и Господом господей, предоставляю Господу судить способы твоего возвышения и верю, что без Господа ничего не бывает. Часто доходили до меня слухи о достоинстве, в которое ты теперь облечен, и последствия доказывали, что те слухи были истинны. Они тебе известны, и если бы я увлекалась ими, то беспрепятственно могла тебя убить. Но, веря твоим клятвам и щадя многих соумышленников твоих, я согрешила перед Богом, но и тогда предалась в волю Того, которым цари царствуют и сильные владычествуют над землей. Теперь кланяюсь тебе, как благочестивому и от Бога поставленному царю, прошу тебя пощадить мою слабость и уступить мне построенный мной дворец Елеферия, в утешение мне в моем беспримерном бедствии». Нет никаких сомнений в том, что «беспримерным бедствием» царица назвала не потерю царской власти — ей *уже* безынтересную, а одиночество и боль от потери сына, которую никак не могла заглушить.

Никифор попытался ответить благородством на благородство, заявив, что ни в чем царица не будет иметь нужды, если только — он повторился, не скрывая своей алчности, — св. Ирина передаст ему полностью все царские сокровища. Императрица послушно и безропотно принесла требуемую Никифором клятву на Честном и Животворящем Кресте Господнем, что не оставит себе ни одной монеты, и сдержала обещание. Но, получив желаемое, узурпатор *немедленно* приказал постричь государыню в монахини и сослать на остров Принцип (один из Принцевых островов в Мраморном море), в монашескую обитель. Но уже в ноябре 802 г., опасаясь, что константинопольцы пожелают вернуть св. Ирину на царство, он в жуткие морозы переслал ее на остров Лесбос, где сверженную императрицу стали содержать под крепкой стражей.

Разбитая физически, но обновившаяся *духовно*, царица встречала свой смертный час достойно. Спокойно и радостно восприняла она выпавшие на ее долю тяготы, как земное искупление за многие грехи, в первую очередь против сына. 9 августа 803 г. императрица скончалась,

и ее тело было перенесено в монастырскую обитель, которую она сама же и строила, на острове Принцип²⁸⁷.

Кафолическая Православная Церковь не случайно прославила царицу как святую. При всех ошибках, совершенных в жизни, ей принадлежит великий *личный подвиг* восстановления православия через организацию VII Вселенского Собора и закрепление его определений в качестве государственных законов. Это было далеко не рядовым событием: при яростном сопротивлении значительной части восточного епископата, склонного к иконоборчеству, с учетом реальной опасности быть низвергнутой армией за иконопочитание, проявив недюжинные дипломатические способности для реставрации отношений с Римской церковью, св. Ирина вышла победительницей из этого смертельного для нее пике.

Конечно, ею двигали отнюдь не пустое тщеславие или эгалитарное чувство, когда она решилась противопоставить свое мнение, в истинности которого была убеждена, *политическим реалиям* и наперекор всему решилась восстановить иконопочитание. Как мы вскоре увидим, опровергнутая на Соборе ересь оказалась долгоживущей, и успех св. Ирины был вовсе не предопределен. Но Бог не в силе, а в правде, и святая императрица победила.

Святая Ирина заслуживает того, чтобы, завершая рассказ о ней, мы привели панегирик, написанный другим великим подвижником Православия, преподобным Феодором Студитом. «Скажи нам, государыня, откуда вселилась в тебя такая любовь к благочестию, что ты ненасытно возжелала благоугождать Богу и до чрезвычайности простерла попечение о душевной и телесной пользе христиан? Все царство твое наполнилось радости и веселия. Кто слышал о таких делах? — скажите мужи. Кто видал при другом царствовании столь великое и важное благодеяние? Хвалите ее все народы; величайте ее с нами начальники и подчиненные, священники и монахи, и весь род христианский. Ты угождаешь Богу, ты радуешь избранных Ангелов Божьих и людей, живущих преподобно и праведно, богоименитая Ирина! В этом сияет твое благочестие, за это все уста и всякий язык прославляют тебя. Это, поистине, слава Церкви, это — печать содержимого тобой отеческого и боговдохновенного Православия христиан, ревнительница по Боге и поборница истины!»²⁸⁸

Со смертью св. Ирины прекратилась Исаврийская династия, давшая Византии блестящих царей и талантливых полководцев, а теперь еще и великую молитвенницу перед Богом.

Приложение №7: Вселенские Соборы

Вселенские Соборы — поистине уникальное явление в истории Кафолической Церкви. Их решения считались и считаются поныне *окончательным* суждением всей Церкви по наиболее важным вопросам православного вероучения и канонического разрешения самых разнообразных вопросов церковной жизни. Именно на Вселенских Соборах была выражена истина, хранимая всей Кафолической Церковью²⁸⁹. Толкованиям, решениям и определениям Соборов Церковь «придает высокий авторитет верховной законодательной власти, переносит на них совокупность своих духовных прав, *как бы сливает себя с ними* (выделено мной. — А. В.) в известный период своей жизни, хотя в целом течении своего неиссякаемого духовного развития она стоит выше них, покрывает своим авторитетом и утверждает своим признанием»²⁹⁰.

Вместе с тем исторически сложилось так, что Соборы не обладали изначально какой-то определенной компетенцией. Круг вопросов, который мог быть разрешен *исключительно* на Вселенском Соборе, никогда не являлся закрытым и окончательным. В целом ряде случаев, как мы увидим, Соборы варьировали свою компетенцию. Нередко другие органы церковной власти принимали на себя те прерогативы, которые ранее признавались принадлежащими только Соборам (утверждение догматов, канонов, решение дисциплинарных вопросов). Нет регламента их деятельности, не определены ни периодичность созыва, ни круг приглашаемых лиц; даже процедура их ведения не является четко установленной.

Получается, что Вселенские Соборы стоят *над* каноническим правом, находятся *вне* сферы канонического регулирования. И это тем более удивительно, что традиционно в Византии царил *культ права*. Это крайне нелогично: Римская империя, владеющая высочайшей техникой разработки системного, кодифицированного законодательства, допустила существование явления, несовместимого с ее правовыми традициями. За 400 лет эпохи Вселенских Соборов не было предпринято *ни одной попытки* (!) законодательного урегулирования этой практики. Но ведь это — время Кодекса св. Феодосия II Младшего, Кодекса св. Юстиниана I Великого, «Эклоги» Льва III и Константина V Исавров. Позднее, в IX веке, когда никто еще не мог предположить, что эпоха Вселенских Соборов уже завершилась, были разработаны «Эпанагога» патриарха св. Фотия и Василия I Македонянина, а затем, чуть позднее — «Василики» императора Льва IV Мудрого. Но и эти

известнейшие законодательные акты по какой-то негласной традиции не коснулись наиболее важных с правовой точки зрения вопросов деятельности Соборов.

Случайность ли это? В чем причина появления этого феномена? Что давало силу соборным определениям? В связи с чем, наконец, практика вселенского обсуждения догматических вопросов внезапно прекратилась, если в течение последующих веков было много поводов для созыва очередного Вселенского Собора? Поразительно, но на эти естественные и очевидные вопросы так и нет однозначных ответов.

I

На первый взгляд напрашивается вывод, что адекватной заменой каноническим основаниям деятельности Вселенских Соборов можно признать *церковный обычай*, нередко имевший равную и даже высшую силу по сравнению с писаными нормами церковного права. Но это предположение наталкивается на непреодолимую силу исторических фактов, явно не согласующихся с ним. Так, уже созыв в 325 г. императором св. Константином I Великим первого из Вселенских Соборов, Никейского, являлся сам по себе случаем *беспрецедентным*, далеким от сформировавшейся к тому времени канонической традиции. Большие местные Соборы и ранее не были новостью для Православной Церкви. Но никогда ранее местные Соборы не сходились вместе, никогда «восточные» отцы не совещались с египетскими епископами²⁹¹. На этот раз велением императора собралась *вся Церковь*.

Решения Поместных Соборов получали (и получают еще и сегодня) свое признание в других Поместных Церквях *избирательно*. А принимаемые ими правила по спорным вопросам носили (по крайней мере, в то время) не столько нормативный характер, сколько значение руководящих начал для церковных пастырей и предстоятелей, участвующих в работе каждого конкретного Собора²⁹². Более того, некоторые местные Соборы вообще не признавались другими церквами. Например, Эльвирский (начало IV в.) и Арльский (314 г.) соборы были отвергнуты на Востоке, а Анкирский (314 г.) и Неокесарийский (315 г.) долго не признавались на Западе²⁹³. Церковь Западная, состоя под управлением папской власти, имела свои Соборы и свои правила, более или менее согласные с теми, что приняты на Востоке. Правила Восточной церкви вообще мало действовали на Западе²⁹⁴. Напротив,

в 325 г. никейские соборные оросы как догматического, так и канонического свойства приобрели *общецерковное* значение и даже получили силу имперских законов. Их нарушителям грозили не только известные церковные наказания (анафема, низвержение из чина и тому подобное), но и государственные. Первым, кто претерпел на себе негативные последствия нового порядка вещей, был сам ересиарх Арий, отправленный императором в ссылку.

Очевидно также, что определение компетенции и формирование процессуального порядка, регулирующего деятельность Вселенских Соборов, заняло значительное время. И совершенно ясно, что никейские Отцы не могли в 325 г. опираться на твердо установившийся вселенский канонический обычай.

Более того, полномочия Соборов вообще невозможно признать четко определенными. Это без труда обнаруживается при анализе компетенции, обычно признаваемой за Соборами.

Как правило, их наделяют следующими исключительными полномочиями:

1) определять по смыслу Священного Писания и общецерковного Предания догматы веры и излагать их для всей Вселенской Церкви в виде оросов (определений);

2) исследовать, проверять и утверждать само предание Церкви и отделять предание чистое и истинное от поврежденного и ложного;

3) окончательно рассматривать и судить всякое учение, вновь возникающее в Церкви;

4) рассматривать и обсуждать постановления прежних Соборов и утверждать или изменять их;

5) определять образ управления отдельных Церквей и для этой цели расширять или ограничивать их права;

6) производить верховный суд над высшими предстоятелями автокефальных Церквей и даже над целыми Поместными Церквями;

7) предписывать для всей Церкви всеобщие положительные правила церковного благоустройства и благочиния (каноны)²⁹⁵.

Однако указанные прерогативы вовсе не являются заданной величиной и представляют собой известную механическую совокупность той компетенции, которую демонстрировали в разное время *отдельные* Вселенские Соборы, но далеко не каждый из них.

Так, в частности, хотя и говорят, что правила Вселенских Соборов являются безусловными для всей Церкви (в том числе для Римской, даже после ее отделения в 1054 г.)²⁹⁶, но в действительности здесь присутствуют серьезные исключения. Рим изначально признавал и

признает сейчас только первые четыре правила II Собора (Константинополь, 381 г.), да и то потому, что они встречаются в актах поздних собраний, рецепированных Римской кафедрой. Западная церковь никогда не принимала 28-е правило Халкидонского Собора (451 г.) — ключевое в части определения полномочий Константинопольского и Римского престолов. В свое время по этой причине едва не был поставлен под сомнение сам авторитет IV Собора, где именно Римская церковь и непосредственно папа св. Лев I Великий сыграли решающую роль в победе Православия над монофизитством.

В связи с тем, что к тому времени Римская церковь сформировала собственную, во многом отличную от Востока каноническую практику, Запад не признал определений Трулльского (Пято-Шестого) Собора (Константинополь, 691—692 гг.), ставящих ее под сомнение или прямо отвергающих. После длительного противоборства Римский папа Константин согласился формально признать принятые Трулльским Собором каноны, но очень неопределенно: «В части, не противоречащей Православию». Но на самом деле Рим открыто проигнорировал их, сохранив свои правила и обычаи, например celibat священства, постные субботы и так далее.

Напротив, целый ряд важнейших канонов был принят не на Вселенских Соборах. В частности, «Двукратный собор» (861 г.) и «Собор в Храме Святой Софии» (879—880 гг.), состоявшиеся при патриархе св. Фотии, приняли соответственно 17 и 3 правила, признаваемых Православной Церковью каноническими. С учетом того, что на последнем Соборе состоялось очередное примирение Западной и Восточной церквей, эти правила *формально* (как минимум) имеют вселенское и общеобязательное значение, либо по крайней мере имели такой статус до момента окончательного выделения Римской церкви из состава Вселенской²⁹⁷.

В 920 г., после смерти императора Льва VI Мудрого, на Константинопольском соборе было выражено окончательное суждение о невозможности вступления в четвертый брак, а также приняты важные *канонические* правила о третьем браке²⁹⁸. И эти правила также имели, по крайней мере официально, до XI века вселенское значение.

Канонисты неоднократно обращали внимание на значение Трулльского (Пято-Шестого) Собора. Так, например, 2-е правило этого Собора, согласно которому Церковь признала обязательными 625 правил, данных Святыми Апостолами, Святыми Отцами и целым рядом более ранних Поместных Соборов, считается важнейшим, «а для науки канонического права как самое важное из других». Но, как справедливо

замечают, и *до Собора* «эти правила имели уже сами по себе вселенское значение»²⁹⁹.

Трулльский Собор лишь *признал* их в данном качестве. Как сказано в актах Собора, его Отцы «признают достойным прекрасного и крайнего тщания, чтобы отныне ко исцеления душ и уврачеванию страстей, тверды и ненарушимы пребывали приятны, и утвержденныя бывшими прежде нас святыми и блаженными отцами». И тут же Святые Отцы указывают, что эти правила «*повелено нам* (выделено мной. — А.В.) приимати оных же святых Апостолов постановления». Грань между законотворчеством и исполнением древнего веления здесь едва ли проглядывается. С точки зрения права Собор — не законодатель этих актов; скорее, здесь имеет место специфический способ *церковной рецепции*.

Со временем в церковном сознании действительно закрепился обычай, согласно которому Вселенские Соборы помимо догматических оросов *обязательно* издавали и канонические правила. Но и это произошло, по-видимому, не ранее VII века. По крайней мере, ни V Вселенский Собор (Константинополь, 553 г.) при императоре св. Юстиниане I Великом, ни VI (Константинополь, 680—681 гг.) при императоре Константине IV Погонате не издали никаких канонических определений. Этим и обуславливается созыв императором Юстинианом II Ринотметом Трулльского Собора. В свою очередь данный Собор не рассматривал каких-либо догматических вопросов и впоследствии был квалифицирован как продолжение VI Собора, восполняющим его и V Вселенского Собора канонические пробелы. По крайней мере, так оценили его на VII Вселенском Соборе 787 г. Но здесь присутствует важный нюанс — V и VI Соборы к тому времени *уже были признаны* Церковью вселенскими без каких-либо оговорок по поводу неполноты реализации ими своей исключительной компетенции.

Да и невозможно предположить, будто императоры св. Юстиниан Великий и Константин IV Погонат могли поставить под сомнение и свой авторитет, и статус созванных ими Соборов, «забыв» о необходимости соблюсти древнюю традицию. А для обеспечения формального соответствия этих Соборов некоему «эталону» требовалось всего лишь дать несколько канонических определений, что, конечно, не являлось неразрешимой задачей. Между тем ни Отцы, ни императоры не считали свои собрания в чем-либо погрешающими против канонических обычаев.

Вообще Трулльский Собор задает немало загадок тем, кто склонен искать вселенский «эталон». Названный позднее «Пято-Шестым», не

имеющим самостоятельного значения без предыдущих двух Соборов, он, однако, не выглядел в чем-либо ущербным для современников, по крайней мере на Востоке. Его сразу нарекли *Вселенским*, хотя никаких догматических вопросов изначально не предполагалось рассматривать на его заседаниях. Созванный императором Юстинианом II Ринотметом специально для укрепления церковной дисциплины и издания канонических определений по многочисленным вопросам церковной жизни, Собор имел свои собственные акты, скрепленные в установленном порядке царем, патриархами и всеми присутствующими епископами³⁰⁰.

Следовательно, можно с большой уверенностью предположить, что еще в VII веке Церковь допускала возможность созыва Вселенского Собора *по любым* важнейшим вопросам (в данном случае каноническим), хотя догматических поводов для такого чрезвычайного события и не требовалось.

Догматические споры разрешались также не только на Вселенских Соборах. И после завершения этой великой эпохи многие Поместные Соборы рассматривали догматические споры на своих заседаниях. В качестве «быстрых» примеров можно привести Константинопольские Соборы при императоре Мануиле I Комнине в 1147 и в 1156 гг. При императоре Алексее III Ангеле опять возник спор о Евхаристии, который был разрешен на очередном Константинопольском Соборе³⁰¹. Спор исихастов с Варлаамом Калабрийским и Григорием Акиндином, носивший, безусловно, общецерковный и *догматический* характер, рассматривался на Константинопольских Соборах 1341 и 1347 гг., также не отнесенных Церковью к разряду Вселенских, как и упоминавшиеся выше.

Вроде бы является само собой разумеющимся, что вселенским Собор может быть признан при условии полного представительства на нем *всей* Церкви. Но, как известно, II и V Вселенские Соборы не имели на своих заседаниях ни представителей Римского епископа, ни его самого. На II Собор папа не был *целенаправленно* приглашен императором *св. Феодосием I Великим* (379—395), равно как и представители западных епархий. Это был в буквальном смысле слова *восточный* Вселенский Собор. А на V Соборе присутствовало всего 25 западных епископов против 150 греческих. Сам папа *Вигилий* (537—555), правда не по своей воле, находился в это время в Константинополе, но решительно отклонил предложение императора о посещении Собора.

На III (Эфесском) Соборе (431 г.), известном своими волнениями и беспорядками, не присутствовали епископы-антиохийцы, которых

остальные участники решили не дожидаться, как очевидных и нежелательных оппонентов св. Кирилла Александрийского. Прибыв в Эфес буквально через несколько дней после уже окончившего свою работу Собора, антиохийцы организовали параллельный «соборик» под председательством своего епископа Иоанна. Позднейшее признание антиохийцами анафематствования Нестория под давлением императора св. Феодосия II Младшего является слабой натяжкой для того, чтобы говорить о привычных формах участия представителей этой Церкви в соборных заседаниях³⁰². Но, как показывают соборные акты, ни св. Кирилла, ни царственную чету не беспокоил сам по себе факт нарушения процедуры ведения соборных заседаний и неполноты состава Собора. Иначе, что представляется самым вероятным, император св. Феодосий II Младший мог вполне обоснованно отклонить по формальным основаниям любые заявления сторонников св. Кирилла на свое имя и признать решения Эфесского Собора неканоническими.

Если представительство всех Церквей являлось неременным условием признания Собора вселенским, то чем можно объяснить тот факт, что император Константин V, создавший в 754 г. иконоборческий «вселенский» Собор, не придавал большого значения отсутствию на нем *всех* патриархов или их доверенных лиц? Насколько это «легкомыслие» соотносится с его вниманием к данной проблематике? И хотя данный Собор не был реципирован Церковью, но основная причина заключалась не в количестве его участников (а на Соборе присутствовало 338 епископов) и не в формальном наличии или отсутствии патриархов, а, главным образом, по *содержательным* мотивам — несоответствия основных руководящих начал иконоборцев Православному вероучению. В частности, потому, что среди аргументов, приведенных его участниками, имелись ссылки на труды лиц, вполне оправданно обвиняемых в ереси, либо потому, что представленные иконоборцами аргументы были подложными.

Но проблемы и на этом не заканчиваются. Обычно полагают, будто для признания Собора вселенским требуется принятие соответствующего решения на следующем за ним Вселенском Соборе. Действительно, последующие Соборы обычно специально указывали на признание ими предшествующих вселенских собраний. Достаточно указать на 1-е правило II Собора («да не отменяется Символ Веры трехсот восемнадцати отцов, бывших на Соборе в Никее, но да пребывает оный непреложен»), 7-е правило III Собора (хотя оно было составлено отдельно от соборного послания, отправленного епископам, пресвитерам, диаконам и всему народу³⁰³), 1-е правило Халкидонского («от свя-

тых отец, на каждом Соборе доныне изложенные правила соблюдать признали мы справедливыми») и 1-е правило Трулльского Соборов, 1-е правило VII Собора. Но сам VII Вселенский Собор (Никея, 787 г.) *не был* реципирован в данной форме по вполне объяснимым причинам: он являлся последним Вселенским Собором.

Кроме того, если считать данный признак обязательным для Вселенского Собора, то легко обнаружить, что при таком формальном подходе нам потребуется не один, а как минимум два Вселенских Собора, чтобы принять предшествующий в сущем качестве. Например, чтобы признать Никейский Собор 325 г. вселенским, нужен не только II Собор, но и III, признающий в свою очередь правомочность II, как вселенского Собора, и так далее. Но признание VII Собора вселенским случилось на 5-м заседании Собора «в храме Святой Софии» 26 января 880 г. по инициативе Константинопольского патриарха св. Фотия³⁰⁴, хотя сам «Софийский собор» не признается Восточной Церковью вселенским.

На основании изложенного нам остается только согласиться с тем мнением, что *все* внешние признаки Соборов оказываются обманчивыми, а с точки зрения логики — «весьма низкопробными»³⁰⁵. Очевидным также становится вывод о том, что Вселенские Соборы не имеют в своем основании заранее придуманной системы. «В основе церковного строя лежало *начало естественности*, свободной от предвзятых теорий»³⁰⁶.

II

Неудивительно появление множества теорий по вопросу статуса Соборов и их места в иерархии органов церковной власти. Иногда высказывается мнение, согласно которому Соборы являются высшим органом церковного управления. Однако, по общепринятому мнению, они являлись *институтами чрезвычайного характера*, созывались в экстренных случаях и касались лишь дел, требовавших разрешения в конкретный момент времени³⁰⁷. И если Соборы не собирались более тысячи лет, а признание их в этом качестве происходило в силу церковной рецепции, то сами собой напрашиваются многие вопросы. Главный из них: может ли быть признан высшим в церковном управлении орган, полномочия которого признаются лишь спустя какое-то время, собирающийся только эпизодически и в конце концов совершенно прекративший свою деятельность? И если верно утверждение,

что со временем потребность в созыве Вселенских Соборов исчезает, а «сама церковная жизнь не востребовала его, что и послужило естественной причиной прекращения практики Вселенских Соборов», то как может такая характеристика быть применена в отношении высших органов церковного управления?³⁰⁸

Нередко полагают, будто Вселенские Соборы являются *единственным* органом вселенского канонического законодательства³⁰⁹. Но как уже отмечалось выше, далеко не все канонические акты приняты ими. Да и созывались Соборы не специально для выработки корпуса канонических правил, а в первую очередь для решения догматических споров. Как результат, Соборы не дали Вселенской Церкви синтетического, системного и законченного законодательства, они просто разрешали известное число сомнительных прецедентов, на которое было обращено внимание Отцов Соборов³¹⁰.

По другому мнению, Вселенские Соборы являются органом высшей власти в Церкви, хотя и с известными оговорками. Носителем этой высшей церковной власти, полагает автор данной точки зрения, является вселенский епископат, а Соборы представляют собой наиболее совершенный *способ* осуществления вселенским епископатом своих полномочий в Церкви³¹¹. Однако Соборы обладали своей собственной компетенцией, отличались составом участников, способом принятия и видами решений (догматические, канонические, дисциплинарные) и порядком введения их в действие. Достаточно вспомнить хотя бы тот факт, что соборные оросы после их утверждения императорами имели значение *государственных законов*. Помимо этого Вселенские Соборы принимали меры дисциплинарного характера к отдельным лицам, что совершенно несвойственно «способу». Нельзя также не заметить, что, по одному верному замечанию, название «вселенский» не выражает мнения о присутствии на Соборах всех архиереев или даже большинства из них³¹².

Понятно, что, если идти предложенным автором этой гипотезы путем, отсутствующие епископы просто не могли реализовать свои полномочия. В то же время они канонически ничем не отличались от других архипастырей, в силу целого ряда случайностей принявших участие в соборных заседаниях. К таким «случайностям» можно отнести в первую очередь *самостоятельное* и *произвольное* определение императорами в каждом конкретном случае числа представителей от каждой из Поместных церквей и даже митрополий. Исключение составляла лишь Римская кафедра, которая обычно без участия императора устанавливала число папских легатов.

Повинуясь заданной логике, утверждают, будто все остальные участники Соборов (миряне, рядовые клирики, иноки) в лучшем слу-

чае имели лишь право совещательного голоса. Однако в действительности Соборы никогда не являлись закрытыми заседаниями епископата. Монашествующие, а также рядовые клирики и миряне являлись неизменными свидетелями происходящего, зачастую внося в их ход существенные поправки. Сказанное в первую очередь касается таких Соборов, как I, II, VI и VII. Например, в Первом Соборе участвовали многие клирики, миряне и даже языческие философы, желающие разъяснить для себя основы христианского вероисповедания. Блиставший на его заседаниях св. Афанасий Великий, будучи еще диаконом, несомненно, *лично* многое сделал для опровержения арианской ереси на Соборе. Можно с уверенностью сказать, что именно отношение жителей Эфеса и прибывших со св. Кириллом Александрийским лиц, а также позиция св. Симеона Столпника являлись решающими как для содержания соборных определений, так и для формирования мнения императора св. Феодосия II Младшего о деяниях этого Собора и «соборика» Иоанна Антиохийского.

На VII Соборе голос иночествующих («почтеннейших архимандритов, игуменов, иноков») и особенно игумена Студийского монастыря Саввы звучал вместе с голосами собравшихся на заседания епископов. Как указывалось выше, за ними было признано *равное право голоса* по всем соборным вопросам, причем не в виде исключения из правила, а как прямое требование церковной традиции. Иноки (а на Соборе присутствовал 131 монах), столь многое сделавшие для борьбы с иконоборчеством, высказывали свое авторитетное мнение о поклонении святым иконам. Но председательствующий и Отцы вопрошали их и по каноническим вопросам, например, принятия в общение кающихся епископов-иконоборцев, что не укладывается ни в какие «епископские теории»³¹³. Их подписи стоят также под протоколом соборных заседаний наравне с подписями епископов, в частности: игумена Саввы Студийского, игумена обители св. Сергия Григория, Иоанна, игумена Пагурийского, Евстафия, игумена Максиминского, Симеона, игумена Хорского, и многих других, включая подписи рядовых иноков, которых, можно с уверенностью говорить, было немало³¹⁴.

Да и как же могла внезапно и решительно измениться церковная традиция и практика, если активная роль мирского элемента и голоса рядовых клириков была присуща им и до эпохи Вселенских Соборов, и гораздо позже? Христианские соборы II и III веков состояли обычно из епископов и народа — членов общины. Так, например, на Эльвирском соборе 305 или 313 г. присутствовало 26 пресвитеров, которые сидели рядом с епископами и голосовали наравне с ними. На 3-м Рим-

ском Соборе 196 г. пресвитеры преобладали по численности и вместе с епископами писали о событиях, происшедших на Соборе. На Эфесском Соборе 196 г. вообще присутствовали одни пресвитеры, они же и решили дело³¹⁵.

Сами епископы избирались своей паствой даже после того, как Церковь стала государственной, а назначение епископов и тем более патриархов стало императорской прерогативой³¹⁶. И хотя со временем власть епископов все более принимала единолично-административный характер, но очень долго архиереи не решались предпринимать что-либо без согласия общины.

Более того, 4-е правило Никейского Собора 325 г. («епископа по-ставлять наиболее предпочтительно всем епископам той области; если же это неудобно по чрезвычайной нужде или по дальности пути, по крайней мере, трое да соберутся в одно место, а отсутствующие изъявят согласие посредством грамот, и тогда пусть совершают рукоположение; утверждать же такие действия в каждой области подобает ее митрополиту») вовсе не исключает древнюю практику участия мирян в выборе епископа. Оно лишь косвенно подчеркивает *доминирующую* роль в этом процессе церковной иерархии³¹⁷. После умножения числа членов христианских общин совещательный способ принятия решений становится едва ли возможным, но практика привлечения представителей народа к решению церковных вопросов никогда полностью не исчезала из жизни Церкви³¹⁸.

Даже в Западной церкви, где довольно рано закрепилась идея исключительных общецерковных и даже высших светских полномочиях Римского папы, местные соборы никогда не являлись закрытыми собраниями епископата. Так, в частности, на ранних меровингских соборах основными участниками, помимо епископов, неизменно являлись аббаты, рядовые священники и диаконы. Даже на чисто «синодальных» соборах, как на Оссерском Соборе 578 г., присутствовал 1 (!) епископ, 7 аббатов, 34 священника и 3 диакона. На Агдском Соборе 506 г. — 8 священников и 2 диакона, и они имели полномочия «заместителей епископов»³¹⁹. Еще менее заметна грань между епископатом и иными участниками на так называемых «смешанных» соборах, где обсуждался более широкий круг вопросов. На Сен-Морисском Соборе 515 г. присутствовало 4 епископа и 8 графов. На Оранжском Соборе 529 г. — 14 епископов и 8 знатных светских лиц. На Парижском Соборе 614 г. — 79 епископов и 18 светских магнатов. На Парижском Соборе 638 г. — 9 епископов и 3 знатные особы³²⁰. Можно ли представить, что в то время, когда созывались Вселенские Соборы, а идея всеедин-

ства Кафолической Церкви еще не была подорвана борьбой за власть между кафедрами, возможна была столь противоречивая практика?

По другим версиям, Соборы представляли собой высший орган духовной власти в Церкви³²¹. Но составлявшие Соборы Боговдохновенные Отцы не только выражали абсолютные догматические суждения по вопросам вероисповедания, но принимали каноны, а также выносили дисциплинарные решения в отношении определенных лиц. Это, конечно, явное свидетельство того, что Соборы *непосредственно* осуществляли властные полномочия в Церкви, а не только демонстрировали высочайший духовный авторитет.

III

Таким образом, ответы на поставленные вопросы нужно искать в другой плоскости, для чего следует обратиться к фактам истории. Как известно, с воцерковлением Римской империи на место языческого жречества пришла Церковь, воспринявшая от своего предшественника все те полномочия и прерогативы, какими тот владел по римскому праву. Возникло великолепное «симфоническое» единство Церкви и Римской империи, где все устремления жизнедеятельности и власти, и каждого клирика, и рядового христианина были посвящены единственной цели — распространению и сохранению Православия во имя спасения человека и «жизни будущего века».

Это органическое единство по своей природе принципиально не могло существовать в условиях «параллелизма» двух союзов — политического и духовного. Вселенская Римская империя стала Церковью, а Кафолическая Церковь отождествила себя с Римским государством, чтобы Православие распространилось по всему миру и изменило падшего человека, вернуло его к Богу. И в центре этой «симфонии» стояла величественная фигура вселенского самодержца, *Римского царя*. Единственно он соединял собой два различных по природе союза, зримо являя собой высшую, священную, Богоустановленную власть во всей Вселенной. Как носитель единой высшей власти — политической и церковной, как единый для Церкви и государства абсолютный источник законотворчества, император становился верховным гарантом и главным защитником Православия. Иными словами, царь стал средоточием «симфонии», немислимой без него.

Это был *единственно возможный* образ жизни для тех величественных исторических времен, когда только-только зарождался сам хри-

стианский мир. Конечно, как и любое земное творение, «симфония» Церкви и государства времен Византии знала свои блестящие страницы и негативные примеры, обусловленные тем простым соображением, что *никогда* земная власть — образ и подобие власти Царя Небесного, не станет выше самого идеала или им самим. Это относится как к несовершенству земной власти в любых ее проявлениях, так и к власти церковного управления, реализуемой теми же людьми с такими же недостатками, какие присущи нам. Но можно ли оценивать какое-то событие исключительно на основе отрицательных примеров?

Отношения между Церковью и Римской империей со времени св. Константина I Великого, справедливо отмечал известный русский канонист, обычно обозначают термином «союз». При всех положительных сторонах такого терминологического обозначения этого специфического характера отношений, нельзя не заметить, что данное понятие *было неведомо* в те древние времена. Ни в одном императорском эдикте, ни в одном правиле канонического законодательства такой термин никогда не употреблялся. Есть единственная ссылка на него в известной VI новелле императора св. Юстиниана Великого, где речь идет об условиях «симфонии» царства и священства, но совершенно не в том контексте, к которому мы привыкли. Ни св. Юстиниан I, ни его многочисленные предшественники и преемники по трону не разделяли Церковь и Римскую империю. Для них это — одно целое, различные эманации единого церковно-политического тела.

Понятие «союз», как справедливо замечается далее, обычно соединяется с представлениями о взаимном соглашении, явном или тайном, «но, во всяком случае, сопровождающимся тем, что каждая из сторон поступает в пользу другой известной долей своей независимости для более успешного достижения общими силами специальных целей»³²².

Очевидно, никаких соглашений между политической и церковной властью не лежало и не могло лежать в период царствования св. Константина Великого, хотя бы потому, что никакой единой и централизованной церковной власти, с которой можно было бы вступить в соглашение или «союз», в то время просто *не существовало*. Кроме того, подобный отказ от теократических основ, безусловных вообще для всех древних государств, был совершенно немыслим в те времена, когда мир жил одной религией.

Между тем, к сожалению, в трудах наших историков и канонистов нередко довлеет едва ли оправданное желание обеспечить, так сказать, «задним числом» независимость Церкви от государства еще для тех

древних времен, в чем, надо полагать, ни Святые Отцы, ни Соборы, ни сама Церковь не нуждаются.

Чисто теоретически можно, конечно, желать, чтобы Церковь существовала совершенно изолированно от государства и всего земного. Но Спаситель пришел в мир для того, чтобы, искупив его грех, *изменить*. Предложение о «независимой» Церкви не только приводит ее к состоянию некоего замкнутого союза «избранных» (что немыслимо для Православия), но и, как следствие, к отказу от самой высшей цели Христа — вернуть человеку Бога, дать путь и силы для борьбы с грехом.

Об этом хорошо и правильно писал А.В. Карташев (1875—1960). «О Церкви, — замечал он, — мы зачастую судим “по-европейски”, исходя из мнимо бесспорной аксиомы “разделения Церкви и государства”, в то время как для православной мысли это просто несторианская ересь — увы! — практически, за неимением в реальности лучшего, всеми нами расчетливо приемлемая. Но это не только не наша православная норма (уже не говорим об идеале), это свидетельство нашего бессилия, нашей покорной забитости в уголок лаической “терпимости”. Мы практически предали идеал и принцип теократии, примирились с его упразднением и получили право заносчиво критиковать византийскую теократию. Легко видеть в ней и античную грубость, и человеческие страсти, и вороха всякой греховности. Но это было, хотя и обезображенное грехом, стояние на почве мистическо-догматической христологически-православной, двухприродной, богочеловеческой, теократической цельности»³²³.

«Светский», изначально критический по своему настрою, подход создает массу затруднений, резко сужает предмет действительно научного исследования и как следствие лишает нас возможности понять само существо древнего церковного обычая, которым руководствовались Соборы. Возникают гипотезы, неспособные обеспечить себя необходимым историческим материалом, и, более того, вступающие с ним в явное противоречие.

Например, факт участия императоров в деятельности вселенских собраний невозможно опровергнуть. Но, памятуя о необходимости доказать «независимость» Церкви, публицисты иногда прилагают поистине грандиозные усилия для доказательства того, что императоры лишь номинально участвовали в деяниях Соборов, а их подпись под соборными актами носила формальный характер. В иных теоретических построениях значит, что цари созывали Соборы исключительно по

просьбе или по поручению (?) клира, не имея никаких подтвержденных Церковью прав на самостоятельное решение по данному вопросу.

Но если в актах Соборных Деяний — этих *единственно безусловных* свидетельствах истории, напрямую указывается, что инициатива созыва, определение состава участников и предмета соборных обсуждений, утверждение вселенских решений и придание им статуса общецерковных и имперских законов состоялись исключительно по воле василевсов, то какие у нас есть основания полагать, будто цари нуждались в чем-либо обязательном совете или согласии для созыва Отцов со всех краев Ойкумены?

«Желая содействием своим уврачевать и это зло, я немедленно собрал всех вас», — говорил в своей речи св. Константин I Великий³²⁴. Попытка перехватить эту инициативу со стороны св. Кирилла Александрийского вызвала немедленную (и, конечно, негативную) реакцию другого императора — св. Феодосия II Младшего: «Почему ты, миновав нас, которые, как тебе известно, очень заботимся о благочестии, и священные лица всех мест, собрание которых могло бы удобно разрешить недоумения, произвел сам собой смятение и разделение в церквах?»³²⁵ И эти примеры характерны для каждого из Вселенских Соборов без исключения.

Правоспособность царя выступать главным защитником веры (что, очевидно, налагало на него соответствующие *права* по вмешательству в споры, связанные с религией и вообще в дела Церкви) не подвергалась никакому сомнению со стороны современников. В целом границы полномочий представлялись настолько ясными и для священноначалия, и для императоров, что не требовали специальной правовой регламентации. Несколько исключений из первых веков государственной Церкви составляли западные и африканские Соборы (Ариминский в 359 г. и Карфагенский в 399 г.), которые не были приняты василевсами. Император Гонорий даже напомнил Отцам Карфагенского Собора, что рассуждения по вопросам судопроизводства над клириками, отмены языческих праздников и тому подобное выходят за пределы епископской компетенции.

Поэтому императоры, глубоко чувствующие свою ответственность перед Богом за чистоту Вероучения, всегда считали своим долгом (и лишь потом правом) вмешиваться в догматические споры по мере их возникновения. Причем не формально, а *содержательно*. Многочисленные примеры на этот счет были приведены нами ранее в соответствующих главах.

Нельзя, конечно, сказать, что границы полномочий иерархов и императоров носили статичный характер. Изменялась и Римская империя, и внешние условия ее существования, что не могло не отразиться на тех тенденциях, которые периодически проявлялись во взаимоотношениях между церковной иерархией и императорской властью. Различное положение священноначалия в византийском обществе, характер отношений архиереев и царей, авторитет и влияние отдельных лиц на социально-политические события обуславливались реальным положением дел, проблематикой внешней и внутренней жизни и личностями царей и патриархов.

Однако при всех изменениях постоянным и неизменным оставалось главное — для императора Церковь и ее органы управления являлись с точки зрения права и политики такими же органами Римской империи, как и иные. И сами Вселенские Соборы прежде всего были *органами императора, государственными учреждениями*³²⁶, подчиненными воле монарха. Через них цари осуществляли свое влияние на Церковь и посредством их охраняли единство Церкви³²⁷.

Безусловно, ни о каком обожествлении императоров, на пример языческих царей, в данном случае говорить нельзя. Для Церкви самый могущественный император являлся одним из рабов Божьих, ее чадом, которому она через Таинство Крещения дала возможность войти в общество христиан, через Таинство исповедания грехов освобождала от их тяжести, и которого она провожала в последний путь. Как самодержавный, Богом поставленный владыка и земной глава Церкви, император тем не менее никогда, даже претендуя на епископское достоинство, не дерзал на совершение таинства Евхаристии. Всегда оставался последний рубеж, не допускающий крайности. С одной стороны, «божественное право» и апостольские прерогативы епископата, на которые не могли претендовать цари, даже если их самих признавали равноапостольными. С другой, правовые и государственные традиции, согласно которым царь являлся наместником Бога на земле, тем лицом, чьими руками Господь вершит правосудие, хранит Веру и управляет Империей.

IV

Этим «*врастанием*» Церкви в Римскую империю, этим «симфоническим» единством и объясняется *внешняя* правовая «неразбериха» в деятельности Вселенских Соборов. Но этим же обстоятельством она и

снимается. Войдя в Римскую империю, Церковь восприняла ее жизнь, постепенно наполняя языческие правовые и политические формы и институты новым светом христианского идеала. Применительно к праву понятно, что в противном случае изначально возникли бы две конкурирующие правовые системы: имперского законодательства, отвергаемого Церковью, и еще весьма слабого, едва ли системного, но уже замкнувшегося в себе канонического права. Был бы такой «союз» пригоден для обновления мира? Представляется, ответ здесь очевиден.

Вполне естественно в начале появления государственной Церкви, когда языческое римское право действовало практически повсеместно, клир и власть, имея перед собой единую цель — христианское обновление мира, использовали те формы, которые были уже признаны в политическом быту. И канонические правила, присущие Церкви до IV века, отнюдь не вступали в конфронтацию с давно апробированными правовыми и политическими традициями Римской державы. Они срослись с ними, обретая необходимую правовую форму для своего дальнейшего развития, одновременно создавая новое право — *римско-византийское*, позднее ставшее основой европейского права.

Последовательное закрепление христианства в качестве государственной религии Византийской империи вызвало к жизни множество новых правовых институтов, соединивших в себе древние римские формы и понятия, но уже с качественно иным содержанием. Например, по древней, еще языческой традиции собственниками храмов в римском праве признавались боги. Древние христиане не видели ничего дурного в том, чтобы воспринять «старые меха». При императоре св. Юстиниане I Великом все храмы Церкви подпадают под институт *res sacrae*, и субъектом имущественных прав Церкви законодательно признается сам Господь Иисус Христос. Это, конечно, имело глубокие последствия в части законодательного обеспечения церковной собственности. Вновь народившаяся идея о Собственнике вещи вовсе не отменяла глубокую нравственно-юридическую идею, выразившуюся в институте божественной собственности. Принцип «*juris sacri*» жил и до св. Юстиниана, и после него, постепенно становясь устойчивой правовой традицией³²⁸.

Новым правом, опять же, на основе древних римских воззрений, были законодательно урегулированы все наиболее значимые аспекты богослужения: объекты церковной собственности, священные места, структура Церкви и тому подобное. Как равноправный субъект гражданско-правовых отношений, Церковь получила право приобретать имущество по сделкам с третьими лицами и по завещанию³²⁹.

Знакомый нам в течение многих столетий институт самостоятельного имущественного положения приходов также имеет своим источником гражданское право времен Римской империи. Древняя Церковь до IV века вообще не знала понятия «приходской церкви», единственным приходом считалась епископия. Но уже при императоре св. Феодосии I Старшем намечается тенденция имущественного обособления мелких церковных общин. Поскольку зависимость приходской церкви мало сообразовалась с принципами римского гражданского права, то при императоре Зеноне за отдельными местными храмами признали права юридического лица, хотя и производного от епископской церкви. У епископа осталось и право управления церковным имуществом, но права собственности по отношению к приходской церкви он утратил. Эта тенденция окончательно закрепилась в законодательстве императора св. Юстиниана I Великого и, конечно, была продиктована как римскими воззрениями на юридические лица, так и удобством управления церковным имуществом³³⁰.

Любопытно, что и величественная процедура обретения святых мощей имеет своими источниками древнее христианское правило о почитании святых и римское законодательство о погребении. По римским законам, подтвержденным уже христианскими императорами, гарантировалась абсолютная неприкосновенность могил. Поэтому любое исключение, связанное с перенесением святых мощей, требовало решения на самом высоком административном уровне. Наибольшее число прецедентов возникло в Константинополе, где изначально не было своих святых. Для этого была разработана сложная юридическая процедура, имевшая результатом перенесение мощей святого и включение его имени в столичный мартиролог. Из этой практики «перенесения» и развилась современная практика канонизации.

И нет ничего удивительного в том, что римское право оказало решающее влияние на процессуальные институты, положенные в основу деятельности Вселенских Соборов. Остались неизменными основные нравственные начала христианского судопроизводства: идея пастырского попечения к подсудимым, трехкратное братское увещание к ним и так далее. Вместе с тем Церковь охотно приняла правовые процессуальные формы и институты Римской империи³³¹. Это сближение древней церковной практики и государственного права было тем более естественно, что никаких альтернатив такому положению вещей в то время просто не существовало. Еврейское право, которым первоначально пользовались судьи (епископы) Церкви древних времен, не знало четкой и законченной судебной процедуры. Одно только рим-

ское право с глубочайшей проработкой его институтов могло удовлетворить возникшую потребность Церкви в необходимых процессуальных формах. Для Церкви всего естественнее было воспользоваться теми процессуальными формами, которые практиковались государством и были утверждены его законами, так как членами Церкви были те же подданные Римского государства³³².

Едва ли можно назвать тот или иной важнейший процессуальный институт, применявшийся в ходе заседаний Вселенских Соборов, который имел бы иной источник, кроме римского права. Например, римское право требовало от обвинителя продолжать возведенное им против подсудимого обвинение, освобождая его от этой обязанности только в случаях, предусмотренных законом. Если обвинитель уклонялся от этих обязанностей по своему решению, то есть произвольно, то он подвергался серьезному денежному наказанию, а обвиняемый освобождался от всяких обвинений, и само его имя вычеркивалось из судебного протокола³³³. Данная норма была воспроизведена в 19-м (28-м) правиле Карфагенского Собора 419 г., включенном в состав канонических книг: «Доносителю... аще никуда не отлучатися во дни рассмотрения дела... Но аще удалится и сокроется, то епископ (то есть в данном случае подсудимый. — А. В.) да будет возвращен в общение, а сам доноситель да изринется из общения, впрочем так, чтобы не была отнята у него свобода подтвердить обвинение: аще может доказати, яко не предстал к суду не по нехотению, а по невозможности».

Если обвинитель возбуждал против кого-либо ложное обвинение, то римское право рассматривало его как клеветника (*calumniator*) и карало всеми теми наказаниями, которые были предусмотрены по тому обвинению, которое тот сам предъявлял подсудимому. И этот институт (*poena talionis*) также вошел в корпус канонических актов, регулировавших деятельность Соборов. 6-е правило II Вселенского Собора предусматривает, что обвинители, предъявившие обвинение перед лицом большого епископского собрания, не раньше «могут настояти на свое обвинение, как письменно поставив себя под страхом одинакового наказания с обвиняемым, аще бы, по производству дела, оказались клеветующими на обвиняемого епископа». Известный канонист справедливо отмечает, что и в данном случае налицо *тождество* требований церковных и гражданских законов³³⁴.

Даже этих немногих примеров (а их число, конечно, может быть многократно увеличено) достаточно для того, чтобы понять: сформировавшийся в течение нескольких веков канонический обычай Вселенских Соборов испытал на себе сильнейшее, нередко определя-

ющее влияние государственно-правовых институтов Византии, сам постепенно становясь законом Империи. По одному справедливому замечанию, Вселенские Соборы представляют собой *всю* Церковь не только саму в себе, но и — главное — в союзе (то есть в «симфонии») ее с государством³³⁵. А первый кодификатор церковного права Иоанн Схоластик (VI век) так определял значение императорских законов: «Они не только отвечают смыслу канонов православных отцов наших, но и придают им державную силу властью императорской, с законным и богоугодным добавлением, принимающим по подражанию Богу в соображение возможную пользу всякого человеческого создания»³³⁶.

Но все-таки и после данных примеров сохраняет свою актуальность вопрос: почему Отцы не взяли на себя труд *канонически* закрепить те правила, которые опытным путем в форме обычая возникли уже после первых Соборов? Ведь речь шла об органе, разъяснявшем всей Вселенской Церкви догматы веры и принимавшем обязательные для исполнения правила, любое отклонение от которых каралось церковным наказанием. Кому, как не Собору, было озаботиться правовой стороной своей деятельности? И почему, спрашивается, государственное законодательство не урегулировало все стадии деятельности Соборов, если впоследствии их решения становились государственными законами всей Церкви-Империи?

Однако в этом и не было необходимости. Каждый Вселенский Собор являлся в первую очередь *Вселенским Судом* Православной Церкви против конкретных ересиархов и распространяемых ими ересей. Отцы главным образом отстаивали чистоту заповеданного Спасителем и Его апостолами вероучения, а не являлись академическими мыслителями, «на всякий случай» рассуждавшими по тем или иным догматическим вопросам. Поскольку же процедура проведения Соборов базировалась на процессуальных институтах римского права, выработка каких-то качественно иных правил выглядела совершенно нелепо. В «симфоническом» единстве Церкви и Империи только император являлся *единственным* и безусловным законодателем, чья власть распространялась также на признание или отвержение соборных определений, вне зависимости от того, приняты они вселенскими собраниями, синодами Константинопольской церкви или Соборами Восточной Церкви, которые неизменно созывались в Константинополе после 1054 г.³³⁷

И в те времена никто не осмелился бы вторгаться в компетенцию императора, как высшего законодательного органа Римской империи. Этот вывод тем более очевиден для времен I Собора, когда невозможно было себе представить, что правосудие совершается по формам, неведомым Римскому государству той исторической эпохи. Такие акты и такой суд просто не могли быть приняты римским правосознанием, как явно идущие вразрез с основными процессуальными принципами, традициями и практикой судопроизводства.

Если подсудимый на Соборе признавался еретиком, следовало не только церковное, но и *государственное* наказание. Очевидно, что двух процессуальных систем правосудия в рамках одного законодательства, при условии того, что преступник против Церкви являлся одновременно и государственным преступником, представить в Византии было совершенно невозможно. Было сложно предположить, чтобы имперские законы и соборные акты, одинаково легальные только при наличии подписи императора, могли составлять друг другу *конкуренцию*. Поэтому, кстати сказать, совершенно беспредметным является вопрос о том, насколько Отцы были «свободны» от императорской власти при созыве Соборов и в ходе судебных заседаний. Безусловно, никакое собрание, каким бы представительным оно ни было, образовавшееся помимо или против воли царя, никогда не имело бы легального статуса, как и его решения. Печальным примером может служить Латеранский Собор 649 г., созданный Римским папой св. Мартином для борьбы с монофелитством. Но поскольку данный Собор начался без разрешения императора Константа II, он не был им признан, а его руководители предстали перед судом.

Конечно, в своем дальнейшем развитии соборный судебный процесс не мог удовлетворяться исключительно древними формами римского права. Церковная жизнь ставила свои задачи, требующие соответствующего правового обрамления. И императоры, обыкновенно весьма чуткие к церковной традиции, освященной древностью, охотно шли на корректировку тех или иных институтов. Что, впрочем, по целому ряду причин не приводило к законодательному закреплению соборных процессуальных форм и институтов.

В первую очередь, на наш взгляд, таким способом наглядно демонстрировался высочайший статус Вселенского Собора как органа чрезвычайного, стоящего на недостижимой высоте по отношению к иному любому органу Римской империи. Это был *орган Духа Святого*, самого Сына Божия, как однажды выразился император св. Константин Великий после окончания Никейского Собора: «Признанное едино-

гласно тремястами святыми епископами есть ничто иное, как мысль самого Сына Божия, особенно когда в умах столь великих и многих мужей присутствовал Дух Святой, который открыл им Божественную волю»³³⁸.

Своим авторитетом, многократно помноженным на авторитет императорской власти, Соборы раз и навсегда устанавливали те правила, которыми следовало руководствоваться всей Вселенской Церкви, не допуская и мысли, что их канонические или догматические оросы вступят в противоречие с законами императора. Они естественно *дополняли* общецерковное законодательство Римского государства, полагая, что именно вселенские определения, принятые в присутствии множества Отцов под председательством императора, будут обладать необходимым статусом, обеспечивающим их неуклонное и повсеместное исполнение. Необходимость дополнительно акцентировать внимание на процессуальных вопросах просто отсутствовала, как невостребованная и немыслимая для канонического и государственного правосознания эпохи Вселенских Соборов.

А во-вторых, это был *высший орган императора* по вопросам вероучения. В отличие от Поместных Соборов, чья деятельность далеко не всегда привлекала к себе внимание василевсов, Вселенские Соборы созывались *исключительно ими* и по вопросам, казавшимся государям актуальными для всей Вселенской Церкви. Любая попытка законодательно урегулировать процедуры Соборов со стороны императора привела бы прямо или косвенно к ограничению высших прерогатив царя, что, конечно, было немыслимо и нелогично для государства, где верховным законодателем являлся сам же монарх.

Наконец, это был орган чрезвычайный и экстраординарный, созывавшийся по мере острой необходимости и всегда вынужденный принимать филигранные меры для сохранения единства Церкви и отыскания верного баланса между акривией и икономией. Понятно, что такие нюансы едва ли подвержены правовому регулированию.

Как следствие, единственный выход, подсказанный самим временем, заключался в том, чтобы сохранить значительную свободу действия, основываясь тем не менее, с одной стороны, на строгих принципах римского процессуального права, а с другой, на правилах церковной жизни и канонических традициях.

Поэтому-то так и *индивидуальны* были великие Соборы, так непохожи друг на друга, сохраняя тем не менее те характеристические черты, которые сформировались еще в Никее в 325 г. Авторитет первого Вселенского собрания совокупно с авторитетом императора св. Кон-

стантина Великого был настолько велик, что впоследствии практика Соборов всегда исходила из этого первого прецедента, как некоего блистательного аналога. Конечно, полного сходства удавалось достигнуть далеко не всегда, и потому каждый из последующих Соборов приносил в эту практику свои индивидуальные особенности. Но в то же время Церковь никогда не позволила поставить под сомнение те начала и формы, которые были дарованы ей в Никее в 325 г. В свою очередь и императоры не решались менять то, что было рецепировано Церковью.

Как верховный законодатель и главный хранитель веры и благочестия, император *самостоятельно* определял и наиболее острые догматические проблемы, волновавшие Церковь, и круг участников, исходя из конкретных требований времени и ситуации. И, безусловно, такие «формальные» обстоятельства, как число присутствующих епископов, не относились к числу приоритетных. Поэтому для современников Соборов на самом деле не имело никакого определяющего значения, сколько архиереев присутствовало на каждом конкретном Соборе, хотя по возможности было желательно представительство всех Поместных Церквей. Однако если такое условие и не выполнялось, авторитет Соборов отнюдь не ставился под сомнение, если под его актами стояла *подпись императора*, и они соответствовали общим традициям церковной жизни. Далее все решала рецепция, то есть усвоение соборных решений церковной полнотой, проверка их на соответствие духу и букве Православия.

В отличие от Запада Восточная Церковь всегда довольно «легко» относилась к формам установления истины, как правило, допуская вариативность и даже незначительные отклонения от устоявшихся образцов, если казалось, что следование им создает дополнительные трудности. Применительно к истории Соборов такая практика совершенно себя оправдала, начиная с процедурных вопросов и определения состава участников, и заканчивая самим статусом высшего соборного органа Церкви, когда prerogatives Вселенских Соборов по факту унаследовали Восточные соборы в эпоху разделения Церквей.

Однако эта блистательная практика существовала при трех непеременимых условиях: единстве Кафолической Церкви, сохранении «симфонической» традиции отношений политической и церковной властей и наличии императора, как главы церковного управления. Когда одно из оснований этой гармоничной системы начало рушиться, неизбежно должны были исчезнуть и Вселенские Соборы. И после того как в IX веке Римская церковь и весь христианский Запад признали

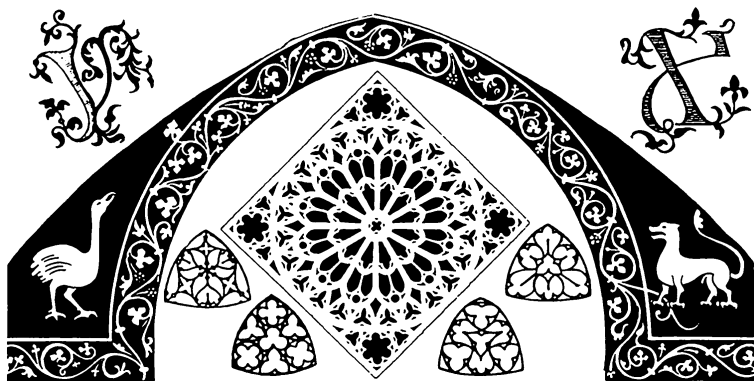
другого императора, помимо Византийского царя, Церковь перестала быть единой.

На Востоке правил Византийский император, на Западе — Карл Великий и его преемники. Различие римской и восточной практик, канонических и догматических традиций к этому времени было уже настолько наглядным и резким, что привычный способ обеспечения их единства — созыв Вселенских Соборов — едва ли бы помог. Запад и Восток все более *тяготились* друг другом. Разрыв политический неизбежно вел к расколу церковному. Когда вследствие взаимных амбиций были подрублены в основании два столпа великой христианской Империи-Церкви — единство Вселенской Церкви и единоедержавность ее главы, Византийского императора, — Запад и Восток уже не могли существовать вместе в качестве одного органического тела. Никакой Вселенский Собор в таких условиях становился уже невозможным. Великий раскол Церкви 1054 г. стал лишь документальным оформлением того, что уже случилось ранее.

ДИНАСТИЯ НИКИФОРА ГЕНИҚА

XXXV. ИМПЕРАТОРЫ НИКИФОР I ГЕНИК (802–811) И СТАВРАКИЙ (811)

Глава 1. Несчастливый реформатор. Отношения с Западом

Хотя для всех уже давно было очевидно, что больная и потерявшая интерес к власти св. Ирина *обречена*, немаловажное значение имел вопрос о том, *кто* станет ее преемником. Отсутствие законного наследника с железной неизбежностью предполагало государственный переворот в качестве единственного «традиционного» способа передачи царских полномочий, и никто не сомневался, что рано или поздно он произойдет. И то, что императором стал **Никифор I Геник**, говорило знающим лицам о многом.

Новый василевс происходил родом из провинции Писидия и выводил свой род от арабских князей, из чего ясно следовало, что он принадлежит, скорее, к иконоборческой партии, чем к сторонникам последнего Вселенского Собора. Действительно, армия, в первую очередь — гвардия и полки столичного гарнизона, известные своими иконоборческими настроениями, первоначально активно поддерживали его. Как человек, всю жизнь проведший на финансовой службе и занимавшийся налогами, таможенными пошлинами и сборами — отсюда, кстати сказать, и его прозвище «*Геник*», он был неглуп, но корыстен и скуп. Сам факт того, что Никифор Геник сумел расположить к себе некоторые высшие круги, свидетельствует о его дипломатических способностях, деловой хватке, сообразительности и смелости. Ведь далеко не

каждый решился бы на борьбу за императорскую диадему в условиях столь высокой конкуренции, где проигравшего ждала смерть или поражение в правах.

Нельзя, конечно, сказать, что именно Никифор Геник олицетворял собой образ того царя, какого искала на закате императорства св. Ирины Византийская держава. Но, с другой стороны, это был далеко не самый последний по своим дарованиям и пониманию государственных проблем василевс. Сребролюбивый и нередко жестокий, не всегда опрятный в личной жизни и зачастую циничный, этот человек, тем не менее, многократно без боязни надевал доспехи военачальника, ни разу до того не участвуя в боевых действиях, и серьезно рисковал своей жизнью. Достаточно сказать, что в итоге он сложил свою голову за честь Римского государства. Это был, вне всякого сомнения, человек, способный легко обойти моральные сдержки, если они мешали достижению цели, но *государственник* до мозга костей. Он не раз являл примеры снисходительности и человеколюбия, прощая врагов и заговорщиков, хотя в тот суровый век никто не осудил бы его за казнь врагов, вина которых доказана.

Его упрекали в преследовании монахов и в разорении монастырей, имущество которых при нем перестало пользоваться налоговыми льготами, а летописец Феостирикт, свидетель царских реформ, утверждал, что Никифор I был благочестив, православен, любил нищих и особенно монахов. Некоторые исследователи признают в нем практичнее-шего и *разумнейшего* государя³³⁹. Многие его начинания, осмеянные современниками, будут впоследствии реализованы другими императорами. Если мы захотим выделить доминирующие черты характера императора, то, пожалуй, это будут *беспристрастность* к лицам и обстоятельствам, а также *заурядность* в том хорошем смысле, что именно такие «заурядности» вынуждены брать на себя тяжелейшие задачи восстановления государственного управления и устранения ошибок своих предшественников.

Он не был яркой фигурой, но, несомненно, при нем Римское государство решило многие проблемы последних лет, в первую очередь — установление небезвыгодных отношений с Карлом Великим, завершившихся заключением мирного договора. Иными словами, история императора Никифора I является типичным примером преобладания субъективных оценок над реальными фактами. Его ошибки — неизбежное следствие любой человеческой деятельности, — будут многократно приумножены, а сама личность царя обрастет многочисленными пасквилями и легендами, закрывшими для нас *истинный* облик этого императора.

Будучи, как уже говорилось, честолюбивым человеком, Никифор целеустремленно шел к власти, но желанная ноша оказалась гораздо тяжелее, чем он это представлял. Уже начало его царствования показало, что все трудности для царя — впереди. Любовь византийцев к святой императрице была столь велика, а заурядность Геника на ее фоне столь наглядна, что даже факт его венчания Константинопольским патриархом на Римское царство вовсе не гарантировал новому императору спокойной жизни.

Уже его товарищи по заговору против св. Ирины составили первый, но далеко не последний список конкурентов на царственное поприще. Однако император, не брезгуя никакими средствами, быстро укрепил свои позиции. В частности, в апреле 803 г. скоротечно скончался один из первых вождей минувшего дворцового переворота, «коварный клятвопреступник», по словам летописца, Никита Трифилий. Небезосновательно полагали, что его отравил новый царь. А в июле 803 г. пограничные легионы провозгласили царем патриция Вардания (Варданиона) по прозвищу Турок, военачальника восточной армии (фема Анатолика). Рассказывают, что тот сам был не чужд надежд получить царские полномочия, более того — страстно этого желал. Но одно событие неожиданно подорвало дух Варданиона.

Как ревностный христианин, он во всем желал полагаться на волю Бога, которая для него оставалась сокрытой. Однажды Варданий заехал по пути к известному своими подвигами монаху-отшельнику в Филомилии и просил его святых молитв о даровании царской власти. Но монах почти сразу ответил: «Не замахивайся на такое дело, Вардан, ничего из него не выйдет, кроме загубленного имущества, вырванных глаз и всякого нечестия. И если хочешь слушаться совета, отступись как можно скорее и, раз так обстоят дела, не помышляй о власти». Исполненный печали и горя, Варданион вышел из монашеской кельи и с тех пор резко изменился³⁴⁰.

Когда армия провозгласила его царем (венец былых мечтаний!), Варданион долго отказывался, но вскоре понял, что сам может стать жертвой агрессии собственных солдат. Приняв тогда волю войска, Варданион подошел к Хрисополю, но не был допущен жителями в город и возвратился в Малагины, где квартировала его ставка. Нам мало что известно об этом человеке — несомненно, талантливым, благочестивым и совестливым. Поняв, что его претензии на пурпурную обувь наверняка вызовут гражданскую войну в Римской империи, он, убоявшись Бога, тайно направил письмо василевсу и столичному патриарху, в котором *добровольно* отказывался от царского титула и просил Ни-

кифора Геника только об одном — сохранить ему жизнь. Не ожидавший такой удачи, император дал письменные гарантии, присоединив к ним ручательство патриарха св. Тарасия и всех патрициев. Более того, Геник пообещал, что не только сам Варданион, но и все его сторонники получают полное прощение. Все же, опасаясь гнева войска, когда оно узнает о тайных переговорах, Варданион ночью скрытно покинул свой лагерь и отбыл в Кий Вифинский, где располагалась обитель Ираклия. Там он принял монашеский постриг и на лодке отплыл на остров Прота, где начал подвижническую жизнь.

Однако царь Никифор вовсе не собирался держать свое слово. Едва Варданион обрел душевный покой в монашеской келье, император тут же конфисковал его имение, затем арестовал всех высших командиров мятежной армии, имущество которых также подверглось конфискации, а само войско лишил обычного жалования. Но и это ему казалось недостаточным. В декабре того же года Никифор I тайно подослал на остров Прота двух ликаонян с приказом ослепить Варданиона, а затем искать спасения в Божьем храме. Когда преступление открылось, Никифор для отвода глаз дал обещание истребить *всех* ликаонян за Варданиона, но этот жест уже не мог никого обмануть. Константинопольский патриарх и патриции откровенно роптали, поскольку преступление царя делало и их клятвопреступниками. Напрасно царь притворно скорбел на людях, горя о Варданионе, его участие в этом злодействе было очевидным.

Народный гнев и волнения были столь велики, что император в течение 7 дней боялся выйти из дворца. Когда волнения улеглись, он для обеспечения прав на трон принял решение короновать своего сына **Ставракия** на царство, объявив того соимператором. Воля царя была исполнена, и Константинопольский патриарх св. Тарасий в 804 г. венчал юношу. Едва ли, впрочем, личность соимператора могла вызывать уважение. Современник тех событий так описывает нового монарха: ни видом, ни силой, ни разумом Ставракий не подходил для священной роли Римского василевса, и это отметили все константинопольцы³⁴¹.

Царствие Никифора продолжалось без больших успехов как лично для него, так и для Римского государства. Его репутация в обществе была невысока, и в любом событии народ искал признаков богоотверженности своего царя — странное желание, едва ли возможное при Исаврах. Однажды на прогулке царь упал с лошади, сломал ногу, и это событие все признали очевидным свидетельством Божьего гнева на василевса.

Желая поднять свой авторитет, Никифор I отправил Арабскому халифу письмо следующего содержания: «От Никифора, царя греков, Харуну, царю арабов. Царица Ирина считала вас ладьей, а себя — пешкой: она согласилась выплачивать вам дань, хотя на самом деле должна была взимать с вас вдвое больше. Теперь с вами говорит мужчина; поэтому вам надлежит прислать полученную дань обратно, в противном случае говорить будет меч!» На это высокомерное послание халиф отвечал: «Во имя Аллаха всемилосердного! Харун ар-Рашид, повелитель правоверных, — Никифору, римскому псу. Я прочел твое письмо, о, сын неверной! Мой ответ ты не услышишь, а увидишь своими глазами!»

Халиф двинулся с войском в поход в тот же день — настолько сильна в нем была ярость. Параллельно с этим еще две армии двинулись против греков: одна, под командованием аль-Касима, сына халифа, осадила Курру, резиденцию наместника провинции, а вторая, во главе с Аббасом ибн Джафаром, окружила крепость Синан в районе Урюпа. Сам Харун во главе основных сил направился к Геракле. Земли вокруг нее были разграблены и преданы огню. Первоначально царь попытался договориться с арабами, пообещав им дань, как в прежние времена. Халиф согласился и даже отступил к Ракке, хотя две остальные армии продолжали оставаться в Анатолии, захватив важные крепости Сафсаф и Фебасу неподалеку от Анкары. Тогда, желая рискнуть, Никифор отправился навстречу арабам, но в сражении в Краосе Фригийском был наголову разбит противником. Как рассказывали сарацины, византийцы потеряли до 50 тыс. войска (очевидное преувеличение, свидетельствующее, тем не менее, о масштабах бедствия) и 4 тыс. вьючных лошадей. Паника в рядах византийцев была такова, что сам Никифор едва не попал в плен к мусульманам, но в последнюю минуту его спасли несколько гвардейских офицеров — надо полагать, ценой собственной жизни³⁴².

Правда, едва мирный договор был заключен, как Никифор вновь направил армию в поход, нарушив свое слово. Очевидно, до него дошли сведения о беспорядках в Хорасане, крайне обеспокоившие повелителя правоверных. Не исключено также, что византийские дипломаты, умевшие *столетиями* быть в курсе всех дел своих соседей и обладавшие завидным опытом сеять семена раздора между ними в нужную минуту, внесли свою лепту в хорасанские волнения. В любом случае, в зимнюю суровую стужу римское войско перешло границу и вступило на территории, контролируемые арабами. Но Харун являлся не тем человеком, с которым можно было без последствий нарушать обязательства. Он быстро мобилизовал армию, перешел в контрнасту-

пление и вновь разграбил окрестности Гераклеи, захватив попутно несколько крепостей, расположенных неподалеку³⁴³.

Итак, две военные кампании оказались для Никифора Геника неудачными. Впрочем, от войны страдали не только византийцы, но и сарацины. Не только греки несли потери, но и арабы, причем значительные. В условиях все еще неспокойных провинций, особенно восточных, убыль воинов была для халифа невосполнима. А потому стороны опять приступили к мирным переговорам. Однако в 805 г. царь вновь начал войну, рассчитывая на то, что арабы, усмирявшие восстание в Персии, не смогут оказать серьезного сопротивления. Но удача, неблагоприятная к лжецам, и на этот раз отвернулась от него — римская армия, посланная в Сирию, вернулась бесславно, потеряв многих воинов. Единственно, что удалось сделать царю, так это построить новые крепости в Галатии (Анкире) — Фивазиду и Андрасос; система приграничных укрепленных пунктов уже доказала свою эффективность против арабских налетов. После этого, наконец, был заключен новый мирный договор с арабами, причем размер дани, выплачиваемой сарацинам, увеличился *ровно вдвое*.

Но, едва закончив дела на Востоке, халиф решил, что лучшая оборона — это наступление, тем более в отношениях с вероломными греками. А потому 11 июня 806 г. перешел в наступление во главе 135-тысячной армии. Пока Харун ар-Рашид направлялся к сторону Тианы, один его полководец, Абдаллах ибн Малик, осадил город Дхул-Килу, а второй, Дауд ибн Иса, во главе 70 тыс. воинов тотально прочесывал промежуточные районы. Арабские войска осадили Гераклею, которая являлась сильной крепостью, оснащенной к тому же «греческим огнем». Чтобы избежать серьезных потерь, Харун приказал соорудить осадные укрепления и приступил к «правильной» осаде, увенчавшейся в конце концов успехом. Никифору ничего не оставалось, как вновь запросить мира. В качестве своего доброго намерения он направил халифу коня, на которого погрузили 50 тыс. золотых монет; договор был заключен.

Впрочем, едва сарацины пересекли границу, византийцы тут же начали восстанавливать старые крепости, разрушенные арабами. В ответ Ибрахим ибн Исраил вторгся с армией в византийские пределы, но в сражении был разбит греками, которыми командовал сам император; причем сарацинский полководец погиб³⁴⁴. Делать нечего, Харун вновь начал собирать войско и в 807 г. даже дошел до Адате, но далее продвинуться не смог. Во-первых, мешали вездесущие конные отряды византийцев, много досаждавшие арабам. А, во-вторых, его внимание

все время отвлекал мятежный Восток. Потому он отправил основные силы в Хорасан, потеряв интерес к западному фронту³⁴⁵. На этом основные боевые действия между сарацинами и византийцами завершились. Арабы еще имели успех на Кипре, жители которого отказались выплачивать им дань. Зато потерпели поражение от византийцев под Тарсом, потеряв почти 10 тыс. своих воинов. Правда, в следующем году им удалось реабилитироваться, разбив греков в очередном сражении³⁴⁶.

Хотя общий счет побед и поражений был не в пользу Византии, следует признать, что новому императору удалось остановить новую арабскую экспансию, принявшую при его предшественниках опасные масштабы. И современники не могли не оценить того факта, что василевс многократно возглавлял христианское воинство против мусульман, не желая отсиживаться в столице. Теперь, перейдя к мирному строительству, император сконцентрировал основное внимание на устранении ошибок предыдущего правления. Однако реформы (военная, финансовая и земельная) Никифора I, *объективно полезные* для византийского общества, вызвали недовольство среди самых разных слоев населения. Прекрасно зная печальное состояние финансов в Римской империи и способы уклонения от установленных государством налогов, широко распространенные на практике, царь приказал проверить все земельные участки и резко повысил размер подати, уплачиваемой с них. Помимо этого, он отменил льготы по уплате земельного налога (в первую очередь это касалось монастырских и других церковных владений) и, наконец, ввел дополнительный гербовый сбор на письменные акты. Реализуя собственные начинания, Никифор проявил недюжинную смелость и беспристрастность, заставляя всех выполнять свою волю вне зависимости от чинов, наград, титулов и положения в обществе. За счет этого он значительно увеличил доходы казны, но и... свои *личные* (соблазны, увы, соблазны...), что не могло не вызвать глухого роптания.

Мореплавателей, никогда не живших земледелием, он обязал приобретать земельные участки, создавая таким способом практику земельной приписки моряков из военно-морских сил Римского государства к базам — по аналогии с солдатами сухопутных фем. Параллельно с этим император собрал в Константинополе самых богатых торговцев и предложил им взять кредит из государственной казны под весьма щадящий процент. Смысл этого предприятия, небезвыгодного для обеих сторон, заключался в том, чтобы инициировать постройку купцами больших судов как для торговых целей, так и военных; те согласились.

Вместе с ними выиграла и государственная казна, средства которой «ожили» и начали приносить доход³⁴⁷.

Епископы и игумены имели все основания обижаться на императора, который обложил поземельной податью церковное имущество и, более того, принудил монастыри нести постоянную повинность, размещая в них солдат во время войн, ведущихся в близкой от них местности. Постоянная повинность всегда считалась одной из самых обременительных для византийцев, теперь ее на себе почувствовали и клирики³⁴⁸.

С другой стороны, нужно понимать, что в условиях *постоянных* боевых действий, когда Византия воевала почти каждый год, вынужденно содержа довольно большую армию, оставлять льготное налогообложение для церковных земель являлось неоправданным легкомыслием, идущим наперекор государственным интересам. Однако архиереи и игумены зароптали, явно не желая обременять себя государственными заботами. Нельзя не сказать, что в значительной массе византийское духовенство тех времен уже разительно отличалось от первых епископов Кафолической Церкви. Сохранился один из отрывков послания, обращенного еще императору Константину V, который при всем преувеличении довольно красочно раскрывает картину материального состояния архиереев тех веков.

«Епископы нашего времени, — говорится в нем, — только и заботятся о лошадях, стадах, о полевых угодьях и денежных поборах, — о том, как бы выгоднее продать свою пшеницу, как лучше разлить вино, как продать масло, как прибыльнее сбыть шерсть и шелк-сырец, и рассматривают тщательно только ценность и вес монеты. Они старательно наблюдают за тем, чтобы их стол ежедневно был сибаритский — с вином благовонным и рыбами величины необычайной. Что же касается паствы, то о душах пасомых нет у них ни малейшей думы. Пастыри века сего истинно стали, по выражению Писания, волками. Как только заметят они, что кто-нибудь в подведомой пастве совершил хотя бы малый какой проступок, мгновенно воспрянут и разразятся всевозможными епитимьями, нисколько не помышляя при этом о действительном назначении пастырского служения, относясь к пастве не с помыслами пастырей, а с расчетом наемного поденщика»³⁴⁹. Конечно, эта картина не являлась повсеместной, но, к сожалению, *привычной* для Востока.

Хотя Никифора I Геника не любили, но *терпели*, понимая, что очередной государственный переворот может стать смертельным для Римской империи. Нужно было решать вопрос с Карлом Великим, и

очередная смена императора в Константинополе могла окончательно подорвать дипломатические позиции Византии в неизбежных переговорах о статусе западного правителя. Восшествие на царство Никифора I на глазах послов Карла Великого открыто означало, что главный аргумент Западного императора — наличие престола Римских царей в руках женщины, исчерпал себя. По вполне понятным причинам вопрос о браке Карла со св. Ириной разрешился сам собой. Теперь, как и в Италии, на Востоке царствовал *легитимный император*, признанный Церковью, венчанный на царство патриархом, поддержанный войском и народом. Поэтому предложение франков о заключении мирного договора, равносильное официальному признанию со стороны Константинополя императорских достоинств Карла Великого, не вызвало сочувствия у византийцев и вообще осталось без ответа их царя.

В принципе, как практичный и весьма неглупый политик, Никифор I был не против того, чтобы обезопасить себя от войны с франками, но в первую очередь надлежало определиться со сферой политических влияний и территориальных притязаний каждой из сторон будущего мирного соглашения. Византийское правительство по-прежнему считало Италию своей территорией и не собиралось мириться с ее потерей. Понятно, что решить вопрос войной, разом отодвинув в сторону воинственных и могущественных франков, было невозможно. Но оставались некоторые *отдельные* земли, потеря которых была бы крайне болезненной для Константинополя и которые еще можно было спасти. Однако и Карл Великий не решался претендовать на Неаполь и другие приморские города Южной Италии, где преобладали греки, поскольку византийские корабли могли в любой момент блокировать сухопутные группировки франков, а те не имели собственного флота, способного противостоять противнику.

На севере Италии особое значение приобрела византийская территория — Венеция, имевшая для всех стратегический интерес и в части ее расположения, и морской торговли, и поступления налогов. Находясь под управлением римского *magistri militum*, имевшего в своем подчинении Истрию, Венеция оказалась в выгодном положении. И Запад, и Восток одинаково притязали на нее, но не имели возможности без оглядки на соперника оккупировать эту территорию. В результате, оказавшись между двух огней, Венеция много выиграла в самостоятельности, активно формируя собственную дипломатическую линию поведения, вступая в переговоры со всеми, но неизменно сохраняя личный интерес. Уже в конце VIII века Венеция жила в условиях автономии и даже начала избирать собственных дуксов — Константино-

поль сквозь пальцы смотрел на это, озабоченный лишь тем, чтобы венецианцы признавали власть Византийского императора и приносили тому присягу. Теперь самостоятельность Венеции еще более укрепилась.

Понимая стратегическое значение Венеции, но не имея в ту минуту возможности присоединить ее к своим владениям, Карл Великий начал «торговую войну», запретив венецианским купцам въезд с товарами в области бывшего Равеннского экзархата. В результате Венеция раскололась на две партии — первые стояли за союз с Ахеном, вторые — с Константинополем. В 798 г. дукс Венеции Маврикий умертвил непокорного архиепископа Иоанна, но на его место был возведен близкий родственник покойного Фортунат, пользовавшийся личным расположением Карла Великого. Раскол продолжал развиваться, и, понимая невозможность оставаться в Венеции, часть знатных граждан, занявших сторону Фортуната, в 803 г. переселились во франкские области Северной Италии, где выбрали нового дукса Обелерия.

В 803—804 гг. Обелерий снарядил флот и вместе с епископом города Зары, изменившим императору Никифору I, направился к Далмации, желая захватить там земли и навсегда отсоединиться от Константинополя. Изменники принесли Карлу ленную присягу и вручили дорогие подарки, но, конечно, самым ценным было то, что франки получали в свои руки сильный флот. Однако и в Константинополе отдавали себе отчет в том, *что* повлечет за собой потеря Венеции и Далмации. Весной 806 г. император Никифор направил византийские корабли под командованием патриция Никиты, чтобы тот привел в повиновение отложившиеся области.

На удивление, Обелерий и другие лица не очень сильно сопротивлялись византийцам, и когда дуксу Венеции предложили чин спафария, он немедленно отложился от франков, хотя к тому времени эта территория уже отошла по акту Карла Великого его сыну *Пипину*, королю Италии. Франкский король ничего не мог противопоставить сильному флоту византийцев, и в 807 г. было заключено перемирие между двумя державами сроком на 1 год. В 808 г., по истечении срока договора, вновь явился римский флот, взявший под защиту византийские владения в Северной Италии. А в 809 г. византийцы вообще перешли в контратаку и напали на соперничавший с Венецией город Комаккио в долине реки По.

Но едва византийский флот скрылся за горизонтом, Пипин вторгся на территорию Венеции и после полугода боев заставил этот город признать свою власть. Затем молодой король задумал поход в Далма-

цию, но весной 810 г. вновь появился патриций Павел с византийским флотом, а затем, 8 июля 810 г., в Милане 32-летний Пипин внезапно умер³⁵⁰.

Впрочем, не имея сил сопротивляться Карлу, император Никифор направил весной 810 г. своего спафария Арсафия в Ахен, где начались долгие переговоры о мире с франками. Через год, весной 811 г., Арсафий вернулся обратно в византийскую столицу с посланием к Никифору от Карла Великого, в котором франк недвусмысленно предлагал обменять Венецию, Истрию и Далмацию на *официальное признание* себя императором. Но когда посольство прибыло в Константинополь, императора Никифора I уже не было в живых³⁵¹. И хотя Византии не удалось полностью восстановить свои владения в Италии, возврат Венеции и Далмации нужно признать крупным военным и политическим успехом императора.

Глава 2. Заговоры, неудачные войны и смерть императоров

Как издавна повелось в Римском государстве, личность царя оценивалась обществом во многом исходя из его отношения к Церкви, а также от того, насколько удачно его правление. Не стало исключением и царствование Никифора I Геника, многие события которого были предопределены его отношением к VII Вселенскому Собору и иноверцам.

К началу царствия Никифора I в Римской империи сложилась *патовая* ситуация в части противостояния иконоборцев и иконопочитателей. Ни для кого не являлось секретом, что VII Вселенский Собор, отвергнутый в Риме и на Западе, держался на Востоке исключительно авторитетом императрицы св. Ирины, а также узкой группой епископата и монашеством, где выделялись фигуры преподобных Платона и Феодора Студитов. С другой стороны, иконоборцы, все еще многочисленные, особенно в армии и среди высших сановников Римского государства, не могли ничего противопоставить железной аргументации VII Собора, спешно выискивая новые доводы против «язычников» и «идолопоклонников».

Но в скором времени ситуация несколько изменилась. Отказ со стороны франков признать соборные оросы явился для многих византийских офицеров решающим фактором по принципу: «Что не нравится моему врагу, то должно нравиться мне». А во времена общего

и резкого падения культуры (включая богословие) такие наглядные события были зачастую убедительнее многих высоких философствований. Если ранее иконопочитание отождествлялось с предательством национальных интересов и нелояльностью к верховной власти (ведь папа *предал* императора и Римскую империю, короновав Карла Великого), то теперь прежние оценки были существенно смягчены в полном соответствии с изменившейся позиции Апостольской кафедры.

Имелись, однако, и другие причины, имевшие немаловажное значение для сохранения иконоборческих настроений среди римского чиновничества. Дело заключается в том, что, восстановив иконопочитание, св. Ирина несколько нарушила традиционный баланс сил в обществе. Не имея большой поддержки среди светских лиц, святая императрица много сделала для усиления власти Константинопольского патриарха, епископата и монашества. Особенно после того, когда стало известно о неприятии Римом VII Собора — ведь надо же было подчеркнуть, что Константинопольский патриарх ни в чем не уступает в компетенции своему западному собрату. Для этого столичному архиерею пришлось предоставить поистине *царские полномочия* в Восточной Церкви.

Но и субъективно св. Ирина все более тяготела к монашеской жизни. Став «другом монахов», императрица неизменно демонстрировала самое лояльное отношение к клирикам. Она допускала многих из них к исполнению государственных обязанностей, а попутно установила многочисленные налоговые льготы, чем приумножила могущество Восточной Церкви и создала основания для резкого усиления клерикального влияния на политическую власть. Не мудрствуя лукаво иконоборцы связывали восстановление прежних «исаврийских» порядков с нормальным функционированием государственного аппарата и наоборот. Пожалуй, вопрос о том, кто выше, царство или священство, становился на тот момент времени *единственным* камнем преткновения, по которому лица пополняли лагерь иконоборцев или иконопочитателей.

Вполне естественно, что, выдвигая Никифора Геника на царство, группа его товарищей искренне надеялась восстановить утраченный баланс и обеспечить возврат былых полномочий политической элите Римского государства. Однако, став императором, Никифор I, тем не менее, далеко не в полной мере оправдал надежды иконоборцев. Он не поддержал иконопочитателей, но и *не отверг* VII Собор. Такова природа царской власти, что всякий (или почти всякий), восходящий на высший престол, вольно или невольно отходил от выдвинувшей его

группы лиц, становясь беспристрастным, думающим только о благе Римского государства человеком.

Не стал исключением и Никифор I, избравший толерантную *политику примирения* всех сторон в Церкви. Более того, желая развеять сплетни о покровительстве иконоборцам, он женил Ставракия, уже венчанного императором, на родственнице св. Ирины. Это была открытая демонстрация иконопочитателям того, что новый царь не столь уж и далек от их взглядов. Конечно, такие шаги не могли понравиться иконоборцам, хотя финансовая политика царя, изъяввшего у Церкви множество доходов в государственную казну и уравнившего ее с другими собственниками земельных наделов, несколько смягчила негативное к нему отношение среди сановников и армии.

Но эта здравая политика не встретила сочувствия среди крайних иконопочитателей, игравших, однако, ведущую роль в политике государства. Царь не запрещал иконы, но, с другой стороны, не преследовал и иконоборцев — для ригоричных вождей монашества это было *равносильно измене VII Вселенскому Собору*. И многие из них открыто выражали недовольство царем, особенно после того, как император отказался от гонений на павликиан и манихеев. Церковный кризис разразился довольно быстро, и поводом к нему стало назначение нового Константинопольского патриарха.

В 806 г. скончался св. Тарасий, и император, желая завязать дружеские отношения со святыми подвижниками (лишняя демонстрация уважения к вождям иконопочитания), обратился с вопросом к знаменитому старцу прп. Платону из Студийской обители: кого назначить патриархом? Ответ преподобного едва ли мог понравиться царю — тот заявил буквально следующее: «Бог даровал христианам два дара — священство и царство, ими устроится земное и небесное. Если хочешь доставить твоему царству величайшие блага, то да получит Церковь себе предстоятеля, равного твоей царской доблести». Трудно было не распознать в этих словах прямое указание на то, что Церковь *не нуждается* во мнении царя, чтобы выбрать себе патриарха.

Но Никифор I проявил обычную для него решительность и, желая укрепить свою власть, 12 апреля 806 г. *приказал* назначить архипастырем Константинополя сановника св. *Никифора* (806—815), своего секретаря. Таким образом, вновь, уже второй раз подряд, Константинопольским патриархом становился человек *из мирян*, а не из клириков, и, конечно, выбор царя был далеко не случаен. Опасаясь возможной конфронтации со столичным архиереем, власть которого неимоверно выросла при св. Ирине, в ситуации, когда государство по-прежнему

было расколото на две группы, Никифор I пожелал иметь под рукой *патриарха-помощника*, а не патриарха-наставника или даже врага.

Несмотря на то, что народ, сенат и войско признали нового архиепископа, две величественные фигуры — яркие представители византийского монашества преподобные Платон и Феодор Студиты — отказались вступать в общение с патриархом, заявив, что мирянин не вправе становиться епископом без предварительного посвящения в иереи. Их протест вряд ли можно назвать основанным на канонической традиции, поскольку данная практика время от времени появлялась в Византии, и, более того, только что почивший в Бозе св. Тарасий являл собой именно такой пример. Очевидно, в данном случае причиной протестного выступления стала компромиссная позиция императора, неприемлемая для них.

Преподобные Платон и Феодор заявили даже, что уйдут в раскол, но никогда не признают нового патриарха. Никифор I уже приказал отправить их в ссылку, но его гнев остановили некоторые дальновидные царедворцы, убедившие императора, что после истребления Студийской обители, насчитывавшей более 600 монахов, авторитет его и патриарха окончательно падет³⁵². Никифор отменил свой приказ, хотя новое негласное предложение о мире с его стороны не было поддержано монахами.

Личность преподобного Феодора Студита заслуживает того, чтобы немного остановиться на ней. Родившись в 759 г. в знатной семье, он получил хорошее образование и проявлял удивительную ревность о вере — рассказывают, что прекрасным примером для него являлась его мать Феоктиста. Эта женщина — редкая по благочестию христианка, была известна крайней требовательностью к себе и другим во всем, что касалось веры. Приняв впоследствии монашеский постриг, она и в монастыре отличалась жестким характером. Если кто-то из сестер не радел или не усердствовал во время Литургии, она делала резкие окрики и даже пускала в ход руки, «подкрепляя пощечинами свои благочестивые намерения». Тем не менее сестры любили ее за благочестие. Очевидно, что преподобный Феодор в полной мере унаследовал характер своей матери, никогда не зная компромиссов и не принимая половинчатых решений в делах веры³⁵³.

Брат его матери прп. Платон также отличался благочестием, а затем ушел в монастырь, где подвизался на духовном поприще. В 781 г., когда преподобному исполнилось только 22 года, он, отец, мать, братья и сестра — все приняли монашеский постриг. Сам прп. Феодор Студит поступил в монастырь Саккудион, которым управлял игумен прп.

Платон, его дядя. Но уже в 788 г. сам Константинопольский патриарх св. Тарасий посвятил его в пресвитерский сан, и уже тогда св. Феодор стал известен тем, что требовал применить самые жесткие меры против епископов-иконоборцев после VII Вселенского Собора.

Следующее публичное выступление преподобных Феодора и Платона, известных своей непримиримостью к нарушителям благочестия и канонических правил, пришлось на вторую женитьбу императора Константина VI. Дядя и племянник открыто высказались за неканоничность брака молодого царя, и никакие уговоры и просьбы со стороны царского двора не имели успеха. Константин VI даже лично прибыл в монастырскую обитель к своим обличителям, но и там не был услышан. Тогда в гневе царь приказал подвергнуть прп. Платона телесным наказаниям за оскорбление царского величества, а прп. Феодора с 11 товарищами сослать в Солунь. После установления единоличного царствования св. Ирины преподобный Феодор был немедленно вызван в столицу, где ему устроили пышную встречу. Его вернули в прежнюю обитель, но через 2 года по приглашению императрицы он стал игуменом Студийской обители в Константинополе³⁵⁴.

С тех пор его авторитет великолепного богослова, ревностного игумена, строгого иконопочитателя и публичного деятеля, не упускавшего случая продемонстрировать свое ораторское искусство, только укрепился. Теперь он столкнулся с императором Никифором I, и тому пришлось убедиться, что и в отношениях с ним преподобный не уступит от своего ригоризма. При всем уважении к прп. Феодору и другим студитам, нельзя не отметить, что нередко в дела, потрясавшие всю Восточную Церковь, вмешивались *личные*, субъективные факторы. Например, никто достоверно не знает, каким бы было поведение прп. Платона и прп. Феодора, не будь императрица Мария, первая супруга императора Константина VI, *их родственницей*.

Данное предположение не кажется безосновательным, если мы вспомним, что впоследствии один из братьев прп. Феодора сделал игумена Иосифа краеугольным камнем противоречия между студитами, с одной стороны, патриархом и царем — с другой. Отвержение св. Никифора патриархом, как писалось, не имело равным счетом никаких канонических оснований, и, признай император открыто VII Вселенский Собор, как того требовало монашество, нет никаких сомнений, что дядя и племянник без обиняков вступили бы в общение с новым архиереем столицы.

Теперь же самые первые распоряжения патриарха св. Никифора, вызванные, безусловно, велением царя, породили очередной протест со стороны прп. Платона и прп. Феодора. Желая хотя бы косвенно упрочить авторитет императорской власти, Никифор I инициировал в 806 г. через послушного его воле столичного архиерея Поместный Собор в Константинополе, на котором было снято запрещение с игумена Иосифа, некогда венчавшего Константина VI со второй женой. Был приглашен и прп. Феодор Студит — не пригласить его было невозможно ввиду популярности монаха. И вновь Студит со своей позицией акривии оказался *одиноким* среди всего собрания епископов и игуменов, поддержавших решение Константинопольского патриарха по делу игумена Иосифа. После этого прп. Феодор и его монахи на 2 года прекратили общение с патриархом³⁵⁵.

В этом же бедственном для Никифора Геника году ему предстояло пережить новые неприятности от арабов. Их громадная армия, в состав которой входили, помимо арабов, персы, сирийцы, палестинцы и ливийцы, вторглась в римские земли и захватила целый ряд важнейших крепостей: Ираклию, Фивазу, Малакопею, Сидиропалос и Аедрасос. Мусульмане дошли до Анкиры, хотя и не смогли ее взять. Поскольку самые боеспособные части, некогда находившиеся под командованием Варданиона, были распущены царем несколько лет назад, а другие римские солдаты погибли в предыдущих кампаниях, резервов у императора Никифора I не оказалось.

И ему ничего не оставалось, как срочно направить к арабам посольство в лице Петра, митрополита Синадона, игуменов Гуляя и Григория, эконома Амастры, просить мира. После долгих переговоров византийцы *купили* мир у арабов за 36 тыс. золотых монет ежегодной дани и отказ от захваченных мусульманами крепостей.

От последующих неприятностей Римскую империю спасли междоусобные войны, разгоревшиеся в Арабском халифате после смерти халифа Харуна между его сыновьями. Первоначально халиф назначил своим преемником *Мухаммада аль-Амина*, который, однако, отдавал явное предпочтение женщинам и развлечениям, а не государственным делам. Тогда взор повелителя правоверных обратился в сторону второго сына, *Абдулы аль-Мамуна*, который в куда большей степени соответствовал образу правителя. Был еще и третий сын, *аль-Касим*, но его в расчет никто не принимал³⁵⁶.

Отправившись в Хосран, дабы поквитаться с мятежниками, Харун ар-Рашид был вынужден склониться перед законом смерти. На всем пути его не оставляло недомогание. 24 марта 809 г. он собрал всех Аб-

басидов, находившихся в его армии, отдал последние распоряжения, прочитал несколько сур из Корана и отдал Богу душу. Аль-Амин (809—814) находился в Багдаде, когда его настигло известие о том, что он стал повелителем правоверных мусульман. Аль-Мамун в это же время находился в Мерве и там принес присягу халифу при условии подтверждения собственных прав на престол как второго наследника. Он стал наместником Хорасана, где ранее правил аль-Мусса, и проявил себя весьма успешно. Аль-Касим стал наместником Аль Джазиры — богатой и густонаселенной провинции. Но едва успели похоронить великого халифа, как все его заветы оказались нарушенными³⁵⁷.

В 811 г. халиф внезапно сместил своего брата аль-Касима с поста наместника Аль Джазиры и назначил вместо него некоего Хузайму ибн Хазма. А вслед за тем аль-Амин отказал своему брату аль-Мамуну в праве наследования престола и объявил будущим халифом своего 2-летнего сына *Муссу*. Для аль-Мамуна, откровенно тяготившегося первенством старшего брата (совершенно незаконным, по его мнению), это был удачный предлог начать войну за престол. Он немедленно прекратил почтовые сообщения Хорасана с Багдадом, где находился халиф, и избавился от наместника города Рейя, *слишком* послушного приказам старшего брата. В ответ тот объявил аль-Мамуну, что отныне его личный представитель, минуя наместника, будет собирать налоги в Хорасане, что в переводе с витиеватых арабских намеков означало лишь одно — его второй брат должен оставить провинцию и удалиться прочь. Аль-Мамун выставил встречное требование — чтобы ему была возвращена его жена Умм Усу с детьми и 100 млн динаров, которые предназначались по отцовскому завещанию. Разумеется, аль-Амин, также искавший предлога для начала войны, отказал в этом. Более того, он запретил упоминать имя брата в пятничных молитвах. Оно исчезло также с арабских монет и халифского одеяния. Началась гражданская война, перипетии которой мы рассмотрим в ходе дальнейшего изложения³⁵⁸.

Хотя неоднократно поражаемые императором Константином V болгары давно уже не проявляли активности, Никифор I легкомысленно решил, что на этом враге он может восстановить свою репутацию, одержав одну-две красивые и эффектные победы. Но царь явно не учел изменившиеся обстоятельства. С того времени, как они осели на Балканах, болгары существенно изменились, попав под влияние более развитой в культурном отношении славянской нации. Сказалась и близость Болгарии от Византии: уже в начале IX столетия болгары разработали кодекс собственных законов наподобие римских. Гово-

рят, что, опасаясь пьянства, их правители вырубили все виноградники и добились в этом деле больших успехов³⁵⁹.

Кроме того, и поведение болгар за последнее время стало гораздо более агрессивным с претензиями на новые территориальные приобретения. Когда Карл Великий добил аваров в Паннонии, болгары с их вождем *Крумом* (803—814) без долгих размышлений заняли некогда захваченные теми юго-восточные районы Венгрии, а также область Банат. И тем самым практически лишили Византию непосредственной сухопутной связи с Западом. Помимо этого были захвачены богатейшие соляные копи у реки Тисы, а также области к югу от Старой Планины, населенные преимущественно славянскими племенами, находившимися под протекторатом Византии. Это был серьезный удар по торгово-экономическим интересам Римской империи³⁶⁰.

По этим совокупным причинам в 807 г. император отправился в поход на варваров, но, едва дойдя до Адрианополя, узнал, что в столице против него составил заговор. Срочно вернувшись, он жестоко наказал заговорщиков (и истинных, и мнимых): казнил, отправил в ссылку и конфисковал имения. Затем, как всегда обуреваемый жадной наживы, приказал своему оруженосцу Варданию по прозвищу Анеман обратить в рабство всех переселенцев. А сам отправился во Фракию, надеясь личным присутствием обеспечить полный сбор ежегодных податей.

Как уже говорилось выше, процарствовав 6 лет, Никифор I решил женить своего сына, и дело даже заключалось не в естественном желании продлить династию, а в укреплении императорского авторитета. Именно с этой целью царь разыскал родственницу императрицы св. Ирины, уже обрученную с другим мужчиной, и *повелел женщине* выйти замуж за Ставракия. Хотя невеста не раз делила брачное ложе со своим женихом и любила его, царь приказал развести их — грубейшее нарушение церковных канонов и государственных законов. Несмотря на все протесты, 20 декабря 808 г. состоялось венчание молодых.

Затем, как рассказывают летописцы, произошло совершенно невиданное событие — столь невероятное, что единственным объяснением может стать только то, что в действительности эта история чрезмерно *перевернута*. Что же случилось? По одному сообщению, Никифор I Геник якобы лишился стыда и совершил мерзостный поступок в день свадьбы сына. Из числа девиц, вызванных на смотрины при выборе царской невесты, нашлись две очень красивые девушки, которых Геник *изнасиловал* у всех на виду. Если это — правда, то понятно негодование историка: такого бесчинства со стороны царя Константинополь

еще не видел никогда! Все же, вероятнее всего, если такой безнравственный поступок и имел место, то едва ли он был совершен у всех на виду. Скорее всего, вместо публичного изнасилования мог иметь место обычный тайный адюльтер, ставший известным константинопольцам и приукрашенный донельзя.

В любом случае, царю не пристало творить такое, и стоит ли удивляться, что через 2 месяца созрел новый заговор против него? По почину заговорщиков новым императором был провозглашен патриций Арсавир, муж благочестивый и ученейший, но Никифору каким-то образом удалось нейтрализовать угрозу своей жизни и царству. Он подверг Арсавира телесным наказаниям, постриг в монахи и отправил в ссылку. Затем настал черед остальных подозреваемых — сановников, военачальников, монахов, епископов и даже синкелла и сакеллария патриарха, имущество которых было конфисковано, а их самих отправили в ссылку³⁶¹. Заметим, что хотя над царем нависла реальная угроза потерять жизнь, и на этот раз Никифор I не решился казнить заговорщиков — видимо, из милости.

Заговор и следствие по последнему заговору стали поводом для того, чтобы вновь вспомнить о прп. Феодоре Студите. Сановник, логотет дрома, проводивший дознание, вызвал на допрос брата преподобного — архиепископа Солунского Иосифа и спросил у него: почему тот не имеет общения с царским двором и императором? Ответ был следующим: «Я не имею ничего ни против благочестивых императоров, ни против патриарха, но я против эконома Иосифа, который повенчал прелюбодея, и за это низложен по священным канонам».

За эти слова архиепископ Иосиф сам был низложен, но не отступился. Перед его глазами стоял пример брата: упорный в своем ригоризме, прп. Феодор заходил настолько далеко, что ставил под сомнение не только права Константинопольского патриарха, но и самого Собора в части вынесения решений по вопросам церковной дисциплины. «Собор, — писал он, — не есть простое собрание епископов и священников, хотя бы их было и много, но собрание во имя Господа в мире и верности канонам. Власть иерархам дается не для нарушения правил, в противном случае каждый епископ может стать новым Евангелистом». Эти идеи были совершенно чужды устоявшейся церковной традиции, и нет ничего удивительного в том, что Студит вновь оказался в одиночестве.

В поисках союзника он писал в Рим папе Льву III, приглашая того выступить в качестве верховного судьи. «Так как Петру Христос даровал вместе с ключами Царства Небесного и достоинство пастыре-

начальника, то к Петру или его преемнику необходимо относиться по всем новшествам, вводимым в Кафолической Церкви отступниками от истины. Если они не побоялись составить еретический Собор без вашего ведома, то тем более справедливо было бы вашему божественному первоначальству составить законный Собор и православным учением отразить еретическое»³⁶². Понятно, что в условиях *противостояния* Константинополя и Рима по вопросу VII Вселенского Собора инициатива и переписка прп. Феодора с понтификом не вызвала одобрения ни у царя, ни у клириков.

В 809 г. в отношении Студитов были предприняты новые административные меры: преподобных Феодора, Платона и архиепископа Иосифа взяли под арест и заключили в монастырь Сергия и Вакха. Но обойтись только этим было невозможно, и по приказу царя в Константинополе собрали новый Собор. Вновь, как и год назад, постановили согласиться с решением Константинопольского патриарха св. Никифора и подвергли отлучению от Церкви всех тех, кто не согласен с принципом икономии. Обвиняемые, выслушав на Соборе приговор, были сосланы на Принцевы острова в различные монастыри. Но прп. Феодор — двигатель сопротивления, почти не претерпел наказаний: по милости императора Никифора он пользовался значительной свободой, вел переписку с друзьями и публично опровергал постановления последнего Собора³⁶³.

В этом же году у византийцев появилась неплохая возможность воспользоваться внутренними неурядицами арабов и попытаться защитить христиан, проживавших в Сирии, Египте и Ливии. Но в этот момент внезапно активизировались болгары, использовавшие в качестве предлога недавнюю попытку нападения греков на занятые ими территории. Хан Крум — смелый, решительный и далеко не бесталанный человек, весной 809 г. напал на римлян у города Стромон, когда туда привезли деньги для выплаты жалования солдатам Фракийской фемы, и забрал войсковую казну (почти 100 литр золота). Более того, погибли почти все начальники легионов, и пропал весь обоз. Затем Крум осадил город Сердику (или Сардику) и обманом захватил его, убив почти 6 тыс. солдат гарнизона, не считая мирных жителей. Это была настоящая *резня*³⁶⁴.

Надо отдать должное императору — он быстро собрал войско и направил его на войну, но болгар на пути не встретил: те спешно отступили. Почти 2 года военные действия носили локальный характер; наконец, василевс решил сам возглавить армию и отправился к действующей армии. Ошибка царя заключалась в том, что, еще не встре-

тив ни одного болгарина, он почему-то уверовал, будто победа *уже* одержана им. И заражал своей уверенностью всех и вся, не замечая того, насколько разлагающе действует его бравада на войско.

Едва пройдя часть пути, император, желая уверить народ, будто его армия одержала победу, Никифор Геник отправил послание в Константинополь, в котором написал, будто бы отпраздновал Пасху во дворце Крума. Затем он отдал приказ по армии восстановить разрушенную Сардику, что вызвало недовольство солдат — они не желали принимать участия в строительных работах. Поскольку всегда в традициях римской армии было привлекать солдат к строительству (городов, крепостей, дорог), то факт недовольства со стороны воинов являлся свидетельством низкой дисциплины. Солдаты начали опрокидывать шатры военачальников и дошли до апартаментов самого царя. Император направил к ним патрициев Никифора и Петра, и войско *на время* успокоилось. Используя выпавший случай, император приказал схватить нескольких офицеров, которых заметил среди мятежных солдат, и ослепить их. А наутро сам вышел к армии и уверял стратиотов, будто его попечение о войске не имеет границ и он относится к ним как к собственным детям. Затем Никифор I вернулся в столицу, оттуда приказав произвести следствие и наказать виновных в последнем военном бунте. Многих казнили, постригли в монахи и подвергли телесным наказаниям.

Эта мера еще более дезорганизовала армию, и тогда царь решил восстановить боеспособность войска посредством некоего предприятия. Понимая, что земли Балкан и Эллады, где преобладали славяне, колонизировавшие их, будут обречены, если греки не вернуться туда, император переселил многие славянские семьи в Паннонию. А чтобы восстановить боеспособность войск, ввел закон об обязательном призыве на военную службу бобылей и о содержании их за счет фемы по принципу круговой поруки³⁶⁵.

Последний год своего царствия Никифор ознаменовал новыми финансовыми мерами, направленными на укрепление государственной казны. В частности, ввел налог на лошадей, стада, урожаи и плоды, деятельно взыскивая недоимки в бюджет. Население было очень недовольно своим царем, и ему приписывали многие поступки, нелепые во всех отношениях. Царское терпение к манихеям, павликианам и иконоборцам многократно интерпретировали и признали очевидным признаком монаршего *богохульства*. Государственный контроль над средствами епископов и монастырей, для осуществления которого привлекались даже воинские части, также не добавил императору

авторитета. Ненависть к нему дошла до того, что один монах, отобрав меч у воина, ворвался во дворец, чтобы убить василевса. Двое стражей, стоявших у входа во дворец, были им ранены, монаха схватили, пытали, а затем, ничего не выведав, отправили в колодках в ссылку³⁶⁶.

Внешние враги, как обычно, не давали покоя императору. В конце 810 г. активизировались пелопоннесские славяне, подстрекаемые болгарами. По приказу царя армия жестоко и методично давила очаги сопротивления, наконец, восставшие потерпели решающее поражение под Патрами. Многих из них выслали в другие области Империи, а в Пелопоннес переселили христиан с Востока. Как полагают, именно император Никифор I этими деяниями положил конец славянской колонизации Балкан. Впоследствии византийское господство в Балканах начало постепенно восстанавливаться³⁶⁷.

Завершив дела в Константинополе, император вместе с Ставрикием в мае 811 г. отправился в действующую армию, воюющую с болгарами. Напоследок, оставляя вместо себя патриция Никиту, он приказал тому увеличить налоги с монастырей и собрать со знатных лиц налоги за 8 лет вперед. Было в казне достаточно средств или нет — остается гадать, но в любом случае они были направлены не для вооружения армии. Собрав довольно большую по численности силу, император не сумел достойно вооружить собственных солдат, и те оказались во множестве своем *безоружными*, имея в руках лишь пращу или самодельную пику. Правда, Крум не знал истинного состояния боеспособности греческой армии, и, услышав о многочисленности наступавшего противника, направил к Никифору I послов просить мира. Но, опьяненный кажущимся успехом, царь отказал ему в этом.

Войдя в Болгарию в июне 811 г. несколькими колоннами, византийские передовые части дважды сталкивались с болгарами, и оба раза удачно для себя — очевидно, Крум был застигнут врасплох их нападениями. В первом сражении византийцы опрокинули 12-тысячную болгарскую армию, а затем разбили войско численностью до 50 тыс. человек. И хотя цифры, возможно, завышены, они позволяют оценить масштаб побед византийцев. Наконец, обе колонны греков сошлись возле города Плиски, который довольно быстро взяли штурмом³⁶⁸.

Император захватил богатую добычу (все золото, собранное болгарами за 100 лет) и даже сжег дворец Крума. Никифор I тщательно следил за тем, чтобы добыча была собрана полностью (все-таки в нем было больше от финансового чиновника, чем от полководца), и маро-

дерам по его приказу отрезали уши. Хан вновь прислал посла со словами: «Ты победил; итак, возьми, что тебе угодно и ступай с миром!» Но император опять отверг мирное предложение — как выяснилось, себе на погибель. После одержанных побед греки окончательно утратили дисциплину и демонстрировали редкую самонадеянность и беспечность.

А тем временем Крум подтянул резервы и призвал на помощь славян и аваров — теперь его войска численно превосходили римлян. Перехватив инициативу, он задумал хитрый план, который должен был привести его к победе. В частности, Крум перекрыл мощными укреплениями и завалами проход через горы, фактически *окружив* (!) римскую армию у Вырбиш. Византийцы еще не сталкивались с такой стратегией и вскоре после безуспешных попыток прорвать окружение впали в отчаяние. Император откровенно говорил, что, даже имея крылья, они не смогут выбраться из ловушки, и окончательно утратил управление армией. Он все время проводил в шатре и не принимал никого, даже сына Ставракия³⁶⁹.

Попытавшись в очередной раз прорвать линию укреплений, византийцы встали лагерем. Однако ночью 25 июля 811 г. болгары напали на них, незаметно сняв часовых, и стали без жалости убивать спящих греков. Погибли почти все военачальники и царские сановники, а также множество воинов³⁷⁰. На поле сражения сложил свою голову и сам император Никифор I Геник. Это была *катастрофа*: со времен поражения императора Валента при Адрианополе в 378 г., то есть впервые за 450 лет, Римский царь погиб на поле битвы! Хан Крум велел отрезать голову покойного самодержца и сделать из черепа чашу для вина³⁷¹. Впрочем, по счастью для византийцев, болгары, истощенные войной, не решились наступать на римские земли. Но сам факт такого страшного поражения настолько оптимистично подействовал на варваров, что отныне они будут вести войну на *тотальное поражение* византийцев и завоевание Римской империи.

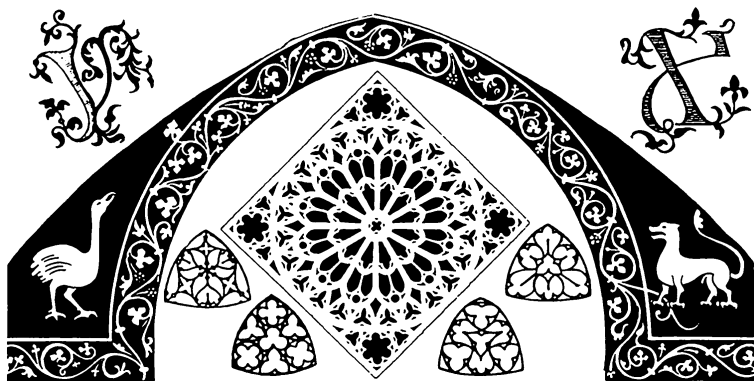
Сын императора, царь Ставракий, был тяжело ранен в этом сражении в спину и едва живым привезен в столицу. Новый самодержец и ранее не отличался добродетелями, а теперь ввиду болезни его нрав и помыслы стали совершенно худы. Опытные и бывалые воины, имевшие возможность видеть императора, понимали, что дни его сочтены. И поэтому возникла инициатива объявить царем придворного сановника, куропалата *Михаила Рангаве*, женатого на сестре Ставракия. Но юноша не соглашался, ссылаясь на клятву верности, данную

им императору Никифору I и Ставракию. Мнения высших лиц Римской империи разделились: кто-то стоял за Михаила Рангаве, кто-то — за Ставракия. Понимая, что час его близок, Ставракий, тем не менее, цеплялся за власть всеми возможными способами. Впрочем, его действия вполне объяснимы и по-человечески понятны: Ставракий в полной мере чувствовал себя *законным* императором, а как любой человек не желал приближения смертного часа, все еще надеясь на чудо. Поэтому попытки привести к царству Михаила Рангаве он вполне обоснованно для себя квалифицировал как государственную измену. Другое дело, что, слепой в своем желании сохранить власть и выжить, Ставракий стал переходить границы дозволенного.

Когда ему сообщили об инициативе второй партии сделать Михаила царем, он вначале грубо оскорбил свою сестру Прокопию, заявив, будто бы та по примеру св. Ирины желает стать единоличной императрицей, а затем велел венчать на царство свою жену. Конечно, эта идея не встретила понимания у окружающих — второй раз увидеть женщину на царском троне никто не хотел. Тогда Ставракий заявил, что *отменяет царскую власть* (!) и потребовал ввести демократию. Эта выходка предрешила исход дела: бывшие враги объединились, чтобы возвести Михаила Рангаве на царство, хотя юноша по-прежнему решительно отказывался от этого. Но когда выяснилось, что Ставракий решил ослепить Михаила, позиция того резко изменилась — он понял, что только через принятие царской власти способен сохранить свою жизнь.

Наутро сановники вывели на ипподром войска и провозгласили Михаила Рангаве царем. Константинопольский патриарх св. Никифор потребовал от нового императора письменного исповедания веры и взял с него клятву, что тот никогда не обагрит свои руки кровью священников и христиан и освободит монахов от телесных наказаний. Получив письменную клятву, 8 октября 811 г., в пятницу, патриарх венчал **Михаила I Рангаве** на царство. Когда Ставракий узнал об этом, он тут же принял постриг и переделался в монашеское платье. Чуть позже в его покои вошли император Михаил вместе с женой и патриархом. Вместе они просили Ставракия не огорчаться происшедшим, убеждая, что тому ничего не грозит. Стоя одной ногой в могиле, став монахом, бывший царь вновь слукавил: «Ты не найдешь лучшего друга, чем я», надеясь все-таки при случае вернуть себе единоличную власть³⁷². Но его надеждам не суждено было сбыться: 11 января 812 г. он скончался от раны, полученной в несчастном для них с отцом Вырбишском сражении.

XXXVI. ИМПЕРАТОР МИХАИЛ I РАНГАВЕ (811–813)

Благочестивый царь. Ошибки, поражения и неудачная попытка восстановления иконопочитания

Став единоличным царем, Михаил тут же снискал славу и уважение добрыми поступками. Для войска он был приятен, как щедрый военачальник, для монахов — как почитатель святых икон, для рядовых обывателей — как справедливый и благочестивый человек. Достаточно сказать, что в первую очередь император вернул всех, кого его предшественник отправил в ссылку. К сожалению, всем этим достоинствам противостоял один, но чрезвычайно неблагоприятный для Римской империи недостаток: Рангаве был *слабохарактерным* человеком, которым мог играть кто угодно. В первую очередь для всех открылась его зависимость от жены — царицы Прокопии, женщины сильной воли и большого честолюбия³⁷³. Зная благочестие царя, легко было догадаться, что помимо нее в круг доверенных соратников войдут духовные лица, в общении с которыми император смог бы отдыхать душой и освобождаться от государственных проблем, в понимании которых сам был явно не силен. Скоро так и случится.

В день своего венчания на царство Михаил I щедро одарил патриарха, клириков и войско, а затем вернул лицам, напрасно обиженным Никифором Геником, их имущество. А его супруга, императрица Прокопия, в день своей коронации, 12 октября 811 г., подарила по 5 зо-

лотых всем вдовам убитых в Болгарии солдат. Затем она выделила деньги для обустройства монастыря супруге императора Ставракия Феофана, принявшей постриг³⁷⁴.

Насколько разумно было желание нового царя освободить казну от средств, полученных зачастую далеко не самым справедливым путем, — спорный вопрос. Кто-то посчитал, что это — легкомыслие, граничащее с безрассудством. Другие восприняли этот жест как единственно совместимый со статусом Римского императора. Но как не вспомнить императора Тиверия, посчитавшего постыдным для государства пользоваться средствами, полученными незаконным путем, и потому вернувшего их прежним владельцам?

Желая покончить с частой сменой династий, император приказал патриарху св. Никифору венчать на царство своего сына *Феофилакта*, что и произошло 25 декабря 811 года. В благодарность за это счастливый отец подарил Константинопольскому архиерею 25 литр золота, а священнослужителям — 100 литр золота (баснословные деньги!) и шумно отпраздновал это событие³⁷⁵. Конечно, в данном случае щедрость царя превосходила возможности государственной казны, в результате чего скоро наступил дефицит денежных средств, столь необходимых для войны с болгарами, все еще не оконченной.

Едва Михаил Рангаве успел приступить к царствованию, как ему пришлось тут же решать вопрос о заключении мира с Карлом Великим на условиях, предлагавшихся его тестю. Объективно договор был выгоден Константинополю, и Михаил I без долгих сомнений отправил в Ахен свое посольство во главе с митрополитом Михаилом и протоспафариями Феогностом и Арсафием с богатыми подарками для Карла. В 812 г. мирный договор был наконец подписан. Согласно его условиям, Византия получала обратно власть над Венецией, Истрией и Далмацией, что обеспечивало ее могущество на море и торговые интересы. Взамен Карла признали императором Западной империи. Особые права были оговорены в договоре для самой Венеции. После этого дукса Обелерия арестовали и препроводили в Константинополь, а на его место назначили византийского ставленника Агнелла³⁷⁶.

На обратном пути византийские послы заехали в Рим, где были пышно приняты папой Львом III. Понтифик передал Константинопольскому патриарху послание, в котором полностью признавал православие столичного архиерея и предлагал забыть недоразумения по поводу VII Вселенского Собора. Мир был восстановлен в Церкви и между двумя державами.

Но если отношения с Западом счастливо разрешились — по крайней мере на данное время, то внутри Византии возник новый кризис, рожденный, как ни странно, благочестием царя и его желанием поскорее преодолеть церковный раскол, все еще сохранявшийся по поводу вопроса о почитании святых икон. Почти сразу после прихода к власти император приказал освободить из-под стражи Студитов, а затем по его приказу Константинопольский патриарх св. Никифор вновь наложил запрет на игумена Иосифа. Студиты помирились с Церковью и вновь вступили в общение с патриархом³⁷⁷. Более того, прп. Феодор и патриарх св. Никифор стали первыми советниками императора в вопросах внутренней политики, что вполне ожидаемо ввергло страну во многие беды.

В первую очередь патриарх и преподобный внушили царю Михаилу I мысль об организации гонений против еретиков — павликиан, манихеев и афинган, вплоть до применения к ним, как государственным преступникам, *смертной казни*. Хотя многие сановники отговаривали царя от столь жесткого решения, но, как писал летописец, «благочестивый царь многих из них предал мечу». В принципе этот способ обеспечения единоверия в государстве не был необычным для Римской империи времен христианских царей, хотя в действительности использовался редко и тем более не столь широко, как на этот раз. Обычно суровость писаной буквы закона всегда смягчалась несравнимо более мягкой *правоприменительной практикой*; но только не сейчас. Трудно сказать, насколько был необходим столь резкий поворот в религиозной политике — иными словами, такова ли была угроза от павликиан и манихеев, чтобы столь жестоко карать их. Но явно Римское государство немного выиграло от этого, поскольку павликиане соседствовали с болгарами и составляли *реальную силу*, на которую могло опереться византийское правительство в борьбе с варварами. В свою очередь у афинган конфисковали имущество в пользу казны, а их самих сослали в Анатолику. Там начальствовал стратиг Лев — храбрый и умелый военачальник, но едва ли афингане, обиженные царем, могли оказать ему помощь в борьбе с арабами.

Однако несравнимо больший эффект и последствия имело нарушение Михаилом Рангаве того негласного *status quo*, который сложился в годы царствования императора Никифора I Геника между иконоборцами и почитателями святых икон. Под влиянием прп. Феодора Студита, ставшего играть первую роль в царском дворце, император *публично* отверг иконоборчество и потребовал повсеместно в принудительном порядке ввести иконопочитание. На совете с начальниками

войск в Мангаре он объявил всем о правилах благочестия, немислимым, по его справедливому мнению, без почитания икон, что тут же откликнулось первым ропотом.

Возможно, благочестивый и благородный жест царя не вызвал бы негативной реакции, хотя в Римском государстве иконоборцы занимали все еще твердые позиции в армии и среди сановников — в конце концов, император для византийцев всегда был крайним судьей догматов в Церкви. Но под влиянием ригористов добрый сердцем Михаил I допустил применение жестоких наказаний для иконоборцев. Один из них, некто Николай Екзакционит, монах и пустынник, поносивший икону Пресвятой Богородицы, был лишен языка и скончался после пытки. Другого иконоборца, также Николая, заставили отречься от ереси и водили по улицам напоказ, чтобы тот всенародно каялся.

Как уже не раз бывало, когда сама Церковь еще не переболела ересью, *единоличная* позиция царя по вопросам веры вызвала ответную реакцию. Данный пример, кстати сказать, лишний раз свидетельствует, что вмешательство императоров в вероисповедальные споры имело шансы на успех только в строго определенных случаях, но далеко не всегда. VII Вселенский Собор сломал первую линию заблуждения, и потому, хотя и не без больших затруднений, получил признание. Но не истребил полностью ереси, все еще глубоко укорененной в душах многих людей. Церкви невозможно просто *приказать веровать* так или иначе; и любое отклонение от этого правила — в ту или иную сторону — оборачивается против самого инициатора приказа, какими бы благими намерениями он ни руководствовался. В таких случаях самый сильный и могущественный император мог стать жертвой собственной политики. Но еще опаснее эти шаги в условиях слабой власти.

Объявленная война против оппонентов вызвала аналогичную реакцию иконоборцев. Начались волнения в войсках и первые заговоры, направленные против Михаила Рангаве. Часть сановников попыталась вызвать из небытия ссылки сыновей императора Константина V, все еще пребывавших в заточении на острове Панормосе, и представить их войску в качестве законных императоров. По счастью для Михаила I, армия едва откликнулась на этот призыв — для всех было очевидно, что слепые, деморализованные, немощные старики не годятся для роли императоров, и порфирородных арестантов вновь отправили в ссылку, на этот раз в Афузию.

Неблагоприятная обстановка требовала от Михаила I решительных действий против врагов — болгар и арабов, да и войско желало увидеть в его лице талантливового полководца, с которым легко даются победы. Это желание родилось не на ровном месте, поскольку в данное время

арабам было явно не до Византии. После того как аль-Мамун отказался признавать власть брата, халифа аль-Амина, между противниками начались масштабные военные действия. Воодушевленный уверениями своего советника Алия ибн Исы, будто вся война сведется к легкой прогулке, халиф направил того во главе своей 40-тысячной армии, которую военачальник умудрился *рассыпать* по многих областям. И нет ничего удивительного в том, что правитель города Рее Тахир, верный аль-Мамуну, с отрядом всего в 4 тыс. воинов, поверг противника. Сам полководец-неудачник, обещавший халифу привести к тому своеговольного брата в серебряных кандалах, пал на поле боя. В этот же день аль-Мамун принял титул халифа; теперь у арабов стало два правителя.

Аналогичная участь ждала и другую армию аль-Амина в сражении при Хамадане. Все области от Мидии до Хульвана вскоре оказались в руках аль-Мамуна. У «старшего» халифа оставалась еще надежда на сирийские войска, но те что-то не поделили с персидскими отрядами, направленными к ним на усиление из Багдада, и союзники устроили междоусобную бойню³⁷⁸.

Казалось, победа аль-Мамуна уже близка, но ему потребовалось еще долгих два года для того, чтобы взять власть над столицей Халифата. 25 августа 812 г. два полководца аль-Мамуна приступили к стенам Багдада и начали его осаду. Не имея достаточных резервов, аль-Амин раздал оружие населению, но это мало помогло. В коротких вылазках гибли багдадцы, многие районы цветущего города превратились в руины. Тогда наиболее доверенные лица посоветовали аль-Амину отплыть в Месопотамию, чтобы там собрать новую армию. Но сам халиф решил поделиться властью с Тахиром, некогда в блестящем стиле разгромившим его армии. Через посредников они договорились об организации бегства, но когда аль-Амин перебрался на лодку, ее окружили слуги Тахира и умертвили несчастного правителя. Так, в ночь с 24 на 25 сентября 813 г. погиб последний халиф, происходящий из семьи пророка Мухаммеда и по линии отца, и по линии матери. А *аль-Мамун* (813—833) стал новым халифом правоверных мусульман. Впрочем, и теперь его правление не было спокойным: пришлось приложить немало усилий для того, чтобы умиротворить Халифат. Только через 6 лет аль-Мамун сумел вступить на улицы своей столицы³⁷⁹.

А в течение этого времени ему пришлось гасить огонь волнений. Тахир воевал в Месопотамии, но лишь его сыну Абдулле ибн Тахиру удалось покончить там с волнениями в 825 г. Еще более тяжелая ситуация возникла в Египте, где столкнулись кайситы, ставившие на аль-Амина, и йеменцы, принявшие сторону аль-Мамуна. Ситуацию усугубили арабы из Испании, поднявшие мятеж против своих правителей, Омейядов и вынужденные после поражения эмигрировать в Северную

Африку. Вначале они искали помощи у йеменцев, но, окрепнув, решили образовать собственное государство и внезапной атакой овладели Александрией. Лишь в 825 г. сын Тахира, покончивший с волнениями в Месопотамии, смог направиться в Египет, чтобы разобраться с испанскими мятежниками³⁸⁰. Нет, конечно, приграничные столкновения между византийцами и сарацинами не прекращались ни на один год, но они носили явно локальный характер.

В этих условиях, казалось, концентрация всех военных усилий Византии против *одного* противника — болгар не может не дать положительного результата. Но в действительности лето 812 г. выдалось не вполне удачным для императора. Завершив свои преобразования в Церкви, он 17 июня тронулся в поход на хана Крума, причем царица Прокопия сопровождала армию до города Цулы. Очевидно, разведка и дипломатическая служба Рангаве сработали не очень эффективно, поскольку, к неведению царя, в это же время болгары во главе с Крумом осадили и взяли город Девельтос, переселив захваченных греков вместе с их епископом в Болгарию. Царь Михаил I попытался повернуть войско к врагу, но солдаты Фракийской и Опсикийской фем (в массе своей иконоборцы) под влиянием командиров *отказались воевать* (!). Авторитета императора уже не хватало на то, чтобы заставить выполнять собственные команды. Единственно, что ему удалось сделать, — золотом купить *относительную* лояльность армии.

Напротив, как видно, хан Крум был искусным полководцем: получив известия о волнениях в римской армии, он устремился во Фракию и Македонию, нисколько не опасаясь за свои перспективы. Ужас от вторжения болгарской орды был таков, что жители Анхиала и Веррои бежали, не дожидаясь неприятеля. А поселенцы, которых ранее принудительно разместили около Никеи, в Филиппополе, Филиппах, Стромоне и Проватоне (по-видимому, в том числе, павликиане), бежали на свою родину. Царь еще раз заговорил с войском, но, видимо, без результата. Попытавшись убедить стратиотов, что возврат к почитанию икон не может послужить причиной Божьего гнева и военных неудач римлян (как кажется, его речь не имела большого успеха), он вернулся в Константинополь.

Слабость военного таланта Рангаве стала тем более очевидной для всех, когда в августе 812 г. стратиг Анатолики *Лев Армянин* дал сражение арабам под руководством Фефифа и нанес им сокрушительное поражение. Мусульмане потеряли более 2 тыс. воинов, много оружия и обоз. Следствием этой победы, далеко не решающей в части военных противостояний Византии и Халифата, стали новые междоусобицы среди арабов³⁸¹. После этого можно было считать «арабский вопрос» на время закрытым. Слава полководца Льва росла, авторитет императора стремительно падал.

Арабские нестроения вызвали резкое ужесточение положения христиан, проживавших в Халифате. Повсеместно в Сирии, Египте, Африке прошла волна грабежей, случались убийства православных, святые места в самом Иерусалиме подверглись разорению, некоторые верующие даже приняли мученический венец. Многие жители и монахи прибыли на Кипр, а оттуда в Константинополь, где царь и патриарх милостиво приняли их и оказали большую помощь. Благочестие императора было безусловным, но, к сожалению, блистая чистотой веры и помыслов, как христианин, Михаил I Рангаве давал один за другим примеры безыскусности в делах государственного управления. В скором времени это стало очевидным для всех.

В конце 812 г. возникли неплохие шансы на благоприятный выход из создавшегося кризиса верховной власти и государства. Опасаясь переменчивости военной фортуны, хан Крум направил в Константинополь посольство, с которым передал предложение о пролонгации старого договора 716 г. между его народом и Византией. По условиям соглашения, границей между двумя государствами должен был считаться Милеон Фракийский, греков обязывали ежегодно уплачивать варварам тканей, кож и платьев на сумму 30 литр золота, а также возратить перебежчиков. Мирную инициативу для доходчивости Крум сопровождал угрозой в адрес императора: «Если ты не поспешишь утвердить мира, то по твоему же определению пойду осадой против Мезимврии».

В такой ситуации нужно было обладать либо остротой ума Льва III, либо мужеством и характером Константина V, чтобы заставить врага уважать Римское государство, или, на худой конец, обмануть болгар. Очевидно, благочестивый, но неопытный и подверженный чужому влиянию Михаил I Рангаве не обладал ни тем, ни другим дарованием. Он созвал совет, где доминировали клирики во главе с патриархом св. Никифором и прп. Феодором Студитом — лицами, совершенно неизвестными с воинским делом и далекими от знания истинных потребностей государства.

Это событие заслуживает того, чтобы остановиться на нем более подробно. Императоры и ранее систематически обсуждали вопросы войны и мира с синклитом; нередко духовные лица принимали участие в таких совещаниях и выполняли государственные поручения. Но никогда ранее царь не доходил до того, чтобы *подменять* сенат и собственную волю мнением клириков. Это — вовсе не преувеличение: из описания события следует, что патриарх, Студит, архиереи и монахи в буквальном смысле слова *заставили* Михаила I отказать от мирного договора. В подтверждение своей точки зрения о невозможности выдачи болгарских перебежчиков, часть которых приняла христианство, они привели Евангельский стих: «Приходящего ко Мне не изжену» (Ин. 6.37) — согласимся, слабый довод для политики и кон-

кретных выводов. Но благочестивый царь, чья воля была подавлена мощными и колоритными фигурами, пошел на безрассудный поступок, совершенно проигнорировав мнение военных советников и сановников. Он выбрал войну, и расплата не заставила себя ждать.

Незадолго до этого один араб, принявший христианство, — специалист по осадной технике, подрядился у царя Никифора I организовать защитные сооружения в Адрианополе, которому серьезно угрожали болгары. Окончив работу, араб попросил установленную плату, но скупой император отказал ему в выплате оговоренной суммы денег и даже высек мастера. Обиженный специалист подался к болгарам и научил их осадному искусству, попутно построив им необходимые для осады городов машины. Теперь воины хана Крума, обученные и имевшие необходимые сооружения, продемонстрировали свое умение, после краткой осады взяв Адрианополь. Весть о потере мощного и хорошо укрепленного города несколько отрезвила Михаила Рангаве, и он решил повторно рассмотреть предложение Крума о заключении мирного договора. 1 ноября 812 г. царь призвал патриарха св. Никифора, митрополитов Никейского и Кирикского, прп. Феодора Студита и его монахов. Патриарх и архиереи, разделяя озабоченность царя стремительными успехами варваров, высказались на этот раз за мир, но прп. Феодор Студит и другие советчики из монахов, поддержанные магистром Феоктистом, чье мнение Михаил I принимал безусловно, как и суждения преподобного, категоричным образом потребовали от императора *начать войну* и отвергнуть условия, выдвинутые болгарями.

Даже летописец, глубоко симпатизирующий им, оценивает государственные способности этих подвижников Православия такими эпитетами: «глупые советники», «внешне благочестивые», «злые советники», «душегубительное мнение». Он справедливо рассуждает о том, что забота о немногих болгарях-перебежчиках поставила под угрозу Римскую империю и христиан. Более того, совсем не обязательно было выдавать *всех* перебежчиков после заключения мирного договора — дипломатические обязательства далеко не всегда исполняются в полной мере.

Но решение о войне уже состоялось. И если болгары были подготовлены к продолжению военных действий, то византийцы являли собой хрестоматийный пример полной дезорганизации: армия была не укомплектована и роптала, не веря в полководческие таланты своего царя и совершенно не желая отправляться в поход на врага. Денег не было, синклит (сенат), раздосадованный невозможностью достучаться до сознания императора, занял нейтралитет. Несколько придворных фаворитов, в число которых входили Студит, Феоктист и несколько второстепенных командиров, руководили всей политикой в государстве, оставляя царю «право» лишь соглашаться с их решениями³⁸².

Прошло 3 дня, и 4 ноября 812 г. в небе над Константинополем пронеслась комета странной формы, причем одно из ее ответвлений являло собой образ человека без головы. Суеверные, как и многие люди, византийцы восприняли это как дурной знак. А на следующий день поступило известие о новой победе хана Крума — болгары взяли штурмом города Мезимврий и Делвет. Добыча варваров была огромна: они захватили много продовольствия, золота и серебра; им в руки попали даже 36 сифонов с «греческим огнем». По счастью, технология его использования в бою оставалась строго охраняемой тайной, и болгары не сумели воспользоваться византийским супероружием.

Казалось бы, если царь желал войны, то следовало *немедленно* принять соответствующие меры, но победы болгар остались безответными. Император по-прежнему занимался широкой благотворительностью, будто никакой войны не было вовсе, советовался с монахами, молился. Лишь в феврале 813 г., когда два болгарина-христианина, перебежав на римскую сторону, донесли Михаилу I Рангаве о готовящемся новом походе хана Крума во Фракию, царь начал собирать войско. 15 февраля 813 г. римская армия выступила из столицы. Надо полагать, византийцы слабо подготовились к новой кампании, поскольку ни о каких приготовительных мероприятиях в летописях не говорится. Достоверно неизвестно, что произошло в дальнейшем, но, не вступая в столкновение с византийцами, болгары почему-то понесли потери и даже оставили город Адрианополь.

Посчитав, что одержал *полную* победу, Михаил I вернулся в столицу, где посетил гробницу патриарха св. Тарасия и вместе с царицей Прокопией совершил поминовение его памяти. Затем, пылая ревностью по вере, император соорудил над гробом святого балдахин ценой в 95 литр золота. Едва ли этот поступок можно назвать разумным в преддверии нового похода, объявленного царем — ни одна казна при всем избытке не способна выдержать такие расходы.

После короткого отдыха Рангаве по совету своего ближнего окружения решил нанести болгарам последний удар — очевидно, льстецы со всех сторон славословили его победу, внушая царю мысль о несуществующих у него талантах полководца. Словно нарочно, шаг за шагом, царь делал все для того, чтобы императорская власть ушла из его рук. Не отдавая себе отчета в трудности предстоящих сражений, Михаил собрал большое войско, отозвав все легионы из других фем и приказав прибыть во Фракию. Сам император с гвардией отправился из столицы позднее, и вновь императрица провожала своего супруга до Ираклии, не задумываясь о грядущих событиях. Безусловно, такой противник, как хан Крум — один из величайших полководцев своей эпохи, заслуживал большего уважения и внимания со стороны против-

ника, если тот решался воевать с ним. Достаточно сказать, что когда он воцарился, Болгария включала в себя придунайские области и Валахию. А после его смерти под болгарской властью находились западные византийские провинции и почти вся современная Венгрия³⁸³.

По прибытии к войску царя ждала неприятная неожиданность — плод его стратегических просчетов. Поскольку оказалось, что первые части, выступившие из столицы еще в феврале, прибыли к театру военных действий слишком рано, им пришлось долго ждать появления императора и гвардии. От вынужденного безделья солдаты теряли бодрость духа и само желание воевать. В армии возникло серьезное недовольство, и опытные воины откровенно негодовали на неподготовленность этой кампании. И опять Рангаве не нашел лучшего способа успокоить воинов, чем раздача им денег. Едва ситуация немного успокоилась, как дух византийских солдат был сокрушен солнечным затмением, свершившимся 4 мая 813 г. Войско пришло в смятение и с большой неохотой продолжило марш навстречу болгарам. Дезорганизация византийской армии и отсутствие дисциплины были таковы, что римляне, продвигаясь по Фракии, беспощадно *грабили* своих же сограждан. Это была не армия, а банда грабителей и насильников; лишь отдельные части еще держали походный порядок и подчинялись своим командирам.

Все же превосходство римлян над болгарами в численности было столь наглядным (римляне имели более 30 тыс. солдат, а болгары около 12 тыс.), что хан Крум благоразумно избегал большого сражения, укрываясь вдалеке. Этого было достаточно для советников царя, чтобы утверждать, будто бы победа у Михаила Рангаве в руках; и царь охотно поверил таким приятным словам. Лишь в июне 813 г. хан Крум рискнул дать бой римлянам, хотя и не без страха за его исход — его все еще пугала численность противника.

Варвары остановились в 30 км от римского лагеря, у города Версиникии, и несколько опытных командиров — Лев Армянин, стратиг Анатолики, стратиг Македонии Иоанн и полководец Аплакис предложили царю *немедленно* напасть на болгарский лагерь и разгромить его, используя фактор неожиданности и преимущество в живой силе. Они прекрасно понимали, что при том пораженческом духе, который царил в их войске, необходимо победить в одном-двух боях, иначе кампания неминуемо будет проиграна. «Невозможно победить неприятеля, находясь в десяти часах пути от него», — говорили они императору³⁸⁴. Однако и на этот раз советники Рангаве отговорили императора от предложенного плана — видимо, они убедили царя, что в этом случае победа достанется *не ему*, а стратигам, и василевс вновь безрассудно возвеличил свою гордость над опытом собственных командиров.

Пока Михаил и Крум маневрировали и укрывались в лагерях, открылись неблагоприятные последствия той религиозной политики, которую царь начал проводить годом ранее. Многие солдаты его армии открыто принадлежали к лагерю иконоборцев и теперь публично провозглашали, что все их неудачи — от забвения императором «истинной» веры. Другие — тайные павликиане, не смогли забыть Рангаве недавние гонения на своих близких и, напротив, с теплотой вспоминали императора Константина V, бывшего к ним милостивым. В самой столице произошло примечательное событие: во время богослужения народ сорвал петли с гробницы Константина V Исавра и воззвал: «Восстань и помоги гибнущему государству!»³⁸⁵ Едва ли это событие можно отнести к разряду оптимистичных, и вряд ли такое поведение столичных жителей демонстрировало их веру в полководческие таланты Рангаве и успех начатой им кампании.

Две недели обе армии стояли друг напротив друга, не решаясь начать сражение. Находясь постоянно в доспехах, римские воины очень страдали от жары, солдаты ходили злые и угрюмые, начался падеж лошадей и как следствие эпидемия. Бездействие было тем более удивительным, что византийцы занимали выгодную позицию: они стояли на возвышенности, а болгары располагались внизу, в долине — идеальное сочетание для атаки тяжелой римской кавалерии.

22 июня 813 г. произошло, наконец, решающее сражение, свершившееся, тем не менее, *против воли царя*. Потеряв всякое терпение, не в силах сносить робость императора и его окружения, стратиг Аплакис заявил Михаилу Рангаве, что сам со своими войсками начинает атаку на болгар. С 8 тыс. воинов он начал наступление на правом фланге. Его атака развивалась очень успешно — в одно мгновение болгары были смяты и отброшены к своему лагерю. В этот момент достаточно было Рангаве отдать приказ гвардии и войскам центральной линии о переходе в наступление, а их насчитывалось более 14 тыс. воинов, как участь болгар была бы решена. Но царь бездействовал — то ли по причине робости и нерешительности, то ли по советам своих фаворитов, желавших посмотреть на унижение упрямого полководца, вздумавшего нарушить приказ Рангаве.

Так или иначе, но Крум быстро восстановил порядок в своих рядах и нанес контрудар во фланг частям Аплакиса — те, конечно, не выдержали атаки противника и побежали. В этот момент наглядно проявилось, что управление римскими войсками отсутствовало напрочь: одни отряды дрались, центр войска и гвардия стояли на месте, не шелохнувшись, левый фланг под командованием стратига Льва также не получал никаких приказов из царской ставки. И когда каппадокийцы и армяне из фемы Анатолика увидели *резню* своих товарищей по правому крылу на фоне бездействия главнокомандующего, они начали отступать.

Впоследствии не раз будут упрекать Льва Армянина в *сознательном* отступлении, в том, что его демарш предуготовил поражение римской армии, и будто таким способом он желал скомпрометировать Рангаве и завладеть императорским троном, и тому подобное. Трудно сказать, руководствуясь общими соображениями, насколько эти обвинения обоснованны — но вообще невольно возникает простой вопрос: *а могли* Лев в таких условиях и при такой организации сражения вообще управлять своими солдатами? Кроме того, сложно предположить, что *государственный преступник* (а именно так следует квалифицировать поступок Льва, если его уход с позиций был преднамеренным), у всех на глазах совершивший такую страшную измену Римскому государству и императору, мог быть объявлен через несколько дней царем. Наконец, упрекая Льва в якобы организованном отступлении, почему-то забывают *о гвардии* и полках двух других фем, находившихся в распоряжении верховного командования. Но, ведь очевидно, что эти 14 тыс. воинов без труда могли опрокинуть болгар, даже не прибегая к помощи войск Анатолийской фемы.

После нескольких часов боя его участникам открылось страшное зрелище: римские гвардейцы, бросив своих товарищей на произвол судьбы, бежали с позиций. Солдаты полевых полков впали в ужас и гибли тысячами под копытами болгарских коней, раненые стонали, и никто не мог организовать даже тени сопротивления варварам.

Увидев отступление римлян, хан Крум вначале счел это коварной ловушкой и не стал преследовать бегущих. Но, как талантливый и опытный полководец, он быстро понял суть картины и бросил все силы на *истребление* отступающих греческих отрядов. Гибли новые и новые люди, нашел свою смерть на поле боя и храбрый Аплакис, а вместе с ним и многие другие римские командиры. За исключением войск Анатолии, только незначительные отряды византийцев смогли найти спасение в бегстве или за стенами крепостей, расположенных у них на пути. По счастью для царя и его свиты, болгары быстро утратили интерес к сражению, предавшись обычному мародерству на поле боя, где лежали многие тысячи римлян. Такого поражения Римская империя не видела уже давно: погиб цвет войска и самые опытные командиры. Как следствие, международный престиж Римского государства резко упал³⁸⁶.

Не менее важно и то, что попытка восстановить иконопочитание обернулась *против* Церкви. Это было совершенно естественным результатом вероисповедальной политики императора, проводимой на фоне военных поражений. Вскоре, как мы увидим, начался *второй этап иконоборчества*, вызвавший новый кризис в Римском государстве.

Вернемся, однако, к царю. С горсткой личных телохранителей император Михаил Рангаве возвратился в Адрианополь, проклиная вои-

нов и командиров, где заявил о своем желании сложить с себя царский титул. Из всех стратигов только Лев Армянин находился поблизости, и Рангаве предложил тому взять на свои плечи тяготы управления Римским государством, как мужу благочестивому, опытному, храбрейшему и ко всему способному, но Лев отказался. Однако ситуация была безвыходная, поскольку все стратиги византийского войска отказались подчиняться Михаилу Рангаве³⁸⁷.

Как человек с глубоким чувством достоинства и любви к отечеству, 24 июня 813 г., сразу же по возвращении в Константинополь, Михаил опять заявил о сложении с себя императорской мантии. Царица Прокопия резко воспротивилась этому, ее поддерживали и некоторые другие сановники, пообещав царю с оружием в руках защищать его право на престол. Императрица, в отличие от мужа обладавшая большим честолюбием, воскликнула: «Страшно, если корону на голову водрузит Барка!», имея в виду супругу стратига Льва Феодосию. При множестве потенциальных претендентов на царство только Лев Армянин обладал не только необходимыми способностями, но и, главное, вооруженной силой для обеспечения своих прав, и Прокопия прекрасно это понимала. На крики царицы император Михаил Рангаве кротко заметил, что покоряться Божественной воле — благо и что он не желает видеть Римской державы, истекающей братской кровью³⁸⁸. Конечно, это был благородный и жертвенный поступок, характерный для кроткого и благочестивого царя.

Патриарх св. Никифор неожиданно поддержал царя, пообещав тому, что гарантирует ему жизнь в случае добровольного оставления трона. Между тем единственный боеспособный отряд римской армии — полки фемы Анатолики, провозгласил царем своего стратига **Льва V Армянина**. Поняв, что не принять воли армии невозможно, Лев согласился, вошел в Константинополь через Золотые ворота и занял место в царском дворце.

Узнав об этом, Михаил Рангаве вместе с супругой и детьми прошли в храм и там 10 июля 813 г. приняли монашеский постриг. Император Лев V Армянин отправил Михаила в обитель на остров Плат, где при нем находились два сына — Никита и Евстратий, которых оскотили сразу после пострига. Но бывшая царица Прокопия была отделена от мужчин, несмотря на просьбы Михаила Рангаве, и отправлена в дальнюю обитель. По приказу нового императора царственные иноки получили большое ежегодное содержание, чтобы ни в чем не нуждаться. Как говорят, Михаил прожил еще долгую жизнь, пробыв в постриге более 30 лет, и умер только в 845 г. или даже в 850 г. Но, как ни странно, мы вскоре еще увидим прекрасную ветвь от ствола Рангаве: в назначенный Богом час его малолетний сын *Никита*, пристрастившийся к иноческой жизни, станет Константинопольским патриархом *святым Игнатием*.

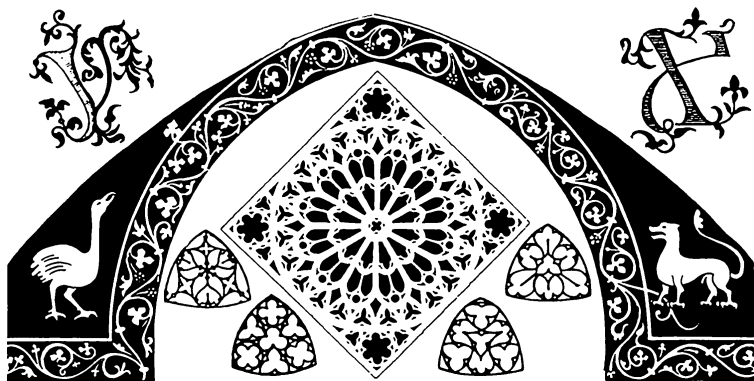
Так завершила свою историю династия Никифора Геника³⁸⁹.

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

XXXVII. ИМПЕРАТОР ЛЕВ V АРМЯНИН (813–820)

Глава 1. «Рачитель общего блага»

О детстве и юности нового Римского царя Льва V, получившего прозвище *Армянин*, известно немного. Детство он провел в Армении и происходил по одной линии из армянского рода, по другой — из сирийцев. Вскоре юноша перебрался в город Пидру, что находился в феме Анатолии, и там записался в армию. Лев был высок ростом, храбр до отчаяния, его физические возможности казались безграничными, и при этом воин отличался учтивостью и красноречием. Кроме того, Лев был очень набожен и ревностен в делах веры. Больше всего на свете он любил петь в храме с певчими, так что его считали самым искусным в пении псалмов среди всех современников. Нередко он регентовал хором и прекрасно знал церковный устав. Еще совсем молодым человеком он попался на глаза одному монаху-пустыннику, и тот пророчествовал Льву царский престол: не невероятное событие для тех времен, когда сила, отвага и решимость могли проложить дорогу на самый верх политической пирамиды. Неясно, насколько сам Лев придавал значение этому пророчеству, но по складу характера он был честолюбив и жаждал славы³⁹⁰.

Вскоре на юношу обратили внимание командиры, по чьей рекомендации Лев был причислен к самым отважным смельчакам Анатолийской армии. Стратигом Анатолии и пяти других восточных областей, за исключением Армениака, в то время был назначен уже знакомый нам Варданион Турок, включивший в число своих телохранителей

двух близких друзей — Льва Армянина и Михаила Травла. Как люди скромного происхождения, они связали свои надежды на карьеру с Варданионом, и, действительно, вскоре получили довольно высокие посты в армии. После этого Лев удачно женился на девушке по имени Феодосия, приходившейся дочерью знатному столичному сановнику Арсавиру.

Когда у Льва родился первенец, Михаил Травл стал крестным отцом младенца, то есть друзья породнились *духовно*. Правда, Льву предстояло поволноваться, когда его тесть организовал заговор против императора Никифора Геника. Но даже крушение планов Арсавира и пострижение его в монахи не сказалось на судьбе Льва — он по-прежнему служил в армии и стремительно продвигался по карьерной лестнице. Когда восточное войско объявило Варданиона императором, Лев и Михаил перебежали на сторону законного царя и были щедро вознаграждены им. Лев получил должность магистра федератов, царский дворец Зенона и Дагисфей. Михаилу достались должность комискорта и дворец Кариан³⁹¹.

После отречения Варданиона и принятия им пострига, Льву Армянину вдобавок к новой должности были фактически поручены все те фемы, которые ранее находились в управлении «Турка», а вместе с ними заботы по обеспечению безопасности восточного края от арабов. Время было беспокойное, мусульмане постоянно устраивали набеги на приграничные земли, но Лев, чей полководческий талант раскрылся в полной мере, успешно действовал на новом поприще. Он выигрывал сражение за сражением, и приобрел не только большую славу и опыт, но и весьма приличное состояние: в римской армии по-прежнему существовала традиция долевого распределения добычи, и полководец получал значительную ее часть³⁹².

Неизвестно, как дальше сложилась бы его судьба, но в какой-то момент времени Лев настолько почувствовал свою значимость и уверовал в собственную безнаказанность, что начал *игнорировать* распоряжения императора Никифора I Геника по армии. Как обычно, весной ему доставили жалованье солдат, которое надлежало раздать по сложившимся правилам. Но Лев сибаритствовал, проводил время в безделье, проживая в городке Евхаите, и со дня на день откладывал выполнение порученного ему задания. В приграничной полосе такое легкомыслие недопустимо, и нет ничего удивительного, что вскоре арабы, прознавшие о прибытии казны, ночью напали на ставку стратига. Сам он успел спастись, зато солдатские деньги оказались в руках сарацин.

Император Никифор был не тем человеком, который прощал подобные ошибки. Кроме того, как царь *бережливый*, он искренне сожа-

лел о потере крупной суммы казенных денег. Было назначено следствие, установившее вину Льва, последовало возмездие. Несмотря на прежние заслуги, стратига не пожалели: он был подвергнут телесным наказаниям и отправлен в пожизненную ссылку. По счастью для Льва, пребывание в забвении продолжалось недолго: когда Никифор I Геник погиб в сражении и царем стал Михаил I Рангаве, полководца амнистировали и записали в число служащих при дворе самого императора. Там Лев встретил товарища своей боевой юности Михаила Травла, которому Рангаве доверил многие вопросы внутреннего управления государством, а также дипломатические дела. Впрочем, вскоре, ввиду нехватки опытных командиров, Лев был возвращен на Восток и назначен стратигом Анатолийской фемы — очень серьезное повышение³⁹³.

В начавшейся войне с болгарами император очень надеялся на Льва Армянина и его армию, не раз демонстрировавшую хорошую выучку и высокую боеспособность. Во время похода пассивность царя и его ставки не раз вызывала в полководце желание напасть на болгар, но в отсутствие приказа императора такое своеволие могло быть жестоко наказано — Лев уже на себе это испытал. Когда же в ходе злополучного сражения у Версиникии римское войско было разгромлено, Лев отвел 8 тыс. своих солдат назад к Адрианополю, сохранив, по существу, *единственную* организованную воинскую часть. В это время в Анатолийской армии неожиданно возникло предложение объявить Льва Армянина царем.

По одной версии, как указывалось в предыдущей главе, полководец не имел к этому почину никакого отношения и был застигнут врасплох. Но по другой, Лев тайне инспирировал солдатскую инициативу. Рассказывают, будто он говорил своим стратиотам: «Не пристало оленю, который ныне пустился в бегство и бежит к жене под юбку, а нас, свое войско, оставил на растерзание врагу, начальствовать надо львами». Все же, даже если принять эту версию — а его честолюбие было всем известно, Лев очень волновался и не решался публично объявить свое согласие. И только грозный окрик Михаила Травла, *пригрозившего убить его* в случае отказа от царства, вернул ему самообладание.

Но Льва можно было понять. Императорский титул имел в глазах византийцев сакральный смысл, и человеку с нормальным сознанием нелегко было решиться на обладание тем, что подвластно только Богу и Его ставленнику на земле. Кроме этого, существовали и сугубо земные причины: где-то доживали свой век сыновья Константина V, на одном из островов молился Богу в келье инок Варданион, некогда провозглашенный армией императором. Эти лица имели не меньшие

основания для того, чтобы претендовать на императорский пурпур, и Лев всерьез опасался, что его царствование будет непрочным. По этой причине в дальнейшем новый император будет чрезвычайно внимателен ко всем мелочам, которые бы могли свидетельствовать о появлении нового претендента на трон.

Так или иначе, но Лев согласился на царство и со своей армией вошел через Золотые ворота в Константинополь. Здесь произошел один эпизод, впоследствии сыгравший немаловажную роль в грядущих событиях. Когда царь снял свой плащ, чтобы переодеться в пурпурные одежды, Михаил Травл, назначенный конюшенным нового императора римлян, набросил его на свои плечи. Из этого все сделали вывод, что вскоре Михаил сам станет царствовать в Римском государстве³⁹⁴.

Непосредственно перед венчанием произошел еще один любопытный инцидент, имевший самое непосредственное отношение к последующему царствию Льва Армянина. После поражения Рангаве в столице не осталось никакой авторитетной силы, способной повлиять на выбор личности нового императора, кроме Константинопольского патриарха. Но св. Никифор действовал не без осмотрительности. Опасаясь, что Лев Армянин, по живости и решительности своего характера вторгнется в церковную сферу, он потребовал от того *письменного свидетельства о вере* и обязательства (опять же, письменного) в том, что, став царем, не станет менять святыне догматы. При всем понимании мотивов, которыми руководствовался святой патриарх, нельзя не заметить некоторой неловкости. Как показал пример Михаила Рангаве, в сложившейся к тому времени ситуации *ни один царь* не мог предопределить окончательную победу той или иной партии, и заявленные патриархом требования в адрес императора выглядели как публичное наступление на его исторически сложившиеся prerogatives. Такие комбинации могли пройти только со слабыми фигурами, но не с прирожденным бойцом Львом V. И вскоре попытка ограничить права императора в Церкви выльется в решительное наступление царя на полномочия самого Константинопольского архиерея.

Но в данный момент осторожный Лев в частном письме выполнил требования патриарха, однако тот не удовлетворился и потребовал *официального* документа. Тогда Лев пошел на хитрость: он пообещал архипастырю выдать ему просимый документ на руки после венчания, а до тех пор под неясными предлогами отказывался это сделать. Положение Римского государства в те дни стало совсем отчаянным, и патриарх, в котором чувство патриота пересилило осторожность, согласился.

11 июля 813 г. св. Никифор венчал Льва V на царство³⁹⁵. Впоследствии, когда вероисповедальные симпатии царя определились, начались разговоры, будто бы император обманул патриарха. Якобы многие признаки свидетельствовали о том, что на трон восходит еретик, который причинит Церкви много страданий. В частности, будто бы еще при венчании патриарх, возлагая диадему на голову Льва, укололся об колючку, застрявшую в его волосах, из чего сделал соответствующие выводы. Но, как представляется, это — не более чем поздний вымысел, своего рода «демонизация» Льва Армянина, очевидное отмщение ему со стороны иконопочитателей.

Став императором, Лев наградил тех, кто служил все эти годы рядом с ним, а также проявил мудрость и предусмотрительность, приблизив к себе бывших слуг Михаила Рангаве, предлагавших тому воевать со Львом ради царства. Михаил Травл стал патрицием, Фому, товарища своей молодости, назначил турмархом, а протоспротатора Мануила возвел в ранг стратига Армении, сказав при встрече: «Не к лицу тебе воевать со мной». На что полководец дерзко ответил: «А тебе не пристало поднимать руку на своего благодетеля». Однако Лев, храбрый человек, любил мужество во всех его проявлениях и простил обиду Мануилу.

Если опасение за свое царство и сжимало сердце Льва V, то времени на раздумья о будущем не оставалось — разгромив римское войско, хан Крум осадил Адрианополь и беспрепятственно подошел к стенам Константинополя. По языческому обычаю Крум принес на берегу Босфора в жертву своим «богам» множество людей и животных, затем вошел в морские волны и искупался. Выйдя на берег, он окропил морской водой болгарских воинов, приветствуемый своими многочисленными женами и бойцами, с восторгом взиравшими на великого вождя. Хотя хан находился в пределах полета стрелы, никто из защитников византийской столицы не решился выстрелить — все напряженно ожидали, что дальше будет делать варвар. Как опытный полководец, тот понял, что город, защищенный такими надежными укреплениями, ему не взять, но для того, чтобы припугнуть византийцев, приказал обнести эту часть городской стены насыпным валом.

Затем произошло одно событие, повлиявшее на ход военных действий, хотя достоверность его признается далеко не всеми историками. Итак, придя к выводу, что им ничего не угрожает, болгары активно занимались грабежом ближайших селений, не подозревая, что царь Лев Армянин уже придумал, каким способом наказать захватчиков. Во главе войск своей фемы он стал лагерем возле Месемврии, но ночью

тайком от врага с изрядным числом опытных бойцов спрятался в засаде, не посвящая в свои планы остальных римских командиров. Наутро весть о том, что император покинул войско, разнеслась по всему византийскому лагерю и дошла до болгар, которые окончательно утратили бдительность. Однако на следующую ночь Лев V с засадным отрядом внезапно напал на врагов и нанес им поражение. Война — это война, поэтому римские легионеры не жалели ни взрослых, ни детей, отвечая болгарам за разорения. С тех пор холм, за которым скрывался император с войском, болгары называли «*холмом Льва*», и память об этом нападении передали потомству³⁹⁶.

Правда это или нет, но в любом случае достоверно известно, что когда к болгарам прибыло посольство от Римского императора, предлагавшего мир, Крум согласился на переговоры. Болгарин не знал о хитрости, задуманной Львом, при помощи которой тот намеревался навсегда освободиться от главной опасности болгарских нашествий — *самого хана* Крума. По предложению Римского царя вожди должны были встретиться наедине в сопровождении всего троих человек охраны с каждой стороны. Ночью, накануне переговоров, Лев Армянин направил нескольких вооруженных воинов в засаду у Влахернских ворот, которые должны были по условному сигналу напасть на Крума и умертвить того. Как ни странно, но этот малопривлекательный способ устранения командующего вражеской армии не вызывал у современников никаких отрицательных эмоций — в той *тотальной* войне, какая образовалась между римлянами и болгарами, все средства казались хорошими, если вели кратчайшим путем к поставленной цели. К тому же в глазах византийцев Крум был пусть и не рядовым, но все же *языческим* вождем, а не Богом поставленным и венчанным Церковью христианским императором, главы которого нельзя было касаться. И убийство варвара казалось благородным делом, преследующим благие цели.

Утром Крум прибыл на берег моря и сошел с коня, ожидая, пока римляне подъедут к нему. Один из них, по имени Ексавул, снял головной убор — тайный знак для убийц, но болгарин каким-то звериным чутьем почувствовал опасность, вскочил на коня и ускакал. Византийцы помчались за ним, пуская в Крума стрелы — говорят, он был даже ранен, но убить хана не смогли. Единственным утешением было то, что римляне пленили спутников Крума, с которыми тот прибыл на переговоры. Но для забывших уже об успехах византийцев эта сцена явила залог будущей победы. В восторге многие из них поднялись на крепостные стены и в восторге восклицали: «Крест победил!»³⁹⁷

Ответ хана был адекватным: буквально на следующий день он начал *систематически* разорять окрестности Константинополя. Все, что можно было взять с собой, болгары брали, остальное сжигали и истребляли, однако и на этот раз не рискнули штурмовать римскую столицу. С огромной добычей они вернулись к своим товарищам, осаждавшим Адрианополь, и вскоре голод сломил сопротивление византийского гарнизона. Множество пленников, включая епископа Михаила, было отправлено в Задунайскую Болгарию³⁹⁸.

Зима с 813 на 814 г. не принесла византийцам облегчения: поступили известия о том, что хан Крум с 30-тысячным войском вновь двинулся на римские земли. Вскоре пришли сообщения о разоренных селениях и о взятии города Аркадиополя, все население которого болгары пленили и отправили к себе на родину. Варварам оставалось не так далеко до византийской столицы, когда наступила весенняя оттепель, и дороги развезло. Более двух недель болгары стояли на месте, но, не дождавшись благоприятной погоды, повернули обратно, уводя с собой более 50 тыс. пленников³⁹⁹.

Во время войны выяснилось также, что в самой византийской столице нашлось немало людей, недовольных унижением своей державы и весьма скептически относящихся к талантам Льва Армянина. Чтобы укрепить царство, император приказал патриарху венчать своего сына *Симватия*, которого после обряда и совершения таинства по желанию Льва начали величать *Константином* — в память царя Константина V. Помимо этого Лев Армянин жестоко расправился с распространителями злых слухов и потенциальными заговорщиками. Не прибегая к смертной казни, он повелел отрезать у них главные члены и вывесить на всеобщее обозрение; вскоре слухи прекратились.

Хотя Крум и отступил в Болгарию, опасность нового нашествия варваров в 814 г. приуменьшать было невозможно. Император деятельно готовился к предстоящей войне, спешно формируя новую армию, — старое войско перестало существовать год назад, — и укрепляя города по западной границе. Желая поднять боевой дух новобранцев, он «словно оса, никогда не расстающаяся со своим жалом, сам упражнял свое воинство, во многих городах Фракии и Македонии собственными стараниями возвел от основания города и объезжал земли, дабы вселить страх и ужас во врагов». Выходец из военных низов, царь прекрасно понимал, что талант военачальника далеко не всегда рождается в аристократических покоях. И потому активно отыскивал молодых способных командиров «из простых», доверяя им самые ответственные поручения и высокие должности.

После корыстного Никифора Геника и безвольного Михаила Рангаве Римская держава вновь увидела императора, достойного стать рядом с самыми прославленными царями: защитника отечества и патриота, полководца и справедливого судью. Являя собой блестящий пример человека, сумевшего подняться над сребролюбием, император охотно жертвовал *личные сбережения* на государственные нужды, и по аналогичному признаку расставлял новых офицеров и гражданских чиновников, отличая тех не по богатству, а по доблести и чести. С казнокрадами царь был крут, как с предателями и изменниками.

Желая восстановить порядок в стране, Лев Армянин выкраивал время, заполненное приготовлениями к войне с болгарами и текущими делами, для принятия жалоб по судебным делам. Часто его можно было видеть сидящим в одной из палат Большого императорского дворца, где он *лично* принимал своих подданных. Сохранилась история — прекрасная иллюстрация справедливого суда императора над нерадивыми чиновниками и обидчиками бедных. Один мужчина пожаловался царю на некоего аристократа, похитившего его жену. Обращения в адрес местного эпарха не принесли результата, и тогда он обратился к императору. Лев V немедленно вызвал к себе эпарха, лично допросил, удостоверился в его вине и бездействии (наверняка не безвозмездном), лишил должности и осудил. Аристократа же, посмевшего оскорбить женскую честь, предал отдельному суду и наказал⁴⁰⁰.

Все же, несмотря на старания царя, у всех складывалось впечатление, что предпринятые в последние месяцы усилия не в состоянии обеспечить перевес римлян над болгарами. Император даже направил посольство к Французскому королю *Людовиду Благочестивому* (814—840), сыну Карла Великого, с просьбой прислать военный отряд для войны с болгарами, однако помощи не получил. Но тут внезапно судьба проявила благосклонность к Римской империи: едва выйдя в поход, 13 апреля 814 г., хан Крум внезапно умер — кровь пошла у него горлом и через уши, и он скончался. Разумеется, после такой потери болгары не осмелились продолжать наступление и отступили.

На некоторое время в Болгарии наступили волнения. Часть болгарских родов решили отделиться — их очень утомляла централизация власти, повергшая наземь бывшие вольницы. Но все же победили старые аристократические роды, заинтересованные в укреплении политической власти и в национальном единстве всех болгар. Единственно, им пришлось констатировать тот факт, что несколько славянских племен, ранее признававшие власть хана, жившие по Дунаю и реке Тимок, отложились от Болгарии и отдались под протекторат франков⁴⁰¹.

В этой связи болгарам даже пришлось направить к франкам в 825 г. посольство, дабы определить границы обоих государств⁴⁰².

Наконец, к власти пришел сын Крума хан *Омортаг* (815—831) — талантливый и решительный человек, единственным недостатком которого в ту пору являлся слишком *юный возраст*, что создавало предпосылки для манипулирования молодым вождем со стороны более опытных лиц. Надо сказать, что к тому времени Болгария уже давно не представляла собой единого этнического государства, как когда-то раньше. Под властью Болгарского хана находились авары и, главное, славяне, начинающие играть большую роль во внутренних делах варварского государства. После гибели Крума часть старотюркских вождей попыталась вновь вернуть гегемонию своего племени, что, конечно, вызвало ответную реакцию со стороны славянских командиров.

Помимо этнической составляющей, в спор двух племен вмешался и религиозный вопрос: хан Крум положил за правило эффективно использовать пленных римлян, перенимая от них культуру и знания, при этом многие славяне, общаясь с греками, приняли христианство. Поэтому принадлежность к Православию стала восприниматься болгарами как *государственное преступление*, и начались религиозные гонения на христиан. Многие из них стяжали мученический венец, включая архиепископа Мануила.

Раздробление мощной болгарской силы на разные противоборствующие группы было, несомненно, на руку Льву V, который, проявив смелость и решительность, не стал отсиживаться за стенами Константинополя, а летом 814 г. пошел в поход на Болгарию. Это было замечательное событие, без всякого сомнения, окрылившее византийцев. Еще вчера едва ли не уничтоженные варварами, опасавшиеся любой активности с их стороны, сегодня они шли на врага, желая отвоевать родные земли и расплатиться за прошлогоднее обидное поражение.

В этой кампании император показал себя блестящим стратегом, замечательным тактиком и храбрым воином, *лично* возглавив поход и приняв участие в сражении. Оценив ошибки своих предшественников, он использовал тактические построения самих болгар. Встретившись с ними у Аркадиополя, он ложным маневром завлек болгарскую кавалерию в засаду, где ее окружили и истребили гвардейские части. Омортаг и его советники были поражены: они и представить себе не могли такого исхода сражения. Как все варвары, уважающие силу и признающие только ее, болгары запросили мира, и в том же 814 г. был заключен мирный договор сроком на 30 лет (!). Условия его были невыгодны для обеих сторон — Болгария получала Филиппополь, а к

римлянам возвращалась Сердика. Фракия и Македония смогли начать мирную жизнь после десятилетий разорений. Помимо этого, болгары также вернули Римской империи всех пленных, содержавшихся у них, включая многих военачальников и солдат, попавших к ним в плен во время войны 811 г.

Примечательно, что, заключая договор, император был вынужден совершить обряд скрепления его по варварскому обычаю: лил воду из блюда на землю, поворачивал собственноручно седла и тому подобное. При этом, по свидетельствам современников, он нигде в тексте договора не упомянул ни Пресвятую Богородицу, ни Христа Спасителя. Трудно сказать определенно, чем это было вызвано. Вполне возможно, что, опасаясь коварства болгар, царь *преднамеренно* совершал магические обряды, имевшие для них большое значение, то есть играл по правилам врага. Как ни странно, но этот договор доживет свой срок до конца — возможно, тому виной появление в 30-х гг. IX века на границах Болгарии *венгров* (угров), очень опасных соседей, с которыми мы встретимся еще не раз⁴⁰³.

После описанных событий внешняя политика Омуртага в целом стала несравнимо более мягкой по отношению к Византии, чем во времена его покойного отца. Хан весьма охотно развивал культурные и торговые связи с греками, и военные действия между двумя извечными врагами вскоре сошли на нет⁴⁰⁴.

Глава 2. Второй этап иконоборчества. Смерть Льва V Армянина

Прекращение военных действий на Западе еще не означало полного восстановления спокойствия в самом Римском государстве — как и ранее, до сих пор сохранялось старое противостояние иконоборцев и иконопочитателей. И императору пришлось спешно решать эту задачу. Начав свое царствие, Лев Армянин не испытывал больших симпатий ни к одной из сторон по спору в отношении святых икон. Обычный офицер, всю жизнь прошедший на войне и слабо разбирающийся в догматических тонкостях, он едва ли имел глубокие убеждения на сей счет. Другое дело, что сознание человека того времени *не могло не быть религиозным*, и если Церковь окончательно не определилась относительно рецепции VII Собора, и общество по-прежнему повсеместно делилось на иконоборцев и иконопочитателей, то царь не мог

оставаться в стороне и должен был принять под свое покровительство тех или других.

Наиболее вероятно, что если бы император имел возможность заставить обе партии относиться друг к другу терпимо, он, по примеру Никифора Геника, занял бы нейтральную позицию. Однако страсти к тому времени были настолько накалены последними действиями Михаила Рангаве, что мирный исход становился невозможным⁴⁰⁵.

Ощувив на себе давление войска, где преобладали иконоборцы, император при встрече предложил патриарху: «Люди возмущаются против икон, говоря, что мы неправильно почитаем их, и за это враги одолевают нас; сделай милость, уступи что-нибудь». Как отмечают, в отличие от императора Льва III, Лев V первоначально предполагал ограничиться полумерами, однако этому желанию, как указывалось, не суждено было сбыться⁴⁰⁶.

Нетрудно догадаться, что многие обстоятельства *объективно* вели Льва Армянина в лагерь иконоборцев. Гонения императора Михаила Рангаве на представителей этой церковной партии, происшедшие на фоне тяжелых поражений, вызвали, во-первых, обратную реакцию со стороны иконоборцев, скрепили их и озлобили. Во-вторых, суеверные, как все люди, византийцы немедленно соотнесли свои последние неудачи с попыткой восстановить почитание святых икон. Силлогизм был прост донельзя: если Римское государство терпит поражение, то, следовательно, римляне уклонились от истинной веры и вызвали Божий гнев.

Существовали и более глобальные причины реставрации иконоборчества, которых мы коснемся в специальном приложении. Поэтому переход императора Льва в иконоборческий лагерь являлся делом времени, не более. Кроме того, Лев не мог забыть, что именно патриарх — почитатель святых икон и его соратники, в первую очередь прп. Феодор Студит, систематически заявляли о *невозможности* вмешательства царя в церковные и догматические дела. И когда иконоборцы высказывали мысли, более привычные для слуха императора, о необходимости восстановить благочестие в Церкви, он вполне естественно включил их в список своих союзников. Тем более что этой обязанности никто и никогда и не снимал с императора как главы земной Церкви.

В довершение всех бед для почитателей икон произошло еще одно событие, окончательно определившее религиозные симпатии императора. Став царем, Лев Армянин решил отблагодарить того монаха, который когда-то, еще при царе Никифоре I, предсказал ему, молодому оруженосцу Врданиона, императорский пурпур. Он направил по-

сыльного в обитель, где проживал монах, но тот по прибытии выяснил, что старец уже скончался, а в его келье проживает другой монах, некто Симватий. К несчастью, этот инок был непримиримым иконоборцем и заявил царскому посланнику, будто Льву недолго осталось царствовать, если только он не уничтожит «идолопочитание».

Смятенный посланник вернулся во дворец, доложил обо всем императору, и тот, встревоженный, пригласил для совета своего старого товарища Феодота Каситера. Надо сказать, что патриций Каситер относился к лицам, уже давно вхожим в царский дворец, — достаточно упомянуть, что его тетка являлась третьей женой императора Константина V и фамилия имела устойчивое положение в иерархии Византии. Правда, при этом, как отмечали современники, Феодот был не очень образован и не блистал мудростью. Как и все люди того времени (или всех времен?), царь и его советник с глубоким пиететом относились к лицам, способным дать простой и ясный совет в сложной ситуации. Поэтому руководство монаха, проживавшего в келье известного своей святостью старца, было воспринято, как «глас Божий».

Но все же Лев решил перестраховаться, и по его поручению Каситер на следующее утро отправился к другому известному инок (или юродивому), о котором ходила слава святого подвижника, при жизни общающегося с Ангелами. К несчастью, и сам Каситер не очень доброжелательно относился к почитанию икон. Поэтому, явившись к старцу, проживавшему в портике Мавриана, он без обиняков попросил того при встрече с царем, который хотел прийти *инкогнито*, пообещать василевсу долгое царствие и многочисленную сильную династию, если только Лев запретит почитание икон. В противном случае отшельник должен был напророчествовать императору всевозможные беды.

Так и случилось. Хотя император оделся в простое платье, юродивый, едва взглянув на него, произнес: «Негоже тебе, царь, менять пурпурную одежду на простое платье и морочить умы людей». Конечно, царь был поражен «духовными» способностями собеседника, который, уговаривая василевса истребить иконы, называл его «тринадцатым апостолом» и обещал ему 72 года царствия. Лев Армянин не блистал образованностью св. Юстиниана Великого, и после этой встречи вопрос об иконах можно было считать закрытым. Его убежденность еще более укрепил настоятель храма мучеников Сергия и Вакха, будущий Константинопольский патриарх Иоанн Грамматик, во время одной церковной службы подошедший к царю и заявивший: «Разумей, царь, что говорит святое речение, да не раскashaешься ты в начинаниях своих.

Выбрось прочь образы, лишь по видимости святые, держись веры тех, кто их не почитает»⁴⁰⁷.

Лев Армянин тут же привлек Иоанна Грамматика к себе, причислил его к дворцовому клиру и приказал совместно с помощниками подготовить сборник цитат из Священного Писания, где содержались бы доводы против икон. В декабре 814 г. необходимые доказательства, как считали Грамматик и Каситер, были собраны, и царь предложил патриарху св. Никифору выступить в публичном диспуте с противниками. Тот, однако, уклонился, небезосновательно напомним Льву, что данный вопрос уже рассматривался на VII Вселенском Соборе, и потому он не вправе вновь затрагивать эту тему. Император упорствовал: «Арий один-единственный своей болтовней добился того, что из-за него был созван Собор», но патриарх не соглашался даже вступать в дискуссию с лицами, которые ему были не по рангу⁴⁰⁸.

Так или иначе, но выходило, что нужен новый церковный Собор, который бы ревизовал VII Собор. Но, как и всегда, такие мероприятия требовали определенной подготовки. В Рим, понятно, обращаться было бесполезно. Константинополь за малым исключением находился в руках иконоборцев, оставались три восточных патриарха, мнение которых следовало сформировать. Всю зиму и начало весны император рассылал приглашения и принимал епископов. Но, будучи не в состоянии постичь все нюансы догматики, Лев много передоверял своим советникам, в первую очередь Иоанну Грамматику, который без труда указывал ему тех архиереев, которые не согласны с приведенными иконоборцами доводами в пользу своей позиции. «Симфония властей» сработала и на этот раз, но с обратным результатом: некоторых непослушных епископов по приказу царя отправили прямо в тюрьму, где они и пребывали до окончания его царствования. Вообще, следует отметить, что такие ситуации случались в царствование Льва V очень редко: как правило, первоначально император не допускал судебного преследования в отношении иконопочитателей, ограничиваясь превентивными мерами.

Страсти в столице медленно накалялись. Патриарх наотрез отказывался дискутировать с Иоанном Грамматиком, совершенно справедливо задавая вопрос: почему он, «Вселенский» архиерей, должен спорить с рядовым клириком? А население города и солдаты армейских частей, где сохранялись стойкие иконоборческие настроения, устроили манифестацию у Халки, в очередной раз забросав камнями образ Спасителя. Патриарх совершал службы о даровании Церкви мира и пытался созвать Поместный Собор в Константинополе из епископов

и игуменов столичных монастырей, но клирики-иконоборцы активно протестовали. Чтобы несколько успокоить обе партии, император распорядился повсеместно снять иконы, если же этот приказ запаздывал с исполнением, иконоборцы сжигали их, разбивали, замазывали грязью⁴⁰⁹.

Император пригласил патриарха на заседание синклита и там вновь повторил свое предложение провести дискуссию относительно икон. Ответ патриарха не лишен остроумия. Повернувшись к царю, он спросил: «Может ли пасть не существующее?» Поскольку вопрос носил довольно общий характер, присутствующие растерянно молчали, архиерей продолжил: «Пали при Льве и Константине Исварийцах святые иконы?» Все сказали: «Да». И тут же последовал вывод: «Значит, они, конечно, стояли и были, и обычай их ставить — древний. Ибо не существующее и не стоявшее как может быть или пасть?»⁴¹⁰

Следует отметить, что и в дальнейшем Лев V довольно осторожно осуществлял свои планы по запрету икон. В день Рождества Христова, 25 декабря 814 г., во время праздничной службы, он даже облобызал икону Спасителя в храме Святой Софии, чтобы несколько остудить наиболее категоричных иконоборцев.

Но на пути императора, как и ранее, встал знаменитый прп. Феодор Студит и монахи его обители. Для Студита уклончивая позиция царя была равносильна *предательству Православия*, и этот тезис все чаще и громче начал звучать в его устах. Авторитет преподобного и ранее был чрезвычайно высок — он отличался не только своим ригоризмом и образованностью, но и благочестием. А твердость его характера изначально предполагала, что тюрьмой и ссылкой игумена не испугаешь. Студит написал и разослал окружное послание по всем обителям и епархиям Константинопольского патриархата, в котором потребовал открыто выступить против иконоборцев. Начались уличные столкновения солдат гарнизона с иконопочитателями, и Лев понял, что время молчания уже прошло⁴¹¹.

Император был вынужден пригласить игумена к себе на диспут, завершившийся в пользу Студита. Льву оставалось лишь строго заметить св. Феодору, что тот, излагая перед царем доводы в пользу почитания икон, был слишком дерзок; преподобный возражал. Согласно апостолу Павлу, сказал он, Бог поставил в Церкви, прежде всего, апостолов, затем пророков и учителей. А об императоре у святого апостола Павла ничего не сказано. Следовательно, царь обязан повиноваться в делах религии священству, а не посягать на чужие должности. «Так неужели ты исключаяешь меня из Церкви?» — удивленно спросил им-

ператор. «Не я, апостол», — отвечал Студит⁴¹². Изумленный Лев Армянин сказал, что за такие слова Студита следовало бы казнить, но он не доставит ему радости принять мученический венец.

Надо сказать, что преподобный привел сомнительные аргументы против церковных полномочий императоров. Ведь в Священном Писании ничего не говорится и о патриархах, тем более об их церковных полномочиях, а о повиновении властям недвусмысленно говорили и апостол Петр, и апостол Павел. Кроме того, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что Студит был явно непоследователен в своем понимании характера отношений Церкви и императорской власти. Ведь совсем недавно он, нисколько не сомневаясь в своей правоте, вторгнулся в дела государственного управления и требовал от Михаила Рангаве начать войну с болгарами. Это лишний раз доказывает, что никакое раздельное существование двух союзов в те времена было *принципиально невозможно*. Очевидно, здесь — пример субъективного отношения к наиболее принципиальному вопросу, к сожалению, явленный в очередной раз преподобным Феодором.

В конце концов, окрыленный «пророчествами» и аргументами, собранными Иоанном Грамматиком, в марте 815 г. Лев V вызвал к себе патриарха св. Никифора и потребовал подписаться под царским указом об уничтожении святых икон. Но архиерей отказался, заявив, что готов отправиться в ссылку за послушание приказа царя, но никогда не станет иконоборцем. Лев был не тем человеком, который откладывает решение в долгий ящик, тем более что иконоборцы из числа клириков активно начали «обрабатывать» царя. Их планам несколько помешала болезнь Константинопольского патриарха, в течение которой св. Никифор искренне надеялся отдать Богу душу и избавить императора от административных мер в отношении себя. Но в конце концов архиерей выздоровел и продолжал настаивать на своей позиции⁴¹³. Тогда созвали синод, низложивший св. Никифора, а затем отправивший его в ссылку в монастырь Агафа на Босфоре, некогда построенный им самим. Там св. Никифор прожил еще 14 лет и мирно скончался в благочестии и чистоте.

Теперь разгорелась борьба за патриарший престол. Иоанн Грамматик при поддержке царя активно продвигал свою кандидатуру, но его отвергли, как неподходящего по возрасту и положению. И вскоре Константинопольским патриархом на праздник Пасхи был поставлен тот самый *Феодот Каситера* (815—821), который так ловко подвел императора под гонения на иконопочитателей⁴¹⁴. Трудно сказать, насколько позднейшие свидетельства почитателей святых икон могут

быть приняты во внимание, но некоторые современники утверждали, будто этот патриарх, вступивший на кафедру из светских лиц, и после своей хиротонии продолжал вести роскошный образ жизни, устраивая пышные обеды. Говорят, что на них он приглашал во множестве духовных лиц и даже будто бы заставлял монахов и иных клириков вкушать мясные блюда, даже когда на дворе стояли постные дни⁴¹⁵.

В апреле 815 г. состоялся Собор, на который, между прочим, был приглашен и прп. Феодор Студит. Однако он отказался, сославшись на то, что без благословения епископа, посвятившего его в игумены, не вправе посещать подобные мероприятия. Конечно, это был прямой намек на неканоничность низвержения св. Никифора и поставление в патриархи Каситера. Нельзя, однако, не заметить, что такие доводы уже не имели эффекта — все помнили, что не так давно преподобные Феодор и Платон категорически не желали вступать в общение с преследуемым ныне властями св. Никифором. И также ссылались на неканоничность посвящения того в Константинопольские патриархи.

Цель данного Собора, где наряду с епископами приняли участие и многие игумены, заключалась в восстановлении определений иконоборческого Собора 754 г. и предании забвению оросов VII Вселенского Собора. Эта задача была выполнена относительно легко; гораздо сложнее было реализовать данные решения в жизни. Непокорных иконопочитателей ждали тюрьмы и ссылки, а также поражение в правах, как *еретиков* — обычная мера правительства в таких случаях. Но Студит, возглавивший сопротивление, проигнорировал эти угрозы. В пику приказу царя и решению Собора он в Вербное воскресенье организовал Крестный ход с монахами своей обители, которые несли иконы и пели гимн, начинающийся словами: «Чтим образ Твой неоскверненный»⁴¹⁶. Его активность дошла до такой неприятной царю степени, что тот, не очень желая, приказал направить преподобного в ссылку в Малую Азию, а Студийскую обитель, где проживало уже более 1 тыс. монахов, закрыть. Это была смелая мера, характерная для твердой воли Льва Армянина. Однако она принесла гораздо больше вреда для «официальной» Церкви, поскольку разогнанные монахи разошлись по всей стране и, частью переселившись в Рим и Южную Италию, стали настоящими глашатаями своего игумена.

Послания Студита, в которых правительство не ограничивало прп. Феодора, моментально расходились по всей стране, так что он даже однажды заметил: «Недавно я говорил о таинственном, и сейчас же распространилось мое слово отсюда до Константинополя, а оттуда до Бруссy». Когда царские слуги недвусмысленно сказали ему, что

за непослушание императору он может быть лишен языка, преподобный заметил: «Если император вздумает лишить меня языка, и тогда я найду способы взывать, окрыляемый Духом. Я буду писать всем находящимся в изгнании отцам, это приносит пользу как пишущему, так и получающему, — я готов взывать даже до последних пределов Вселенной»⁴¹⁷.

Несмотря на относительно невысокий чин в церковной иерархии, прп. Феодор Студит стал настоящим *патриархом* иконопочитателей. Запрещая своим сторонникам вступать в общение со священниками-иконоборцами, Студит разрешил принимать иереев, получивших посвящение на Западе. При нем вскоре образовался небольшой кружок опальных архиереев, твердо решивших идти до конца и претерпеть даже мучения за свой образ мыслей: епископ Солунский Иосиф, Никейский епископ Петр, Никомидийский архиерей Феофилакт, Эфесский владыка Феофил. На их стороне была громадная масса сельского населения, горой стоявшая за святые иконы и укрывавшая у себя монахов-беглецов из Студийской обители.

Как и раньше, прп. Феодор надеялся на авторитетное вмешательство Римского папы. В традиционном духе византийской теории «пяти чувств» Студит полагал, что «пентархия» является той инстанцией, куда можно жаловаться даже на самого патриарха. Поскольку же Константинопольская и другие восточные кафедры были в то время, по его мнению, заняты еретиками, папа оставался тем единственным судьей, к которому можно апеллировать⁴¹⁸.

Риму не очень понравилось *такое* понимание папских прерогатив, но понтифик открыто поддержал Студита, поскольку все же тот объективно работал на его авторитет. Когда из Константинополя прибыли апокрисиарии патриарха Каситера, папа *Пасхалий I* (817—824) отказался их принять и выслушать. Напротив, посланникам Студита и просто гонимым на Востоке иконопочитателям он предоставил монастырь св. Параскевы, где разрешил службы на греческом языке. Более того, апостолик направил в Константинополь своих легатов, чтобы те выразили крайнее неудовлетворение папы и беспокойство по поводу новых гонений на почитателей икон.

Режим содержания преподобного стал ухудшаться: ему запретили переписку, хотя, имея много добровольных помощников, он без труда продолжал сноситься с интересными ему лицами. В посланиях он именвал царя «Навуходоносором», «врагом Спасителя и Его Матери», и тому подобное. В 819 г. одно письмо Студита перехватили, и Лев V, рассвирепев, приказал дать преподобному 100 ударов плетью, а затем

перевел его в Смирну под контроль местного иконоборческого митрополита⁴¹⁹.

Столкнувшись с сопротивлением, император резко ужесточил меры против иконопочитателей. Они наказывались ударами плетью, ссылались, некоторые были преданы казни. Иконы повсеместно изымались и уничтожались. Все гимны в честь икон были изъяты из литургических сборников, и в школах вводились специальные уроки, на которых детей учили презирать иконы и их почитателей⁴²⁰.

Император метал громы и молнии против иконопочитателей, но не знал, что час его уже близок. Лев V и раньше с недоверием относился к товарищу своей юности Михаилу Травлу, которого в знак признательности назначил начальником федератов. Императора мучили ночные видения и услышанное предсказание, что будто бы он погибнет в день Рождества Христова. Его мать, видимо, тайно сочувствовавшая иконопочитателям, также рассказала сыну о своем сне. Будто Пресвятая Богородица предложила ей во сне мясо в горшке, но она, принявшая определенный обет по причине давнего вдовства, отказалась. «Как же тогда, — прокричала Богородица, — твой сын непрестанно наполняет Меня кровью и гневит этим Моего Сына и Бога!» Дошло до того, что Лев V впал в бессонницу и пребывал в постоянном страхе за свою судьбу.

Невыдержанный и далеко не всегда осторожный на язык, Михаил Травл уже давно стал распространять рассказы о некоторых деталях молодости царя, его жестокости и необузданности. Как и следовало ожидать, в скором времени императору донесли об этом, но он, не желая действовать опрометчиво, приказал соглядатаям тайно подслушивать беседы Травла. Те исполнили приказ и вскоре предоставили царю документально зафиксированную вину военачальника. Может быть, Михаилу и сошла бы с рук неосторожная болтовня, но он хвастливо заявил, что, согласно пророчеству, после Льва *сам* станет царем. Хуже всего то, что Травл был не одинок в своих мыслях, и возле него образовался кружок товарищей, убеждавших ускорить события и умертвить императора Льва. В таких случаях правила не знали исключения: Михаила арестовали и в ночь перед Рожеством 820 г. приговорили к страшной и редкой казни — сожжению в печи.

Едва был отдан этот приказ, как в покои царя ворвалась царица Феодосия, громко попрекавшая мужа в том, что даже в такой святой праздник, накануне своего причастия, он не стыдится убить человека. Ее упреки попали в самую точку — Лев вообще был человек богобоязненный, и император нехотя согласился перенести казнь

на другой день. В камеру к Михаилу был посажен слуга, но самого узника царь приказал держать в кандалах, ключи от которых носил при себе. «Сегодня ты освободила меня от греха, — сказал он жене. — Но и ты, жена, и вы, дети, семени моего порождение, вскоре увидите, что из этого выйдет». Если бы только император знал, насколько он был прав...

Как обычно, страдая бессонницей, он среди ночи решил проверить, чем занимается Травл, и вошел в его камеру. Каково же было удивление царя, когда он увидел слугу, разлегшегося вместо Михаила на полу, а Травла — лежащего на кровати слуги. Оба они крепко спали и не услышали шагов Льва. Охваченный гневом, император вышел, но не предпринял никаких мер. Зато другой слуга случайно узнал о посещении камеры императором и уведомил о том своего товарища, караулившего Травла. Тот понял, что теперь его самого ждет неминуемая расплата и в свою очередь предупредил Михаила. Через него Травл передал товарищам по заговору устное послание, что если те не помогут ему бежать, то он раскроет их настроения императору, и тогда они вместе будут гореть утром в печи.

Угроза подействовала, и заговорщики, смешавшись с клириками, наводнившими дворец, в священнических одеждах с кинжалами под мышками, прошли в храм, где шла ранняя Литургия. Царь, как обычно, стоял рядом с хором, когда убийцы бросились на него с оружием. Лев попытался спрятаться в Святом Алтаре, но они проникли и туда. Император схватил цепь от кадила и пытался защищаться, но нападавших было много, и тело царя постепенно покрыли раны. Поняв, что смерть его близка, Лев взмолился о пощаде, но некий гигант из числа заговорщиков сказал: «Ныне время не заклинаний, а убийств!» — и с этими словами отрубил царю правую руку, в которой тот держал цепь от кадила. Затем кто-то другой отрубил императору голову⁴²¹.

После убийства тело царя, «как булыжник», вынесли из храма и бросили у ипподрома, что располагался рядом с царским дворцом. Его супругу и сыновей арестовали, в тот же день посадили на корабль и отправили на остров Прот. Перед посадкой мальчиков оскостили — жестокий обычай, *навсегда* препятствующий им заявлять претензии на царство, причем один из сыновей царя, Феодосий, скончался во время оскпления и был похоронен с отцом в одной могиле.

Так завершилось царствование Льва V Армянина, который храбростью, умением и разумением вернул Римское государство из небытия.

Он был иконоборец, но честный христианин, искренне боровшийся за веру и ошибочно принявший ересь за истину. Лучшую оценку императору Льву V дал сам патриарх св. Никифор, сказавший о нем после кончины: «Не только злодея, но и радетеля общего блага потеряло государство в его лице»⁴²².

Приложение №8

Империя Карла Великого. «Дар Константина»

I

Пока на Востоке бушевали страсти по иконоборчеству и один император сменял другого, чтобы вскоре оставить престол, на Западе смерть Карла Великого и вступление на престол его сына *Людовика Благочестивого* (814—840) ознаменовали собой начало нового времени и постепенного раскола христианской цивилизации на Запад и Восток. Он проходил не по одному историческому вектору и обуславливался не только противостоянием Ахена и Константинополя. Здесь было много участников исторической драмы, каждый из которых имел свои интересы и претензии. В невиданном калейдоскопе событий и лиц вчерашние друзья становились врагами, враги — мирились, страны и континенты меняли правителей. Это были глобальные процессы, образно выражаясь, медленное движение гигантских тектонических плит, и никто не мог знать, чем они завершатся. Современники могли лишь наблюдать отдельные локальные события, далеко не всегда отдавая себе отчет, в чем их причина.

Как уже отмечалось выше, получение Карлом Великим императорского венца из рук папы еще не означало предание забвению идеи *единой* Римской империи. Другое дело, что ввиду беспрецедентности ситуации эта идея претерпевала многочисленные интерпретации в практической политике. Вначале, при св. Ирине, византийцы просто не признали Карла законным властителем римских земель, поскольку франк, собственно говоря, и не скрывал намерений *заменить собой* законных Византийских василевсов на императорском престоле. Затем, при Михаиле I Рангаве, в 812 г., вследствие военных и политических перипетий, признание Карла императором со стороны Константинополя состоялось, но, конечно, без закрепления за ним каких-либо прав

на трон Римских царей. Иными словами, был признан императорский статус Карла, но без приложения его к каким-либо политическим реалиям. Более того, когда были живы его сыновья Карл и Пипин, сам Карл Великий в соответствии с древними франкскими традициями предполагал раздел королевства между ними, но не поднимал речь об императорском титуле — это было его сугубо *личным правом*, и оно не подлежало передаче по наследству⁴²³.

Гипотетически факт одновременного существования двух императоров — на Западе и Востоке дарил некоторые перспективы идее воссоздания Священной Римской империи, как это было в старину. Пожалуй, этот исход был наиболее желанен для жителей Рима и Италии, у которых стремление жить под единой властью и в одной Церкви все еще оставалось заветной мечтой. После того, как политический центр Римской империи переместился в Константинополь, и Запад остался один на один с многочисленными врагами, а затем едва не был поработан дикими лангобардами, всем хотелось законной и крепкой власти *христианского императора*⁴²⁴.

Однако, объективно рассуждая, при всем желании заинтересованных лиц такая «теоретическая» возможность едва ли могла быть реализована. Во времена св. Константина Великого, Аркадия и св. Феодосия Младшего Римская империя подчинялась *единой власти* двух соимператоров, а Кафолическая Церковь при всех обрядовых различиях, ересях и догматических спорах не мыслила свое существование в виде обособленных церковных общин. Кроме того, общепризнанные prerogatives императора, полновластного правителя Римского государства и главы церковного управления, не позволяли отдельным архиереям материализовать свои амбиции на главенство в Кафолической Церкви.

Теперь же все было иначе. Политические и стратегические интересы Римского епископа уже давно не удовлетворялись той ролью в Кафолической Церкви, которую ему определял Римский император. К тому же, некогда вступив в союз с Пипином и Карлом, *предав* Византийского императора и присвоив себе царские prerogatives, папа волей-неволей связал свою судьбу с франками и оказался от них зависим. Теперь он объективно был вынужден подстраиваться под их интересы или, в крайнем случае, корректировать собственные планы под Франкского короля, что, впрочем, не означало прекращения творческого поиска, преследующего своей целью формирование такой политической конструкции, которая максимально учитывала бы интересы апостолика.

В сознании понтификов классическая имперская идея получила существенную интерпретацию. В контексте своих прежних амбиций, но с учетом политических реалий, папы сформулировали идею Рима, как вечного города, наполненного славой апостола Петра и его преемников, являвшегося потому достоянием всего человечества, а не конкретного государства. Это было своего рода учение о *нейтральности Рима*, как центра всей Кафолической Церкви, как островка истинной веры, незапятнанного предания и благочестия среди мятущихся страстей земного мира, удивительным образом одновременно с этим вобравшим в себя идею о духовном главенстве Римского епископа в Церкви и о его политических притязаниях⁴²⁵.

Таким способом понтифик обеспечивал свою независимость и от Византийского царя, и от Франкского короля, заставляя, тем не менее, их *нуждаться в себе*, как высшей духовной силе. Но, конечно, такие идейные новации не имели никаких шансов получить признание на Востоке, где существовал Константинопольский патриарх, уже давно недовольный постоянным вмешательством понтификов в его дела, и Византийский царь, немало удивленный тому, что папа так легко и цинично примеряет на себя его традиционные prerogatives.

Здесь следует оговориться, что, конечно, ни о каких четко сформулированных «теориях» в те времена не могло быть и речи. Но образ мыслей и практические шаги всех трех главных участников мировой истории — византийцев, франков и Римского епископа и Константинопольского патриарха (его амбиций и истории статуса мы коснемся в отдельной главе), — постоянно повторяются, формируя известные тенденции, со временем принимающие устойчивое содержание. Кто и в какое время одерживал тактическую победу, зависело от множества обстоятельств, просчитать которые было невозможно. Только по истечении многих десятилетий и даже веков их действия и образ мыслей будут квалифицированы системным образом.

Наконец, самое главное: вскоре выяснится, что Карл Великий с его талантом гения и глубоким пониманием имперской идеи, являлся *уникальным* явлением среди германских народов, и образ его мыслей далеко не совпадал с сознанием соотечественников. За исключением небольшого близкого окружения короля, франки не понимали и не вникали в существо политических замыслов своего вождя. Их интересы были стандартны, как у всех германцев, и были подчинены главному приоритету — обеспечения своих *личных прав*. Как верно заметил один автор, единоличная власть Карла над франками покоилась на его *персональном контроле* над своими подданными⁴²⁶.

После воцарения Никифора Геника и Михаила Рангаве Карл, как опытный политический деятель, понял, что его надеждам без крови подчинить себе *всю* Римскую империю не суждено сбыться. Поэтому он занялся устройением собственной державы, максимально копируя византийские образцы, хотя и корректируя их под конкретные ситуации и планы. По мнению Карла Великого, Вселенская империя должна была стоять на трех столпах — политической мощи франков, которую символизировала их столица Ахен, Риме, как центре духовного единства, и Западном императоре, как главе духовной и политической власти. Это была *почти* «классическая» идея Вселенской империи, увы, не воспринятая германцами.

В отличие от римлян и романизированных греков, для которых *настоящее* государство могло быть только Империей и ничем иным, а сознание того, что Кафолическая Церковь объемлет собой всю Вселенную и ее границы совпадают или должны совпасть с Римской державой, было естественно, как улыбка младенца; франки, безусловно, являли собой совсем иной пример. Они, как носители иных культурных начал, оказались неспособны стать преемниками римлян. Более того, франки отчаянно боролись против превращения себя в римлян. Потребуется еще много времени для того, чтобы заглушить германский индивидуализм с его центробежными силами и создать новую имперскую конструкцию, существенно отличавшуюся от классической римской.

С другой стороны, древнее сознание уже переболело идеей национального государства. А после векового знакомства с великой римской культурой, а также арабами и персами, создавшими великие имперские державы, германское сознание невольно начало копировать то, что было у него перед глазами в качестве идеального политического образа — Империю и императора. Через короткое время отказ от имперской идеи был для потомков Карла Великого уже невозможен. Следует заметить, что, безусловно, именно Римская церковь с ее вселенскими масштабами мышления, игравшая далеко не второстепенную роль в деле образования германских народов, многое сделала для прививки империализма свободолюбивым и склонным к индивидуализму франкам. Ее упорное, ежедневное влияние не замедлило сказаться на политическом образовании франков.

В результате соединения и постоянного столкновения внутри германской политической культуры двух противоположных начал — имперской идеи и идеи «личных прав», Западная империя, которой еще предстоит пережить множество кризисов, нередко ставящих ее на

грань существования, явила миру удивительный феномен. Скоро вся ее территория будет покрыта сетью суверенных королевств, герцогств и графств, признававших, однако, над собой высшую власть Западного императора, которого многие из них превосходили по могуществу и политическому влиянию.

Не признать того в данном качестве, не подчиняться ему было невозможно, поскольку рядом с императором располагался Апостольский престол, имевший духовную гегемонию над франками. А реализация его надежд на признание своей абсолютной власти в Кафолической Церкви была возможна лишь при помощи Западного императора. Если для франков понятия «разделять» и «дробить» являлись «священным правилом», то Рим они приводили в трепет. Разделить Римскую империю являлось тем же самым, что и разделить Кафолическую Церковь. Но в этом случае рушился незыблемый принцип имперской государственности: «Одна Церковь, одна власть, одна Империя». Неудивительно, что в последующие годы исключительно Римская кафедра выступала гармонизирующей и объединяющей силой на Западе, ежеминутно готовом привычно для себя разделиться и обособиться.

Правда, при этом возникала удивительная диалектика, создающая неразрешимые для Римских пап задачи. В значительной степени авторитет и сама легитимность власти императора Западной Римской империи зависели от папы. Но здесь присутствовал двухсторонний интерес и взаимозависимость — безопасность Римского епископа и возможность получить те или иные территории в Италии в свою собственность зависели от умонастроений императора франков. Понтифику был нужен сильный правитель Запада, сильный, но *послушный его воле*. Однако такой правитель не имел ни малейшего шанса справиться со своевольными вассалами, готовыми ради собственного интереса растоптать ростки имперской государственности. К тому же сильный правитель, как показал пример Карла Великого, не стеснялся копировать Византийских императоров и легко вторгался в компетенцию папы. Папы играли на противоречиях политики между франками и Константинополем, поочередно *поощряя* и давая небольшие авансы то одному, то другому властителю. Тем более что в духовном и церковном отношении они с греками были гораздо ближе друг к другу, чем к франкам. Столь неустойчивая конструкция оставляла много возможностей для маневров. Так возникала *имперская конфедерация* Запада, противопоставившая себя Византии⁴²⁷.

Запад и Восток, находящиеся под властью *двух* разных императоров и тяготеющие к различным духовным центрам, начали постепенно

отделяться друг от друга. Для Запада и самих пап давно уже стало аксиомой, что *все* Вселенские Соборы созваны властью Римского епископа, и их догматические определения получают силу только после утверждения папой: «Всякий, желающий узнать что-либо божественное и сокровенное, пусть прибегает к слову и учению сего наставника». Когда папа Лев III не согласился включать *Filioque* в Символ Веры, Карл Великий спросил его: «Не от тебя ли исходит повеление петь этот самый Символ в церкви?» — и папа, помешкав, ответил утвердительно⁴²⁸.

А Константинополь пока еще жил «добрым» прошлым, недоумевая и по-своему понимая новые оттенки, звучавшие в посланиях Римского папы. Когда на VII Вселенском Соборе папа Адриан, нисколько не смущаясь, заявил, что Римская церковь является матерью и главой всех Церквей, эту реплику восприняли как обычное свидетельство пусть даже и выраженное излишне категорично, духовного авторитета Рима в Кафолической Церкви⁴²⁹. Но вслед за этим папа потребовал от императоров, св. Тарасия и Отцов немедленно анафематствовать иконоборческий Собор 754 г., созданный без его ведома (хотя, как известно, Константин V приглашал понтифика на это собрание), а потому противоречащий святым канонам и традициям. Это уже было прямым наступлением на царские полномочия, но ввиду чрезвычайности ситуации и необходимости восстановить с папой отношения, Константинополь «проглотил» и эту неуклюжесть со стороны апостолика⁴³⁰. Однако в действительности данное событие означало рождение нового века и новых отношений в иерархии Кафолической Церкви.

Сегодня мы с уверенностью можем констатировать, что столь наглядное различие в мотивации каждого из участников исторического процесса не позволяло создать нечто органически цельное, единое — то, что некогда оказалось по силам древним римлянам. Более того, мы увидим, как Западная Римская империя, десятилетиями собираемая Карлом Великим, вскоре *рассыплется* на несколько суверенных политических образований, собирать которые в единое целое придется уже другим лицам.

По одному справедливому выражению, *универсальная императорская власть на Западе утверждалась на универсальной миссии Церкви*. Односторонность этой конструкции по сравнению с византийской «симфонией властей» очевидна. И идея христианского государства, которую взял из рук папы Карл Великий, имела основание не в государстве, а в Церкви. Но не в понимании императора св. Юстиниана Великого, для которого Церковью являлось *все* хри-

стианское общество, а в латинской интерпретации, согласно которой понятие «Церковь» отождествилось с клиром и им же ограничилось. А потому статус «защитника Церкви», охотно принятый великим франком, на Западе привел не к появлению правовых полномочий для короля руководить ею, а, наоборот, к отнесению Западного императора к *органам церковного управления*; одного из самых высоких, но не главного. Ведь на верхушке церковной пирамиды находился сам Римский папа, и более никто.

Безусловно, Западный император должен был охранять Церковь от внешних врагов, но Церковь-клир не принимала на себя никаких обязательств по отношению к собственному защитнику. Более того, она приобрела только права, а император — исключительно обязанности в этой системе отношений. Это вполне понятно, поскольку в «Божественном государстве», о котором грезил Карл Великий под влиянием блаженного Августина, Церковь была *всем*, а государство — ее слугой.

Конечно, ни о каком господстве Западного императора над папой не могло идти и речи. То, что разрешалось Карлу Великому в силу неординарности его натуры и особых заслуг перед Римом, не передавалось по наследству. И если за его потомками признавали права поставления епископов, то не в силу наличия у тех церковных полномочий, а *по традиции*, которая очень скоро подверглась жесткой ревизии со стороны Римской курии⁴³¹.

Намечающийся дисбаланс власти был тем более вреден для западного общества, что церковная политика Карла Великого принесла чудесные плоды. Дикие, еще вчера почти варвары, франки в течение нескольких десятилетий чудесным образом преобразились и явили пример редкого благочестия. Монашество стало всеобщим увлечением, и самые знатные особы считали за честь принять постриг. Многие богатые аристократы передавали в дар местным епископиям все свое имущество, обрекая наследников на полуголодное существование. Карлу Великому пришлось даже давать специальное разъяснение о порочности данной практики. С его смертью, как легко понять, перекос в отношениях между Римской курией и Франкской державой стал тем более очевиден и ощутим.

В целом подытожим, что разложение некогда единой Римской империи на две части носило очень болезненный характер и для Италии, где на десятилетия возникли настоящие гражданские войны, и для Востока: там бушевал жесточайший кризис, выразившийся в реставрации иконоборчества и политической нестабильности власти Византийского императора.

II

Окидывая взором плоды своих многолетних трудов, Франкский император не подозревал, что его детище, Западная Римская империя, уже прожила лучшие годы, и вскоре ее ждет распад. В 806 г. он торжественно объявил о разделе своей империи на три равных доли, а также о выделении дочерям отдельных поместий, обеспечивать порядок в которых обязывались сыновья. В 813 г., как полновластный владыка Франконии и глава Западной церкви, Карл, чувствуя приближение смерти, на ассамблее в Ахене предложил объявить своего сына *Людовика I Благочестивого* (814—840) королем франков и императором Западной Римской империи.

Это было торжественное и запоминающееся зрелище. 71-летний император в короне на голове и с массивной золотой цепью на груди, опираясь на плечо сына, в мантии античных царей, вошел в неф своей любимой церкви. Он обратился к сыну Людовику с вопросом, согласен ли тот возложить на свою голову королевскую корону? После положительного ответа Карл потребовал от него принести клятву о защите всех бедных и несчастных, о помощи Церкви, а также сестер, племянников, племянниц и всех единокровных родственников. Толпа громко кричала: «Да здравствует Людовик, император Август!», а хор пел: «Приди Дух Святой...»⁴³²

Уже этот акт откровенно свидетельствовал о том, что желание Карла скопировать старую Римскую империю наталкивалось на индивидуализм германского сознания и взращенные им политические реалии. При всем могуществе Западный император не решился *объявить* сына своим преемником и спросил для этого согласия всех представителей Западной Римской империи, то есть собственных вассалов. На этой же ассамблее королем Италии был избран *Бернгард* (812—818), незаконнорожденный сын покойного Пипина, отпрыска Карла. Желая хоть как-то подчеркнуть самодержавие власти Людовика, Карл Великий проигнорировал Римского папу и *собственноручно* возложил императорскую корону на голову принца. Через несколько месяцев после этого, 28 января 814 г., Карл Великий скончался⁴³³.

Воспитанный в духе «Града Божьего» св. Августина, новый император франков стремился обеспечить единство своего. И как только тело его отца было предано земле, Людовик начал исправлять франкский мир по-своему. В первую очередь Западный император произвел чистку своих многочисленных родственников и королевского двора. Сестры императора были удалены в монастырь, дабы там поднакопить

целомудрия, столь не достававшего им в юности, за ними последовали придворные дамы с сомнительным прошлым. После всего этого императорский двор стал напоминать *монастырь*, в котором император бдительно следил за поддержанием чистоты нравов и благочестия. Отныне самыми близкими товарищами Людовика стали епископы и монахи, во множестве проживавшие в его дворце. Лучшие из обитателей перешли под королевскую опеку, а по всем владениям Людовика рассылались вероучительные грамоты⁴³⁴.

Эмоциональный и неуравновешенный, легко впадающий в гнев и подверженный приступам страсти в той же степени, что и смирения, Людовик обзаводился врагами быстрее, чем друзьями. Получивший прекрасное образование и окруженный, что еще более важно, мудрыми советниками, король франков дышал имперским духом. Уже в 817 г. он издал документ, известный как «*Ordinatio Imperii*» («Устройство империи»), а себя велел именовать гордым титулом «*Divina Ordinate Providential Imperator Augustus*» («Император август, правящий по Божественному провидению»). Озабоченный целостностью державы, Людовик не собирался разделять франкскую землю на различные части между своими сыновьями, но предусмотрел иную конструкцию.

Согласно его плану, старший сын *Лотарь* должен был получить императорский титул и наибольшую часть Западной империи. *Пипину* доставалась королевство Аквитания, Тулузская марка и часть Бургундии, а *Людовику* — Бавария. Все они были обязаны ежегодно присягать Лотарю и подносить ему подарки, как своему сюзерену, и не вести войн без его согласия. Более того, их королевства отходили бы в непосредственное владение Западного императора в случае их преждевременной смерти, останься они без наследников. Но все же младших сыновей нельзя было назвать простыми наместниками и вассалами, поскольку они сохраняли свою независимость от Лотаря. Это был смелый план и гораздо более «имперский», чем административно-политическое устройство Франконии времен Карла Великого, хотя и обремененный налетом германского индивидуализма. К несчастью для Людовика Благочестивого, его мечтам не суждено будет сбыться⁴³⁵.

При всех неоспоримых достоинствах, новый Западный император являл слабую *тень* своего грозного и могущественного отца. Он был благочестив, но, к сожалению, далеко не всегда последователен в собственных решениях и мужественен. Первым, кто поставил под сомнение его универсальную компетенцию, стал Римский епископ⁴³⁶. Понтифик, а им в то время являлся *Лев III* (795—816), решил не признавать власти нового Западного императора над Римом: ему совсем

не хотелось получить второго Карла Великого в лице Людовика. Однако, к своему ужасу, папа обнаружил, что его собственные позиции в Риме моментально ослабли. Горожане никак не желали признать власть понтифика над собой, как тот не считал императора своим господином. И тут понтифик, желая продемонстрировать собственную власть над Вечным городом, совершил ошибку. В страхе перед очередным заговором папа Лев III, не спросив о том императора и даже не поставив того в известность, приказал казнить нескольких римских вельмож, сторонников своих конкурентов — Пасхалия и Кампула.

Даже Людовик, относящийся к апостолику с большим пиететом, пришел в негодование и справедливо посчитал свои права, как императора, нарушенными. Ведь согласно своему титулу римского патриция Людовик обязался оберегать право и свободу римских граждан. Он срочно отправил в Вечный город для проведения расследования нового короля Италии, своего племянника Бернгарда, и графа Герольда. Легаты папы не вполне удачно оправдывались перед франкскими вельможами, в самом Риме вспыхнули беспорядки, во главе которых стояли римские аристократы, недовольные понтификом. Лев III заболел и 11 июня 816 г. отдал Богу душу⁴³⁷.

Всего спустя 10 дней папой был избран вельможа, принявший после посвящения имя *Стефан IV* (816—817) — ставленник аристократической партии Рима. Его избрание вновь произошло без ведома Людовика Благочестивого. В качестве оправдания папа ссылался на внутренние неурядицы в городе и невозможность затягивать с процедурой своего избрания. Его извинительный тон в значительной степени был вызван тем, что для всех современников папа Стефан IV не являлся лицом, *равным* Западному императору, как это было ранее при жизни Карла Великого и Льва III. Тогда Карл спас Римского епископа, и тот в благодарность короновал его императором; теперь же Людовик *уже был* признан в данном статусе своими подданными и спокойно отнесился к предложениям папы о венчании.

Прибыв в сентябре 816 г. в Реймс, понтифик все же венчал на царство Людовика и его жену *Ирменгарду* в кафедральном соборе, и благочестивый франк не рискнул нарушить традицию. Для папы же главным было наглядно продемонстрировать для всех, что власть Людовику дана через него Богом. Впрочем, сам Людовик не придал акту венчания особого значения и продолжал считать годы своего правления от дня смерти отца. Но смена декораций чувствуется даже сегодня по нюансам описания тех событий древними летописцами. Если Карл Великий являлся полновластным хозяином Западной церкви, то Лю-

довик лишь *с согласия* папы Стефана решился созвать в 816 г. в Ахене Собор для укрепления монашеской дисциплины. После Собора Стефан отправился в Рим, но уже 24 января 817 г. скончался⁴³⁸.

Новый папа *Пасхалий* (817—824), выдвиженец клерикальной партии, был посвящен в сан уже на следующий день, 25 января 817 г., и опять без согласия императора. Его легат привез Людовику письмо, в котором Пасхалий стандартно объяснил срочность своего избрания внутренними нестроениями в Риме и необходимостью водворить порядок, и франк простил его. Нет никакого сомнения в том, что *заинтересованные* современники не пропустили эти два эпизода: новый король явно уступал Карлу Великому, который никогда не позволил бы так обращаться с собой.

Слабость нового императора франков (относительная, конечно) проявилась и во внутренних делах. *Лично* его сознание дышало имперским духом, подогреваемым в Риме. Весьма характерна его переписка с некоторыми духовными лицами, которую можно охарактеризовать, как беседу двух единомышленников. В частности, укрепляя императора в имперском политическом идеале, архиепископ Лиона Агобард так писал Людовику Благочестивому: «Все народы, пребывающие под владичеством франков, отныне должны признавать один и тот же Божественный закон, и все они — франки, аквитанцы, лангобарды, бургунды, алеманы, саксы — не более чем единое во Христе тело. Терпимости, — далее вопрошал архиепископ, — чтобы в одной местности, в одном городе, а то и под одной крышей жили подданные одного императора, но при этом по разным законам?»

Однако эти благие начинания натолкнулись на жесткую стену «личного права», впечатанного в германское сознание, согласно которому каждый свободный франк, вне зависимости от того, какому суверену он подчинялся, сохраняет неотъемлемое право на жизнь и суд в соответствии с правовыми обычаями своих предков⁴³⁹.

Почти сразу же после того, как в 817 г. император официально определил вотчины для своих сыновей, начался «парад суверенитетов». В 818 г. восстал король Италии Бернгард, тяготившийся своим статусом *императорского наместника* полуострова, а не полноправного правителя. Бернгарда активно поддерживали лангобарды, в которых не угасли стремление к самостоятельности и желание как можно быстрее сбросить власть ненавистных франков. Но несчастный Итальянский король был обманут в своих ожиданиях: Пипин и Людовик не осмелились открыто выступить против отца, и когда войско Людовика Благочестивого подошло к границам Италии, собственные солдаты оставили Бернгарда.

В отчаянии тот поспешил в Авильон, чтобы на коленях выпросить себе прощение у дяди (по другим данным, был обманом завлечен к нему), но его ждал смертный приговор. Равно как и всех епископов и мирян, участвовавших в заговоре⁴⁴⁰. Правда, бывшего короля не казнили, а *ослепили* — этот относительно «гуманный» способ устранения конкурента с политической арены активно использовался и на Западе, и на Востоке. Но через три дня Бернгард все же скончался⁴⁴¹.

Удрученный Людовик Благочестивый 40 дней постился и затем принес публичное покаяние по поводу смерти племянника, что также не могло не сказаться на падении императорского авторитета и возвышения нравственной роли окружавших его епископов и монахов, под влияние которых он к тому времени попал⁴⁴². Почти два года после этого место короля Италии оставалось вакантным, и только в 820 г. Итальянская корона была возложена на голову *Лотаря* (818—855). На фоне плохо скрываемого недовольства этим фактом двух других своих детей Людовик довольно благоразумно решил соединить в одном лице титулы императора Западной империи и короля Италии. Но вскоре его ждало новое разочарование — на этот раз от неугомонного папы Пасхалия, решившего во что бы то ни стало вернуть утраченную при Карле Великом духовную власть понтифика над монархом. Для своих планов он решил сыграть на честолюбии Лотаря и его неопытности.

В 822 г. тот по приказу отца отправился в Италию, чтобы навести порядок и укрепить законность, но вскоре подозрительный Людовик Благочестивый отозвал сына к себе в Ахен, не разрешив надолго задержаться в Павии — резиденции короля Италии. Узнав об этом, Римский епископ заманил тщеславного (как выяснилось) юношу в Рим, где в Пасху 823 г. венчал его императором Западной Римской империи. По сохранившимся сведениям, отец-император не имел ничего против этого акта, вновь проявив отсутствие того ума и зрелости мысли, какие демонстрировал Карл Великий. Он даже не догадывался, *сколько* папа Пасхалий выиграл в своих отношениях с императорским престолом, короновав Лотаря в Риме, а не в Реймсе, как некогда самого Людовика Благочестивого. Теперь Римский епископ наглядно продемонстрировал, что Апостольский престол, и только он, является источником власти *всех* монархов, включая и Франкских королей. Отныне и на многие столетия императором мог стать только тот, кто непосредственно в Риме будет венчан понтификом.

Но, надо сказать, и папа недооценил *всех* последствий своего поступка. Молодой Лотарь с полным сознанием собственных прав начал наводить порядок в Риме, к вящему неудовольствию клириков и вос-

торгу аристократической партии, не признававшей власти папы над городом. И едва юный император отъехал к отцу, в Риме вновь начались волнения, закончившиеся очередными казнями противников Пасхалия — двух министров папского двора Феодора и Льва. Поскольку эти лица относились к высшему сословию и являлись приверженцами императора, Людовик Благочестивый направил в Рим своих сановников для производства дознания. Прибыв в августе 823 г. в Вечный город, те с изумлением обнаружили, что папа уклоняется от следствия и открыто *бойкотировает* приглашение императорских судей прибыть для дачи объяснений.

Время шло, папа являл собой пример открытого неповиновения императору и, чтобы раз и навсегда освободиться от необходимости объясняться перед судьями, принес очистительную клятву, попутно предав проклятию убитых и выступив с защитительной речью в пользу убийц. Поняв, что им делать больше нечего, франкские сановники вернулись в Ахен вместе с легатами папы. Людовик Благочестивый был в ярости: как император, он был обязан защищать своих подданных, но, вновь столкнувшись с открытой конфронтацией со стороны папы, не осмелился что-либо предпринять против него. Неизвестно, чем бы закончилась эта история, но вскоре папа Пасхалий умер⁴⁴³.

На место покойного Пасхалия был избран пресвитер церкви св. Сабины *Евгений* (824—827) — и снова без участия и согласия императора. Когда весть об этом дошла до Ахена, Людовик срочно направил Лотаря в Рим, чтобы тот на месте выработал «*Имперский статус*», регламентирующий отношения императора и папы. В сентябре 824 г. Лотарь прибыл в Рим и был встречен папой с большим почетом. Однако уже на следующий день его взору открылась неприглядная картина: многие знатные римляне закончили жизнь на эшафоте, а слуги покойного папы Пасхалия конфисковали их имения в папскую казну. Юный соимператор активно взялся за дело и вскоре восстановил порядок, потребовав возвращения незаконно конфискованного имущества, чем вызвал бурный восторг латинян. Затем, в ноябре 824 г., после консультаций и дебатов с понтификом, была обнародована «Конституция Лотаря», «Имперский статус», включавший в себя 9 параграфов.

Главное положение «Конституции» заключалось в том, что отныне государственное управление Рима признавалось принадлежащим и императору, и папе. Папа получал права местного правителя, императору же принадлежала верховная власть, верховный суд и надзор за распоряжениями апостолика, касающимися политической сферы. Вместе с тем «Статусом» признавалась и *политическая власть папы* —

жителям Рима предписывалось повиноваться ему, как обычному правителю. Для предупреждения беспорядков было установлено, что никто не вправе вмешиваться в процедуру избрания очередного папы, хотя роль самого императора при избрании осталась крайне неопределенной. В виде отдельной преференции гражданам Рима было предоставлена возможность выбора права, по которому они желают быть судимы: римское, салическое или лангобардское⁴⁴⁴.

В соответствии со «Статусом», перед избранием очередного папы римляне обязывались дать следующую клятву: «Я клянусь Всемогущим Богом, и всеми четырьмя Святыми Евангелиями, и крестом нашего Господа Иисуса Христа, а также мощами первого апостола святого Петра, что с сего дня и навечно буду верен нашим господам императорам Людовику и Лотарю и что без обмана и зловредности буду существовать и не соглашусь на то, чтобы избрание на Римскую епископскую кафедру проводилось по-иному, чем это происходило законно и согласно канонам. И тот, кого избрали папой, не должен быть с моего согласия посвящен до тех пор, пока он не даст клятву в присутствии послов императора и народа, как это добровольно сделал папа Евгений»⁴⁴⁵.

При внешнем превосходстве Лотаря над апостоликом многим стало очевидно, что папа Евгений выиграл *стратегический спор* с императорским двором. И ироничная реплика историка, что в результате договоренностей «папа взял больше, чем давал ему на картине апостол Петр, и мог взять у императора и все остальное», верно отражает возможности понтифика и его растущую власть⁴⁴⁶. Итак, теперь на Западе начинают царить *два* владыки, политическая правоспособность каждого из которых закреплена правовым документом.

Увы, далеко не равноправных. Уже сам Людовик Благочестивый видел смысл своей жизни в приумножении силы и авторитета Римской церкви. А его преемник *Людовик II* (855—875) прямо утверждал, что получил свой статус от Римского епископа, и без миропомазания последнего никто императором стать не может. В одном из своих писем в Константинополь он писал: «Император приобрел власть над Римской империей не самовольным ее захватом, как ты предполагаешь, а по велению Божьему и по решению Церкви, через рукоположение и помазание от верховного священнослужителя».

Западное духовенство открыто рассуждало о своем преимуществе перед светскими владыками. И на Соборе в Вормсе в 829 г. епископы открыто высказались в том духе, что Церковь является божественным институтом, стоящим выше государства, а потому власть священника

возвышается над властью императора. Чуть позднее, когда начались нестроения в королевской семье, депутация епископов объявила о низложении, а потом она же и вернула императору статус. А участники Собора 859 г. на своем заседании 14 июня установили общее правило, что епископы, взаимно советуясь и помогая друг другу, должны «руководить в Боге и *исправлять королей, сановников и народ*»⁴⁴⁷. Авторитет императорской власти стремительно падал вниз.

III

Это было далеко не единственное и не последнее разочарование Людовика Благочестивого. 3 октября 818 г. скончалась его супруга, королева *Ирмгарда*, и император в отчаянии даже собирался принять монашеский постриг, но затем одумался. Через год он вновь женился, и его вторая жена *Юдифь*, юная дочь Баварского герцога, вскоре приобрела решающее влияние на мужа. Она была воспитанна, недурна собой, получила прекрасное образование и считала своим долгом покровительствовать искусству и литературе. В 823 г. у королевской четы родился сын *Карл*, прозванный впоследствии Лысым, и королева предприняла решительные усилия, чтобы обеспечить права своему сыну. Неглупая и коварная, она попыталась сыграть на противоречиях между сыновьями своего мужа от первого брака и привлекла к себе *Лотаря*. Презрев имперские планы супруга, Юдифь встала на сторону тех, кому «личное право» казалось более традиционным способом обеспечивать государственные устои⁴⁴⁸.

По тайной договоренности Карлу должны были достаться те наделы, которые по первоначальной воле Людовика Благочестивого отошли *Пипину* (Пипину Аквитанскому) и *Людovicу Младшему* (его еще называли Людовиком Баварским или Немецким). В свою очередь Лотарь согласился защищать наследственный удел своего единокровного брата и обеспечить тому права на оставшиеся земли. Однако вскоре понял, что он — лишь *часть комбинации* Юдифи, имевшей куда более далекие планы. Вскоре их отношения совершенно охладели, причем отец, Людовик Благочестивый, принял сторону жены, которая манипулировала им как хотела.

В это же время Людовик Благочестивому пришлось приложить немало усилий, чтобы прекратить славянизацию западных земель. В 819 г. те нанесли поражение маркграфу Кадолаю, и только в 822 г. объединенное войско алеманов, франков и баварцев разгромило войско маркграфа Людевита, погибшего в следующем году в Далмации.

Как следствие его усилий, начатки славянской государственности к западу от Болгарии были уничтожены⁴⁴⁹.

Но вернемся к королевской семье. Первое открытое столкновение между Лотарем и Юдифью произошло в 826 г., когда в Испанской марке началось восстание. Получив это известие, император приказал своим подданным Гугону Турскому и Матфриду Орлеанскому, сторонникам и друзьям Лотаря, помочь королю Аквитании. Но пока те собирались и продвигались к театру военных действий, восставшие и их союзники-арабы, подданные Омейядов, успели захватить большую добычу и скрыться. Неудача была поставлена вельможам в вину как *сознательное* неисполнение приказа императора, и на ассамблее в Ахене в 828 г. по настоянию Юдифи ее муж освободил графа Орлеанского от должности. Это был тяжелый удар для Лотаря (Гугон Турский приходился ему тестем), усугубленный тем, что вскоре королева приблизила ко двору Бернара Барселонского, опытного и храброго военачальника, ранее успешно сражавшегося с сарацинами на юге Франции.

Как известно, умение использовать малейшие нюансы имеет едва ли не решающее значение в политических делах. Не желая упускать выпавший ему счастливый случай, в 829 г. Людовик Благочестивый на созванном в Вормсе сейме перераспределил Западную Римскую империю между своими сыновьями. Шестилетнему Карлу Лысому досталась Алемания и верхняя Бургундия, а владения Лотаря были разделены на две части с новыми административными центрами в Ахене и Реймсе. Нужно сказать, что Алемания представляла собой обширную область с включением современной Швейцарии, Эльзаса, Лотарингии, Вюртембурга, Бадена и была заселена дикими германскими племенами, яростно боровшимися с франками и очень неохотно подававшимися романизации.

Самому Лотарю отец приказал удалиться в Италию и не появляться при своем дворе. Он перестал, как это делалось раньше, подписывать официальные акты от своего имени и имени сына, оставив только себя. Помимо этого, по настоянию Юдифи Людовик уволил весь нижний персонал двора, удалил от себя многих вельмож, чем вызвал негативную реакцию почти половины королевства⁴⁵⁰. Благочестивого короля за глаза называли *разрушителем* единства Франкского государства, и «консерваторы» сделали ставку на Лотаря⁴⁵¹.

Противостояние из разряда дворцовых интриг переросло в открытое неповиновение Людовику Благочестивому в 830 г., когда был объявлен поход на племя бриттов в Арморике. Хотя предводитель франкского войска — новый фаворит королевы Бернар Барселонский

одержал ряд убедительных побед, духовенство, поддерживавшее Лотаря, вменило полководцу в вину то, что он начал поход в Страстную Пятницу, когда *любые* военные действия воспрещались. А правителю Аквитании Пипину было доведено до сведения, что якобы в действительности весь поход был затеян против него, чтобы отдать Аквитанию Карлу Лысому.

Пипин тут же выступил с армией против отца, к нему присоединился его брат Людовик Баварский, а из Италии на помощь мятежникам шел Лотарь. Целью их похода являлось удаление Карла Лысого, казнь Бернара Барселонского и восстановление договора 817 г. о разделе Западной Римской империи. Объединенные силы трех братьев оказались намного сильнее королевской армии, и Людовик Благочестивый благоразумно капитулировал. Ненавистный Бернар Барселонский был удален от двора, а сам император вместе с Юдифью и сыном Карлом отдали себя на милость победивших сыновей.

Но, как это нередко бывает, вскоре между победителями вспыхнули раздоры, вызванные территориальными спорами. Лотарь требовал от братьев пострижения отца в монахи и передачи ему императорской короны, но те не спешили поддержать претендента. Воспользовавшись этим, Юдифь организовала тайную встречу своего супруга с Пипином Аквитанским и Людовиком Баварским, и те потребовали назначения нового сейма в городе Нимвегене, что находился в Германии. Результат собрания высшей аристократии и духовенства Западной империи был обескураживающим для Лотаря: Бернара Барселонского признали невиновным, Юдифь принесла очистительную клятву, а сам Людовик Благочестивый восстановлен в правах императора Франкской державы⁴⁵².

Однако Юдифь была не той женщиной, чтобы прощать нанесенные ей обиды. По ее требованию благочестивый король вызвал к себе Пипина Аквитанского по частному делу, но по прибытии сына арестовал того. Тому каким-то чудом удалось бежать, и тогда отец созвал новую ассамблею в Орлеане, чтобы судить непокорного отпрыска как мятежника и отобрать его удел. Едва первая задача казалась выполненной, как королю доложили, что и Людовик Баварский замышляет против него нечто дурное. Пришлось вновь собирать войско и идти против мятежников — благо, что Баварский государь поспешил явиться с повинной к отцу в Аугсбург и принял те условия, которые тот ему продиктовал. Оттуда, не снимая доспехов, Людовик Благочестивый направился навстречу Пипину, бежавшему при приближении королевского вой-

ска. В качестве наказания император отобрал у того Аквитанию и передал ее Карлу Лысому

Но тут внезапно раздался ропот со стороны остальных франкских магнатов, недовольных нарушением условий договора 817 г. Как ни странно, в защиту мятежных сыновей выступил и Римский папа *Григорий IV* (827—844), поддерживавший Лотаря. Оказавшись в одиночестве, Людовик Благочестивый сделал последнюю попытку сохранить власть: он предложил Лотарю соправительство в Западной империи при условии, что вторая половина достанется Карлу Лысому по совершеннолетию, но Лотарь отказался⁴⁵³.

В пику Риму большинство франкских епископов собралось в Вормсе, где подтвердили свою верность Людовику Благочестивому и подготовили папе послание. В нем содержалось приглашение (требование?) к папе приехать к ним на самозванный Собор, если, конечно, тот верен присяге императору, а если нет, то они низлагают его, как изменника и клятвопреступника. Надлежит отметить, что сила Галльской церкви уже в то время не вызывала никаких сомнений. Во-первых, за ее епископами стояли мощные фигуры Пипина, Карла Великого и его сыновей, а, во-вторых, уже в те годы франкские архиереи владели почти третьей частью земель, находящихся в собственности императора Франконии. Король создавал епископии и архиепископии, и все архипастыри и аббаты давали ему клятву верности. Карл Великий, Людовик Благочестивый и Лотарь сами назначали епископов (светская инвеститура), и те, становясь вассалами, поднимались на одну ступень с графами и герцогами⁴⁵⁴. Поэтому франкские епископы находились лишь в *номинальном* подчинении Римского папы, не обременяя себя дополнительными обязательствами по отношению к Риму.

Неудивительно, что понтифик испугался франкского послания. Но некто аббат Вала доказал апостолику, что папа не подвержен никакому суду, как глава Кафолической Церкви. Успокоившись, Григорий IV отписал франкским архиереям соответствующее послание, ничуть не добавившее мира в Западной империи.

Не добившись своих целей мирным путем, Людовик Благочестивый в 833 г. двинул армию против объединенного войска трех сыновей, к которым присоединился и папа Григорий IV. На равнине «Красное поле» (после этой битвы его называли «*Поле мжи*»), что располагалась возле Эльзасского имения императора Кольмар, противники встретились. Демонстрируя свое нежелание воевать с отцом, все три сына прислали уверения в сыновнем почтении и убеждали того, будто борются не с ним, а с враждебной им партией, нарушавшей их династические

права. Сам папа явился в лагерь Людовика Благочестивого, где в течение нескольких дней вел с императором переговоры⁴⁵⁵.

Это-то и погубило Людовика. Пока он заседал с понтификом, его солдаты общались с франками из другого лагеря и вскоре разочаровались в Юдифи, которую все считали главной виновницей несчастий. Когда утром выяснилось, что папа не договорился с императором, целые толпы солдат из его армии открыто перешли на сторону Лотаря. Делать нечего — Людовик Благочестивый вновь сдался на милость своих сыновей, которые расправились с отцом и родственниками довольно сурово: Карла Лысого заточили в монастырь, Юдифь отправили за Альпы, в итальянский город Тортону, в ссылку, а отца посадили под стражу⁴⁵⁶.

Теперь полновластным императором стал Лотарь, не без тревоги, однако, заметивший резкое падение своего авторитета среди франков: те не могли простить измену сыновей отцу и при малейшей неудаче готовы были опротестовать единовластие амбициозного сына. Сожаление по поводу того, что и его втянули в эту неприятную историю, высказал и папа Григорий IV, вернувшийся в Рим. Лотарь решил отправиться с отцом на сейм в Париж, где надеялся добиться от того публичного отречения от императорской короны. Недалеко от Парижа императора заключили под стражу в монастыре Сен-Медард в Суассоне, где с ним начали плотно работать, стремясь вырвать акт отречения. Людовику ложно внушали, будто Карл Лысый постригся в монахи, а Юдифь скончалась. Все было напрасно: Людовик заказывал заупокойные службы по жене, но не отрекался.

Тогда кто-то надоумил Лотаря использовать древнее папское постановление по одному судебному прецеденту. Смысл папского решения сводился к тому, что лицо, принесшее публичное покаяние по тяжким преступлениям, не вправе более брать в руки оружие, а подлежит пострижению в монахи и лишается гражданских прав. Сыграли на благочестии несчастного короля — тот, не чувствуя подвоха, легко и даже с радостью согласился. В церкви Святого Медарда в присутствии большой толпы народа Людовик принес многочасовое покаяние. Епископ, принимавший его, снял с плеча короля перевязь с мечом и заявил, что отныне тот должен посвятить себя Богу. Но Людовик, понявший, в чем было дело, наотрез отказывался принять постриг.

Поскольку такого вида наказания, какое предусматривало папское постановление, салическое право не знало, а фигура раздавленного горем и обманом императора внушала всеобщую жалость, франк-

ские аристократы отказались на сейме признавать Людовика Благочестивого в чем-либо виновным. А франкские епископы сняли с него интердикт и подтвердили в 834 г. его императорство. Массы народа с воодушевлением встречали любимого короля, и Пипину с Людовиком ничего не оставалось делать, как в очередной раз явиться к отцу с повинной. Лотарю оставили Италию, зато отобрали остальные владения. Юдифь была возвращена во дворец, а Карл Лысый освобожден из монастырской тюрьмы. Этот заговор и связанные с ним перипетии окончательно надломили императора. Остаток своей жизни он провел исключительно в служении Богу, заботах о Церкви и священниках, не интересуясь больше политическими делами⁴⁵⁷.

Но в игру опять включилась вездесущая Юдифь, решившая вновь объединить усилия с Лотарем — он все-таки казался ей самым могущественным из братьев и являлся венчанным императором, а потому мог поспособствовать ей и перераспределить Аквитанию, оставшуюся после смерти Пипина Аквитанского ничейной, в пользу Карла Лысого. Людовик Баварский, конечно, возмутился: ведь он в этом случае не получал ничего, и объявил войну отцу и Лотарю. Против него направился с армией сам Людовик Благочестивый, но по дороге скончался в июне 840 г. на одном из небольших рейнских островков⁴⁵⁸.

Смерть несчастного короля возбудила новый всплеск вражды между Карлом Лысым, Лотарем и Людовиком Немецким. Покойный император издал столько противоречивых распоряжений по поводу раздела территории Западной империи, что теперь едва ли не любой из сыновей имел полное право претендовать на новые области⁴⁵⁹. В борьбе за свои «права» Карл и Людовик объединились против старшего брата и 9 марта 841 г. дали тому сражение при Фонтену-ан-Поуизе. Битва была жестокая и стоила многих жертв — говорят, с обеих сторон легло более 30 тыс. франков, но в итоге император *Лотарь I* (840—855) был разбит. Как говорят, никогда ранее франки во взаимных распрях не доходили до такой степени ненависти к противнику. И, словно повторяя картины античных времен, братья и родственники уничтожали друг друга, неистовые в собственной ярости. «В этой битве, — писал летописец, — силы франков настолько ослабли, а известная доблесть настолько уменьшилась, что в последующем их не только не хватало для расширения королевства, но даже для защиты собственной земли»⁴⁶⁰.

Когда запал битвы прошел, орошенные братской кровью воины впади в ужас и обратились к Римской церкви с просьбой смыть с них это позорное пятно. Делать было нечего — желая покончить со смутой, епископы довольно убедительно объяснили, что битва велась франка-

ми во имя *торжества справедливости* (!), и ограничились всеобщим 3-дневным постом⁴⁶¹.

Принеся покаяние, победители разделили между собой Западную империю, и 14 февраля 842 г. в Страсбурге был подписан соответствующий договор⁴⁶². Примечательно, что договор был написан на различных франкских диалектах, давших начало современным германскому и французскому языкам, — единственно понятным подавляющему большинству присутствовавших лиц; латынь не использовалась.

В 843 г. Лотарь, чтобы окончательно не утратить свои последние владения, был вынужден составить с братьями новое соглашение о разделе. Переговоры, предшествующие подписанию договора, длились долго. С германской скрупулезностью был составлен перечень всего того, что подлежало разделу. Описано все королевское имущество, имущество графств и размер их отчислений в казну, все епископства и аббатства. Спор шел в основном по четырем позициям: равноценность трех частей, отходящих к каждому из братьев, территориальное единство каждой, сохранение трех существующих королевств — Аквитании, Баварии и Италии, и, наконец, взаимное уважение ко всем ветвям рода Карла Великого, на чем особенно настаивали крупные аристократы. Сюда же вплелись прежние политические договоренности: в частности, правитель графства Шалон-сюр-Сон, который остался верен Карлу Лысому, не должен был лишиться своего надела. Сложности возникли и с описанием границ — течение рек, всегда являющееся естественным ориентиром в подобных случаях, не совпадало с теми планами, которые чертили договаривающиеся стороны. Примечательно, что языковые различия вовсе не принимались во внимание при разделе земель⁴⁶³.

Соглашение было заключено в Вердене в августе 843 г. Лотарю отошла Италия и титул императора, Карл получил Аквитанию, Септимианию, Испанскую марку, часть Бургундии, всю Нейстрию, Францию, Бретань, Фландрию. Людовику Немецкому отошли Зарейнская Германия, часть Швейцарии и Австрийский Тироль. После этого можно было с уверенностью говорить о *распаде* империи Карла Великого и формировании основы для создания в Европе новых государств трех ведущих наций — франков (французов), германцев и итальянцев.

Франкский мир оказался в очередной раз (и уже окончательно, добавим мы) раздроблен. Поскольку никакие объективные соображения не брались в расчет при разделе Западной империи, ни восточные, ни западные франки не переставали обращать свой взор на богатые области, неожиданно оказавшиеся между ними. По справедливому ут-

верждению одного историка, традиционная вражда между Францией и Германией не старше Верденского договора⁴⁶⁴.

От Западной Римской империи теперь осталось только наименование, и вместо единой политической силы на арену истории выступили три доминирующих государства: Германия, Франция, Италия. Отныне они начинают играть решающую роль в формировании портрета Западной Европы. Это событие было воспринято «знающими» людьми на Западе как конец света. Лионский клирик Флор скорбно писал, что «франкская нация отныне распростерта по земле, словно пыль», говорил о «корольках» и слабости «обрывков прежде могущественного королевства»⁴⁶⁵. Но эти слова уже ничего не могли исправить.

И нет ничего удивительного в том, что вскоре византийцы, регулярно получавшие сообщения о ситуации на Западе, «забыли» о договоре 812 г. Это случилось уже в 824 г. Тогда в Константинополь прибыли послы от Франкского короля Людовика Благочестивого, и греки обращались к ним, как к посланникам «короля франков и лангобардов, называющего себя императором»⁴⁶⁶.

Впоследствии процесс распада только усиливался. В 855 г. император Лотарь принял монашеский постриг и удалился в Прюмский монастырь, что в Италии, и 28 сентября того же года в молитвенном бдении отдал Богу душу⁴⁶⁷. После этого каждый из его сыновей получил по наделу, согласно отцовскому завещанию. *Людовику* (855—875) досталась Италия и номинальная императорская корона. *Карлу* (855—863) — Прованс, *Лотарю Младшему* — земли от Вогез до Северного моря, названные в его честь Лотарингией (855—869). После смерти Людовика Баварского Восточную Франконию ждала та же участь: *Карломан* (876—880) унаследовал Баварию, *Карл Толстый* (876—888) — Алеманию, *Людовик Дитя* (852—882) — Саксонию, Тюрингию и Франконию.

В Западной Франкии уже при жизни *Карла Лысого* (875—877), который все-таки стал императором, один мятеж сменял другой. Аквитания вышла из-под его власти и объявила о своей самостоятельности как независимое королевство. Аристократы, почувствовав свою силу, посчитали совершенно необязательным соблюдать старые клятвы и потребовали от короля, чтобы ни одно серьезное решение с его стороны не было сделано без предварительного совета с ними и их согласия. После 843 г. в течение короткого времени еще 5 раз (!) будут составляться новые и новые договоры о разделе империи Карла Великого, которой попросту не стало⁴⁶⁸.

В отличие от франков, неспособных вместить в свое сознание имперскую идею, Рим, как уже говорилось выше, по-прежнему мыслил существование мира в старых образах, хотя качественно перераспределил роли в церковной и политической иерархии. Пусть Западная империя разделена, но ведь все три короля — христиане, и все они в той или иной степени признают первенство Римского епископа в Кафолической Церкви. Почему же, спрашивается, не попытаться воссоздать если не Римскую империю, то организовать, например, *Тройственный союз* всех христианских западных государей?

Надо сказать, такие попытки предпринимались, и не раз. В 844 г., в 847 г. и в 851 г. созывались необходимые конференции, где говорилось много красивых слов и давалось множество обещаний, о которых забывали, не успев разъехаться по домам. На самом деле, сохраняя внешне братские отношения, все три наследника Людовика Благочестивого постоянно пытались сговориться двоим против одного, чтобы устранить «несправедливости» раздела их отцом Франкского государства.

В 848 г. Лотарь попытался объединиться с Людовиком Баварским против Карла Лысого, а в 854 г. — с Карлом против Людовика. В этом же году Людовик в отместку направил своих людей в Аквитанию, чтобы поднять восстание против брата. Дважды, в 858 и 875 гг., Людовик Баварский нападал на королевство Карла Лысого, пытаясь лишить того короны. После смерти Лотаря, происшедшей в сентябре 855 г., Карл дважды (в 861 и 869 гг.) вторгся в Лотарингию и Прованс, пытаясь отобрать эти земли у законных наследников. Лишь изредка оба брата, Карл и Людовик, договаривались о взаимных действиях, если их интересам угрожали третьи силы, или для того, чтобы посягнуть на чьи-то чужие территории. Поэтому соглашение, которое они заключили в 859 г., как вечное и нерушимое, стоило столько, насколько соответствовало интересам каждого из наследников покойного Лотаря в конкретную минуту⁴⁶⁹.

Императорский титул к тому времени совершенно *девальвировался*. Раздел государства Лотаря I между тремя его сыновьями — Лотарем II, Карлом и Людовиком, только способствовал тому, что память о единстве Франкской державы совершенно стерлась в умах современников. Лотаря II по-прежнему называли «императором», но за границами Италии его титул уже *ничего не значил*⁴⁷⁰.

Взаимные распри существенно ослабили легендарную франкскую силу. Теперь каждый из правителей с громадным трудом защищал свои

владения от внешних врагов, которых вдруг оказалось великое множество. В 851 г. *бретонцы*, обеспокоенные тем, что «их земля лишается совета и знати», с оружием в руках вторглись во франкские земли. Они дошли до Пуатье и с богатой добычей уже возвращались домой, когда Карл Лысый, на свою беду, решил отомстить коварным кельтам (бретонцы принадлежат именно к этой этнической группе). 22 августа того же года противники встретились в решающем сражении. В первую линию Карл Лысый поставил саксов, но как только бретонская кавалерия, вооруженная длинными, тяжелыми копьями, налетела на них, саксы побежали. Франки мужественно защищались, но лишь ночь спасла их от окончательного истребления. По всему полю лежали их убитые и раненые товарищи, пала почти вся конница франков. В страхе Карл Лысый оставил свой шатер и ночью, бросив войско, бежал с поля своего позора. Утром, когда войско обарило отсутствие короля, франки в панике бросили оружие и бежали. В результате бретонцы вернулись на родину с огромной добычей, прославленные победой над непобедимыми (некогда) франками.

А в 853 г. *норманны* на судах вошли в устье Луары и заняли города Нант, Анжер и Тур, «словно ураган разоряя все на своем пути» и сжигая храмы. Так было положено начало их многолетним разбоям на просторах цветущей Франции⁴⁷¹.

Единственной силой, где имперская идея жила и процветала, несмотря на все политические перипетии, осталась Римская церковь. И она начала свою работу по воссозданию единства политического тела, но уже в своей редакции и для собственных целей.

В истории ничего не происходит случайно, и в это же беспокойное время, между 809 и 849 гг., очень кстати для Римского епископа появились столь известные впоследствии «Лжеисидоровы декреталии» (*Pseudo Isidorus*), приписываемые Исидору Севильскому, жившему в VI в. и пользовавшемуся высоким авторитетом на Западе. Одной из частей «Декреталий» являлся «*Константинов дар*» — сочинение чуть более раннего происхождения. Действительным автором «Декреталий», написанных в первой половине IX века, является безвестный французский священник: рукописи написаны по-французски, содержат в себе точные цитаты из Парижского собора 829 г. и приводят события, которые могли иметь место только в это время⁴⁷².

И ранее на Западе пышно цвели всевозможные легенды, впоследствии ставшие едва ли не официальными историческими документами, преследующие своей целью доказать, что никакого земного суда над папой, ни светского, ни церковного, не существует и существовать не может. Это и «история» о крещении св. Константина Великого, которого, якобы больного проказой, крестил и исцелил папа. И так называемый «сборник папы Сильвестра» («*Constitutum Silvestri*»), изданный на несуществовавшем Римском соборе неопределенного года и узаконивающий статус папы как верховного законодателя Церкви. И акты не бывшего никогда в действительности Синуэсского собора (*Synodus Sinuessana*), подтвердившего якобы неподсудность папы даже соборному суду.

«История» эта не лишена интереса и должна была наглядно свидетельствовать о том, что высший суд для понтифика — он сам. По этой легенде, папа св. *Марцеллин* (296—304) по требованию императоров Диоклетиана и Максимиана принес в их присутствии жертву языческим «богам». Затем, раскаявшись, он будто бы в присутствии 300 епископов на Соборе в пещере близ неизвестного ныне города Синуэссе произнес над собой суд и подписал приговор — остальные архиереи были только *свидетелями*. Римская церковь очень ценит эту «историю», полную несуразностей, в частности: не совпадает хронология событий, упоминаемых в рукописи, использованы термины и выражения, неизвестные тому времени. Блаженный Августин ничего не знал об этом Соборе, хотя, как следует из текста, на нем присутствовало много африканских епископов⁴⁷³.

Вслед за ними идут вымышленные акты папы *Сикста* (432—440) о некоем Иерусалимском патриархе Полихронии, обосновавшие правоспособность понтифика единолично судить епископов и даже патриархов. И хотя едва ли справедливо утверждение, будто апостолики являлись тайными инициаторами или даже изготовителями этих «документов», но, бесспорно, они очень умело и охотно *использовали* их в своих многочисленных баталиях как с Восточной церковью, так и с Западными императорами⁴⁷⁴.

Под влиянием идей не признанного на Востоке Сардикского собора 343 г. на Западе появились императорские грамоты, закрепляющие *особые* права Римской кафедры. Так, эдикт императора Валентиана III от 445 г., изданный по поводу обращения к нему папы св. Льва I Великого, признает первенство Римской кафедры, утвержденное за ней якобы Сардикским собором. Папа назван «гла-

вой Церкви» на вечные времена, и все епископы, включая галльских архиереев, обязаны ничего не предпринимать без согласия святейшего (*venerabilis*) папы вечного Рима. То, что повелевает понтифик, должно служить законом для всех.

Фальшивки касались не только духовных полномочий апостоликов, но и политических, а также территориальных прав. В архиве Латерана до сих пор хранится грамота от 817 г., приписываемая Людовику Благочестивому. Согласно этому документу, Римскому епископу принадлежат не только те области, какие ранее были дарованы ему Пипином Коротким и Карлом Великим, но еще и Калабрия, Неаполь, острова Корсика, Сардиния и Сицилия. Кроме того, утверждалось, что с этого времени латиняне свободно могут выбирать себе папу, не испрашивая на то согласия императора и не утверждая у него избранника.

Подложность этого послания очевидна — указанные территории в то время принадлежали Византийскому императору, с которым у франков был заключен мирный договор, и никакая передача прав на эти земли, конечно, не могла иметь места. Но этот акт вместе с другими сыграет большую роль в последующем обосновании Римскими епископами своих территориальных притязаний⁴⁷⁵.

Но даже на этом фоне «Декреталии» и «Дар Константина» поражали воображение. В них традиционно для легенд излагаются небывалые истории, в частности, о некоем совещании царя с сенатом и римским народом, где св. Константин Великий заявил, будто власть Апостольского престола должна быть признаваема выше императорской. Якобы помимо этого святой царь передал папе и его преемникам Латеранский дворец, сам Рим, окрестные земли и вообще все свои итальянские владения. Он же наделил пап правом носить знаки императорского достоинства. Таким образом, не франки предоставили папам земли во владение, но сам св. Константин Великий, раболепствовавший перед папой и служивший у того конюшенным. Следовательно, распорядителем всех этих прав и территорий, титулов и почестей мог быть только один понтифик.

Помимо «исторических» экскурсов, «Декреталии» содержат четкую систему священства, которое предстает в виде Богом установленной и неприкосновенной касты; миряне — суть «*carнаles*». Кто грешит против священников, тот грешит против Бога — вот основной лейтмотив «Декреталий». Они не подчиняются земному суду и несут ответственность только перед Богом. Привилегии священников достигают

своего совершенства в лице епископа, а епископов — в лице Римского папы. Кафедра апостола Петра — первая в мире и источник всякой власти, и понтифик, как *episcopus universalis*, является окончательным судьей во всяком споре, но сам никому не подсуден⁴⁷⁶.

Вообще, утверждали «Декреталии», жизнь священника во всех отношениях отличается от жизни мирян. Он стоит так высоко, что мирянам на него нельзя даже приносить жалобу. Впрочем, *в исключительных случаях* и только для мирян, отличающихся безупречной жизнью, такая возможность существует, но и в этом разе жалоба подается местному епископу. В свою очередь, соблюдая интересы корпорации, «Декреталии» категорично запрещают священникам подавать жалобы друг на друга — мотивы совершенно понятны⁴⁷⁷.

В документе содержалась также якобы выраженная воля святого императора относительно церковной иерархии в Кафолической Церкви: «И мы повелеваем и постановляем, чтобы Римский первосвященник управлял четырьмя главнейшими кафедрами — Антиохийской, Александрийской, Константинопольской и Иерусалимской, как всеми церквами Божиими по всему миру. И понтифик, который будет руководить святейшей Римской церковью, будет высшим и главой всех священников по всему миру, и все дела будут решаться по его суждению»⁴⁷⁸.

Кроме этого, в «Декреталиях» приводятся несколько важнейших постановлений Римских епископов, из которых вытекают три главных принципа папской теократии. Во-первых, устанавливается, что любое духовное лицо, осужденное любым Собором, может апеллировать к Римскому епископу. И тот властью, данной ему Богом через апостола Петра, вправе кассировать и отменить любое соборное постановление. Во-вторых, ни Вселенский, ни Поместный Собор не могут быть созваны без согласия Римского папы. Наконец, никакой епископ не может быть смещен с кафедры без согласия апостолика.

Очевидно, в итоге в корне подрывалась власть Римского императора и Франкского короля. Уже Карл Лысый и Лотарь были вынуждены заявлять, что только Собор епископов вправе отнимать у них власть, но это выглядело почти как признание своего поражения в идеологической баталии. В «Декреталиях» был поставлен крепкий заслон и против сепаратизма национальных церквей, в первую очередь Франкской церкви⁴⁷⁹.

Примечательно, что «Декреталии» извратили даже те каноны, на которых ранее основывали преимущества Римской кафедры. Так, в частности, вопреки правилам Сардикского собора, «Декреталии» предусматривали не просто возможность апелляции низвергнутого

епископа к папе, суд которого становится окончательным, но устанавливали право обвиняемого архиерея обратиться в Рим еще *до назначения суда* (!). Как следствие, суды Поместных Церквей просто-напросто становились номинальными в системе папского судопроизводства⁴⁸⁰.

«Документ» этот, совершивший переворот в умах и породивший массу канонических толкований и глубокомысленных богословских рассуждений, не оставался неизменно строгим по своему содержанию. Притязательность пап возрастала параллельно с расширением их власти, и апологетам Рима приходилось вносить поправки и даже заведомые подделки в изначально подложные документы.

Не довольствуясь той территорией, которую франки передали папе, Рим желал подчинить своей власти всю Италию. Поэтому вскоре появляется «обновленная» редакция «Константинова дара», где св. Константин Великий передает папе *Сильвестру* (314–335) уже «все провинции, владения и города Италии *или* западных стран». Впоследствии, когда итальянские владения показались маловатыми, возникла более грандиозная идея доказать, что *все* государства Запада суть собственность Апостольского престола, а короли и императоры являются лишь ленниками папы. Поэтому предыдущая редакция «Дара» вновь подверглась «переработке», следствием которой союз «или» был изменен на «и»: «города Италии *и* западных стран».

Но и этот трюк был не последним. При папе Григории VII Гильдебранде, когда Рим начал посматривать на Восток и, в частности, на Русь, возникла необходимость доказать нелегитимность владения Византийскими императорами этими территориями. Папы объявили, что со времен Карла Великого Византийские цари носят власть и титул преемника св. Константина Великого *незаконно*, так как с тех пор корона была передана папами вначале Каролингам, а потом и германцам. Но старый текст был не в состоянии обосновать столь смелые мысли, и пришла пора в очередной раз вступить в дело канонистам-фальсификаторам.

Правда, в этом случае выходило, будто св. Константин Великий, подаривший папе Сильвестру вместе с Италией и Западом заодно и все восточные провинции своей Империи, должен был либо совершенно удалиться от дел (чего не было на самом деле), либо, оставив у себя Восток, заявить, что правит им в качестве *наместника папы*. Это была уже совершеннейшая нелепица, хотя с технической точки зрения не

очень сложная по исполнению. «По счастью» для Византийских императоров, дело до этого не дошло⁴⁸¹.

Помимо отдельных подделок, «Дар» имел и множество толкований, которые, наслаиваясь на поздние редакции этой фальшивки, совершали один переворот в вопросе о правах императоров за другим. Безусловно, обаяние имени св. Константина Великого было велико, и ссылка на его волю, как основание для последующего владения конкретными территориями, признавалась всеми.

Но так было только на первых порах. Впоследствии папам показалось нелогичным и где-то даже ущемляющим высокое достоинство Римского престола, что в основании их всемирной власти лежит воля хотя и святого, но все-таки «просто» императора. Потребовалось переработать легенду под новые веяния времени. «Выяснилось», что св. Константин не просто передал папе Латеранский дворец со всеми землями, указанными в документе, а тому предшествовало событие, заимствованное из других легенд. Будто бы папа исцелил больного проказой императора, помолившись св. Петру, и царь, поняв, какими духовными дарами обладают и сам апостол, и его преемник, проникся единственно верной мыслью, что Римская империя по праву принадлежит не ему, а Богу. Поскольку же св. Петр является князем апостолов, то ему Господь передал всю свою небесную и земную власть, а от него эту власть получил папа. Таким образом, Римская империя является собственностью папы, как наместника Христа на земле.

Дух властолюбия к этому времени настолько уже завладел умами понтификов, что в Риме искренне полагали, будто, наделив в свое время папу ленными владениями, Пипин и Карл Великий где-то даже *обманули* их. Что они не оказали папам никакой услуги, а, строго говоря, остались в долгу, поскольку папа и так по своей должности обладает всей Вселенной⁴⁸².

Может показаться невероятным, но «Константинов дар» был настолько распространен, популярен и пользовался таким кредитом доверия, что в него верили знаменитые Грациан и Фома Аквинат. А восточные канонисты, например Антиохийский патриарх *Феодор Вальсамон* (1186–1203) и Матфей Властарь (XIV в.), признавали поступок св. Константина благородным и справедливым⁴⁸³.

«Лжеисидоровы декреталии» также содержат массу подложных древних писем, документов, актов, свидетельствующих в пользу непогрешимости и главенства Римского епископа. Принцип, выводимый

из них, прост — авторитет Апостольского престола в Риме есть верховный во всей Церкви. Папе принадлежит право утверждать в сане епископов и митрополитов, созывать и утверждать Соборы, перемещать архиереев с кафедр и учреждать новые епископские кафедры, судить высших иерархов Церкви и принимать апелляции отовсюду, в том числе на приговоры Соборов; сам же папа никому не подсуден. Помимо духовной власти, сборник наделяет папу и высшими светскими полномочиями⁴⁸⁴.

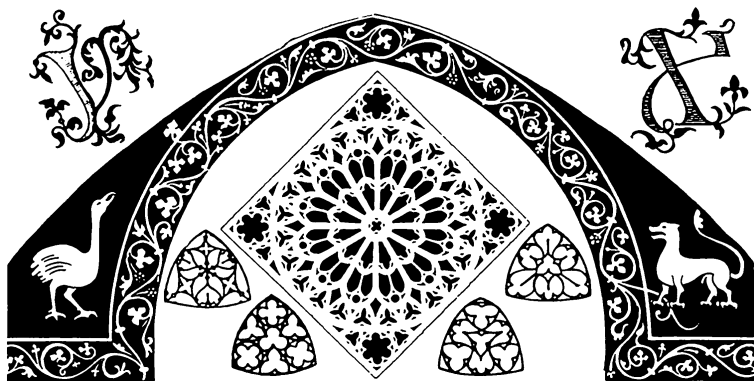
Стоит ли говорить, что при столь различном сознании основных участников исторического процесса *единая* Римская империя уже не могла существовать? В условиях распада империи Карла Великого и расшатывания устоев государственности Запад уверенно шел к торжеству папизма и... кризису самой папской идеи.

АМОРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXVIII. ИМПЕРАТОР МИХАИЛ II ТРАВЛ (820—829)

Глава 1. «Шепелявый» царь. Восстание Фомы Славянина

Справедливо пишут, что Михаил Травл был не первым императором, вошедшим на престол после физического устранения своего предшественника. Но он был первым, кто сделал это настолько *публично* и при наличии столь малых оснований; всем было очевидно, что новым василевсом руководили только личные амбиции. Правление Льва Армянина было, конечно, не идеальным, но покойный монарх много сделал для блага государства и мог сделать еще больше. Поэтому все были удивлены тем, что новый царь на деле оказался гораздо лучше себя самого, каким он был в должности сановника⁴⁸⁵.

Основатель новой императорской династии едва ли может быть отнесен к баловням судьбы или к людям с необычными способностями. Напротив, в течение своей жизни он оставался таким же грубым и простым парнем, каким когда-то отправился покорять вершины иерархической пирамиды Византийской империи.

Он родился далеко на периферии, в городе Амории, что находился в нижней Фригии. Город был известен тем, что в нем издавна проживало большое количество иудеев и *афинган* (в переводе с греческого, «неприкасаемые»). Афингане составили довольно многочисленную секту, учение которой представляло собой механическую эклектику отдельных книг Ветхого Завета и Нового. Сектанты соблюдали иудей-

ские обычаи, кроме обрезания, которое заменяли Святым Крещением. В древности считалось, что афингане являются потомками одного из иудейских колен, но впоследствии было установлено, что это — романизированные цыгане. На их учение большое влияние оказали павликиане, и во времена императора Никифора I Геника они существовали в относительной безопасности: царь распорядился не трогать их. Это продолжалось до царствования Михаила I Рангаве, организовавшего на них гонения, но впоследствии афингане вновь распространились по Малой Азии⁴⁸⁶. Как живописует летописец, юноша сошелся со многими из них, и учение афинган наложило свой отпечаток на его религиозные воззрения. Конечно, он не стал приверженцем этого учения, но многие христианские понятия были *затемнены* сомнительными толкованиями, воспринятыми от еретиков.

Нет сомнения, что происхождения царь был незнатного — в детстве он даже пережил нищету, но сумел получить первоначальное образование. Однако неповоротливый склад ума Михаила не был приспособлен под науки: став зрелым человеком, он испытывал откровенное отвращение к словесным дисциплинам и предпочитал действие умозрительным рассуждениям. Ему нравилось демонстрировать собственные познания в сельском хозяйстве и лошадях, определяя по жеребяткам, какие из них впоследствии могут стать хорошими боевыми конями. К тому же он от рождения страдал дефектом речи (отсюда он и получил прозвище Травл, то есть «шепелявый»), и красноречие, входившее в круг обязательных дисциплин для аристократической элиты Римского государства, было ему недоступно.

Достигнув совершеннолетия, по примеру многих своих сверстников он решил снискать славу на воинском поприще. Очевидно, как человек храбрый, он довольно успешно делал свою карьеру, хотя отсутствие гибкости мышления и прирожденная грубость не позволяли ему рассчитывать на такой рост, какой демонстрировал товарищ его юности, будущий император Лев V Армянин. Все же стремления Михаила выбиться из бедности и стать в один ряд с представителями самых знатных фамилий увенчались успехом. Однажды он даже удостоился многообещающего пророчества о грядущем императорском пурпуре и, как человек хвастливый, не стал его скрывать. Явившись как-то раз к своему командиру, Михаил высокомерно пересказал содержание пророчества, и стратиг, суеверный, как и многие византийцы, поспешил обеспечить свое будущее. Он пригласил Травла к себе на обед вместе с товарищами, и там объявил их женихами своих дочерей. Онемевшие

от счастья войны немедленно согласились — так Михаил получил в жены *Феклу*⁴⁸⁷.

Последующая биография Травла уже известна по предыдущему рассказу: во время неудачного восстания Варданиона он получил в дар от императора Никифора I Геника приличное имущество и занял солидную должность. Видимо, в дальнейшем его рост не был столь стремителен, как на это рассчитывал сам Михаил, и он, помня о старом пророчестве, решил ускорить ход Провидения. Однако эта активность привела его к эшафоту, а оттуда чудесным образом — к царской диадеме. Когда император Лев V был подлым образом убит в храме Святой Софии, заговорщики освободили Травла из-под стражи и *в кандалах* (впопыхах никто не смог отыскать ключи) возвели на царский трон, объявив новым василевсом римлян под именем **Михаила II**. После этого, наконец, при помощи кузнеца были сбиты цепи с ног, и Травл последовал в храм Святой Софии, чтобы венчаться на царство.

Все делалось спешно: Михаил даже не успел омыть руки и сменить одежды, опасаясь, что сторонники покойного самодержца попытаются ему помешать. Видимо, в его душе не проснулось никаких чувств по поводу гибели своего друга и покровителя, восприемником сына которого стал, приняв того из святой купели. Михаил гордо шагал по улицам Константинополя, словно увенчанный победами атлет⁴⁸⁸.

Но все его опасения оказались излишними: никто не заступился за убитого императора, а столичный патриарх Феодот Каситера, не испытывав ни капли сожаления по покойному царю, выполнил волю Травла, венчав того на царство. Впрочем, сохранились свидетельства тому, что новый царь все же выделил часть имущества вдове Льва Армянина и его детям, подарив им также нескольких своих рабов для услужения.

В отношении Михаила II сохранилось несколько историй, чрезвычайно дурно рисующих нам образ нового царя. Рассказывали, что он отрицал дьявола и требовал клясться одним только именем Божиим, считал, что Иуда был прощен и удостоен Царствия Небесного, нередко выговаривал, будто праздник Святой Пасхи отмечается неверно, и одобрял блуд⁴⁸⁹. Но, пожалуй, излишний ригоризм этих оценок должен быть *значительно* смягчен: Михаил никогда не «страдал» особой образованностью, а потому многие богословские «ляпы» были для него вполне естественны и не должны свидетельствовать о намерениях царя подвергнуть сомнению основы Православия. Кроме того, едва ли данные выражения носили общедоступный характер — высказывания Михаил *такое* в храме, его царствие было бы закончено. Что является бесспорным, так это явное нежелание царя иметь вокруг себя про-

свещенных людей, на фоне которых изъяны его образования были бы очевидны для всех, и поддержка иудеев. Он освобождал тех от налогов и податей, и иудеи очень любили его.

Воцарение нового самодержца подарило надежду многим иконопочитателям на то, что прежняя церковная политика претерпит изменения. Не случайно отставленный патриарх св. Никифор направил Травлу послание с просьбой восстановить иконопочитание. Однако царь Михаил II напрямую ответил, что не собирается устанавливать никаких новшеств, но и не желает менять «старые» порядки. Иными словами, император продемонстрировал (по крайней мере внешне) полную *индифферентность* по данному вопросу, но возвратил из ссылки патриарха св. Никифора. Это событие возбудило радость в почитателях святых икон, и св. Феодор Студит направил царю такое послание: «Христолюбивейший владыка! Время примириться нам с Христом при посредстве и по благословению твоей мирной державы, соединиться нам с верховной из церквей Божьих, Римской, и чрез нее с прочими тремя патриархами, чтобы единодушно одними устами прославлять Бога, величая и Ваше благочестивейшее и превозделенное царствование».

Своему другу сановнику Стефану преподобный писал еще более категорично: «Выступай еще на подвиг! Говори благое достопочитимому слуху благочестивого императора нашего. Да подражает он приснопамятному Осии (Израильскому царю. — А. В.). Да будет он новым Давидом, истребляя дела злейшего Льва (Льва V. — А. В.) и таким образом умиловляя Бога и венцом мирного правления соделывая непобедимой державу своего царства».

Однако Михаил Травл оставался равнодушным к этим призывам, стараясь максимально остаться в стороне от спорящих сторон. Не раз и не два император заявлял: «Кто прежде нас исследовал святые догматы, тот пусть и отвечает за то, хорошо ли он тогда сделал или нет. Мы же, в каком состоянии нашли Церковь, в таком решили и оставить ее. Принимая это в соображение, мы настаиваем, чтобы никто официально не осмеливался говорить ни за, ни против икон. Прочь Собор, бывший под председательством Тарасия! Прочь и прежний Собор, бывший при Константине V, и теперь при Льве V! Да царствует глубокое молчание в обществе относительно икон!»⁴⁹⁰

Но так было только в начале царствия: вскоре Михаилу Травлу, как и его предшественникам, пришлось определяться со своими предпочтениями, и царь, оценив расстановку сил, остановился на иконоборчестве. Как человек, не склонный к сентиментальностям и полумерам,

Травл решительно пресек попытки воспротивиться своей воле и обнажил меч на сторонников VII Вселенского Собора. Вскоре в опалу попал известный своей ученостью монах св. Мефодий — будущий Константинопольский патриарх, доставивший в 821 г. императору послание от Римского епископа с просьбой восстановить почитание святых икон. Затем лишился сана Сардский митрополит Евфимий. Хотя в летописях говорится о том, что многие монахи подверглись наказаниям и были отправлены в ссылку, но, очевидно, режим гонений при Михаиле II был гораздо мягче прежних лет.

Того же самого Евфимия по дороге к месту отбытия ссылки по приказу царя вернули обратно, и он принял участие в пиршестве василевса. Когда в 821 г. скончался Константинопольский патриарх Феодот Каситера, игравший первые роли при императоре Льве Армянине, Травл назначил столичным архиереем не Иоанна Грамматика или другого иконоборца, а относительно нейтрального *Антония I Кассимата* (821—837). Из древних хроник и «Жития святых» сохранились примеры жесткого обращения с иконопочитателями при императорах-иконоборцах второй волны, но без труда обнаруживается, что виды наказаний и число потерпевших при Михаиле Травле не идут ни в какое сравнение с предыдущим и последующим царствованиями⁴⁹¹.

Известно также, что император предложил св. Феодору Студиту организовать во дворце диспут с иконоборцами, на что преподобный ответил категоричным отказом, в ответ потребовав от царя низвергнуть всех священников-иконоборцев из сущего сана. Разумеется, Михаил Травл не мог удовлетворить подобное требование: лишение сана большого количества епископов и рядовых священников не могло не вызвать *бурю* в Церкви и новых политических волнений.

Получалась любопытная картина: при соблюдении известных условий Римский царь был готов пойти на *икономию* ради преодоления церковного раскола и во имя единства Кафолической Церкви⁴⁹². А православная оппозиция требовала от иконоборцев только одного: «Раскайтесь, признайтесь в своей ереси, и тогда (только тогда!) будет рассмотрен вопрос о том, насколько с вами возможно общение и восстановление в сущем сани». Неудивительно, что такие предложения не получили удовлетворения среди их идейных оппонентов.

Окончательно определив свои симпатии и антипатии, царь издал указ о запрете писать на любом рисованном образе слово «святой», поскольку, по его мнению, такое слово единственно употребимо к Богу. Затем вышел в свет закон о запрете поклонения иконам, начинавшийся словами: «Я запретил изображать и рисовать их, дабы не воспылало

к ним любовью существо низменное, а пусть только взирает на истину». Вместо этого по царскому приказу начали рисовать зверей, птиц и цветы⁴⁹³.

Однако вне зависимости от указанных обстоятельств, гегемония иконоборчества уже заканчивалась, свидетельством чему стало мощное восстание, прошедшее под эгидой восстановления святых икон, под руководством *Фомы Славянина*. Как справедливо отмечают, апостасию Фомы нельзя рассматривать в ряду других попыток захвата власти со стороны честолюбивых претендентов. С политической точки зрения его восстание примечательно тем, что мы видим настоящий союз предводителя восстания с арабами, представленными в его войске далеко не отдельными и случайными отрядами. С религиозных позиций Фома провозгласил себя защитником святых икон и сыном (по другим слухам, внуком) императрицы св. Ирины. Наконец, нельзя забывать, что в то время Малая Азия, где началось движение Фомы, было сильно заселено славянами, желавшими поддержать единоплеменника. В общем, в скором времени почти вся Малая Азия оказалась в руках мятежника⁴⁹⁴.

Личность этого узурпатора, несколько лет внушавшего ужас императору Михаилу II и его окружению, не лишена интереса. Современники называли его этническим *славянином*, родившимся в Малой Азии. Будучи сыном бедных родителей, Фома юношей отправился в столицу, где пристроился слугой к уже известному нам стратигу Варданиону. Прожив несколько лет под крышей своего хозяина, в благочестии и честности которого мы ранее имели возможность убедиться, Фома соблазнил супругу стратига и был застигнут в момент адюльтера. Но ловкий молодой человек, которому исполнилось 25 лет, ускользнул из-под стражи и сбежал к арабам, где принял ислам и отрекся от Христа. Как и многие самозванцы, он обещал арабам, если те поддержат его, подчинить мусульманам Римскую державу.

Зачем-то для укрепления собственного авторитета среди арабов Фоме понадобился прибившийся к нему в пути мальчик-варвар, которого он сделал своим приемным сыном и именовал Констанцием. Во главе довольно значительного военного отряда арабов Фома с сыном вторглись в приграничные римские территории и, надо сказать, действовали вполне успешно. Поскольку император Лев V был занят войной с болгарами и все силы находились на Западе, слабые приграничные отряды византийских войск не могли пресечь дерзкие рейды Фомы. Поэтому отдельные победы, пусть даже и локальные, обеспечили Славянину славу блестящего полководца и умелого воина⁴⁹⁵. Эти

успехи еще более раззадорили честолюбивого Фому, который всерьез решил претендовать на императорскую корону.

Но, объективно говоря, для реализации столь честолюбивых устремлений одних побед было мало. Требовалась *идея*, способная объединить вокруг узурпатора широкие круги римского общества, и в первую очередь Церковь и армию. И Фома Славянин решил принять иконопочитателей под свое покровительство. Он рассчитал почти все верно: иконоборчество уже давно стало «визитной карточкой» аристократических кругов и высших иерархов Константинопольской церкви, как французский язык в русском обществе XIX века для дворян. Но среди рядовых клириков и христиан Востока оно не пользовалось популярностью. Поэтому призыв Фомы *защитить иконы* вызвал всеобщий и повсеместный восторг, вследствие чего численность его армии резко возросла. Практически вся Малая Азия перешла на сторону мятежника, включая стратигов фем и расположенных там воинских частей. Верность Михаилу II сохранили всего две фемы — Опсикий и Армениак. Как следствие, гражданское и военное управление Малой Азией оказалось на время окончательно расстроеным, чем умело воспользовались грабители-арабы. Они начали совершать дерзкие рейды на эти территории, не встречая практически никакого сопротивления.

Провинциальный флот также перешел на сторону Фомы. Но в этот момент губительно сказался союз Славянина с арабами, заметно охлаждавший отношение к мятежнику со стороны населения по мере приближения Фомы к Константинополю⁴⁹⁶.

Поэтому тот посчитал себя свободным от каких-либо обязательств. Внезапно он напал на один из отрядов сарацин и разгромил его. Затем вторгся на территорию Халифата и вынудил арабов заключить с ним мирный договор. Вследствие этого Славянин решил сразу две проблемы — греческое население Азии боготворило его, как своего спасителя и избавителя от иконоборчества и мусульман, а арабы, заключив договор, тем самым признали статус узурпатора как полноценного государя Римской державы. После этого он с полным основанием потребовал от Антиохийского патриарха *Иова* (810—826) венчать себя на царство, что и произошло в действительности. Конечно, для полного соблюдения традиции венчание должен был произвести Константинопольский архиерей, но в данном случае и церемония, произведенная одним из пяти восточных архипастырей, добавила легитимности чаяниям Славянина в глазах населения.

Сменив после венчания свое имя на благородное Константин, узурпатор собрал громадное войско, куда помимо вооруженных отрядов

присоединившихся к нему азиатских фем вошли арабы, египтяне, индусы, персы, ассирийцы, армяне, халды, ивиры, зихи, кавиры и представители других, уже забытых племен. Как рассказывают, всего под управлением Фома собралось более 80 тыс. солдат — великая по тем временам сила⁴⁹⁷. Поразительно, но первыми союзниками Фома стали сборщики налогов — вечно презируемая широкими кругами населения группа чиновников. Они обеспечили казну мятежника, который теперь имел прекрасную возможность прослыть щедрым и справедливым, раздавая деньги направо и налево.

Надо сказать, Михаил II Травл первоначально не придавал серьезного значения вестям с Востока и направил против армии Славянина лишь слабый отряд, который без труда был разгромлен армией узурпатора. Как говорит летописец, Фома «уничтожил его одним махом, будто кружку воды страждущий». По существу, путь на столицу был открыт, но Славянин прекрасно понимал, что без флота Константинополь не взять.

Собрав все доступные ему морские суда возле острова Лесбос, Фома разделил свою армию на две части. Первая, которой он командовал сам, направилась к Авидосу, где намечалось организовать переправу. Вторая армия под командованием приемного сына Фома, Констанция, должна была сокрушить непокорные фемы Анатолик и Армениак. Но однажды приемный сын узурпатора, уже объявивший день и час, когда они вместе с «отцом» станут царями, по беспечности попал в засаду, устроенную ему Ольвианом, стратигом Армениака, и погиб. Его голову отослали в столицу, а оттуда Михаил II переслал страшный трофей Фома Славянину.

Теперь к прежним замыслам Славянина присоединилась *мечь*. В одну из ночей, когда луна скрылась за тучами, он сумел переправить свою армию во Фракию. Перед ним здесь уже побывал император, надеявшийся собрать из фракийцев войско для войны с узурпатором, но вид и речь царя не показались жителям убедительными. Напротив, когда на фракийскую землю ступила нога Славянина, многие фракийцы согласились записаться в его войско, чем еще более увеличили численность восставших. Помимо этого узурпатор активно вербовал в свои ряды полководцев Льва V Армянина, при Михаиле Травле оказавшихся в опале или в ссылке. Например, он пригласил к себе племянника покойного императора Льва V Григория Птерота, сосланного на Кикладские острова, которому доверил 10-тысячное войско.

Теперь положение Травла стало отчаянным. Надеясь несколько умиловить восставших, он приказал вернуть из ссылки прп. Фе-

одора Студита, но эта мера не принесла желанных успехов⁴⁹⁸. Единственно, что ему удалось сделать, так это собрать в один кулак остатки войск азиатских фем, а также Армениака и Опсикия. Затем царь приказал перегородить цепью бухту Золотой Рог.

Однако в декабре 821 г. армия узурпатора уже подошла к стенам города, причем в войсках Славянина нашлись опытные моряки, сумевшие провести флот мятежников через протянутую цепь во Влахернскую бухту. Фома организовал свою ставку возле храма святых Козьмы и Дамиана, откуда осуществлял командование войсками и флотом. Упоенный легкими успехами, самоуверенный донельзя, Славянин совершенно не рассчитывал на то, что Константинополь придется брать штурмом. Он был крайне удивлен тем, что жители не открыли ему ворота и не выдали императора Михаила II. Несколько дней враги провели в подготовке к сражению: Фома приказал соорудить осадные орудия, а Травл, не имея никаких резервов, прибег к *единственной* силе, способной поддержать его в данную минуту, — к Христу и Пресвятой Богородице. Сын императора, будущий Римский царь *Феофил*, которого отец объявил соправителем Римской империи в 821 г., вместе с патриархом, клиром и синклитом (сенатом) обходил по периметру стены Константинополя, неся Животворящий Крест Господень и Покров Пресвятой Богородицы, чем немало смутил самозванца.

На следующее утро Фома дал команду начать штурм. По его плану флот должен был подойти к городу, а осадные орудия — обстреливать стены, прикрывая пехоту, с лестницами на плечах взбиравшуюся наверх. Сам Фома решил атаковать центр обороны Михаила Травла — Влахернские башни. Но что-то не заладилось у мятежника: осадные орудия оказались слишком слабыми для столь крепких стен, его флот разметала внезапно налетевшая буря, а константинопольцы из луков обстреливали солдат Славянина, нанося врагам серьезные потери. Мятежники дрогнули и стали отступать, что только придало храбрости осажденным: они начали обстрел бегущего противника из дальнобойных стрелковых орудий, чем еще более усугубили панику в его рядах. Приближалась зима, холодная во Фракии, и Фома решил отойти на зимние квартиры⁴⁹⁹.

Зима прошла для соперников на царство по-разному: узурпатор, не сомневаясь в успехе следующей кампании, предавался отдыху и покою, а Михаил Травл деятельно формировал новую армию — благо, мятежники не смогли обеспечить блокаду Константинополя ни с моря, ни с суши. Когда ранней весной 822 г. Фома двинулся на столицу, ему противостоял уже не деморализованный Шепелявый, а блестящий и

грозный Римский император Михаил II. Славянин занял прошлогоднюю позицию близ Влахернской бухты и приказал своим войскам наступать на город. Однако флот мятежника, должный поддержать наступающую армию, наткнулся на царские триеры, вошедшие в бухту. Суда Фомы даже не успели выстроиться в боевую линию, когда стали по очереди пылать или идти ко дну. Началась паника, и часть вражеских судов поспешила сдаться в плен царским триерам. В результате флот узурпатора был рассеян и прекратил свое существование. Штурм также оказался неудачным: дождавшись, пока враги полезут на стены, византийцы внезапно открыли ворота и нанесли контрудар, пока их товарищи сверху поражали врагов стрелами и мечами. Войска Славянина недолго сопротивлялись и побежали — победа императорских войск была блестящей. Но неполной — разница в силах все еще оставалась слишком наглядной.

Однако у Фомы начали возникать проблемы. Любое войско, тем более мятежное, чрезвычайно чутко к победам или неудачам своего избранника; не стала исключением и армия Фомы. Григорий Птерот, не так давно приглашенный Фомой, первым понял, что век узурпатора близится к закату. Он вступил в тайный сговор с императором через одного студийского монаха и внезапно объявил о своем переходе на сторону законного царя. Впоследствии Григорий довольно успешно действовал в тылу Фомы, но в одной из стычек потерпел поражение и погиб. Решив восстановить разгромленный флот, Славянин призвал суда из Эллады: там довлели славяне, и узурпатор попутно решил пополнить за их счет свое войско. Но едва корабли вошли в залив, как византийские триеры, вооруженные смертоносным огнем, напали на них и почти все уничтожили⁵⁰⁰.

В течение всего 822 г. армию узурпатора одолевали царские войска, которые под руководством то царевица Феофила, то Ольвиана, то Катакилы совершали дерзкие «партизанские» вылазки на врага, неизменно одерживая пусть небольшие, но блестящие и весьма болезненные для Славянина победы⁵⁰¹. Сопротивление мятежникам возросло настолько, что в самой Малой Азии императорские войска нападали на союзников Фомы арабов и даже захватили важную крепость Запету⁵⁰².

Перемену ощутили не только непосредственные участники тех событий, но и соседи. Зимой с 822 на 823 г. к императору Михаилу II прибыли послы от Болгарского хана Омуртага, предложившего свою помощь в борьбе с Фомой Славянином. Почувствовавший свою силу царь отказался от этого сомнительного союзника, и, очевидно, обоснованно: если болгары желали исполнить долг в соответствии с ранее

заключенным договором, это можно было сделать и в прошлом году. Скорее всего, их интересовала возможность *пожизвиться* на войне, тем более что ресурсы Фома уже иссякали. Несмотря на отказ, варвары все же вступили в пределы Римского государства и стали лагерем возле города Кидукт. Волей-неволей узурпатор должен был решать сложную задачу: с кем из соперников сражаться. Прекрасно понимая, что силы его армии уже не те, что были ранее, он поспешил разделаться с болгарами, а затем вновь начать штурм Константинополя. Но в сражении, данном ему Омуртагом весной 823 г., войска Фома потерпели поражение. Болгары захватили большую добычу, пленных и возвратились на родину.

Это поражение привело к тому, что весь оставшийся на плаву флот мятежника разом перешел на сторону законного царя. Но честолюбие Славянина было в буквальном смысле слова безмерным — он решил во что бы то ни стало захватить столицу и получить царский венец. Разбив лагерь в долине Диавасис, Фома кардинально изменил тактику и начал предавать окрестности Константинополя огню и мечу. Однако император Михаил II уже был достаточно силен, чтобы терпеть разорение своих земель. Вместе с верными ему полководцами, товарищами, пережившими с ним самые тяжелые минуты, он вышел навстречу Фоме и выстроил войска для битвы.

Славянин решил устроить ловушку и приказал своим солдатам начать притворное отступление при первой же атаке царской армии. Увы, его ждало разочарование: мятежные стратиоты уже несколько лет были оторваны от нормальной жизни, жен и детей, и мнимое отступление обернулось в настоящее повальное бегство армии Фома с поля битвы. Многие воины бросили оружие и попросту бежали, другие пали, третьи перешли на сторону царя, принеся покаяние и дав клятву верности императору. Фома едва спасся с небольшим отрядом в Адрианополе, а его другой приемный сын, Анастасий, до сих пор не упоминавшийся на страницах древней рукописи, захватил маленький город Визу.

Осадив Адрианополь, Михаил Травл действовал, как рачительный хозяин. Он не пожелал брать город штурмом, чтобы не причинить урон своим подданным, волей судеб оказавшимся в осажденном городе. Император рассчитывал, что вскоре голод сам отдаст ему врага в руки, и был совершенно прав. Когда через 5 месяцев в Адрианополе закончились все съестные припасы, жители и остатки мятежной армии выдали царю Фому Славянина на руки в знак своей верности. По зверским обычаям того времени, мятежнику отрубили руки и ноги,

а затем, посадив задом наперед на осла, возили по городу. В октябре 823 г. Фома Славянин был казнен⁵⁰³. Небезынтересно отметить, что при всех расхождениях с политикой царя многие почитатели икон открыто выступили в защиту василевса. Так, в частности, после гибели Фомы Славянина прп. Феодор Студит публично провозгласил, что «убийца понес заслуженную кару»⁵⁰⁴.

Так закончился один из самых тяжелых мятежей за всю историю Византийской империи, едва не стоивший жизни и царской диадемы императору Михаилу Травлу.

Глава 2. Война с арабами. Потеря Крита и Сицилии

Хотя мятежное войско перестало существовать, потрясенная гражданской войной страна еще не успокоилась, и конец 823 — начало 824 г. император потратил на подавление последних очагов сопротивления. Далеко не все провинции были довольны царствованием Михаила Травла и его иконоборческой политикой, а фракийские города Паний и Гераклея открыто отказались признавать власть Травла. Делать нечего — император двинулся с войском против новых мятежников и без труда овладел обоими городами, довольно милостиво отнесясь к измене их жителей. Он ограничился тем, что отправил зачинщиков мятежа в ссылку. Осталось вернуть под свой скипетр важные со стратегической точки зрения азиатские города Кавалу, где сидел товарищ уже покойного Фомы Славянина Херей, и Саниану, в которой правил его друг Газорин. Царь обещал им полное прощение и титулы магистров, но получил отказ. Тогда Травл тайно снесся с горожанами, предложив тем купить прощение предательством начальников своих городов. После этого развязка событий наступила очень быстро: изменников схватили, а Газорина, в частности, повесили на дереве.

Только теперь царю можно было утереть пот с лица, но, как выяснилось, основные проблемы были еще впереди. В первую очередь Михаил пожелал «поставить на место» Западного императора Людовика Благочестивого, посольство которого прибыло в греческую столицу. Как писалось ранее, византийцы отказались именовать Людовика титулом «император», заменив того довольно обидным определением «король франков и лангобардов». Однако, чтобы не повторилась ситуация при Карле Великом и императрице св. Ирине, когда франки и папа попытались объявить царский престол *вакантным* вследствие

еретичества Византийских императоров, Травл настойчиво отстаивал свое православие в глазах Запада. Эта мысль проходит «красной нитью» в письме королю, которое доставили послы Михаила II — протоспафарий и стратиг Феодор, епископ Мирликийский Никита, архиепископ Венеции Фортуната, эконо́м Софийского собора Феодор и кандидат Лев.

«Многие из церковных людей и мирян, — отмечалось в послании, — отверглись Апостольских преданий и отеческих постановлений, сделавшись виновниками злых новшеств: изгнали честные и животворящие кресты из святых храмов и на их место поставили иконы с возженными перед ними свечами и стали оказывать им такое же поклонение, как Честному и Животворящему Древу, пениями псалмов и молитвами просили у икон помощи. Многие возлагали на эти иконы полотенца и делали из икон восприемников своих детей при Святом Крещении. Желая принять монашество, многие предпочитали отдавать свои волосы не духовным лицам, как это было в обычае, а складывать при иконах. Чтобы устранить эти заблуждения, православные императоры составили Поместный Собор, на котором определено было снять иконы. Это постановление мы доселе соблюдаем, отлучая от Церкви тех, кто оказывает приверженность к подобным новшествам. Есть, кроме того, такие, которые, не признавая Поместного Собора, бежали из нашей Империи в Рим и там распространяют поношение и клевету на Церковь. Оставляя без внимания их гнусные изветы и богохульства, извещаем Вас, что мы исповедуем и нерушимо держим в сердце Символ святых шести Вселенских Соборов, соблюдаемый всеми православными христианами». В заключение император просил короля дать пропуск его послам в Рим, а также изгнать из Италии всех «изменников христианской веры»⁵⁰⁵.

Проблемы остались и внутри государства. Страна лежала в разрухе, множество старых, опытных солдат погибло в ходе гражданской войны, а в небе возникали страшные знамения еще больших бед в виде комет. Многие простые византийцы надеялись, что *теперь* царь сменит гнев на милость и восстановит почитание святых икон, но, объективно говоря, эти ожидания едва ли могли реализоваться. Союзниками императора в последней внутренней войне были безучастные к этому вопросу болгары-язычники, высшая военная аристократия и священноначалие, сплошь состоявшее из иконоборцев⁵⁰⁶. Как отмечалось выше, когда пришла весть о новом царе, прп. Феодор Студит написал тому несколько писем, в которых предлагал созвать новый Собор для исследования спора об иконах, настойчиво заявляя Михаилу Травлу,

что единственным компетентным органом в Кафолической Церкви по данному вопросу является общее собрание всех пяти Вселенских патриархов, олицетворявших *церковную «пентархию»*.

Следует сказать несколько слов об этом удивительном учении, имевшем различные интерпретации и послужившем основой для формирования новых и самостоятельных политических доктрин о церковном управлении. Краткая сущность этой теории такова: изначально Христом все области Вселенной разделены между *пятью патриархами* (отсюда и название — «пентархия»), которых в Кафолической Церкви может быть только пять, подобно человеческому телу, одаренному пятью чувствами. Следовательно, только *вся* Церковь вместе в лице пяти своих высших предстоятелей может обсуждать те или иные вопросы, и любое нарушение этого принципа автоматически накладывает печать отступничества на нарушителя.

Эта теория была очень распространенной, и многие канонисты использовали ее для доказательства необходимого существования пятиричного числа вселенских архипастырей. Доказано, что своим далеким появлением «пентархия» невольно обязана Римской кафедре. Во времена нестроений, царивших на Западе, папы весьма ревниво следили за тем, как Константинопольский патриарх все больше и больше возвышается над остальными восточными патриархами. Для ограничения греческой экспансии Рим развивал учение о «*триаде*» (Иерусалимскую кафедру, где, по мнению понтификов, древнее предание забыто вследствие арабской экспансии, следует исключить из числа апостольских кафедр), пытаясь доказать, что Вселенскими могут быть только *апостольские* кафедры, к каковым Константинополь не относится. И в противоположность «триаде» в византийской столице позднее распространилось учение о «пентархии», где не апостольское происхождение кафедр, а *органическая связь* всех пяти Вселенских кафедр ставилась во главу церковного управления⁵⁰⁷.

Анастасий Библиотекарь, долго живший среди греков, впоследствии писал: «Христос в Своем теле, которое есть Церковь, поместил столько патриарших кафедр, сколько чувств в смертном теле каждого. Если все эти кафедры будут одной воли, то в совершенном составе Церкви не будет ни в чем недостатка, подобно тому, как смертное тело не испытывает недостатка ни в чем, если все пять чувств остаются целы и в общем здравии».

Одним из хрестоматийных рассуждений о «пентархии» является речь императорского сановника Ваанеса на Константинопольском Соборе 869 г. — рассказ об этом событии нас ждет впереди в соответстви-

ющей главе. Чиновник утверждал, что слова Христа о том, что «врата адовы не одолеют» Церкви, следует распространить на пять Вселенских патриархов, являющихся небесными светилами и главами Кафолической Церкви. Если падут две и даже четыре «Вселенские» кафедры, то и тогда один оставшийся патриарх будет олицетворять собой всю Вселенскую Церковь, и через него одного она восстановится. Хотя каждый из патриархов индивидуален и имеет собственное поле применения духовных усилий, все они по существу единства и тождества почитающей на них Божественной благодати *равны*⁵⁰⁸.

Вернемся, однако, к нашему изложению. Как и его предшественники, император без восторга отнесся к сношениям преподобного с Римским епископом, подозревая в этом государственную измену. Хотя в 821 г. прп. Феодор и его ученик Николай были вызваны из ссылки, вскоре их влияние при царском дворе окончательно упало. «На всякий случай» оба они были отправлены в монастырь на азиатском побережье, неподалеку от столицы⁵⁰⁹. Тем не менее под конец жизни преподобный стал толерантным к царям, надеясь, что успех принесет не прямая конфронтация с ними, а *естественный* ход событий. Одному из своих учеников он писал: «Теперь не время возобновлять старые споры. Это приносит смуты. Теперь время единомыслия»⁵¹⁰. Кто бы узнал в этих словах «старого» прп. Феодора Студита? Конечно, попытка примирения с его стороны немного утихомирила страсти, но во все не погасила старого спора.

Внутренние неурядицы не могли не сказаться и на отношениях с воинственными соседями, почувствовавшими слабость Римского государства. Арабский халифат, еще не отошедший до конца от мятежей, был неопасен. Но опасность пришла с другой стороны. Вначале в Кордовском халифате, прибежище последних Омейядов, где правил *аль-Хакам* (796—822), произошла смута, с которой сарацины справились быстро и жестоко. В 807 г. 14-летний сын аль-Хакама, будущий халиф *Абд ар-Рахман* (822—852), явился с войском в Толедо, граждане которого всегда отличались свободолюбием, и пригласил на пир самых знатных жителей города. По мере того, как приглашенные входили во дворец араба, палачи, стоявшие поодаль, захватывали их, обезглавливали, а тела сбрасывали в заранее выкопанную яму. Этот день навсегда остался в истории как «*День ямы*». Почти 7 лет испанцы отходили от этой трагедии, но в 814 г. вновь восстали. Однако и на этот раз аль-Хакам разгромил восставших. Как уже указывалось выше, многие жители Кордовы перебрались в Александрию⁵¹¹.

Первоначально они отдались под власть одного из сильных бедуинских племен, но уже в 819 г. александрийские арабы объявили себя независимыми от династии Аббасидов, основав собственное государство. Багдад пока никак не мог наказать дерзких и неблагодарных мятежников, но аль-Хаким решил, что ему вполне по силам не только вернуть тех в свое подчинение, но и попутно захватить Александрию. Опасаясь его мести, в 822 г. часть александрийских арабов отплыла в поисках более подходящих земель. На немногих судах они дошли до острова Крит. Он поразил их своим великолепием, но сарацины даже подумать не могли о том, чтобы с ходу овладеть Критом. Разглядывая его с кораблей, арабы решили вернуться в Испанию и, подкрепившись силами, в следующем году захватить желанный остров, о котором они говорили: «Вот та самая земля, которая сочится медом и молоком».

И действительно, весной следующего года арабский отряд, разместившись на 40 судах, беспрепятственно высадился у мыса на южном побережье Крита. Немедленно сарацины разбрелись по острову в поисках добычи, а их предводитель Апохапс тем временем приказал поджечь стоявшие на причале суда. На гневные и недоуменные вопросы своих товарищей он ответил: «Это вы стремились к отселению и искали лучшую землю. А мне кажется, что лучше этой нет». Ему начали возражать, что в Испании остались их жены и дети, на что последовало такое объяснение: «Женами вам станут пленницы, а дети не заставят себя долго ждать». Согласившись, мусульмане разбили лагерь, предусмотрительно окружив его земляным валом⁵¹².

Вскоре их набеги приняли системный характер, и арабы захватили 29 критских городов, беззащитных перед натиском мусульман, а также соседние острова. Помимо грабежа, сарацины устроили настоящий *террор* в отношении христиан, предав мучительной казни их епископа св. Кирилла. Следует отметить, что политика религиозной терпимости уже давно начала давать у арабов сбои вследствие желания получить от завоеванных народов, все еще очень многочисленных, максимум налогов. По этой причине прежнее уравнивание арабов с христианами отошло в прекрасное прошлое, и была введена *пропорциональная* система налогообложения⁵¹³.

Вскоре весть о нападении арабов достигла Константинополя. По приказу Михаила II протоспафарий Фотин прибыл на Крит, произвел разведку и, убедившись, что силы врага многократно превосходят его, запросил у царя подкрепления. В 825 г. к острову подошло римское войско во главе с протоспафарием Дамианом и комитом царских конюшен, имя которого не дошло до нашего времени. Враги сошлись

для боя, но, к сожалению, в самом начале сражения Дамиан был убит, вследствие чего управление римским войском расстроилось, и деморализованная армия отступила с тяжелыми потерями.

Казалось, все восстало против Михаила Травла: Фома Славянин, арабы, потеря важнейшего острова, имевшего военное и торговое значение. Однако он по-прежнему не желал восстанавливать иконопочитание и, более того, вскоре допустил еще один мерзкий поступок, дискредитирующий имя Римского царя. В 825 г. умерла его жена Фекла, с которой царь сошелся при удивительных обстоятельствах, описанных выше. Вскоре в ближнем окружении пошли упорные разговоры, что императору неприлично оставаться вдовым и оставлять женщин Византии без царицы и госпожи. Император согласился, но прежде потребовал от своих сановников письменной клятвы в том, что после его смерти они станут защищать новую царицу. Получив ее, Травл приказал доставить ему дочь императора Константина VI *Ефросинью*, уже давно вместе с матерью принявшую монашеский постриг и предававшуюся Ангельскому служению. Не в силах сопротивляться, бывшая царевна была вынуждена уступить силе, но данная история вызвала в народе и клире множественные осуждения поступка царя⁵¹⁴.

Свой протест высказал и прп. Феодор Студит, но... *не публичный*. Все еще надеясь вернуть императора к иконопочитанию, Студит смягчил свой ригоризм, стоивший императорам и Константинопольским патриархам в прежние годы много здоровья. Нет, конечно, он не одобрял *такого* брачного союза, но и не призывал кары Небесной на голову императора, преступившего каноны и даже царские законы. Своей матери, также пребывавшей в монастыре, преподобный писал буквально следующее: «Следует, чтобы твое благочестие оставалось в монастыре, когда августа занимает дворец, в котором Евангельский меч ясно производит рассечение. Это, прости, госпожа, с великим раздумьем и тревогой сердечной осмелились мы, как бы беседуя на ухо, изложить в письме, моля Бога о даровании обеим вам лучшего и спасительного и ныне и в будущем»⁵¹⁵.

Однако неудачи не обескуражили Михаила Травла, и в 829 г. он отправил на Крит новое войско под командованием Кратера, стратега Кивириотов, надеясь отвоевать остров обратно. На 70 триерах византийцы прибыли на Крит, но и арабы не собирались отсиживаться в обороне. Вскоре враги стояли друг напротив друга, а с рассветом началась битва. Оба войска упорно бились почти весь

день, наконец, ближе к вечеру сарацины стали отступать, не в силах сдержат натиск римлян. Отступление перешло в бегство, и только крайняя усталость византийцев не позволила им овладеть лагерем мусульман.

Но это событие, начавшееся столь счастливо, закончилось *катастрофично*. Ночью византийцы радостно и шумно отмечали победу, не подозревая, что враги тайно под покровом темноты зашли им в тыл и находятся уже совсем близко. Когда христианское войско уснуло, арабы напали на спящий лагерь и перерезали почти всех находящихся в нем солдат. Полководец Кратер попытался спастись, но был взят в плен сарацинами и живым распят на кресте, стяжав мученический венец за отказ отречься от Христа⁵¹⁶. После этого можно было с уверенностью сказать, что Крит перестал быть имперской территорией. Он стал *стратегическим центром* арабской экспансии на римские земли и представлял большую опасность в течение многих десятилетий. Достаточно сказать, что, по оценкам специалистов, в течение всего этого времени *весь* византийский флот оказался в состоянии блокады, которую не смогли разорвать даже храбрые действия его отдельных флотоводцев, например Орифы⁵¹⁷. Арабы отчаянно отбивали все последующие попытки византийцев вернуть остров, и лишь в 961 г. он был отвоеван византийцами обратно.

А в злосчастном 827 г. Римскую империю ждал еще один неприятный сюрприз: турмах острова Сицилия некто Евфимий воспыал страстью к красивой и молодой монахине Омонизе, еще в детстве принявшей постриг, выкрал ее силой из монастыря, сделав против воли девицы ее своей женой. Когда его упрекнули в этом дурном поступке, военачальник без долгих споров привел в пример императора, недавно также сочетавшегося браком с монахиней, и тоже против ее желания. Братья насильно выданной замуж девушки обратились к суду царя, и император приказал стратигу Сицилии протоспафарию Фотину, переведенному сюда с Крита, произвести расследование. В случае, если такой факт подтвердится, давал Михаил Травл наказ своему сановнику, Евфимию надлежало отрезать нос, согласно римским законам, и снять с должности. Тот, конечно, не стал ждать и бежал в Северную Африку, к повелителю Иврийки, имевшей самостоятельный статус по отношению к Халифату, с предложением передать Сицилию арабам в обмен на жизнь и награду.

Бедуины созвали военный совет, где мнения разделились. Кто-то полагал, что не имеет смысла нарушать мирный договор, заключенный

еще в 813 г., но другие заявили, будто в сицилийских темницах еще томятся мусульмане, захваченные в плен византийцами в ходе последней войны. В итоге арабы провозгласили изменника Римским царем и дали Евфимию большое войско. Сопровождал Евфимия арабский военачальник Асад. Примечательно, что первоначально речь шла о банальном *налете*, а не о завоевании острова.

Интересно, что первое столкновение арабов в июне 827 г. случилось с островными союзниками Евфимия — они просто не признали друг друга. Но затем сарацины нанесли византийцам первое поражение, преследуя тех по южному побережью. У Сиракуз мусульмане остановились. Византийцы попытались затянуть время, направив парламентаров для переговоров, но Асад быстро понял, в чем заключается их миссия⁵¹⁸. После быстрой расправы с отдельными гарнизонами, сохранившими верность Римскому императору, Евфимий явился в Сиракузы, чтобы предстать перед народом в царских одеждах и получить законное признание своих прав на всю Империю. Но здесь его ждало возмездие: два безымянных брата, подошедшие к узурпатору, схватили и отрубили изменнику голову. Разумеется, они тут же погибли сами.

Но битва за Сицилию только начиналась. Сарацины прошли поперек весь остров, и им пришлось столкнуться с сопротивлением других греческих городов, ждавших помощи из Константинополя. Осадив Сиракузы, Асад быстро понял, что осажденные используют любой повод для переговоров, на самом деле ожидая императорской армии, которая запаздывала. Сам арабский вождь в это же время получал постоянные подкрепления с Крита и из Африки. И ему не составило никакого труда уничтожить небольшой византийский отряд, пытавшийся проникнуть в Сиракузы для помощи своим согражданам. Однако месяц шел за месяцем, и стали давать себя знать обычные для осадной войны обстоятельства: голод в лагере осаждавших войск и болезни. К несчастью для арабов, осенью 828 г. Асад скончался вследствие заразного заболевания.

Мусульмане избрали вождем другого воина — Мухаммеда ибн аль-Джевари, но тут к Сиракузам начали подходить долгожданные корабли с продовольствием и подкреплениями из Константинополя. В отчаянии арабы сожгли свои суда — все равно те оказались бесполезными против римского флота, и ушли в глубь острова. К концу 829 г. их положение на Сицилии стало отчаянным⁵¹⁹.

Хотя арабы не овладели Сицилией, с этого года началась их десятилетняя война с византийцами за обладание важнейшим островом.

Впрочем, это не помешало им усилить набеги на другие римские провинции, овладев Калаврией и Лонгивардией. В это же время, используя слабость византийской армии, отложились Далмация, заявив о своей независимости, — греческий элемент уже давно не являлся там преобладающим⁵²⁰.

Осада Сиракуз продолжалась еще довольно долго и с переменным успехом. В один момент римляне уничтожили небольшой арабский отряд, но уже вскоре их полководец Феодот, прибывший из Константинополя, потерпел поражение на равнине Кастроджованни, оставив врагу множество пленных и 19 патрициев. К тому времени сарацины настолько освоились, что начали чеканить в Сицилии собственную монету. Впрочем, Феодот сумел дважды нанести арабам поражения, блеснув полководческим талантом⁵²¹.

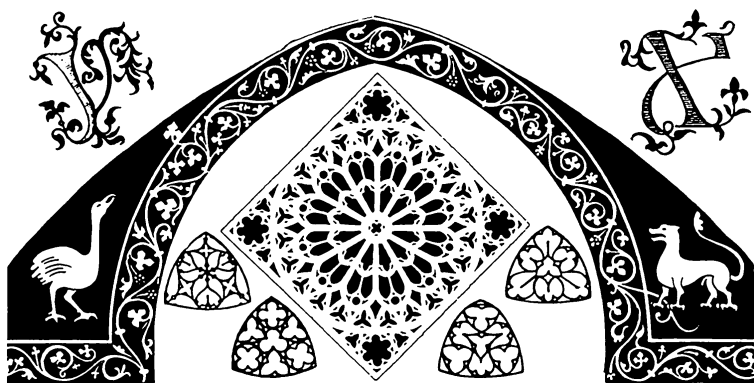
Но императора уже мало интересовали эти детали. Давно страдая недугом почек, он ощутил в последние месяцы ужесточение болезни. 2 октября 829 г. царь скончался и был похоронен в храме Святых Апостолов в гробнице императора св. Юстиниана Великого⁵²².

Царствие его трудно оценить однозначно: при больших потерях очень важных для Римской империи земель, император, все же, не раз доказывал, что владеет тронем не случайно. Замечательно, но даже болгары в критические минуты существования Римской империи не решились, как раньше, нарушить мирный договор, соблюдая дружественный нейтралитет. Трудно сказать также, какой другой император справился бы с Фомой Славянином более успешно и быстрее, чем Травл, и едва ли царя можно упрекнуть за то, что не все проблемы государства были решены в его царствие.

На нем висело обвинение в *цареубийстве*, хотя никаких прямых приказов умертвить Льва Армянина он не отдавал и не мог отдать по объективным причинам — его объявили царем, когда Михаил находился еще в тюрьме, и смерть предшественника находится всецело на совести заговорщиков, приведших Травла к трону. Василевс был груб, но храбр, прямолинеен, но милостив, недалек умом, но самоотвержен, отдавая всего себя Богу и отечеству. Хотя на совести императора грех соблазнения своей второй жены Евфимии, ему была дарована великая радость: его сын Феофил и дочь Мария выросли красивыми, умными и добрыми людьми.

В заключение хочется напомнить, что *ни к одному* из императоров-иконоборцев преподобный Феодор Студит не обращался с такой осторожностью в выражениях и с таким пиететом, как к Михаилу Травлу, что едва ли является случайным...

XXXIX. ИМПЕРАТОР ФЕОФИЛ (829—842)

Глава 1. Справедливый государь

«Боголюбивый» император (таков перевод с греческого имени «Феофил») родился в 813 г. от брака Михаила II Травла и царицы Феклы. Едва сыну минуло 7 лет, как отец объявил того соимператором — в это время восстание Фомы Славянина достигло апогея, и Травл хотел обезопасить свою династию от случайностей военного времени, а также *зримо* подчеркнуть, что у мятежника нет никаких оснований занять царский трон. В отличие от отца царевич получил прекрасное образование: его учителем стал известный своей ученостью клирик Иоанн Грамматик, имевший в ту пору уже чин синкелла, еще при императоре Льве V ставший вождем новых иконоборцев. Как талантливый учитель, тот сумел вложить в своего воспитанника многие идеи и понятия, которые сформировали образ мыслей молодого царя.

Надо сказать, образование василевса было многогранное. Он сочинял гимны и перекладывал на музыку стихиры. Чтобы придать стройность восьмой оде «Слушай, Дева» по четвертому ихосу «Благословите», он исправил его и приказал исполнять в храме Святой Софии. Стих «Изыдите, племена, изыдите, народы», исполняемый в Вербное воскресенье, целиком и полностью принадлежит его перу. Царь сочинил также церковные гимны «Благословите, отроцы» на 4-й глас и «Слыши, дщи Сиона» на 8-й глас. Он очень любил петь в хоре, регенто-

вал и платил певцам довольно солидные деньги⁵²³. Имея склонность к литературе и искусству, Феофил желал прослыть покровителем музыки и предпринимал в этом отношении последовательную политику⁵²⁴. Феофил был большим почитателем восточной и особенно арабской культуры — никогда ни до него, ни после влияние восточных мотивов так сильно не ощущалось в архитектуре и литературе Византии⁵²⁵.

Помимо гуманитарного воспитания, Феофил прошел хорошую военную подготовку, многократно во главе конных отрядов византийских воинов принимая участие в боях с войском Фомы Славянина. Воспитанный в классическом римском духе, царь тщательно следил за внешностью своих подданных, обязывая всех носить короткие прически по примеру своих далеких мужественных предков.

Византийские императоры выросли рано: в 829 г. 16-летний Феофил считался *зрелым мужем*. С устоявшимися убеждениями, твердым, решительным характером он являл пример царя, уверенного в себе и полного чувства ответственности за судьбы Церкви и Римской державы. Даже лица, далекие от славословий в адрес Феофила, не могли не признать за ним множество достоинств, которые тот демонстрировал едва ли не ежедневно. В первую очередь император освободил сановников и армию от клятв в отношении второй жены своего отца, Евфросинии, против воли взятой из монастыря. В полном соответствии с православными канонами царственный юноша объявил, что этот брак противен Богу, поскольку Евфросиния была обручена с Христом, и вскоре отправил мачеху обратно в монастырь, благо, что краткий незаконный брак не оставил детей. Надо сказать, что это решение было с благодарностью воспринято несчастной женщиной.

Затем Феофил предпринял решительную попытку восстановить статус императора, несколько пошатнувшийся в глазах современников после серии дворцовых переворотов. Нужно было наглядно показать, что император является Богоизбранным властителем Вселенной, и *любое* посягательство на его жизнь является преступлением против Христа. Собрав синклит, царь выложил перед сановниками орудие убийства императора Льва V Армянина и спросил: «Чего достойны лица, входящие в святой храм и убивающие там помазанника Божия?» Сенаторы ответили: «Смерти», и тогда Феофил приказал казнить убийц Льва, приведших его отца к власти.

Если бы возникла необходимость охарактеризовать императора Феофила одним словом, то, безусловно, его следовало назвать *справедливым* государем. Воспитанный в духе *культы права*, царь ввел для себя твердое и неуклонное правило постоянно принимать жалобы по

судебным делам и вершить закон. Не делая различий между знатным лицом и рядовым обывателем, царь строго карал виновных, чем вызвал глубокий страх у нарушителей чужих прав и благоговейное удивление и почитание у «друзей закона». Вскоре добрая молва пронеслась по всем землям Римской империи, что на троне сидит справедливый император, карающий мечом правосудия всех нарушителей закона и восстанавливающий правду. Не случайно его имя облеклось легендами, а на сохранившихся до наших дней изображениях Феофил неизменно восседает в кресле судьбы, окруженный множеством сановников и законовеев.

И ранее Византийские императоры не чуждались рядовых посетителей, но Феофил представлял некий классический образец царя, к которому мог явиться с жалобой *любой* римлянин. По устоявшейся традиции император еженедельно отправлялся на богослужение в храм Святой Софии и на улице принимал жалобы от просителей. Как-то раз царедворцы попытались искусственно *проредить* толпу заявителей, но только вызвали гнев Феофила; больше такие попытки уже не предпринимались. Этого мало — очень часто император являлся на городские рынки и, обходя лавки торговцев, интересовался качеством продаваемого товара и его ценой. Это совсем не походило на проформу, должную создать благоприятный имидж василевса: в Римской империи вопросы торговли и ценообразования находились под мудрой и надежной опекой государства, и царь следил за тем, чтобы установленные законом правила не нарушались⁵²⁶.

Сохранилось изложение одного судебного дела, рассмотренного императором. Некий военачальник желал заполучить прекрасного коня, которым владел один мужественный, но небогатый воин, многократно прославивший Римскую державу на полях битв. Хотя стратиг был выше рангом, воин категорично отказывался продать тому своего боевого друга, и полководец не забыл нанесенной ему обиды. Когда спустя какое-то время пришло повеление подобрать для царской конюшни красивую лошадь, стратиг силой забрал у бедного солдата животное и передал императорским слугам. Стратигот не стал роптать, однако его жена, наслышанная о справедливости Феофила, явилась в Константинополь и в день выезда царя во Влахернский дворец пала перед ним на колени. «Под тобой, государь, — конь моего мужа, которого забрали в нарушение закона», — заявила женщина. Пораженный царь, не имевший ни малейшего представления о предшествующих событиях, приказал назначить на другой день суд. Вызвали стратига, попытавшегося уверить царя, будто спорная лошадь является его до-

бычей в военном походе, но на очной ставке ложь его слов стала очевидной для Феофила. Приговор императора был справедлив и суров: стратига сняли с должности, а его состояние передали жене и детям война, уже погибшего к тому времени на войне⁵²⁷.

В другой раз к императору явились бывшие сторонники мятежника Фомы Славянина из фемы Кивирреотов и пожаловались, что некий чиновник, служивший там, а ныне монах Антоний после подавления мятежа конфисковал их имущество. Царь вызвал на суд инока, и хотя тот уверял Феофила, будто преследовал этих людей как мятежников против покойного императора Михаила II Травла, вынес решение вернуть конфискованное имущество⁵²⁸.

Казалось, в лице Феофила воскресли святой Константин Равноапостольный и святой Юстиниан I Великий, чтобы восстановить стабильность, справедливость и порядок в Римском государстве. В течение многих десятилетий ни один из Византийских царей не демонстрировал такой отрешенности от личных интересов и не придавал образу василевса такой внутренней силы и красоты, как Феофил. Исключения не делались ни для кого, подтверждением чему является одна история, связанная с императрицей святой Феодорой, супругой василевса.

Для отдыха от трудов царь приказал перестроить один из пригородов Константинополя и разместил там свой дворец среди роскошных деревьев. Как-то отдыхая в послеобеденную жару, Феофил увидел громадный корабль, заходящий в гавань. Поинтересовавшись, чье это судно, император услышал: «Царицы». На следующий день василевс явился в порт, где на якоре стояло интересующее его судно, узнал, какой груз находится в его трюме, а затем собрал синклит и завел разговор. «Кто из вас имеет нужду в хлебе, вине или какой другой домашней провизии?» — спросил Феофил. На это все сановники, не понимая, куда клонит их василевс, нестройно ответили, что не нуждаются ни в чем. «Неужели вы не знаете, — продолжал царь, — что августа, моя супруга, превратила меня — царя Божьей милостью в судовладельца? А кто когда видел, чтобы Римский царь или его супруга были купцами?» Синклит скорбно молчал. После этого император приказал спустить всех моряков, находящихся на корабле, на землю, а судно сжечь вместе со всеми товарами⁵²⁹.

Как благочестивый христианин, царь упорно боролся с любыми проявлениями греховной человеческой природы, но, увы, и сам однажды был соблазнен красотой одной из служанок императрицы. Совершив блуд, император ужаснулся содеянному им греху и открылся св. Феодоре. Он поклялся страшной клятвой супруге, что впредь никогда не позволит себе ничего подобного, и слово свое сдержал.

Однако эти небольшие размолвки не испортили теплых отношений двух любящих друг друга сердец. Феофил был счастлив в браке и имел от союза с благочестивой супругой двух сыновей и четырех дочерей: *Михаила, Константина, Пульхерию, Анну, Анастасию, Феклу*. К сожалению, в 831 г. первенец Константин во время детской игры утонул в цистерне с водой, после чего очень долго в царственной семье не рождалось наследника. Как заботливый отец, Феофил возвел для детей дворец во Влахернах, а рядом с ним роскошно обставленный дом и дворец в районе Кариан. Правда, политические соображения и государственная польза нередко довели над его родительскими чувствами. Сохранилось предание, что Феофил, опасаясь в дальнейшем борьбы за власть в Римской империи, сделал все, чтобы его дочери не вышли замуж, а приняли монашеский постриг.

Как уже писалось выше, после смерти Константина царственная семья долго не имела наследника. Желая подготовиться на случай непредвиденных обстоятельств (жизнь есть жизнь, и, отправляясь на скорую войну, царь не хотел лишать Римскую империю законного наследника), Феофил выдал свою любимую сестру Марию за армянского сановника Алексея Муселе. Видимо, выбор жениха состоялся не только по причине красоты, мужественности и знатности рода молодого военачальника, но и потому, что императрица св. Феодора, этническая армянка, окружила себя единоплеменниками. А поддержка армянской диаспоры многого стоила. После свадьбы император почтил Алексея титулом патриция и анфипата, затем магистра, а вскоре — цезаря. Очевидно, он почти безоговорочно доверял ему и предполагал в случае крайней необходимости объявить Алексея наследником престола. Поручив тому большое войско, царь направил зятя в Лонгивардию, где Алексей навел порядок и восстановил государственное управление.

Как обычно, человеческая зависть расцветает на плодах чужих побед. Во дворце начались разговоры, будто *втайне* Алексей мечтает о царской власти, что не осталось незамеченным для самого молодого человека. Он бросился в ноги императора и просил его разрешения уйти в монастырь. Но мудрый Феофил, не придав никакого значения сплетням, успокоил воина и сказал буквально следующее: «Я не лишу жену мужа. Иди и спокойно занимайся своими делами».

Чтобы потом ни говорили, желание Алексея было искренним — он давно уже имел стремление оставить мир. Рассказывают, что однажды полководец прогуливался вместе с императрицей св. Феодорой в районе Анфемия, где располагались царские оружейные склады, и облюбовал одно место для строительства нового монастыря. «Каждый, со-

орудивший святилище, — сказал он царице, — обессмертит свое имя». Конечно, эти слова не следует понимать в светском смысле: желание «обессмертить» имя означало лишь горячее желание Муселе, как и каждого христианина, заслужить жизнь вечную в Царствии Небесном. И вместе они уговорили императора дать разрешение на строительство в этом месте нового монастыря.

Однако радость брачного союза была недолгой: в конце 839 г. Мария внезапно скончалась. Потрясенный горем, Феофил похоронил сестру в серебряной гробнице и начертал на ее стенах слова, что всякий, желающий получить прощение за свои поступки, отныне имеет у ее гроба надежное убежище. А 9 января 840 г. горе сменилось долгожданной радостью — у царской четы родился сын Михаил, будущий Римский император *Михаил III*. Теперь уже ничто не удерживало Алексея Муселе в мирской жизни: он тайно от царя принял монашеский постриг и облачился в монашеское платье. Император, конечно, расстроился, но не стал противодействовать Алексею. Он лишь пожелал, чтобы любимый им зять не пребывал в безвестности. Поэтому подарил ему монастырь, построенный недавно Алексеем в Хрисополе⁵³⁰.

Круг забот и интересов императора был чрезвычайно широк: он всерьез озаботился внешним обликом Константинополя и состоянием благочестия. Сам император по заведенной традиции регулярно совершал выходы в храм Святой Софии, но начал требовать этого от своих вельмож и рядовых обывателей. За время частой смены императоров столица превратилась в настоящий притон для представителей древнейшей профессии, и вот по приказу царя все публичные дома в городе были закрыты, а на месте самого большого из них соорудили вместительный странноприимный дом⁵³¹.

В течение короткого времени были восстановлены сухопутные стены Константинополя и проведена огненная сигнальная линия от Киликийской границы до самого царского дворца в столице. При содействии Иоанна Грамматика и его друга Льва, которого впоследствии царь сделает Солунским архиепископом, были реализованы многие интересные идеи, обеспечившие резкий рост византийской промышленности, торговли, искусства. Поощрялась пышность, должная свидетельствовать о благосостоянии народа и могуществе Римского государства. Власть вновь приняла под свое покровительство искусство — византийская поэтесса, инокиня Кассия, находилась под личной защитой и попечительством императора Феофила⁵³².

Замечательный строитель, император Феофил возвел во дворце Кариан хранилище шелка, а рядом построил чудесный памятник сво-

его царствования — Триконх с золоченой крышей. Это здание, воспроизводящее классические античные формы, поддерживалось изящными колоннами, и в него можно было войти с трех входов, один из которых покрыт серебром, а два других — полированной медью. Выход из здания вел в портик Сигма, получивший наименование по сходству с соответствующей буквой греческого алфавита. Крыша Сигмы поддерживалась 15-ю колоннами, изготовленными из белого мрамора с желтоватыми прожилками. Спустившись вниз, человек попадал в удивительную залу, замыкающуюся галереей. Рядом строители построили Тетрасер, к которому примыкала Мистирия, где раздавшийся звук возвращался обратно. Перед Сигмой был раскинут роскошный двор, в середине которого стояла медная чаша с краями, покрытыми серебром. Во время царских приемов чаша наполнялась орехами, фисташками и всевозможными сладостями для всех желающих. В широкой части Сигмы были установлены два громадных каменных льва, из пасти которых били фонтаны. Во дворе надо всем возвышался царский трон. Неподалеку находились специальные залы для клириков царского дворца, а рядом с ними — царский оружейный склад. Все было украшено мрамором и редкими камнями, все сверкало и являло собой полную гармонию.

Императорские покои располагались в специальном месте и были не менее роскошными. Феофил так любил эти комнаты, что жил в них с весны по осень. На южной стороне дворца император соорудил террасы, разбил сады и устроил несколько палат, в том числе и гардеробную, в которой хранились царские одежды. К палатам примыкала молельня с двумя алтарями: в честь Пресвятой Богородицы и Архистратига Михаила. Ниже этого сооружения была построена галерея, откуда открывался вид на Хрисотриклиний. Поблизости находилось еще несколько галерей и палат, в одной из которых жили скопцы, прислуживавшие царским дочерям и императрице. Вокруг стараниями и заботой царя было возведено еще множество построек, поражающих своими грациозностью, блеском и украшениями — к сожалению, позднее они погибли в пожаре. А рядом с ними усилиями дочери императора Феклы была воздвигнута церковь в честь великомученицы Феклы⁵³³.

Глава 2. Война с арабами

Едва вступив на трон, Феофил по древней традиции решил оповестить об этом своих соседей, включая воинственных сарацин. Однако смена правителя Римского государства никак не отразилась к лучше-

му на отношениях с Халифатом. Но не проходило буквально ни одного года, чтобы арабы не нарушали мира между двумя государствами. Пограничная линия арабских укреплений в те годы опиралась на Антиохию и Самосат, где располагались их военные припасы, и откуда они организовывали краткие набеги на римские земли. В свою очередь византийская оборонительная линия проходила по территории фем Анатолика, Каппадокия и Харсины⁵³⁴.

И в скором времени арабы возобновили набеги на земли Фракии. Они дошли до горы Латра, известной своими монастырями, напали на живущих там монахов и почти всех их перебили. А в октябре 829 г. византийский флот почти целиком погиб в морской битве у острова Фазоса, после чего сарацинские корабли начали грабить Киклады и другие острова. Даже остров Афон подвергся разграблению и опустел на несколько лет. Так что Феофилу пришлось буквально с первых дней решать очень сложные вопросы обеспечения безопасности отечества⁵³⁵.

Но и правление аль-Мамуна сопровождалось многими волнениями. Сын наложницы, он не пользовался особым расположением жителей Багдада, где предпочитал не задерживаться надолго, а правил из Мерве, административного центра Хорасана. В довершение ко всему аль-Мамун, желавший снискать расположение ортодоксов, заранее назначил своим преемником Али ибн мусу ибн Джафара ибн Мухаммада ибн Али ибн аль-Хусайна, прямого потомка пророка Мухаммеда. В знак своего расположения он даже дал тому имя *аль-Рид* (от арабского «быть довольным»), а свою дочь выдал замуж за сына наследника Мухаммада ибн Али. Ранее, свергая ненавистных Омейядов, Алиды и Аббасиды объединили усилия. Но после прихода к власти бывшие союзники устроили настоящую борьбу за власть. И в этих условиях любое событие отражалось на противостоянии противников. Разумеется, Аббасиды были возмущены этим решением: трон халифа *добровольно* передавался потомку Али! Чтобы вернуть расположение родственников, аль-Мамун решил переехать в Багдад, по дороге аль-Рид скончался — говорят, несчастного отравили по тайному приказу самого халифа, посчитавшего, что его первоначальный выбор оказался безошибочным⁵³⁶.

Настроение халифа изменилось кардинально и быстро: столкнувшись с повсеместной фрондой, он сделал ставку на персов и роскошь, желая ею покорить народ. Последний мотив понятен: *купить* подданных — обычный способ снискать авторитет для верховной власти. И халиф широко использовал его уже с первых дней своего правления. Так, заключив брак своей дочери, аль-Мамун организовал праздник,

длившийся 19 дней. Обывателей одаривали кусочками янтаря и золота, щедрой рукой рассыпали в толпе золотые и серебряные монеты. Но столь же очевидно и желание халифа *отдалить* своих соплеменников от управления государством, от которых он так сильно зависел, пожившись на инородцев.

Не природные арабы, а *персы* стали управлять провинциями, и, к ужасу правоверных, вдруг было объявлено, что Коран не является вечной и боговдохновенной книгой. Это событие было связано со сменой религиозного мировоззрения правителя правоверных, посчитавшего под влиянием персов, что человек, пусть и Мухаммед, не может быть пророком Аллаха. И что Коран — книга, всего лишь вобравшая в себя примеры силы и слабости человеческих представлений о Боге и мире. Для укрепления халифа в новом убеждении его духовные руководители прислали аль-Мамуну из Кабула том «Вечного разума» — основополагающей книги для приверженцев «белой религии». Возникла поразительная ситуация: правитель правоверных, сам халиф, ставил под сомнение религиозные основы Халифата.

Более того, в 830 г. он созвал в Багдаде самых влиятельных юристов и заставил тех ответить на ряд весьма щекотливых вопросов, один из которых звучал так: «Был Коран написан человеком или нет?» Аль-Мамун поставил правоведов в тупик: ведь признав, что Коран — вещь, имеющая некое начало своего бытия, они должны были прийти к выводу о том, что это — *не* боговдохновенная книга, вечная и неизменная для всех времен и народов, а плод человеческой мысли, очередное творение человека. Судьи, быстро поняв, к чему их ведут, упорствовали, не желая отвечать на вопросы халифа. В ответ тот приказал пытать их до тех пор, пока те не ответят, как надо⁵³⁷.

Ответом аль-Мамуну стали повсеместные нестроения — одна провинция за другой объявляли о своей независимости от халифа. В этих условиях аль-Мамун мог рассчитывать лишь на помощь людей, давно уже зарекомендовавших себя, в первую очередь Тахира и его сына Абдуллы. В 829 г. халиф передал управление Хорасаном Абдулле. Но, как и другие наместники, Тахириды, создавшие собственную династию, мало руководствовались желаниями халифа. В скором времени тот лишь *ради проформы* поминался на пятничных молитвах. И назначение Абдуллы в Хорасан означало постепенное, но оттого не менее неуклонное отторжение этой территории, где довлел персидский элемент, от арабов. Объявление о полной независимости Ирака, вобравшего в себя прежнюю Персию и Мидию, от Арабского халифата было лишь вопросом времени; так вскоре и произойдет⁵³⁸.

Но самым тяжелым испытанием для аль-Мамуна стало восстание хуррамитов под руководством некоего Бабека. Начавшись в 816 г., оно продолжалось более 20 лет и распространилось по всей территории современного Азербайджана. Кратко скажем о его вожде. Бабек рано потерял отца и, дабы прокормить себя с матерью, работал пастухом. Трудности жизни закалили его характер и наложили неизгладимый след на личность мальчика. Бабек рос жестоким, последовательным и чрезвычайно стойким к лишениям человеком. Позднее он поступил на службу к Джавидану ибн-Серику, при помощи которого примкнул к хурраминам, ведущим активную борьбу с Халифатом в Иране, Азербайджане и Средней Азии. После смерти своего покровителя Бабек женился на его вдове и как следствие приобрел громадное состояние и положение в обществе. Собрав единомышленников, Бабек выступил против арабов и добился больших успехов⁵³⁹.

Дело дошло до того, что в 829 г. Бабек со своими сподвижниками полностью уничтожил войско Арабского халифа, направленное против восставших. В 834 г. аль-Мамун направил против хуррамитов новую армию во главе с Исфаком ибн Ибрахимом, но тому удача также не улыбнулась. Хуррамиты начали угрожать самой столице Халифата, Багдаду, и только много позднее арабский полководец турецкого происхождения аль-Мутасим сумел победить Бабека. В сражении, данном им восставшим у озера Урумия, что в Азербайджане, успех сопутствовал арабам. Бабек был доставлен в Багдад и там выставлен на всеобщее обозрение на спине слона. Его подвергли жестоким пыткам и издевательствам, а затем в 837 г. предали в руки палача. Но это будет еще не скоро, а пока по ходу нашего повествования мы еще не раз коснемся этой исторической фигуры⁵⁴⁰.

Пока Бабек успешно противостоял сарацинам, значительные группы персов, принявших участие в восстании, спасаясь от мести арабов, уже переходили границу и отдавались под покровительство Византийского царя. Персов было так много, что из них сформировали военные отряды и поставили под знамена императора Феофила. Всего набралось до 14 тыс. воинов, которых тот равномерно разместил по пограничным фемам. Более того, в знак признательности к новым и неожиданным союзникам василевс разрешил доселе невиданное — *смешанные браки* персов с римлянками. Правитель Халифата не смог простить Константинополю столь откровенной поддержки своих врагов, с которыми воевал уже более 20 лет, и вскоре началась новая многолетняя война⁵⁴¹.

Впрочем, по другой версии, пусть и несколько легендарной, причина войны заключалась в ином. Некогда один ученый византиец прибыл ко двору халифа аль-Мамуна и покорил всех своими знаниями. Он еще более потряс арабов, когда сказал, что в Константинополе живет в бедности его учитель Лев — соратник Иоанна Грамматика, превосходящий всех мудростью и образованностью. Аль-Мамун направил письмо Феофилу, в котором просил разрешить ученому выезд в Багдад. Халиф предложил крупную сумму денег за это одолжение и обещал заключить мирный договор, если император внемлет его просьбе. Однако Феофил ответил отказом, решив, что учить своего врага науке — вершина глупости, чем вызвал ярость аль-Мамуна⁵⁴². Было так или иначе, но военные действия вскоре начались.

В 829 г. испанские арабы, захватившие остров Крит, организовали флот и принялись грабить побережье Фракии. Слабые римские отряды не могли противостоять им, и сарацины осмелились на глубокие рейды в глубь материка. Правда, стратиг Фракисийской фемы Константин Кондомит нанес поражение одному из арабских отрядов, «порубив их словно дельфинов». Но это не остановило натиска сарацинов.

А в 830 г. уже аль-Мамун со своим сыном Аббасом вступил в пределы Римской империи и направился к городу Тарсу. В целом удача сопутствовала им. Военные действия происходили в Каппадокии, и несколько крепостей, будучи не в силах противостоять арабам, признали над собой власть халифа. Первой пала Маджида, а 21 июля 830 г. была захвачена Курру. Византийский полководец Мануил, защищавший их, едва сумел спастись. Отметим, что действовали арабы вполне миролюбиво: в частности, население захваченных городов было пощажено. После этого Аббас получил приказ от своего отца направиться с частью армии к Малатии, дабы пресечь пути обычной миграции персов в Византию. Навстречу ему вышел император Феофил с двумя известными военачальниками — армянином Мануилом и персом на римской службе Феофобом⁵⁴³.

История этого человека небезынтересна и полна многочисленных противоречий, из которых, впрочем, можно вычленить некие бесспорные детали. Как говорят, Феофоб приходился внебрачным сыном одному знатному греку, имевшему родство с Римскими царями. Некогда тот прибыл с посольством к персам и сошелся с матерью Феофоба, которая, по преданию, приходилась дочерью знатному персидскому вельможе. После рождения мальчик жил вместе с матерью, но впоследствии поселился в Константинополе. Персы, у которых иссяк царский род, каким-то образом прослышали о нем и решили сделать

своим государем. Явившись в византийскую столицу, персидское посольство разыскало молодого человека и объявило о своей находке императору Феофилу. Обрадованный царь тут же поселил юношу в своем дворце, оказывая тому должные знаки внимания, а затем женил на своей сестре. Перед свадьбой он почтил Феофоба саном патриция. Теперь молодой аристократ вместе с императором направился к театру военных действий⁵⁴⁴.

Итак, вскоре два войска — римское и арабское встретились для сражения. Феофил созвал военный совет, и Мануил предложил, чтобы кто-нибудь из военачальников с частью византийской армии напал на сарацинов, заманивая тех в засаду. Разумеется, это можно было сделать лишь днем, чтобы не спутать управление войском. Напротив, Феофоб советовал напасть на агарян (другое наименование арабов) ночью и окружить их. Это был интересный, но очень рискованный план. Начался спор, в ходе которого кто-то упрекнул персидского воина, будто тот желает смерти царя, чтобы самому занять трон Римской державы. В итоге победило мнение Мануила, и царь начал сражение днем. К сожалению, оно развивалось для него неудачно: после многих встречных фронтальных атак римские отряды дрогнули и побежали. Сражаясь с врагами в первых рядах, царь едва не попал в плен. Его жизнь была спасена неутомимым Мануилом, воззавшим к войску: «Неужели, мужи, мы отдадим царя в плен?» Трижды Мануил прорывался с римскими воинами через вражеский строй, но Феофил упорно не желал оставлять поле сражения, где пало так много его солдат. Видимо, он был готов разделить их долю, но не снискать бесчестья. Наконец, Мануил буквально *силой* заставил того следовать за собой⁵⁴⁵.

По прибытии в Константинополь Мануила ожидали многие щедроты императора, что по обыкновению вызвало черные сплетни и зависть среди придворных сановников, ложно обвинивших заслуженного полководца перед царем в намерении захватить власть. Феофил отличался большим благоразумием и едва ли хоть на йоту поверил клеветникам. Но тут проснулся горячий армянский нрав Мануила, решившего не дожидаться суда и бежать к арабам. Побег ему удался, и там он был принят с большими почестями. Получив значительный по численности отряд, Мануил отправился на войну с хуррамидами Бабека. Его успехи были столь впечатляющими, что Мануил очень скоро удостоился горячей любви арабского повелителя.

Слухи о победах Мануила достигли Константинополя, и император тяжело переживал неблагодарность по отношению к своему спасителю и товарищу по оружию. Он тайно направил к нему одного

монаха, который привез полководцу императорский крестик и хрисовул (царская грамота) о прощении невольной измены. Обрадованный Мануил решил вернуться на родину и начал постепенно готовить свое возвращение. Поскольку он пользовался почти безоговорочным доверием халифа, то желание Мануила отправиться на войну с бывшими соотечественниками не вызвало у того никакого удивления. Эмир Сирии, также желавший выступить против Феофила, доверил армию Мануилу, и армянин вместе с сыном наместника двинулся в путь. Подойдя к границам Римской империи, Мануил отпустил юношу домой, не причинив тому никакого вреда, а сам вместе с верным ему отрядом вернулся в Константинополь. Обрадованный император немедленно назначил его domestиком схол и стал называть своим «братом»⁵⁴⁶.

В следующем, 831 г., желая взять реванш, Феофил возобновил военные действия. Он сразился с арабами у Харсиана и одержал блистательную победу, захватил почти 25 тыс. пленных; сарацин погибло не менее 2 тыс. человек. Кроме этого, некоторые византийские отряды растеклись по Тарсианским горам и взбудоражили северо-восток Каппадокии. Интересно, что начальником Харсианской фемы был Евдоким, уже в конце IX века прославленный Церковью как святой⁵⁴⁷.

После этой победы император устроил пышный триумф, описание которого дошло до наших дней. Когда император прибыл во дворец в Иерию, навстречу ему поспешила императрица св. Феодора, регент с магистром, эпарх Константинополя и сенат. Синклит приветствовал царя земным поклоном, а царица — целованием. Затем 7 дней ждали подхода пленных арабов, а Феофил тем временем отправился в церковь Святого Маманта, пробыл там 3 дня, и уже оттуда удалился во Влахерны, во дворец.

К этому времени прибыли пленные сарацины, и городской эпарх занялся украшением столицы. Главную улицу Константинополя, тянувшуюся от Золотых ворот до Халки, украсили коврами и разноцветными тканями, серебряными светильниками и цветами. В триумфальном шествии царя приняла участие римская армия, за которой шли окруженные солдатским конвоем пленные агаряне. Далее на белом коне ехал сам император в отделанной золотом одежде. Рядом с Феофилом находился цезарь Алексей Муселе, одетый в золотой панцирь с золотым копьём в руке.

При вступлении Феофила в столицу через Золотые ворота эпарх Константинополя преподнес ему в дар золотой венец, украшенный драгоценными камнями. Царь принял дар и держал его на правом плече. Когда процессия приблизилась к храму Святой Софии, сенаторы

сошли с коней и пошли впереди царя, продолжавшего ехать верхом на коне. Перед входом в Халки находилось возвышение, на котором располагался золотой оргán, известный под названием «Несравненное чудо», и золотой, украшенный драгоценными камнями царский трон. Император сел на него, и началось подношение даров от всех сословий и армии. На следующий день уже сам царь раздавал заслуженным воинам чины и награды⁵⁴⁸.

Во время триумфа произошла интересная сцена, оставшаяся в памяти современников. Среди прочих пленных арабов оказался один богатырь, заметно превосходивший других людей размерами тела и силой рук. Как обычно, царь решил дать своим подданным интересное зрелище, и по его приказу арабу выделили коня и два копыя, орудия которыми тот начал демонстрировать свое военное искусство. Но римский военачальник св. Феодор Кратер (ранее он состоял в столичном клире, но вышел из него по собственной воле, сочтя себя недостойным священничества) открыто надсмехался над сарацином, чем вызвал недовольство императора. «Может, и ты способен на нечто подобное?» — спросил Кратера Феофил. И тот ответил, что *жонглировать* двумя копыя не научен, зато твердо уповает на Бога и надеется с Его помощью сразить арабского богатыря. Начался поединок, и св. Феодор без труда победил сарацина, чем снискал великую милость царя и дорогие подарки⁵⁴⁹.

Однако в 831 г. военные действия еще не закончились. В сентябре этого года аль-Мамун решил реабилитироваться и напал на те же области, где происходили сражения в 830 г. Они сконцентрировались около Гераклеи-Кивистре, возле гор Тавра, и жители города решили добровольно сдаться сарацинам. После этого правитель мусульман разделил свое войско: его брат Абу Исхак направился для разрушения приграничных крепостей и имел большой успех. Но еще успешнее действовал сын халифа Аббас, захвативший каппадокийские города Антигу, Хасин и аль-Ахрам. Более того, Аббас встретился в сражении с императором Феофилом и вновь разбил византийское войско. Только с большим трудом императору удалось добиться прекращения военных действий в этом году, направив специальное посольство.

Надо сказать, халиф был чрезвычайно обозлен на Феофила, а потому категорически не желал читать корреспонденции царя. А на его предложение купить мир на 5 лет за возврат всех завоеванных в этом году крепостей, мусульманских пленников и 100 тыс. динариев даже не удосужился дать ответ. Тем не менее мир Константинополю был нужен как воздух⁵⁵⁰.

С учетом тонкости поручения, Римский царь поставил во главе византийского посольства своего любимца и учителя Иоанна Грамматика, бывшего в то время настоятелем придворной церкви. И не ошибся — Грамматик знал тонкости восточной психологии и арабский менталитет. Щедро одаряя по пути всех местных властителей, Иоанн снискал славу великодушного, умного и справедливого человека, высоко подняв авторитет своего царя: арабы справедливо полагали, что если посланник столь благороден и богат, то насколько могущественнее его господин! Прибыв в ставку халифа в Багдад, Грамматик и там завоевал сердца мусульман своими мудрыми речами, глубоким умом и пышностью одежд.

Как-то раз на обеде, данном наместником Багдада Исмаилом, Иоанн специально подговорил своих слуг, а те, сделав вид, что все происшедшее случилось само собой, вбежали в палаты и заявили, будто одна из великолепных драгоценных чаш Грамматика, в паре составлявших отдельный набор, пропала. Мусульмане переполошились и начали тщетные поиски. В это время Иоанн велел подать ему вторую вазу — точную копию первой, потерянной, и, осмотрев, с деланным равнодушием выбросил, произнеся: «Пусть пропадет и эта!» А затем приказал прекратить поиски пропавшей вещи.

Такой поступок вызвал у сарацинского правителя желание продемонстрировать и свои возможности. На следующий день он преподнес Иоанну богатые дары, но тот равнодушно высыпал их перед лицом арабского посланника, как прах. Тогда пораженный Исмаил подарил Иоанну 100 византийских пленников, томившихся в тюрьме, предварительно одев тех в богатые платья. Однако царский посол и на этот раз не принял дара — он похвалил *амерамнун* (синоним титула «эмир») и пообещал сделать тому ответный дар также в виде 100 мусульманских военнопленных.

«До тех пор, пока такой обмен не состоится, — предложил Иоанн Исмаилу, — пусть византийские пленные останутся на свободе, но будут проживать в Сирии». С тех пор Исмаил и Грамматик стали настоящими приятелями: нередко их можно было видеть вдвоем, и амерамун показывал послу свои богатства, дворцы, вел с ним многомудрые разговоры. Мирный договор был заключен, и вскоре Иоанн вернулся в Константинополь. Грамматик и ранее относился с большим пиететом к восточной культуре, теперь же его страсть возгорелась вновь. Под влиянием его восторженных отзывов об арабской культуре император Феофил решил преобразить на восточный манер некоторые столичные постройки, а также соорудить Верийский дворец по образцу и подобию арабских⁵⁵¹.

По счастью для Византии, в 832 г. в Египте внезапно вспыхнуло восстание коптов, которых возглавил Абус аль-Фахри. Аль-Мамун лично прибыл в Египет, к нему на помощь из Барки прибыл один из лучших полководцев Арабского халифата Афшин. Его личность чрезвычайно интересна: уроженец Персии, Афшин никогда не был мусульманином и даже открыто смеялся над мусульманскими обрядами. Однажды он казнил двух имамов, пытавшихся переделать языческий храм под мечеть, возил при себе персидские священные книги и мечтал о восстановлении Персидского царства и «белой религии». Само собой, его карьерный рост был обусловлен поддержкой халифа, также склонявшегося к этой вере. Вместе с Афшином аль-Мамун быстро разгромил восставших, и уже в апреле 832 г., заехав ненадолго в Дамаск, халиф находился у византийской границы, осадив крепость Лулу. Она представляла собой мощное укрепление, преграждавшее арабам путь через Киликийские ворота в Тиану.

Халиф попытался взять крепость с налета, но ничего не получилось; пришлось начинать «правильную» осаду. Оставив у крепости Уджейфа ибн-Анбаса, повелитель правоверных отправился к другому пограничному городу — Салагусу. Как и следовало ожидать, василевс немедленно отправился с войском для деблокады Лулу. Но и гарнизон, ободренный известием о подходе царя, сделал внезапную вылазку и разгромил Уджейфа ибн-Анбаса⁵⁵².

Казалось, теперь удача непременно будет на стороне византийцев: ведь Феофил во главе значительного войска был уже рядом. При нем находился и св. Мефодий, мужественный исповедник иконопочитания, которого император опасался оставлять в столице без личного присмотра. Но, как показали события, прошлогодний триумф оказался последним в жизни царя: военные неудачи начали хронически преследовать его. В битве, которую он дал сарацинам, победа была на их стороне. Римляне *бежали*, оставив своего царя на поле битвы с небольшим отрядом телохранителей. И на этот раз василевс лишь чудом избежал смерти.

В этом же году в столицу прибыли хазарские послы, просившие от имени своего вождя помочь построить им крепость Саркел на реке Танаис (современный Дон). Не желая ссориться с грозными кочевниками, император удовлетворил их прошение и направил к ним спфарокандидата Петрону, сына Каматира, с двумя помощниками. Благодаря стараниям римлян, в 834—835 гг. крепость была возведена. Вернувшись, военачальники убедили царя в том, что этот край следует укрепить и обеспечить военными формированиями. По совету Петроны

император направил его стратигом Херсона. В 837 г. здесь образовалась фема Климатов, с тех пор военное и административное значение Херсона резко возросло⁵⁵³.

В 833 г. военные действия возобновились, к великому огорчению Феофила. Напрасно он пытался договориться миром: аль-Мамун, его сын Аббас и брат Абу Исхак начали активные приготовления к войне. Аббас отправился к Тиане, которую по приказу халифа начал срочно восстанавливать — крепость была сильно разрушена. А Исхак получил поручение набрать войска в Египте, Иордане, Палестине и Дамаске. Сам халиф с войсками из Багдада отправился к византийской границе.

По счастью, аль-Мамун захватил только несколько второстепенных населенных пунктов, а затем заболел и вернулся к Подандону, где умер 7 августа 833 г. Смерть его не лишена своеобразной красоты. Умиравший, находясь без сознания, вдруг открыл глаза и произнес, обращаясь к небу: «О, Ты, Который бессмертен, помилуй того, который умирает!» Это событие было спасительным для Византии, поскольку у сарацин возникла вражда и раскол: аль-Мамун объявил наследником брата, Абу Исхака, принявшего имя *аль-Мутасим Мухаммад ибн Харун ар-Рашид* (834—843), а войско провозгласило халифом сына покойного Аббаса. Правда, последний вскоре отказался от своих прав на престол, и единоличная власть в Халифате была восстановлена⁵⁵⁴.

Почти четыре года стороны не донимали друг друга, занимаясь внутренними проблемами. Вначале халиф должен был предпринять меры предосторожности против сторонников Аббаса. Затем пришлось направлять в Азербайджан бывшего наместника Багдада Исхака ибн-Ибрахима, который, борясь с хуррамидами, истребил более 60 тыс. персов. В 835 г. аль-Мутасим воевал с цыганами в Нижней Месопотамии, после чего переселил остатки мятежного племени на византийскую границу. Тем не менее аль-Мутасим был вынужден констатировать тот факт, что Халифат потерял Испанию, Африку и Персию, отдав их Омейядам, Идрисидам и Тахиридам. Получалось, что единственное направление, где они еще могли снискать славы на ратном поприще, оставался северо-запад, Византия. Это было тем более актуально, что греки активно поддерживали нестроения в Азербайджане и стремились воссоединиться с последователями Бабека. Византийцам удалось даже захватить город Самосату на Евфрате и соседний с ним Сабатару, а также произвести страшные опустошения в Месопотамии и Северной Сирии.

Правда, передышка на Востоке не избавила Византию от неприятностей на Западе, где продолжалась осада Сицилии. В предыдущей

главе мы оставили осажденных арабов под руководством Мухаммеда ибн аль-Джевари на Сицилии в тяжелом положении. Однако, решив сыграть ва-банк, сарацины пошли в глубь территории острова, захватили мощное укрепление Минео, а затем восстановили отношения по морю со своими соотечественниками через захваченный ими город Кастроджованни. В 830 г. к арабам явилась помощь: прибыла флотилия испанских корсаров под руководством бербера Фаргала, а также отряд судов, посланных другим арабским вождем, Сиадет-Аллахом. Признав общее руководство над собой Фаргала, арабы в августе 830 г. разбили римское войско, которым командовал стратиг Феодот, причем сам командующий погиб в битве. Запершимся в крепости византийцам удалось спастись только потому, что в стане арабов разразились болезни — естественное следствие летней жары в скученном военном лагере.

После этого часть мусульман отправилась в Мазаре, а африканские арабы ушли дальше на север Сицилии и осадили Палермо. Целый год, с июля 830 г. по август 831 г., продолжалась осада. Жители Палермо и гарнизон сильно страдали от моровой язвы, напавшей на них, и наконец стратиг Симеон согласился сдать город арабам при условии безопасности и свободы всех находившихся в нем римлян.

Ситуацию несколько улучшил любимец императора Алексей Муселе, назначенный стратигом Сицилии. Он сумел организовать оставшиеся римские части и разбил арабов в нескольких ощутимых схватках. К сожалению, и на острове его не оставляли наветы врагов. Царю нашепывали, будто Муселе вступил в сговор с арабами, желая получить в государстве верховную власть. Поскольку назначение стратигом Сицилии являлось для Алексея очевидным понижением, можно было предположить, что молодой полководец действительно решил реабилитировать свое имя, но собственными руками. Как следствие, царь вернул родственника в столицу. Для выполнения этой миссии Феофил отправил на Сицилию архиепископа Феодора с обещаниями полной безопасности для Алексея. Но когда Муселе прибыл в столицу, его немедленно арестовали и начали дознание. Архиепископ, попытавшийся было напомнить царю о данном слове, был изгнан из дворца. Впрочем, справедливость василевса восторжествовала и на этот раз: когда следствие подтвердило невиновность полководца, Феофил тут же вернул конфискованное ранее имущество Алексею, на которое тот построил монастырь, куда и удалился для монашеского подвига.

Оставленные без талантливого полководца византийцы на острове слабо сопротивлялись. Впрочем, объективности ради скажем, что в течение всего этого времени арабы всерьез опасались византийских

контрударов, и их победа нередко висела на волоске. Блестящим примером боеспособности и выучки римской армии стало взятие города Мессины, которым мусульмане овладели в 831 г., но вскоре оставили под давлением греков. Впоследствии им пришлось повторно захватывать этот важный в военном отношении город⁵⁵⁵.

В январе 834 г. арабский военачальник Абу Фихр нанес поражение грекам у Кастроджованни, а весной того же года вторично разгромил их. Эта гроза христиан еще раз одержит блистательную победу на острове — летом 835 г., но затем будет убит заговорщиками, нашедшими спасение в римском лагере. Присланный ему на замену из Африки полководец Фадл ибн Якуб летом 835 г. дважды нанес поражение римлянам — у Сиракуз и Кастроджованни, и успехи сарацинского оружия ясно предопределили судьбу Сицилии. В 836 г. арабы сделали удачное вторжение в область Этны и вернулись в лагерь с богатейшей добычей. Но вскоре они потерпели *редкое* поражение от византийцев. А в 837 г. сарацины овладели и самим городом Кастроджованни.

Теперь положение арабов на Сицилии значительно упрочилось. Со всех сторон мусульманского мира к ним прибывали подкрепления, и вскоре сицилийские (уже!) арабы начали совершать дерзкие рейды на прибрежные итальянские земли, все еще находившиеся во владении Византии. Из римских владений на острове остались незначительные крепости, где располагались слабосильные византийские гарнизоны, и вопрос об окончательной потере Сицилии казался делом времени. Правда, героической защитой византийцы продлили сопротивление. Только в 859 г. арабы сумели захватить сильную крепость Этну, и лишь в 876 г. Сицилия полностью перешла под их власть⁵⁵⁶.

Хотя сарацины еще имели очевидные успехи в столкновениях с Византией, халиф аль-Мутасим с горечью убедился в резком снижении боеспособности своих соплеменников. Привыкшие к роскоши, арабы не желали воевать, да и персы, истратив свою былую мощь, превратились в нацию торговцев, ученых, поэтов. Поэтому теперь сарацинское войско все в большей и большей степени пополнялось *турками* (тюрками). Это был *переломный момент* в истории мусульманской цивилизации. Уже при первых Аббасидах в арабской армии встречались воины-турки из числа вольноотпущенных рабов и их сыновей. Они попадались даже среди высшего командного состава, как, например, Афшин, подавивший при халифе аль-Мамуне египетское восстание. Теперь, убедившись в ненадежности соплеменников, аль-Мутасим резко увеличил набор турок в гвардейские полки. Тем более что те пре-

красно проявили себя как солдаты при подавлении восстания Бабека и в войнах с византийцами.

Естественно, такая предрасположенность правителя правоверных к грубой турецкой солдатне не могла не раздражать природных арабов. В 838 г. даже состоялся заговор против халифа, к счастью для того, вовремя обнаруженный. Во избежание следующих волнений аль-Мутасим решил оставить Багдад и в качестве новой столицы избрал небольшой город Самарру, расположенный в 30 км вверх по течению реки Евфрата. Халиф совершенно пренебрегал жалобами своих единоплеменников на арабов, потакая тем во всем. Единственное, чего не учел он, так это того, что сам все больше становился зависимым от наемников-гвардейцев. Их верность теперь находилась в прямой пропорции от количества золота, которое халиф уплачивал им. В самом скором времени, как мы увидим, их влияние станет совершенно безграничным и приведет к эпохальным последствиям⁵⁵⁷.

Оправившись от поражений, весной 837 г. Феофил вновь направился с большой армией в Сирию. В ее состав входили помимо греков болгары и персы, кроме того, Феофил рассчитывал на помощь Бабека (пока еще живого), обещавшего принять христианство в обмен на покровительство императора. Вначале кампания развивалась успешно: византийское войско взяло два города, а затем осадило родной город халифа Созопетру (Запетру). Отчаявшийся араб в письме к императору просил сохранить город своего детства, но Феофил был непреклонен и разрушил его до основания. Был дан триумф в столице, куда прибыл василевс, такой же, как и после побед 831 г. Император устроил ристания для народа, сам Феофил на белой колеснице, запряженной белыми лошадьми, объезжал арену, а ему навстречу мальчики несли живые цветы⁵⁵⁸.

После этого он направил Феофоба в Синоп, чтобы тот поднял персов на мятеж против сарацинов. Но те неожиданно провозгласили полководца своим царем и буквально силой удерживали его у себя. Тайно дав знать Феофилу, как в действительности обстояли дела, Феофоб получил полное прощение и разрешение привести часть персов в Империю для постоянного места жительства. Помимо Запеты, император овладел крепостью. Нравы того времени были таковы, что с пленными арабами обращались зверски: им отрезали уши и носы, выкалывали глаза, убивали. Триумфально василевс возвращался в столицу. А амерамун, узнав о страшном событии, в бешенстве бросился к коню и прокричал лишь одно слово: «В погоню!» Впрочем, византийское войско уже ушло.

Конечно, халиф жаждал мести за гибель любимого города. В ответ сарацины направили против Феофила два армии. Прибыв с армией в город Тарс, аль-Мутасим направил значительную часть своей многочисленной армии во главе с сыном навстречу Феофилу, и 22 июля 838 г. возле города Дазимон враги встретились. К несчастью, василевс не разгадал стратегического плана неприятеля и разделил свое войско на две части, отослав значительные силы для нейтрализации арабских отрядов, стоявших на реке Ламус. Сам он с оставшимися силами надеялся задержать продвижение арабов на Аморий, искренне полагая, что перед ним — незначительная часть мусульманской армии, которую легко одолеет⁵⁵⁹.

Утром ошибка византийцев открылась, когда они визуально подсчитали численность врагов. Проведя рекогносцировку совместно с Мануилом и Феофобом, царь составил план сражения, смысл которого заключался в том, чтобы ночью напасть на вражеский лагерь — в противном случае персы, превосходящие римлян силой, наверняка утром опрокинули бы их. Вообще-то говоря, это был большой риск, поскольку в темноте быстро утрачивается управление войсками, да и солдаты не всегда в силах разобрать, где свои, а где чужие. Первоначально успех сопутствовал византийцам: они заставили врага отступить на правом фланге. Арабы потеряли до 3 тыс. воинов, и император решил вместе со своей гвардией продолжить нападение и развить успех. Но его дальнейшее продвижение остановили конные *угры* (по другим источникам, *турки*), великолепные стрелки из лука, находившиеся в арабской армии. В известной степени, использование этого древнего оружия стало неприятной неожиданностью для греков, уже давно исключивших лук из своего арсенала. Ранее они использовали для этих целей наемных конных воинов из числа варварских племен, и предыдущие войны с арабами проходили под доминантой холодного оружия.

Пока римляне укрывались от летящих в них стрел, арабы перестроили свои отряды и напали на них. В этот момент все решило отсутствие императора на привычном месте на холме, где располагался его штаб. Не увидев царского штандарта, византийцы, бившиеся вместе с персами на другом фланге, решили, что царь погиб или отступил, и побежали. По существу, вместе с царем осталась только его гвардия, довольно немногочисленная и понесшая серьезные потери, и персидские отряды под командованием Феофоба⁵⁶⁰.

В принципе не все еще было потеряно: при известной распорядительности и везении можно было собрать отступившие греческие части.

Но ночью Мануил, объезжавший римский лагерь, оказался невольным свидетелем диалога сарацин с персами из византийской армии. Надо сказать, что среди арабской аристократии уже было много персов, приласканных в свое время аль-Мамуном, и в тайных переговорах единоплеменников, волей судьбы разбросанных по разным лагерям, не было ничего неожиданного. Персы просили разрешения вернуться с Феофобом на родину. Естественно, они были готовы признать над собой власть халифа. Срочно прибывший к императору Мануил поведал о тайных переговорах и опасностях, угрожавших императору: персов было значительное большинство в византийской армии, и их переход предопределял судьбу всего римского войска в целом. В общем, Мануил предложил императору единственный путь к спасению — бегство. На вопрос царя: «А как же спасти множество моих воинов?» — полководец ответил: «Лишь бы, царь, даровал Бог тебе спасение, а уж они сами позаботятся о себе». До самого утра Феофил не решался оставить свое войско, но, наконец, сила обстоятельств вынудила его бежать из лагеря. Участь оставшегося войска, главным образом гвардии, была трагичной — на следующий день она перестала существовать⁵⁶¹.

Вскоре к императору стали прибывать те части, которые днем раньше оставили поле боя. Только теперь военачальникам открылась их вина. И они, пав перед Феофилом, просили смерти как избавления от стыда и бесчестия. Значение этого поражения трудно недооценить: одержи Феофил победу, положение халифа было бы очень тяжелым. Скорее всего, он был бы свергнут другими претендентами на это место⁵⁶². Теперь же Римская империя осталась без войска, а участь Амория была предрешена.

Остановившись в Дорилее, император попытался дарами смягчить амерамнуна, но тот презрительно отверг предложения о мире. Ситуация усугублялась тем, что вместе с персами император потерял и Феофоба. Узнав, *что* сделали его соплеменники, и хорошо разбираясь в нравах византийского двора, тот почел за благо бежать вместе с семейством в Амастриду, город на Понте. Однако теперь для всех он стал *явным изменником* Римского государства, почему царь приказал направить на поиски беглеца командующего византийским флотом друнгария виглы Оорифа. Благородный Феофоб решил не проливать христианской крови и сдался на милость царя. Но ночью по приказу Оорифа ему тайно отрубили голову. Так Римская империя лишилась одного из самых знаменитых своих полководцев⁵⁶³.

Теперь-то аль-Мутасим получил возможность поквитаться за гибель родного города. Он срочно доукомплектовал армию, велел на-

писать воинам на щитах одно слово «Аморий», и публично поклялся взять город. Как свидетельствуют военные источники, никогда до сих пор ни один халиф не имел в своем войске такого количества оружия, снарядов, нефти и вьючных животных, как теперь⁵⁶⁴. Говорят, в его рядах насчитывалось до 100 тыс. воинов — великая сила. Любопытно, что накануне похода астрологи предрекли халифу неудачу, но тот совершенно проигнорировал это пустое предупреждение — и к счастью для себя⁵⁶⁵.

Навстречу неприятелю выступил сам Феофил во главе римского войска. Хотя сановники уговаривали царя срочно выселить из Амория всех жителей, он не послушался и направил в город подкрепление во главе с уже знакомым нам св. Феодором Кратером. Общую оборону города доверили храброму стратигу Анатолии патрицию *св. Аэцию*.

Итак, 1 августа 838 г. арабы тремя колоннами беспрепятственно подошли к Аморию, и началась осада города, стоившая сарацинам множества жертв — говорят, хотя это явно завышенная цифра, что они потеряли до 70 тыс. воинов. Утратив веру в успех, агаряне уже собирались отступить, но тут некий варвар из числа солдат римской армии по имени Воидица («бычок»), очевидно, славянин, выстрелил в арабский лагерь стрелу с посланием, в котором указал ту часть городской стены, которая наиболее подвержена разрушению. Те последовали его совету и — о, чудо — им удалось прорваться в город. Однако окончательный успех арабов был еще совсем не гарантирован: византийцы сопротивлялись очень упорно. Но тут им опять помогла хитрость — они затеяли с осажденными переговоры о мире, объявив перемирие, а сами внезапно напали на ничего не подозревавших византийцев⁵⁶⁶.

Под ударами мусульманских мечей погибли последние римские воины, и город погрузился во мрак убийства. Сарацины резали всех подряд, в течение нескольких ближайших часов полностью перебив всех мужчин, находившихся в Амории. Женщины и дети стали рабами арабских воинов. В плен попало всего несколько десятков знатных военачальников и вельмож, отведенных в Багдад. Мстительный халиф категорически отверг предложения Римского царя выкупить пленных за громадные деньги, заявив, что потратил во сто крат больше на развлечение и подарки⁵⁶⁷.

Взяв город штурмом, араб не был склонен завершать кампанию 838 г. Однако, сделав небольшой переход, он не обнаружил византийцев и вернулся к Аморию, в пустынную долину Вади ал-Джаул. Резко закончилась вода, а потому пленных византийцев не поили, и они, несчастные, гибли во множестве по дороге. Нескольким из них удалось

убежать — к горю оставшихся товарищей. Мстительный аль-Мутасим приказал некоему греку Василию выделить наиболее знатных пленников — таковых оказалось более 6 тыс. человек, а затем обезглавил их в наизидание оставшимся⁵⁶⁸.

После потери Амория всему миру был явлен новый подвиг христианской веры в лице 42 амморийских мучеников во главе со св. Феодором Кратером. Это были военачальники и сановники, захваченные в плен при взятии города, которых привели в Багдад и в колодках содержали в темнице, среди них: св. Константин Друнгарий, патриций св. Аэций, патриций св. Феофил, св. Милиссен, св. Каллист Турмах и другие. В течение 7 лет (!) арабы держали их в тюрьме в ужасающих условиях и, наконец, предложили отречься от Христа и принять ислам. Византийцы мужественно отказались, но уговоры продолжались и в последующие дни. Особенно досаждали мусульмане св. Феодору Кратеру, напоминая тому, что он перешел в военачальники из клириков и руки воина-священника обгажены кровью многих вражеских солдат, сраженных его острым мечом. На это Кратер ответил: «Потому-то и пролью без колебания свою кровь, чтобы искупление и очищение от грехов принесло мне Царствие Небесное». После этого пленников повели на казнь.

Святой Феодор и патриций св. Константин выступили вперед, чтобы первыми стяжать мученический венец. Один за другим все 42 мученика за Христа сложили свои головы 6 марта 846 г. Закончив казнь, палачи сбросили тела и отрубленные головы казненных византийцев в реку, но чудесным образом трупы прибило к одному берегу, и голова каждого из казненных греков пристала точно к своему телу. Вскоре благочестивые люди нашли тела святых мучеников и погребли их с честью.

К слову сказать, затем по приказу халифа был казнен и предатель Воидица, о котором араб разочарованно сказал: «Если бы он был истинным христианином, то не подобало ему отречься от своей веры. И если он не сохранил веру в Христа, то как может сохранить веру в Магомета? Бывший неверным своим, будет ли верен чужим? Нисколько!»⁵⁶⁹

Потеря Амории стала тяжелым ударом для императора Феофила, который он пережил ненадолго. В своей ставке царь почувствовал недомогание и попросил принести ему талой воды, чтобы залить внутренний жар. Однако, выпив воду, он заболел желудочной болезнью. Вернувшись больным в Константинополь, император направил в конце 838 г. своего патриция Феодосия Вавуцика к Людовику Благоче-

стивому просить войско для дальнейшей войны с арабами. Согласно инструкциям царя, первоначально Феодосий прибыл в дружественную византийцам Венецию, сумев уговорить венецианцев начать военные действия против арабов на море⁵⁷⁰.

Помимо этого, царь отправил патриция Василия послом к аль-Мутасиму с предложением мира, но тот выдвинул столь тяжелые условия, что договориться не удалось. Более того, аль-Мутасим подумывал уже о походе на Константинополь, но пришло известие из Сирии о том, что его племянник Аббас затевает заговор против него, и халиф отправился на Восток⁵⁷¹.

Летом 839 г. венецианский флот был разбит сарацинами. Желая отомстить венецианцам, агаряне двинулись к берегам Далмации и на второй день Пасхи, 7 апреля 839 г., сожгли города Оссеро на острове Херсо, а оттуда, переплыв море, начали жечь города по устью реки По. На обратном пути по возвращении домой они еще захватили несколько венецианских торговых судов, ничего не подозревавших об опасности. В 841 г. арабы вновь появились в заливе Кварнеро, и у острова Сансего венецианский флот потерпел второе поражение кряду.

Тогда Феодосий двинулся в Германию, где был принят Людовиком Благочестивым. Король франков и император Западной империи *вроде бы* соглашался удовлетворить просьбу Византийского царя, но практической реализация эта идея не получила. Дожидаясь ответа Людовика, Феодосий умер на чужбине, так и не увидев дома, а франкское войско в итоге никуда не отправилось⁵⁷².

В отчаянии василевс направил посольство к правителю Кордовского халифата *Абдаррахману* (822—852), попытавшись сыграть на противоречиях между Аббасидами и Омейядами. И тот с готовностью обещал предоставить свой флот к услугам византийцев, как только избавится от внутренних смут в своем государстве. Дело в том, что христианское население Испании, подогреваемое франками, уже давно пыталось освободиться от власти халифа, так что в данном случае, желая того или нет, Людовик Благочестивый сыграл против Феофила, к радости сарацин⁵⁷³.

Феофил бессильно внимал новым тяжелым известиям: арабы принялись грабить Кикладские острова, а войско, направленное под руководством брата императрицы св. Феодоры Варды в Авагин, потерпело тяжелое поражение от них. Словно вспомнив былые времена, арабы начали мощную экспансию на византийские владения в Южной Италии. В 840 г. они захватили Тарент и осадили город Бари.

А император умирал, и природа являла страшные признаки Божьего гнева: повсюду была засуха, сменявшаяся небывалыми бурями, свирепствовали землетрясения и голод.

Все же византийцы имели некоторые локальные успехи: их флот совершил удачное нападение на Антиохию, а сухопутная армия опустошила арабские владения от Мелитины до Мараша. В целом же, несмотря на военные неудачи, внимательный наблюдатель не мог не заметить, как Византия постепенно *перемалывала* арабскую силу. Да, ценой великих потерь и многих поражений, но раз за разом христианское воинство истощало мощь сынов ислама. В этой великой стратегической борьбе решали не только сиюминутные успехи, а прочность того культурного и политического строя, которые лежали в основе каждой из двух воюющих цивилизаций. Медленно, очень медленно, но оттого не менее неумолимо страшно для арабов Византия вставала с колен и готовила смертный приговор своему противнику.

Но это будет еще не сегодня. А в ту минуту мирный договор между двумя государствами был в конце концов заключен, хотя некоторые условия его казались неопределенными. Не был совершен и обмен пленными, как это обычно происходило после примирения противников⁵⁷⁴. В общем, всем было ясно, что этот мир продлится недолго.

Глава 3. Агония иконоборчества. Раскаяние императора

Было бы наивным полагать, что император Феофил, воспитанный Иоанном Грамматиком в духе иконоборчества, сменит церковную политику своего отца и Льва V. Да это было едва ли возможно: по-прежнему иконоборчество ассоциировалось с *патриотизмом* и поддерживалось большинством восточных епископов и аристократии. Попытка остальных восточных патриархов, направивших поздравления Феофилу с началом его царствования, убедить того вернуться к почитанию святых икон, была изначально обречена на провал. Другое дело, что раскол в Церкви настолько *утомил* все стороны, что никакой ригоризм был уже физически невозможным. При всей внешней суровости мер византийского правительства в отношении последователей VII Вселенского Собора, следует сделать несколько важных оговорок.

В первую очередь отметим, что первоначально отношение императора Феофила к иконам было вполне терпимым. Первый пример

тому — его женитьба на св. Феодоре, о любви которой к иконам он просто не мог не знать. Но первоначально царь не придавал этому большого значения. Лишь впоследствии, когда ему пришлось столкнуться с православной *оппозицией* своей власти, начались административные преследования⁵⁷⁵.

Кроме того, нельзя не заметить, что личности последних вождей иконоборчества были до неузнаваемости демонизированы позднейшими почитателями икон. Так, в действительности Иоанн Грамматик являл собой образ образованнейшего человека своей эпохи, человека, всей душой и сердцем радеющего о благе Римской империи, который «был исполнен гражданского благочестия», как говорит о нем древний летописец. Не случайно император выделял Иоанна из толпы всех остальных придворных и философов и доверял ему самые ответственные поручения.

Административная политика царя также лишилась того внутреннего напряжения и суровости, которые ранее иногда были присущи действию римских властей при императорах Константине V и Льве V. Наказывая видных сторонников иконопочитания, император, тем не менее, *был избирателен* в отношении конкретных лиц. Например, никак не пострадали ближайшие ученики прп. Феодора Студита: Николай, будущий игумен Студийского монастыря, Афанасий, будущий игумен Саккудиона, св. Игнатий, сын императора Михаила Рангаве, будущий Константинопольский патриарх, и многие другие видные сторонники иконопочитания. Будущий патриарх св. Мефодий довольно свободно жил в царском дворце, и Феофил неоднократно брал его с собой в походы, желая его советов по самым различным вопросам. Не исключено также, что царь опасался оставлять клирика без присмотра. Вообще, в отличие от политики императора Льва V, Феофил стремился не столько наказать непослушных или обязать их вступить в общение с иконоборцами, сколько *изолировать* вождей противостоящей ему церковной партии.

Не случайно в мартирологе лиц, пострадавших при императоре Феофиле, мы почти не видим вождей иконопочитания (вернее, они *отсутствуют*); фигурируют далеко не самые известные имена, занимающие скромные должности, в первую очередь рядовые монахи. Но и здесь все далеко не однозначно. Возникает закономерный вопрос: за что наказывались монахи — за открытую *пропаганду* иконопочитания и нарушение царских запретов покидать монастыри и проживать в городе или за *почитание* святых икон?

Как представляется, главным образом наказания наступали именно за первую группу нарушений. В отдельных случаях, когда исповедники иконопочитания сами являлись к царю, чтобы убедить того отказаться от иконоборчества, страдали и они, но такие эпизоды были очень редки. Этим и объясняется тот факт, что, несмотря на военные поражения царя, в другой ситуации приведшие иных императоров к потере трона, невзирая на последовательную политику *выдавливания* иконопочитания из византийского общества, Феофил сохранил авторитет и влияние даже среди той части аристократии (в основном армянской), которая уже повернулась лицом к VII Вселенскому Собору⁵⁷⁶.

Вернемся тем не менее к хронологии событий. В 831 г. последовал политический памфлет, быстро разошедшийся по рукам, в котором предсказывалась скорая смерть императора Феофила. Ни для кого не было секретом, что такие «публикации» всегда являлись одним из признаков скорого заговора. Было проведено расследование, в сети которого попал митрополит Сардский св. Евфимий. Поскольку он принадлежал к иконопочитателям, былая индифферентность царя быстро испарилась⁵⁷⁷. В 832 г. император Феофил издал царский указ о запрете святых икон, а Иоанн Грамматик, используя свои возможности, начал деятельно закрывать монастыри и отправлять в ссылку и тюрьмы неугодных монахов⁵⁷⁸.

В 833 г. по предложению Грамматика был созван Собор во Влахернской церкви, на котором присутствовавшие епископы произнесли анафемы в адрес иконопочитателей. После этого царь издал указ, согласно которому *все* монахи, жившие в населенных пунктах и городах, должны немедленно удалиться в пустынные местности и предоставить свои помещения для государственных целей. Монахам вообще было запрещено появляться в мирских обществах под угрозой тяжелого наказания. В принципе такая мера была вызвана реальными причинами, в первую очередь тем, что многие иноки беззастенчиво нарушали монашеский устав, лишь *по имени* числясь в монастырских обителях, но в действительности ведя вполне мирской образ жизни. Но, конечно, император в данном случае наверняка преследовал своей целью не только восстановление благочестия среди монашества, но и установление условий, препятствующих пропаганде иконопочитания со стороны иноков⁵⁷⁹.

Конечно, такие меры не могли не охладить отношений между Константинополем и Римом. На Западе в течение второго иконоборческого периода Римские папы *Пасхалий I* (817–824) и *Григорий IV*

(827—844) продолжали защищать и распространять иконы. В 835 г. Григорий IV постановил, чтобы празднование всех святых, установленное папой Григорием III, праздновалось 1 ноября, и притом *всем христианским миром*. Примечательно, что преследования иконоборцев вызвали на Западе, не только в Риме, но и в других странах, как, например, во Франции, широкое почитание святых и их мощей. Именно в эпоху иконоборчества мощи многих святых были перевезены во Францию: например, св. Вита в 751 г., св. Севастиана в 826 г., св. Елены в 840 г.

Вместе с тем, как ни странно, иконоборческая политика Феофила способствовала политическому сближению Византийской и Западной Римской империй, где, как мы знаем, VII Вселенский Собор вызывал отрицательные эмоции. В 825 г. король Людовик Благочестивый созвал в Париже Собор франкских епископов, которые недвусмысленно осудили Римского папу Адриана I за поддержку иконопочитателей (!), поскольку, по их мнению, тем самым утверждалось «суеверное почитание икон».

Последующие события также не лишены интереса. Далекие от доктрины «папской непогрешимости», франкские архиереи заявили, что «заблуждение защищается там, где оно должно быть осуждено» — новый прямой выпад в сторону Римского епископа. В своей формулировке оправдания иконоборчества франки отметили, что святые изображения возникли будто бы от Симона Волхва и Эпикура. Поклонение, заявили они, подобает одному только Богу, а не сделанным руками предметам. Полагая свою позицию «срединной» между иконоборчеством и иконофильством, франки подтвердили старый тезис своих богословов, что иконы нужны только как *напоминание о Христе* и святых, а для невежд — для научения. В таком виде они, делали вывод франкские архиереи, не вредят вере, поскольку за каждым остается право выбора — приобщаться к иконам либо нет.

Невольно возникала комбинация — сорвать иконопочитание путем совместного и одновременного давления на Римского понтифика как со стороны Западного императора, так и Византийского царя. Конечно, этот замысел не был столь прямолинеен в сознании Людовика Благочестивого, но все же король направил в Константинополь к императору Феофилу епископа Галитгарда и аббата Ансфрида с предложением объединить свои усилия против «заблуждений» Рима. Однако по каким-то причинам эта инициатива франков не получила реализации, и результат деятельности западного посольства неизвестен⁵⁸⁰. Можно

предположить, что, как и ранее, византийцы *не безбрезгливости* отнеслись к столь дикому и поверхностному пониманию самой проблемы иконопочитания, какую демонстрировали франки.

При довольно благоразумной политике укрепления иконоборчества Феофил, как человек молодой и горячий, отличавшийся твердым характером, не терпел только одного — *открытого неповиновения своей воле*, в известной степени справедливо полагая, что любой закон помазанника Божьего должен безусловно исполняться всеми греками. Сохранилась история о тех наказаниях, которым подвергли по велению царя св. Михаила Синкелла, до этого уже прошедшего тюрьмы и ссылку за отказ отвергнуть святые иконы.

В 834 г. царь приказал доставить к нему в столицу св. Михаила, чтобы самому определить степень его вины. Надо сказать, изложение «преступления» св. Михаила со стороны сановников-иконоборцев касалось, как и следовало ожидать, не столько догматической стороны вопроса, сколько политической. Они разъяснили императору, что св. Михаил вместе с тремя монахами во времена царствования Льва V Армянина был направлен из Рима папой, чтобы смущать истинных христиан. Ни на какие уговоры они не идут и продолжают исповедовать «поврежденное» учение. Феофил заинтересовался и вызвал всех четырех святых к себе на суд.

Когда их привели во дворец, император поинтересовался: почему они пребывают в тюрьме, и услышал простой и честный ответ: «За Христа!» Не увидев в действиях монахов никакой особой крамолы, царь приказал отправить их обратно в Иерусалим, но тут вмешались вельможи, *подтолкнувшие* императора к более жестокому наказанию. Согласно новому приказу, на лица святых должны были начертать стихи, свидетельствующие об их «еретичестве». Так сказать, как *наглядный* и отрезвляющий пример для остальных «бунтовщиков», идущих наперекор царской воле.

Правда, от вынесения приговора до приведения его в исполнение прошло некоторое время, в течение которого царские слуги неоднократно пытались убедить святых мучеников отказаться от своих «заблуждений» — все тщетно. Если царь и сомневался, наказывать ли монахов, то теперь для него все было решено. Приговор привели в исполнение, и хотя искалеченные лица святых нестерпимо болели, они сказали навестившему их слуге императора, что по этим шрамам Ангелы и Херувимы дадут им пройти в Рай из-за благоговения к принятым мукам. Пораженный император, узнав об этих словах, прошептал: «Если бы я знал, что это верно, то начертал бы эти письма на всем

народе моем». Иными словами, если бы император был уверен в правоте мучеников, он без колебаний принял бы их веру⁵⁸¹.

Однако такие эпизоды были все же редки. Как свидетельствует история, царь прилагал громадные усилия для восстановления церковного мира и предоставил возможность всем заинтересованным лицам в *открытом диспуте* защитить истину, как они ее понимают. Этим воспользовались монахи-авраамиты, принадлежащие древнему монастырю, основанному еще в начале VI века. Они целыми группами являлись к царю и со ссылками на Святых Отцов доказывали, что монашество любезно Богу, а изображения святых ликов берет свое начало от Христа, запечатлевшего Свой лик на полотенце для правителя Эдессы Авгари, и апостола Луки, по преданию первым изобразившего Пресвятую Богородицу. Видимо, диспут проходил далеко не в мирных тонах, поскольку император велел сослать большинство монахов в монастырь Иоанна Предтечи, что находился на азиатском берегу Босфора, а некоторых даже подвергнуть телесным наказаниям.

Тем не менее результаты диспута не могли обнадежить царя: его уверенность в «ереси» почитания икон была подломлена твердостью духа, явленной многими исповедниками, и откровенным *разгромом* вождей нового иконоборчества, которому те подверглись в споре. Сохранилось известие, что один монах бесстрашно явился к императору (а тот без проволочек принял инока как ни в чем не бывало — вот что удивительно для нашего времени) и попытался освободить того из плена заблуждения. Речь монаха была столь уверенна и искусна, что император направил его к Иоанну Грамматику в надежде, что тот сумеет при помощи своего ораторского искусства и знаний опровергнуть речи почитателя икон. Увы, в кратком, но содержательном диспуте Грамматику обратился в «существо, рыбы безмолвнее», а инок отправился в горную обитель Калос, где и прожил еще многие десятилетия.

В другой раз Феофил имел неприятную для себя возможность убедиться в том, что целый ряд цитат, выведенных якобы из Священного Писания, на которых иконоборцы основывали свои суждения, *подложны*. Желая в конце концов разобраться в существе векового спора, император пригласил к себе исповедника Феофана и Феодора, его брата. Открыв диспут, царь огласил один стих из Книги Исаии, на что исповедники в один голос заявили, что цитата неверна. Затем они начали объяснять Феофилу, что многие священные книги и творения Святых Отцов специально испорчены. В доказательство своих слов святые просили принести подлинные книги из патриаршей библиотеки и показали обескураженному царю *настоящие* тексты. Надо сказать, что в

этот момент в силу молодости и темперамента Феофил не справился с нервами — еще бы, он, который по праву считался образованным человеком, оказался обманутым и выглядел полным невеждой в глазах рядовых монахов! Разгневанный василевс воскликнул: «Негоже царю терпеть такие оскорбления!» — а затем приказал наказать исповедников и выжечь у них на лбах соответствующие надписи, свидетельствующие об их дерзости⁵⁸².

Однако для непредубежденного глаза было очевидно, что иконоборчество уже агонизирует. Его сторонники таяли на глазах, и сама ересь держалась только усилиям таких колоритных личностей, как Иоанн Грамматик — деятельного и энергичного человека, убежденного врага икон. В благодарность за его учительство император Феофил 21 апреля 838 г. назначил своего бывшего педагога столичным архиереем, и тот начал настоящую войну против сторонников VII Вселенского Собора. Желая несколько ослабить влияние армянской партии, уже давно занявшей центральные позиции в столичной элите и укрепившейся при помощи императрицы св. Феодоры, Феофил предпринял масштабные шаги по переселению из Малой Азии значительного числа персов, сирийцев и турков-вардариотов. Он разместил их в Македонии, в долине реки Вардара, и в Охриде⁵⁸³. Таким путем он надеялся ослабить сторонников иконопочитания в Римской империи, сконцентрировав в своих руках мощную силу в виде индифферентных ко всему язычников-персов и турок или иконоборствующих сирийцев.

Однако Феофила ждало разочарование: в самом царском семействе иконопочитатели встретили могущественного союзника, с именем которого вскоре будет ассоциироваться праздник «Торжества Православия», — императрицу святую Феодору. Семья, в которой выросла и провела юность императрица, отличалась редкостным благочестием и принадлежала к партии почитателей святых икон. Когда дети царицы немного подросли, ее мать Феоктиста, тайная приверженка святых икон, начала постепенно приучать девочек к поклонению иконам.

Встречи бабушки и внуков не укрылись от отцовского взора, и как-то за ужином император поинтересовался у дочерей, чем они занимаются у Феоктисты и как проводят время. Наученные Феоктистой, девочки отвечали, что играют, а бабушка дарит им подарки. Но тут проговорилась совсем еще маленькая Пульхерия, наивно желавшая похвастаться перед отцом. Не чувствуя опасности, она напрямую сказала, что у бабушки в сундуке много «лялек», к которым она дает им прикладываться. Возмущенный государь приказал явиться Феоктисте, но та, женщина смелая и пользовавшаяся по своему авторитету у им-

ператора «правом свободной речи» — специальная преференция для самых близких членов семьи императора, — без обиняков призналась в своих взглядах. Гнев царя понемногу улегся, и он в виде наказания лишь запретил дочерям *часто* появляться у бабушки.

Вскоре на тайном почитании святых икон попала и святая императрица. Однажды один из шутов царя случайно застал царицу в ее покоях с иконой в руках, которую та прижимала к губам и груди. По неразвитости ума он не сумел понять, какие предметы так трепетно лобызает императрица, а та, схитрив, ответила в том же духе на вопрос шута, что и ее мать: «*ляльки*». Шут вернулся к обеденному столу царя, и тот поинтересовался: «Чем занимается императрица?». — «Целует ляльки», — ответил придворный дурачок. Но Феофила уже нельзя было обмануть. Он тут же вскочил из-за стола и направился в покои супруги, где осыпал ее бранными словами. Однако святая Феодора твердо стояла на том, что шут увидел в зеркале изображения служанок, с которыми играла императрица, а остальное ему просто померещилось. Кое-как гнев василевса удалось остудить, но с тех пор его подозрения в отношении жены усилились⁵⁸⁴.

Вскоре настал смертный час императора Феофила. Собрав всех савновников и войско во дворце в Магнавре, он, тревожась за судьбу жены и детей, с помощью слуг поднялся с ложа и слабым голосом произнес: «В такой беде и болезни другой, наверное, оплакал бы цвет юности и воспел великое счастье, из-за которых зависть, издавна меня чернившая, ныне остановила на мне свой взор и лишает жизни. Но я наперед думаю о вдовстве жены, злосчастии и сиротстве сына, об утрате, что понесут мои помощники, возросшие в добрых нравах и служении, совет и синклит, и я плачу и рыдаю, что покидаю вас, кротких и смиренных, перехожу в жизнь, которой не ведаю и не знаю, что встречу в ней вместо славы. Не забудьте речи моей, коей уже никогда не услышите, хотя, случалось, и бывала она сурова ради пользы и чести. После моей кончины блюдите благорасположение к супруге и сыну, памятуя, что, каков каждый будет к своему ближнему, такое и сам встретит в грядущем». Царская речь растрогала и смирила всех присутствующих, и стоны вырывались из груди суровых и мужественных воинов⁵⁸⁵.

Последние часы императора были тяжелы. Он страдал оттого, что не смог уберечь Римское государство от невзгод и не справился с «ересью» иконопочитания. Рядом с ним находилась верная царица св. Феодора, которой довелось принять вдовство в юные годы. В последние минуты жизни своего возлюбленного эта благочестивая женщина попыталась в последний раз вернуть его к истине и горячо внушала, что

постигшие Византию неудачи являются следствием отступления от Бога и святых икон. Эти слова не пропали даром: незадолго до кончины царь попросил жену принести икону и, когда царица поднесла ее к нему, он *прильнул своими устами к святому изображению*, примирившись с Богом и отвергнув свои заблуждения⁵⁸⁶.

Говоря о царствовании этого замечательного императора, следует иметь в виду, что он умер в 29 лет. Обладая несомненными достоинствами и задатками государственного мужа, Феофил мог многое сделать для славы Римского государства. Характерный момент — несмотря на все военные неудачи, он сумел значительно укрепить государственную казну, не увеличивая налоги и подати, и сохранить свой авторитет среди высшей элиты Римской империи — достаточно редкий случай. Многократно выросшее благосостояние государства позволило Римской империи продолжать многочисленные войны с суровыми сильными врагами, борясь иногда одновременно сразу на нескольких фронтах. Как следствие, Византия сохранила свое влияние во внешних делах и являла собой образ процветающего государства⁵⁸⁷.

И нет ничего невероятного, что со временем царь под влиянием своей жены и объективных обстоятельств изменил бы свое отношение к святым иконам⁵⁸⁸. Увы, этому не суждено было сбыться: 20 января 842 г. императора Феофила не стало.

Приложение №9

Император, «симфония властей» и иконоборчество. Греческий национализм

Постепенное удаление Западной Европы из-под юрисдикции Византийского императора, а затем переход под политический протекторат Франкского короля требовали адаптации некоторых базовых принципов существования Римской империи к новой политической действительности. Просуществовав сравнительно короткое время, Западная Римская империя, или империя Карла Великого, распалась на несколько политических образований. И хотя сама по себе идея единой Римской империи не исчезла, власть Западного императора оставалась номинальной на фоне многочисленных суверенных правителей.

Но Византия с честью вышла из этой сложной ситуации, *вычеканив* ту фигуру, единственно благодаря которой можно было примирить все разногласия и противоречия, по обыкновению таящиеся в природе

человеческих обществ. Личному праву франков, способному только расшатать имперские устои, и вселенским амбициям Апостольского престола была противопоставлена *личность Римского императора*, как центра всей власти в Римской империи, высшего гаранта Православия и безопасности государства, наместника Христа на земле. Иными словами, преодоление на Востоке политического и церковного кризиса, случившегося в годы иконоборчества, само выживание Византии мыслилось лишь путем закрепления за Римским царем *абсолютных прав*. В политической терминологии VII—IX веков наблюдается воспроизведение прежних идей, но налицо и новое содержание, вкладываемое в старые понятия, должное усилить впечатление от статуса Римского царя, подчеркнуть его вселенское значение и величие. И вполне закономерно для «симфонии властей» прослеживается параллелизм в определении прерогатив монарха как в политической сфере, так и в Церкви.

I

В первую очередь обращают на себя внимание новые понятия в величании Римских царей. Уже начиная с 629 г. к титулатуре Византийских императоров добавляется наименование «*василевс*», что хотя и является синонимом понятия «император», но имеет и собственное значение. Термин «василевс» позволял индивидуализировать Византийского царя среди всех прочих автократоров и королей, как единственно законного императора во Вселенной. Существует только один Бог и одна Империя, следовательно, по природе вещей возможен только один император, василевс, от которого все остальные правители получают права на свои территории и правят с его волеизъявления. Допустить существование двух или трех равнозначных императоров — бессмысленно, поскольку двух империй быть не может. Василевс — это и есть *единственный* законный император, то есть Ромейский, Византийский⁵⁸⁹.

Введение этого термина составляет заслугу императора Ираклия Великого. Первоначально может показаться, что употребление обращения «василевс» вместо привычного «император» приводит к умалению царского достоинства, но на самом деле это не так. Термин «василевс» — библейский и мессианский: Христос является единственным василевсом Вселенной, или царем, поэтому употребление сочетания «верный во Христе василевс» лишь подчеркивает сакральный смысл звания «император», с которым отныне связывается *царское служение*

Христа. Отныне василевс становится привилегированным титулом византийского самодержца, принадлежащим исключительно ему одному, как главе христианского мира и Вселенной, в то время как императоров, королей и царей стало уже множество⁵⁹⁰.

Это изменение со временем нашло отражение в молитве, читаемой Константинопольским патриархом перед возложением венца на голову Византийского царя на Литургии: «Пред Тобой единым Царем человеков, тот, которого Ты почтил царством земным, преклоняет выю свою с нами. И молим Тя, Творца всяческих, сохрани его под кровом Твоим, утверди царство его, научи его творить волю Твою, воздвигни во дни его правду и преизобилие мира, да тихое и безмятежное житие проживем во всяком благочестии и чистоте. Ты бо еси Царь мира и Спас душ и телес наших и Тебе славу воссылаем»⁵⁹¹.

В отличие от других правителей Византийский император знал, что ему одному принадлежит вся полнота власти во Вселенной, и эта власть дана ему Богом. Не случайно императрица св. Ирина пишет Римскому папе Адриану, что она и сын получили от Бога власть императорскую, как и папа — власть первосвященника⁵⁹².

Императору принадлежало три важнейших функции: репрезентативная, исполнительная и административно-законодательная. Как Богом поставленный самодержец, император должен был представлять Римскую империю в качестве материально-чувственного образа, демонстрировать своим величием ее мощь и единственность. Репрезентативность — показатель того, что обожествляется не конкретный император, а *императорская власть* как таковая. Культ императора внушал уверенность в величии и вечности Римской империи, поэтому церемониал посещения императором различных мест и аудиенции у царя имел четко отработанный и величественный характер.

Как носитель высшей исполнительной власти, царь обладал неограниченным правом судить своих подданных, наказывать их, ссылая, казнить, конфисковать имущество, смещать с государственных должностей. И это право никогда и никем не подвергалось никакому сомнению. Наконец, император в сознании византийцев — верховный судья и законодатель. Более того, царь — сам воплощенный закон и, конечно же, выше его, поскольку только благодаря императору закон и возникает⁵⁹³. Каждый чиновник являлся слугой императора, и все они были связаны с царем личной клятвой или присягой, которую приносили ему при восшествии на престол⁵⁹⁴. В случае плохого исполнения поручений императора чиновник нес тяжелое наказание, поскольку, как считалось, он бросал тень на имя царя, делегировавшего ему свои полномочия.

С *формально-правовой* точки зрения власть императора не была и не могла быть никем и ничем ограничена. Этим ограничителем стало нравственное сознание византийского общества и самого василевса, а также этические принципы, вытекающие из христианского вероучения. Но в то же время, как неоднократно замечали исследователи, реальные возможности царя были не столь велики, как может показаться на первый взгляд.

Обратим внимание на главные обстоятельства, довольно существенно стеснявшие полновластие Римского царя. *Самоподчинение императором себя Церкви*, закону Божьему, приводило к тому, что никакой самый могущественный царь был не в силах перешагнуть через невидимые границы, за которыми его власть прекращалась. Если согласие между царской властью и Церковью давало трещину, можно было с уверенностью говорить, что час такого царя уже близок — римский народ всегда находил замену человеку, не соответствующему высокому идеалу Римского императора. Претендент, не венчанный Константинопольским патриархом на царство, никогда не считался императором — это абсолютная аксиома для византийского сознания. В свою очередь признание патриархом нового самодержца происходило далеко не автоматически, и хотя случаев прямого отказа со стороны столичного архиерея история не зафиксировала, но *гипотетически* такая опасность существовала, и кандидат на царство должен был с ней считаться. Не случайно со временем вошло в практику, что накануне своего венчания на царство император передавал патриарху письменное исповедание веры как залог своего православия.

Вторым фактором, который нельзя было сбрасывать со счетов, являлся сенат (синклит), включавший в себя политическую элиту Римской империи. Хотя полномочия сената не носили закрытый характер и инициатива вынесения на его обсуждение того или иного вопроса принадлежала только царю, это был далеко не номинальный орган власти, нередко предreshавший многие вопросы, в том числе — личность будущего царя.

Наконец, армия — грозная сама по себе сила, вобравшая цвет военной элиты Римской империи. В случае неудачного правления и утраты императором расположения народа, синклита, Церкви и войска именно из среды армейских военачальников, как правило, появлялись новые претенденты на императорский пурпур; или узурпаторы. Как не вспомнить краткий период царствования Ираклиона и Мартины, пострадавших оттого, что народ и армия не приняли их? Взошедший на престол юный Константин II хотя и указал патрициям, что их дело —

советовать ему, как правильно управлять государством, а принятие решений — его прерогатива, но вскоре был вынужден консультироваться с войском, прежде чем предложить мир арабам. Начиная новую, иконоборческую политику, Лев III Исавр также считал за благо посоветоваться с сенатом и получить его одобрение. Как писал летописец, синклит буквально потребовал от Михаила II Травла жениться, и царь подчинился этому приказу⁵⁹⁵. С воцарением императоров-иконоборцев роль армии все более возросла, поскольку Лев III и Константин V с присущей им решительностью окончательно порвали с традицией «партийной» системы, место которой теперь заняла военная аристократия. Сами цари, как некогда в древности, все больше становятся *полководцами*, чем администраторами⁵⁹⁶.

Поскольку все три могущественных силы, а также Римский царь жили по одним и тем же законам, данным Христом, имели одинаковые цели и задачи, подобная политическая конструкция отличалась удивительной живучестью, гибкостью и гармонией. Эта «симфония» не была статичной: в различные периоды времени под влиянием самых разных обстоятельств то одна, то другая сила получала некоторое преобладание в жизни византийского общества.

«*Симфония властей*» возникает лишь тогда, когда Церковь и государство, царская власть и священноначалие при всем различии их природ и статусов представляют *единый органичный союз*, различимый изнутри лишь в частностях (где проявляется церковное начало, а где — государственное), но неразличимый вовне. Естественно, для полной «симфонии» нужно, чтобы церковное общество в материальном смысле совпадало с обществом политическим по членам и географии. Практически, как мы знаем, на всем протяжении существования Византии эти условия сохранялись неизменными.

Конечно, никакой деспотии из себя царская власть в Византии не представляла. Считалось само собой разумеющимся, что император подчиняется закону. На первый взгляд этот тезис кажется бессмысленным, поскольку царь, как *живой образ закона*, являлся единственным источником всего корпуса законодательства Римской империи. Но именно следование праву делало императора законным владыкой. И совершенно верна мысль, что для византийского сознания не всякая власть легитимна, а та, которая избирает *уважение к законам*. «Этой простой идее античная традиция придала форму парадокса, в котором первое высказывание заимствовано из эллинистической литературы: император не подчиняется законам, так как он сам есть “живой закон”, к чему второе высказывание делает коррективу: но законный прави-

тель должен стараться соответствовать законам. Короче говоря, легитимность сообщается через обращение к законности»⁵⁹⁷.

Византийское сознание довольно быстро нашло для себя формулу примирения этого «парадокса». Вообще, «с точки зрения Православия любая другая форма верховной власти, кроме монархии (как это ни парадоксально, любой, хотя бы и не православной) является *беззаконной политией* в том смысле, что царь — это “воплощенный закон”, и при его отсутствии у власти нет божественной санкции, а значит, нет и божественного права издавать законы. В случае же превращения законной монархии в тиранию у христиан всегда оставалось в запасе одно средство — мученичество. Именно мученики (и зачастую весьма высокого социального положения) свидетельствовали о неправде тирании в Византии, так что когда в синаксарях и минеях мы находим во множестве стандартный зачин “В царствование нечестивого царя...” — это значит, что мы имеем дело с христианским сопротивлением тирании»⁵⁹⁸.

Личность *конкретного* императора зачастую имела второстепенное значение. Важен был тот *образ*, который сочетался в византийском сознании с титулом Римского императора, а не физический человек. Философское умозрение у византийцев связывалось с политической реальностью через понятие «*мимезис*» («отражение», «подобие»), кардинальное для византийской культуры и жизни. Император был прообразом Царя Небесного, а Империя — Царствия Христова⁵⁹⁹. Как любой человек, царь мог иметь свои достоинства и недостатки — это прощалось. Единственное, что не дозволялось царю, это — ронять царское достоинство, что выражалось как в уклонении от веры и забвении интересов Церкви, так и в нерадении в государственных делах.

Прочему же в таком случае именно в тот период времени, когда идея царского служения получила наиболее насыщенное содержание, в реальной политике личность императора не стоила подчас ломаного гроша? Ответ на этот вопрос при всей видимой противоречивости не так сложен.

Для византийцев Римская империя, как «Новый Израиль», представляла собой избранное Богом государство, и римские порядки являлись, как данные непосредственно Богом, *идеальными* по своей природе. Христос, как «господин и царь» всего живого, непосредственно участвует в процессе существования Римского государства, и поэтому для Бога нет никакой причины менять правильный порядок, Им же и установленный. Порядок в государстве для византийцев — это в первую очередь *согласие* с властью и между собой. Различные бедствия объяснялись не пороками самого общественно-политического строя,

а злоупотреблениями отдельных носителей власти, в первую очередь самих царей⁶⁰⁰.

Поэтому полновластие императорского статуса оборачивалось против конкретного носителя царской власти, что обуславливало высшую ответственность василевса перед обществом. Иными словами, если для императора нет ничего невозможного, то он и отвечает *за все*, что происходит в государстве. Любое нестроение в государстве и Церкви било, как из пушки, по конкретному царю, предreshая его судьбу⁶⁰¹.

Эти мысли казались естественными и органичными для римского сознания еще во времена императора св. Юстиниана Великого. Последующие века только закрепили и обогатили содержанием эту удивительную конструкцию, что непосредственно сказалось на прерогативах царя как главы государственного и церковного управления.

Высокий смысл царского служения Христу едва ли не автоматически предполагал *обязанность* царя участвовать в делах Церкви и в церковном управлении. Полагалось, что власть дана ему Богом главным образом для сбережения чистоты православного вероучения — поэтому он и именовался *defensor* («защитник») Церкви. Первоначально византийское правосознание не было столь категоричным по отношению к своим императорам, и некоторые из них самоустранялись от участия в богословских и догматических спорах, а также от принятия по ним последнего решения. Позднее такая ситуация стала уже невозможной. Ведь весь римский народ видел в них служителей Божьих, получивших власть от Творца для того, чтобы воспитываемый под их влиянием род человеческий призвать на служение священническому закону и под руководством Бога возрастить блаженную веру.

Сохранить, сберечь истинную веру и требовать от своих подданных вести благочестивую жизнь — не право, а *обязанность* императора. Иными словами, Церковь предоставляла императору исключительные, едва ли не абсолютные полномочия, вменяя ему в обязанность налагать на Византийское государство церковный закон⁶⁰².

О царях говорили: «Хранители непорочной нашей христианской веры и ревнители славы Божьей, верные императоры наши, имеющие попечение обо всем, что угодно Богу и что полезно нам, христианам»⁶⁰³. В своем письме императору Константу II Армянский католикос и савновники пишут буквально следующее: «От вдохновенных пророков и апостолов Христа мы получили заповедь молиться о боголюбивом твоём царствовании, обо всех князьях и войске и обо всем богохранимом дворе, над которым покоится любовь Божия, и благодать божественных даров явно покоится на вас. Твое царство велико и сильнее,

чем все царства; оно увенчано не рукой человека, но десницей Бога. Его ничто не может заменить, кроме царства Христова»⁶⁰⁴.

Как указывалось ранее, папа Григорий II допускал довольно резкие выражения в своих посланиях к императору Льву III Исавру. Но даже в обращении к «*такому*» царю понтифик называет его «главой христиан» и отмечает, что царскую власть ему дал сам Господь⁶⁰⁵.

И Римские императоры, практически без исключения, полнокровно исполняли свой долг перед Богом, ставя интересы Церкви на первое место. «Мы так ратуем за истину, так ревнуем о благочестии, так заботимся о церковном благосостоянии, так желаем утвердить древние постановления, что, оставив занятия делами военными и попечение о делах политических, поставили первым для себя делом восстановление мира во Вселенской Церкви», — писали Римскому папе императрица св. Ирина и император Константин VI⁶⁰⁶.

И Кафолическая Церковь благодарно воспринимала эту опеку, вручая Римскому царю права по управлению церковными делами. Да иначе и не могло быть по природе вещей. Как неоднократно отмечали исследователи, для обеспечения вероисповедального единства Церкви требовался постоянный, внешний и властный авторитетный орган, подытоживающий результат догматических споров. Но ни одна Поместная Церковь, ни один епископ, каким бы авторитетом они ни пользовались, этими качествами не обладали. В сложных перипетиях великих догматических споров церковные кафедры чаще защищали свое *частное видение* догматических проблем и свои партикулярные церковно-политические интересы. Центром, более всех радевшим о церковном единстве, в известном смысле даже «центром церковного общения», был престол Византийских самодержцев, за которыми признавались широкие церковные полномочия⁶⁰⁷. «Внешний» епископ, как назвал себя св. Константин I Великий, все больше становится епископом «внутренних дел» Церкви, принимая самое непосредственное участие в выработке православного вероисповедания⁶⁰⁸.

В периоды максимального напряжения отношений между Римом и Константинополем, а они случались все чаще и чаще, роль императоров в преодолении ересей и умиротворении Кафолической Церкви все более возрастала. Хрестоматийные примеры демонстрируют VI и Трулльский Вселенские Соборы, у Отцов которых не возникает ни грамма сомнений в том, *благодаря кому* Кафолическая Церковь обрела мир, а истинное вероисповедание стало законом для всех христиан. Они обращаются к Константину IV со следующими словами: «Все мы единодушно взываем: «Господи, спаси царя нашего (Пс. 19, 10), ко-

торый после Тебя укрепляет основание веры. Благослови жизнь его, направь пути его намерениям. Сокруши силу врагов его, и пусть восстающие на него постоянно падают, за то, что он творил суд и милость, и истине, находившейся на краю гибели, простер руки, и спас народ Твой, и привел его к единомыслию. Радуйся, Константинополь, новый Рим, славный именем державы. Вот император твой благоверный, да и мужественный, берется за всеоружие, за свою ревностную силу. Он надел на себя броню, правоту и святость, возложил на себя шлем, благоразумие, которое есть сторож добродетелей, взял щит, непоколебимое благочестие к Богу»⁶⁰⁹.

И царь как данность принимает эти славословия и подтверждает свои обязанности перед Богом и Церковью: «Бога в свидетели призываю пред вашим Святым и Вселенским Собором, что без всякой приязни или неприязни мое первое желание и забота состоит в том, чтобы наша христианская непорочная вера была безукоризненна, и чтобы мы сохраняли ее с постоянством во имя Бога по учению и преданию, переданному нам чрез Евангелие, святых апостолов и чрез изложения пяти Вселенских Соборов и Святых славных Отцов»⁶¹⁰.

В другом послании царь продолжает свою мысль: «Опорой и основанием христианнейшего государственного управления, вверенного нам свыше, служат неуклонная и непоколебимая вера в Бога, на которой Христос, Бог наш, и создал Церковь в жилище Себе и, как Царь всех, утвердил престол нашего царства и вручил нам скипетр самодержавия. На этом камне, на котором нам повелено стоять твердо, мы утвердили столпы рассуждения и повелеваем твердо держаться за него своим подданным, чтобы кто-нибудь не упал в пропасть нечестия».

Далее царь объясняет причины, по которым он повелел собраться Вселенскому Собору, и они вполне традиционны: «Мы, подражая издревле благочестиво и соименно царствовавшим, будучи сожигаемы ревностью о правой и непорочной вере и считая делом первой важности, чтобы в наше царствование святые Божии церкви находились в мире, сочли весьма неуместным долее нарушение мира церковного. И потому созвали сей VI Священный и Вселенский Собор, равночестный бывшим прежде него пяти Вселенским Соборам»⁶¹¹.

Это было сделать очень непросто: как пишет царь, мешали внешние враги и внутренние неурядицы. Но «мы так ратуем за веру, заняты благочестием, так озабочены состоянием дел церковных, что, будучи осаждаемы военными заботами, отвлекаемы военными предприя-

ми, не отложили созвание сего всечестного Собора, чтобы по уничтожении разногласия церквей устроился союз мира»⁶¹².

Как следует из «Деяний Соборов» и посланий императора, царь Константин IV не просто наблюдал за дисциплиной в зале, но и принимал *активное участие* в рассмотрении дела по существу — об этом он прямо пишет Римскому папе Льву II⁶¹³. Поэтому император с полным основанием говорит в своем эдикте: «Стоя на высокой горе царства, возвещаем и благовествуем всенародный праздник церковного мира»⁶¹⁴.

Даже император Юстиниан II, личность которого оценивается неоднозначно, заслужил самых высших эпитетов от Отцов Трулльского Собора. «Христос не оставляет нас без помощи, — пишут они, — двигая в каждом поколении людей, противоборствующих диаволу оружием благочестия на поприще сей жизни и ведущих против него войну. Которые, извлеки меч Духа, Который есть Слово Божие, и таким образом схватившись с лукавым, разрушили тиранию его над нами, стали пастухами стад, показывают народам пути Господни, дабы они по незнанию лучшего не зашли на стремнины и не упали в пропасть».

И другой отрывок в адрес царя: «Когда мы беспечно проводили свою жизнь и покоились в умственном сне, Христос, Бог наш, Кормчий сего великого корабля настоящего мира, восстановил в твоём лице мудрого нашего правителя, благочестивого императора, предстоятеля на суде, решающего дела по сущей правде, сохраняющего истину в века, делающего осуждение и оправдание посреди земли и шествующего непорочным путем. Которого, выносивши во чреве и повивши, хорошо выкормивши и одевши добродетелями, исполнивши Божественного Духа, Премудрость сделала глазом Вселенной, ясно просвещающим подданных чистотой и блеском ума. Которому Она поручила Свою Церковь и научила днем и ночью заботиться о ее законе к усовершению и назиданию подручных народов. Который жаром любви к Богу превосходя ревнителя Финееса и умертвивши грех силой благочестия и благоразумия, захотел и паству освободить от зла и заразы. Ибо тому, кто принял по мановению свыше управление родом человеческим, прилично было не только иметь в виду касающееся его самого, — то, как бы у него собственная жизнь получала доброе направление, — но и спасать всякого подначального от волнения и наводнения грехопадений, от ветров лукавства, отовсюду нападающих и возмущающих тело нашей низменности»⁶¹⁵.

Да что там восточные епископы — сам Римский епископ славословит императоров, как защитников Церкви и благочестия, легко уступая им пальму первенства в церковном управлении. Папа *Лев II* (682—683) далек от мыслей, некогда завещанных Римским епископом *Геласием* (492—496) своим преемникам, и излагает собственные суждения вполне в духе «симфонии властей». «Соборным решением и голосом императорского эдикта, как обоюдоострым мечом духа, уничтожено вместе с древними ересями и заблуждение нового безобразия и низвергнуты виновники лжи вместе со своим богохульством»⁶¹⁶.

Ему вторит другой Римский епископ — *Агафон* (678—681). «Ваша императорская власть и снисхождение по Боге, — пишет он императору Константину IV, — через Которого цари царствуют, Который есть Царь царей и Господь господей, печется и старается тщательно исследовать истину неповрежденной веры, как она предана от апостолов и апостольских отцов, и имеет сильнейшее желание видеть во всех церквах сохранение истинного предания. Пусть ваше поставленное от Бога величество внимательно рассмотрит оком внутреннего рассуждения, которое удостоилось при свете благодати Божией прозирать нужды христианских народов: кому из этих учителей должен следовать христианский народ, которого из них учения принять, чтобы получить спасение, когда они всех и друг друга взаимно предают осуждению, как это видно из различных и непостоянных определений в их писаниях».

«Несправедливо, — продолжает он, — чтобы виновные приносили вред невинным, или чтобы нечистые лишали иных удовольствия... Мы уверены, что совершение этого дела Всемогущий Бог предоставил счастливым обстоятельствам вашей кротости, дабы, заступая на земле место и ревность самого Господа нашего Иисуса Христа, удостоившего венчать вашу власть, вы произнесли справедливый суд за евангельскую и апостольскую истину. Испытатель и Спаситель человеческого рода, потерпевший оскорбление и доселе подвергающийся ему, внушил власти вашего мужества подвергнуть исследованию дело Его веры и отмстить, при Его помощи, оскорбление Испытателя и Соцаря, сделанное Ему презрителями Его веры, великодушно исполняя с императорским милосердием то пророчество, которое изрек к Богу царь и пророк Давид»⁶¹⁷.

Более того, апостолик считает *величайшей радостью*, что император исследует вопросы веры. «Предвидится надежда на получение всяких благ, — пишет он царю, — в виду того, что ваше императорское величество с верою исследует и с живостью желает обнять истинное испо-

ведение Того, которым оно венчано и поставлено над людьми для спасительного ими управления, исповедание Ему приятнее всех даров»⁶¹⁸.

Конечно, ни о каком ином способе установления всеобщего вероисповедания, кроме императорского закона, в те времена даже не помышляли. Так, изложив свое вероисповедание, папа Агафон далее заканчивает: «Умоляем покорно вашу боговенчанную власть благосклонно повелевать, чтобы это именно исповедание проповедовалось всеми и у всех получило силу»⁶¹⁹.

Не стали исключением и императоры-иконоборцы. Приведем в качестве примера новеллу императора Льва IV, проникнутую духом христианской ответственности царя за судьбу Кафолической Церкви и Римской империи. «Всегда имея всякую заботу о том, — пишет он, — чтобы по воле свыше вверенное нам Римское государство, правильно совершающее служение Пребожественной и Блаженной Троице и живущее согласно с божественными Ее заповедями, мирно и безмятежно пребывало в благоустройстве, мы, отвергнув всякую беспечность в жизни, охотно предпочли постоянно бодрствовать в заботах и приняли на себя и ночью, и днем всякий труд, склонившись в этом отношении идти преимущественно путем спасения, в самой высокой степени служить Всемогущему Царю, даровавшему нам венец, и подвергнуться Его человеколюбивому попечению»⁶²⁰. Конечно, под этими словами могли подписаться все без исключения Римские цари.

И не случайно иконоборческий Собор 754 г. титулует императора Константина V «тринадцатым апостолом»⁶²¹. «Льву и Константину вечная память! Вы — мир Вселенной! Вы утверждаете Православие! Вы разрешили вопрос о неслиянном в домостроительстве Христовом! Вы утвердили догматы святых шести Вселенских Соборов! Вы уничтожили идолослужение!» — славословили епископы своих царей⁶²².

Когда же ересь иконоборчества была впервые опровергнута на VII Вселенском Соборе, славословия Отцов расцвели пышным цветом. «Державнейшие императоры! Славится глава Церкви, Христос Бога наш, так как хранимое руками Его сердце ваше произнесло доброе слово. Как головы ваши увенчиваются золотом и издающими блистательные лучи камнями, так и умы ваши украшены евангельским и отеческим учением. Как истинные питомцы и сподвижники тех, чье вещание распространилось по всей Вселенной (то есть апостолов. — А. В.), и как руководители всего вашего носящего Христово имя народа, вы увековечили слово истины и изобразили характер Православия и благочестия, воссияли для верующих, яко светильники, издающие на все стороны сияние. Вы, кротчайшие и мужественные императоры,

не допустили, чтобы в ваши времена существовало такое заразительное и душевновредное заблуждение; но постарались уничтожить его благодатью живущего в вас Духа, чтобы как церковные дела, так и все подчиненные находились в добром порядке, и царство ваше управлялось мирно. В древнем Сионе царствовал Давид, а в этом бодрствуют, подобно Давиду, благочестивые императоры!»⁶²³

Сама Кафолическая Церковь, по одному образному выражению, становится *государственным департаментом*, которым управляет император. Он рассматривался византийцами как уполномоченный Богом в сфере, куда были включены как церковный, так и государственный порядок. В связи же с тем, что вопросы церковного управления чрезвычайно разнообразны, немыслимо дать полный обзор тех полномочий, которые реализовывали цари в этой сфере. Остановимся только на трех, пожалуй, наиболее важных аспектах.

В частности, цари предreshали и непосредственно определяли *административно-территориальное деление Церкви*. Они присваивали по своему усмотрению титул митрополии отдельным епископиям (12-е правило IV Вселенского Собора)⁶²⁴. Согласно 17-му правилу Халкидонского Собора, если царь устроит новый город и посредством правительственных распоряжений даст ему какие-либо преимущества, то этим правительственным распоряжениям должен следовать и порядок церковных епархий⁶²⁵.

В комментариях на 17-е правило IV Вселенского Собора и на 38-й канон Трульского Собора древний канонист писал буквально следующее: «Настоящее правило определяет, чтобы царской властью воздвигнутые города в церковном отношении были почитаемы так, как предпишет царское повеление, то есть имели достоинство епископии или митрополии (ибо церковное распределение должно следовать... царским повелениям). Настоящим правилом предоставлено царю *вновь устроить епископии*, а иные возводить в достоинство митрополии... по его усмотрению (выделено мной. — А. В.)»⁶²⁶.

В целом ряде случаев, когда возникали дискуссии относительно того, какому патриарху подчинена та или иная территория, решение вопроса также передавалось на усмотрение самодержца. Например, когда на Соборе 879—880 гг. в очередной раз встал довольно сложный вопрос о Болгарии, были заслушаны представители Римского папы и Константинопольский патриарх — каждый из них имел собственные виды на церковное окормление Болгарии. И Собор постановил: «Это дело не подлежит ведению Собора... Это дело должно быть решено императорской властью»⁶²⁷.

Дословно ответ восточных епископов римским легатам — поверенным папы *Иоанна VIII* (872—882) — звучал таким образом: «Можно надеяться, что благочестивый император по благословению Божию и по молитвам святейшего Фотия, силой оружия восстановит древние границы своего царства и приобретет власть над всей землей; когда же это случится, тогда император *по своему усмотрению* (выделено мной. — А. В.) определит границы патриархатов, так что между патриархами не будет возникать никаких споров, а будет царствовать мир, как в этом, так и в других отношениях»⁶²⁸.

В ведении Византийского императора находились и другие вопросы церковной организации. Например, царь Константин II в 664 г. признал автокефалию Равеннского епископа и его независимость от Римской кафедры. До этого такое положение имели лишь епископы Медиолана и Аквилеи в силу исторических традиций, сформировавшихся также не без участия императоров⁶²⁹.

А император Фока Узурпатор лишил статуса «Вселенский» Константинопольского патриарха и таким способом практически отменил те преимущества, которые были даны ранее столичному архиерею Вторым и Четвертым Вселенскими Соборами. Даже папа Адриан, не чувствующий, прямо сказать, особой необходимости искать расположения Византийского императора, нисколько не сомневался в том, что решение вопросов церковного устройства — исключительно *царская прерогатива*. И он пишет св. Ирине и Константину VI письмо, в котором просит тех вернуть Риму епархии, отданные Константинопольскому патриарху императором Львом III⁶³⁰.

«С призыванием Святые Троицы», как писал Вальсамон на 69-е правило Трулльского Собора, назначали и снимали патриархов⁶³¹. При чем назначение издавна осуществлялось *непосредственно* императорскими указами. Последующая практика не отвергла этого порядка. Впрочем, следует заметить, что канонически установленного порядка выбора патриарха или его назначения Византия не знала. И не по причине «правового произвола императоров», а просто оставляя за Церковью свободу выбора того или иного апробированного способа в зависимости от ситуации. Так же обстояли дела и с порядком формирования Вселенских Соборов.

В этой связи неудивительно, что процедура часто варьировалась. Нередко прямое назначение патриарха царем заменялось *выбором* императором одного лица из трех кандидатур, предложенных Собором епископов. При этом зачастую василевсы сами указывали лиц, должны быть включенными в круг кандидатов. Но, конечно, это ничего не

меняло по существу. Если избирался кандидат, неугодный императору, последний просто мог аннулировать соборное решение, что порой и происходило в действительности.

После формального назначения патриарха синодом император лично объявлял об избрании нового архиерея в присутствии высших гражданских и церковных чинов, используя старую формулу: «Божественная благодать и наше Величество, истекающее из нее, возводит благоговейнейшего (имярек) быть патриархом Константинопольским». После 1261 г. формула несколько изменилась. Теперь император провозглашал следующие слова: «Святая Троица, властью данной Нам, возвышает быть тебя Епископом Константинополя, Нового Рима и Вселенским Патриархом». В XV в. формула и церемониал вновь претерпели изменения. Теперь все происходило в храме в присутствии императора, и его слово зачитывалось одним из высших должностных лиц Империи: «Наш великий и святой Государь и Священный Синод призывают твое Святейшество на верховный трон Патриарха Константинопольского». После этого император вручал патриарху крест, лиловую мантию и наперсный крест-мощевик как символы его власти⁶³².

Позиция царя всегда являлась решающей даже в тех случаях, когда имело место явное сопротивление епископов. Например, Константинопольский патриарх *Пирр* (638—641, 654) был возведен на кафедру императором Константином II при открытом неудовольствии епископов, высказавших в адрес императорской кандидатуры много претензий. В ту пору монофелитство на Востоке имело многочисленных сторонников, в том числе среди епископов. И они обвиняли Пирра в том, что незадолго перед этим после публичной дискуссии со святым и преподобным Максимом Исповедником он покаялся перед Римским папой *Теодором I* (629—642), греком по происхождению (по-гречески его имя звучало Федор), и примкнул к православной партии, которая имела тогда опору, по-видимому, только в Риме. Впрочем, позднее Пирр вновь примкнул к монофелитам⁶³³.

Характерное доказательство в этом отношении представляет VII Вселенский Собор, в «Деяниях» которого содержится апология патриарха *св. Тарасия* (784—806), произнесенная в тот день, когда ему была объявлена воля императоров (Константина VI и св. Ирины) о возведении его на патриаршую кафедру. «Хранители непорочной нашей христианской веры, — говорил тогда еще *будущий* патриарх, — и ревнители славы Божией, верные императоры наши, имеющие попечение обо всем, что угодно Господу и что полезно христианам, ныне же особенно

сильно озабоченные делами церковными, при обсуждении вопроса о назначении архиерея для этого царствующего города своего, на мне остановили благочестивую мысль свою и приказали меня уведомить о том, что им угодно было остановиться на мне»⁶³⁴.

Другой пример — Константинопольский собор 879—880 гг. (иначе называемый «Собором в храме Святой Софии»), на котором произошло восстановление *св. Фотия* (858—867 и 877—886) на патриаршем престоле. В своем обращении к Отцам, собравшимся на соборном заседании, тот напрямую указывал, что и в первый раз, и сейчас принимает Константинопольскую кафедру исключительно *по воле императора*, настаивавшего на своем решении: «Император, по смерти патриарха Игнатия, объявил мне свою волю, чтобы я занял патриаршество»⁶³⁵. И инициатива монарха, конечно, предопределила имя нового патриарха.

Напротив, если патриарх чем-то не угождал царю, его отставка являлась вопросом времени — не более того. Поэтому с полным основанием можно согласиться с мнением, что «воля императора была *единственным* имевшим значение фактором при произведении патриархов на престол, от воли императора зависело и свержение патриархов»⁶³⁶.

В отдельных случаях, как это случилось в царствие императора Анастасия II, имели место редчайшие исключения, вызванные, конечно, слабостью власти конкретного василевса и шаткими основаниями его власти. В тексте грамоты о назначении патриархом *Германа I* (715—730) не упоминается ни о каком участии монарха в этом деле, и выбор патриарха представляется делом *всенародным*. «Голосом и решением благочестивых пресвитеров и диаконов и всего почтенного клира, и святого синклита, и христолюбивого населения этого богохранимого царствующего града, божественная благодать, вся немощная врачующая и недостаточествующая восполняющая, поставляет Германа, святейшего представителя митрополии кизикийцев, епископом этого богохранимого царствующего града», — говорится в акте об избрании патриарха⁶³⁷.

Более того, цари определяли не только фигуры патриархов, но и *епископов*. Так, император *св. Никифор II Фока* (963—969) издал новеллу, согласно которой царь впредь будет самостоятельно определять лиц для назначения их на архиерейские вакантные места, а епископский собор должен лишь испытать их и совершить над ними епископскую хиротонию.

Поэтому совершенно справедливы следующие слова: «В Православной Церкви *навсегда* утвердилось за государями при поставлении

новых епископов, митрополита и патриарха право, проявлявшееся в том, что государи или утверждали избранного надлежащим образом кандидата на епископство, или же сами лично указывали кандидата, то есть *назначали такого епископом*, после чего епископский Собор испытывал способности назначенного и, если находил достойным епископства, рукополагал его, если же нет, то отклонял, и тогда следовало назначение другого лица»⁶³⁸.

Иногда исследователи ошибочно полагают, будто Церковь активно противилась такой практике, и в качестве примера приводят 3-й канон VII Вселенского Собора, препятствующий избранию епископа гражданскими властями. Но в действительности это ограничение никак не затрагивает царских прерогатив — императорам было явно не до периферийных архиереев, и никакого желания избирать епископов, к примеру в Малой Азии, где насчитывалось 350 кафедр, в них также не обнаруживалось. Другое дело, что цари были искренне обеспокоены складывающейся практикой *коррумпированных* чиновничье-епископских тандемов, и они активно поддерживали стремление Отцов Собора разрушить это губительное для Империи и Церкви «единство», ограничив местных властителей⁶³⁹.

В специальной литературе нередко называют рассматриваемый нами характер отношений между Церковью и императором «*цезаропатизмом*». Будто бы это «ненормальное» положение дел вело к вреду для духовного союза. Но в этом случае нужно будет опровергать всю историю Кафолической Церкви, как она сложилась в действительности. И утверждать, будто за все время ее исторического существования в христианском государстве, начиная со св. Константина Великого, Церковь не только находилась под давлением чуждой, посторонней ей силы, но и управлялась этой силой⁶⁴⁰. Едва ли такое мнение найдет много сторонников.

Как единый источник власти в Церкви-Империи, царь устанавливал объем полномочий не только любого чиновника, но и каждого государственного органа, к которым относился клир во главе с Константинопольским патриархом. По мере того, как Апостольский престол все откровеннее начинал демонстрировать желание отпасть от власти Византийского василевса, императоры предпринимают последовательные шаги, направленные на укрепление власти Константинопольского патриарха. Столичный архиерей уже с VI века именовался «Вселенским», теперь же цари делали все от себя зависящее, чтобы этот титул наполнился реальными полномочиями.

Эта тенденция наиболее наглядно проявилась при императорах-иконоборцах, нуждавшихся в *альтернативной* Римскому епископу духовной силе на Востоке, чтобы в условиях церковного раскола дать Восточной церкви свой центр церковно-административной и судебной власти. Халкидонским и Трулльским Соборами Константинопольский архиерей уже был выдвинут на второе место в Кафолической Церкви; теперь эдиктом царя-иконоборца он признавался *первым*, отесняя собой Римского епископа.

Полновластие Константинопольского патриарха на Востоке являлось для всех бесспорным. Хотя в Римской империи существовали еще три восточных патриарха (Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский), их реальная власть после завоеваний мусульман резко уменьшилась. Нередки были ситуации, когда они, вследствие запрета арабов, вообще не могли принять приглашение на собрания епископов и заседания Вселенских Соборов. Поэтому волей-неволей оставался *единственный* восточный патриарх, который мог, по мнению царей, играть первую роль в Церкви.

Как некогда св. Юстиниан Великий определял качества, при наличии которых лицо может стать епископом, так теперь Лев III и Константин V устанавливают требования к Константинопольскому архиерею: «Патриарх есть живой и одушевленный образ Христа, словом и делом изображающий из себя истину. Назначение патриарха в том, чтобы, во-первых, сохранить в благочестии и святой жизни принятых от Бога, а потом, по возможности, обратить к Православию и единству с Церковью и всех еретиков... Исполнение патриархом своего назначения состоит в спасении вверенных ему душ, а равно и в том, чтобы жить во Христе и сраспинаться миру. Отличительными свойствами патриарха должно быть то, чтобы он был учителем, неизменно ровен в общении со всеми высшими и низшими, кроток ко всем, послушным учению, и строг в обличении неисправных».

Затем они определили и полномочия столичного архипастыря: «В интересах истины, непоколебимости догматов и соблюдения правды и благочестия он должен делать представления императорам и не смущаться. Одному патриарху приличествует объяснять постановленное древними и определенное Святыми Отцами и утвержденное Святыми Соборами. Патриарху же принадлежит право наблюдать и исследовать сделанное и поставленное на соборах, относится ли то к отдельной области или ко всей Церкви. Поелику государство, подобно человеку, состоит из частей и членов, важнейшие же и необходимейшие части суть царь и патриарх; то вследствие сего и духовный мир, и

телесное благоденствие подданных зависят от единомыслия и согласия во всем государственной и церковной власти».

Не желание и согласие остальных патриархов и епископов, а *воля царя* определяла (и это становилось церковным законом), что: «Престол Константинопольский, украшающий столицу, признан *первым* (!) в соборных постановлениях, последуя которым божественные законы повелевают, чтобы возникающие при других кафедрах несогласия доводились до сведения и поступали на суд этого престола. Каждому патриарху принадлежит забота и попечение обо всех митрополиях и епископиях, монастырях и церквях, а равно суд, рассмотрение и решение дел. Но предстоятелю Константинополя предоставлено и в пределах других кафедр, где не последовало еще освящения храма, дать ставропигию. И не только это, но и рассматривать и исправлять возникающие при других кафедрах несогласия. Патриарху принадлежит попечение обо всем, относящемся к спасению души, а равно и в отношении к покаянию и обращению от грехов и от ереси он сам и один поставлен распорядителем и правителем»⁶⁴¹.

Смена императоров-иконоборцев на царей-иконофилов никак не повлияла на эту тенденцию. Когда римские легаты на VII Вселенском Соборе публично объявили категоричное требование понтифика, очень похожее на *приказ*, исключить из титулатуры Константинопольского патриарха предикат «Вселенский», цари и присутствовавшие Отцы сделали вид, что *не заметили* этого. Примечательно, что требование было обращено именно к императорам: Римский папа, безусловно, понимал, *кто* реально правомочен решать такие вопросы. К тому же ему очень хотелось наглядно показать, что только цари близки по положению к предстоятелю Апостольской кафедры, и потому он обращается к ним как равный к равным. Но легаты настаивали, императоры... отмалчивались. Как следует из «Деяний» Собора, ситуация едва не закончилась публичным скандалом. Но царские сановники твердо стояли на своем, и легаты дрогнули. Они так и не решились покинуть зал заседаний и повторить требования понтифика в другие дни.

Понятно, что Константинопольские архиепископы с благоговением отнеслись к царям, силой власти которых взойшли на вершину пирамиды церковной власти. В такой ситуации бросать тень на имя и статус Римского царя было для восточного клира себе дороже: *немедленно* ставились под сомнения права, полученные от императора Константинопольским патриархом. Ведь если царь оказывался неправомочным лицом, то каким церковным обычаем и каноном можно было обосновать полномочия патриарха?

II

Однако вскоре возникли затруднения неожиданные, ранее невиданные, *беспрецедентные*. Императоры, вне зависимости от личной позиции, никогда не оставались безучастными к любому догматическому и даже каноническому спору, если те создавали угрозу Церкви. Как справедливо отмечал один автор, «не правилен тот прием при оценке византийской системы отношений между государством и Церковью, по которому Церковь при православных императорах оказывалась состоящей в таких-то отношениях, а при императорах еретиках в совершенно противоположных. На самом деле разницы в отношениях православных и еретических императоров к Церкви не было: те и другие вытекали из одного и того же начала. Догматическое учение Православной Церкви не составляло чего-либо окончательно выясненного и формулированного; для этого потребовался продолжительный процесс выяснения и формулирования, и нет ничего необъяснимого в том обстоятельстве, если император не всегда оказывался на стороне православной партии, а принимал сторону противоположной партии»⁶⁴².

Однако после окончательного восстановления иконопочитания для всех стало очевидным, что целая плеяда блестящих царей — Лев III, Лев IV, Лев V, Михаил II, Феофил являлись в буквальном смысле слова *неправоверными* василевсами, а Константин V — вообще *ересиархом*. Они руководствовались теми же соображениями, что и их предшественники, но на этот раз имелись серьезные отклонения от прежних методов обеспечения единомыслия. Цари-иконоборцы не останавливались перед крайним способом защиты своей религиозной политики — казнями (единичные явления при прошлых церковных расколах), и кровь мучеников обильно (по сравнению с прошедшими временами) потекла по эшафоту.

Кроме того, ранее решения Вселенских Соборов, рецепированные Римским епископом и всеми патриархами, становились для Византийских императоров неким эталоном Православия. Они могли варьировать способы практической реализации их решений, но не возвращались к предметам догматических споров, *уже рассмотренных* Вселенскими собраниями. На этот раз все было иначе: император Лев V ревизовал VII Собор, не признав его Вселенским. Это было наглядное отклонение от старых традиций со стороны императоров.

Обусловливались ли эти новации в церковной практике только идейными предпочтениями императоров и попыткой узурпации (как

это иногда пытаются представить) власти в Церкви? Конечно, нет. Во-первых, в ходе реставрации на Востоке иконоборчества в последующие за VII Вселенским Собором годы идеологи этого направления не предложили никаких новых идей помимо тех, какие были ранее изложены еще во времена императоров Льва III и Константина V. Не случайно новый иконоборческий Собор 815 г. при императоре Льве V изложил свои определения относительно запрета почитания святых икон в довольно мягкой форме, *повторив*, собственно говоря, те же аргументы, что и прежние иконоборцы.

Во-вторых, высказанное предположение о якобы имевшей место попытке Римских царей тотально подчинить себе Церковь наталкивается на тот очевидный факт, что они как раз наоборот прилагали большие усилия для повышения статуса Константинопольского патриарха, наделяя того все большими и большими полномочиями. В-третьих, идеологами иконоборчества «второй волны» выступали не цари, а в первую очередь архиереи и столичные патриархи, в частности Феодот Каситера и Иоанн Грамматик, *навязывая* царям свои догматические взгляды и требуя ужесточить правительственные меры в отношении иконопочитателей.

Косвенным как минимум подтверждением *ведомой* роли почти всех царей-иконоборцев в деле восстановления этой ереси является и тот исторический факт, что *никогда ни один Римский император не был анафематствован Кафолической Церковью*. В том числе и императоры-иконоборцы. Для всех было очевидным, что подлинными вождями второй волны иконоборчества выступали не они, а восточный епископат. Анафематствовать, к примеру, Михаила II или Льва V было в буквальном смысле слова не за что. А если так, то и отлучать от Церкви Льва III и Константина V было тем более неприлично, поскольку их образ мыслей и действий ничем не отличался от методов последующих царей-иконоборцев.

Хотя деятельное участие императоров Исаурийской династии и особенно Константина V в распространении иконоборческой ереси не вызывало ни у кого сомнений, Отцы VII Вселенского Собора были далеки от мысли бросать тень на имена Льва III и его сына. В отличие от некоторых своих потомков они прекрасно понимали, что императорами двигали добрые побуждения и ревность о вере. Поэтому Отцы вспоминают те заслуги царей, которые бесспорны, — их воинские подвиги в защиту Римской империи, а, стало быть, и Церкви.

Вся вина за ересь и установление еретических догматов возлагается на архиереев, собравшихся на Соборе 754 г. Им вменяется в вину то,

что они вместо того, чтобы «произносить императорам благозвучные и приятные похвалы», приписывают им сомнительные подвиги, указывая, будто бы цари разделяют их иконоборческие мысли. Следует отпор епископам-иконоборцам, слова которых Отцы VII Собора квалифицируют как настоящее *оскорбление царского достоинства*: «Им следовало бы скорее высказывать подвиги их мужества, победы над врагами, подчинение им варваров, что многие изображали на картинках и на стенах, возбуждая тем самым любовь к ним; точно так же — защищение ими покорных им, их советы, трофеи, гражданские постановления и сооружение ими городов. Вот похвалы, которые делают честь императорам! Они возбуждают хорошее расположение духа и во всех подчиненных им. Но еретики, имея языки наостренные и дыша гневом и стремлением к обличениям, хотят в темном месте подстрелить имеющих правое сердце и потому говорят так»⁶⁴³.

Иными словами, императоры, многократно рисковавшие жизнями и не единожды бывшие врагов Империи и Церкви, были введены еретиками-епископами *в заблуждение* и, конечно, невиновны в этом.

К сожалению, далеко не всегда задаются вопросом: а чем была вызвана реставрация иконоборчества? И совершенно напрасно, поскольку ответ на него таит в себе много интересного. Дело в том, что в условиях существования «симфонии властей» практически любое церковное событие в Церкви-Империи всегда имело *политическое* продолжение, и наоборот. «Новое» иконоборчество было в гораздо большей степени проникнуто политическими мотивами, чем догматическими разногласиями между Римом и Константинополем. Для массы рядовых обывателей догматические высоты были недоступны. Там богословские предпочтения формировались под влиянием *внешнего авторитета*: епископа своей епархии, которому следовало подчиняться по правилам церковной дисциплины, монашествующих лиц и наглядных примеров, при каких императорах — иконоборцах или иконопочитателях — Римскому государству и римскому народу жилось лучше, а дела обстояли успешнее.

Однако для церковной и управленческой элиты греческого Востока иконоборчество стало, по существу, не догматическим учением, а *политической идеей* новой национальной партии. Апостольский престол придерживался иконопочитания, причем в убогом и бедном по содержанию понимании, вызывавшем в Константинополе лишь легкую усмешку. И этот же Рим презрительно отрицал прерогативы Константинопольского патриарха, какими того наделил Византийский василевс, и требовал признания верховенства понтифика. Поэтому

поддерживать сторонников иконопочитания являлось равнозначным тому, как соглашаться с претензиями Римских епископов на абсолютное главенство в Кафолической Церкви, болезненными для самолюбия греческих иерархов. А высшие круги византийского общества обоснованно отождествляли личность и образ мыслей понтифика с его предательством интересов Римской империи и попытками захвата византийских земель в Италии.

Напротив, наиболее горячими поклонниками почитания святых икон выступали (хотя далеко не все) *монашествующие лица*, в силу природы своего сана куда в меньшей степени связанные узкополитическими интересами греческой духовной и военной элиты. В них довлело чувство Вселенской Церкви, независимое от того, в каких отношениях в данный момент времени находились Римский царь и Франкский король, папа и патриарх.

Примечательно, что последний Собор, свершившийся уже при императоре *Василии I Македоняnine* (867—886), поставивший наконец точку на иконоборческом кризисе, не привел никаких дополнительных аргументов в пользу иконопочитания. Скорее, сам факт обоюдного анафематствования Римским понтификом и Константинопольским патриархом иконоборчества как ереси являлся для современников *символом вновь восстановленного единства* Кафолической Церкви на Константинопольском соборе 869—870 гг.

Едва ли с церковной точки зрения в этом была особая нужда: из четырех оставшихся в Константинополе иконоборцев трое тут же повинились в ереси и были прощены, и только один, некто Феодор Критянин, был анафематствован епископами, присутствовавшими на заседании⁶⁴⁴. Примечательно, что за 8 лет до этого, на «Двукратном» соборе об иконоборчестве не сказано *ни слова*, и как раз этот Собор прошел под эгидой *противостояния* Римскому епископу и являлся своего рода апологией Константинопольскому патриарху. Так что, повторимся, политика занимала во второй стадии иконоборчества гораздо больше места, чем богословие.

Займи в этих условиях Византийский царь позицию иконопочитателей, и в глазах имперской элиты выходило, что он солидарен с Римским епископом и в других вопросах, в том числе по признанию Франкского короля наследником древних Римских императоров, а папы — главой Кафолической Церкви. Хрестоматийный пример — император Михаил I Рангаве, буквально *сметенный* при первой же неудаче патриотической партией, поддержавшей Льва V Армянина.

Попытки Никифора Геника, Льва V и Михаила II занять нейтралитет по вероисповедальному вопросу — по прошлым временам обычная практика для Римских царей в схожей ситуации, — не увенчались успехом: их *заставили* деятельно определиться в своих предпочтениях. В жизнеописании императрицы св. Феодоры приводятся ее слова о том, что восстановить иконопочитание ей мешают «полчища синклитиков и вельмож, преданных этой ереси, не меньше их — митрополиты, надзирающие за Церковью, а более всех — патриарх, который своими непрестанными советами и наставлениями взрастил и укрепил в моем муже (то есть императоре Феофиле. — А. В.) тот хилый росток ереси, что получил он от родителей, а также пристрастил его к пыткам и мучительствам, кои сам ежедневно изобретал против святых людей. Сей несчастный — учитель и наставник всего зла!»⁶⁴⁵

Поэтому некоторые императоры, не вторгаясь особо в области догматики, предпочитали за благо поддерживать иконоборцев, деятельно защищавших их же царские prerogatives и независимость от Рима Восточной церкви. Характерно, что будущий Константинопольский патриарх св. *Мефодий* (843—847), некогда отправленный на Восток с требованием Римского папы к Византийскому василевсу восстановить иконопочитание, был признан *политически неблагонадежным* и подвергнут ссылке. Образ политического преступника, но никак не еретика преследовал его и в дальнейшем: при императоре Феофиле св. Мефодия отозвали из ссылки, но держали в изоляции, опасаясь сношений с внешним миром вследствие его политических взглядов.

Да и как могло быть иначе, если в своем ригоризме вожди иконопочитания переходили все мыслимые границы, напрямую заявляя Римскому епископу, что тот просто обязан прекратить все отношения с императором и восточным клиром, как *уже отлученными* за ересь от Кафолической Церкви? Сохранилось характерное письмо прп. Феодора Студита папе, в котором заслуживает внимания следующий отрывок. «С ними нельзя входить в общение даже и в том случае, если они обнаружат раскаяние. Ибо раскаяние их не искренно; подобно махехеям, они берут клятву со своих приверженцев — отрицаться от своих верований в случае допроса, а потом снова исповедовать их. Что они отлучены от Церкви, это свидетельствует недавно присланное письмо от святейшего архиерея древнего Рима. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что апокрисиарии римские не хотели с ними входить в общение, не хотели видеть их и говорить»⁶⁴⁶.

Нужно понимать образ мыслей людей того времени, чтобы в полной мере осознать, *что* означали для них уверения благочестивых подвиж-

ников Православия в еретичестве царя, патриарха и епископов. В результате, как обратная реакция, впервые проявляется *греческий церковно-политический национализм*, с рецидивами которого нам еще предстоит столкнуться не раз. Произошла некоторая негативная трансформация церковного сознания. Рим сохранил вселенские идеалы, но резко уклонился в политическую сферу, предав забвению духовные аспекты. А в понимании Константинопольского клира Вселенская церковь на Востоке все более ограничивалась лишь подчиненными ему епархиями и восточными патриархатами, главы которых находились всецело в его воле.

Все чаще в лексиконе столичных патриархов термин «Вселенская» Церковь означает «Греческая». В одном из писем Армянскому католикоосу, приписываемых патриарху св. Фотию, говорится буквально следующее: «Господь дал грекам... *imperium*, священнический и пророческий порядок... И как израильтяне обладали *imperium* до пришествия Христа, так и мы верим, что *imperium* не отнимется у греков вплоть до второго пришествия Христа, Господа нашего, который Сам священник, царь, пророк и Бог всего»⁶⁴⁷.

Разумеется, совершенно неверно полагать, будто это ненормальное положение вещей, перечеркивающее весь предыдущий опыт существования Священной Римской империи и Кафолической Церкви, было *предопределено* этническими особенностями греков, латинян или другими субъективными причинами. Распад единой Римской империи привел к резкой деформации сознания тех этносов, которые веками существовали только в рамках этого *универсального*, вселенского измерения. И частные, партикулярные интересы, ранее приглушенные имперской идеей, теперь начали получать преобладающее значение как на Западе, так и на Востоке.

Постепенно дуализм сознания привел к легкому (пока еще) *противостоянию* клира и царской власти. Византийский император не мог не олицетворять собой вселенский масштаб. А первый помощник царя — Константинопольский патриарх все более и более самоограничивался *частью* Вселенной. Пока еще эти разногласия не носили открытый характер, хотя сильно влияли на симпатии и образ действий царей в кризисные периоды.

III

Как следствие первого глубокого кризиса имперской идеи и «симфонии властей», на Востоке возникли новые политические идеи относительно места царя в Церкви. Можно выделить *три* главных на-

правления, кардинальные различия между которыми во многом обуславливались известной разницей в идеологических подходах. Наиболее ригоричные клирики по примеру преподобных Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина попытались сформулировать и закрепить правило, согласно которому царь *не вправе* вмешиваться в догматические споры, что это — вопросы исключительного ведения епископата. Однако концептуальная ошибочность такого подхода быстро и без труда обнаруживает себя. В ее основе заложен следующий силлогизм: если Церковь безгрешна, то безгрешен и епископат; император же, как светское лицо, пусть и высшего достоинства, не обладает священнической благодатью и потому подвержен заблуждениям. Чтобы ереси не возникали, а, возникнув, были преодолены, необходимо оградить полномочия царя исключительно мирскими заботами, и тогда в Церкви наступит умиротворение и правоверное единомыслие.

Не говоря уже о том, что такой подход противоречил всей предыдущей истории Кафолической Церкви, нельзя не заметить, что в действительности впадал в ересь и заблуждался далеко не один царь, а многие сотни епископов. И, как правило, именно архиереи или другие священнослужители являлись родоначальниками той или иной ереси. Не случайно этот подход к определению места царя в Церкви не получил большого распространения на Востоке и вскоре утратил свое самостоятельное значение, растворившись в других политических гипотезах.

Представители второго направления не стали выдумывать ничего нового, а просто восприняли те идеи, которые уже давно снискали широкую известность на Западе. Нет, конечно, и император, и патриарх — суть носители власти, данной Христом. Но власть патриарха и даже рядового священника *выше*, поскольку они имеют от Бога благодать прощать грехи и готовить человека к Царствию Божьему. Как здесь не вспомнить св. Иоанна Златоуста, называвшего апостольство «духовным консульством»? «Апостолы, — писал Святитель в известном послании, — суть начальники, рукоположенные от Бога; начальники, которые получили не разные народы и города, но которым всем вместе вверена Вселенная. Апостолы настолько выше начальников житейских, насколько сами начальники житейские выше играющих детей. Подлинно, это начальство гораздо выше того и больше сдерживает нашу жизнь, так что, если бы оно прекратилось, то все расстроилось бы и разрушилось».

Далее в послании доказывается, что апостолы и их преемники — епископы и иереи — имеют все те же виды власти, что и государь, но

только в духовной сфере. «Видишь ли, что они имели силу ввергать в узы и власть прощать долги, имели и меч и были препоясаны поясом, и шествовали на колеснице, и предшествовал им глас, громогласнейший всякой трубы, и были окружены они большим великолепием»⁶⁴⁸.

Поэтому, как следствие данной идеи, император должен *подчиниться* голосу архиерея в делах веры и быть слугой Церкви, как ее первый защитник и покровитель, но только не глава. Это направление, получившее название «папизм», появилось на Востоке довольно поздно и только к середине IX века приобрело некоторую аудиторию.

Тем не менее небезупречность изложенных выводов также лежит на поверхности: практика Рима уже к тому времени наглядно продемонстрировала, что, претендуя на политическую власть, папа сам перешел в разряд светских владык, все более и более погрязая в мирских делах и опускаясь до откровенных преступлений. Поэтому вполне логично, что при довольно широком распространении в клерикальных кругах и эта «теория» не стала доминирующей в политической идеологии Византии.

А главенствующие позиции все же получило третье направление, лишенное формализма и тяги к застывшим формам. Представители этой школы могли без труда напомнить своим оппонентам, что те же лица, которых возмущали преследования со стороны верховной власти, сами охотно прибегали к помощи царей в борьбе с ересью, легко признавая за теми prerogatives блюстителя веры. Но ведь блюстительство логически немыслимо без принятия мер на пользу правоправия и благочиния, то есть без признания за таким лицом *высшей управленческой власти*. Отсюда сам собой напрашивался вывод: «Кому принадлежит церковно-правительственная власть вообще, тому принадлежит и право устанавливать общие нормы церковного порядка»; причем без каких-либо формальных ограничений⁶⁴⁹.

Распад империи Карла Великого наглядно продемонстрировал, *что* ждет Византию в случае ослабления императорской власти. И византийское сознание сделало выбор в пользу царя. Если император являлся правомыслящим, то Церковь охотно признавала за ним весь возможный арсенал административных полномочий по управлению собой, включая вмешательство в вероучительные споры. В противном случае его признавали как бы *менее дееспособным* в управлении Церковью. Иными словами, *церковно-административная дееспособность царя зависела от чистоты его веры*, но при этом никогда не исчезала полностью, поскольку в ее основе лежала *презумпция абсолютной*

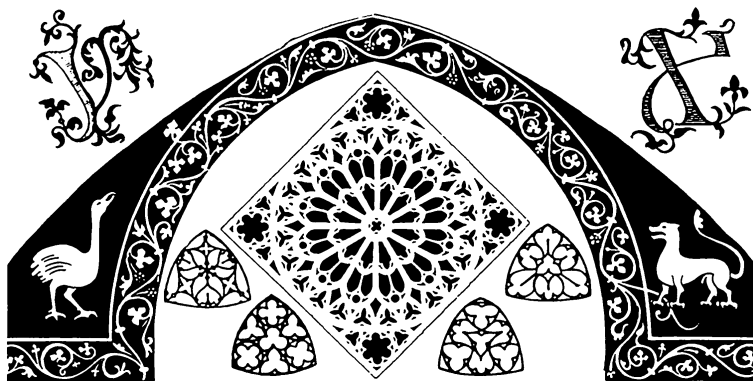
церковной правоспособности императора. И это совершенно понятно, поскольку Церковь пришла в Римскую Империю, а не Империя в Церковь.

Неправедный император признавался (неважно, при жизни или позднее) как бы *не вполне духовно здоровым*, не вполне тем, кем *должен быть*, а потому как следствие и не вполне способным управлять Церковью в полной мере. Например, как указывалось выше, Отцы VII Вселенского Собора не сомневались в том, что цари православные являются хранителями веры и защитниками Церкви и им приписываются достоинства Христа. А вот цари-иконоборцы не могут приписывать себе священническое достоинство, поскольку пусть и по заблуждениям, но впали в ересь⁶⁵⁰.

Впрочем, в любом случае ограничение дееспособности какого-то *конкретного* императора не приводило автоматически к признанию Церковью ограниченности церковно-административных прав *всех* остальных царей и к ущемлению императорского достоинства. Поскольку же в данном случае правовые категории находятся в прямой зависимости от нравственных, духовных понятий, чрезвычайно сложно или даже *невозможно* раз и навсегда квалифицировать второй элемент формулы и четко изложить, в чем именно заключается дееспособность царя.

Связь между правоспособностью и дееспособностью императора была очень сложной и неоднозначной, никогда и нигде не нормируемая, поскольку в Церкви отсутствует какой-либо судия веры, кроме Господа нашего Иисуса Христа. Все решает *церковная рецепция* или, иначе говоря, свободное усвоение церковным сознанием тех или иных определений и практик. Церковь принимает то, что *полезно ее членам*, хотя бы такое распоряжение исходило бы и от царя, чьи акты по иным вопросам она же отвергла как неверные. Поэтому нередки случаи, когда Церковь принимает и реципирует отдельные акты императоров — сторонников ересиархов, и наоборот. Или когда оценка и принятие императорских распоряжений варьируются Церковью во времени. Очевидно, такая конструкция раз и навсегда снимала вопрос о правоспособности Римского императора в части управления Церковью.

XL. ИМПЕРАТОР МИХАИЛ III (842—867) И ИМПЕРАТРИЦА СВЯТАЯ ФЕОДОРА (842—856)

Глава 1. Императрица святая Феодора и «Торжество Православия»

После смерти императора Феофила обеспечение прав двухлетнего царя **Михаила III**, венчанного отцом на царство еще при рождении, находилось в руках его матери и группы опекунов. Здесь самое место рассказать немного о благочестивой императрице, с которой связано восстановление иконопочитания в Римской державе и множество других добрых событий.

Императрица **святая Феодора** являлась этнической армянкой и родилась в Пафлагонии, в городе Эвиссе. Ее родителями были Марин, турмарх местного фемного войска, и Феокиста (по другим источникам, Флорина). Она вместе с другими девушками из знатных семей была приглашена в самом начале 830 г. мачехой Феофила, императрицей Евфросинией, все еще проживавшей в царском дворце, для участия в конкурсе кандидаток в невесты юного императора. Девушек выстроили в ряд, и Феофил с золотым яблоком в руках начал обход.

Первоначально взор царя упал на девушку св. Кассию, стоявшую рядом со св. Феодорой. Не зная, как начать с ней разговор, Феофил сделал общее замечание типа того, что женщины причинили немало зла мужчинам — обычный наигранный категоризм молодого человека,

желавшего продемонстрировать представителям слабого пола «глубокое» знание жизни. Однако св. Кассия не поняла истинных намерений царя и дерзко ответила: «Но они совершили и немало доброго!» Ответ не понравился Феофилу — он счел его чересчур нескромным. И тут внимание василевса привлекла стоявшая рядом с Кассией св. Феодора, в глазах которой без труда можно было прочесть благочестие и женственность. Царь, который, как мы могли убедиться по предыдущему изложению, сам был благочестив до крайности, оценил качества юной армянки и быстро сделал свой выбор⁶⁵¹.

Ему не пришлось раскаиваться в этом: их брачный союз был счастливым, и молодые люди искренне любили друг друга. Святая царица была на редкость красивой женщиной. Уже родив шестерых детей и потеряв мужа, она сохранила такую красоту, что сумела поразить ею послов Кордовского халифата, когда те прибыли в Константинополь. И муж отвечал ей взаимностью, неизменно демонстрируя по любому поводу свое теплое отношение к жене и детям. Так, например, после рождения очередной дочери он приказал выбить золотую монету. На одной стороне монеты была изображена св. Феодора и старшая дочь Фекла, на другой — дочери Анастасия и Анна. В Византии изображение членов царской семьи женского пола встречалось крайне редко. И уже это событие позволяло судить о том, *как* развивались отношения⁶⁵².

Кроме того, всем было прекрасно известно, что императрица имела большое влияние на супруга. Она умела теплотой и кротостью смягчать его гнев в некоторых, даже очень непростых ситуациях. Царь уважал не только свою жену, но и ее родителей. Так, например, теща Феоктиста была возведена в сан патрицианки и имела *право свободного голоса*. Иными словами, возможность давать собственные оценки тем или иным распоряжениям царя и напрямую высказывать их своему царственному зятю⁶⁵³.

Прожив 11 лет в браке, царица стала вдовой и матерью-регентшей при малолетнем императоре Михаиле III. Но, надо сказать, что и в последние минуты своей жизни Феофил проявил благоразумие и рассудительность. Понимая, что одной св. Феодоре будет едва ли по силам примирить все разногласия, таящиеся в византийском обществе, и обеспечить стабильность царствования их сына, император в помощь царице назначил опекунов. Ими стали первый министр двора евнух Феоктист, брат царицы патриций Варда и дядя св. Феодоры магистр Мануил. Как видим, двое из трех опекунов являлись этническими ар-

мянами и обеспечивали мощную поддержку могущественной армянской партии⁶⁵⁴.

Поскольку положение дел в государстве заметно улучшилось стараниями императора Феофила, на повестку дня встал самый главный вопрос — об отношении к иконам. Византийское общество уже настолько устало от церковного раскола, что деятельность императрицы в этом направлении, что называется, была обречена на успех. Тем не менее прошел почти год, пока ожидания переросли в реальность — и как обычно, устранение разногласий связали с чудесными событиями, которые придали примирению наиболее красочную и мистическую форму. Рассказывали, что внезапно магистр Мануил тяжело заболел и уже не чаял остаться в живых. К нему явились студийские монахи, с которыми Мануил имел дружеские отношения, и пообещали, что его здоровье быстро восстановится, как только он поклонится святым иконам и убедит в том же правителей Римского государства. Действительно, так и случилось.

Тогда монахи вновь явились к выздоровевшему Мануилу и настойчиво побуждали того сохранить верность ранее данному слову. Но Мануила не нужно было уговаривать: он, давний почитатель икон, отправился к остальным опекунам маленького царя Михаила III, и вместе они решили обратиться с соответствующей просьбой к св. Феодоре. Стоит ли говорить, что в ее лице они нашли горячего сторонника? Императрица ответила, что уже давно мечтает *только об этом*, но многие сановники и епископы (!) препятствуют ей. На это откровение опекуны разом высказали мысль, что, как полноправная августа, она сама может принять решение: «Раз ты, госпожа, так похвально рассуждаешь и мыслишь, что мешает тебе привести все в исполнение и велеть совершить это всенародное торжество?»

Конечно, не имея твердой уверенности в том, что данная инициатива будет поддержана повсеместно, никто бы не решился восстанавливать иконопочитание. И все же без лукавства и преувеличения нужно сказать, что св. Феодора совершила *настоящий подвиг* для Кафолической Церкви, взяв всю ответственность за грядущие события на себя. Никогда влияние женщины-царицы не могло сравниться в сознании византийцев с авторитетом императора-мужчины. И любая ошибка или просчет с ее стороны могли стоить государыне очень дорого.

Сразу после этого св. Феодорой через друнгария виглы патрикия Константина по прозвищу Армянин был направлен настоящий ультиматум патриарху Иоанну Грамматику: «Все собравшиеся отовсюду благочестивые люди и монахи просят нашу царственность распоря-

диться восстановить всесвятые иконы. Если ты с ними согласен и заодно, да восстановит былую красоту Божья Церковь. Если же пребы-
ваешь в сомнениях и не тверд мыслью, оставь трон и город, удались в
свое именище, жди там Святых Отцов, что готовы и обсудить, и по-
спорить, и убедить тебя, если будешь дурно говорить об иконах». Этот
момент очень важен: не предложение дебатировать о вере, а *приказ*
принять веру, исповедуемую царицей, передала августа Константино-
польскому архиеерею. В противном случае ему дано *повеление* оставить
патриарший престол и удалиться от дел. Ссылка на монахов, с которы-
ми столичный архиерей мог бы продолжить беседу, чтобы ему стали
ясны его же заблуждения, касалась, конечно, только *личного спасения*
души самого Грамматика, но не существа вопроса: принимать святые
иконы или нет. Очевидно, ответ на этот вопрос был уже предreshен св.
Феодорой.

Последующие события, произошедшие вокруг патриарха, несколь-
ко туманны и в различных источниках излагаются по-разному. По од-
ной версии, Грамматик в это время находился в своих палатах близ
храма Святой Софии. Послание царицы глубоко поразило его, и он ре-
шил разыграть хитрую комбинацию, чтобы выиграть время. Отправив
назад посланца августа, он умело нанес себе ножом рану на животе
с тем расчетом, чтобы та максимально кровоточила, но в то же время
была неопасной. Вошедшие к нему слуги увидели архиерея, лежащего
в крови на постели. Весть о том, что *патриарх убит*, вскоре всколых-
нула весь город и дошла до царицы. На место происшествия с прика-
зом досконально разобраться во всем происходящем был отправлен
патриций Варда, брат св. Феодоры.

Прибыв в патриаршие палаты, патрикий несколько грубовато и до-
вольно прямолинейно спросил патриарха: «Почему ты не оставляешь
патриаршества?» — на что тот ответил, будто исколот язычниками,
прибывшими во главе с Константином, но как поправится, обязатель-
но сложит с себя сан. Однако Варда без особого труда выяснил, что
раны Грамматик нанес сам себе целенаправленно, а в подтверждение
этих слов архиерейские слуги принесли тот самый нож, которым па-
триарх порезал свой живот⁶⁵⁵.

По другой версии, прибывшие к Грамматику Константин Армян-
нин и его солдаты действительно вели себя бесцеремонно, требуя от
архиерея подчиниться воле императрицы. А когда Иоанн Грамматик
попытался оказать им сопротивление, они нанесли ему несколько уда-
ров, вызвавших кровотечение, хотя и не опасное для жизни. Так или
иначе, но Грамматик был смещен с престола и сослан в имение Психе.

Вместо него Константинопольским патриархом был провозглашен св. *Мефодий* (843—847), давний подвижник Православия, сицилиец по рождению.

Весной 843 г. императрица созвала Собор в Константинополе, чтобы торжественно и по старым традициям объявить об окончательной победе истины над ересью. Этот Собор носил далеко не формальный характер, и его решения еще нужно было отстоять от иконоборцев. Об этом позднее писал сам патриарх св. Мефодий. «Понимая, что ничто так не будет способствовать безопасности Римской империи, как окончание церковной смуты, царица Феодора, переговорив с высшими сановниками государства, призвала наиболее влиятельных между монахами и предложила им на обсуждение вопрос о восстановлении иконопочитания. Когда же нашла, что все они согласны и ежедневно горят одним желанием и болят сердцем о перемене религии, потребовала от них, чтобы они выбрали места из святоотеческих книг в подтверждение истины, указала место во дворце, куда предполагалось созвать Собор, и обратилась с манифестом к народу. Собралось такое великое множество, что нельзя было перечесть, ибо прибыли не только те, которые сохранили чистый ум во время нечестия, но очень многие из тех, что разделяли еретические мнения и были назначены на церковные должности иконоборцами. Переменив свои мысли, и они предали проклятию врагов святых икон»⁶⁵⁶.

Помимо всего прочего, возникла одна (но далеко не последняя) деликатная ситуация: во время подготовки к Собору выяснилось, что помимо списка ересиархов иконоборчества, которых следовало по заведенному порядку предать анафеме, в среде столичного клира появилась и получила признание чья-то инициатива вычеркнуть имя императора Феофила из диптихов. Конечно, это не было тождественно анафематствованию царя — об этом даже никто и думать не посмел, но все же беспрецедентный случай в истории Восточной церкви. Единственный пример, который мог быть восстановлен в памяти современников, — исключение из церковного поминовения императоров Зенона и Анастасия I в годы царствования Юстина I. Но, во-первых, тогда это сверхординарное событие произошло по требованию Римского папы Гормизда и вызвало глухой ропот со стороны восточного клира. Во-вторых, оно свершилось при согласии Византийского императора — вернее, по его приказу. Наконец, уже тогда данная мера была воспринята, мягко говоря, без энтузиазма и обосновывалась высшими церковными и политическими интересами все еще единой Священной Римской империи. Теперь же аналогичная инициатива исходила от ра-

нее всегда послушного и преданного своему императору *греческого священства*, чем серьезно подрывался и статус Римского царя, и старые традиции. Тем более, что отсутствовали объективные основания хоть в чем-то отличать императора Феофила от предшествующих ему царей-иконоборцев. Если же вопрос об исключении императоров Льва III, Константина V, Льва IV, Никифора I, Льва V, Михаила II Травла из церковного поминовения вообще не стоял, то с какой стати этой незавидной участи должен был «удостоиться» император Феофил?

Святая Феодора разглядела опасность ситуации и попыталась остановить пагубные выступления еще накануне открытия Собора. Но окончательно решить этот важнейший вопрос не удалось; тогда императрица решилась на крайнюю меру. Наступил день, на который был назначен Собор. Царица вместе с сыном императором Михаилом III и синклитом, держа по свече в каждой руке, вошла в храм. Цари подошли к патриарху и вместе прошли к алтарю, а оттуда до Царских ворот, называемых Ктенарийскими. Все восклицали: «Господи, помилуй»⁶⁵⁷.

Затем, начав заседание, царица выступила с горячей и искренней речью, в которой проявила, с одной стороны, редкостное благочестие и уважение к епископату, но, с другой, недвусмысленно напомнила о том, что ставить точку в вероисповедальных спорах является царской прерогативой. Если же кто-то забыл об этом, жестко подчеркнула св. Феодора, она готова тут же напомнить об этом *древнем праве* Римского императора.

«Отцы и клир Божий! — далее произнесла царица. — С великой благосклонностью дарую я вам восстановление всечтимых и святых икон. Соблаговолите же и вы по справедливости воздать благодарность госпоже своей, причем благодарность не малую и ничтожную, не ту, что и благодарностью назвать нельзя, которая неприлична и неподходяща ни для вас, ее воздающих, ни для меня — просящей, а ту, что была бы и уместна, и солидна, и Богу угодна. А прошу я для своего мужа и царя от Бога прощения, милости и забвения греха. Если этого не случится, не будет ни моего с вами согласия, ни почитания и провозглашения святых икон не получите вы».

Это был *ультиматум*, поскольку очевидно, без царского указа никакое восстановление святых икон было *в принципе* невозможно. Новый Константинопольский патриарх попытался (правда, едва ли эту попытку можно назвать удачной) сгладить ситуацию: «Справедливого просишь, госпожа, — ответил он императрице, — и мы не можем тебе отказать, ибо положено щедро воздавать должную благодарность властителям и благодетелям, если они не правят самовластной рукой, и

нрав их боголюбив. Но не посягаем на то, что выше нас, не в силах мы, как Бог, простить ушедшего в иной мир. Нам доверены Богом ключи от Неба, и мы в силах отворить его любому, однако тем только, кто живет этой жизнью, а не переселился в иную. Иногда, однако, и переселившимся, но только тогда, когда их грехи невелики и сопровождаются раскаянием. Тех же, кто ушел в иной мир и чей приговор ясен, мы не можем освободить от искупления»⁶⁵⁸.

Для человека XXI века эти слова, может быть, ничего и не говорят, но для современников тех далеких событий они были открыты во всей их полноте. Проведя многие годы при дворе Римского папы, патриарх св. Мефодий перенял те идеи, которые уже давно проводились — хотя и безуспешно, — понтификами в их многовековых отношениях с Византийскими василевсами. И неудивительно, что, в отличие от прежних лет, столичный архиерей высказал «крамольную» мысль. Оказывается, *не всякий* Римский император вправе рассчитывать на признание и молитвы Церкви, а лишь тот, кто «благочестив» и, главное, *правит не самовластно*. Иными словами, тот царь, кто не признает за собой право выступать главой церковного управления, но *разделяет его* с епископатом. Особенно заметны «римские» нотки во фразе патриарха о «ключях от Неба» — настолько характерных, что спутать их просто невозможно. Трудно было не понять: Константинопольский клир во главе со своим архиереем пытается закрепить за собой те же права, какие на Западе Римский апостолик декларировал в отношениях с императором Западной империи.

Это едва ли можно назвать «прогрессом» в «симфонических» отношениях Восточной церкви и Римского императора. Кроме того, доводы св. Мефодия о невозможности Церкви молиться за тех, кто ушел в могилу в заблуждении и не познал истины, также лишены исторической основы. Достаточно вспомнить императоров-монофелитов Ираклия Великого и Константа II, которых никто не посмел исключить из диптихов. Поэтому позиция св. Мефодия была очень уязвима, и царица могла напомнить ему эти примеры.

По счастью, дело не дошло до крайностей. Воспользовавшись словами патриарха, императрица радостно открыла находящимся здесь епископам, что в последние минуты земной жизни ее муж принял святые иконы и лобызал их — об этом говорилось в прошлой главе. В этом она поклялась всем присутствующим на Соборе лицам. Едва ли этот рассказ являлся выдумкой, как иногда полагают: святая Феодора была не той женщиной, чтобы сознательно опуститься до клятвопреступления. То, что данная история ранее не стала достоянием гласности, так-

же не представляет собой чего-то необычного: уход человека из жизни часто сопровождается многими *личными* подробностями и тайнами, которые совершенно необязательно делать публично-доступными. И императрица оповестила о раскаянии любимого мужа только тогда, когда в этом возникла острая необходимость.

После таких слов деваться было некуда. Святой Мефодий и клир дали письменное удостоверение царице в том, что если ее рассказ — правда, то Феофил обязательно будет прощен Богом. Всю первую неделю Великого поста епископы и народ молились в церквях о даровании императору Феофилу прощения грехов. В ночь с пятницы на субботу царица уснула, и ей привиделся сон. Будто она стоит на форуме около колонны императора св. Константина Великого, а какие-то люди с орудиями пыток тащат впереди себя императора Феофила. Вот его привели к престолу, на котором сидел некий великий Муж (Христос), а напротив располагалась громадная икона Спасителя. Царица пала перед престолом на колени и умоляла простить своего мужа, на что Человек сказал: «О, женщина, велика твоя вера! Итак, знай, что ради твоих слез и твоей веры, а также по просьбам и молениям архиереев, Я даю прощение твоему мужу». Затем Он повелел стоящим возле Феофила слугам: «Развяжите его и отдайте жене!»

На следующий день, едва наступил рассвет, св. Феодора направилась в храм Святой Софии, где *публично* рассказала свой сон. После этого ни у кого не возникло сомнений в том, что Господь даровал Феофилу полное прощение грехов. И эта уверенность была подкреплена св. Мефодием. Тот поклялся, что в свитке, куда вписаны имена лиц, запрещенных к поминанию в диптихах либо анафематствуемых, имя императора Феофила чудесным образом было ночью стерто⁶⁵⁹.

И в Синодике, читаемом в Неделю Православия, содержатся анафемы всему написанному или сказанному против патриархов *св. Тарасия* (784—806), *св. Никифора* (806—815), *св. Мефодия* (843—847), всему нововведенному или содеянному или имеющему быть содеянным против Церковного Предания и Учения и наставлений Святых и славных Отцов. Кроме этого, анафеме предаются все еретики, кто отрицает иконы и остается в иконоборческой ереси. Далее — патриархи-иконоборцы: *Анастасий* (730—754), *Константин II* (754—766), *Никита I* (766—780), «предводители ереси при Исаврах, наставники погибели»; *Феодот Каситера* (815—821), *Антоний I* (821—837), *Иоанн VII Грамматик* (837—841), «друг другу предавшие зло и сменившие друг друга». Вслед за ними анафематствуются участники иконоборческого

Собора 754 г., сравниваемого с синаедрионом, «возмутившиеся против честных икон». А затем следует... славословие царям! Причем оно обращено не в адрес императора Михаила III и св. Феодоры — их славословят дальше, а *всем* императорам Византии без указания конкретных имен.

А в первое воскресенье Великого Поста, 11 марта 843 г., Отцы Собора вместе с императрицей совершили всенощное песнопение в храме Святой Софии и торжественно объявили о восстановлении иконопочитания⁶⁶⁰. Так был установлен *праздник «Торжества Православия»*, отмечаемый с тех пор Кафолической Церковью каждое первое воскресенье Великого Поста. После этого состоялась интронизация св. Мефодия.

Однако до полного спокойствия было еще далеко. Начались «чистки» столичного и восточного клира, и хотя точного числа архиереев-иконоборцев, освобожденных от кафедр, не сохранилось, можно легко догадаться, что оно было значительным. Шли годы, а незримая граница в определении «своих» и «чужих» продолжала сохраняться. В одном из писем патриарх св. Мефодий горько сожалеет, что оставил на кафедрах многих иконоборцев, поскольку те при встрече с епископами-иконофилами пытаются сделать горделивый вид и всегда бросают какую-нибудь укоризну. Пришлось испытать на себе патриаршую немилость и монахам Студийского монастыря. Они изначально требовали *полной смены* всего иконоборческого епископата и остались очень недовольные тем, что их не послушались. Студиты к тому времени стали олицетворением внутрицерковной оппозиции, нередко игнорировавшей священноначалие, и имевшей к тому же сильные связи в армянской верхушке византийского общества. В своем ригоризме они не желали понять мягкость св. Мефодия по отношению к иконоборцам и начали распускать сплетни, будто патриарх *за деньги* (!) сохраняет еретикам-епископам их сан и епархии. Подумав и «вспомнив», студиты стали уверять, что такой же практики придерживался и патриарх св. Никифор. Нюанс, однако, заключался в том, что св. Мефодий начинал свою карьеру при патриархе св. Никифоре, архидиаконом которого был. И, конечно, он не потерпел умаления чести своего учителя и благодетеля⁶⁶¹.

Первое время патриарх терпел, но, видимо, распространяемые ими слухи стали сильно досажать св. Мефодию, поскольку он составил против студитов Собор, на котором подверг их всех отлучению от Церкви. Даже в завещании патриарха содержалось правило о том, что студийские монахи могут вступить в общение с Церковью только при

условии анафематствования ими всего написанного против патриархов св. Тарасия и св. Никифора⁶⁶².

В это время Иоанн Грамматики попытался поднять мятеж против иконопочитания, за что был сослан в монастырь Клидон на Босфоре. Пребывая там, он приказал своему слуге (все же императрица сохранила за экс-патриархом некоторые преимущества, положенные тому по бывшему сану) снять висевшую в его келье икону и выколоть глаза святому, изображенному на ней. Узнав об этом, св. Феодора велела высечь Иоанна бичом и дать несколько ударов палками. Но и этого оказалось мало: сговорившись со своими сторонниками, Грамматики направил царице послание, в котором ложно обвинил св. Мефодия в прелюбодеянии с одной женщиной. О «потерпевшей» сведений почти не сохранилось. Достоверно известно только то, что ее единственный сын Мефодий в будущем станет митрополитом Смирны и известным церковным писателем.

Начался суд. В середину залы вывели «потерпевшую», к которой св. Мефодий ласково обратился с вопросом, поинтересовавшись ее делами. Тут поднялся невообразимый шум, и патриарх, испугавшись, что, найдя его виновным, иконоборцы попытаются опорочить и остальных иконофилов, при всех приподнял край рясы и продемонстрировал свой детородный орган, вызывавший удивление необычным видом. Ошеломленным зрителям он пояснил, что некогда, еще юношей пребывая в Риме, сильно мучился от блудных соблазнов. Тогда, воздев руки к Небу, он начал молиться святому апостолу Петру о заступничестве от страстей. Спустя некоторое время утомленный молодой монах уснул, во сне к нему явился сам св. Петр и дотронулся рукой до детородного члена, после чего тот стал совершенно неспособным к плотским утехам. «Свободен ты теперь от страстей, Мефодий», — произнес Апостол.

Теперь уже обвинителям пришлось выступать в роли обвиняемых. Рассерженный Мануил, один из опекунов малолетнего Михаила III, пригрозил лишить женщину жизни, если та не раскроет всей правды. И тогда «потерпевшая» открылась, что ее банально *подкупили* сторонники Грамматика. Царские слуги направились в ее дом и нашли там сундук с золотом, который был ей передан в качестве платы за лжесвидетельство. В таких ситуациях по каноническим правилам (например, по 51-й главе XVII титула «Эклоги») обвиняемый должен был претерпеть те же наказания, что и ложно обвиненное им лицо. Но по заступничеству доброго св. Мефодия царица освободила лжесвидетелей от наказания, обязав единственно ежегодно в день «Торжества Православия» шествовать Крестным ходом по улицам от церкви Богоматери во Влахернах до храма Святой Софии⁶⁶³.

По существу, это была *последняя* активная попытка иконоборцев захватить ускользающую из их рук стратегическую инициативу. Очитившись от ереси, Восточная церковь вышла прекрасно-обновленной. Повсеместно в храмах появлялись иконы, расписывали церкви, мир и благоденствие царили повсюду.

Но в самом лагере победителей не было, к сожалению, полного единства. Идейный конфликт между царской властью и клиром, открывшийся на Соборе 843 г., нет-нет да и вспыхивал вновь. Прошло некоторое время, и однажды, отмечая во дворце в Кариане, сооруженном императором Феофилом для дочерей, праздник «Торжества Православия», св. Феодора пригласила нескольких мучеников за веру, чьи лица и лбы были искалечены в годы царствования ее мужа. Подали сладости, но благочестивая женщина внезапно замолчала, не отрывая своего взгляда от сидящих напротив нее монахов, а затем заплакала. На вопрос: «Что стряслось?» — императрица ответила: «Поражаюсь я вашему терпению и жестокости вашего мучителя». Однако добрую тональность этой сцены неожиданно перечеркнули слова одного из монахов — блаженного Феофана, без всякого стеснения произнесшего: «О надписи на наших лицах мы рассудим с мужем твоим и царем на неподкупном суде Божьем».

Конечно, это было верхом неприличия и некорректности по отношению к царице, перед которой сама Церковь считала себя обязанной установившимся миром. Быть приглашенным на царский пир в день великого праздника и дерзить императрице, кто себе ранее мог такое позволить!? Св. Феодора не удержалась: «И это ваше обещание, ваше письменное согласие! Вы не только его не прощаете, но еще и на суд требуете!» Предотвратил нежелательное развитие событий патриарх св. Мефодий, поднявшийся со своего кресла. «Нет, царица, — сказал он, — твердо наше слово, не обращай внимания на пренебрежение этих людей»⁶⁶⁴. По счастью, никаких последствий эта сцена не имела, и иконопочитание вновь заняло господствующее положение в сознании римского общества.

Глава 2. Начало самостоятельного правления Михаила III. Опала императрицы

Между тем государственные дела шли своим ходом и, надо сказать, безуспешно, словно не было вовсе предыдущих горьких поражений. Но, конечно, те или иные проблемы возникали постоянно. В частно-

сти, пришлось спешно пресекать ересь *зиликов*, которые, однако, от-
 делались мягкими наказаниями и были приняты Церковью в общение.
 Затем настала пора привести в чувство павликиан, чрезвычайно рас-
 пространившихся в западных фемах Римского государства. С ними,
 конечно, поступили куда жестче. Они и ранее выступали против пра-
 вительства, теперь же, полагая, будто слабая женщина не сможет с
 ними совладать, еретики решились объявить открытое неповиновение
 власти. Надо понимать, что павликиане вовсе не представляли собой
 безоружную толпу мирных обывателей. Нет, это были закаленные, хо-
 рошо вооруженные и готовые биться до конца бойцы. Поэтому вой-
 на с ними была далеко не увеселительной прогулкой. Против них св.
 Феодора направила сразу двух полководцев, действия которых были
 чрезвычайно успешными. Многие павликиане нашли свою смерть от
 меча (до 10 тыс. человек), некоторых пленных, не желавших переходить
 в Православие, распяли на крестах. Добыча была собрана громад-
 ная, и она значительно пополнила государственную казну.

Однако часть еретиков вместе с помощником стратига Анатолики
 Карвеем, тайным павликианином, бежала к арабам и была с честью
 принята халифом. Хорошо организованные и вооруженные, изменни-
 ки совершали дерзкие набеги на римские земли. А затем начали об-
 устриваться и возвели множество городов, среди которых главным
 считался Тефрика, основанный в 843 г. и ставший центром павликиан-
 ства. Они мечтали совместно с арабами устроить настоящее нашествие
 на Византию и разрушить ненавистную Империю. Но тут произошли
 некоторые события, существенно скорректировавшие планы еретиков.
 Покровитель Карвея, повелитель Мелитины по имени Амр, направил
 в Армению своего соотечественника Али из Тарса, который там и по-
 гиб от рук непокорных армян. Видимо, это поражение резко ударило
 по авторитету Амра среди соплеменников, поскольку между ним и его
 соправителем Склиром разразилась настоящая междоусобная война,
 стоившая обоим противникам множества жизней. *На время* павликиан-
 е притихли, но скоро мы вновь услышим о них⁶⁶⁵.

А в 842 г. византийцев ждало еще одно радостное событие. Араб-
 ский флот под командованием Аподинара, надвигавшийся на Кон-
 стантинополь, был *растерзан* бурей у мыса Хелидонии, что в Малой
 Азии. Только 7 кораблей сарацин сумели вернуться домой. Всем ста-
 новилось ясно, что арабы *выдыхаются*, а события, происходящие в Ха-
 лифате, со всей очевидностью показывали, что внутренние проблемы
 довлеют у них над внешними⁶⁶⁶.

Однако первый министр Феоктист, решивший укрепить свое положение в Римском государстве, неожиданно повернул колесо удачи вспять. Очевидно, между опекунами не было горячей любви, а потому евнух желал подчеркнуть свое первенствующее положение рядом с царицей и малолетним императором. Лучшим способом для этого в Византии считались воинские успехи, высоко поднимавшие своего избранника над всей остальной элитой государства. А потому 18 марта 843 г. евнух во главе большого флота направился к Криту, надеясь вернуть остров Византии и стать героем Империи. Действительно, такая победа не могла не принести Феоктисту дивидендов — тем более что, как казалось, добиться ее не составит труда: в тот момент времени враг явно уступал ему в силе. Однако полководец стал жертвой собственного тщеславия: не надеясь победить византийцев в открытом сражении, арабы распустили слух, будто в Константинополе на престол возведен новый царь. Разумеется (для себя, конечно; нормальному сознанию этот бессовестный поступок не может не претить), Феоктист срочно бросил войско и уплыл в столицу, дабы принять участие в распределении власти. Оставшись без высшего командования (конечно же, министр уехал не один, а прихватил с собой на всякий случай многих офицеров и лучших воинов), солдаты в скором времени сделались добычей мусульман. Это обидное и совершенно необязательное поражение больно ударило по Римскому государству.

Но дальше было еще хуже: приехав в Константинополь и убедившись, что ничего не изменилось, Феоктист решил реабилитироваться перед императрицей. И доверившись несуществующим военным талантам своего первого министра, весной 844 г. святая Феодора поручила тому командование сухопутной армией, которую направила против халифа. Однако у реки Мавропотамон византийцы потерпели новое тяжелое поражение; много солдат погибло. Удивительно, но иронией судеб Феоктист и в этот раз вышел сухим из воды. Незвестно, но каким-то чудесным способом ему удалось вернуть доверие августы и оболгать соперника Варду, которому даже пришлось на время оставить столицу.

По счастью, арабы не сумели стратегически использовать эти поражения римлян. Новый халиф *аль-Васик Харун ибн Мухаммад* (843—847) был более всего озадачен внутренними проблемами, что вполне понятно, если мы учтем некоторые обстоятельства. Желая во всем подражать своему покойному отцу, аль-Васик с первых же дней своего правления продолжил войну против собственных подданных (вернее сказать, *против самого себя*, ибо, пусть и не желая того, сокрушал араб-

ский этнос, скрепленный единственно религией), закрепив законом мнение аль-Мутасима о природе Корана. Он всячески пытался доказать, что Коран — книга, сотворенная человеком, а потому, как и любой плод человеческого разума, подвержен критике. Рассказывают, что в один из дней в его дворец прибыл некий ученый сириец, которому в присутствии придворных были заданы некоторые вопросы о проблеме веротерпимости. Сириец без труда доказал халифу, что в вопросах веры нет и не может быть никаких твердо установленных догматов, а потому каждый мусульманин волен *по-своему* трактовать Коран. Чего, собственно, халиф и добивался. Само собой, такая политика, помноженная на предыдущие попытки уничтожения Корана, сломала единство мусульманского мира, открыв дорогу на вершину политической пирамиды инородцам-туркам⁶⁶⁷.

Более того, жестокий, как все недалекие и в глубине души трусливые люди, аль-Васик приказал казнить известного ортодокса и богослова Ахмада ибн Насра, одного из столпов Аббасидов, открыто выступившего против учения о тварности Корана. Брожение в государстве аль-Васик отнес исключительно к вине собственных чиновников. И потому по приказу халифа многие из них были биты палками за нерадение к своим обязанностям и даже нашли смерть на эшафоте. Оставшихся в живых подвергли тяжелому денежному штрафу. Нужно ли говорить, что едва ли отныне они служили своему халифу за совесть, а не из-за страха? ⁶⁶⁸

Неудивительно, что в 845 г. в Аравии отказалось признавать над собой власть халифа могущественное племя Бену Сулейма, разгромившее войско наместника Медины. К нему тотчас присоединились племена *гатафан* и *фезаров*, и вскоре весь север и центр Аравийского полуострова были объаты огнем восстания. В самом Багдаде в 846 г. организовалась народная милиция, решившая свергнуть халифа. И хотя, к несчастью восставших, их акция провалилась (сигнал об атаке был подан слишком рано, и они просто не успели сгруппироваться против правительственных войск, легко разметавших их), положение аль-Васика от этого кратковременного успеха не стало прочнее. Он мог полагаться лишь на турок, из которых были сформированы гвардейские части⁶⁶⁹.

Затем запыхал Дамаск, курды начали бесчинствовать в Персии, против правительственных войск выступили в очередной раз (и небезуспешно) хуррамнты. В этих условиях халиф хотел только одного — мира с Византией, и его желание совпадало с политикой Константинополью, также не желавшего войны⁶⁷⁰.

Теперь на несколько лет мир в Римском государстве почти не прерывался внешними угрозами. В 845 г. договор с халифом был заключен, помимо этого достигли договоренности и об обмене пленными, которых с каждой стороны насчитывалось до 4 тыс. На реке Ламус, на расстоянии одного дня пути от города Тарса, устроили переправу, и 16 сентября 845 г. начался обмен. В течение 4 дней происходила передача из рук в руки пленных, и дело едва не дошло до разрыва отношений, когда греки посчитали, что арабы передают им на руки не здоровых и молодых пленных воинов, а *стариков*, уже неспособных принимать участие в военных действиях. Все же обмен состоялся⁶⁷¹.

Примечательно, что дошедший в своем безумии до крайности аль-Васик отказался обменивать тех пленных арабских воинов, которые стояли на ортодоксальных позициях и не хотели признавать тварность Корана. Поскольку же, как легко можно догадаться, указу халифа не подчинились самые стойкие и храбрые воины, мощь арабской армии была сильно подорвана⁶⁷².

В 847 г. аль-Васик скоропостижно скончался — говорят, вследствие своей беспутной жизни, где увлечения и женщины занимали первое место. И тут выяснилась неприятная для природных арабов деталь: уже не они, а *турки-гвардейцы* стали определять наследника престола халифов. Хотя арабов и было больше, но они представляли собой разрозненную силу, мятущуюся в самоистребительной войне различных племен, родов и династий. А турки представляли собой единый, хорошо организованный, вооруженный и единомыслящий кулак, противостоять которому было невозможно. Поэтому их мнение предрешало практически *любые* споры о власти.

Первоначально турки решили поставить на трон сына покойного властителя, совсем еще юного Мухаммеда, но тот показался им смешной куклой, которой служить и давать присягу уж совсем зазорно. А потому выбор турок пал на единокровного брата аль-Васика, родившегося от невольницы, *аль-Мутаваккиля Джафара ибн Мухаммада аль-Мутасима* (847—861). Это был весьма непривлекательный по своим личным качествам правитель — вероломный, неблагодарный, жестокий и распутный. Однако он хорошо понимал опасности своего положения и в первую очередь избавился от благодетеля, турка Итах, благодаря которому получил власть. Бросив того в тюрьму, халиф не без удовольствия наблюдал, как Итах умирает от жажды.

Но избавиться от назойливой опеки турок можно было лишь при условии возврата доверия соплеменников. Причем делать это нужно было тайно и одновременно при помощи быstroдействующих спосо-

бов — в таких условиях времени не бывает много. И, влекомый обстоятельствами, аль-Мутаваккиль стал самым ортодоксальным мусульманином из халифов последнего века. Он немедленно прекратил споры о Коране и в 850 г. восстановил старое учение об этой святой для сынов ислама книге, каким оно сформировалось изначально. Затем, желая подчеркнуть особое положение мусульман, халиф приказал скрыть в Багдаде все христианские храмы. Потом настала очередь шиитов, духовных вождей которых бросили в темницу.

Да, аль-Мутаваккиль достиг своей цели, но даже правоверные мусульмане, обязанные ему возвращением веры отцов, не рискнули называть его *благоверным* повелителем. Многим было очевидно, что действиями халифа была истреблена всякая свобода мысли, чем, пусть и не желая того, аль-Мутаваккиль нанес исламу тяжелый удар. Теперь последователи этого вероисповедания стали ассоциироваться с чем-то невежественным и косным, неспособным к свободному осмыслению и творчеству. Еще хуже то, что отныне отношения между мусульманами и христианами стали весьма враждебными, от былой толерантности не осталось уже и следа⁶⁷³.

А на политическом поприще аль-Мутаваккиль сделал ставку на верных слуг своих предшественников, при помощи которых надеялся избавиться от турецкой зависимости. Так, вскоре он поставил наместником Багдада природного араба, тахирида Мухаммада ибн Абдуллу. А сам в 860 г. воздвиг себе новую резиденцию вне пределов расположения корпуса турок-гвардейцев. Сперва аль-Мутаваккиль решил обосноваться вблизи любимого им Дамаска, но затем передумал и направил строителей к Самарре. В следующем году халиф переехал в новый дворец, стоивший огромных денег, но 11 декабря 861 г. турки умертвили слишком своевольного, на их взгляд, халифа⁶⁷⁴.

Теперь из всех соседей Римской империи лишь Болгарский хан *Борис* (852—889) однажды попытался начать войну с греками, полагая, что без труда сможет победить женщину на царском троне. Но и эту угрозу удалось нейтрализовать. Сохранился ответ св. Феодоры, носивший, без сомнения, легендарный характер. В духе древней правительницы амазонок царица ответила, что победа над женщиной не украсит правителя болгар, зато поражение перечеркнет его славу. Но скорее всего византийцы, по обыкновению, просто *откупились* от варваров, либо сыграли свою роль иные обстоятельства, нам уже неизвестные.

Пользуясь затишьем на Востоке, византийское правительство решило предпринять превентивные меры безопасности против славян, густо населявших Пелопоннес. В 849 г. св. Феодора пригласила к себе

протоспафария Феоктиста Вриенния, которому поручила обустройство на этих землях отдельной фемы. При помощи военных отрядов из Фракии и Македонии Вриеннию удалось покорить отдельные племена славян, обосновавшиеся вдоль горных хребтов Тайгета, и обязать их выплачивать Римской империи дань⁶⁷⁵.

Почти все славянские племена, проживавшие в Греции, были поставлены под контроль византийской администрации, и среди них развернулась активная миссионерская деятельность со стороны греческих монахов. Эллинский элемент на самом полуострове значительно усилился с прибытием многих византийцев с островов Эгейского моря, спасающихся от арабов. И совокупно эти два обстоятельства сыграли на руку Константинополю. Постепенно славяне Балкан оказались полностью подчиненными византийскому правительству и эллинизировались⁶⁷⁶.

К несчастью, за всеми государственными заботами св. Феодора не имела возможности уделять должного времени воспитанию сына. И мальчик вырос, окруженный взрослыми людьми, умевшими без труда играть на его пороках и недостатках, щедро приумножая их. Одним из главных действующих лиц, имевших почти неограниченное влияние на Михаила III, являлся брат царицы патриций Варда. Фактически он был главным воспитателем царевича. Умный, энергичный и честолюбивый человек, покровитель образования и искусства, Варда в глубине души желал царской власти. Для того чтобы привести свой замысел в исполнение, ему нужно было в первую очередь отодвинуть от управления государством остальных опекунов, затем сестру, а потом уже и самого Михаила III. И армянин с присущей ему последовательностью и хитростью принялся за реализацию своего плана.

Варда во всем потакал воспитаннику, прививая тому далеко не лучшие качества. Император часто проводил время в кругу развратных женщин и даже завел постоянную любовницу Евдокию Ингерину. Желая образумить сына, св. Феодора вмешалась и срочно женила того на добропорядочной девушке из аристократической семьи *Евдокии Декаполите*. Но для Михаила III это уже мало что значило: он по-прежнему проводил время с Евдокией Ингериной и откровенно игнорировал собственную жену⁶⁷⁷. Теперь, когда царь подрос, Варда решил сделать славовольного, но упрямого Михаила III орудием своего плана.

Первым пал магистр Мануил, которого Варда сравнил с первым министром Феоктистом. В какой-то словесной перепалке с внуком Мануил был неосторожен в словах, и его обвинили в тяжком преступлении — оскорблении царя. Правда, обвинение впоследствии не под-

твердилось, но бывшему опекуну пришлось срочно удалиться из дворца и поселиться в собственном доме. Оттуда он продолжал ежедневно являться во дворец для управления делами государства, но прежнее влияние почти полностью утратил.

Второй жертвой Варды стал сам Феоктист. В течение всех лет опекунства тот являлся самым близким и преданным царице человеком, обладавшим большими знаниями и опытом. О недостатках министрах было поведено выше. Теперь же самое время рассказать и о несомненных достоинствах как помощника царицы. Обладая способностями настоящего государственного мужа, Феоктист являлся хорошим исполнителем царской воли и сумел значительно приумножить государственную казну, не стеснив при этом население лишними налогами. Его не раз пытались отправить в отставку влиятельные враги, но он неизменно находил защиту в лице св. Феодоры⁶⁷⁸.

Поэтому патриций не стал торопить события, прекрасно понимая, что упрямый и самовольный молодой император *неизбежно* вступит в противоречие с жестким евнухом; так и случилось. Однажды царь попросил возвести в высокий сан одного из своих друзей, с которым беспечно коротал время досуга. Однако неуступчивый Феоктист заявил Михаилу III, что это желание царя — блажь, и людей следует возвеличивать не по прихоти императора, а по заслугам. Царь промолчал, но в его сердце родилась ненависть к евнуху, который не уважил императора. Теперь-то на сцену вышел сам Варда. Он постоянно находился рядом с Михаилом III и неизменно внушал тому мысли, будто управление Римским государством осуществляется плохо, а сам Феоктист тайно мечтает о захвате власти. Михаил III соглашался, но пока еще опасался недовольства своей матери, с которой Феоктист был чрезвычайно дружен. В конце концов царь и патриций решили убить Феоктиста, придумав план, в соответствии с которым царица не смогла бы помешать этому преступлению.

20 ноября 855 г., покончив разбирать государственные дела, Феоктист по обыкновению поехал в сторону одного из столичных районов под названием Лавсиак. Тут он увидел вооруженных людей и царя, делавшего ему знаки продвигаться вперед. Почувствовав опасность, Феоктист побежал в сторону Большого дворца, где находились его рабочие кабинеты. Но целая толпа воинов навалилась на него, а Варда, размахивая обнаженным мечом, поклялся убить всякого, кто попытается оказать помощь евнуху. Правда, и лишить Феоктиста жизни на месте никто не решился — таково было уважение к нему и боязнь вызвать гнев императрицы. Евнуха отвели в покои и взяли под арест. Но

Варда настаивал на *немедленном* умерщвлении конкурента, и один из воинов, войдя в комнату, где лежал на кровати Феоктист, пронзил того мечом. Как рассказывают, узнав о смерти евнуха, Мануил произнес в адрес Варды: «На Феоктиста меч обнаживший, готовь себя к смерти с сегодняшнего дня»⁶⁷⁹.

Весть о смерти товарища ее мужа и верного опекуна сына потрясла императрицу. С распущенными волосами, с глазами, полными слез, вбежала она в царский дворец и осыпала ругательствами Михаила III и Варду. «Мерзкие и бесстыдные звери! Вот как ты, неблагодарное отродье, отплатил своему второму отцу?» — кричала она сыну. «А ты, — обернувшись к брату, — завистливый и отвратительный демон, осквернил мою власть, которую я блюла незапятнанной и чистой!» Воздев руки к небу, императрица прокричала: «Не укроются ваши преступления от Бога, предаст Он вас обоих губительной смертью! Дай, Господи, увидеть возмездие за этого человека!»

Но эти проклятия не могли воскресить Феоктиста, а о восстановлении добрых отношений между матерью и сыном теперь не могло быть и речи. Варда стал первым министром, и император постоянно советовался только с ним по любым вопросам. Конечно, им обоим не терпелось избавиться от св. Феодоры, являвшейся для них неммым укором совести, но первое время они опасались пойти на такой резкий шаг, зная любовь константинопольцев к царице. Однако всем было ясно, что опала императрицы неизбежна. Осознавала это и сама царица, принявшая некоторые меры предосторожности. Зная характер своего ветреного сына, она собрала синклит и объявила состояние государственной казны, многократно приумноженной во время правления мужа и ее самой. Святая Феодора надеялась, что сенат, чей авторитет в государственных делах в годы частой смены царей и ее, женского, правления сильно вырос, возьмет под контроль траты Михаила III. Это событие окончательно решило ее судьбу.

Как-то в один из мартовских дней 856 г. царица вместе с дочерьми отправилась после Литургии во Влахернском храме в баню — излюбленное времяпровождение византийцев. Когда они туда прибыли, их уже поджидали клирики, объявившие приказ царя постричь женщин в монахини. Те и не думали возражать и вскоре сподобились Ангельского чина. После совершения обряда их поместили во дворец, причем все сокровища из личной казны императрицы были изъяты слугами ее сына, а сама она была помещена практически под арест во дворец в Кариане. Причем быт св. Феодоры отличался *излишней* простотой и скромностью: сын не мог простить матери ее гневных слов и

не пожелал украсить келью. Прожив остаток дней монахиней, св. Феодора оставила этот мир, приобретя вечную славу за свои подвиги и благочестие⁶⁸⁰.

Глава 3. «Пьяный царь». Война с арабами

Избавившись от опеки матери и Феоктиста, император Михаил III начал демонстрировать далеко не лучшие черты своего характера. Любитель шумных развлечений и вина, он часто в компании собутыльников отправлялся на конские ристания и унижал свой величественный сан тем, что нередко сам управлял колесницей. Желая продемонстрировать роскошь и щедрость, он любил выступать восприемником детей своих пьяных товарищей, богато одаряя тех золотом, с таким трудом собранным в казну его родителями. Вокруг царя постоянно крутились мимы, и нередко в нетрезвом состоянии Михаил III осыпал деньгами любого проходимца, способного развеселить его. Дошло до того, что в народе императора Михаила III прозвали *Пьяницей*.

Впрочем, в литературе нередко высказывается обоснованное мнение, что образ этого царя, действительно являвшегося далеко не самым блистательным в череде Римских императоров, *излишне* стилизован и демонизирован представителями Македонской династии⁶⁸¹. Подтверждением тому, что Михаил III был вовсе не бесталанен, служат очевидные успехи царя, как и его предшественников, на западном фронте. В течение IX века Византия постепенно начала выравнивать свое положение на Балканах, что выразилось в создании там 10 новых фем, обеспечивавших политический контроль над территориями⁶⁸². Согласимся, это была большая стратегическая победа императоров-иконоборцев, положивших своими трудами основу этому успеху, и лично Михаила III.

Узнав о нестроениях в Арабском халифате (а дипломатическая служба Византии традиционно была чрезвычайно информированной), император решил начать военные действия против сарацин. Уже в 853 г. византийский флот в количестве 300 судов напал на порт Дамьетта в дельте Нила и, одержав победу, взял в плен более 20 тыс. человек, которым предложили перейти в христианство. Часть пленников была выкуплена халифом, некоторые погибли, приняв смерть за веру, но основная масса поддалась на уговоры. Желая взять реванш, в этом же году полководец Али ибн Йахйя предпринял поход против Византии, но потерпел неудачу. Этот же результат ожидал арабов и в

следующем году, и в 859 г., когда полководец аш-Шараби, получивший приказ аль-Мутаваккиля наказать византийцев, потерпел тяжелое поражение. Как следствие, в этом же году император предложил заключить новый мирный договор, но на более выгодных для Константинопольских условиях, и произвести обмен пленными⁶⁸³.

Но если война с Аббасидами складывалась пока успешно, дела на Сицилии были не очень хороши. В 842 г. арабский полководец аль-Фадл ибн-Джафар-аль-Хамадани хитростью взял Мессину — грозную крепость, один из ключей от острова. В этом же году сарацины продолжили наступление на юго-востоке и захватили крепость Модикю. Встревоженная поступающими известиями, императрица направила в 845 г. на Сицилию войско из далекой Харсианской фемы, но в сражении с агарянами оно было разбито; погибло более 10 тыс. византийцев. А затем дела пошли еще хуже. На протяжении 846—847 гг. аль-Фадл ибн-Джафар-аль-Хамадани осаждал важнейший для Сицилии город Лентинин, который, увы, пал. В следующем, 848 г. сдалась крепость Рагуза.

Когда в 851 г. умер правитель захваченных арабами островных владений, его преемником был дружно выбран победитель над Харсианской фемой Абу-л-Аглаба-аль-Аббас-ибн-аль-Фадл-ибн-Якуб. Африканский правитель тотчас утвердил это избрание, после чего арабы вновь начали серию удачных нападений на оставшиеся островные владения византийцев. Помимо этого агаряне начали совершать дерзкие морские налеты на прибрежные земли Италии, чем сильно обеспокоила и Рим, и Западного императора. Когда осенью 846 г. сарацины осадили Гаэту, для деблокады города явился с войском сам Людовик Немецкий. Однако в завязавшемся сражении его германцы были наголову разгромлены арабами. Вслед за этим папа *Лев IV* (847—855) сделал единственное, что мог — воззвал к патриотизму итальянцев вне зависимости от их политической принадлежности и объединил под своим знаменем Рим, Амальфи, Гаэту и Неаполь. Когда на горизонте появились арабские корабли, солдаты, прибывшие в Рим, дружно устремились на молитву, и тут явилось чудо: внезапно налетела буря и яростные потоки вод потопили сарацинский флот; почти все сарацинское воинство погибло, лишь немногие попали в плен⁶⁸⁴.

Но вернемся к театру основных столкновений с Халифатом. В 859 г. императору исполнилось уже 19 лет — по тем временам зрелый мужчина. Не дождавшись ответа арабов на свои предложения, он решил сам выступить с войском к Самосате, хотя особого успеха не имел. Да, римлянам удалось захватить 500 пленников и одержать несколько ло-

кальных побед в мелких стычках, но зато арабы вторглись в Анталию и захватили эту область. Можно смело сказать, что в этот раз византийцы оказались *стратегически переигранными* своим соперником⁶⁸⁵.

Как следствие, стратегический успех быстро перерос в очередную победу арабского оружия. Не встретив первоначально сопротивления на пути, царь с армией подошел к городу Самосате и осадил его. Это был мощный укрепленный пункт, обладавший большими запасами, и очень богатый. Как и любому молодому человеку, грезившему военными подвигами во славу отечества, императору не терпелось испытать свой талант полководца и продемонстрировать силу римского оружия. Однако действительность перечеркнула его ожидания. Очевидно, разведка и боевое охранение у греков были поставлены из рук вон плохо, поскольку командование армией даже не подозревало, что арабское войско готовится выступить из осажденного города и дать сражение.

На третий день осады, в воскресенье утром, когда византийцы собирались на Литургию, на них внезапно напали сарацины. Натиск врага был так неожиданен и силен, что никто и не думал об обороне лагеря. Сам император Михаил III едва успел вскочить на коня и тем спасся бегством, оставив свой шатер и находившиеся в нем регалии мусульманам. Как рассказывают, особенно отличился со стороны врагов павликианин Карвей, лично сразивший нескольких римских воинов. Арабы пленили многих солдат и около 100 офицеров высшего командного состава; кто-то из них позднее был выкуплен родственниками. Карвей откровенно глумился над пленниками, отпуская на волю тех, кого хотел, и нередко отказывался даже от выкупа, чтобы погубить некоторых офицеров в темнице⁶⁸⁶.

На 859 г. приходится еще одно тяжелое поражение морского флота Византии у стен Сиракуз. В морском сражении греки потеряли более 100 судов, а потери арабов составляли всего 7 кораблей. Помощь из Константинополя вдохновила вначале островных греков отложиться от арабов, но те быстро и *кроваво* подавили очаги сопротивления. Становилось очевидным, что Византия едва ли может удержать остров в своих руках. Для Сицилии наступала новая пора в ее трудной и чрезвычайно бурной истории⁶⁸⁷.

Остаток этого года Михаил III приходил в себя, не решаясь возобновить военные действия. Но весной 860 г. в силу неведомых причин опять расторг договор с сарацинами и выступил в новый поход. Как выяснилось, очень неудачно, поскольку как раз в это время на Константинополь произошло нападение со стороны *руссов* (или *россов*) — наших далеких предков. 18 июня 860 г. они на 200 судах внезапно

появились в Босфорском проливе, чем вызвали страшное замешательство и панику среди столичного населения. Поскольку царь и войско находились в это время в походе, столица осталась почти беззащитной. Руссы разграбили предместья Константинополя, напали на Принцевы острова, также предав там все огню и мечу, а затем осадили столицу. В отсутствие императора обороной города занимался патриарх, ободривший константинопольцев и устраивавший многочасовые молебны Богу о даровании спасения. Видимо, молитвы Спасителю были искренними и горячими, поскольку через несколько месяцев руссы внезапно прервали осаду и отплыли на свою родину.

Получив известия о нашествии руссов, Михаил III бросился к столице, но опоздал. А когда опасность миновала, вернулся к войску, расположенному у крепости Дазимон, где его уже поджидал Мелитинский эмир Омар ибн Абдаллах аль-Акта. Произошло сражение, и греки в очередной раз потерпели поражение. В плен попало до 7 тыс. византийцев. Враги преследовали и окружили Римского царя на горе Анзен — труднопроходимом гористом месте. Хотя острые камни и мешали арабским лошадям подняться наверх, участь Михаила III была почти предreshена.

Почти, поскольку царские телохранители один за другим отдавали свои жизни, чтобы спасти царственную особу. Пока шел бой, император в отчаянии обратился к Мануилу с естественным вопросом: «Что делать?» Тот посоветовал императору снять знаки императорского достоинства и в обличье простого воина занять место в строю. Затем римляне сомкнули щиты и попытались пробиться. Бой выдался упорным, но в конце концов вражеский строй был разорван и остатки римских отрядов благополучно вернулись домой. Арабы не решились преследовать своего неприятеля — видимо, их потери оказались весьма ощутимыми⁶⁸⁸.

По возвращении в столицу скончался престарелый магистр Мануил. Дядя царя Петрона находился во Фракии, где занимал должность стратига фемы, и рядом с императором оставался только вездесущий Варда, которого царь Михаил III в 862 г. почтил званием цезаря. Кажется, теперь мечта армянина о царстве близка к воплощению, как никогда. Но торопиться было нельзя: Церковь и народ помнили, как обошелся Варда со святой императрицей Феодорой, и даже удачный переворот не гарантировал ему всеобщего признания и гражданского послушания. Поэтому Варда решил ждать. Пока же он демонстрировал царю, что его единственным желанием является угодить тому, и, надеясь заслужить славу среди византийской элиты, на собственные

средства организовал школу в Магнавре, которой руководил знаменитый Лев Математик⁶⁸⁹.

Но надо сказать, после отставки св. Феодоры и гибели наиболее опытных сановников дела в Римском государстве становились хуже день ото дня. Арабы, обосновавшиеся на острове Крит, непрестанно грабили на своих легких судах близлежащие от Константинополя земли; напали на Кикладские острова, а затем на Приконисское побережье. Как всегда, ко всем несчастьям военных лет взбунтовалась природа: землетрясения происходили повсеместно, и в праздник Вознесения Господня целый район Константинополя Эксакиония был разрушен стихией. Однако царь, казалось, не замечал ничего, полностью отдавшись своему любимому развлечению — конным ристаниям. Дошло до того, что он *проигнорировал* сообщения, поданные по огненному «телеграфу», об очередном наступлении арабов⁶⁹⁰.

Пока император развлекался, Варда предпринимал все новые и новые усилия, чтобы заслужить в народе авторитет. Он часто заседал на ипподроме, где устраивал открытые судебные слушания по делам, переданным самому царю. Справедливости ради следует сказать, что при всей своей беспринципности, жадности и безнравственности, величайшем честолюбии и беззастенчивости, Варда был замечательным администратором и весьма образованным человеком. Цезарь очень любил литературу, интересовался науками, среди его друзей было много интеллектуалов и блестящих ученых, например Лев Математик и св. Фотий. Совместно с будущим патриархом Варда организовал христианские миссии по распространению Православия среди моравов и болгар, под его покровительством находились и «апостолы славян» св. Мефодий и св. Кирилл⁶⁹¹.

Император Михаил III находился в столице, а на восточной границе продолжалась война. Хотя арабы и разбили греков, византийские отряды постоянно преследовали продвигавшихся к берегу Черного моря сарацин. Однако решающего сражения давать не собирались за явным недостатком сил. Как следствие, мусульмане имели некоторые успехи и даже захватили город Амизос, что располагался на морском побережье⁶⁹².

После того как аль-Мутаваккиль погиб в своем дворце, кризис власти в Арабском халифате продолжал развиваться. Преемником жестокого халифа стал его сын и отцеубийца (он вместе с турками организовал убийство родителя) *аль-Мунтасир Биллах* (861—862). Впрочем, его правление продолжалось совсем недолго. Даже для Аббасида убийство отца не считалось безделицей, а потому печать смертного

греха лежала на челе нового халифа, предрекая тому скорую смерть. В течение этого времени его войска в количестве 10 тыс. воинов под командованием полководца Васифа взяли одну небольшую приграничную крепость, но, не развив успеха, вернулись на родину⁶⁹³.

Но вскоре повелитель правоверных скончался, как говорилось в официальных документах, «от болезни горла». Опасаясь признавать преемником покойного его сына (дабы тот не мстил им за отца), турки, уже практически полностью подчинившие себе политическую элиту Халифата, объявили новым халифом дядю аль Мунтасира *аль-Мустаин Биллаха* (862—867). Тому, естественно, ничего не оставалось, как во всем опираться на турок, которые, однако, вели себя все более дерзко. Однажды халиф не выдержал и приказал арестовать своего визира, этнического турка, за своеволие, но соплеменники арестанта подняли настоящее восстание. И хотя вскоре стороны примирились, халиф уехал из Самарры в Багдад. В ответ турецкие гвардейцы освободили из тюрьмы всех арестантов, после чего перешли на сторону аль-Мутаза — брата халифа, стремительно прокладывая себе путь на вершину власти. Стоит ли говорить, что участь аль-Мустаина была предreshена? Багдад и его правитель Мухаммад ибн Тахир приняли, конечно, гонимого халифа, и эта акция стала последней реальной попыткой со стороны арабов вернуть себе значение самостоятельной политической величины. Замечательно, что когда 50-тысячное турецкое войско осадило Багдад, Мухаммад ибн Тахир вступил с ними в переговоры. Однако жители едва не растерзали своего правителя, и тот решил защищать город до конца⁶⁹⁴.

Но с аль-Мутасимом нельзя было иметь дела: коварный и беспринципный, он затеял тайные переговоры с турками за спиной жителей и Мухаммада ибн Тахира. Едва об этом узнал Тахир, как он тут же отступился от коварного халифа. Аль-Мутасиму ничего не оставалось, как в 867 г. отречься от трона. Впрочем, это не спасло его: наемный убийца закончил его жизнь. Новым повелителем правоверных и... заложником турецких гвардейцев стал *аль-Мутазз Биллах Мухаммад ибн Джафар аль-Мутаваккиль* (867—870)⁶⁹⁵.

Ситуация в Халифате, где восстание вспыхивало одно за другим, а жители Багдада начали сбор средств, дабы самим обеспечить безопасность границ государства, сыграла на руку Византии. Впрочем, военные действия в 862 г. начались по инициативе арабов, потерпевших в битве у Малатии сокрушительное поражение; их командующий Умар ибн Абдулла ибн аль-Акт погиб на поле битвы. А в 863 г. небезызвестный нам Амр во главе 40-тысячного арабского войска двинулся на

Армениак и полностью разграбил фему. Михаил III не решился уже возглавить римское войско и назначил главнокомандующим дядю Петрону, другого брата своей матери. Сам Варда также остался при особе императора, хотя направил на войну своего 10-летнего сына Антигона, которому Михаил III по присущему легкомыслию дал должность начальника отряда царских телохранителей — не самое лучшее место для беззусого мальчика.

Получив царскую грамоту с приказом идти на врага, Петрона совсем растерялся и остановился в монастыре близ Эфеса на Святой горе, робея выполнить волю своего василевса — так велик был страх перед сарацинами и... *перед Вардой*. Дело в том, что до последнего времени только цезарь и Петрона сохраняли влияние на царя. Как свидетельствуют арабские источники, именно Петрона участвовал в подготовке нового договора с арабами, и все его решения без исключения были утверждены царем «на слово» — так Михаил III доверял дяде⁶⁹⁶. Но стратиг понимал, что одна неудача может стоить ему жизни — пример умерщвленного Вардой Феоктиста стоял у него перед глазами.

Он совсем уже было отчаялся, и даже хотел отписать царю, что не в состоянии выполнить его поручение, но тут в дело вмешался счастливый случай. Кто-то подсказал Петроне, что поблизости, на Латроне, находится знаменитый монах-отшельник св. Иоанн, никогда ранее не покидавший своей кельи, но неожиданно вышедший к людям. Петрона немедленно отправился к святому подвижнику и пал к его ногам с просьбой молиться о нем. Но св. Иоанн признался царскому сановнику, что оставил свою келью специально *для встречи с ним*, дабы огласить Божью волю. «Иди на сарацин, повинуйся царской грамоте, поскольку Бог будет тебе стражем и предводителем», — сказал растерянному полководцу монах. «Только вели на щитах своих воинов изобразить мой лик, как свидетельство подчинения воле пославшего меня к тебе Христа». Естественно, наказ святого был срочно выполнен.

Воспрявшее духом римское войско и его полководец двинулись навстречу Амру, который с войском расположился в Посонте — месте, защищенном от врагов скалами и крутыми отвесами. Араб не учел лишь одного: что византийцы не будут ждать его атаки, а сами перейдут в наступление. А именно так и произошло: осмотрев диспозицию врага, Петрона решил окружить сарацин и сделал это весьма искусно. Он приказал стратигам Армениака Вукелариев, Пафлагонии и Колонии обойти врага с севера и занять удобные позиции. Стратигам Анатолика, Опсикии и Каппадокии вместе с отрядами из Селевкии и Харсиана поступило распоряжение занять позиции с юга. Сам Петрона с

легионами из Македонии и Фракии, усиленными четырьмя полками царской гвардии, расположился на западном направлении. Наступил рассвет, и неожиданно для себя Амр обнаружил, что практически полностью окружен, но не пал духом и велел своим воинам готовиться к предстоящей битве.

3 сентября 863 г., то есть утром следующего дня, арабы попытались прорваться на севере, но их атаки были отбиты византийцами. Тогда Амр неожиданно сменил направление и напал на южную группировку византийцев, однако и там встретил жесткий отпор. Оставалось одно направление, привлечшее внимание Амра ровной поверхностью — долина, где с резервом скрытно располагался сам Петрона. Араб бросил туда последние полнокровные отряды своих воинов, но греки сумели отразить и этот штурм: сомкнув щиты и выдвинув копья, они поражали арабов в большом количестве. В это время остальные римские отряды на севере и юге перешли в контрнаступление и окончательно смяли сарацин. Сам Амр был тяжело ранен на поле боя и вскоре скончался. Победа византийцев была блестящей — только жалкие остатки арабской армии сумели просочиться сквозь строй греков, но за ними в погоню отправился клирусарх Харсиан Махера и почти всех уничтожил. Есть все основания предполагать, что и убийца византийцев Карбеас погиб в этой несчастной для сарацин битве⁶⁹⁷.

По возвращении в Константинополь Петрона удостоился высокого титула доместика схол (по другим данным, магистра), но дни его уже были сочтены. Уход из жизни заслуженного полководца и брата св. Феодоры трогателен и заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. После столь блистательной победы Петрона крепко привязался к св. Иоанну, представил того царю и Варде; жить они стали неподалеку друг от друга. Вскоре монах с твердым спокойствием и тихой радостью сообщил Петроне, что Бог призывает его к Себе. «Как, возлюбленный пастырь мой, хочешь ты покинуть своего агнца? Боюсь, что снова впаду в прежние пороки и грехи, и конец моей жизни окажется не лучше ее начала», — возопил его духовный сын. «Ты хочешь пойти со мной к Богу?» — спросил его авва. «Конечно, отец, с удовольствием», — радостно ответил сановник. Через короткое время монах сообщил Петроне, что Господь внял его молитвам — и действительно, очень скоро Петрона заболел, и оба они *одновременно* оставили этот мир, чтобы уже никогда не расставаться в Царствии Небесном⁶⁹⁸.

В том же 863 г. в Константинополь прибыло посольство от Моравского князя *св. Ростислава* (846—870), просившего императора при-
слать к нему проповедников. Царь тотчас удовлетворил эту просьбу

и направил туда св. Кирилла и св. Мефодия, сумевших дать моравам твердые правила веры⁶⁹⁹. Это обращение носило знаковый характер. Дело заключается в том, что св. Ростислав в 846 г. стал князем Великой Моравии при поддержке императора Людовика Немецкого, который считал его своим вассалом и полагал, что тот будет представлять интересы Франкской державы в Центральной Европе. Однако у правителя моравов были свои планы — политика не знает дружбы, если на кону стоят интересы народа и государства. Пока Людовик выяснял отношения со своими братьями, св. Ростислав расширял собственное государство, заключив выгодные для себя договоры с болгарями и византийцами.

Это не могло не привести к охлаждению его отношений с сюзереном, следствием которого стало предоставление св. Ростиславом противникам Людовика Немецкого своих земель для убежища. А в 850 г., не желая ни в чем зависеть от германцев, св. Ростислав вообще выслал из своего государства баварских священников, миссионерствовавших среди моравов. Это вызвало ответную реакцию Людовика Немецкого, вторгшегося с войском в Моравию в 855 г., но потерпевшего сокрушительное поражение. Первоначально франки осадили столицу Великой Моравии Велеград, но взять мощную крепость не смогли. Шли месяцы и войско Людовика, терпевшее многие лишения, начало отступление, чем немедленно воспользовались моравы. Они организовали активное преследование франков и гнали тех до самого Дуная; потери германцев были весьма значительны.

Закрепляя свой успех, в 858 г. св. Ростислав заключил договор с сыном Людовика *Карломаном*, королем Баварии, который передал мораву земли современной Венгрии, тут же включенные в состав Великоморавского княжества. Понятно, что обращение святого князя с просьбой прислать миссионеров не в Рим или Ахен, а Константинополь свидетельствовало о том, *кого* св. Ростислав считает единственным легитимным императором и чья Церковь заслужила его доверие.

Чтобы противодействовать усилению Моравии, Людовик Немецкий заключил союз с Болгарским князем Борисом. Тот также с тревогой смотрел на усиление могучего соседа, вступившего с Византией в союзнические отношения. Поскольку же и Константинополь стремился к альянсу с моравами, болгарин автоматически выбрал для себя союз с франками, противостоявшими грекам. Для облегчения общения с Людовиком Немецким и демонстрации искренне своих намерений, Борис даже обещал принять Святое Крещение и привести к Христу весь свой народ⁷⁰⁰.

Впрочем, некоторые детали этого яркого события из жизни болгарского народа также носят неполный характер. Насколько известно, в те годы в болгарском плену находился некий монах Феодор Куфара, которого императрица пожелала выкупить. В ответ Борис предложил обмен монаха на свою сестру, уже давно проживавшую в Константинополе в качестве заложницы. Девушка получила прекрасное образование, пользовалась вниманием, каким удостаивались представители царских родов, и приняла Крещение. Обмен состоялся, и вскоре под влиянием сестры Борис также стал христианином, приняв после совершения Таинства Крещения имя *Михаил*. Окрыленные радостью, греки направили в Болгарию столичного архиерея для проповеди и миссионерства.

По другой версии событий, однажды Борис пожелал украсить дом, в котором имел обыкновение отдыхать после охоты (а он был страстным охотником), и для этого пригласил художника — греческого монаха по имени Мефодий (очевидно, будущего св. Мефодия, апостола славянства). Вместо того чтобы изображать диких зверей или цветы, св. Мефодий написал картину Страшного суда, потрясшую болгарина. Сразу после этого он и принял Таинство Крещения⁷⁰¹.

Наконец, по третьему варианту, события происходили следующим образом. Поскольку Болгария явно демонстрировала прогерманские настроения, Михаил III отдал приказ переместить войска к болгарской границе, а флоту — выйти в Черное море, чтобы блокировать торговлю. Эта демонстрация силы возымела свое действие: Борис направил в Константинополь посольство с просьбой о мире и пообещал принять христианство от византийцев, а не от франков, как предполагал ранее. В 865 г., в сентябре, Борис был крещен греческим епископом, специально направленным для этого из Константинополя⁷⁰².

В качестве услуги он попросил у Константинополя пустовавшие земли от Сидиры до Загара. И византийское правительство благосклонно удовлетворило просьбу своего единоверца, и между двумя государствами наступил мир. Среди болгар началась активная миссионерская деятельность святых Кирилла и Мефодия. Данное событие существенно изменило и характер отношений между великими державами. Позднее он будет прославлен Церковью как *святой благоверный князь Михаил*. Неожиданны пути Божественного Провидения...⁷⁰³

В любом случае Крещение хана вызвало среди его соотечественников бурное негодование. Дело дошло до того, что с небольшой группой своих верных товарищей св. Михаилу пришлось биться с мятежни-

ками, и победа досталась ему. После святой князь (а уже не хан) без большого труда привел всю Болгарию к Христу.

А в Халифате, надорвавшемся в вековой борьбе с Византией, продолжались «тронные бои». Коварный аль-Мутазз, ставший в 19 лет самым юным халифом за всю историю Арабского государства, немедленно приказал умертвить своего брата аль-Муайяда, которого сильно боялся, — как видно, новый правитель не был способен на что-то великое. На фоне его беспомощности турки без лишних слов резали берберов, причем в этой борьбе в 867 г. погиб один из наиболее талантливых арабских полководцев Васиф. Затем халиф приказал умертвить нескольких знатных турок, приведших его к власти, а вслед за этим рассорил между собой родственников уже скончавшегося к тому времени Мухаммада ибн Тахира — единственной реальной силы, способной объединить последние остатки арабской элиты. Как и можно ожидать, такая политика расторгла все сохранявшиеся отношения в обществе. Дошло до того, что провинции совершенно отказались присылать налоги в Багдад, чем полностью обесценили халифа в глазах гвардейцев-турок. Те не любили *шутить бесплатно*, а потому в июле 869 г. просто умертвили своего должника, когда аль-Мутазз не сумел вовремя расплатиться с ними. Его бросили в тюрьму и подвергли пыткам, от которых халиф и скончался⁷⁰⁴.

В это же время арабская армия, находясь в закате своей славы, еще раз попыталась счастья на границе с Византией. Однако она потерпела страшное поражение, а ее командующий Мухаммад ибн Муаз попал в плен грекам⁷⁰⁵. Так арабы, долго писавшие историю мира, начали сходиться с ее страниц...

Глава 4. Патриархи святой Игнатий, святой Фотий и Римский папа Николай I. «Двукратный» Собор 861 года

11 июля 847 г. скончался Константинопольский патриарх св. Мефодий, и царица, не желая отдавать выбор патриарха в руки клириков — видимо, из небезосновательного опасения новой фронды с их стороны, *назначила* столичным архиереем св. *Игнатия* (847—858 и 867—877). Это был сын императора Михаила I Рангаве Никита, в 14-летнем возрасте насильно постриженный в монашество после политического падения отца. Вскоре после его пострижения выяснилось,

что мальчик благочестив, прилежен и тверд в желании неуклонно следовать церковным традициям и канонам. Благодаря помощи, оказанной семейству Рангаве императором Львом V, св. Игнатий сумел построить на Принцевых островах три монастыря, настоятелем одного из которых и стал.

Строгий аскет, 33 года проведенный в келье, непривычный к светскому обществу и лишенный навыков общения с людьми, св. Игнатий не без труда находил себя в Константинополе в новом качестве. В силу личных пристрастий ему больше соответствовал идеал студийских монахов, чем широкая, нередко компромиссная позиция св. Мефодия. В византийском обществе св. Игнатия хвалили за примирение Студийского монастыря с Церковью, но упрекали, как порицателя св. Мефодия.

Характерен следующий эпизод. Прибыв в Константинополь, чтобы выслушать волю святой императрицы и покориться ей, св. Игнатий сразу же решил продемонстрировать свое *нерасположение* к сторонникам св. Мефодия. Хиротонисать его в патриархи должен был круг заранее назначенных архиереев, куда вошел и Сиракузский епископ Григорий, сын императора Льва V Армянина. Но когда св. Игнатий увидал его, то громким голосом приказал тому *удалиться* (!). Разгневанный Григорий бросил свечку, которую держал в руках, на землю и в ответ назвал св. Игнатия «волком, противозаконно вторгшимся в Церковь». Затем он, епископ Сардикийский Петр и епископ Евлампий Апамейский вышли из храма. Григорий немедленно обратился с апелляцией в Рим, а попутно высказал сомнения в каноничности поставления патриархом самого св. Игнатия.

Он рассчитал все правильно: до императора Льва III Сиракузы окармлились Апостольской кафедрой и папы не забыли нанесенной им обиды. Поэтому обращение в Рим стало хорошим поводом для того, чтобы вернуться к старому вопросу. Понтифик потребовал представить ему акты Собора, осудившего Григория Сиракузского, но Константинопольский патриарх, неоднократно позднее положительно высказывавшийся о прерогативах Римского епископа, на этот раз категорично отказал в требовании собрата. Он ответил, что Рим не вправе вмешиваться во внутренние дела Константинопольской церкви, — знаменательный момент, который нужно помнить при оценке последующих событий⁷⁰⁶.

Моментально создалась новая оппозиционная церковная партия сторонников покойного Константинопольского патриарха, с которой св. Игнатию уже вскоре пришлось считаться всерьез. Правда, усили-

ями правительства открытого разрыва отношений не произошло, но всем было ясно, что рано или поздно св. Игнатий будет вынужден столкнуться с противниками более решительно⁷⁰⁷.

Ригоризм нового столичного архиеерея привел также к тому, что вскоре новый патриарх вошел в жесткое противостояние с самыми могущественными людьми Римского государства. В первую очередь с Вардой. Уже немолодой человек, Варда презрел все писаные и неписаные приличия, выгнал из дома свою жену и сошелся с невесткой — женой своего покойного старшего сына. Безусловно, эта связь не была *открытой* — такого себе никто не мог позволить в Римской империи, но все константинопольцы, конечно, знали о тайной и порочной страсти первого помощника императора. Как-то раз Варда направился на воскресную Литургию в храм Святой Софии, но патриарх приказал не пускать его в святилище. А в январе 858 г. св. Игнатий вообще отлучил Варду от Церкви, потребовав восстановить семейную связь с отвергнутой женой и прекратить отношения с невесткой.

Этого Варда стерпеть уже не смог. Представим себе: второй человек в Римском государстве подвергся публичному оскорблению! Тем более что при всех сплетнях его греховная связь не была никем доказана. И, конечно, далеко не все методы *личного пастырского убеждения* по отношению к Варде были использованы св. Игнатием до того момента, когда он отлучил первого министра Империи. В ответ по приказу Варды патриарх был арестован и заключен в темницу, где его подвергли телесным наказаниям. Патриарх непременно бы умер, поскольку мороз и голод вызвали в нем кровавый понос, но Константин Армянин, бывший подручный св. Феодоры, при посещении тайно оставлял ему немного вина и еды, когда рядом не было никого из стражей.

Решив через какое-то время, что св. Игнатий наказан достаточно, и удивившись выносливости патриарха, Варда приказал отправить бывшего столичного архиеерея в ссылку. Чтобы придать видимость законности своим действиям, сановник обвинил патриарха перед императором в организации заговора с целью передачи царской власти другому лицу. В свою очередь св. Игнатий обратился за помощью в Рим, даже не задумываясь над тем, что меняет свой сан на независимость Константинопольской церкви⁷⁰⁸. Однако его обращения в адрес пап *Льва IV* (847—855) и *Бенедикта III* (855—858) остались без ответа — слабосильные понтифики не имели никакой возможности повлиять на императора Михаила III.

Святитель Игнатий был свергнут (по факту), но оставалась еще проблема *канонического* низложения патриарха с Константинополь-

ского престола. Сам св. Игнатий ни за что не собирался отказываться от сана, и его начали переводить из монастыря в монастырь, меняя условия содержания, дабы вынудить «добровольно» отречься от власти. Тем временем Варда вызывал к себе всех епископов, находившихся в столице, и с глазу на глаз вел с каждым из них разговоры о том, что, низложив св. Игнатия, он надеется *именно этому архиерею* передать патриаршую власть в столице.

Надо полагать, моральный облик многих архипастырей был далек от совершенства, поскольку почти все они дали согласие, даже не подозревая, что играют роль пешек в задуманной Вардой игре. Сановник подсказал императору созвать Собор в столице, чтобы избрать нового архиерея, а «по секрету» посоветовал каждому из епископов, кому обещал патриаршество, чтобы они ни в коем случае не соглашались *сразу* на это предложение. Таким образом, уверял их хитрый армянин, они продемонстрируют свое благочестие и скромность и с большим почтом будут избраны на столичную кафедру.

Так и случилось: каждый опрошенный епископ чуть не под смех остальных участников Собора отказывался от патриаршества, и в конце концов никого из кандидатов не осталось. И тогда в дело вступил сам Варда, заявив, что в отсутствие других претендентов есть только один выход: пригласить на патриарший престол протосакрита св. *Фотия* (858—867 и 877—887) — мужа, известного своей ученостью, добродетельного, 30 лет от роду. Хотя св. Фотий был мирянином и VII Вселенский Собор достаточно определенно возражал против таких назначений, только пять епископов из числа присутствующих архиереев высказались против предложенной кандидатуры. Очевидно, они боялись обнародования Вардой их «тайных» разговоров. Впрочем, сановника можно было опасаться и по другим поводам: повторять путь св. Игнатия никому не хотелось. Срочно, всего за четыре дня, св. Фотий прошел все степени посвящения, и в декабре 858 г. стал новым Константинопольским патриархом⁷⁰⁹.

С первого взгляда всем стало ясно, что св. Фотий и его приверженцы руководствуются совсем иными соображениями, чем св. Игнатий. Не идти против течения, а *управлять течением* во имя благоденствия Церкви и Римского государства было стремление молодого Константинопольского патриарха. Чрезвычайно щепетильный в вопросах веры и нравственности, он не дал согласие на патриаршество до тех пор, пока епископ Митрофан Смирнский не поклялся, что св. Игнатий *разрешил* избрать вместо себя на патриарший престол другое лицо, — св. Фотий был человеком иного склада.

Еще будучи светским лицом, он принимал участие в пирушках царя, но вел себя сдержанно, хотя как-то раз продемонстрировал, что может выпить много вина. Конечно, он не стал отлучать от Церкви и Таинства Причастия всесильного Варду, а провел с ним много увещательных бесед. Своему предшественнику, томящемуся в ссылке, св. Фотий отправил послание, в котором обещал почитать того как отца. Его образ был до того светел и привлекателен, что даже противникам претил не он сам, а то обстоятельство, что св. Фотий становился «Вселенским» патриархом при живом св. Игнатии⁷¹⁰. После интронизации св. Фотий начал управлять Восточной церковью, строго соблюдая обязанности архипастыря, но в то же время умудряясь не испортить отношения с «властями предрежащими». Михаил III не мог нарадоваться на патриарха, Варда вел с ним частые беседы о нуждах государства, а сам св. Фотий не уставал ходатайствовать за св. Игнатия и его сторонников, хотя прекрасно знал, что это может обернуться ему во зло.

Однако радость константинопольцев по поводу умиротворения Церкви оказалась недолгой. Вскоре под влиянием своих сторонников («игнатиан»), и в первую очередь, епископа Смирнского Митрофана, св. Игнатий из далекой ссылки уведомил всех, что не считает каноничным поставление св. Фотия в патриархи, поскольку сам еще не сложил с себя сан. Справедливости ради отметим, что св. Игнатий действительно имел много достоинств как пастырь и многие сожалели о его низвержении. Если бы экс-патриарх *теперь* оставил кафедру, все бы утихло само собой — св. Фотий имел не меньше достоинств, которые с каждым днем умножали число его поклонников. Но св. Игнатий, что называется, поднес спичку к пороховой бочке, после чего события приняли уже самостоятельный оборот и заметно ужесточили отношения сторон.

В январе 859 г. игнатиане без разрешения властей организовали Собор в храме св. Ирины и предали анафеме св. Фотия. Там же было оглашено послание св. Игнатия, который заявлял, что пока он находится в изгнании, никто в Церкви *не вправе совершать священнодействия* (!). Конечно, это было сверхординарное, непродуманное и глубоко ошибочное решение, которое не могло не вызвать обратной реакции⁷¹¹. В ответ Константинопольский патриарх продемонстрировал, что *и он* может быть жестким. Святой Фотий созвал Собор в храме Святых Апостолов и предал анафеме самого св. Игнатия.

Тогда поклонники св. Игнатия, к которым относились и студиты, обратились с посланием в Рим, требуя «спасения». Монахи неспроста подозрительно смотрели в сторону св. Фотия. Он действительно не

очень благосклонно относился к современному ему монашеству, прекрасно зная все негативные практики, присутствующие в обителях, и думая о том, как их следует искоренять.

Естественно, он даже на минуту не задумался над тем, чтобы просить у Римского епископа подтверждения каноничности своего поставления. Соблюдая древнюю традицию, патриарх лишь направил письмо Римскому папе *Николаю I* (858—867), в котором уведомил того о своем избрании, изложил вероисповедание и отметил, что, с глубоким почтением относясь к достоинствам Апостольской кафедры, надеется на добрую помощь понтифика в деле умиротворения Восточной церкви.

«Лучшее общение, — писал св. Фотий Римскому епископу, — есть *общение веры*, она есть важнейшая основа истинной любви. Поэтому я и излагаю вкратце свое исповедание веры, и вы тем с большей теплотой и готовностью удостоите своих молитв, чем больше — наша склонность к вам». Затем в конце письма Константинопольский патриарх вновь просил святых молитв у апостолика, замечая, что не желает ничего другого, как просто *нормального церковного общения* с ним, как равный по статусу епископ. И все — никаких призывов о помощи, никакого намека на верховный авторитет Римского епископа; письмо наполнено духом любви, собственного достоинства и понимания статуса Константинопольской церкви⁷¹².

Попутно св. Фотий начал активно замещать своими сторонниками некоторые епископские кафедры, если их главы отказывались подчиняться его патриаршей власти. Надо отдать ему должное — «Вселенский патриарх» действовал чрезвычайно аккуратно и разумно. Митрополита Никомидийского Иоанна он сменил своим хартофилаксом Георгием. Епископ Григорий, сын императора Льва V, получил обратно свою кафедру, отнятую св. Игнатием. Его товарищ по учебе Захарий был поставлен на Халкидонскую кафедру. Не обошел он вниманием и *игнатриан*, если те держали себя в рамках приличия. Ученик св. Игнатия, тоже Игнатий, был поставлен архимандритом монастыря, а затем возведен на архиепископскую кафедру в Иераполе, что во Фригии. Особые проблемы Константинопольскому патриарху создавали лишь монахи, в массе своей сочувствующие св. Игнатию. Но мало-помалу и их он привлек себе снисходительностью и личным благочестием⁷¹³.

За этими делами его застало известие о получении императором послания от папы Николая I — до того дошла апелляция игнатриан. Надо сказать, что в лице нового Римского епископа св. Фотий встре-

тил яростного поклонника идеи папского превосходства в Кафолической Церкви, цельную и сильную личность⁷¹⁴.

После его кончины в 867 г. современники писали о покойном понтифике: «Ни один епископ в Риме после блаженного Григория не был, кажется, равен ему. Он повелевал королями и тиранами и, словно владыка всего мира, превосходил их своей властью; с благочестивыми епископами и священниками он был ласков, приветлив, мягок и благочестив; со сбившимися же с истинного пути он был грозен и строг, так что, казалось, восстал второй Илья, пусть не по плоти, но по духу и добродетели»⁷¹⁵.

В свое время его рекомендовал к избранию император Людовик II Немецкий, и их отношения с папой отличались первое время теплотой и доверием. Затем понтифик недвусмысленно начал указывать королю, что Римский епископ предназначен Богом для верховного блюстительства в Кафолической Церкви. И хотя Каролинг имеет императорскую корону, но она освящена властью папы. Вскоре его тон с королем сменился на повелительный. О нем писали: «В девятилетнее свое правление он вознес власть первосвященническую гораздо выше, нежели она была когда-нибудь, особенно в отношении императоров, королей, князей, патриархов и епископов, обращаясь с ними в тех случаях, когда полагал, что они нарушают преимущества его престола, гораздо круче, нежели кто-либо из его предшественников»⁷¹⁶.

Человек железной воли, прямой, как рыцарское копьё, ригорист, никогда не изменявший своим убеждениям, Николай I был абсолютно уверен в том, что папа является представителем Бога на земле и потому обладает абсолютной властью. Все и вся, включая, разумеется, патриархов, архиепископов, епископов, рядовых клириков, обязаны были проявлять лояльность Римской кафедре. Император и короли могли сохранять свои prerogatives, но лишь в том случае, если выступали в качестве защитников Церкви и помощников апостолика. Когда архиепископ Равенны попытался высказаться в обратном смысле, Николай тут же сместил того с кафедры и анафематствовал⁷¹⁷.

Ни один самый ничтожный прецедент нарушения правил благочестия не оставался незамеченным папой. А если возникали публичные скандалы, в которые оказывались замешанными сильные мира сего и епископат, понтифик тем более считал делом чести вмешаться и восстановить справедливость. Так, в частности, Николай I без страха вступился за честь жены Лотарингского короля *Лотаря II* (855–869), сына Итальянского короля *Лотаря I* (817–855), Теутберги Бургундской, брошенной супругом ради женитьбы на любовнице Вальдраде.

Разрыв отношений образовался еще в 857 г., но лишь в 864 г., после трех Соборов в Ахене в 860 и 862 гг., король, используя поддельные свидетельства и доказательства о кровосмесительных связях королевы и ее прелюбодеяниях, получил искомый приговор суда: «Мы признаем Теутбергу недостойной и незаконной супругой, не одобренной Богом; поэтому, мы ради преданнейшего усердия нашего славного короля в почитании Бога и его победоноснейшей защиты королевства, не только отказываем ему в законном браке, но и прямо запрещаем жить в браке с кровосмесительницей». Иными словами, все выглядело так, будто не король бросил супругу, а судьи-епископы запретили ему состоять в браке с Теутбергой вследствие ее бесчестного прошлого и настоящего.

Однако, когда к нему обратилась обманутая королева, папа встал горой за святость брака и честь женщины, аннулировал решения Соборов, утвердивших развод, и сместил архиепископов городов Кельна и Трира за потакание аморальному поведению Лотаря II. Натиск Римского папы был столь силен, что в конце концов король сдался и принял жену обратно. Папский легат, епископ Арсений, прибывший в Галлию ко двору Лотаря II, поставил того перед печальной дилеммой: или принять жену обратно, или быть преданным анафеме, как епископы, способствовавшие этому преступному судилищу. Пришлось покориться, королева вернулась в свои покои, а наложница Вальдрада была отправлена в Рим для объяснений в содеянном.

Но недолго Лотарь терпел рядом нелюбимую жену. Едва папский легат вернулся в Рим, как Лотарь II тут же начал новое судилище против королевы, обвинив Теутбергу в супружеской измене — отсутствие новизны в обвинениях было вызвано тем простым обстоятельством, что иных оснований для развода в то время не существовало. Опасаясь супруга, королева бежала к *Карлу II Лысому*, королю Западно-Франкского королевства с 843 г. и императору Западной империи с 875 г. В ответ папа тут же предал анафеме Вальдраду и направил Лотарию II письмо с характерным содержанием.

Выговорив королю по поводу его преступной связи с падшей женщиной и нарушения слова, понтифик, тем не менее, не решился отлучить того от Церкви. «Достаточно и того, — написал он ему напоследок, — что мы теперь тебе это написали, осудив между нами в суровых словах твое распутство. Впрочем, смотри, чтобы мы, согласно велению Господа, не призвали себе на помощь двух или трех свидетелей, вернее, чтобы мы не сказали это Святой Церкви и чтобы ты тогда не уподобился язычнику и мытарю, чего мы вовсе не желаем». Все-таки папа

был еще очень зависим от франков, а потому не решился перешагнуть те черты, которую с легкостью впоследствии станут преодолевать его преемники. Но сам по себе факт участия Римского епископа в этой истории, его принципиальность и твердость не могли не импонировать современникам⁷¹⁸.

Впрочем, эта история имела продолжение. В 870 г., уже после смерти папы Николая I, Лотарь II прибыл в Рим, дабы предстать перед новым понтификом *Адрианом II* (867—872). Во время аудиенции он и члены его свиты по требованию папы дали клятву на Святых Дарах, что вина в нарушении данного Николаю I слова лежит не на нем, а на супруге. Увы, клятвопреступление не осталось безнаказанным: все они погибли от чумы буквально сразу после оставления Рима. Естественно, эта история не осталась незамеченной в Европе⁷¹⁹.

Интересно, что в ходе противостояния папы королю Метцкий епископ Адвентиций занял сторону своего государя. Папа Николай I горячо урезонил собрата и обосновал всю ложность, со своей точки зрения, подобной позиции. «Вы утверждаете, — писал он архиерею, — что подчиняетесь королям и князьям потому, что апостол говорит: “Царю ли, как верховной власти” (1 Петр. 2, 13—14). В добрый час. Исследуйте, однако: те короли и князья, которым, по Вашим словам, Вы повинуетесь, истинно ли суть короли и князья. Рассмотрите, хорошо ли они управляют, прежде всего самими собой, а затем и подвластным им народом. Ибо как может быть другому полезен тот, который вредит самому себе? Рассмотрите, достойно ли они ведут себя, как государи; потому что в противном случае нам следует смотреть на них, скорее, как на тиранов, чем как на государей, и мы должны, скорее, противиться им и восставать против них, чем им подчиняться. Иначе, если мы подчиняемся подобного рода людям, а не возвышаемся сами над ними, мы неизбежно поощряем их в пороках. Будьте же покорны королю, как верховной власти, то есть в его добродетелях, вовсе не в его проступках; для Бога, как говорит апостол, а не против Бога»⁷²⁰.

В другом случае папа вступил в спор с митрополитами в защиту интересов рядовых епископов. Хинкмар, архиепископ Реймса, был самым могущественным прелатом Франции и выразителем независимого духа Галльской церкви. Он трижды вступал в спор с папой по делу Ротгада, епископа Суассона, которого сместил своим решением без достаточных оснований и даже заключил в 862 г. в темницу с помощью короля Карла II Лысого. Ссылаясь на 3-е, 4-е и 5-е правила Сардикского (Сердикского) собора, понтифик потребовал низложенного епи-

скопа на апелляционный суд в Рим и привлек на свою сторону массу рядовых архиереев, видевших в нем своего спасителя.

Хинкмар доказывал, что дело неподсудно папе, поскольку подсудимый не принес понтифику никакой апелляции. На это Николай I, презрев *истинные* тексты Сардикского собора, писал архиепископу: «Вы хотите доказать в своем письме, что Ротгад совершенно не мог принести апелляции, поскольку не имел никакой уважительной причины, как предполагает Сардикский собор? Но он сам считает свое дело важным, а этого достаточно для апелляции. Впрочем, — добавляет неожиданно папа, — хотя бы он и не апеллировал, дело его, согласно постановлению Сардикского собора, должно быть перенесено в Рим». Хинкмар попытался скромно отметить, что Сардикские каноны вовсе не предусматривают возможности восстановления папой в сане осужденного епископа, а лишь говорят *о новом рассмотрении дела* — и был совершенно прав. Но апостолик бесцеремонно заявил, что помимо Сардикского собора существуют еще и определения пап Льва I Великого и Григория I Великого, якобы должны стать основой для сборника канонических актов Кафолической Церкви⁷²¹.

Карл и Хинкмар попытались сорвать процесс, но у них ничего не получилось. В результате папа добился своего: Ротгад приехал в Рим, где торжественно был восстановлен в сане и возвращен в 864 г. во Францию. Король и архиепископ роптали, но ничего не смогли поделать. Симптоматично, что для обеспечения своей канонической позиции папа Николай I активно и успешно ссылался также на Лжеисидоровы декреталии, в подлинность которых свято верил⁷²². Таков был понтифик, с которым пришлось столкнуться св. Фотию.

Но возвратимся к письму папы. Точнее сказать, в Константинополь одновременно пришло не одно, а *два* послания: одно императору Михаилу III, а второе — лично св. Фотию. Письмо к императору начинается с главного — разъяснения *примата* Римского епископа в Кафолической Церкви, которого, как следует напомнить Восточной церкви, должно считать судьей Вселенной в целом и судьей в деле св. Игнатия в частности. Апостолик привел старые аргументы в пользу главенства Римской кафедры, по обыкновению ссылаясь на первенство святого апостола Петра среди остальных апостолов, — возможное напоминание «забывчивому» царю об источниках папской власти. Затем Николай I немного сменил тон на доброжелательный и похвалил василевса за то, что тот якобы обратился в Рим за помощью в этом запутанном деле. На самом деле, конечно, никто в Константинополе, кроме «игнатиян», и не думал так поступать, но это папу не смутило.

А после этого Николай I напрямую заявил, что возведение св. Фотия в патриархи — *незаконно*, поскольку произошло без соизволения Римского престола. «Не раз Святыми Отцами положено было узаконение, которое и ими самими соблюдалось, чтобы без согласия Римского престола, Римского первосвященника не происходило осуждения никакого из нарушающих законы церковные. А у вас в Константинополе собравшийся Собор, не обращая внимания на это, не побоялся наложить руку на узаконение, ибо этот Собор, без согласия Римского первосвященника лишил патриарха Игнатия подобающей ему чести. Также незаконно, — продолжает апостолик, — что управляющий толпой, одевающийся в мирские одежды, избирается в пастыри. О, несказанная дерзость!» Далее в письме приводятся аргументы, должны усилить эффект от раздражения папы по поводу св. Фотия, и мнения прежде живших Римских епископов по фактам посвящения мирян в патриарший чин.

При всем ригоризме понтифик, тем не менее, хитроумно оставил в резерве «мирный» вариант развития событий. Судя по его первым словам, посвящение св. Фотия ни при каких обстоятельствах не может быть признано каноничным. Но в том же в письме к императору апостолик уведомляет, что направил в Константинополь двоих легатов, дабы те на месте разобрались во всех обстоятельствах дела и довели их до его сведения. Тогда, говорит папа, он и вынесет *окончательное* суждение⁷²³. Почему в конструкции письма папы появилось такое противоречие, мы сейчас поймем из обзора второго послания, адресованного св. Фотию.

В этом очень коротком письме понтифик приводит каноны Сардикского собора 343 г. и определения пап Целестина I, Льва I, Геласия I и Адриана I, запретивших поставление епископов из мирян в обход промежуточных степеней посвящения. Он всячески избегает называть св. Фотия патриархом, обращаясь к нему с неопределенным термином «*vestra prudentia*» («ваше благоразумие»). Затем апостолик потребовал возврата Римской кафедре тех епархий на Балканах, которые императором Львом III Исавром были переданы Константинопольскому патриарху, а также владений в Калабрии и на Сицилии.

Теперь-то в совокупности с первым письмом к императору всем стало ясно, что папа предлагает банальную *сделку*. Он готов признать св. Фотия Константинопольским патриархом *в обмен* на церковное окормление Римом Дакии, Иллирии, Эпира, Македонии, Фессалии, Ахайи, Мизии, Дардании. И, конечно, при условии признания его главенства в Кафолической Церкви. «Мы не можем, — заканчивает пись-

мо папа Николай I, — согласиться с вашим посвящением, пока через наших послов не узнаем о вашем деле и церковном положении, и о том, с каким старанием заботитесь вы о защите Кафолической Церкви. И если найдем все достойным, будем почитать вас, как предстоятеля Константинопольской церкви, и обнимем вас братской любовью»⁷²⁴. Получается, что свидетельством «защиты Кафолической Церкви» является не верность православным догматам и канонам, а территориальные уступки Римскому епископу — неожиданный шаг!

Конечно, это был худший из видов шантажа: если папа полагал избрание св. Фотия незаконным и *в принципе* неканоничным, то о чем тогда нужно было еще думать? Вне всяких сомнений, весь демарш был затеян апостоликом для упрочения своего положения, как предстоятеля Римской кафедры, и получения спорных епархий. Никакое каноническое право здесь было совсем ни при чем, скорее, поводом для обоснования обвинения в случае отказа Риму со стороны императора и патриарха. Было очевидно также, что принятие условий Николая I не только перечеркивало каноны II, IV и Трулльского Вселенских Соборов о Константинопольском патриархе, но и обязывало Византию *кардинально изменить* сложившуюся за века практику организации церковного управления.

В ответ на это довольно дерзкое письмо св. Фотий спокойно ответил Николаю I, что в канонических сборниках Константинопольской церкви нет тех правил, на которые ссылается папа. Вообще, отмечал патриарх, на Востоке уже давно сложилась *собственная* практика, не допускающая ни целибат священства, практикуемый на Западе, ни поста в субботу, ни бритье бород. А что касается епископов из мирян, то св. Фотий без труда привел примеры св. Григория Назианзина, св. Тарасия и св. Никифора. Определять же, завершает он свое письмо, административное деление Церкви — прерогатива императора, и без его воли ничто произойти не может⁷²⁵. В ответ папа направил в 860 г. в Константинополь двух своих легатов, как будто вопрос о подсудности ему «дела» св. Фотия уже был предрешен.

Для разрешения возникших недоразумений и подтверждения каноничности поставления св. Фотия в 861 г. был инициирован и созван приказом царя Михаила III Константинопольский Собор, прозванный в истории «Двукратным». Такое название он получил оттого, что современники считали его продолжением Собора 858 г., на котором анафематствовали св. Игнатия. К сожалению, ввиду последующих событий, акты этого Собора не сохранились, и его деяния были позднее восстановлены (насколько это возможно) по косвенным источникам.

Основная цель Собора заключалась в упрочении положения Константинопольского престола и лично св. Фотия в «пику» римским притязаниям. К чести императора Михаила III, он оказал большую помощь патриарху. Еще большее участие выказал Варда, по-прежнему находившийся со св. Фотием в дружеских отношениях и преклонявшийся перед его умом, тактичностью и образованностью. Со всех сторон Византийской империи съехались епископы — всего числом до 318. Римского папу Николая I представляли два его легата, находившихся в Константинополе еще в качестве послов: епископы Родоальд Портский и Захария Ананьиский. Кроме архиереев, на заседаниях Собора присутствовал сам император Михаил III, Варда и множество савновников.

В мае 861 г. состоялось открытие Собора. В присутствии царя были произнесены первые речи в адрес св. Игнатия. Его обвинили в неканоничности поставления на патриарший престол и создании смуты в Церкви. К экс-патриарху был отправлен в соответствии с правилами препозит Ваанис и с ним несколько чиновников рангом пониже — звать того на церковный суд. Святой Игнатий, однако, приглашение отклонил, сославшись на то, что его может судить только *Римский папа* (!). Вторично направили посольство, и тогда подсудимый решил принять приглашение. Прежде чем отправиться на Собор, он поинтересовался, в каком облачении ему следует явиться — в епископском одеянии или в монашеском платье? Этот вопрос поставил посыльных в тупик, и они вернулись в зал заседаний за разъяснениями. Стало ясно, что в этот день суд не успеет состояться.

На следующий день посланники в третий раз направились за св. Игнатием, заметив тому, что он может явиться в одеянии, какое сочтет для себя возможным. Тогда св. Игнатий надел на себя патриаршее облачение и во главе большой толпы своих сторонников направился в храм, где заседал Собор. Велико же было его разочарование, когда по дороге его встретил патрикий Иоанн Кокс и от имени императора потребовал сменить одежду на монашеское платье. Пришлось возвращаться обратно и менять гардероб. Отказываться в таких условиях от явки на Собор уже было нельзя — следовало либо сразу *изначально* признавать себя неподсудным этому собранию и игнорировать его, либо подчиниться воле василевса.

Наконец св. Игнатий прибыл на Собор в простом монашеском одеянии и уже без свиты — иноку свита не положена. Лишь только подсудимый вошел, как император сделал ему несколько грубых замечаний, на что св. Игнатий довольно смело ответил, что сносить оскорбления

легче, чем мучения, которым его подверг государь. Затем св. Игнатий обратился с вопросом к легатам, пытаясь узнать, в каком качестве они здесь пребывают. Те ответили, что прибыли для исследования его дела. Тогда, кивнув в сторону св. Фотия, св. Игнатий сказал: «В таком случае прежде уберите этого прелюбодея, а то и вас нельзя считать судьями». Он недвусмысленно намекнул, что не считает каноничным поставление св. Фотия патриархом, поскольку Константинопольская кафедра, по его мнению, не была вакантной. «На это пусть будет воля императора», — вполне обоснованно ответили ему легаты. Собственно говоря, так за пустыми перепалками прошел еще один день⁷²⁶.

Поскольку ничего не было выяснено, на следующее утро епископы приняли решение вновь пригласить св. Игнатия. Первоначально тот вздумал отказаться от приглашения, ответив соборным посланникам, что в соответствии с 4-м правилом Сардикского собора желает апеллировать к Римскому папе. Подумав, он добавил, что не верит легатам, поскольку те ненадлежащим образом исполняют свой долг судей. Посланники настаивали, св. Игнатий возражал. Все же, поворчав, что к нему надлежало направить приглашение на Собор через двух епископов, а не мелких клириков, он вместе с ними отправился на заседание.

Здесь св. Игнатия ждали неприятности: едва вступив в зал, он услышал обвинения в свой адрес в незаконности посвящения в патриархи. Обвинение основывалось на том факте, что св. Игнатий был поставлен патриархом по единоличной воле св. Феодоры *без участия епископов*, которые лишь хиротонисали его, но не избирали. Были вызваны свидетели — 72 человека, клятвенно подтвердившие правоту возводимого обвинения. Действительно, этот факт не подлежал сомнению, и св. Игнатий был осужден и лишен патриаршего достоинства. По рассказам его сторонников, с него сорвали платье и надели обычную дерюжку. Пока шла эта неприятная процедура, все епископы, включая римских легатов, кричали: «Недостойн!» Затем Собор утвердил 17 канонических правил, на чем и закончил свою работу⁷²⁷.

С чувством выполненного долга легаты вернулись в Рим, но их ждал неприятный сюрприз. Папа был настолько разочарован результатом «Двукратного» Собора и действиями своих представителей, что даже попытался оклеветать св. Фотия. Он заявил, будто тот *подкупил* его послов, а Византийское правительство сделало свободное изложение ими своих мыслей невозможным⁷²⁸. В конце концов он низверг обоих легатов из сана «за измену» Римскому престолу, а Собор назвал Разбойным, что едва ли соответствует истине. В это время к нему по-

ступило обращение «игнатиан», апеллировавших на решения «Двукратного» собора.

Откровенно говоря, в истории найдется немного писем, где в угоду личным соображениям столь откровенно разменивалась независимость Константинопольской церкви от Рима. «Игнатиане» писали Николаю I буквально следующее: «Игнатий, тиранически преследуемый, испытавший много зол, и его товарищи по страданию, нашему господину, святейшему и блаженнейшему епископу, *патриарху всех кафедр*, наследнику князя-апостола, Вселенскому папе Николаю, со всей его высокомудрою церковью Римской, спасение о Господе. Вспомни о великих патриархах, твоих предшественниках: Фабиане, Юлии, Иннокентии, Льве, короче, обо всех, кто боролся за истину против неправды, поревнуй им и явись мстителем за нас»⁷²⁹. К чести восточных епископов, только 10 митрополитов и 15 епископов подписались под этой апелляцией — ничтожная пропорция от числа всех греческих архиереев. Достаточно напомнить, что на «Двукратном» Соборе собралось 318 архипастырей.

Не утвердив решения своих легатов, подписавшихся под соборными актами, папа в марте 862 г. направил послание «всем верным», в котором во всеуслышание объявил, что не принял суд над св. Игнатием и не признает св. Фотия Константинопольским патриархом. Его, по мнению понтифика, следует вообще исключить из церковного общения во всех приходах, поскольку он является «преступнейшим захватчиком».

В письме к самому св. Фотию Римский епископ вновь напоминает о необходимости испрашивать «порядок во всех делах и церковных установлениях» у Римского престола, как главы Кафолической Церкви. Примеры св. Тарасия и св. Никифора, добавляет папа, мало подходят под случай с самим св. Фотием — непонятный тезис, который понтифик не счел нужным обосновывать. И, что удивительно, апостол вновь дает понять патриарху, что вопрос *в принципе* может быть решен положительно, если св. Фотий заручится поддержкой Римского епископа и признает его власть над Константинопольской Церковью.

Разумеется, св. Фотий был не настолько слаб в понимании интересов Восточной церкви, чтобы менять «право первородства на чечевичную похлебку». Он обстоятельно и очень аргументированно ответил на упрёки папы в неканоничности своего поставления. Отметив, что римская практика не является универсальной, а Восточная церковь живет по своим правилам, освященным веками и Святыми Отцами, патриарх переходит в наступление. Патриарх напрямую указывает те

правила, бытующие на Западе, которые осуждены на Востоке. Сюда относятся, в частности, субботний пост, опресноки, бритье священниками бород, celibat и, наконец, *Filioque*⁷³⁰.

Папа был в буквальном смысле слова *взбешен* ответом патриарха. Мало того что ему отказали в просимых епархиях, не признали примата Римской кафедры, так еще и указали на недопустимые, с точки зрения св. Фотия, правила церковной дисциплины и обряда! Письмом от 18 мая 862 г. понтифик вновь напомнил Константинопольскому архиерею о главенстве Римского престола. «Все, что утверждается авторитетом Римских первосвященников, все это должно твердо и нерушимо содержаться, и никакое самоволие не должно иметь места!» «Ты говоришь, — продолжает папа Николай I, — ни Собора Сардикского, ни декреталий святых первосвященников вы не имеете и не принимаете? Этому мы не верим. В особенности нужно это сказать о Соборе Сардикском, который происходил в ваших странах, и который приняла вся церковь Константинопольская».

Это было очевидной ложью, поскольку, как писалось ранее, изначально акты этого Собора, претендовавшего на статус «Вселенского», не были рецепированы Восточной церковью.

Но продолжим изложение письма. «Почему вы не имеете и не сохраняете декреталий, которые изданы первосвященниками первой кафедры? — вопрошает св. Фотия папа. — То есть Римской церковью, авторитетом и санкцией которой утверждаются все Соборы, и даже Вселенские, получая от него свою твердость? Если в самом деле не имеете у себя подобных декреталий, то это свидетельствует о вашем нерадении и беспечности. Если же имеете и, однако же, не соблюдаете их, то вы заслуживаете порицания и поношения за дерзость!» В заключение папа оглашает свой приговор: св. Игнатия следует восстановить в патриаршем сане, а св. Фотия — низвергнуть⁷³¹.

Аналогичное письмо ушло и в адрес императора Михаила III — папу совсем не смутило то обстоятельство, что почему-то вдруг св. Фотия, уже 5 лет прожившего патриархом Константинополя, нужно низвергать, а св. Игнатия, в течение этого же времени уже не признаваемого архиереем, следует восстанавливать в правах. И только потому, что так решил понтифик. Конечно, это был апофеоз «папизма», и император вместе со св. Фотием просто проигнорировали послания Римского епископа.

Примечательно, что в ходе заочной дискуссии папа Николай I вновь вспомнил старый аргумент против Константинополя — отсутствие у кафедры *апостольского происхождения*. В своем письме император

ру Михаилу III он прямо указывал, будто только Рим, Александрия и Антиохия могут похвастаться тем, что их кафедры были основаны апостолами Петром и Павлом, а Константинополь *незаконно* присвоил себе «главных святых остальных Церквей».

В другом письме — Борису (св. Михаилу), царю Болгарскому, Николай пишет еще резче и откровеннее: «Только те, кто владеет апостольскими престолами при (непрерывном) наследовании первосвященства, должны рассматриваться в качестве истинных патриархов... Таковы престолы Рима, Александрии и Антиохии... Епископы Константинополя и Иерусалима, хотя они и зовутся патриархами, не столь значительны, как те, которые упомянуты выше. Что касается престола Константинопольского, то он никогда не был основан апостолом, и это не было упомянуто Собором в Никее. Этот епископ был назван патриархом, потому что Константинополь был назван новым Римом, более по чести государственных правителей, нежели по какой-то другой причине»⁷³². Но и эта горячая «проповедь» не принесла понтифику успеха.

Тогда на Римском соборе 863 г. папа Николай объявил св. Фотию чуждым священнического достоинства, а равно вместе с ним *всех*, кого патриарх поставил на кафедры или рукополагал в священство (!). Святому Фотию предлагалось добровольно оставить патриаршую кафедру — в противном случае он вообще считался отлученным от Церкви. В свою очередь св. Игнатий признавался законным Константинопольским патриархом.

Надо сказать, что Константинополь мало обратил внимания на этот приговор. Но вскоре переписка возобновилась вследствие просьбы Болгарского царя св. Михаила к папе Николаю I направить к нему римских миссионеров. По-видимому, царь опасался, что его зависимость от Константинопольской церкви может негативно сказаться на политических взаимоотношениях между его народом и греками⁷³³.

Ведь с точки зрения византийской политической философии, приняв христианство из рук Михаила III, св. Михаил тем самым подтвердил свою зависимость от Римского царя. Иначе и быть не могло, поскольку только император являлся верховным главой всего христианского сообщества. Но отсюда со всей очевидностью выходило, что Болгария занимает *подчиненное* положение в Римской империи, а это уже приводило к серьезным внутренним конфликтам между болгарами и византийцами. Рим казался дальше, чем приграничный Константинополь, а потому безопасней. В итоге, чтобы сохранить свою независимость, в том числе и от греческого клира, лояльного Римско-

му царю, св. Михаилу показалось необходимым создать собственную церковную организацию во главе с Болгарским патриархом. Но это предложение не приняли в Константинополе — византийцев нередко губило высокомерие, зато со знанием дела изучили в Риме, где без труда поняли образ мыслей Болгарского царя⁷³⁴.

Конечно, папа Николай I с радостью согласился принять Болгарию в число епархий Римской кафедры. Отправив в Болгарию своих посланников, апостолик попутно передал для императора Михаила III письма, в которых пытался объяснить «повреждения» веры у греков, что вызвало новые полемические послания со стороны св. Фотия. Патриарха глубоко возмутило, что Николай I позволил себе претендовать на присоединение к Римской юрисдикции такого могущественного царства, как Болгарское, принявшее крещение из Константинополя. Естественно, император Михаил III целиком и полностью стал на сторону своего архиерея.

Уже в скором времени св. Фотий разослал послания ко всем восточным патриархам, в которых в самых гневных выражениях описал недавнее «отступничество» болгар, которых именно византийцы вырвали из плена языческих обрядов. Конечно, досталось и латинянам, которых патриарх называет «мерзкими и нечестивыми людьми», губящими Церковь. Переходя к конкретным обвинениям, св. Фотий перечислил субботний пост латинян, сокращенный Великий Пост, celibат священства и другие «повреждения».

Понимая, что это — мелочи, он, тем не менее, настойчиво убеждал архиереев, будто даже небольшое небрежение древними обычаями и канонами способно исказить веру. Но в действительности эти канонические и обрядовые расхождения выступили средствами *доказывания* в политической борьбе между Римом и Константинополем поврежденности благочестия и чистоты вероисповедания. Незначительность их была столь очевидна, что, к примеру, св. Михаил вообще не предполагал, будто между двумя великими кафедрами могут существовать разногласия⁷³⁵.

Николай I приводил одни аргументы, св. Фотий — другие. Перебирая старые расхождения в обрядовой практике, стороны *нежданно-негаданно* перешли к вопросу о *Filioque*. Именно св. Фотий обратил внимание на латинскую формулу Символа Веры, за счет которой решил доказать отступничество понтифика. Нет сомнений, что, поскольку спор носил публично-церковный характер, победитель получал моральное право на духовное окормление Болгарии. А потому каждый старался изо всех сил, тщательно исследуя любое несовпадение обрядов, формул и практик.

В сентябре 865 г. от имени императора Михаила III в Рим было направлено послание, написанное, очевидно, самим св. Фотием. Римский василевс отметил, что участие на «Двукратном» Соборе римских легатов — *честь* для апостолика, и этой честью нужно дорожить. Если же папа что-то не понял из соборных деяний (а латинский язык — *варварский*, и нет ничего в том удивительного, что перевод далек от оригинала, едко заметил царь), то следует более тщательно переводить тексты. Затем царь потребовал высылки тех сторонников св. Игнатия, которые нашли убежище в Риме. И, наконец, заявлял, что, собственно говоря, римские легаты были нужны не для суда над св. Игнатием — для этого есть «Вселенский патриарх» и Собор, а для *окончательного искоренения иконоборчества*⁷³⁶.

Если Римского епископа хотели оскорбить, то на этот раз Константинополю это вполне удалось. Заявить, что сам факт приглашения папы на Поместный Собор — честь, которую следует заслужить, а не обязанность организатора Собора, означало перевернуть в сознании папы все мироздание, поменять небо с землей местами. Ну а называть латинский язык варварским мог позволить себе только человек, откровенно глумящийся над римской Литургией, которую весь Запад служил именно на латыни.

Конечно, папа был поражен таким ответом, и срочно отправил новое послание. Отклонив перечисленные императором (или, точнее, *от имени императора*) обвинения, он напомнил все случаи, когда цари обращались в Рим с просьбами прислать папских легатов. В защиту латыни понтифик заметил, что сам Михаил III по праву называется *Римским* императором, а потому его насмешки неуместны. В качестве противопоставления достоинств Римской и Константинопольской кафедр он привел всех столичных архиереев, в свое время осужденных «советами и решениями» Апостольского престола.

По мнению папы, за Римским епископом всегда признавалась и будет признаваться прерогатива принимать жалобы от клирика, судящегося со своим епископом, а потому *единственным судьей* св. Игнатия и св. Фотия является только он сам. На заявление царя, будто «Двукратный» Собор созывался для борьбы с иконоборцами, папа небезосновательно заметил, что по показаниям его легатов такой вопрос вообще не рассматривался на заседаниях. Монахи, получившие убежище в Риме, не подлежат выдаче — был ответ императору на его требование выслать сторонников св. Игнатия. Самого же св. Игнатия и св. Фотия папа требовал отправить в Рим на свой суд, как единственно законный⁷³⁷.

Желая поставить на место «зарвавшегося» императора, понтифик недвусмысленно отписал тому по поводу священнического сана Римского царя. «В древние времена бывали цари, которые в то же время были и священниками. Подражая этому, языческие императоры были тоже верховными первосвященниками, но христианство разделило эти две власти». Такой ответ фактически обесценивал участие василевса в споре трех архиереев и даже ставил под сомнение саму возможность касаться такой темы. Иными словами, если Михаил III пытается участвовать в церковном управлении на правах священника, то он — язычник, идущий против Христа и Его Церкви. Вообще же, заканчивает письмо папа, если что и есть высшее на Земле, так это Римский престол, авторитет которого незыблем, а решения — непогрешимы⁷³⁸.

В конце концов стороны пришли к полному взаимному непониманию и сделали все для дискредитации друг друга. О происках папы уже писалось выше, но от него не отставал и св. Фотий. Узнав о той обиде, которую затаил на Николая I Лотарь Лотарингский за процесс в защиту его жены, патриарх втайне направил к королю посольство, которое предложило низложить папу, а взамен обещало признать (наконец-то!) императорское достоинство франка. Император Михаил III, который не очень сочувствовал этой идее, вынужденно согласился со своим патриархом, полностью подчинившись его авторитету и логике. Видимо, не последнюю роль сыграл тот довод св. Фотия, что римские священники, начавшие окормлять Болгарию, пичкают не-офитов омерзительным, с точки зрения греков. *Filioque*, искажая церковный догмат⁷³⁹.

В результате собравшиеся Великим постом 867 г. в Константинополе греческие епископы анафематствовали Римского епископа Николая I. Это было очень представительное собрание: на нем присутствовал сам царь, цезарь Василий Македонянин, множество епископов и сановников. Летом этого же года император отправил в Рим обвинительное послание в адрес папы и латинян. Примечательно, что позднее, на Соборе 869 г., завершившемся низвержением св. Фотия, некоторые участники Собора 867 г. бесстыдно уверяли, будто патриарх *наси́льно* обязывал их удостоверить соборные акты. Император Михаил III якобы в пьяном виде подписал приговор папе Николаю I по напештыванию св. Фотия, а подпись Василия Македонянина вообще *подложна* (!). Конечно, это была наглая клевета⁷⁴⁰.

Уведомление об анафематствовании папы направили и императору Западной империи Людовiku II. Царь Михаил III официально согласился признать императорское достоинство «брата» взамен на

низвержение папы Николая, и Людовик ответил решительным согласием⁷⁴¹. Но 13 ноября 867 г. папа Николай I скончался, а его преемник папа *Адриан II* (867—872) смог вернуться к спорным вопросам нескоро. Только в июне 869 г. Римский собор осудил *всех* епископов — участников Константинопольского собора 867 г. и подтвердил прежнее осуждение св. Фотия⁷⁴². В Кафолической Церкви возник новый раскол (вернее, *раскол нового вида*), который стал уже предвестником глобального расхождения Запада и Востока.

Глава 5. Три императора. Смерть цесаря Варды и Михаила III

Вернемся, однако, к делам политическим. Пока Римский епископ и Константинопольский патриарх выясняли отношения, дворцовые страсти разгорались с новой силой. Наступил черед новых фаворитов, в круг которых в 856 г. оказался включенным некий юноша-богатырь *Василий Македонянин*. После женитьбы на любовнице императора Евдокии Ингерине скромный царский служака получил титул шталмейстера и начал проявлять такую активность, что сам Варда в одном из писем к своему другу писал: «Я выкурил лису (еще одного фаворита, камердинера Дамиана. — *А. В.*), но на ее место впустил льва, который пожрет нас всех». Цезарь начал проявлять плохо скрываемое беспокойство, но император в присутствии патриарха св. Фотия в церкви Богородицы Халкопатрийской дал своему дяде клятву, что тому ничего не угрожает⁷⁴³.

Но, очевидно, непостоянный и временами чрезвычайно легкомысленный Михаил III уже начал уставать от опеки Варды, который вызывал своими поступками *пока еще* осторожные жалобы. Однако дело заключалось не только в субъективных симпатиях или антипатиях. Всем, включая царя, стало ясно, что постепенно Варда расставил «своих» людей на ключевые должности в государстве. Его сын Антигон командовал гвардией и открыто заявлял, что готов исполнять приказы, исходящие только от его отца. Другой важный пост, логофета дрома, Варда предоставил своему зятю Симватию и с полным правом рассчитывал на его преданность лично себе.

По обыкновению, все решил случай. Весной 866 г. император с армией и Вардой направился в поход на сарацин, надеясь отбить остров Крит. В одной местности, расположенной в феме Фракасиев, войско стало лагерем. То ли по случайности, то ли умышленно (а византий-

ские царедворцы были большими мастерами на такого рода «комбинации»), но царский шатер разбили в низине, где было сыро и неудобно, а шатер Варды — на холме. Тут же императору стали говорить, что цезарь в очередной раз наглядно продемонстрировал, кто является *подлинным* правителем Римского государства. В общем, недолго думая, царь санкционировал убийство своего дяди. Главным исполнителем воли императора определили паракимомена Василия Македонянина — давнего и безжалостного врага Варды.

Правда, от решения до исполнения сохранялась дистанция большого размера: заговорщики явно опасались царской гвардии, готовой по приказу Варды смять кого угодно, хотя бы и самого царя. Решили привлечь на свою сторону Симватия и действительно переманили того обещаниями высших должностей. Наконец, 21 апреля 866 г. заговорщики решили привести свой замысел в исполнение, но все еще робели, поскольку Варда не отдалялся далеко от верных ему царских гвардейцев. Михаил III направлял к заговорщикам одного гонца за другим, требуя привести свой заочный приговор в исполнение, но те перекладывали друг на друга эту опасную миссию. Потерявший терпение император через посланника передал Василию, что время не ждет и что опасность угрожает уже самому Македонянину: если Варда узнает о заговоре, никто не спасется. В принципе события могли принять и такой оборот, и Василий решил действовать быстро. Он ободрил воинов словами: «Где ты, мужественная и отважная душа!» — после чего вместе с ними твердым шагом направился к Варде.

Увидев Василия, цезарь все понял и бросился к царю в ноги с просьбой о пощаде, но тщетно. Подбежавшие солдаты мечами разрубили его тело буквально на куски, причем, как говорят, первым обагрил кровью Варды свой меч Василий Македонянин. Наступило *сумасшедшее торжество*, как будто Римское государство избавилось от страшного врага. Воины отрезали детородный член у трупа, накололи на копье и выставили на всеобщее обозрение.

Суматоха поднялась такая, что император начал всерьез опасаться уже за собственную безопасность, но друнгарий виглы Константин Армянин успокоил солдат. В такой обстановке продолжать поход не было уже никакой возможности, и войско вернулось в Константинополь⁷⁴⁴. Впрочем, по другой версии, весь поход был задуман царем и Македонянином исключительно с целью убийства Варды, поскольку в самой столице претворить этот план в жизнь было едва ли возможно.

По возвращении из похода Михаил III продолжил прежний образ жизни, чем вызывал глухое недовольство со стороны синклита и

столичной аристократии. Явно не желая погружаться в дела государственного управления, император 26 мая 866 г. объявил Василия Македонянина *соправителем*. Он приказал поставить в храме Святой Софии два трона, и в день Пятидесятницы возложил на голову Василия императорскую корону. Вот как это происходило.

В положенный час император в полном парадном одеянии вошел в храм; Василий следовал за ним, неся в руках царские инсигнии и меч. Василевс приблизился к иконостасу и поднялся на верхние ступеньки, ниже поместился Василий, а еще ниже — императорский секретарь, савновники, сенат и народ. Развернув свиток, секретарь огласил царский указ: «Варда-цезарь, — говорилось в нем, — составил заговор против меня с целью убить меня и для этого увлек меня из столицы. И если бы не добрые советы Симватия и Василия, я теперь не находился бы в живых. Но он сам пал жертвой своих прегрешений. Итак, я повелеваю, чтобы Василий, паракимомен и мой верный слуга, охраняющий мою царственность, избавивший меня от моего врага и любящий меня, стал отныне блюстителем и правителем моей Империи, и чтобы все величали его императором».

При этих словах слезы брызнули из глаз Василия: мог ли он, простой крестьянин, когда-нибудь представить себе такое? А Михаил III передал собственную корону патриарху св. Фотию, который и возложил ее на голову Василия. Народ воскликнул: «Многая лета императорам Михаилу и Василию!»⁷⁴⁵

В этом событии видны и традиционные мотивы, и новые, пока еще удивительные. Императоры и ранее при жизни назначали соимператоров, но, как правило, в тех случаях, когда находились при смерти и не имели законных преемников своей власти. При этом степень родства практически не играла никакой роли. Однако в данном случае Михаил III, совсем еще молодой мужчина (ему исполнилось только 26 лет), венчал на царство и собственноручно возложил императорскую диадему на голову *совершенно чужого* ему человека с точки зрения родства. То обстоятельство, что к этому дню царь еще не имел сына, ничего не значило, поскольку Михаил III был совершенно здоров и явно не собирался расставаться с жизнью. Возможно, таким способом император желал отблагодарить Василия, но, как представляется, награда была *явно чрезмерной*. Едва ли можно поверить, что для подкрепления авторитета Василия его нужно было обязательно объявлять соимператором — достаточно и сана цезаря, каким ранее владел покойный Варда.

Объяснения этих странностей, очевидно, следующие. В первую очередь император желал публично продемонстрировать *самодержав-*

ность своей власти — фактор, поставленный им же самим под глубокое сомнение в годы фактического правления Римской империей Вардой. Безусловно, к такому неожиданному и необычному способу подтвердить единоличность царской власти подтолкнул императора сам Македонянин, втайне также не чуждый высоких честолюбивых устремлений. И вполне возможно, что легкомысленный Михаил III, будучи по обыкновению в не очень трезвом состоянии, быстро согласился с такой идеей, особенно если Василий сумел убедить василевса, будто эта исподволь подсказанная мысль *сама собой* родилась в царской голове — обычный, но очень действенный психологический прием.

Так или иначе, но вскоре всем довелось убедиться в том, что царь совершенно не дорожит императорским саном и готов любого проходимца обуть в пурпурные сапоги. После очередных конных ристаний, где победил Михаил III, был дан царский обед, на котором василевс, быстро охмелев, неожиданно привлек к себе некоего Василикина — то ли патриция, то ли брата эпарха Капногена, и мягко с ним поговорил. Затем приказал принести пурпурную обувь, диадему и царский плащ, одел все это на оторопевшего от счастья Василикина, и объявил того *царем* (!)⁷⁴⁶. Словно не замечая пораженного увиденным зрелищем Василия Македонянина, император воскликнул, приобняв Василикина: «Тебе эти сапоги идут больше, чем ему», и кивнул в сторону соимператора.

Теперь в Римском государстве формально стало *три* императора, и, конечно, такая ситуация не могла продлиться долго: уж слишком противоречивыми были поступки и слова Михаила III, очень уж большие разногласия существовали между группой, поддерживающей Василия Македонянина, и Василикина. А авторитет порфирородного императора был, напротив, чрезвычайно низким. Понятно, что в таких ситуациях кто-то должен был отступить в сторону, пусть даже и ценой собственной жизни.

И действительно, вскоре Василий начал получать известия о том, что его жизни угрожает опасность. Рассказывали, что однажды на охоте он едва не был убит копьем оруженосца, метнувшего его вместо зверя в Македонянина. И будто бы даже этот оруженосец признался в покушении на смертном ложе, когда пришел час проститься с земной жизнью. В конце концов Василий решил разрубить гордиев узел противоречий и не стал дожидаться печального для себя развития событий. Он составил новый заговор, участники которого в третьем часу ночи 24 сентября 867 г. прошли во дворец св. Мама, где отдыхал Михаил III, и закололи того мечами⁷⁴⁷.

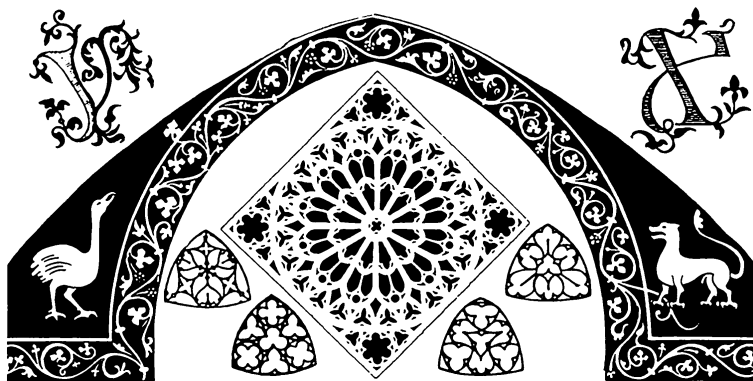
Утром следующего дня, когда весь Священный дворец гудел, будто улей, и все бегали в поисках новых сведений и слухов, к трупу Михаила III подошли три женщины: эта были его мать, св. Феодора, и сестры. Одетые в траурные платья, они молились, а затем завернули тело, из живота которого выползли внутренности, в конскую попону — единственная ткань, обнаруженная поблизости. После состоялось отпевание, где почти никто не присутствовал, кроме указанных женщин, моливших Бога о милости к несчастному погибшему царю⁷⁴⁸.

Так закончила свое существование Аморийская династия, сослужившая Римской империи великую службу. При всех неудачах и перипетиях политических баталий императоры второй волны иконоборчества подготовили процесс политического и культурного возрождения Византии. Северные границы государства укрепились сильными крепостями и гарнизонами, болгары поутихли, и самое главное — арабская угроза почти утратила свою актуальность: византийцы *перемололи* арабов в ежегодных войнах. И хотя в приграничных областях войны велись еще почти полтора столетия, но это были уже *наступательные* войны греков⁷⁴⁹.

Многое свидетельствует за то, что Михаил III далеко не во всем был похож на своих предшественников и что последний представитель Аморийской династии привел Римскую империю к глубокому внешне- и внутриполитическому кризису и обнищанию. Правда, по одному авторитетному суждению, время его царствования — это еще и период появления новых, перспективных государственных мужей, хорошо подготовленных к выполнению задач как в политической и церковной сфере, так и в культурно-просветительской⁷⁵⁰.

Так или иначе, а время Аморийской династии прошло. Но уже загоралась заря блестящей и великой *Македонской династии*, вернувшей Византии былую славу и могущество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дилль III. Основные проблемы византийской истории. М., 1949. С. 61.

² Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). Киев, 1883. С. 449.

³ Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005. С. 347.

⁴ Там же. С. 339.

⁵ Там же. С. 335.

⁶ Там же. С. 336.

⁷ Там же. С. 336, 337.

⁸ Там же. С. 337, 338.

⁹ Мюллер А. История ислама. В 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 587.

¹⁰ Джилман Артур. Сарацины от древнейших времен до падения Багдада. М., 2007. С. 254, 255.

¹¹ «Эклога», титул XVIII.

¹² Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 339.

¹³ Кеннеди Хью. Великие арабские завоевания. М., 2009. С. 86.

¹⁴ Али-заде Айдын Ариф оглы. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. М., 2004. С. 114, 115.

- ¹⁵ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ¹⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 339, 340.
- ¹⁷ Там же. С. 340.
- ¹⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 62.
- ¹⁹ *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002. С. 118.
- ²⁰ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 341.
- ²¹ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ²² *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 346.
- ²³ *Браунворт Ларс*. Забытая Византия, которая спасла Запад. М., 2012. С. 190.
- ²⁴ *Дилль III*. История Византийской империи. М., 1947. С. 57.
- ²⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 90—92.
- ²⁶ *Банников А.В., Морозов М.А.* Византийская армия (IV—XII вв.). СПб., 2013. С. 333, 334.
- ²⁷ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 116.
- ²⁸ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ²⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 348.
- ³⁰ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 120.
- ³¹ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ³² История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. В 3 т. Т. 2. М., 1967. С. 50.
- ³³ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 609, 610.

- ³⁴ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 350—352.
- ³⁵ Там же. С. 353.
- ³⁶ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 259, 260.
- ³⁷ Там же. С. 260, 261.
- ³⁸ *Лебек Стефан*. Происхождение франков. М., 1993. С. 222, 223, 225.
- ³⁹ Письмо Григория III к Карлу Мартеллу // История Средних веков. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476—768): составитель М.М. Стасюлевич. СПб.—М., 2001. С. 473, 474.
- ⁴⁰ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 264, 265.
- ⁴¹ *Дилль Ш.* Основные проблемы византийской истории. С. 103.
- ⁴² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 93.
- ⁴³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века // Византийская книга епарха. Рязань, 2006. С. 49, 50.
- ⁴⁴ Там же. С. 50, 51.
- ⁴⁵ Там же. С. 52.
- ⁴⁶ Там же. С. 52.
- ⁴⁷ *Азаревич Д.* История византийского права. Т. 1. Ч. 1. Ярославль, 1876. С. VII, IX.
- ⁴⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 2. М., 2001. С. 293, 294.
- ⁴⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 329, 334.
- ⁵⁰ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. С. 50, 51.
- ⁵¹ Там же. Т. 1. С. 345.
- ⁵² *Дилль Ш.* Основные проблемы византийской истории. С. 46.
- ⁵³ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 2007. С. 582.
- ⁵⁴ *Васильев А.А.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 342.
- ⁵⁵ *Остроумов М.А.* Догматическое значение Седьмого Вселенского Собора. СПб., 1884. С. 60, 61, 64, 65.

- ⁵⁶ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 2006. С. 564, 565.
- ⁵⁷ *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция № 12.
- ⁵⁸ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 343.
- ⁵⁹ Там же. С. 343.
- ⁶⁰ *Успенский К.Н.* Иконоборческая деятельность Льва III // *Успенский К.Н.* Империя VI века. Эпоха Юстиниана // Успенский К.Н. Очерки по истории Византии. Часть 1. М., 1917. С. 238.
- ⁶¹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 583, 584.
- ⁶² *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция № 12.
- ⁶³ История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. Т. 2. С. 53.
- ⁶⁴ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 345.
- ⁶⁵ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 438, 439.
- ⁶⁶ *Дилль Ш.* История Византийской империи. С. 58.
- ⁶⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 2. С. 262.
- ⁶⁸ *Лебедев А.П.* Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 2004. С. 140, 141.
- ⁶⁹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 582.
- ⁷⁰ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 346.
- ⁷¹ Первое послание святого отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину // ДВС. В 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 326.
- ⁷² *Успенский К.Н.* Иконоборческая деятельность Льва III. С. 239.
- ⁷³ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 598, 599.

⁷⁴ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 347.

⁷⁵ *Успенский К.Н.* Иконоборческая деятельность Льва III. С. 241.

⁷⁶ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. С. 90—92.

⁷⁷ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 349, 350.

⁷⁸ Там же. С. 345.

⁷⁹ *Рансимен С.* Восточная схизма / С. Рансимен. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 29.

⁸⁰ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 351.

⁸¹ Первое послание святого отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину. С. 325.

⁸² Там же. С. 324.

⁸³ Там же. С. 325.

⁸⁴ Второе послание святого отца нашего Григория, папы Римского, о святых иконах / ДВС. Т. 4. С. 328, 329.

⁸⁵ Первое послание святого отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину. С. 325.

⁸⁶ Там же. С. 326.

⁸⁷ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 256, 257.

⁸⁸ Там же. С. 261.

⁸⁹ Там же. С. 263.

⁹⁰ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.

⁹¹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 94.

⁹² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 295, 296.

⁹³ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 450.

- ⁹⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 2. С. 268.
- ⁹⁵ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 447.
- ⁹⁶ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. М., 2006. С. 136, 138.
- ⁹⁷ *Острогорский Г.А.* Über die vermeintliche Reformtätigkeit der Isaurer // Byzantinische Zeitschrift. 30, 1929—1930, p. 394—395.
- ⁹⁸ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 342.
- ⁹⁹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 599.
- ¹⁰⁰ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 459.
- ¹⁰¹ *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 354, 430, 431.
- ¹⁰² *Феофан Исповедник, игумен Великого поля.* Хронография // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. СПб., 2014. С. 72.
- ¹⁰³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 102, 103, 106.
- ¹⁰⁴ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. М., 2011. С. 226.
- ¹⁰⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 298.
- ¹⁰⁶ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 356.
- ¹⁰⁷ *Никифор, патриарх Константинопольский.* Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ¹⁰⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 300, 301.
- ¹⁰⁹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 358, 359.

- ¹¹⁰ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ¹¹¹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 620—622.
- ¹¹² Там же. Т. 2. С. 630—634.
- ¹¹³ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». СПб., 2012. С. 14, 15.
- ¹¹⁴ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 124, 125.
- ¹¹⁵ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 17—19.
- ¹¹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 306.
- ¹¹⁷ *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 227.
- ¹¹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 307.
- ¹¹⁹ *Петр Сицилийский*. Полезная история. Главы VI, X, XXIV, XXV.
- ¹²⁰ *Курбатов Г.Л.* История Византии. М., 1984. С. 84.
- ¹²¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 367.
- ¹²² *Шиканов В.Н.* Византия – орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. СПб., 2006. С. 42, 43.
- ¹²³ Там же. С. 43.
- ¹²⁴ *Никифор, патриарх Константинопольский*. Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.
- ¹²⁵ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 371.
- ¹²⁶ *Шиканов В.Н.* Византия – орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 44, 45.
- ¹²⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 322, 323.
- ¹²⁸ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 266, 267.
- ¹²⁹ *Лебек Стефан*. Происхождение франков. М., 1993. С. 235.
- ¹³⁰ *Саксон Анналист*. Хроника. 741—1139 гг. М., 2012. С. 14.
- ¹³¹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. В 2 т. Т. 1. Пг., 1916. С. 640.

- ¹³² *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 343.
- ¹³³ *Саксон Анналист.* Хроника. 741—1139 гг. С. 18.
- ¹³⁴ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 271, 272.
- ¹³⁵ *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. СПб., 2002. С. 128.
- ¹³⁶ *Адо.* Возведение Пипина на престол и его война с лангобардами // История Средних веков. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476—768); сост. М.М. Стасюлевич. С. 481.
- ¹³⁷ *Саксон Анналист.* Хроника. 741—1139. С. 18.
- ¹³⁸ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 346.
- ¹³⁹ *Лебек Стефан.* Происхождение франков. С. 253.
- ¹⁴⁰ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 643.
- ¹⁴¹ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 278—280.
- ¹⁴² Там же. С. 282, 283.
- ¹⁴³ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. М., 2006. С. 178.
- ¹⁴⁴ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 282—285.
- ¹⁴⁵ *Лебек Стефан.* Происхождение франков. С. 266, 267.
- ¹⁴⁶ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. С. 179, 180.
- ¹⁴⁷ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 272—274.
- ¹⁴⁸ *Лебек Стефан.* Происхождение франков. С. 267, 268.
- ¹⁴⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 106.
- ¹⁵⁰ *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция № 12.
- ¹⁵¹ *Успенский К.Н.* Иконоборчество при Константине V / К.Н. Успенский. Очерки по истории Византии. С. 256, 257.
- ¹⁵² *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 366.

- ¹⁵³ ДВС. В 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 571, 572.
- ¹⁵⁴ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 351.
- ¹⁵⁵ *Остроумов М.А.* Догматическое значение Седьмого Вселенского Собора. С. 103,
- ¹⁵⁶ *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция №12.
- ¹⁵⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 585, 586.
- ¹⁵⁸ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 613, 614.
- ¹⁵⁹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 370, 381, 382.
- ¹⁶⁰ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 589, 592, 594.
- ¹⁶¹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 375, 378.
- ¹⁶² *Шейнэ Жан-Клод.* История Византии. М., 2006. С. 73.
- ¹⁶³ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. В 12 т. Т. 11. Книга 3. М., 1905. С. 788, 789.
- ¹⁶⁴ *Эгинград.* Временник правления Пипина Короткого // История Средних веков. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476—768); сост. М.М. Стасюлевич. С. 486.
- ¹⁶⁵ *Лебедев А.П.* Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 2004. С. 172.
- ¹⁶⁶ *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция № 12.
- ¹⁶⁷ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 371, 372.
- ¹⁶⁸ Легенды о чудотворных иконах // Византийские легенды. СПб., 2004. С. 162, 163.
- ¹⁶⁹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 384.
- ¹⁷⁰ Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Книга 8. М., 1906. С. 184.

¹⁷¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. Т. 5. М., 2008. С. 342.

¹⁷² *Никифор, патриарх Константинопольский.* Краткая история со времени после царствования императора Маврикия. Часть II.

¹⁷³ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 385, 386.

¹⁷⁴ *Кло Андре.* Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 104, 106, 108, 110.

¹⁷⁵ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 682.

¹⁷⁶ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 386, 387.

¹⁷⁷ *Кло Андре.* Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 174.

¹⁷⁸ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 460.

¹⁷⁹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 386—388.

¹⁸⁰ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 461.

¹⁸¹ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. С. 112, 113.

¹⁸² *Соколов И.И.* О поводах к разводу в Византии IX—XV вв. // И.И. Соколов. Византологическая традиция в Санкт-Петербургской Духовной академии. Печалование патриархов перед василевсами в Византии X—XV вв. Патриарший суд над убийцами в Византии X—XV вв. О поводах к разводу в Византии IX—XV вв. СПб., 2005. С. 144, 145.

¹⁸³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. М., 1994. С. 63, 64.

¹⁸⁴ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Афин в Средние века (от эпохи Юстиниана до турецкого завоевания). С. 102, 103.

¹⁸⁵ *Клю Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 176.

¹⁸⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 389, 390.

¹⁸⁷ Там же. С. 390—392.

¹⁸⁸ *Клю Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 178.

¹⁸⁹ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 353.

¹⁹⁰ *Остроумов М.А.* Догматическое значение Седьмого Вселенского Собора. С. 103.

¹⁹¹ *Асмус Валентин, протоиерей*. Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви // *Regnum Aeternum*. № 1. Москва—Париж, 1996. С. 49—51.

¹⁹² *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 464.

¹⁹³ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 392.

¹⁹⁴ Апология Тарасия пред народом, вырвавшаяся из уст его в тот день, когда самодержцы объявили народу, что он делается патриархом, в какой сан он и был возведен индиктиона восьмого, 6293 года от сотворения мира // ДВС. Т. 4. С. 336, 337.

¹⁹⁵ Высочайшая и благочестивейшая грамота, отправленная августейшими Константином и Ириной к святейшему и блаженнейшему Адриану, папе древнего Рима // ДВС. Т. 4. С. 334, 335.

¹⁹⁶ Послание Адриана, святейшего папы древнего Рима к Константинопольскому патриарху Тарасию // ДВС. Т. 4. С. 382.

¹⁹⁷ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 396.

¹⁹⁸ *Асмус Валентин, протоиерей*. Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви. С. 52.

¹⁹⁹ ДВС. Т. 4. С. 395.

²⁰⁰ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 611.

²⁰¹ ДВС. Т. 4. С. 349.

²⁰² ДВС. Т. 4. С. 350, 351, 358.

²⁰³ ДВС. Т. 4. С. 344, 345.

²⁰⁴ Благочестивейшим государям и светлейшим императорам и победоносцам, возлюбленнейшим в Бозе и Господе нашем Иисусе Христе чадам, августейшим Константину и Ирине // ДВС. Т. 4. С. 378, 379.

²⁰⁵ Благочестивейшим государям и светлейшим императорам и победоносцам, возлюбленнейшим в Бозе и Господе нашем Иисусе Христе чадам, августейшим Константину и Ирине // ДВС. Т. 4. С. 380.

²⁰⁶ ДВС. Т. 4. С. 411.

²⁰⁷ ДВС. Т. 4. С. 434, 435.

²⁰⁸ ДВС. Т. 4. С. 498.

²⁰⁹ ДВС. Т. 4. С. 500, 501.

²¹⁰ ДВС. Т. 4. С. 527.

²¹¹ ДВС. Т. 4. С. 569.

²¹² ДВС. Т. 4. С. 580.

²¹³ ДВС. Т. 4. С. 599, 607.

²¹⁴ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 51.

²¹⁵ *Тейс Лоран*. Наследие Каролингов. М., 1993. С. 106.

²¹⁶ *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого. М., 2005. Главы 23, 24. С. 103—105.

²¹⁷ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 52.

²¹⁸ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. В 7 т. Т. 4. СПб., 2008. С. 152, 153.

²¹⁹ *Эйнхард*. Жизнь Карла Великого. Главы 17—19. С. 89—99.

²²⁰ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 21, 22.

²²¹ *Лэмб Гарольд*. Карл Великий, основатель империи Каролингов. М., 2010. С. 44—47.

²²² *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. М., 1995. С. 48, 49.

²²³ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 349.

²²⁴ *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. С. 134—136.

- ²²⁵ *Левандовский А.П.* Карл Великий. Через Империю к Европе. С. 51.
- ²²⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 362, 363.
- ²²⁷ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. С. 184.
- ²²⁸ *Хэгерманн Дитер.* Карл Великий. М., 2005. С. 241, 242.
- ²²⁹ *Эйнхард.* Жизнь Карла Великого. Глава 27. С. 112, 113.
- ²³⁰ *Пападакис Аристидис.* Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 34, 35.
- ²³¹ *Лебек Стефан.* Происхождение франков. С. 294.
- ²³² *Саксон Анналист.* Хроника. С. 28.
- ²³³ *Лэмб Гарольд.* Карл Великий, основатель империи Каролингов. С. 224, 225.
- ²³⁴ *Эйкен Гейнрих.* История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 155, 162, 164, 165.
- ²³⁵ *Лебек Стефан.* Происхождение франков. С. 295.
- ²³⁶ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 659—661.
- ²³⁷ Капиталарии Карла Великого // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768—1096) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 49, 50.
- ²³⁸ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. СПб., 1901. С. 48, 49.
- ²³⁹ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 304.
- ²⁴⁰ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 390.
- ²⁴¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 423.
- ²⁴² *Дюрюи Виктор.* История Франции с древнейших времен. В 2 т. Т. 1. Минск, 2014. С. 131, 132.
- ²⁴³ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 354.
- ²⁴⁴ *Альфан Луи.* Великие империи варваров. С. 187.
- ²⁴⁵ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 357.
- ²⁴⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 371, 385.

- ²⁴⁷ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 397.
- ²⁴⁸ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 672.
- ²⁴⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 418, 419.
- ²⁵⁰ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 671.
- ²⁵¹ *Хэгерманн Дитер*. Карл Великий. С. 325, 331.
- ²⁵² *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. 4. С. 291, 292.
- ²⁵³ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 34.
- ²⁵⁴ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 677—680.
- ²⁵⁵ *Бармин А.В.* Полемика и схизма. История Греко-латинских споров IX—XII веков. М., 2006. С. 26, 29.
- ²⁵⁶ *Пеликан Ярослав*. Христианская традиция: история развития вероучения. В 5 т. Т. 2. Дух восточного христианства (600—1700). М., 2009. С. 180, 181.
- ²⁵⁷ Там же. С. 185.
- ²⁵⁸ Там же. С. 189, 190.
- ²⁵⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 421.
- ²⁶⁰ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 356.
- ²⁶¹ *Хэгерманн Дитер*. Карл Великий. С. 406, 407.
- ²⁶² Там же. С. 409.
- ²⁶³ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 650.
- ²⁶⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 438.
- ²⁶⁵ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 39.
- ²⁶⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 432.
- ²⁶⁷ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 39.
- ²⁶⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. Т. 1. С. 358.
- ²⁶⁹ *Клю Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 151, 153, 155, 158, 159.
- ²⁷⁰ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 152.

²⁷¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 399, 400.

²⁷² *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 48.

²⁷³ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 401.

²⁷⁴ *Дилль III*. Византийские портреты. С. 90, 91.

²⁷⁵ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 671.

²⁷⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 402, 403.

²⁷⁷ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 468.

²⁷⁸ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 49.

²⁷⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 403.

²⁸⁰ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 180.

²⁸¹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 688.

²⁸² Там же. С. 404, 405.

²⁸³ *Саксон Анналист*. Хронология. С. 37.

²⁸⁴ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 468.

²⁸⁵ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 5. С. 341, 342.

²⁸⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 406, 407.

²⁸⁷ Там же. С. 408—411.

²⁸⁸ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 469.

²⁸⁹ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. В 4 т. Т. 3. М., 1994. С. 324, С. 321.

²⁹⁰ *Соколов Н.К.* Из лекций по церковному праву. В 2 выпусках. Вып. 1. М., 1874. С. 78.

²⁹¹ *Дюшен Л.* История древней Церкви. В 2 т. Т. 2. М., 1914. С. 95, 96.

²⁹² *Лашкарев П.А.* Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. Киев — СПб., 1889. С. 139, 140.

²⁹³ *Дюшен Л.* История древней Церкви. Т. 2. С. 102, 103.

²⁹⁴ *Иоанн (Соколов), архимандрит.* Опыт курса церковного законоведения. Т. 1. СПб., 1851. С. 115.

²⁹⁵ *Павлов А.С.* Курс церковного права. СПб., 2002. С. 204.

²⁹⁶ *Цытин Владислав, протоиерей.* Курс церковного права. Клин, 2002. С. 159.

²⁹⁷ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский.* Правила Православной Церкви. В 2 т. Т. 2. М., 2001. С. 315, 316.

²⁹⁸ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-Восточной Церкви в IX, X и XI веках. СПб., 2003. С. 105, 106.

²⁹⁹ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский.* Правила Православной Церкви. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 436.

³⁰⁰ ДВС. Т. 4. С. 266, 267.

³⁰¹ *Хониат Никита.* Царствование Алексея Комнина, брата Исаака Ангела // История со времен царствования Иоанна Комнина. Книга 3. Глава 3. Рязань, 2003. С. 185—189.

³⁰² ДВС. Т. 1. СПб., 1996. С. 282—286.

³⁰³ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский.* Правила Православной Церкви. Т. 1. С. 303.

³⁰⁴ *Лебедев А.П.* История Константинопольских Соборов IX века. СПб., 2001. С. 266—268.

³⁰⁵ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. С. 320, 321.

- ³⁰⁶ Там же. С. 329.
- ³⁰⁷ *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. М., 1913. С. 199.
- ³⁰⁸ *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. Т. 3. С. 327.
- ³⁰⁹ *Горчаков Михаил, протоиерей.* Вселенские Соборы // Христианство: энциклопедический словарь. В 3 т. Т. 1. М., 1993. С. 385.
- ³¹⁰ *Дюшен Л.* История древней Церкви. Т. 2. С. 102.
- ³¹¹ *Цытин Владислав, протоиерей.* Вселенский Собор // Православная энциклопедия. Т. 9. М., 2005. С. 566.
- ³¹² *Павлов А.С.* Курс церковного права. С. 204.
- ³¹³ ДВС. Т. 4. С. 342, 349, 350, 351, 354, 366.
- ³¹⁴ ДВС. Т. 4. С. 395, 396.
- ³¹⁵ *Поморцев Алексей, иерей.* Историческое обозрение Соборов, бывших в первые три века христианства. Орел, 1861. С. 165, 166.
- ³¹⁶ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная Церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 228, 229.
- ³¹⁷ *Петр Люилье, архиепископ.* Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 89, 90.
- ³¹⁸ *Гидулянов П.В.* Из истории развития церковно-правительственной власти. Восточные патриархи в период первых четырех Вселенских Соборов. Ярославль, 1908. С. 58, 59, 70.
- ³¹⁹ *Солодовников В.* Ранние соборы. Мерovingская Галлия VI—VIII вв. М., 2004. С. 17, 18, 20.
- ³²⁰ Там же. С. 31—39.
- ³²¹ Вселенские соборы. Издание Свято-Успенской Почаевской Лавры, б/г. С. 7, 8.
- ³²² *Лашкарев П.А.* Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. С. 153, 154.
- ³²³ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 1994. С. 360—361.
- ³²⁴ Речь Императора Константина святому собору // ДВС. Т. 1. С. 39.

³²⁵ Грамота Императоров Феодосия и Валентиниана к епископу Александрийскому Кириллу // ДВС. Т. 1. С. 208.

³²⁶ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 139.

³²⁷ Суворов Н.С. Римское папство до разделения церквей // Временник Демидовского юридического лицея. Книга 29. Ярославль, 1882. С. 18.

³²⁸ Михаил (Семенов), иеромонах. Законодательство Римо-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви (от 313 до 565 года). Казань, 1901. С. 35—37.

³²⁹ Соколов П. Церковно-имущественное право в Греко-римской Империи. Опыт историко-юридического исследования. Новгород, 1896. С. 125, 137.

³³⁰ Михаил (Семенов), иеромонах. Законодательство Римо-византийских императоров о внешних правах и преимуществах Церкви (от 313 до 565 года). С. 40—42.

³³¹ Прокошев П. Церковное судопроизводство в период Вселенских соборов (accusatio) и влияние на него римо-византийского процессуального права. Казань, 1900. С. 52—56, 59, 61.

³³² Там же. С. 63.

³³³ Там же. С. 93, 94.

³³⁴ Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истрийский. Правила Православной Церкви. Т. 1. С. 268.

³³⁵ Скворцов И.М. Записки по церковному законоведению. Киев, 1861. С. 62.

³³⁶ Лашкарев П.А. Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. С. 95, 96.

³³⁷ Павлов А.С. Курс церковного права. С. 330.

³³⁸ Послание Императора Константина к Александрийской церкви против Ария // ДВС. Т. 1. С. 79.

³³⁹ Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 478, 479.

³⁴⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. СПб., 2009. Книга 1. Глава 2. С. 9.

³⁴¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 411, 412.

³⁴² *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 182, 183.

³⁴³ *Джилман Артур*. Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. М., 2007. С. 281.

³⁴⁴ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 153.

³⁴⁵ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 190—194.

³⁴⁶ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 154.

³⁴⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 480, 481.

³⁴⁸ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 112.

³⁴⁹ *Лебедев А.П.* Духовенство древней Церкви от времен апостольских до X века. СПб., 2003. С. 343, 344.

³⁵⁰ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 354.

³⁵¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 468—472.

³⁵² *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 412, 413.

³⁵³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 94.

³⁵⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 483—485.

³⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 486, 487.

³⁵⁶ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 155.

³⁵⁷ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 205—207.

³⁵⁸ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 155, 156.

- ³⁵⁹ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 144, 145.
- ³⁶⁰ *Державин Н.С.* История Болгарии. М.—Л., 1946. С. 6.
- ³⁶¹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 414, 415.
- ³⁶² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 488, 489.
- ³⁶³ Там же. Т. 2. С. 488.
- ³⁶⁴ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 145.
- ³⁶⁵ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 417.
- ³⁶⁶ Там же. С. 419.
- ³⁶⁷ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 85.
- ³⁶⁸ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 53.
- ³⁶⁹ *Хэлдон Джон.* История византийских войн // Хэлдон Джон. История Византии. История византийских войн. М., 2007. С. 340, 341.
- ³⁷⁰ *Шиканов В.Н.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VII—XIV вв. С. 54.
- ³⁷¹ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 422.
- ³⁷² Там же. С. 423, 424.
- ³⁷³ Летописная история, охватывающая время Льва, сына Варды Армянина // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 80.
- ³⁷⁴ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 424.
- ³⁷⁵ Там же. С. 425.
- ³⁷⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 472, 473.
- ³⁷⁷ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 425.
- ³⁷⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 704, 705.

- ³⁷⁹ *Кло Андре*. Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». С. 212—214.
- ³⁸⁰ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 713, 714.
- ³⁸¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 426, 427.
- ³⁸² Там же. С. 428, 429.
- ³⁸³ *Иречек К.Ю.* История болгар. Одесса, 1878. С. 176.
- ³⁸⁴ *Шиканов В.П.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VI—XIV вв. С. 58.
- ³⁸⁵ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 430, 431.
- ³⁸⁶ *Хэлдон Джон*. История византийских войн. С. 345, 346.
- ³⁸⁷ *Феофан Исповедник, игумен Великого поля*. Хронография // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 76.
- ³⁸⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Глава 9. С. 16, 17.
- ³⁸⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 432.
- ³⁹⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Глава 25. С. 31.
- ³⁹¹ Там же. Книга 1. Главы 1, 2, 3. С. 8, 9, 11.
- ³⁹² См., напр.: Эклога, титул XVIII.
- ³⁹³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Глава 4. С. 12, 13.
- ³⁹⁴ Там же. Книга 1. Глава 9. С. 17, 18.
- ³⁹⁵ Там же. Книга 1. Главы 17, 18. С. 23, 24.
- ³⁹⁶ Там же. Книга 1. Глава 13. С. 21.
- ³⁹⁷ Летописная история, охватывающая время Льва, сына Варды Армянина // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 88.
- ³⁹⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 499—501.

³⁹⁹ *Шиканов В.П.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VI—XIV вв. С. 62, 63.

⁴⁰⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Глава 19. С. 25.

⁴⁰¹ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 147.

⁴⁰² *Саксон Анналист.* Хроника. С. 61.

⁴⁰³ *Шиканов В.П.* Византия: орел и лев. Болгаро-византийские войны VI—XIV вв. С. 64, 65.

⁴⁰⁴ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 148.

⁴⁰⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 115.

⁴⁰⁶ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 481.

⁴⁰⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 7. С. 104.

⁴⁰⁸ Летописная история, охватывающая время Льва, сына Варды Армянина // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 100.

⁴⁰⁹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 768.

⁴¹⁰ Хроника Георгия Монаха // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 116.

⁴¹¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 514, 515.

⁴¹² *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 767.

⁴¹³ Там же. Т. 1. С. 769.

⁴¹⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Главы 15, 16, 17. С. 22—24.

⁴¹⁵ Летописная история, охватывающая время Льва, сына Варды Армянина // Лев Преступник. Царствование императора Льва V Армянина в византийских хрониках IX века. С. 108.

⁴¹⁶ Робертсон Дж. С. История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 769.

⁴¹⁷ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. С. 516, 517.

⁴¹⁸ Асмус Валентин, протоиерей. Афиногенов Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847). М., 1997 (рецензия) // Богословский вестник. № 4. 2004. С. 501.

⁴¹⁹ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. С. 518, 519.

⁴²⁰ Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 482, 483.

⁴²¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга 1. Главы 21—25. С. 28—31.

⁴²² Там же. Книга 1. Глава 19. С. 25.

⁴²³ Тейс Лоран. Наследие Каролингов. М., 1993. С. 11.

⁴²⁴ Шафф Филип. История христианской Церкви. Т. 4. С. 161, 162.

⁴²⁵ Грегоровиус Фердинанд. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 350.

⁴²⁶ Уоллес-Хедрилл Дж.-М. Варварский Запад. Раннее Средневековье. С. 158.

⁴²⁷ Тейс Лоран. Наследие Каролингов. С. 21.

⁴²⁸ Пеликан Ярослав. Христианская традиция: история развития вероучения. В 5 т. Т. 2. М., 2009. Дух восточного христианства (600—1700). С. 181.

⁴²⁹ Благодетельнейшим государям и светлейшим императорам и победоносцам, возлюбленнейшим в Бозе и Господе нашем Иисусе Христе чадам, августейшим Константину и Ирине // ДВС. Т. 4. С. 370.

⁴³⁰ Послание Адриана, святейшего папы древнего Рима к Константинопольскому патриарху Тарасию // ДВС. Т. 4. С. 384.

⁴³¹ Эйкен Гейнрих. История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 170, 171.

⁴³² Лэмб Гарольд. Карл Великий, основатель империи Каролингов. С. 327, 328.

- 433 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 355.
- 434 *Тейс Лоран*. Наследие Каролингов. С. 17, 23.
- 435 *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. С. 159, 160.
- 436 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 456.
- 437 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 357.
- 438 *Саксон Анналист*. Хроника. С. 57.
- 439 *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 205.
- 440 *Саксон Анналист*. Хроника. С. 61.
- 441 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 363.
- 442 *Саксон Анналист*. Хроника. С. 58.
- 443 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 364, 365.
- 444 Там же. С. 368, 369.
- 445 *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 75.
- 446 *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. С. 57.
- 447 *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 173.
- 448 *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. С. 161.
- 449 *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 510.
- 450 *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 208.
- 451 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 457, 458.
- 452 Там же. С. 458, 459.
- 453 *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 208.
- 454 *Гергей Е.* История папства. С. 74.
- 455 *Саксон Анналист*. Хроника. С. 64.
- 456 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 460, 461.

- ⁴⁵⁷ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 65.
- ⁴⁵⁸ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 462.
- ⁴⁵⁹ *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 210.
- ⁴⁶⁰ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 65.
- ⁴⁶¹ *Тейс Лоран*. Наследие Каролингов. С. 30.
- ⁴⁶² *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 463.
- ⁴⁶³ *Ратт Франсис*. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008. С. 21.
- ⁴⁶⁴ *Уоллес-Хедрилл Дж.-М.* Варварский Запад. Раннее Средневековье. С. 165.
- ⁴⁶⁵ *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 211.
- ⁴⁶⁶ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 360.
- ⁴⁶⁷ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 69.
- ⁴⁶⁸ *Ратт Франсис*. Священная Римская империя германской нации. СПб., 2008. С. 22, 23.
- ⁴⁶⁹ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 69.
- ⁴⁷⁰ *Альфан Луи*. Великие империи варваров. С. 211, 212.
- ⁴⁷¹ *Саксон Анналист*. Хроника. С. 68, 70.
- ⁴⁷² *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. 4. С. 171.
- ⁴⁷³ *Поморцев Алексей, иерей*. Историческое обозрение Соборов, бывших в первые три века христианства. С. 147, 148.
- ⁴⁷⁴ *Беляев Н.Я.* Догмат папской непогрешимости. Историко-критический обзор. Выпуск первый: папский догмат в процессе образования и развития до XIV в. Казань, 1882. С. 67—74.
- ⁴⁷⁵ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 361, 362.
- ⁴⁷⁶ *Шафф Филип*. История христианской Церкви. Т. 4. С. 170.
- ⁴⁷⁷ *Эйкен Гейнрих*. История и система средневекового мирозерцания. С. 174.
- ⁴⁷⁸ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071—1453 годах. М., 2010. С. 80.
- ⁴⁷⁹ *Корелин М.С.* Важнейшие моменты в истории средневекового папства. С. 56, 58.

⁴⁸⁰ Барсов Т.В. О каноническом элементе в церковном управлении. М., 1882. С. 149, 150.

⁴⁸¹ Беляев Н.Я. Догмат папской непогрешимости. Историко-критический обзор. Выпуск первый: папский догмат в процессе образования и развития до XIV в. С. 197—200.

⁴⁸² Там же. С. 76, 77.

⁴⁸³ Там же. С. 77—82.

⁴⁸⁴ Там же. С. 86—91.

⁴⁸⁵ Норвич Джон. История Византии. М., 2009. С. 191, 192.

⁴⁸⁶ Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. С. 88.

⁴⁸⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Главы 3—5. С. 33, 34.

⁴⁸⁸ Там же. Книга II. Глава 2. С. 32, 33.

⁴⁸⁹ Там же. Книга II. Глава 8. С. 36, 37.

⁴⁹⁰ Терновский Ф.А., Терновский С.А. Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 486, 487.

⁴⁹¹ Жизнь, деяния и подвиги Святого Отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима // Византийские легенды. СПб., 2004. С. 122.

⁴⁹² Афиногенов Д.Е. Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. М., 2004. С. 36, 37.

⁴⁹³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 10. С. 68.

⁴⁹⁴ Васильев А.А. Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁴⁹⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Главы 9, 10. С. 38, 39.

⁴⁹⁶ Васильев А.А. Византия и арабы. Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁴⁹⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 12. С. 41, 42.

⁴⁹⁸ *Литишиц Е.Э.* Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX веков // Вестник древней истории. № 1. 1939.

⁴⁹⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Главы, 13, 14. С. 43—45.

⁵⁰⁰ *Литишиц Е.Э.* Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX веков.

⁵⁰¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Главы 15, 16. С. 45, 46.

⁵⁰² *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁵⁰³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Главы 18, 19. С. 48, 49.

⁵⁰⁴ *Литишиц Е.Э.* Восстание Фомы Славянина и византийское крестьянство на грани VIII—IX веков.

⁵⁰⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 522, 523.

⁵⁰⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 20. С. 50, 51.

⁵⁰⁷ *Барсов Т.В.* О каноническом элементе в церковном управлении. М., 1882. С. 224, 226.

⁵⁰⁸ Там же. С. 228, 234.

⁵⁰⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 520.

⁵¹⁰ *Курбатов Г.Л.* История Византии. С. 91.

⁵¹¹ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁵¹² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 21. С. 52, 53.

⁵¹³ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 534.

⁵¹⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 24. С. 54, 55.

⁵¹⁵ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 489.

⁵¹⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 25. С. 56.

⁵¹⁷ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 118.

⁵¹⁸ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁵¹⁹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 538.

⁵²⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 27. С. 57, 58.

⁵²¹ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 1. Император Михаил II.

⁵²² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 28. С. 58.

⁵²³ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 490.

⁵²⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 544.

⁵²⁵ *Асмус Валентин, протоиерей.* Лекции по истории Церкви. Лекция № 13.

⁵²⁶ *Гийу Андрэ.* Византийская цивилизация. С. 301, 302.

⁵²⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 7. С. 65, 66.

⁵²⁸ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 48.

⁵²⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 4. С. 62, 63.

⁵³⁰ Там же. Книга III. Глава 18. С. 74, 75.

- ⁵³¹ Там же. Книга III. Глава 8. С. 66.
- ⁵³² *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 122, 123.
- ⁵³³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 41—44. С. 95—99.
- ⁵³⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 546.
- ⁵³⁵ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.
- ⁵³⁶ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 158.
- ⁵³⁷ *Джилман Артур.* Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. С. 291—293.
- ⁵³⁸ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 728.
- ⁵³⁹ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 162, 163.
- ⁵⁴⁰ *Джилман Артур.* Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. С. 296, 297.
- ⁵⁴¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 547.
- ⁵⁴² *Джилман Артур.* Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. С. 293.
- ⁵⁴³ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.
- ⁵⁴⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 19—21. С. 75, 76.
- ⁵⁴⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 550, 551.
- ⁵⁴⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 25, 26. С. 80—82.
- ⁵⁴⁷ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.
- ⁵⁴⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 549, 550.
- ⁵⁴⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 23. С. 78, 79.

⁵⁵⁰ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁵¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 9. С. 67, 68.

⁵⁵² *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁵³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 28. С. 83, 84.

⁵⁵⁴ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁵⁵ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 121.

⁵⁵⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 541—543.

⁵⁵⁷ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 732—734.

⁵⁵⁸ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁵⁹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 756.

⁵⁶⁰ *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 349, 350, 352.

⁵⁶¹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 30—32. С. 85—87.

⁵⁶² *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 351.

⁵⁶³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 38. С. 92.

⁵⁶⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 552.

⁵⁶⁵ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁶⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 555.

⁵⁶⁷ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 34. С. 88, 89.

⁵⁶⁸ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁶⁹ Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. В 12 т. Т. 4. Книга 7. М., 1905. С. 156, 157.

⁵⁷⁰ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 556.

⁵⁷¹ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁷² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 37. С. 91.

⁵⁷³ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 2. Император Феофил.

⁵⁷⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 557.

⁵⁷⁵ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 56.

⁵⁷⁶ Там же. С. 51, 52.

⁵⁷⁷ Там же. С. 53.

⁵⁷⁸ *Дилль III.* История Византийской империи. С. 64.

⁵⁷⁹ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312—842). С. 491.

⁵⁸⁰ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 660, 661.

⁵⁸¹ Жизнь, деяния и подвиги Святого Отца нашего и исповедника Михаила, пресвитера и синкелла града Иерусалима. С. 123—128.

⁵⁸² Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 12—15. С. 70—72.

⁵⁸³ *Дилль III.* Проблемы византийской истории. М., 1947. С. 40.

⁵⁸⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Главы 5, 6. С. 63, 64.

- ⁵⁸⁵ Там же. Книга III. Глава 40. С. 93.
- ⁵⁸⁶ Там же. Книга IV. Глава 6. С. 103.
- ⁵⁸⁷ *Дилль III*. История Византийской империи. С. 66.
- ⁵⁸⁸ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 53, 54.
- ⁵⁸⁹ *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 142, 143.
- ⁵⁹⁰ *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. С. 245, 246.
- ⁵⁹¹ *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 85.
- ⁵⁹² Высочайшая и благочестивейшая грамота, отправленная августейшими Константином и Ириной к святейшему и блаженнейшему Адриану, папе древнего Рима // ДВС. Т. 4. С. 334.
- ⁵⁹³ *Каждан А.П.* Византийская культура. СПб., 2006. С. 105—108.
- ⁵⁹⁴ *Гийу Андрэ.* Византийская цивилизация. С. 109—111.
- ⁵⁹⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга II. Глава 24. С. 55.
- ⁵⁹⁶ *Курбатов Г.Л.* История Византии. С. 80.
- ⁵⁹⁷ *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». С. 33, 34.
- ⁵⁹⁸ *Муравьев Алексей.* Церковь и государство в византийском представлении // Русский архипелаг.
- ⁵⁹⁹ *Колтакова Г.С.* Искусство Византии. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 15, 16.
- ⁶⁰⁰ *Гийу Андрэ.* Византийская цивилизация. С. 245, 246.
- ⁶⁰¹ *Каждан А.П.* Византийская культура. С. 110.
- ⁶⁰² *Суворов Н.С.* Девять глав о свободной Церкви доктора Фридриха Маасена // Временник Демидовского юридического лицея. Книга 29. Ярославль, 1882. С. XXVIII.
- ⁶⁰³ Апология Тарасия пред народом, вырвавшаяся из уст его в тот день, когда самодержцы объявили народу, что он делается патриархом,

в какой сан он и был возведен индиктиона восьмого, 6293 года от сотворения мира // ДВС. Т. 4. С. 335.

⁶⁰⁴ *Себеос, епископ.* Повествование об Иракле // Епископ Себеос. Повествование об Иракле. Никифор Вриений. Исторические повествования (976—1087). Рязань, 2006. Отдел III, глава XXXII. С. 123, 124.

⁶⁰⁵ Первое послание отца нашего Григория, папы Римского, к императору Льву Исаврянину // ДВС. Т. 4. С. 321.

⁶⁰⁶ ДВС. Т. 4. С. 344.

⁶⁰⁷ *Асмус Валентин, протоиерей.* Пятый Вселенский Собор // Журнал Московской Патриархии. № 12. 2003. С. 38.

⁶⁰⁸ *Вернадский Г.В.* Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926. С. 144.

⁶⁰⁹ Приветственное слово от Святого Шестого Вселенского Собора к благочестивейшему и христолюбивому императору Константину // ДВС. Т. 4. С. 235.

⁶¹⁰ ДВС. Т. 4. С. 230.

⁶¹¹ Эдикт благочестивейшего и христолюбивого императора Константина, выставленный в третьем притворе святейшей великой церкви, близ так называемого дикимвала // ДВС. Т. 4. С. 249.

⁶¹² Список священного повеления того же блаженнейшего и христолюбивого императора Константина к святому собору Апостольского престола в Риме, посланного через тех же синодалов // ДВС. Т. 4. С. 258.

⁶¹³ Список священной грамоты благочестивейшего и христолюбивого императора Константина к святейшему и блаженнейшему папе древнего Рима Льву, посланной с теми, которые были на Соборе от лица блаженной памяти предстоятеля Агафона // ДВС. Т. 4. С. 254.

⁶¹⁴ Эдикт благочестивейшего и христолюбивого императора Константина, выставленный в третьем притворе святейшей великой церкви, близ так называемого дикимвала // ДВС. Т. 4. С. 254.

⁶¹⁵ Приветственное слово Отцов, собравшихся в Константинополе в императорском дворце Трулле, к благочестивейшему императору Юстиниану // ДВС. Т. 4. С. 271.

⁶¹⁶ Список отношения, посланного от святейшего и блаженнейшего папы древнего Рима Льва к благочестивейшему и христолюбивому императору Константину, подтверждающего и принимающего сделанное и определенное на Святом Шестом Вселенском Соборе // ДВС. Т. 4. С. 260, 261.

⁶¹⁷ Послание папы Агафона // ДВС. Т. 4. С. 31, 51, 52, 53.

⁶¹⁸ Послание Агафона и Римского собора ста двадцати пяти епископов, которое было как бы инструкцией легатам, посланным на Шестой Собор // ДВС. Т. 4. С. 55.

⁶¹⁹ Послание Агафона и Римского собора ста двадцати пяти епископов, которое было как бы инструкцией легатам, посланным на Шестой Собор // ДВС. Т. 4. С. 59.

⁶²⁰ *Соколов И.И.* О поводах к разводу в Византии IX—XV вв. С. 140, 141.

⁶²¹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 602.

⁶²² ДВС. Т. 4. С. 579.

⁶²³ ДВС. Т. 4. С. 600, 601, 604.

⁶²⁴ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. М., 2000. С. 194, 195.

⁶²⁵ Там же. С. 210, 211.

⁶²⁶ Там же. С. 408.

⁶²⁷ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001. С. 261, 262.

⁶²⁸ Там же. С. 262.

⁶²⁹ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 3. СПб., 1996. С. 209, 210.

⁶³⁰ Благочестивейшим государям и светлейшим императорам и победоносцам, возлюбленнейшим в Бозе и Господе нашем Иисусе Христе чадам, августейшим Константину и Ирине // ДВС. Т. 4. С. 378.

⁶³¹ Правила Святых Вселенских Соборов с толкованиями. С. 506.

⁶³² *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2003. С. 533.

⁶³³ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 3. С. 185, 187, 201, 202.

⁶³⁴ ДВС. Т. 4. С. 335.

⁶³⁵ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 236.

⁶³⁶ *Скабаланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI веке от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. В 2 т. Т. 2. СПб., 2004. С. 80.

⁶³⁷ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 3. СПб., 1996. С. 295—296.

⁶³⁸ *Никодим, епископ Далматинско-Истрийский.* Правила Православной Церкви с толкованиями. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 189, 190.

⁶³⁹ *Асмус Валентин, протоиерей.* Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви. С. 65.

⁶⁴⁰ *Суворов Н.С.* Курс церковного права. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 207, 208.

⁶⁴¹ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878. С. 186, 187.

⁶⁴² *Суворов Н.С.* Предисловие к книге Ф. Маасена «Девять глав о свободной Церкви и свободе совести». С. XV—XVI.

⁶⁴³ ДВС. Т. 4. С. 580.

⁶⁴⁴ *Лебедев А.П.* Константинопольские соборы IX в. С. 166—168.

⁶⁴⁵ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. Книга IV. Глава 2. С. 101.

⁶⁴⁶ *Успенский Ф.И.* Очерки по истории византийской образованности // Успенский Ф.И. Очерки по истории византийской образованности. История крестовых походов. М., 2001. С. 60, 61.

⁶⁴⁷ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2007. С. 270.

⁶⁴⁸ *Святитель Иоанн Златоуст.* О том, что чтение Святого Писания полезно и что оно делает внимательного недоступным для рабства и стеснительных обстоятельств; также о том, что название апостолов есть название многих достоинств, и что апостолы получили силу и власть гораздо большую, чем внешние властители и самые цари; и, наконец, к

новопросвещенным // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание сочинений. В 12 т. Т. III. Книга 1. М., 2006. С. 103, 107.

⁶⁴⁹ *Суворов Н.С.* Учебник церковного права. М., 1913. С. 210—211, 251.

⁶⁵⁰ *Асмус Валентин, протоиерей.* Седьмой Вселенский Собор 787 г. и власть императора в Церкви. С. 61.

⁶⁵¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 5. С. 352.

⁶⁵² *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 56.

⁶⁵³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга III. Глава 5. С. 63.

⁶⁵⁴ Там же. Книга IV. Глава 1. С. 100.

⁶⁵⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 572.

⁶⁵⁶ Там же. Т. 2. С. 578.

⁶⁵⁷ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 65, 67.

⁶⁵⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Главы 4, 5. С. 102.

⁶⁵⁹ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 107, 109.

⁶⁶⁰ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Главы 5 и 6. С. 102, 103.

⁶⁶¹ *Афиногенов Д.Е.* Повесть о прощении императора Феофила и Торжество Православия. С. 61, 62.

⁶⁶² *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 582.

⁶⁶³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 10. С. 106, 107.

⁶⁶⁴ Там же. Книга IV. Глава 11. С. 107, 108.

⁶⁶⁵ Там же. Книга IV. Глава 16. С. 110, 111.

⁶⁶⁶ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁶⁷ *Джилмал Артур*. Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. С. 298, 299.

⁶⁶⁸ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 167.

⁶⁶⁹ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 736, 765.

⁶⁷⁰ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁷¹ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 562.

⁶⁷² *Джилмал Артур*. Сарацины. От древнейших времен до падения Багдада. С. 298.

⁶⁷³ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 737, 738.

⁶⁷⁴ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 168, 169.

⁶⁷⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 586.

⁶⁷⁶ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 125.

⁶⁷⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 587.

⁶⁷⁸ Там же. Т. 2. С. 559.

⁶⁷⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 19. С. 112, 113.

⁶⁸⁰ Там же. Книга IV. Главы 20, 22. С. 114, 116.

⁶⁸¹ *Любарский Я.Н.* Царь-мим (К проблеме образа Византийского императора Михаила II // Византия и Русь. М., 1989. С. 56.

⁶⁸² *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 86—88.

⁶⁸³ *Али-заде Айдын Ариф оглы*. Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 170, 172.

⁶⁸⁴ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁸⁵ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 561.

⁶⁸⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 23. С. 117.

⁶⁸⁷ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁸⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 24. С. 118.

⁶⁸⁹ Там же. Книга IV. Глава 26. С. 122.

⁶⁹⁰ Там же. Книга IV. Главы 33—35. С. 129—131.

⁶⁹¹ *Дилль III.* Византийские портреты. М., 1994. С. 116.

⁶⁹² *Хэлдон Джон.* История византийских войн. С. 353, 354.

⁶⁹³ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁹⁴ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 743, 744.

⁶⁹⁵ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 176.

⁶⁹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 2. С. 590.

⁶⁹⁷ *Васильев А.А.* Византия и арабы Т. 1. Политические отношения Византии и арабов за время Аморийской династии. Глава 3. Император Михаил III.

⁶⁹⁸ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 25. С. 119—121.

⁶⁹⁹ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 129.

⁷⁰⁰ *Каждан А.П., Литаврин Г.Г.* Очерки истории Византии и южных славян. С. 148, 149.

⁷⁰¹ *Иречек К.Ю.* История болгар. С. 187, 188.

⁷⁰² *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 94.

⁷⁰³ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 14. С. 109, 110.

⁷⁰⁴ *Мюллер А.* История ислама. Т. 2. С. 744, 745.

⁷⁰⁵ *Али-заде Айдын Ариф оглы.* Хроники мусульманских государств I—VII веков хиджры. С. 178.

⁷⁰⁶ *Рансимен С.* Восточная схизма. С. 30.

⁷⁰⁷ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-Восточной церкви в IX, X и XI веках. СПб., 2003. С. 83, 84.

⁷⁰⁸ *Асмус Валентин, протоиерей.* Рецензия на книгу Афиногенова Д.Е. Константинопольский патриархат и иконоборческий кризис в Византии (784—847). М., 1997 // Богословский вестник. № 4. 2004. С. 501.

⁷⁰⁹ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Главы 30—32. С. 126—128.

⁷¹⁰ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. СПб., 2001. С. 59.

⁷¹¹ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-Восточной церкви в IX, X и XI веках. С. 88.

⁷¹² *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. СПб., 2001. С. 36, 37.

⁷¹³ *Лебедев А.П.* Очерки внутренней истории Византийско-Восточной церкви в IX, X и XI веках. С. 89—91.

⁷¹⁴ *Эйкен Гейнрих.* История и система средневекового мирозерцания. С. 178.

⁷¹⁵ *Саксон Анналист.* Хроника. С. 78.

⁷¹⁶ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 32.

⁷¹⁷ *Норвич Джон.* История папства. М., 2014. С. 97.

⁷¹⁸ *Саксон Анналист.* Хроника. С. 73—76.

⁷¹⁹ Там же. С. 79, 80.

⁷²⁰ *Гладстон В.* Рим и папа пред судом совести и истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1903. С. 131.

⁷²¹ *Барсов Т.В.* О каноническом элементе в церковном управлении. С. 151, 152.

⁷²² *Шафф Филип.* История христианской Церкви. В 7 т. Т. 4. СПб., 2008. С. 172—174.

⁷²³ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 38, 39.

⁷²⁴ Там же. С. 42.

⁷²⁵ *Бармин А.В.* Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX—XII веков. М., 2006. С. 51, 52.

⁷²⁶ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 71, 72.

⁷²⁷ Там же. С. 77, 78.

⁷²⁸ Там же. С. 70.

⁷²⁹ *Лебедев А.П.* История разделения Церквей в IX, X и XI веках. С. 25.

⁷³⁰ Там же. С. 55, 56.

⁷³¹ Там же. С. 60, 61.

⁷³² *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 279.

⁷³³ *Герцберг Г.Ф.* История Византии. С. 134.

⁷³⁴ *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 96, 97.

⁷³⁵ Там же. С. 102, 103.

⁷³⁶ *Бармин А.В.* Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX—XII веков. С. 53, 54.

⁷³⁷ Там же. С. 55, 56.

⁷³⁸ *Эйкен Гейнрих.* История и система средневекового мирозерцания. С. 177.

⁷³⁹ *Норвич Джон.* История Византии. С. 216.

⁷⁴⁰ *Лебедев А.П.* История Константинопольских соборов IX века. С. 157.

⁷⁴¹ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 859, 860.

⁷⁴² *Бармин А.В.* Полемика и схизма. История греко-латинских споров IX—XII веков. С. 57, 59, 76, 78.

⁷⁴³ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 118, 119.

⁷⁴⁴ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 41. С. 135, 136.

⁷⁴⁵ *Дилль Ш.* Византийские портреты. С. 121.

ПРИМЕЧАНИЯ

⁷⁴⁶ Продолжатель Феофана. Жизнеописание византийских царей. Книга IV. Глава 41. С. 137.

⁷⁴⁷ Там же. Книга IV. Глава 44. С. 137, 138.

⁷⁴⁸ Дилль III. Византийские портреты. С. 125.

⁷⁴⁹ Оболенский Д.Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. С. 79, 80.

⁷⁵⁰ Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 2. С. 594.

Содержание

ИСАВРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXI. Император Лев III Исавр (717—741)	4
Глава 1. Великий полководец.	
События в Италии	4
Глава 2. Мудрый законодатель.....	22
Глава 3. Иконоборчество.	
Папа против императора	28
XXXII. Император Константин V (741—775).....	45
Глава 1. Царь и узурпатор.....	45
Глава 2. Победоносный император.	
Войны с арабами и болгарами.....	52
Глава 3. Положение дел в Италии.	
«Папская революция».....	63
Глава 4. Иконоборческий кризис. «Вселенский» Собор 754 г.	79
XXXIII. Император Лев IV Хазар (775—780)	93
Глава 1. Иконоборцы против почитателей икон	93
XXXIV. Император Константин VI (780—797)	
и императрица святая Ирина (797—802).....	101
Глава 1. Мать и сын. Борьба в государстве и Церкви.....	101
Глава 2. Седьмой Вселенский Собор 787 года.....	111
Глава 3. Карл Великий — император Западной Римской	
империи.....	120
Глава 4. Самостоятельное правление святой Ирины. Конец	
Исаврийской династии.....	144
Приложение №7: Вселенские Соборы.....	157

ДИНАСТИЯ НИКИФОРА ГЕНИКА

XXXV. Императоры Никифор I Геник (802—811)	
и Ставракий (811).....	182
Глава 1. Несчастливый реформатор. Отношения с Западом	182
Глава 2. Заговоры, неудачные войны и смерть императоров	192
XXXVI. Император Михаил I Рангаве (811—813).....	206
Благочестивый царь. Ошибки, поражения и неудачная	
попытка восстановления иконопочитания	206

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

XXXVII. Император Лев V	
Армянин (813—820)	220
Глава 1. «Рачитель общего блага»	220
Глава 2. Второй этап иконоборчества.	
Смерть Льва V Армянина	229
Приложение №8	
Империя Карла Великого. «Дар Константина».....	239

АМОРИЙСКАЯ ДИНАСТИЯ

XXXVIII. Император Михаил II Травл (820—829)	270
Глава 1. «Шепелявый» царь.	
Восстание Фомы Славянина	270
Глава 2. Война с арабами.	
Потеря Крита и Сицилии	281
XXXIX. Император Феофил	
(829—842)	290
Глава 1. Справедливый государь.....	290
Глава 2. Война с арабами.....	296
Глава 3. Агония иконоборчества.	
Раскаяние императора.....	315
Приложение №9	
Император, «симфония властей»	
и иконоборчество. Греческий национализм	323
XL. Император Михаил III (842—867)	
и императрица святая Феодора (842—856)	351
Глава 1. Императрица святая Феодора	
и «Торжество Православия»	351
Глава 2. Начало самостоятельного правления	
Михаила III. Опала императрицы.....	361
Глава 3. «Пьяный царь». Война с арабами.....	370
Глава 4. Патриархи святой Игнатий, святой Фотий	
и Римский папа Николай I.	
«Двукратный» Собор 861 года	380
Глава 5. Три императора.	
Смерть кесаря Варды и Михаила III	400

Научно-популярное издание

Величко Алексей Михайлович,
доктор юридических наук

**ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
От Льва III Исавра до Михаила III**

Редактор *А.А. Скороход*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *А.Ю. Киселев*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.12.2014. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 38,5

Тираж 500 экз. Заказ .